ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2019 № 4(14)

ЛФ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2019. No. 4 (14)

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2019. № 4 (14)

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – № 4 (14). – 432 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Виктория Юрьевна Попова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)
Ольга Владимировна Федунина (ответственный секретарь)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2019. – No. 4 (14). – 432 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Victoria Popova, Mikhail Stroganov (Editors)
Olga Fedunina (Managing Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.Р. Обатнина. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова:
“La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 8

А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Глава из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924. *Комментарии Е.Р. Обатниной. Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной* 45

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

М.М. Павлова. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус
(По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья I 109

О.Ф. Кузнецова. «Я оказался в этом сером и неинтересном городе…»:
Из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946 145

А.С. Крюков, Н.А. Тархова. «В Москве не с кем говорить о Лермонтове»:
Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума 180

ИДЕОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.И. Рейтблат. Н.А. Полевой и III отделение 228

С.М. Волошина. Власть и пресса:
К вопросу об участии иностранных корреспондентов газеты «Голос»
в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. 252

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

С.И. Николаев. «Стихов российских механизм»
в контексте исторической поэтики 269

А.В. Романова. «Работы было немного…»:
И.А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли 282

А.Ю. Балакин. И.А. Гончаров — участник переговоров с японцами
(По материалам РГА ВМФ) 293

М.В. Строганов. Новые материалы о жизни и творчестве С.Д. Дрожжина.
Проблемы изучения народного поэта 314

Е.Г. Милюгина. Литературная саморефлексия С.Д. Дрожжина:
По материалам коллекции Научной библиотеки
Тверского государственного университета 333

А.Г. Мец. Братья Мандельштамы в Коктебеле (1916) 347

О.А. Блинова. Зинаида Гиппиус за чтением книг
из домашней парижской библиотеки 353

А.А. Данилевский. «Чужие» и «враги» в творчестве Льва Самойлова
эстонского периода (1945–1952) 380

Н.А. Богомолов. Константин Большаков на военной службе:
Еще раз о проблеме 412

ФОРУМ

Н.В. Серебренников. Начало и конец русской религиозной философии 421

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

Elena Obatnina. Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or living "miraculously". Paris, 1924–1925 8

Alexey Remizov. "At the Evening Dawn". A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924, comment. E. Obatnina, ed. E. Obatnina and A. Uryupina 45

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Margarita Pavlova. Materials for the creative biography of Tatyana Gippius (Based on the artist's "diaries" for 1906–1908). Part I 109

Olga Kuznetsova. "I ended up in this gray and uninteresting city…": From Valery Pereleshin's Shanghai letters to his mother, 1943–1946 145

Alexander Kryukov, Nadezhda Tarkhova. "In Moscow there's nobody to talk about Lermontov with": Correspondence of Emma Gershtein and Boris Eikhenbaum 180

LITERARY IDEOLOGY

Abram Reitblat. Nikolay Polevoy and the Third Section 228

Svetlana Voloshina. State power and the press: On the participation of foreign correspondents of the newspaper "Golos" ("The Voice") in the Russo-Turkish War of 1877–1878 252

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Sergey Nikolaev. "Russian poetry mechanism" in the context of historical poetics 269

Alexandra Romanova. "There was little work to do…": Ivan Goncharov as a translator at the Foreign Trade Department 282

Alexey Balakin. Ivan Goncharov as a participant of negotiations with the Japanese (based on materials from the Russian State Archive of the Navy) 293

Mikhail Stroganov. New materials on life and work of Spiridon Drozhzhin. Issues of studying a folk poet 314

Elena Milyugina. Spiridon Drozhzhin' literary self-reflection: Based on Tver State University Scientific Library collections 333

Alexander Mets. The Mandelstam brothers in Koktebel (1916) 347

Olga Blinova. Zinaida Gippius reading works from her Paris library 353

Alexander Danilevsky. "Aliens" and "enemies" in Lev Samoilov's works of the Estonian period (1945–1952) 380

Nikolay Bogomolov. Konstantin Bolshakov in military service: Revisiting the issue 412

FORUM

Nikolay Serebrennikov. The beginning and the end of Russian religious philosophy 421

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44
УДК 821.161.1

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925*

© 2019, Е.Р. Обатнина

Аннотация: Статья посвящена установлению новых фактов и уточнению уже имеющихся сведений о парижском периоде жизни А.М. Ремизова. По архивным материалам восстанавливаются детали личной биографии писателя (в том числе адреса, по которым он проживал в Париже), литературные связи (по составленным самим писателем гостевому и поминальному спискам), репутация в эмигрантских кругах (в том числе непростые отношения с Мережковскими и И.А. Буниным, поддержка со стороны Н.К. Рериха и Л. Шестова, творческое общение с С. Шаршуном, С. Ромовым). В научный оборот вводятся неопубликованные архивные источники: переписка, дневниковые записи, иные эго-документы, используются материалы из эмигрантской печати. Подробно рассматривается особая позиция Ремизова в связи со скандальной публикацией в газете «Последние новости» «этюда» С.Р. Минцлова «Тайна» (1925), в чем также выразилась его отчужденность от эмигрантского сообщества, настроения которого во многом определяла З.Н. Гиппиус. Особое внимание уделяется роли Д.П. Святополка-Мирского в парижской жизни и творческих проектах Ремизова, благодаря которому, по мнению автора статьи, в жизни Ремизовых актуализировалась тема русской национальной самоидентификации.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, Париж, А.М. Ремизов, С.П. Ремизова-Довгелло, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.К. Рерих, Л. Шестов, С. Шаршун.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Цитирование: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44

* Статья выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

В ночь с шестого на седьмое ноября 1924 г. Ремизовы прибыли из Берлина в Париж. Перевернулась еще одна страница их скитальческой одиссеи. Снова нужно было искать квартиру, налаживать круг общения и профессиональные контакты. Жизнь русской диаспоры во французской столице уже обрела устойчивые взаимосвязи, и второй, «берлинской», волне эмиграции здесь не были рады. В условиях жесткой конкуренции в русскоязычных органах печати утвердился не столько эстетический, сколько политический ценз, ставший основным инструментом формирования авторских коллективов ведущих изданий. Ремизов большинством русских парижан воспринимался как писатель просоветских настроений, тем более что он упорно не признавал разделения на эмигрантское «мы» и советское «они».

Архив писателя сохраняет множество документов, свидетельствующих об уникальной целостности ремизовского восприятия истории, включая события, пронизывающие его личную биографию. Летом 1943 г., похоронив жену, С.П. Ремизову-Довгелло, писатель, обращаясь к минувшим годам, вспомнил — от первого до последнего — адреса пристанищ, имена друзей, бывавших у них дома, а потом составил своего рода «синодик» ближних и дальних, с кем сводила когда-либо судьба и кого провожали в последний путь. Если «гостевой список» ограничивался парижским локусом, то «поминальный» отразил единый хронотоп ремизовского внутреннего мира, в котором реальное местоположение тех, кого писатель считал своими «спутниками», не имело никакого значения: закончившие свой земной путь в России сошлись в его «поминальнике» в один круг с эмигрантами.

> Два года прожили мы в Берлине <…>. С 7-го ноября в Париже.
>
> Я обошел все улицы, где мы жили 20 лет, постоял у знакомых домов, заглянул в смотренные окна — всё памятно и ясно, и сколько имен, сколько лиц и «историй» промелькнуло, и зачем-то всё надо было — день за днем — чтобы довести до последнего.
>
> 10 Rue Troyon, XVII Hôtel Troyon[1] («Дом свиданий», куда попали с вокзала по человеческой глупости); 22 Rue de la Faisanderie[2] (Путаница и неразбериха); 15 Rue Delambre, XVI, Hôtel des Ecoles[3]

[1] 6–7 ноября 1923. Здесь и далее назовем временные отрезки, связанные с местожительством Ремизовых в Париже, полагаясь на составленный писателем список, в частности опубликованный Антонеллой д'Амелия в статье «Книга без конца: "Россия в письменах"» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 135).

[2] 7–16 ноября 1923.

[3] 16–17 ноября 1923. Краткосрочное пребывание в Hôtel des Ecoles, очевидно, было связано с неприятным инцидентом, отзвук которого находим в записке

(*Познеры, Рёрих, Г. Гребенщиков*[4], комната № 13 — слезы и бегство); 48 Rue de Passy, XVI, Villa du vieux jardin[5] (*М.О. Осоргин*); 59 Rue Chardon-Lagache, XVI, Mme Beon[6] (*др. В.Д. Аитов, кн. Д.П. Святополк-Мирский, С.Ю. Кулаковский, К.В. Мочульский, А.С. Гингер, С.И. Шаршун, Оля и Наташа Черновы*; смерть — Л.С. Бакста, Г.В. Вильямса, С. Есенина, В.Я. Брюсова); *теперь живут турки*; 5 Villa Flore, 120 bis Av. Mozart, XVI, Mme Garbon[7] (*П.П. Сувчинский, Е.Ю. и А. Аронсберги, С.Ю. Штерн, кн. А.В. Оболенский, Вадим Андреев, Б.Б. Сосинский, Д.Г. Резников, Рахманиновы,* смерть — Л.М. Добронравова, М.А. Кузмина, Ф.К. Сологуба, П.П. Потемкина, В.Н. Ладыженского); 11 Bd. Port-Royal, XIII (Первая немеблированная квартира, *Е.Г. Унбегаун, Г.И. Газданов,* смерть — Вл.Вас. Диксона, З.И. Гржебина, Б.М. Кустодиева, «Индустриальная подкова», слезы и бегство)[8]; 3 bis Av. J.B. Clément, Boulogne s<ur> Seine[9] (*Кс.* <1 сл. нрзб.> *Вишневская, П.М. Костанов, Г.В. Чижов, В.А. Мамченко, Б.И. Очередин, В. Яновский, Ю. Мандельштам, П.К. Паскаль, В.В. Вейдле*, смерть — И.А. Болдырева-Шкотта, Вл. Чирикова, П.Е. Щеголева, Андрея Белого; нам отказали от квартиры, слёзы и бегство); и с 1933 г. 7 Rue Boileau, XVI[10] (*сестры Крестин, Квили, Л.А. и Я.Б. Полонские, С. и Л. Лифари, Нат. Вл. Кодрянская, И.П. Кобеко*, смерть — Г.Ив. Чулкова, И.В. Северянина, Евг.В. Аничкова, Е.И. Замятина, Вл.Ф. Ходасевича, В.В. Руднева, Г.И. Питоева, Н.Д. Авксентьева, Л.И. Шестова, Б.Ю. Поплавского, А.А. Архангельского, [К.С. Станиславский <sic!>, Вс.Э. Мейерхольд <sic!>, А.К. Глазунова, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, К. Коровина, Нилуса, Амфитеатрова, В.И. Немировича-Данченко, К. Бальмонта][11], С.Г. Сумского, М.А. Осоргина, Н. Клюева, М.И. Цветаевой, [*Б. Пастернака*][12], Б.Д. Григорьева, [А. Яковлева], С.В. Чехонина, К.А. Сомова, С. Ольденбурга, И. Лукаша, Б. Лазаревского, Д.В. Философова, П.Н. Милюкова, И. Кнорринг, Н.К. Кульмана, Г.А. Лозинского, В. Бурлюка,

---

Г. Гребенщикова от 16 ноября, полученной Ремизовым лишь 18-го: «Дорогой Алексей Михайлович, очень я огорчен обманом гостиницы. <…> но думаю, что снять № гостиницы — дело очень простое <…>» (Amherst. B. 3. F. 2. P. 16).

[4] Здесь и далее курсивом выделены фрагменты, вычеркнутые Ремизовым в процессе работы над следующей редакцией.

[5] 17–27 ноября 1923.

[6] 27 ноября 1923 — 1 марта 1924.

[7] 1 марта — 1 ноября 1928.

[8] 1 ноября 1928 — 1930.

[9] 1930–1933.

[10] 1 октября 1933 — 1943 (на момент создания рукописи). В этой же квартире на рю Буало Ремизов закончил свои дни 26 ноября 1957 г.

[11] Квадратными скобками здесь и далее отмечены вставки в первоначальный текст.

[12] Вставка вычеркнута, по-видимому, из-за ошибочного причисления Пастернака к умершим в 1943 г.

Вал. Булгакова, Д.С. Мережковского, Е.В. Ляцкого, С.Г. Сватикова и бабушки Добужинского <?>)[13].

***

В течение первых двадцати дней своей «французской» биографии Ремизовы сменили четыре отеля. И вот, накануне переезда в апартаменты, найденные в 16 квартале, Серафима Павловна записала первые впечатления о Париже, потерявшем для нее привлекательность города, где они с мужем когда-то были счастливы, путешествуя по Европе в 1911 и 1912 гг.

Забавно, что не обошлось без встреч с тенями из прошлого. После первой неудачной гостиницы на помощь пришла Вера Васильевна Мальфитано, знавшая супругов Ремизовых с 1906 г. Когда весной 1907-го Серафима Павловна рвалась из гнетущего ее Петербурга в Париж, именно эта «очень милая дама, — как писала тогда З. Гиппиус, — горячо к вам обоим <т.е. к супругам Ремизовым. — *Е.О.*> относящаяся», «приняла участие» в поисках недорогого жилья[14]. Спустя 17 лет мадам Мальфитано удалось исполнить давние намерения, только обстоятельства жизни русских гостей стали тяжелей прежних. На место высоких порывов Серафимы Павловны, мечтавшей в молодости о духовном подвиге и общественном служении, заступило чувство разочарования даже в близких людях, отчаянье и тревога:

26 ноября <1924 г.>

Завтра, наконец, переезжаем на квартиру. Измучены мы оба ужасно. 5 ноября уехали из Берлина, 7-го приехали в Париж, жили первую неделю у В.В. Мальфитано, — она такая баба болтливая, не давала ни минуты покоя. <…> Господи, помоги нам устроиться на квартире по-своему, дай нам денег, соверши чудо, как уже много раз Ты совершал. Вся наша жизнь чудо, живем, как птицы небесные, а живем. Много тяжелого здесь уже было, и какие злые люди, я таких не видела еще. Я разлюбила Зинаиду Ник<олаевну> Гиппиус, а любила ее долго и верно, за ее полное равнодушие и даже не равнодушие, а какую-то боязнь, соперничество, какой-то страх, что вот А.М. больше, может быть, их понравится, что они меньше денег получат.

[13] ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 45–48.

[14] *Вера Васильевна Мальфитано* (урожд. Говорова; 1876–1967) — художница, бывшая замужем за итальянцем Джованни Мальфитано (Giovanni Malfitano; 1872–1941), химиком по специальности, сотрудником института Пастера в Париже, поклонником русской культуры, принадлежавшим к научному сообществу «французских славянофилов».

> Тут не то что помогут, а ножку подставят, кусок хлеба вырвут. Гадкие люди. Я уж не говорю про Мережковского, его я никогда не любила, только терпела из-за А.М., а теперь совсем не люблю. Озлобленные люди и России они не знают…[15]

Ожесточенные строки из дневника жены писателя отразили основные проблемы, с которыми пришлось справляться Ремизовым. Прежде всего, это холодный прием старых друзей, занявших в литературных кругах Парижа авторитетные позиции. Гиппиус, продолжавшая собирать политические и даже вооруженные силы для свержения власти большевиков в России, не могла простить Ремизову его лояльности к советским писателям. При таком отношении его личная литературная деятельность была в значительной степени регламентирована и даже отчуждена от ведущих органов периодической печати. Как сам новообращенный парижский поселенец оценивал сложившуюся жизненную ситуацию, становится понятно из пересказа Д.П. Святополка-Мирского, передавшего его настроения в личном письме общему знакомому:

> Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы: Бунин и Мережковский, считают его за большевистского агента и никуда не пускают. А теперь вид того, что они просто хотят его оттеснить от здешних издателей[16].

Очевидно, что положение Ремизова стало еще уязвимее после знаменитого собрания литераторов в парижском Salle de Géographic 16 февраля 1924 г., на котором с программной речью «Миссия русской эмиграции» обратился к соотечественникам И.А. Бунин. Программа вечера сохранилась в ремизовском альбоме эпистолярных документов за 1924 г. Знаменитое выступление, вызвавшее противоречивые реакции даже в эмигрантском сообществе[17], наверняка произвело тяжелое впечатление и на Ремизова, но не по существу отношения к большевизму, а по пафосу категорического принципа: кто не с нами, тот против нас.

---

[15] ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1072. Л. 3 об.

[16] Цит. по: *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 25; письмо от 8 января.

[17] См.: *Бакунцев А.В.* Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2013. М., 2014. С. 268–337.

> Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите, — обращался докладчик к многолюдному собранию, — из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть, однако, их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком[18].

Слушая Бунина, Ремизов, возможно, думал и об отрешенном от политики, вернувшемся недавно в Россию Андрее Белом, и о случайных эмигрантах вроде Марка-Людовика Талова, В. Парнаха, И. Соколова-Микитова, и о тех многих, не покидавших Россию, кто, например, как М. Пришвин, пытался выжить в это время, оставаясь на положении «внутреннего» эмигранта — «попутчика». Вполне ясно ему представлялось, в какой разряд могли записать «непримиримые» и его самого.

Внутреннее противостояние Ремизова коллективному диктату этой части эмиграции продолжилось и в 1925 г., особенно в связи с резонансным церковно-литературным скандалом. В феврале на страницах газеты «Последние новости» появился «этюд» С.Р. Минцлова «Тайна»[19], написанный по мотивам известного апокрифического сказания об Иуде, содержащего оправдательную версию предательства этой ключевой фигуры евангельской истории. Церковный Совет главного православного прихода Свято-Александро-Невского кафедрального собора на рю Дарю счел действия редакции газеты бесчинными и нашел виноватого — члена приходского Совета, помощника редактора «Последних новостей» И.П. Демидова, который был показательно исключен из Совета по политическому мотиву — как «левый». Единственным несогласным в этом единодушном голосовании был доктор И.И. Манухин, который выступил в защиту Демидова и вскоре из протеста покинул Приходской совет.

---

[18] *Бунин Ив*. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля) // Руль. 1924. № 1013, 3 апр. С. 5–6. Цит по: *Бунин И.А*. Миссия русской эмиграции. URL: http://bunin.niv.ru/bunin/ bio/missiya-emigracii.htm.

[19] Последние новости. 1925. № 1470, 8 февр. С. 2–3. См. также статью А. Яблоновского «Волнение умов», посвященную рассказу, а также общественному резонансу вокруг его публикации (Сегодня. 1925. № 51, 4 марта. С. 2).

Затем в «Последних новостях» появилось «открытое письмо» под названием «Вокруг “тайны” С.Р. Минцлова». Подписавшие обращение к Приходскому совету русской церкви (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, И.И. Манухин и Д.С. Мережковский) призывали «судить» факт публикации рассказа «исключительно с религиозной точки зрения, вне всяких политических категорий, так как обвинение в соблазне верующих есть тягчайшее осуждение для христианина». Между тем письмо представляло собой демонстрацию коллективного мнения эмигрантского сообщества. В обращении, в частности, говорилось: «Религиозно смущенные и встревоженные постановлением Церковно-Приходского Совета относительно И.П. Демидова, и видя в этом постановлении соблазн для верующих, мы призываем Приходской Совет, — вне политических страстей, искажающих христианскую совесть, вновь обсудить этот вопрос, исправить свою ошибку и покинуть тот роковой путь, на который он встал. Мы надеемся, что голос наш не будет одиноким, и что другие представители русской литературы, науки, философии, общественности — русской совести в изгнании — станут в этой принципиальной борьбе открыто и безбоязненно на ту или иную сторону, ибо молчание в данном случае есть признак религиозной и общественной безответственности»[20].

Гиппиус, принявшая в составлении письма самое активное участие[21], через своих приближенных попыталась привлечь и Ремизова. Полагаясь на полное единодушие в оценках скандала с Серафимой Павловной, писатель в двух письмах к жене изложил ход событий, коснувшихся его лично. Впервые об истории с изгнанием Демидова он узнал на литературном вечере, устроенном меценатом и просветителем аббатом К.А. Кенэ. Редактируя свое письмо Серафиме Павловне от 21 февраля 1925 г. для рукописи «На вечерней заре», Ремизов несколько в гоголевском духе добавил экспрессии и в подробностях восстановил ситуацию, схематично изложенную в оригинале:

[20] Последние новости. 1925. № 1485, 26 февр. С. 1.

[21] Гиппиус откликнулась на инцидент с исключением Демидова статьей «Аспиранты. Вокруг “Тайны” С.Р. Минцлова» (Последние новости. 1925. № 1482, 22 февр. С. 2) и впоследствии признавалась, что ее статья стоила ей охлаждения отношений с И.А. Буниным (см.: Из переписки Зинаиды Николаевны Гиппиус и Павла Николаевича Милюкова 1922–1930 годов / Подгот. текстов Х. Барана и Н.В. Королевой; вступл. и коммент. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования / Ред.-сост. Н.В. Королева. М., 2002. С. 193). В свою очередь Бунин, объединившись с И. Шмелевым, опубликовал самостоятельное обращение, в котором, подчеркнуто не входя в критику литературного творчества Минцлова, выразил пожелание восстановить Демидова в Совете (Последние новости. 1925. № 1485, 26 февр. С. 1).

На вечере у аббата был от Мережковских этот «Кувшинное рыло» (Вл.Ан. Злобин). Рассказывал, как из «церковного прихода» (Rue Daru) выгнали И.П. Демидова (Негус и Угрь) «Послед<ние> Новости», за то что С.Р. Минцлова пропустил, напечатал его «изложение» легенды о Иуде. Написан «протест» и подписываются. И не желаю ли я дать мою подпись? Во вторник в 5 ч. он принесет этот протест для ознакомления!

Без тебя, да и вообще подписываться я не стану. Ты это хорошо понимаешь. Им надо моя подпись, а не я. А Минцлов — эмигрантский раздул (от «раздувать»). При нормальных условиях в России печатали бы его в «приложениях», но значения никакого. И рассказ его для «протеста» пылевой, ни одного слова по-настоящему: дунь — и ничего не останется.

И еще: не хочу я в их эмигрантские дела путаться.

Только послушай: «нельзя политику примешивать в искусство и религию». А этих «художников» выгнали, вот тебе чисто, без примеси[22].

Рассказ Ремизова с очевидностью демонстрирует, что он лично и его жена относились к общественной жизни эмиграции принципиально отчужденно. Такая индифферентность вызывала раздражение и усугубляла подозрительность воинствующего большинства.

***

Было бы преувеличением утверждать, что Ремизов сразу по приезде в Париж оказался в кольце тотального недоброжелательства. Дружескую поддержку оказал Н.К. Рерих, который перед отъездом в Америку успел обсудить с писателем его авторское участие в учрежденном тогда же на паях с Г.Д. Гребенщиковым издательстве «Алатас». Уже весной 1924 г. была запущена в производство первая составленная в Париже книга Ремизова «Звенигород Окликанный». В сущности, основной корпус произведений, вошедших в это издание, был представлен новой редакцией авторских переложений народных легенд и сказок о Николае Чудотворце, ранее включенных в сборники «Николины притчи» (Пг., 1917) и «Никола Милостивый» (Пг.; М., 1918). По предложению Рериха издание 1924 г. было пополнено циклом лирических зарисовок к его картинам 1901–1914 гг. «Жерлица дружинная»[23]. Отчасти

[22] Текст рукописи, а также оригиналы писем за 1925 г. планируются к печати в предстоящих номерах «Литературного факта».

[23] В издании «Алатаса» рубрика имела подзаголовок «К картинам Рериха» с указанием времени создания текстов: 1914–1915. Ср. также записи Рериха 1937 г.:

благодаря этой контаминации название сборника также оказалось «соавторским». Подмосковный Звенигород не имел ровно никакого отношения к бытованию фольклорных сказок о Николе, собранных Ремизовым. Именно это обстоятельство заставляет нас предположить, что и заголовок выбрал Рерих, который с этим названием связывал возникшую в конце 1923 г. утопическую идею о сибирском государстве Звенигород. Эпитет же «окликанный» был перенесен на титул из ремизовского этюда, посвященного картине «Дела человеческие» (1914). По смыслу этот текст, написанный в год начала Первой Мировой войны, отвечал и настроениям Ремизова в 1924 г., связанным с надеждами на возрождение культуры России, и также согласовывался с рериховской идеей образования на Алтае культурно-промышленного государства, автономного от большевистской России. В заключительной строфе ремизовского стиха звучало обращение к строителям будущего:

Пока бьется сердце и горит в вас желание –
жив дух в душе
не престанет жизнь:
новый город вы построите
и будет он краше и поваднее всех городов
новый город
окликанный!

Ремизов А. Звенигород Окликанный: Николины Притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924. Фрагмент авантитула с дарственной надписью С.П. Ремизовой-Довгелло. 27 сентября 1924 г. РО ИРЛИ

«Особые отношения были с А.М. Ремизовым. С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его “Жерлицу Дружинную”. Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны. Он не только мастер слога, но и ведун души» (*Рерих Н.К.* Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. Н.Г. Михайловой. М., 1996. Т. 2. С. 676).

Сборник был еще на ранних стадиях подготовки к печати, а Рерих тем временем отправил Ремизову только что вышедшую книгу, составленную из пророчеств махатмы Мориа, — «Листы сада Мории. Зов»[24]. С первой же строки духовной проповеди «учителя мудрости» была заявлена тема России как духовного пространства: «В Новую Россию Моя первая весть» (с. 1). Несомненно, упования Рериха на буддистко-коммунистическое государство не прошли незамеченными в Париже и в сборнике Ремизова были прочитаны как инородное «присутствие». На модернистские стилизации к картинам художника, резко диссонирующие с народным сказом о Николе, отреагировала З.Н. Гиппиус, которая в post scriptum'е к своей в целом благосклонной рецензии на это издание писала:

> Следует пожалеть, что «Николины притчи», как книга, испорчены приложенной к ней «Жерлицей Дружинной» («к картинам Рериха»). Не вдаваясь в критику «Жерлицы», скажу лишь, что, пристегнутая к «Николе», она есть верх безвкусия. Тут, впрочем, согласны все, не исключая и самого автора, к чести которого надо заметить, что неудачное соединение совершилось по «независящим от него обстоятельствам»[25].

Упомянутая ссылка на авторское мнение о вмешательстве Рериха, вполне вероятно, исходила (в передаче Серафимы Павловны) от самого Ремизова, который занял по отношению к своему «благодетелю» двойственную позицию, часто отзываясь о нем нелицеприятно в переписке с женой, но сохраняя внешнюю дружественность в эпистолярных контактах. Подспудно эта двойная игра была исполнена глубокого практицизма. О последнем мотиве можно судить по характеру бессознательного творчества Серафимы Павловны, сон которой,

---

[24] В письме от 28 ноября 1923 г. Г. Гребенщиков передавал пожелание Рериха написать ему мнение по поводу книги «Листы сада Мории» (Amherst. B. 3. F. 2. P. 38).

[25] *Крайний А. [Гиппиус З.Н.]* А. Ремизов. Николины притчи. [Рец.] // Современные записки. 1924. Кн. 22, дек. С. 449. В письме к Серафиме Павловне рецензентка была более благодушна, выразив восхищение книжной новинкой: «Алексея Михайловича целуйте за книжку, — писала она 8 сентября 1924 г., — с большой радостью читала про Николу, даже перечитывала. А конец книги мне не нравится, т<о> е<сть> как-то не сюда идет, я люблю только Николу» (*Lampl H.* Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 176). О проблемах, возникших с оформлением «Звенигорода окликанного», см. также в комментариях к инскрипту Ремизова на личном экземпляре книги: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб., 2016. [С. 434].

сохраняя все несообразности сновидения и трудности вербализации, был записан Ремизовым 2 февраля 1925 г.:

Рёрих

Нарисована картина над воротами:

Изображен учитель, у него синие живые глаза на картине и стоят дальше ряд<ы> учеников в парчовых разноцветных ризах.

Это нарисовал Рёрих.

Смотрю на картину. В это время появился стог сена, немного затмевающий, т.к. он очень высокий, и вдруг стал падать с неба каменный дождь и Рёрих пошел.

А. А.М. говорит мне:

«Мне Рёрих дал 500 francов <sic!>»[26].

Судя по всему, Ремизовы успели в письмах Рериху и его жене Елене Ивановне пожаловаться на свое одиночество в Париже. Летом 1924 г. Рерих был уже на полпути в Индию. Он постепенно отстранялся от житейски-будничных проблем эмигрантов, и в ответе друзьям философ-художник уже в образе «человека мира», обращаясь к символу духовного восхождения — лестнице Иакова, взывал к твердости духа:

Родные наши С.П. и А.М., именно родною вестью дошло Ваше письмо. Зачем чувствовать себя одиноко, когда целый ряд сердец открыт Вам и у Вас в руках *Книга* и *Плат* — истинные источники радостей чувственных и материальных. Ибо «человеческими руками и ногами» укрепляется лестница небесная[27].

***

«Проповедническая» стилистика писем Рериха воспринималась Ремизовым почти враждебно, хотя трудно было не согласиться с «учителем», что «ряд сердец», действительно, оказался открыт для него и его супруги. Их контакты с русскими парижанами ограничивались узким кругом, но в этой компании, несмотря на превалирующий в среде литературной эмиграции радикализм в отношении «Совдепии», сохранялся иммунитет к политизированным междо-

[26] ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1033. Л. 5. Ремизовская редакция сна (с рассказом от первого лица) увидела свет на страницах рижской газеты «Слово» (1925. № 1, 11 нояб. С. 3).

[27] Amherst. B. 2 F. 5. P. 226; письмо от 20 июня 1924 г. О значении символа «плат» см. в наших комментариях: «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924–1925 (с. 70 наст. изд.).

усобицам, поддерживался интерес к советской литературе и легко принималась литературная молодежь. Так, к общению с Ремизовыми потянулся молодой сподвижник Рериха, сотрудник издательства «Алатас» Б.Г. Шклявер, который привел к ним и своего младшего товарища — 24-летнего поэта В.В. Диксона. История отношений, оборванных внезапной кончиной молодого друга в 1929 г., оставит в их памяти глубокий след и чувство опрокинутых надежд. Ремизов видел в Диксоне талантливого литературного ученика, а Серафима Павловна — родную душу, призванную для духовного подвига и сбившуюся, как и она в свое время, с предназначенного пути[28].

Творческая личность Ремизова притягивала к себе искателей новых художественных форм из молодого поколения художников и поэтов, свободно ассимилировавшихся в различных французских группировках. Сергей Шаршун, сблизившийся с Ремизовым еще в Берлине, едва дождался, пока супруги мало-мальски обустроятся на новом месте, и развернул вокруг писателя бурную деятельность, всячески стараясь организовать его контакты с парижским цехом авангардистов. Так в окружении писателя появились организаторы группы «Через» — художник Сергей Ромов и поэт Александр Гингер[29]. Оба монпарнасца, практически не знавшие «чувства родины», закаленного «испытанием в грозе и буре» революции 1917 г., были захвачены идеей национальной самоидентификации. Третьего основателя группы «Через» — Илью Зданевича — Ремизов хорошо знал в 1910-х гг. и по старой памяти с симпатией воспринимал «заумь» футуриста[30]. Само название группы, использующее пространственно-временной предлог, подразумевало конкретное преодоление

[28] О семейном мифе, интерпретирующем судьбу Серафимы Павловны, см.: *Обатнина Е.* Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. № 6. S. 16–25. Дневниковые записи Серафимы Павловны, составленные после смерти Диксона, отражают сложный клубок чувств, в которых любовные переживания сплелись с нерастраченной материнской заботой (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1073).

[29] О предыстории создания группы «Через», возникшей из объединения «Палата поэтов», см.: Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 286; *Устинов А.* Александр Гингер в начале 1920-х годов: от «Гатарапака» к группе «Через» // Toronto Slavic Quarterly. № 40. Spring 2012 (http://sites.utoronto.ca/tsq/45/index.shtml).

[30] Сохранилось письмо Зданевича Ремизову от 26 февраля 1924 г., в котором он приветствует писателя по выходе из госпиталя, благодарит за письмо и выражает надежду на скорую встречу (Amherst. B. 3. F. 7. P. 4). О связях Ремизова с футуристами см.: См.: *Гурьянова Н.* Ремизов и «будетляне» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 145; *Гурьянова Н.* Альбомы Крученых // Панорама искусств. Вып. 13. 1991. С. 373–381*; Обатнина Е.* «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella

внешних политических и межкультурных ограничений, препятствующих объединению русских авангардистов, разделенных государственными границами, с французскими единомышленниками, а в целом — интеграцию русских поэтов и художников в общий западно-европейский контекст современной культуры. Среди участников группы, кроме давно знакомых с Ремизовым И. Пуни и С. Шаршуна, были и еще не известные ему имена художников (Н. Габо, В. Барт, Л. Воловик, С. Грановский, Л. Гудиашвили, О. Цадкин) и поэтов (Б. Божнев, Г. Евангулов, В. Парнах, Б. Поплавский, В. Свечников, Г. Струве, А. Юлиус). К работе группы привлекались такие мэтры дадаизма, как П. Элюар, Т. Тцара, художники Робер и Соня Делоне. Ромов в литературной среде русско-французских новаторов позиционировал себя как летописец современной жизни авангарда. В феврале 1922 г. он учредил журнал под названием «Удар. Художественно-литературная хроника Сергея Ромова». Подобное личностное отношение к современности не могло не импонировать Ремизову, который с первых лет эмиграции находился в поиске новых форм отражения литературной и общественной жизни эмиграции в индивидуальном творчестве. Любопытство к новаторскому эксперименту, возможно, обеспечило участие писателя по крайней мере в одном собрании группы, состоявшемся 20 февраля. Предупреждая его визит, Ромов писал:

Париж. 14 Февраля 1924 года

Многоуважаемый Господин Ремизов.

Вы обещали Илье Михайловичу Зданевичу и еще кому-то из наших друзей прочесть доклад или произведение Ваше на одном из наших очередных клубных собраний.

Открытое собрание группы «Через» мы предполагаем устроить в среду 20-го Февраля.

Мы были бы Вам бесконечно благодарны, если бы Вы согласились подготовить свое выступление к этому дню.

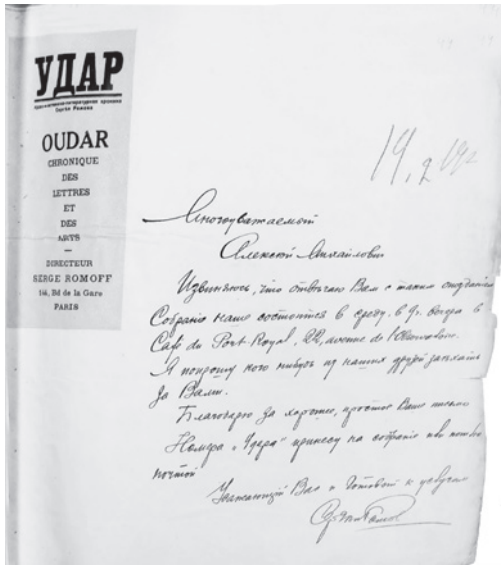
Я узнал, что Вы оправились от болезни, и мы будем все очень рады Вас встретить и с Вами познакомиться. Мы к этому дню подготовим выступление наших поэтов, и вы заодно ознакомитесь с их скромными начинаниями. Вы нас очень обяжете.

Буду Вам весьма признателен, если не замедлите <с> ответом о своем решении, чтобы нам успеть поместить объявление и разослать приглашения.

---

d’ Amelia = Параллели: исследования по русской литературе. Антонелле д’ Амелия / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno, 2014. С. 181–204 (Europa Orientalis. Vol. 22).

Прошу вас принять уверение в совершенном почтении
готового к услугам
Сергея Ромова[31].

УДАР
OUDAR
CHRONIQUE
DES
LETTRES
ET
DES
ARTS
—
DIRECTEUR
SERGE ROMOFF
14, Bd de la Gare
PARIS

Ромов С. Письмо А. Ремизову.
14 февраля 1924 г. Amherst

Творческий профиль С. Ромова наверняка был интересен Ремизову и в связи с памятью о А. Блоке, поскольку в 1920 г. этот монпарнасец издал собственный перевод на французский язык поэмы «Двенадцать» с иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. Сотрудничество нового знакомого с двумя известными представителями русского авангарда стало для Ремизова своего рода гарантией дружественной среды общения, в которую он был погружен в дореволюционные времена[32]. Деятельность Ромова, направленная на интеграцию русской культуры в западноевропейский контекст, скорее всего, была использована советскими дипломатами в политических целях. Вскоре он становится одним из активистов созданной при поддержке советского консульства в Париже ассоциации «Новая франко-русская дружба» (“Nouvelles amitiés franco-russes”). Культуртрегерское начинание не без оснований сразу же оказалось под прицелом критики «непримиримой» эмиграции. Неслучайно писатель сохранил в своем альбоме с корреспонденцией 1924 г. газетную вырезку под заголовком «В кружке федералистов», в которой сообщалось:

Кружок устраивает в ближайшие дни <…> ряд докладов на темы о федеративном устройстве в разных странах. Доклад о России пору-

[31] Amherst. B. 3. F. 3. P. 36–37.
[32] В частности, в 1915 г. Ремизов и Гончарова работали над совместным книжным изданием под названием «Чаемый Царьград».

чен б. редактору журнала «Удар», ныне секретарю журнала «Новая Франко-русская дружба» Сергею Ромову, о котором говорили, что за ревностную службу большевики собираются назначить его консулом в Париже[33].

Между тем идея федерализма имела внутренние коннотации с евразийским движением. Так сложилось, что в 1924–1926 гг. при участии представителей этого идеологического крыла русской эмиграции создалось своего рода «магнитное поле», способствовавшее привлечению Ремизова к разнообразным литературным проектам — от авангардного эксперимента до историко-литературных штудий. Последнее занятие, в конечном счете нацеленное на популяризацию русского мира в Европе, неожиданно возникло в конце зимы 1924 г., когда в жизнь Ремизовых вошли две ученые дамы — подданные Великобритании, поселившиеся в Париже в 1922 г. Об их существовании супруги, конечно, знали и раньше — от Льва Шестова, сумевшего осенью 1923-го убедить «англичанок» спонсировать их переезд в Париж[34]. Профессор Джейн Эллен Харрисон (Jane Ellen Harrison) со своей ученицей и близкой подругой — писательницей Хелен Хоуп Мирлиз (Helen Hope Mirrlees) впервые встретились с Ремизовыми 3 февраля 1924 г. Обе к этому времени уже были связаны с парижской Школой восточных языков, где изучали русский язык. Достигнутый уровень научной экспансии в изучении русской культуры и истории подвел их к замыслу английского перевода уникального памятника литературы XVII в. «Житие протопопа Аввакума». Ремизовы как блестящий тандем палеографа, получившего профессиональные знания непосредственно в общении с основателями русской научной школы, и тонкого стилиста, опиравшегося на научные труды по древнерусской культуре и книжности, стали неоценимыми консультантами для осуществления этой сложнейшей задачи. Вполне закономерно, что вскоре к их тесному кружку присоединился князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский — один из ревнителей русской культуры на просторах западноевропейского и особенно британского пространства. Он поддержал издательский проект, а образ Аввакума стал для него предметом и собственных

[33] Amherst. B. 3. F. 3. P. 15.

[34] Ср. письмо Шестова Ремизовым от 13 сентября 1923 г., в котором он описал положение дел по сбору денег для их переезда в Париж и ближайшие перспективы жизни супругов на новом месте: «Англичанки обещали 5 фунтов. Стало быть, с этим протянете, если не остановитесь в гостинице недели на три, четыре» (Amherst. B. 3. F. 1. P. 102b).

литературоведческих работ[35]. Несколько месяцев продолжалось совместное чтение и разъяснение «Жития», завершившееся изданием труда, которое предварялось благодарственным посвящением чете Ремизовых: The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. Published by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavistock Square, London W. C. 1924[36].

***

Особую миссию в парижской жизни Ремизовых исполнил уже упоминавшийся Д.П. Святополк-Мирский. Хотя бывал он в столице Франции лишь наездами из Лондона, где как профессор славистики читал курс по русской литературе в Королевском колледже университета[37], ему как, может быть, никому другому из окружения супругов удалось привнести в их жизнь несомненный позитив для возможности результативного труда. Первая парижская встреча с ним состоялась в квартире Ремизовых на rue Chardon-Lagache в конце декабря 1923 г., и с этого времени критик по собственному почину стал заниматься популяризацией произведений писателя в англоязычной читательской среде, что в общем и целом соответствовало его личной просветительской программе «подвигнуть литературно англичан»[38] к открытию выдающихся произведений русской литературы. Энергия Мирского иногда творила чудеса. Менее чем через год, уже осенью 1924 г., в двух изданиях на английском языке появилась ремизовская повесть «Часы» (1908) в переводе дореволюционного эмигранта Дж. Курноса (J. Cournos; наст. имя И.Г. Коршун)[39]. Тогда же под патронажем Мирского началась работа над новым

[35] См. его статью «О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка)» (Евразийский временник. 1924. № 4. С. 338–350), которая носила сугубо историко-литературный характер.

[36] Библиографию научных работ, освещающих историю подготовки этого издания, см. в наших комментариях к публикации: «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924–1925 (с. 68 наст. изд.).

[37] Подробнее о Мирском и истории его отношений с Ремизовым см.: «…с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора. V. Париж; СПб., 2003. С. 335–401.

[38] См.: Письмо Мирского К.И. Чуковскому // Русская литература в письмах (1905–1985): Исследования и материалы / под ред. В.В. Перхина. СПб., 2004. С. 147.

[39] *Remizov A*. 1) The Clock / Authoriz. transl. by J. Cournos. London: Chatto & Windus, 1924; 2) The Clock / Authoriz. transl. by J. Cournos. New York: Alfred A. Knopf, 1924. О Курносе — переводчике Ремизова см.: *Smith M.S.* Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // A people passing rude: British responses to Russian culture. Cambridge, 2012. P. 190–192.

издательским проектом на английском языке. Переводчиком стал 24-летний славист, поэт Алек Джон Чарльз Браун (A. Brown), которого в апреле 1924 г. рекомендовал писателю Е.В. Аничков[40]. Алека Брауна, по славистической традиции именовавшегося коллегами на русифицированный манер — Олегом Ивановичем, Ремизов любовно окрестил «крокхвостом»[41]. Работа над английским переводом проходила в постоянных консультациях с писателем, и уже осенью была подготовлена к изданию берлинская редакция повести «Неуемный бубен» — «Повесть об Иване Семеновиче Стратилатове» на английском языке[42]. Благодаря качеству перевода Брауна художественное дарование Ремизова в глазах требовательных английских издателей оказалось в сопоставлении с таким признанными феноменом новаторской европейской литературы, как Джеймс Джойс[43].

Литературная деятельность Мирского имела прямую взаимосвязь с его идейно-политическими ориентациями. С 1922 г. он приобщается к евразийскому движению[44], которое выработало альтернативную сменовеховству модель коллективной идентичности России в мировом культурном ландшафте[45]. В этом ракурсе катастрофа Октябрьского переворота расценивалась как закономер-

[40] 27 апреля 1924 г. Аничков обратился к Ремизову с рекомендательным письмом: «Пишу Вам о молодом англичанине, настоящем начинающем поэте Брауне <…>. Обласкайте. Славный. Переводит Лермонтова и на мое понимание превосходно. <…> Браун хочет Вас переводить. Он читал мне отрывки из Стратилатова. Любовно сделано: и по-русски знает, и по-английски изощряется» (Amherst. B. 3 F. 9). См. о Брауне: Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators... P. 193; Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 352.

[41] Имеется в виду «крокодилий хвост», ставший атрибутом обезьяньего знака, дарованного Брауну как кавалеру, «*переводчику и управляющему английской обезпропаганды*»; подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001 (гл. «Синклит Обезвелволпала»).

[42] Издание Брауна, дополненное переводом повести «Пятая язва» (1912), вышло в свет два года спустя: The Fifth Pestilence, together with the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, Ivan Semyonovitch Stratilatov / Transl. and Preface by A. Brown. London: Wishart & Co, 1927. О переговорах Мирского с издательством Chatto & Windus в связи с подготовкой к печати перевода Курноса и Брауна см.: Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 354–355.

[43] См. отзыв Ч. Прентиса, известный в передаче Алека Брауна (Там же. С. 362).

[44] О позиции Мирского по отношению к евразийству см.: Д.П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / Пер. с англ. и вступ. ст. М.В. Ефимова; примеч. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 331–338.

[45] О сближениях и разногласиях двух платформ см.: *Колеров М.А.* Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143–151.

ное следствие исторического процесса, преодолимое за счет национального культурного потенциала. Соответственно, как критик Мирский занял позицию последовательного оппонента парижских «непримиримых», вычеркнувших из истории имена талантливых представителей новой советской культуры. Ремизов и Мирский явно находили взаимопонимание по общности позиции «сочувствующего Евразийству не-Евразийца»[46]. Мирский некоторое время даже работал над статьей о писателе для одного из сборников «Евразийского временника», но что-то не задалось, возможно, из-за того же чувства сопротивления любой идеологии. Между тем и это издание, и журнал «Евразийская хроника» в 1924–1925 гг. исправно поставлялись писателю непосредственно из редакций.

Возможно, именно Мирский познакомил Ремизова со своим товарищем — лидером движения Петром Петровичем Сувчинским. Как вспоминал Ремизов,

> в нем было что-то от русской истории, когда он появлялся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы «марксисты», которые уже очень кратки и безнадежно «реальны», а ведь пыл именно в бесконечной мысли[47].

Историософская концепция российской государственности как «другого» мира, вобравшего в себя культуру и историю Европы и Азии, несомненно, привлекала Ремизова, но, верный своему реноме аполитичного писателя, он поддерживал дружеские контакты с Мирским и Сувчинским до тех пор, пока их деятельность оставалась в пределах литературы и истории[48]. Очевидно, что взаимоотношения писателя с этими двумя деятелями укреплялись ввиду общих для них оптимистических прогнозов на культурное развитие советской России. Ремизов, внимательно следивший за политическими настроениями диаспоры, едва ли пропустил в берлинской печати тезис Сувчинского: «И мечом, и политикой Россию не освободить. Она победит свой плен и, может быть, плен всего мира внутренним ростом и вдохновением своих культурных сил»[49]. Именно Сувчинский стал конфидентом Ремизова в его раздумьях о возвращении в Рос-

[46] Цит. по письму Мирского П.П. Сувчинскому от 1927 г. (Там же. С. 338).
[47] ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 290. Л. 6.
[48] Подробнее о евразийской деятельности Сувчинского см.: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2009. С. 30–36.
[49] *Сувчинский П.П.* Вечный устой // На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2. М.; Берлин, 1922. С. 127.

сию в 1922 г.[50] Первые шаги к сотрудничеству относятся к концу 1921 г., когда Сувчинский старался вовлечь писателя в евразийский издательский проект. Его кандидатура как транслятора идеологии в художественной форме рассматривалась в переписке Сувчинского с Н.С. Трубецким, который писал, намечая ближайшее будущее:

> Ремизова я совершенно не знаю и смутно представляю себе его прежний литературный облик. Если он действительно наш (вполне наш, вплоть до православия), то нельзя ли от него получить что<-нибудь> если не для сборника, то будущего журнала или альманаха?[51]

С 1924 г., после того как Ремизов и Сувчинский, отказавшись от идеи завершения эмиграции, перебрались из Берлина в Париж, они часто виделись и по-прежнему были связаны общими интересами. За время знакомства с писателем Петр Петрович сумел подняться по табели о рангах Обезьяньей Великой Палаты. В 1925 г. ему был пожалован титул князя и звание «Полпреда Евразии»[52]. Ремизов же так и не принял участия ни в одном проекте Евразийского издательства, возглавленного Сувчинским в Париже[53], но финансовая поддержка евразийской кассы интересовала его до такой степени, что он иной раз прибегал к «сказочному» шантажу. 24 августа 1925 г. перед отъездом в Бретань, очень беспокоясь, что денег ему хватает на путешествие лишь в одну сторону, Ремизов писал:

> Дорогой князь и полпред Петр Петрович, всю неделю ждал вас. Серафима Павловна совсем расхворалась. И поднявшись, поехала

[50] Отвечая на сомнения Сувчинского, раздираемого между желанием вернуться в Россию и удручающими сведениями о положении культуры в советской республике (письмо от 27 июля 1922 г. // Amherst. B. 1. F. 2. P. 68), Ремизов, исходя из своего опыта жизни в Петрограде до отъезда за рубеж, излагал планы на будущее: «По-моему надо положить себе еще год — еще один год заграничный, а потом в Россию. Незаметно, кто всё время жил, а сейчас приезжему очень чувствительно. Изведет постоянная гонь за добычей. Я этого больше всего боюсь, просто сил не станет» (Письма А.М. Ремизова П.П. Сувчинскому // Bibliothèque National de France. Département de Musique; в печати).

[51] Цит. по: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. С. 232.

[52] Ср. письмо Ремизова Д.А. Шаховскому: «Вчера наконец состоялось возведение Сувчинского в кав<алеры> и полпреды Евразии. Кн<язь> Мирский принес Royal Galliac и возведенного по обычаю полили для роста и плодотворения» (*Шаховской И.*, архиепископ. Биография юности. Париж, 1977. С. 244).

[53] Например, издательство выпускало две серии «Евразийцы — детям» и «Евразийцы — молодежи», о которых как о книгах, «писанных первоклассными авторами», упоминается в финансовом отчете, сохранившемся в архиве Сувчинского *(Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. С. 131).

к одной волшебнице[54]. Умоляю вас и прошу всеми просьбами достать *мне 500 fr,* как обещали *в этом месяце*
иначе евразийство обречено на гибель <…>[55]

Вполне вероятно, не без денежных вложений Сувчинского в 1925 г. на обложке журнала «Русское Эхо» был напечатан портрет Ремизова работы Б.Д. Григорьева, который сам писатель называл «мой евразийский портрет»[56].

Собственно, во многом благодаря евразийской теме русской национальной самоидентификации черная полоса неуверенности и неприкаянности в эмигрантском Париже сменилась в жизни Ремизовых плодотворным периодом, когда оба они зарекомендовали себя в глазах просвещенных европейцев носителями бесценного культурного знания.

Портрет А.М. Ремизова работы Б. Григорьева. Фото с дарственной надписью Ремизова С.Я. Осипову. 27 апреля 1924 г. Музей ИРЛИ

***

Трудно переоценить степень дружеской заботы Льва Шестова, который с приездом писателя и его супруги в Париж использовал все возможности, чтобы они оказались в центре внимания французских литераторов, критиков и переводчиков, особенно из круга так называемых «славянофилов»[57]. В 1924 г. завязалась многолетняя переписка с одним из знатоков истории русской литературы, этнографом Жюлем Легра (Jules Legras), а также с переводчиком

[54] Ср.: «Случилось, поехала С.П. к Морю-Океану за морскими камушками и раковинами к одной доброй бретонской волшебнице Флёри (Fleury)» (*Ремизов А.М.* По карнизам // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб., 2014. С. 478).

[55] Письма А.М. Ремизова П.П. Сувчинскому // Bibliothèque National de France. Département de Musique (в печати).

[56] Там же; письмо от 7 августа 1925 г.

[57] См. примеч. 14.

Андре Пьерром (André V. Pierre). Еще в конце 1923 г. Ремизовы возобновили контакты с французами, стоявшими у истоков научной славистики еще в 1900–1910-х гг. в Петербурге — с Полем Буайе (Paul Boyer) и Андре Мазоном (Andre Mazon)[58].

Буайе в 1891 г. основал кафедру русского языка в Школе восточных языков, а с 1908 г. стал директором этого знаменитого института. «Павел Юльевич», как величали его русские, оказался одним из первых парижан, с сердечным радушием приветствовавших их приезд. 3 декабря 1923 г. профессор писал Ремизову:

> Дорогой поэт мой.
>
> Простите великодушно, что я до сих пор и не написал Вам, и не заходил к Вам. Веду ведь проклятую жизнь, целиком поглощенную в самые разносторонние, не терпящие отлагательств и даже *главные* занятия.
>
> А страшно хочется повидаться с Вами и Серафимой Павловной. Следовательно, мы с Вами скоро устроим свидание. А пока что, вот что я Вам предлагаю: не откажите мне в согласии Вашем обедать со мной завтра в 8 ч<асов> Cercle de la Renaissanse, 12 rue de Poitiers <…>. Я собираю на обед несколько коллег, французов и русских. Думаю, что Вам приятно будет побеседовать с ними <…>[59].

Именно эта встреча решила будущее Серафимы Павловны. Настал ее звездный час, и впервые в жизни она смогла почувствовать личную состоятельность в научном мире и применить профессиональные знания, полученные в Императорском Археологическом институте[60]. О начавшейся в 1924 г. трудовой деятельности, которой были посвящены семнадцать последующих лет, Ремизов подробно написал в ранней редакции романа «В розовом блеске»:

> В 1924 г. принятая Буайе и Мазоном (Membre de l'Institut, professor au College de France) в школу восточных языков (École N<ationale> des langues orientales vivantes, 2 Rue de Lille, VII) С.П. открыла курс (Cours libre) славяно-русской палеографии: с 1924 г. лекции проходили при курсе Буайе. А с 1937 — при курсе Паскаля. <…>

[58] О знакомстве с П. Бойе (в ремизовском написании *Буайе*) и Андре Мазоном до революции в Париже и Петербурге Ремизов упоминал в ранней редакции романа «В розовом блеске» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 48).

[59] Amherst. B. 3. F. 6. P. 1–1a; письмо от 3 декабря 1924 г.

[60] См. об этом: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 75–78.

Задача курса «славяно-русской палеографии» была шире понятия о «палеографии». Палеография не только искусство читать древние рукописи, но также изучение языка этих рукописей. Как основы русской речи. К вопросу «где» и «когда» присоединялось: «что», «как» и «откуда».

До войны 1939 из году в год 15 лет открывался курс славяно-русской палеографии в школе восточных языков. Слушатели по преимуществу французы[61].

***

Летом 1924 г. Ремизовы отправились в Чехословакию. Переговоры об этой поездке начались еще в 1923 г. в связи с планами по подготовке к печати новой редакции первого романа Ремизова «Пруд» в пражском издательстве «Пламя», которое с 1923 г. возглавил Е.А. Ляцкий[62]. Участвовавший в организации этой поездки Д.А. Лутохин оставил несколько ценных дневниковых записей, отразивших впечатление от встречи с Ремизовыми в Праге. До этого они виделись в 1922 г. в Берлине.

11 августа

Встретили сегодня со Слонимом[63] и Колбасиной[64] Ремизовых. Она <С.П. Ремизова-Довгелло. — *Е.О.*> добрая (а Вы всё болеете — заметила она мне на соответствующую реплику). Он согнулся, у него горб вырос большой (или я раньше этого не замечал?). Жаловался, что в Париже жизнь *круче* (С<ерафима> П<авловна,> однако, говорит, что за квартиру они платят 800 франков!). Когда он приехал, то многие ему руки не подавали: *большевик*! Задают там тон Мережк<овские> и Бунин. Председатель союза писателей —

[61] ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 49.

[62] Замысел Ремизова впервые высказан в письме к Д.А. Лутохину от 19 апреля 1924 г. с просьбой адресовать идею нового издания романа «Пруд» Е.А. Ляцкому (Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 960). Историю несостоявшегося издания четвертой редакции романа «Пруд» в издательстве «Пламя» см.: *Грачева А.М.* Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // «Русская украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведения исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Международная конференция. Прага, 14–15 августа 1995 г.: Сб. докладов. Прага, 1995. С. 330–337; *Keys R.* New light on Remizov's first novel *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House // Slavonica. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 62–65.

[63] М.Л. Слоним.

[64] О.Е. Колбасина-Чернова гостила в Праге с июля 1924 г.

Чайковск<ий>[65], союза журналистов — Милюков[66]. Из первого союза на дорогу дали ему 350 франков! Теперь отнош<ения> стали лучше. Говорил, что про Далмата рассказывали, что он изобрел пилюлю анти-большевистскую (очередная мистификация). Очень смешно рассказывал о амер<иканской> дуэли[67] между Сол<омоном> Каплуном и Шрейдером из Логоса[68]. Дуэль была америк<анской>. Соломон удалился, затем раздались два выстрела. Он вышел …..: оказалось — револ<ьвер> дал осечку. Затем состоялось примирение… Судьба беседы неизвестна… Вторая мистификация… И так без конца. Почти ничего не ест, пьет черный кофе и сладкие вина. У С<ерафимы> П<авловны> печень не в порядке[69].

12 августа

Вечером чествовали Ремизова. Были Мансветовых 2, Слон<им> 1, Цветаевой <так!> 2, Колбасина 1, Ляцкий — 2, Кизеветтер, Мякотин, Керенский <?>, Булгак<ов>, Тукалевских 3, Лут<охин> 1, Чир<иков>, Гесс<ен>[70]. Ремизов заявил, что у меня в душе цветет репейник. Выпили сильно, спорили о литературе. Ремизова всё протестовала против моей болтовни, особливо по поводу «кощунства ленинградки»[71]. Она жаловалась на бесчувствие Бунина и Мережковского. Гиппиус другой человек — отзывчивый и внимательный[72].

---

[65] Н.В. Чайковский в 1921 г. был избран председателем Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

[66] П.Н. Милюков с 1921 г. возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже.

[67] Правила т.н. «американской дуэли» предполагают разные варианты: в одном случае противники в течение нескольких дней выслеживают друг друга в лесу, используя при этом охотничьи приемы, засады и другие обманные действия; в другом это обычный поединок с оружием в присутствии зрителей, но без участия секундантов; в третьем — разыгрывается жребий, обязывающий одного из дуэлянтов застрелиться в течение года.

[68] Книготорговое общество “Logos” («Логос») существовало в Берлине с 1922 по 1928 гг. Александр Абрамович Шрейдер (1895–1930) являлся одним из основателей берлинского книгоиздательства «Скифы».

[69] РО ИРЛИ. Ф. 592. № 4. Л. 60об.–61.

[70] Перечисляются представители русской творческой интеллигенции в Праге вместе с членами их семей.

[71] Возможно, речь идет о статье А. Госунского «О чужих и ненужных», посвященной ревизии театральных периодических изданий Ленинграда, в которой автор разоблачает скрытые диссидентские настроения журнала «Жизнь Искусства» (Ленинградская правда. 1924. № 162, 18 июня. С. 5). Очевидно, что данная статья не могла оставить равнодушными Ремизовых, поскольку в ней были перечислены ближайшие товарищи писателя по литературному цеху, оказавшиеся теперь под подозрением Советской власти. Кроме того, о выполнении установок большевиков на страницах этого издания Ремизов знал не понаслышке, опубликовав в 1920 г. в «Жизни Искусства» серию рецензий на пьесы, рекомендованные Репертуарной секцией Театрального отдела Наркомпроса для постановки в театрах.

[72] РО ИРЛИ. Ф. 592. № 4. Л. 61об.

16 августа

Забегал к Ремизову. Вечером Булгаков[73] притащил ему свой альбом, просил что<-то> надписать. <…> Ремизов написал кириллицей, глаголицей, по нов<ому> и стар<ому> русскому правописанию. Журил меня, что я не *мудр* и подвожу его: на банкете уверял, что он курнос (ну что же делать, что у него не римск<ий> нос!) — намек на мой плач о нехудожественности чешской литературы; при Адрианове[74] рассказывал о банкете. Адр<ианов> и Рем<изов> говорили о том, что Гиппи<ус> старухой стала, и объясняли ее *девством*. А что же Мер<ежковский>, спрашиваю: ну он и спереди и сзади, говорит Ремизов. Так ли? В нем что-то патологическое в этом отношении….[75]

18 августа

Провел последний день с Ремизовыми и окончательно разругался с ней, Р<емизов>ой: говорил ей: С.П., а ведь даже чехи на вас с почтением оглядываются (чешки толстые, но по сравнению с ними она — колосс, который вырос даже за неделю существования здесь!). — Она вдруг задрожала даже вся от гнева, оставьте ваш тон, говорите со мной как с принцессой — или будьте от меня подальше. — В обществе принцесс, отвечаю, к сожалению, никогда не был, а уйти *совсем* после предпочту. Ну — и хорошо. Показал я ей после этого платки пунцов<ые> по 24 кр<оны> и откланялся. А.М. опять шепотком говорил мне, что как я не пойму, что *болезнь это у С.П.* и нельзя ее касаться. <…> От Ремизовых я устало шел назад. Милые они люди, как почти двадцать лет назад они меня радовали[76].

[73] Валентин Федорович Булгаков (1889–1966) — писатель, мемуарист, последний секретарь Л.Н. Толстого; в 1924–1926 гг. председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

[74] Сергей Александрович Адрианов (1871–1942) — историк литературы, публицист, переводчик; известная фигура в научных и литературных кругах дореволюционного Петербурга: член Имп. Археографической комиссии (с 1896), ученик И.А. Шляпкина; доцент Санкт-Петербургского университета (с 1905), профессор Высших женских курсов; заведующий отделом критики журнала «Вестник Европы» (с 1909), редактор газет «Слово» и «Русская молва»; критик и рецензент произведений символистов и модернистов, в том числе Ремизова; после Октябрьской революции — профессор Первого Высшего педагогического института; в 1922–1924 г. один из последовательных сторонников национал-большевизма, ближайший сотрудник редакции журнала «Новая Россия».

[75] РО ИРЛИ. Ф. 592. № 4. Л. 62.

[76] Там же. Л. 62 об. Впервые фрагменты опубликованы нами во вступ. статье к публикации: Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925). С. 949–951.

Впечатления о посещении столицы Чехословакии нашли отражение в рассказе «Самоцветное»[77], позднее оказавшемся в составе неопубликованного при жизни писателя романа «Учитель музыки». Здесь любимые ремизовские темы (история славянского мира и ностальгия по России) сплелись с евразийской идеей «перепутья» Востока и Запада. Встреча с родственной языковой культурой вызвала в писателе острое переживание, как будто он оказался на обратной дороге «домой»:

> «Россия» — из самой глуби сердца, и желанное, прозвучавшее по-московски «просим»[78] — моя первая встреча в Праге, как по дороге в Прагу белая береза — первая родная весть[79].

Однако характерно, что любовь Ремизова к «родным березкам» хоть и была искренней, но не затмевала трезвого взгляда на обстоятельства собственной жизни и развитие реальной истории, изменившей образ страны, именовавшейся теперь «С.С.С.Р.». Свое иллюзорное чувство близости к России Ремизов обыграл в частном письме в связи с необычным приключением. Тогда же, летом 1924 г., в окрестностях известного курорта Карлсбад Ремизовы стали очевидцами астрономического феномена, получившего в науке название «великое противостояние Марса». Это явление случается с периодической повторяемостью, но именно 23 августа 1924 г. ученые зафиксировали максимально близкое расстояние между Марсом и Землей. Прогнозируемый рекорд был использован местными любителями астрологии для налаживания контакта с марсианами. Об этом Ремизов и поспешил сообщить своему петербургскому корреспонденту Е.И. Замятину, очевидно, памятуя о его сказке «Огненное А» (1918), в сюжете которого также присутствует мотив сигнализации на Марс:

> Вчерашнюю ночь при сигнализации на Марс послышался в ответ сначала хрип (прохождение через атмосферу), а минут через 20–25 (часы я потерял!) явственно как бы некий глас:
>
> «Чего вы шумите — (малое матовое обложение и затем): говорите по-русски!»
>
> Все немало дивились, не понимая, я же радовался русской речи, которую в такой чистоте не слышал вот уж в августе 3 года будет[80].

---

[77] *Ремизов А.* Самоцветное // Последние новости. 1924. № 1358, 28 сент. С. 2. Другое название в составе романа «Учитель музыки» — «Прага: Самоцветное».

[78] Prosím (*чешск.*) — пожалуйста.

[79] Цит. по: *Ремизов А.М.* Прага: Самоцветное // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9: Учитель музыки. М., 2002. С. 227.

[80] Письмо от 1 сентября 1924 г. из Карловых Вар (Переписка Е.И. Замятина с А.М. Ремизовым (1914–1936); в печати).

Ироническое повествование о «великом противостоянии» Марса Земле было повторено писателем в рассказе «Карлсбад. К елениному соку»[81], где прозрачно объективируются авторские корреляции Россия — Марс и Запад — Россия:

> Еще загодя мы обсели все горы <…> тут были установлены всякие взрывчатые аппараты для сигнализации <...> ровно в полночь заработали металлические снаряды — тысяча ракет самых пульких запущено было на Марс. Наступило молчание. И вдруг послышался голос — глухо, но достаточно внятно: «Чего вы шумите? — — говорите по-русски!» Так все и ахнули <…> Марс между тем подошел совсем близко. Я навел закопченное стеклышко и, верите ли, явственно увидел: через весь Марс — Обводный канал[82].

***

Творческим результатом поездки в Чехословакию стала повесть «По карнизам» (1929), первоначально озаглавленная “La vie”[83], в которой писатель предъявил новую форму автобиографического повествования[84]. Сквозная тема «чудесного в обыкновенном» проявилась в повести благодаря неизменной ремизовской способности из узких лабиринтов реальной жизни находить выход на просторы беспредельной фантазии, творческого эксперимента и личной независимости от обстоятельств, мнений и регламентаций. Повесть охватывает биографию писателя 1923–1926 гг. и содержит сюжеты, связанные с последним годом жизни Ремизовых в Германии и последующими двумя — во Франции.

Между тем публиковать в Париже новые произведения становилось всё сложней. В 1925 г. положение с литературными заработками стало критическим, что вызывало геометрическую прогрессию образования бытовых проблем. Постоянное напряжение создавалось в дни оплаты квартиры. Отчаянье таких моментов сохранилось в записке Льву Шестову от 30 мая:

---

[81] *Ремизов А*. Карлсбад. К Еленину скоку // Звено. 1924. № 89, 13 окт. С. 2–3. Другое название в составе романа «Учитель музыки»: «Карлсбад. К еленьему скоку».

[82] *Ремизов А.М*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. Учитель музыки. Каторжная идиллия. С. 232.

[83] Впервые это название прозвучало в авторском примечании к рассказу “La Matière”, 1924 (Современные записки. 1926. Кн. 27. С. 101).

[84] Подробнее о повести «По карнизам» как новой форме автобиографического повествования в творчестве Ремизова см.: *Обатнина Е.* «Я душа человечья…» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб., 2015. С. 574–611.

Дорогой Лев Исаакович,
В понедельник наступает срок платить за квартиру
Ничего нет и нечего заложить
Не набежало ли чего у Семена Владимировича <Лурье. — *Е.О.*>
Алексей Ремизов[85]

В черновой редакции повести «По карнизам» есть фрагменты, содержащие отголоски чувства незащищенности перед внешним миром, которое постоянно сопровождало писателя:

> …когда приходит срок платить за квартиру, а платить нечем, не ждешь чуда. Ведь мы живем «чудесным образом»! От моего «сочинительства» — пустяки, а что С<ерафима> П<авловна> зарабатывает, этого никак не хватает, стало быть, всякий раз «чудесным образом», никакой «стипендии» я не получаю[86], хуже, приятели упорно распускают слух, что получаю, и все спокойны и никому в голову не приходит, что «чудесным образом» и что в один прекрасный день, а ведь всё может случиться, чего ж закрывать глаза, чуда не произойдет и тогда — [87]

«По карнизам», несмотря на всю несерьезность ремизовских «чудес» (от «святой» мышки, поселившейся в квартире, до различных представителей невидимого мира, опровергающих своим присутствием представления об объективной реальности), является ироническим и вместе с тем глубоко трагическим освоением философии жизни в соотнесении с пространством «четвертого измерения». В предисловии к повести Ремизов рассказывает об освобождении своего сознания от ограниченного условностями эмпирического мира. Для этого нужно перейти с одного берега реальности на другой берег сверхреальности. В 1924 г. о таких «переходах» заговорили и французские сюрреалисты. Осенью в печати появился сначала очерк Луи Арагона «Волна грез», а немного позднее «Манифест сюрреализма» Андре Бретона. Одной из продуктивных сфер творчества авангардисты считали сновидения. Как известно, новаторы применяли специальные техники регуляции психоэмоционального состояния, благодаря которым происходило погружение в гипнотический транс

[85] Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 4. С. 164.

[86] Ср. письмо Ремизова Л. Шестову от 22–23 июня 1925 г.: «Кто-то пустил слух / что я получаю субсидию 1000 frs в месяц. Был Сувчинский, тоже передает: слышал от Бердяева / Вишняк, Осоргин — откуда?» (Там же. С. 155).

[87] РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 1. Л. 17.

и осуществлялась «автоматическая» запись видений, продуцируемых подсознанием. Ремизов, начавший практиковать запись не только собственных сновидений, но и сновидений Серафимы Павловны еще в самом начале 1900-х гг., к 1924 г. уже имел значительный опыт внедрения этого абсурдистского жанра в литературу. Интерес сюрреалистов к русскому писателю, в дальнейшем вылившийся в сотрудничество, возник начиная с 1925 г., когда французский читатель получил возможность познакомиться с ремизовскими «снами». Переводы текстов, описывавших, по собственному выражению автора, «подлинные ночные приключения», впервые были напечатаны в "La revue françaice politique et littéraire" (1925. № 50, 15 марта). Позднее в 1926 г. литературные сны увидели свет в парижском "Les Chroniques du Jour" (№ 3, 15 мая), а в 1927 г. — в марсельском журнале "Cahiers du Sud". Если французы видели в Ремизове союзника в освоении новых творческих путей познания бытия, то совсем иначе оценивали ремизовские эксперименты в эмигрантских писательских кругах. Построенные на документальной фиксации подсознания, его «натуральные» сны не раз становились предметом эстетических и, не в меньшей степени, этических дискуссий, поскольку героями его бессознательного оказались многие реальные известные персоны. Критические эскапады в адрес Ремизова начались в связи с выходом из печати первых глав «По карнизам», построенных на переплетении реальных событий со сновиденным их отражением. Так, Н. Кульман счел сновидения, в которых фигурировали многие известные деятели эмиграции, стремлением автора к экстравагантным эффектам, связав эти тексты с игровой, вымышленной поэтикой ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палаты также ассимилированной Ремизовым в литературный быт своих друзей и знакомых:

> "La Matière" Ремизова написан, очевидно, в духе излюбленного им «обезьяньего ордена»: «права безграничные и ничего не признается: ни пространства, ни времени, и образ действия любой, против нормального мышления»[88]. Как ни талантлив, ни ярок, ни своеобразен Ремизов, а все-таки против этого «обезьяньего» принципа читатель за последнее время начинает восставать, ремизовские «сны» заставляют читателя подозревать, что автор просто его дурачит: ведь таких снов можно с легкостью придумать целые томы[89].

[88] Здесь цитируется «Обезьяний манифест» Ремизова, вероятно по тексту публикации в иллюстрированном еженедельнике «Русское эхо» (1925. № 33, 30 авг. С. 5).

[89] *Кульман Н.* Зачем молодиться? («Современные записки», кн. 27-ая и 28-ая) // Возрождение. 1926. № 499, 14 окт. С. 3.

Эта рецензия, осуждающая Ремизова за использование реальных имен в своих литературных сочинениях, была не единственной. Стремление писателя к стиранию границ не только между реальностью и сном, но и между литературой и жизнью вызывало у критиков устойчивое раздражение. Первая публикация миниатюр, объединенных общим названием «Мои сны», появившаяся осенью 1925 г. на страницах парижского журнала «Звено», создала в дальнейшем серьезные препятствия для развития этого жанра. Сотрудник «Звена» К. Мочульский, сочувствующий новациям писателя, вынужден был ему сообщить о судьбе второй части цикла:

<1925 г., не ранее 26 октября>

Дорогой Алексей Михайлович,

Несмотря на все мои старанья *Винавер продолжения снов печатать не соглашается*[90]. У него какие-то резонные соображения. Рукопись пришлют <…>[91]

Ремизовский «документализм» встретил неодобрительное отношение также в связи с публикацией рассказов, посвященных мифическому обществу Цворфизон, в которых писатель пародировал деятельность берлинской Вольной философской ассоциации[92]. Характерно, что герой этого бурлеска Лев Шестов ничуть не возражал против «апокрифической» истории эмиграции, написанной его другом. Между тем в редакциях периодических изданий Берлина и Парижа с осторожностью отнеслись к свободному обращению Ремизова с реальностью и именами. Так, редактор газеты «Дни», выражая общее коллективное мнение, писал Ремизову:

Берлин, 13 февр. 1925

Дорогой Алексей Михайлович,

Михаил Матвеевич <Тер-Погосян. — *Е.О.*> передал в редакцию переданный Вами «Цворфирзон». К большому моему личному сожалению редакция считает для себя неудобным его опубликовать — все живые лица — но очень все просили обратиться к Вам с просьбой дать какой-нибудь рассказ <…>

В. Зензинов[93]

---

[90] Курсивом выделены слова, подчеркнутые Ремизовым красными чернилами. М.М. Винавер — редактор газеты «Звено» (1923–1926), совместно с П.Н. Милюковым.

[91] Amherst. Series 2. B. 16. F. 29.

[92] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. С. 137–141.

[93] Amherst. Series 2. B. 3. F. 15.

Куда смелее и свободнее в оценках этических норм оказались журналисты новых рижских изданий: в майском номере литературно-художественного журнала «Наш огонек», образованного в самом начале 1925 г., была напечатана серия миниатюр «Z.V.S.» (Цвофирзон), а в газете «Слово» — продолжение цикла «литературных снов»[94].

***

К Пасхе 1925 г. Ремизов, как и планировал, завершил роман «Взвихренная Русь», который пополнился главой «На даровых хлебах», состоявшей из рассказов о петроградской жизни 1919–1920 гг. Эти произведения Ремизов готов был предоставить на суд ближайших друзей и надеялся поскорей опубликовать. Однако возможность печататься в парижской периодике обернулась существенной проблемой, поскольку издания с большим тиражом избегали его предложений. В этой ситуации на помощь Ремизову пришел товарищ со времен вологодской ссылки и журнала «Вопросы жизни» Н.А. Бердяев. В начале лета у философа в Кламаре собралась компания старейшин Обезвелволпала на ремизовские «чтения». Следствием этого вечера стали значительные изменения в положении писателя, потерявшего надежду пробиться на страницы многотиражных эмигрантских изданий. В письме от 12 июня 1925 г. Бердяев представил отчет о том, как, используя свой авторитет, ему удалось восстановить status quo писателя в редакциях газеты «Последние новости» и журнала «Современные записки»:

> Дорогой Алексей Михайлович! Я аттаковал <sic!> И.И. Фундаминского <sic!> и И.П. Демидова, ругал Мережковских. Оба уверяют, что не имеют ничего против Вас, но считают Вас писателем аристократическим, для немногих и потому трудным для читателей. Демидов кроме того говорит, что Ваша вещь не была принята в «По<с<ледние> Нов<ости>>», потому что слишком велика по размерам. Да и Милюков боится чертей, которые всюду в Вас кишат. Я очень очень восхвалил то, что Вы нам читали (под аккомпанемент Евгении Юдифовны, которая ругала Бунина), и советовал Фундаминск<ом>у непременно напеч<ата>ть три отрывка в «Соврем<енных> Записках». Он, по-видимому, не только ничего против этого не имел, но даже благодарил меня за указание. Посылайте в «Современные За-

[94] *Ремизов А.* Z.V.S. // Наш огонек. 1925. № 22, 30 мая. С. 2–5; *Ремизов А.* Мои сны. Литературные <Вячеслав Иванов. Сологуб. Савинков. Рерих. З.А. Венгерова. Jean Pougny> // Слово. 1925. № 1, 11 нояб. С. 3.

> писки». Почва довольно благоприятная. Я высказал несколько истин об эмигрантских нравах в очень радикальной форме и меня слушали сочувственно. И. Фундаминский и Демидов люди довольно милые[95].

В результате в сентябрьской и декабрьской книгах «Современных записок» были напечатаны три ремизовских рассказа «По “бедовому” декрету», «Труддезертир» и «Сережа», имевшие успех, независимо от политических векторов и предубеждений редакционных коллегий[96]. Смягчились и Мережковские. 23 декабря З.Н. Гиппиус передавала Ремизову в письме, адресованном Серафиме Павловне, признание высокой степени художественного мастерства и жизненной подлинности его произведений о России:

> Скажите Ал<ексею> Мих<айлови>чу, что мне так понравились его рассказы <…> в Совр<еменных> З<аписках>; Дм<итрию> С<ергееви>чу особенно нравится там первый[97], вот бы, говорит, французам его перевести, поняли бы нашу жизнь. А то как дубины <…>[98]

Между тем финансовое положение Ремизовых ухудшалось день ото дня. Страх перед платежами за квартиру сопровождался разного рода потрясениями. В начале лета, после завершения семестра в Школе восточных языков, Серафима Павловна не получила денег за курс прочитанных лекций, к тому же возникли серьезные проблемы с ее здоровьем. Крайне тяжелое моральное состояние супругов прочитывается в нескольких летних письмах, адресованных Л. Шестову[99]. Не мирясь с положением вечных просителей, они категорически отвергали разного рода советы друзей, предлагавших им широкий и нереалистичный диапазон действий — от отъезда на постоянное место жительство в Прагу до переезда в пригород Парижа Кламар (Clamart). В конце ноября в мрачной череде бедственных обстоятельств появился просвет: забрезжила возможность получить спасительный гонорар за лекцию Ремизова в Брюсселе. Приглашение поступило через знакомо-

---

[95] Amherst. B. 4. F. 1. P. 68.

[96] Рассказы были отмечены в резензиях А. Левинсона (Дни. 1925. № 818, 4 окт. С. 4), Ю. Айхенвальда (Руль. 1926. № 1554, 13 янв. С. 2–3).

[97] Речь идет о двух рассказах Ремизова, опубликованных в 26 книге журнала «Современные записки», которая вышла из печати в декабре 1925 г.: «Труддезертир» (С. 161–183), «По “бедовому” декрету» (С. 183–194).

[98] *Lampl H.* Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello. S. 176.

[99] См.: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 167–172.

го Юрия Цебрикова[100], активиста местной Академической группы, сотрудничавшего в только что организованном Д.А. Шаховским журнале «Благонамеренный». Как писал Цебриков, подготавливая ремизовский приезд, местные русские ученые «настолько ценят Вас, что непременно хотят Вашу лекцию и просят прочесть что-либо вообще по вашей литературе и на какую угодно тему»[101]. Виза была получена, афиши отпечатаны, номер в гостинице забронирован. Ремизова пришли встречать к прибытию поезда 25 декабря, но накануне отъезда у Серафимы Павловны случилось сильное обострение болезни печени, и писатель отказался от поездки.

Так тяжело заканчивался 1925 год. Еще 4 декабря, отправляя Шестову («для развлечения») публикацию в рижском «Слове» так возмутивших парижских редакторов «литературных снов»[102], писатель пытался сохранить ироничный тон при упоминании о самочувствии (вдруг появились сильные спазмы в солнечном сплетении)[103], но сорвался и главную проблему своей “la vie” обозначил «кричащими» прописными буквами:

ДЕЛА МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
С ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ БЕЗНАДЕЖНЫ[104].

И всё же надежда «на чудо» не оставляла его. Заканчивая свое грустное послание, он добавил, вспомнив народную примету, которая, особенно учитывая болезнь «солнечного сплетения», обязатель-

---

[100] Георгий Владимирович Цебриков (1896/1900–1966) — активист брюссельской Академической группы, священнослужитель православной (рукоположен в сан дьякона 15 декабря 1925 г.) и впоследствии католической церкви, прозаик, переводчик; в частности, для Ремизова перевел «Обезьяний манифест» на испанский язык.

[101] Amherst. B. 4. F. 2. P. 12.

[102] Ср. письмо Ремизова Шестову от 4 декабря 1925 г.: «Посылаю для развлечения продолжение “снов”. Здесь отказались печатать, пришлось в Риге — там для № 1 новой газеты приняли. Сны эти, как в “Звене” которые, еще в Петербурге снились» (Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 173).

[103] Ср., по всей вероятности, неотправленное письмо Ремизова Я.М. Цвибаку (А. Седых) от 30 мая 1926 г., в котором он вновь вернулся к дискуссии 1925 г., возникшей вокруг его автобиографической прозы и литературных «снов»: «К употреблению знакомых — я-то не прекратил (в рукописи пишу полностью!) / меня прекратили. И захворал я до того, что заболело “солнечное сплетение”. А это очень мучительно. И вот в эти мучительные минуты, сидя с грелкой, я занимаюсь рисованием <…>» (Amherst. B. 4. F. 13).

[104] Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 173.

но должна была изменить ход жизни к лучшему: «Жду солоноворота, когда медведь перевернется в берлоге на другой бок лапу сосать»[105].

Литература

Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 834 с.

Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Пушкинский Дом; Europa Orientalis, 2003. 405 с.

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2013. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014. С. 268–337.

Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Русский путь, 2009. 810 с.

Грачева А.М. Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведения исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. Прага: Narodni knihovna CR, 1995. С. 330–337.

Гурьянова Н. Альбомы Крученых // Панорама искусств. 1991. Вып. 13. С. 373–381.

Гурьянова Н. Ремизов и «будетляне» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 142–150.

Д.П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / Публ., пер. с англ. и вступ. ст. М.В. Ефимова; примеч. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 331–338.

Из переписки Зинаиды Николаевны Гиппиус и Павла Николаевича Милюкова 1922–1930 годов / Подгот. текстов Х. Барана и Н.В. Королевой; вступ. и коммент. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования / Ред.-сост. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 156–212.

Колеров М.А. Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143–151.

Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб.: Феникс, 2001. С. 349–367.

Обатнина Е. «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d' Amelia = Параллели: исследования по русской литературе. Антонелле д'Амелия / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno: Vereja Edizione, 2014. С. 181–204. (Europa Orientalis. Vol. 22).

Обатнина Е. Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. № 6. S. 16–25.

[105] Там же.

Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Обатнина Е. «Я душа человечья…» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб.: Росток, 2015. С. 574–611.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 4. С. 146–158.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 167–172.

Перхин В.В. Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб.: СПбГУ, 2004. 311 с.

Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 944–974.

Рерих Н.К. Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. Н.Г. Михайловой. Т. 2. М.: МЦР; Мастер-Банк, 1996. 687 с.

Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж: YMCA-Press, 1983. 422 с.

«…с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

Устинов А. Александр Гингер в начале 1920-х годов: от «Гатарапака» к группе «Через» // Toronto Slavic Quarterly. № 40. Spring 2012. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/45/index.shtml (дата обращения: 06.10.2019).

Keys R. New light on Remizov's first novel, *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House // Slavonica. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 62–65.

Lampl H. Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 155–194.

Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham: Dept. of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1995. 238 p.

Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // A people passing rude: British responses to Russian culture. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 190–192.

References

Aleksei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia (1902–2013) [Alexey Mikhailovich Remizov: Bibliography (1902–2013)], comp. E. Obatnina, E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.)

Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy [Alexey Remizov: Studies and materials], eds. A.M. Gracheva and A. d'Amelia. St. Petersburg, Salerno, Europa Orientalis Publ., Pushkin House Publ., 2003. 405 p. (In Russ.)

Bakuntsev A.V. Rech' I.A. Bunina "Missiia russkoi emigratsii" v obshchestvennom soznanii epokhi [I.A. Bunin's speech "Mission of Russian Emigration" in the public consciousness of the era]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni A. Solzhenitsyna. 2013* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2013]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2014, pp. 268–337. (In Russ.)

D.P. Sviatopolk-Mirskii: istorik i istoricheskii publitsist [D.P. Svyatopolk-Mirsky: historian and historical publicist], ed., transl. from English and intro. M.V. Efimov, notes O.A. Korostelev. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2014–2015* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2014–2015]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2015, pp. 331–338. (In Russ.)

Glebov S. *Evraziistvo mezhdu imperiei i modernom: Istoriia v dokumentakh* [Eurasianism between the Empire and Art Nouveau: History in documents]. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. 810 p. (In Russ.)

Gracheva A.M. Literaturnye kontakty A. Remizova i E. Liatskogo. Prazhskii period [Literary contacts of A. Remizov and E. Lyatsky. Prague period]. *Russkaia, ukrainskaia i belorusskaia emigratsiia v Chekhoslovakii mezhdu dvumia mirovymi voinami. Rezul'taty i perspektivy provedeniia issledovanii. Fondy Slavianskoi biblioteki i prazhskikh arkhivov: Mezhdunarodnaia konferentsiia. Praga, 14–15 avgusta 1995 g. Sbornik dokladov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration in Czechoslovakia between the two world wars. Results and prospects of research. Collections of the Slavic Library and Prague Archives: Int. Conf. Prague, August 14–15, 1995. Proc.]. Prague, Narodni knihovna CR Publ., 1995, pp. 330–337. (In Russ.)

Gur'ianova N. Al'bomy Kruchenykh [Kruchenykh's albums]. *Panorama iskusstv* [Arts panorama], 1991, iss. 13, pp. 373–381. (In Russ.)

Gur'ianova N. Remizov i "budetliane" [Remizov and the "Budetlyane" group]. *Aleksei Remizov. Issledovaniia i materialy* [Alexey Remizov: Studies and materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, pp. 142–150. (In Russ.)

Iz perepiski Zinaidy Nikolaevny Gippius i Pavla Nikolaevicha Miliukova 1922–1930 godov [From the correspondence of Zinaida Gippius and Pavel Milyukov. 1922–1930], ed. H. Baran and N.V. Koroleva, intro. and notes N.V. Koroleva. *Zinaida Nikolaevna Gippius. Novye materialy. Issledovaniia* [Zinaida Nikolaevna Gippius. New materials. Studies], ed. N.V. Koroleva. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 156–212. (In Russ.)

Keys R. New light on Remizov's first novel, Prud (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House. *Slavonica*, 2004, April, vol. 10, no. 1, pp. 62–65. (In English)

Kolerov M.A. Bratstvo Sv. Sofii: "vekhovtsy" i "evraziitsy" (1921–1925) [The Brotherhood of St. Sophia: "Vekhists" and "Eurasians" (1921–1925)]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 10, pp. 143–151. (In Russ.)

Lampl H. Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1978, iss. 1, pp. 155–194. (In German)

Neizvestnye pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo serediny 1920-kh godov [D.P. Svyatopolk-Mirsky's unknown letters of the mid-1920s], intro., ed. and notes A.B. Rogachevsky.

Diaspora: Novye materialy. II [Diaspora:New materials. II]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 349–367. (In Russ.)

Obatnina E. "Esli vy vkliuchaete Remizova v gruppu futuristov — na eto est' nekotorye osnovaniia". K istorii otnoshenii pisatelia s avangardistami ["If you include Remizov in the group of Futurists — there are some reasons for this." On the history of the writer's relationship with the avant-garde]. *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d' Amelia*, eds. C. Diddi e D. Rizzi, series: Europa Orientalis, vol. 22. Salerno, Vereja Ed., 2014, pp. 181–204. (In Russ.).

Obatnina E. "Ia dusha chelovech'ia…" (Novaia proza Alekseia Remizova: 1918–1929) ["I am the soul of man ..." (Alexei Remizov's new prose: 1918–1929)]. Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 11: Zga* [Collected works. Vol. 11: Zga]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2015, pp. 574–611. (In Russ.)

Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Obatnina E. Zemnaia sud'ba nebozhitelei v zhizni i tvorchestve Alekseia Remizova [Earthly fate of celestials in Alexei Remizov's life and work]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2018, no. 6, pp. 16–25. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov], intro., ed. and notes I.F. Danilova and A.A. Danilevskii. *Russkaia literatura*, 1993, no. 4, pp. 146–158. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov], intro., ed. and notes I.F. Danilova and A.A. Danilevskii. *Russkaia literatura*, 1994, no. 1, pp. 167–172. (In Russ.)

Perkhin V.V. *Russkie literatory v pis'makh (1905–1985): issledovaniia i materialy* [Russian writers in letters (1905–1985): Studies and materials]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 311 p. (In Russ.)

Pis'ma A.M. Remizova k D.A. Lutokhinu (1923–1925) [A.M. Remizov's letters to D.A. Lutokhin (1923–1925)], publ. E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009, pp. 944–974. (In Russ.)

Rerikh N.K. *Listy dnevnika: V 3 t.* [Diary sheets: In 3 vols.], comp., notes N.G. Mikhailova. Vol. 2. Moscow, MTsR Publ, Master-Bank Publ., 1996. 687 p. (In Russ.)

Russkii Berlin. 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute [Russian Berlin. 1921–1923: Based on materials from the B.I. Nikolaevsky collection at the Hoover Institute], eds. L. Fleishman, R. Hughes and O. Raevskaia-Hughes. Paris, YMCA-Press, 1983. 422 p. (In Russ.)

"…s Vami beda — ne perevesti": Pis'ma D. P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) ["…you are the awkward one — untranslatable": D.P. Sviatopolk-Mirski's letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

Smith G.S. *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. Birmingham, Dept. of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1995. 238 p. (In English)

Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material. *A people passing rude: British responses to Russian culture*. Cambridge, Open Book Publishers, 2012, pp. 190–192. (In English)

Ustinov A. Aleksandr Ginger v nachale 1920-kh godov: ot "Gatarapaka" k gruppe "Cherez" [Alexander Ginger in the early 1920s: from "Gatarapak" to the group "Cherez"]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 40, Spring 2012. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/45/index.shtml (accessed: 06.10.2019). (In Russ.)

Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or living "miraculously". Paris, 1924–1925

© 2019, Elena Obatnina

Abstract: The article deals with determination of new facts and refinement of already known information on the Parisian period of Alexey Remizov's life. Based on archival materials, the article restores details of the writer's personal biography (including his addresses in Paris), literary connections (according to the visiting and memorial lists compiled by the writer), his reputation in émigré circles (including difficult relations with the Merezhkovskys and Ivan Bunin, support from Nikolay Roerich and Lev Shestov, creative communication with Sergey Sharshun and Sergey Romov). Unpublished archival sources are introduced into scientific circulation: correspondence, diary entries, other ego-documents, as well as materials from the émigré press. Particular attention is drawn to Remizov's special attitude to the scandalous publication of S.R. Mintslov's etude "The Secret" (1925), which also expressed his estrangement from the émigré community, whose mood was largely determined by Zinaida Gippius. The article also deals with the role of Dmitry Svyatopolk-Mirsky in Remizov's Parisian life and creative projects, thanks to which, on author's opinion, the theme of Russian national self-identification was actualized in the Remizovs' life.

Keywords: emigration, Russia abroad, Paris, Alexey Remizov, Serafima Remizova-Dovgello, Zinaida Gippius, Dmitry Merezhkovsky, Nikolay Roerich, Lev Shestov, Sergey Sharshun.

Information about the author: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Citation: Obatnina Elena. Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or living "miraculously". Paris, 1924–1925. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 8–44. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-45-108
УДК 821.161.1

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924*

Комментарии *Е.Р. Обатниной*
Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной*

Аннотация: В публикации представлено продолжение рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), основанной на его письмах к жене, С.П. Ремизовой-Довгелло. Глава, посвященная 1924 году, содержит сюжеты жизни писателя, связанные с проблемами его ассимиляции в парижской диаспоре. Переписка с женой фиксирует имена ближайшего дружеского окружения Ремизова, хронику создания его произведений, характер взаимоотношений с эмигрантскими издательствами, переводчиками, представителями французской литературы и славистики. Историко-литературный комментарий к главе дополняет контексты рукописи редкими архивными материалами, которые впервые вводятся в научный оборот, а также содержит обширную научную библиографию, отражающую современный уровень изучения упомянутых в тексте Ремизова реалий его личной жизни, творчества и исторического процесса. В приложении помещены подлинные письма Ремизова, что дает возможность оценить приемы трансформации эпистолярных документов в творческую рукопись и проанализировать авторскую стратегию Ремизова в работе над автобиографическими произведениями. Публикация иллюстрирована редкими архивными материалами.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярное наследие, архивные материалы, история эмиграции.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urana1409@gmail.com

Цитирование: *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924 / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-45-108

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

Глава из незавершенной рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре»* публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея [далее ГЛМ]. Ф. 156. Оп. 2. № 299) с преимущественным сохранением авторской пунктуации и некоторых особенностей авторской или дореволюционной орфографии. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1924 г. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 340), подвергшиеся редактированию в составе рукописи в 1945–1948 гг. Оригиналы собраны Ремизовым в отдельную тетрадь, на страницах которой писатель подклеил пейзажные открытки, связанные с поездками, а также оставил отдельные пояснительные надписи к хронологии 1924 г. Описание этих дополнений, а также фамилии лиц, упомянутых в оригиналах, приводятся в угловых скобках; авторские подчеркивания в тексте выделены курсивом.

5. XI Берлин
5–6 Кёльн
6–7 Paris Hôtel Troyon
7–16 22 Rue de la Faisanderie XVI
16–17 15 Rue Delambre, Hôtel des Ecoles XIV
17–27 48 Rue de Passy, Villa du Vieux Jeanlin<e>, XVI
27.XI–25.II 59 Rue Chardon-Lagache XVI, 3 étage à droite dans la cour[1]

С 26.II.1924
120 bis l'Av. Mozart, 5 Villa Flore, XVI
(до нас японец Y. Akamomatsu)[2]
17.VII–27.VII Mme. Fleury Kerbellec, Le Clion s/m L.I.[3]
11.VIII–23.VIII Praga
12.VIII–17.IX Карлсбад[4]
11–12.IX Eger[5]

ПАРИЖ
1924

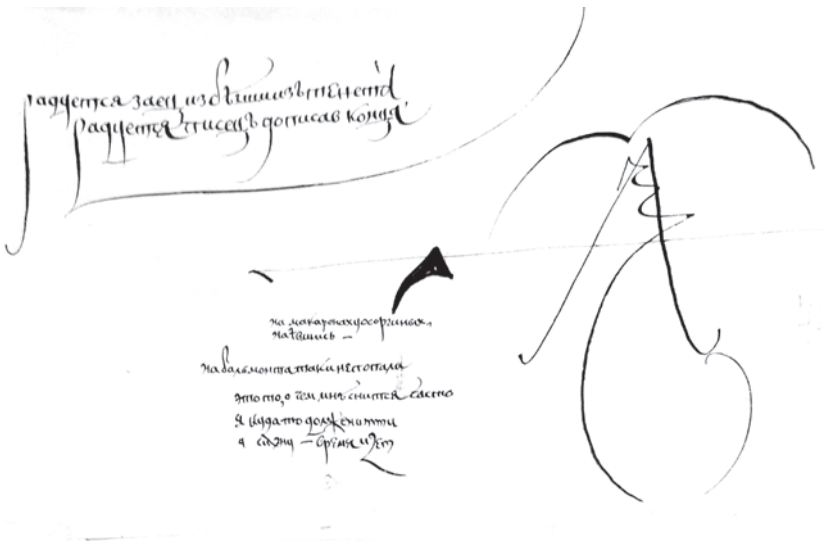
* См. предшествующие главы: «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81; № 8. С. 8–67; «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Там же. 2019. № 11. С. 36–91.

Paris 1924
февраль
Chardon Lagache
Paris XVI
<44>

«Радуется заец, избегши из тенетá, радуется писец, дописав конца»[6].

На макаронах у Осоргиных[7], наевшись, на Бальмонта так и не попали[8]. Это то, о чем мне снится часто: будто я должен идти, а сижу, а время идет.

Обезвелволпал[9].

На вечерней заре. 1924 г. Фрагмент рукописи («радуется заец избегши из тенетá…»). ГЛМ

Paris 1924
февраль
№ 45

1) Поставь воду, чтобы закипело; 2) поставь кофейник, чтобы булькнуло несколько раз; 3) из кофейника перелей в Карлсбадский[10], кофе я положил; 4) а из чайника кругом кипятком. Вот и готово. 5) Мало скипятил, только подогреть.

У доктора Аитова от 1½–2 ч<асов>[11].

Paris 1924
17 июля
120 bis Av<enue> Mozart
5 Villa Flore
Paris XVI
№ 46

Jeanne Huguenet-Fleury, Villa Kerbellec Le Clion s/m (Loire Interiénse)[12].

Вот и письмо начинаю — дождик-дождик. И 10-и нет, а как хочется спать. Днем не удалось. Была Miss Harrison [переводчица Жития Аввакума][13]. Замучил ее чтением, да и сам надсаживался: вот задремлю. Заходила Ек<атерина> Вл<адимировна> Селевина[14] за маслом: масло я ей отдал и в придачу сыр тот — «ты его только что [недели три назад] купила, а есть нельзя: остро́».

Два письма: тебе и мне от родителей В.А. Залкинда[15]; 22-го уезжают. Попрошу их в субботу в 5–5¼. И еще письмо мне, подпись не могу разобрать, привез он что-то для тебя от Люб<ови> Як<овлевны> Яппу [Залкинд][16], да ему сказали, что я уехал в Америку. Так и я не сочиню[17]. «Неизвестного» попрошу в понедельник (21-го) в 6 ч<асов> в<ечера> после Miss Harrison.

Книги занес в Ecole [Ecole des langues orientale][18]. Выпил кофею с круассанами. Отдал дураку твои туфли. Прибрался — ничего лишнего ни на стене, ни на стульях. Написал Лоллию[19] и С.Я. Осипову (Берлин)[20] и André Pierre'у[21].

Посылаю вырезку о Карлсбаде. Нет, раньше ехать нам страшно: а ну-как бесплатной комнаты не дадут? Куда? И большие цены. В крайнем случае, конечно, можно и не 4 недели[22].

Залкиндам[23] скажу, что ты поехала на разведки: чтобы потом «меня привезли на океан»[24].

Miss Harrison мало что поняла из моего чтения. Неудивительно, и как она это слушала? В 12-ь проводила в Лондон Hope Mirrlees[25]; и вышла заминка: Mirrlees билет дома забыла, пришлось возвращаться, и к поезду едва-едва поспела. Сколько было волнения!

Письмо мое пустое, мысли мои сонные, а на душе тревога. Ей-Богу же, не от еды я устаю так, а от бурлящих, раздирающих меня дум. [Странно, про «еду», а должно быть кому-то отвечаю, но какому дура<ку>, не помню]. Только подумай: 1) весной изводяще скучал по Германии; 2) как от молитвы бес, так я оттолкнулся от здешних (эмиграции); 3) и возмущение марксистско-материалистскими указками; 4) вся душа за расплату. [Потом напишу письмо

Достоевскому, там будет этот мотив: «с бомбами на Конкорд»[26]], всем и дуракам, и умникам — тупые машинные плямки![27]

Горящий клубок мыслей, молчаливых и невысказанных.

Вот «покорный»: всё принять, всё вынести, как судьбою положено; и в то же самое время этот «покорный»: ничего не приму, ничему не могу подчиняться и никакая судьба мне не указ; да скорее пальцем не пошевельну или на зло буду делать наоборот. Это мое, так я чувствовал и чувствую.

А вот не мое, вспоминаю наше недавнее — 19–20–21 годы, Петербург: один «высокой морали» отказался от «Академического пайка»[28], Горькому письмо написал, честь-то какая! А отказался он от «пайка», — «потому что жена хороший получает». И потом он везде, подняв голову, заявлял: «могу гордо и с правом обо всем говорить!» — «Честные люди» подозрительны, и тянет к «грешным» — бесхитростно, к этим, что морду не задерешь: пойман с поличным. По-моему, у «грешных» всегда тепло, это «грех» теплит. Вот еще богатых не люблю, им всё некогда. Да богатый не рассядется. И всё это на веки нерушимые, ничем не переделаешь.

Так у меня всё и крутится, отталкиваясь: хочу-не хочу, воровство и праведность, честь и «подлец». Да, взять бомбу, трах! — и всё кончилось, без концов. [Это будет потом в «Письме Достоевскому»].

«Жить духом»? Да можно ли жить на земле «духом»? Я только хочу жить не по-людски. И только чудом, только чудо поддержит как-нибудь «не по-людски»-то прожить на земле. Но разве пожел<а>ешь кому-нибудь такой жизни?

До свидания. Смотри, как там — Океан! Купайся, не беспокойся. Мне только бы успеть сделать всё. Тогда я поправлюсь — освобожусь. Обид много — несправедливости и жалости — сердца не хватает.

На вечерней заре. 1924 г. Глаголическая надпись («Обезвелволпал»). ГЛМ

Paris 1924
18 июля
№ 47

Тебе от Евг<ении> Фед<оровны> Книпович (Петербург)[29]: не получала она «Снега»[30], и от Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой (Лондон)[31]: нет никаких в Лондоне «комитетов» (вспомоществования), попробует написать, ссылаясь на твое письмо.

От С.В. Познера[32]: Жорж кончил гимназию, приглашает на сегодня[33]. Я ответил, что ждем из Палестины[34]. От К. Розенберг — 35 Renten'mark[35] за «Изошел» («Шумы города»), но где напечатано, не знаю[36].

Вот если бы мне зарабатывать!

Ар<иадна> Вл<адимировна> Тыркова пишет: «иностранцы считают, что пора нам не ходить с ручкой».

Воображаю, какие это «иностранцы»! Ходит с ручкой «нужда», а страна ее, родина, не Англия и не Россия, а беда — «Горе-злосчастное»[37]. Нужда-«неволя», от нее можно освобождать, а толчком-упреком не поможешь. Я ведь мог бы и «без ручки», как и ты, при каком-то другом отношении к нам.

Рерих на дураков: «книга и плач»[38]. Да, когда думать не надо по мелочам, тогда хорошо и «книга и плач». Рёрих[39] засытился, а в жизни сытых на перечет, этого он не понимает, и книги его в-пустышку.

Я всё жалуюсь. Как очнусь, и начинается моя жалоба.

И очень я обрадовался, когда получил деньги — свои — без «ручки».

Ходил за кофеем и чаем в Passy[40]. Почему-то в магазинах со мной много разговаривают. Ясно и понятно сказал, как ты учила. И все-таки продавщица затеяла долгую канитель о каком-то турецком кофе, о каком-то китайском чае, когда я спрашивал цейлонский. Должно быть, меня считают за «китайца».

А вчера, тут уж дело во мне и ни в каких соблазнах, вспомнил я, что Miss Harrison надо молоко к чаю, молочную нашел, но от смущения — вижу сыр и никаких бутылок — обратился к продавщице: "Monsieur", а платя, уронил 5 ecu, ну и ладно, нет, пошел шарить по полу и выронил франк.

А вот автоматичность нашего Идола в парике: прощаясь, она, как всегда, сказала: "au revoir, Monsieur-dame"[41], хотя видела, что, кроме меня, никого.

Начал «Анну Ивановну» («Оля», II)[42]. Кроткая Анна Ивановна! Два места самые главные. Первое, когда чайник под подушку, почитает и спать: вошла Оля. А второе, конец, когда Оля ей не поклонилась.

Тут и тихость одинокого и незаметного, и чувство боли от несправедливости, и понимание, и опять боль одинокого и прощения по кротости.

Надо будет замечать сны. Для разнообразия.

Очень холодно сделалось: +10°R. Окна закрыты. А спал с открытым и просыпался, что холодно.

Завтра пойду к Mac-Orlen'у[43], а вернусь, приготовлю чай, печенье есть, хватит.

Письмо вслух пишу и «Анну Ивановну» вслух.

Ты не беспокойся. Узнавай, гляди, какой Океан. И разговаривай побольше. Знаю, это для тебя всего труднее, хотя и «для практики». До свидания. Купайся.

Вот холод-то, хоть фуфайку надевай.

Paris 1924
19 июля
№ 48

— Слава тебе, Господи, что нас не оставляешь,
странные наши души, странствовать в этой жизни:
еще на один месяц даешь нам жить! —

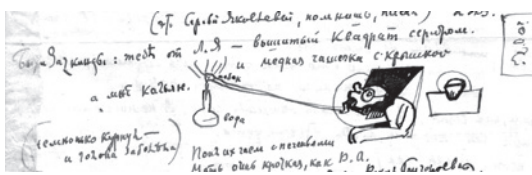
Получил чек от “Plon” за “Sur champ d’azur”[44] на 1000 frs.

Только во вторник могу получить деньги: в понедельник Miss Harrison, а потом из Палестины.

Письмо от Долмата Лутохина[45], поздравляет тебя с «кафедрой» [С<ерафиму> П<авловну> приняли в Ecole des langues orientales, 2 Rue de Lille, с осени начнет курс «славяно-русской палеографии»; читала 15 лет 1924–1939 до начала войны — столько учеников! — и как это странно: после смерти С<ерафимы> П<авловны> ни один не отозвался и нигде не было отмечено. А мне мое: “A travers de feu des douleurs”[46] не удается напечатать]. В письме Д. Лутохина адрес В.Н. Тукалевского[47], который сулит тебе археологические материалы. [Никогда ничего не прислал].

“Das russische Echo” или просто «Русское эхо» №: мой портрет — Бориса Григорьева и воспроизведено мое «рукописание»[48] — 2 экз. Прислал С.Я. Осипов (Берлин).

Были Залкинды: Дора Александровна и доктор[49]: тебе от Любови Як<овлевны> Яппу (Залкинд) квадрат, вышитый серебром, и медная чашка с крышкой, и мне кальян (курнул, и голова закружилась — значит, я не араб, и не турка)[50]. Поил их чаем с печеньем. Мать кротчайшая, как Вик<тор> Ал<ександрович> Залкинд, а отец, доктор, похож на брата Рахиль Гр<игорьевны> Осоргиной[51], высокий и крепкий. Это тебе, на твое рожденье: 17-го.VII (4.VII с/г). Что-то в понедельник передаст неизвестный?

Ремизов А.М. Автопортрет с кальяном. Рисунок из письма к С.П. Ремизовой-Довгелло от 19 июля 1924 г. ГЛМ

Был у Mac Orlan'a. В понедельник он уезжает до 6-го августа. Аванс из "Renaissance du livre"[52] никак не получить: уехал издатель. Надо, чтобы André Pierre прошел в редакцию. Так думает Mac Orlan. Но Pierre тоже уехал. И думаю, что в сентябре, а вернее в октябре можно будет получить. [Ничего не получил]. Условия, как у "Plon". Я показывал контракт.

Когда видели Залкинды, приходила П.И. Терещенко-Чайковская[53]. Я ей сказал, что гости из Палестины, и она сейчас же ушла. Придет завтра. Говорит, что всю неделю «продавала». Хорошо, если есть, чего продать. Беда, когда пусто.

После Залкиндов Ходасевич[54]. Вчера было рожденье Сол<омона> Вл<адимировича> Познера, нас ждали. О Эренбурге[55], о М.М. Шкапской: стихи о «выкидышах всего мира»[56]; Ал<ексей> Н<иколаевич> Толстой в загоне не от писателей, а от партийных, называют его «лакеем»[57]; в загоне и Андрей Белый — но он в «антропософии»[58], о Книпович ничего. «Все в унынии»: грубость и доносы.

Всё это будто бы со слов Эренбурга, но я думаю, и не без дополнения самого Ходасевича, унылый человек! Я дал ему «Николины притчи»[59] и экземпляр для Познера.

Опять в лавке недоразумение: спрашиваю "Kilo de sucre cassé"[60] — и начались пространные объяснения продавщицы о сортах сахара: "en poudre"[61] и «тростниковый» — пока я не ткнул пальцем: «вот этот». Может быть, надо было сказать не "cassé", а "en morceau"[62]?

Поутру в молчании записал сон. Между прочим, как это странно, видел чек.

Осталась последняя часть и «Анна Ивановна» готова.

До свидания.

Окна закрыты. Сижу в платке — +12°R. А днем было +15°R. А мне холодно. В Карлсбад надо не забыть взять фуфайку.

***

Сон. Я сразу почувствовал, что что-то нарушил, какие-то наши явные пространства и меру. Я приоткрыл дверь и очутился в комнате: к окну сидит спиной Лида (сестра С<ерафимы> П<авловны>)[63] и чистит на себе ботинки.

«Я тоже, говорю, ударяя на "тоже", этот № "Prager Presse"».

Она продолжала чистить с остервенением — ботинки черные на одной пуговице. Я понял, что это чистит она, чтобы восстановить содержание неполученной газеты. И мне

ее стало очень жалко. Я подошел поближе и погладил ее по голове, голова шершавая, не человечья. И проснулся от страха.

Но проснулся во сне же, я как бы поднялся из той глубины, где разрушены все наши представления «меры, числа и веса» и где человеку «страшно».

На лестнице в каком-то учреждении, не то Мэрия, не то Префектура, весь в черном, похож на А.И. Тинякова[64], испитой, весь просвечивающийся. Он мне объявляет, что «религиозно-обрядовых организаций в России больше не существует». Я понимаю, что под «религиозно-обрядовыми организациями» он подразумевает «общество или союз хоругвеносцев».

«Да, конечно, нет, и не могут существовать, раз Кремль закрыт. Но это всё пройдет само-собою!» — утешаю его.

Но он торопится:

«Мне надо, говорит, к Никол<аю> Мих<айловичу> Ремизову[65]: чек получить».

И я вспомнил, что Николай, мой брат, обещал мне чек, и этот чек Тиняков и должен получить для меня.

«Очень вас прошу, буду вам очень благодарен».

И тут произошел какой-то перелет, и я уж не в Мэрии, не в Префектуре и никакого «Тинякова».

Темно. И очень тихо. Дачная комната с балконом. Легкая мебель, пианино, ваза с полевыми цветами — больше ромашки. Через балкон сад — много цветов. Входит Наталья Вас<ильевна> Григорьева[66]. Очень мне обрадовалась.

«Как с того света, говорит, вот не думала вас увидеть. А вы вернулись».

Мы сели к окну. Какой чудесный сад! Я покосился и вижу, она спит. Плечом к моему плечу. Попробую отстраниться — невозможно.

«Приросла!»

«Хоть бы С<ерафима> П<авловна> пришла, думаю, может, она что-нибудь сделала бы…»

И на мой зов входит через балкон из сада маленькая «жуковидная», живые черные огоньки в глазах. Она взяла с дивана сорочку, синеватую, как белок, слюдяную, растопырила перед собой, и только глаза черные огоньки поблескивают. И я вдруг понял, что это она была там, на лестнице, в этой слюдяной волшебной сорочке.

«А чек вы получили?»

Но с моим последним словом всё скрылось, и я легко проснулся.

Paris 1924
20 июля
№ 49

Твое письмо. А чернила-то жидковатые, видно, мало в доме пишется.

Ты живешь в Бретани, на границе с Вандеей[67], а море [Атлантический океан] — его берег в Америке.

Письмо от B. Schloezer'a[68]. Опять, как это странно, видел его во сне, и вот письмо.

Представляю себе, как это ты на двухколеске[69]! А взбираться, как на каланчу []?[70] — этого сравнения никто не поймет.

Б.Ф. Шлецер о своей статье в "Les Nouvelles littéraires": появится 1 августа и перевод сказки из «Николиных притч» и надо портрет[71].

Заходил Вл<адимир> Мих<айлович> Селевин[72]. Вместе к Ширяеву[73]: портрет кончил — я и не я. А от Ширяева с Montparnassa <sic!> пешком. Тепло опять. Хорошо было идти. На 68 Rue de la Chaussée-d'Antin "maison de café", итальянский бар. Самое лучшее <sic!> в Париже кофе, чашка — 60 ecu. Продают и «на вынос»: фунт — 8.50 frs. Надо попробовать, куплю непременно.

Сговорился с Ширяевым вместе в Чешское консульство в среду и выяснить о продолжении визы; и письмо надо в Германское о транзитной[74].

Лучше ехать 3 августа. Спокойно всё бы сделали, и билеты надо заранее. А ты купайся и молоко пей. Не беспокойся.

Завтра я сам пойду на базар за говядиной. И вот когда стал ходить, стал и встречать. Вчера на Av<enue> Mozart: Хентова[75], потом Г.Л. Лозинский[76]. И вижу, сразу меня не узнали.

Заходила «на минутку» П.И. Терещенко-Чайковская. «На минутку» — это у нее от прошлого: богатство измеряется минутами, и чем богаче, тем минуты кратче. Я сказал, что «ты вышла». Исполняю добросовестно твой наказ: никому и ничего.

Много было звонков, но я не отворил. Мне надо было во-что-бы-то-ни-стало: написать свою библиографию J. Fontenoy[77] для "La Revue hebdomadaire" ("Plon")[78];

Ch. Du-Bos'y[79], Шлейцеру и К. Розенберг[80] о получении денег «без ручки»[81].

Сейчас только посмотрел за дверь: карточка Вл<адимира> В<асильевича> Диксона, — вот это жаль![82]

Утром «Анну Ивановну». Придется перед заключением сказать о «Оле»: что она тогда думала. Попробую. А ты скажешь.

На шее камень: редактировать для Ляцкого[83] «Пруд». [В конце концов Ляцкий вернул][84].

В газетах: из России. Телеграмма трёста другому, который требует уплаты в срок: «Не шуми. Делов много. Заплатим завтра».

Я думаю, в России сейчас Виктору (Ремизову)[85] было бы вольготно. Я так и слышу его голос.

А вот о балтморах: «с партийными значками венчались в церкви, поп наложил на них “короны”» (из «Правды»). В каком-то селе попа выгнали из дому, а церковь битком набита народом.

Эренбург рассказывал, что ему кричали на лекции: «говори внятно, что у тебя вместо рта ж…а?» И не потому, что хотели грубо, а просто: что ж тут особенного «ж…а»?

Ты чувствуешь? Я тебе еще много расскажу и чудно́го и чу́дного. Жадность к ученью необыкновенная… Бывает, что не одолеть, и сходят с ума, бывают и самоубийства. Как это всё по-русски.

Всё думаю, как бы нам заплатить и за август, и за сентябрь. Или не хватит?

Встаю рано — в 8-ь ч<асов>, а долго сидеть не могу — около 1 ч<аса> спать.

Нашему Идолу[86] в парике делать нечего, так она всё полы натирает.

Пришью пуговицу, и спать: много за день прошел.

***

Сон. На фоне няньки (все, какие есть няньки, слились в одну Анисью[87]) Киевский профессор Келлер[88], перед Келлером П.П. Сувчинский[89], перед Сувчинским миска с киселем: большие куски с молоком. Я ложечкой мешаю. А сбоку мне мешают: Герм<ан> Леон<идович> Ловский <sic!>[90] и Б.Ф. Шлецер.

Paris 1924
21 июля
№ 50

Бандероль: Евразийская хроника № 3[91]. (Она у нас есть). И вроде как ничего. И никаких писем.

Палестинский «неизвестный»[92] принес тебе шелковый платок; араб голову кутает. Показал пример, но ты можешь и на плечи. И еще сумочку, на кисет похожа.

Ек<атерина> Вл<адимировна> Селевина принесла твои туфли — что-то каблуки очень короткие, увидишь! Заходил Диксон: едет в Бордо. Была Miss Harrison, кончили Аввакума. Написал на конверте твой адрес. Потом зашел Д.П. Святополк-Мирский[93]. Он не знает, что ты уехала, да и не любопытный, а Miss Harrison не разговорчивая.

Больше Аввакума читать не буду. Перевод сделан[94]. Одному, без тебя, очень было трудно. Так изморился и с палестинским — это студент — едва разговаривал. Святополк хлопочет, чтобы за английский перевод «Изошел» (“Gone out”) — “The Slavonic Review” — June 1924 — мне прислали гонорар[95].

Рассказ про «Анну Ивановну» назову: «Не из говорящих». А всю 2-ую часть «Оли» — «С огненной пастью»?[96]

На базаре у меня ничего не вышло: очень много народу, не подступиться; когда же, наконец, проткнулся, бабы кричали и радостно, и весело: “Cher boucher!” Мне стало даже горько: в кои-то веки и один смех. Я отошел и на углу мясной купил фунт за 9.55 frs.

Сделал, как ты, в «кокот»[97] с луком и картошкой. Два часа протомил на маленьком огне. Хватит и на завтра. Доел груши. Остались сливы и дыня.

Горе мое в том, что не могу долго сидеть. А чтобы что-нибудь успеть сделать, надо непременно посидеть. Нельзя растягивать. Сегодняшнее объяснение Аввакума м<н>ого у меня взяло.

Не понравилось мне, как вчера П.И. Терещенко-Чайковская о Ширяеве: она с ним не хочет встречаться, потому что знает, что он очень нуждается, а помочь деньгами нечем.

Так и про нас с тобой говорят, чувствую всей душой.

До свидания.

12-ть часов. А прежде — до 4-х сидел.

***

Сон. Театральная зала. Строют <sic!>: в полу делают матовые окнища, чтобы проваливаться. Распоряжается Аросев[98]. Ты показываешь шелковую плетенку, торчат волосы. «Это, — говоришь, — хорошо, как грелка. Тут появляется М.И. Терещенко[99] и Пильняк[100]. Какой-то разговор, но все слова погасли. И мы очутились в узкой комнате. Одно окно. Дверь в соседнюю комнату, там живут. Так тесно, и так темно, хотя одно окно большое и пусто. Наша комната. Вползает Бирюлька [Эмилия Моисеевна Каплун-Walden[101]] и к двери, приотворяет ее, просовывает пакет и что-то пищит туда.

«Постойте, говорю, можно и с того хода, зачем же от нас!»
И я как стукну по столу, она и пропала.
А пакет на полу остался, но я его не поднял.

Paris 1924
22 июля
mardi
№ 51

Тебе от Фриды Лазаревны Шрейбер. Как поступить, сообрази.

Шрейберы выезжают из Берлина в воскресенье — 26-го[102]. В Париже будут — 28-го, во вторник. Просят задержать комнату в Hôtel Méridional, 14 Rue Trézel, XVII. Это, как ехать к Вальтеру[103] по мэтро: Clichy, а оттуда вверх по № 5 — 2-ая остановка — Brochant (к Porte Clichy). В воскресенье я был там с Ширяевым.

Точно день приезда они сообщат. Но я не знаю, как в гостинице, — должно быть, накануне заявить или теперь?

Хотел попросить их привезти чего-нибудь из нашего, но К. Розенберг уехала, а всё у нее[104]. Я о весах думаю. Сообрази и напиши мне, как поступить.

И еще тебе письмо от Надежды Вас<ильевны> Балаховской[105]. Стариков-то нет, приглашает в субботу — 25-го. Не надо обижать, я пройду, а ты к Буайэ[106] поехала — «экстренно». Будет старшая Бах[107], обещает, только обещает поместить перевод в газетах: может, следует еще и еще раз ей напомнить.

Мне письмо от Геор<гия> Гав<риловича> Шклявера[108], уезжает 27-го. Принесет гонорар. Я ему написал, чтобы приходил с Диксоном.

Во сне — под самый конец — будто мне рекомендуют переводчицу с приставными ногами и приставными руками. И вот получил письмо от сестры посла Извольского Витали[109], возраст её, судя по почерку Ивановой — «Лимон», как произносил В.В. Розанов Леман[110]. Рекомендует ее Шклявер. И об этом надо поговорить со Шклявером.

В 2 часа ездил к St. Sulpice в “Plon”[111], получил 1000 frs. На квартиру отложил 900 frs., а 100 frs. в карман.

Завтра с Ширяевым в Чешское посольство. А потом к Шифриным[112]. Конечно, не скажу, что ты уехала.

Меня очень смущает насчет комнаты в Праге: куда обратиться? От Ляцкого нет ответа.

Завтра еще раз перепишу «Анну Ивановну». И начну другой рассказ.

Стало теплее. Спал со ставнями. А пишу с открытыми.

Идол в парике всё полы натирает. И моет.

Будь осторожна: до волдыря загорать не полагается.

Сегодня 2-ое твое письмо. Нет, я боюсь один ехать, растрясусь, а ведь еще Карлсбад предстоит. Когда-нибудь вместе.

Осторожнее купайся. Не забудь наш адрес написать на чемодане.

До свидания.

***

Сон. Для «регистрации» надо пройти «через доктора», получить свидетельство. Этого все добиваются. Иду и я, а впереди Сергей Ремизов и Ида Федоровна Ремизова[113]. Они уже пробрались в приемную, а я шел медленно: лестница винтовая и очень высоко. А когда, наконец, я поднялся, Сергей мне сделал знак. Я понял, что мне не нужно ждать, и я могу идти. И пошел. И попал не на ту лестницу. Но только, когда я спустился, я понял, на какой высоте я находился и по какой лестнице спускался. Я посмотрел вверх и увидел: лестница без перил и вертикально без всякого наклона, а высота — 7-ой, 8-й этаж. И слышу, говорят, что я спускался, весь вытянувшись, и глядя прямо и с необыкновенной быстротой. И я очутился на вокзале, похож на Gare d'Orsay. Очень тесно. Ко мне подводят даму и знакомят:

«Переводчица».

Вглядываюсь: очень похожа на Ксению, дочь Ек<атерины> Вл<адимировны> Селевиной, такая ж «бабища», но вся составная. И я замечаю, что ноги у нее приставные, и руки приставные, а пальцы отдельные косточки.

"La voyage au pays de la quatrième dimension[114]. Согласны?"

Paris 1924
23 июля
Середа
№ 52

Тебе от Hope Mirrelis <sic!>: «скучаю за вами».

Видел во сне «Марков Карловичей» Вольфсонов[115] — реку-церковь-Пасху-зелень. Это к хорошей погоде. Так и есть: пасмурно и ветер с Океана — весенний.

Был в Чешском консульстве. Надо им точно сказать, когда едем в Прагу. Только тогда они напишут в Германское консульство. В пятницу или в субботу пойду в Комиссариат, на 9 авг<уста>

(25 + 15). И тогда надо решить отъезд и, решив, идти в Консульство. Можно было бы и на 5.VIII, вторник — St. Abel. И билеты заранее взять, чтобы получить плацкарты.

Буду ждать от тебя решения. И тогда бы в понедельник 27.VII с утра — с 10 ч<асов>: чешское посольство — консульство — германское посольство. А если бы не успел, то во вторник — 28.VII с визами кончил бы, а билеты в среду-четверг. И надо узнать, с какого вокзала.

Отнес <Я.>С. Шифрину книгу — «Сны» и «Петушка»[116]. Поили чаем. А думал получить денег. Нет, ничего.

В 12-ь с Ширяевым: телятина (подозрительная) с картофелем и кофе. И это за 8 frs. Дома выгоднее. Куплю “une bonne livre de veau”, а это значит кусок, а не ломтик, как в ресторане[117].

А когда говорят “une bonne heure”[118] — это значит, 4 или 5 ч<асов>, как хочешь. Вот, какие я премудрости узнаю: учит Ширяев.

Начерно начал рассказ. А переписывать лучше при тебе.

Почерк у меня сегодня Наташин[119]: что-то опять с рукою — это «плечевой нерв» — ломит. Помажу йодом. Но ты не беспокойся, это как недавно было. Или это — весенний ветер с Океана, или натрудил?

А для Шрейберов обещает Ширяев: задержит[120].

А что Нина Мавлютина (Катруся)[121] [«Оля», II ч<асть>] крикнула, когда у нее сделался припадок?

Приходили Оля, Наташа с Аукой[122]. Лисевна[123] в Праге. Хотели тебя дождаться. Я сказал, что ты у Каварских[124] и, может, ночевать будешь. Они не поверили, я это почувствовал. Потому что стали спрашивать о Бретани, адрес: «куда хотела ехать С<ерафима> П<авловна>?» Я сказал, что не знаю. Напоил их чаем. Аука рассказывала о Праге. Лисевна хочет ехать с нами из Чехии в Париж.

А мышка наша пропала, больше не показывается [«По карнизам»][125]. До свидания.

До свидания.

***

Сон. Католическая церковь круглая и очень высокая. Против алтаря хоры. Пасхальная служба. Дым от кадила. По углам, как хоругви, шесты, вымазаны каким-то особым составом: если этими шестами притронуться к стене — живопись расцветет цветами.

Полна церковь народу. Вижу Марка Карл<овича> Вольфсона и «Монашонка» [жена М.К. Вольфсона][126].

Я с ними переглянулся. И только что хотел протиснуться к ним, как кто-то шестом прикоснулся к стене — и не цветы, а повалил дым, да с огнем! — и все бросились вон из церкви.

А на воле — зелень. И река. На реке плотик и к плотику зеленая дорожка. Напоминает Ammersee[127]. И опять в толпе вижу: Марк Карлович Вольфсон и Монашонок — они меня ищут.

Paris 1924
24 июля
№ 53

Бог нас не оставляет! Приходил Шлецер, принес 100 frs. — аванс от Шифрина за «Сны», будут напечатаны в альманахе. [Никогда: ни альманаха, ни моих снов]. Потом из Лондона из "The Slavonic Review" за "Gone out" («Изошел» — «Шумы города») £ 2,16 (2 фунта 16 шиллингов). Фунт — 85,25 frs. Чек. Справлюсь, где получить.

III-ье письмо от тебя — 23.VII. И от J. Fontenoy: зайдет в субботу.

Завтра пойду в Префектуру. Во вторник 29.VII в Чешское Консульство. И решим точно, когда ехать. В воскресенье проеду на вокзал к 4-м. А вечером: лучше мне выйти постоять на улице после 11-и, чтобы тебе помочь чемодан?

Руке легче. На ночь йодом, и аспирин. Вечера холодные, верно, я простудился. Вот наказание какое! Весь день писал, но не отчетливо и не ровно.

А блохи, пишешь, да сейчас их пора: «они женятся»!

По солнцу мне даже хорошо днем проехать на вокзал. Конечно, к Балаховским я не пойду. Что-нибудь выдумаю написать им.

Купил телятины, только мне почему-то костей навалили и ни одной настоящей, «вываренные». В воскресенье сделаю телятину и хлеба куплю. Вернешься днем, проголодаешься в дороге, тут тебе и будет, чего поесть — "une bonne morceau"[128]! У меня не подгорает: на маленьком огне и, повернув, поливаю соком.

Никто меня не прерывал, и я сегодня много сделал. Главное: непрерывность — и только так развивается мысль. А перервешь — и ход мысли и весь строй остановка, начинай сызнова.

Твоим — слова Зинаиды Павловны — воспользовался. Слова в кавычках драгоценны[129].

Во сне «Книги», это хорошо.

До свидания.

Аука[130] рассказывала, что в Праге прекращают стипендии, потому и разъезжаются. И Антонов приехал оттого же или он Антипов[131]?

Нет, ничего, что Аввакума кончил, там оставалось, как «изгонял бесов»[132]. Miss Harrison просила: ей надо кончить перевод до 1-го августа, и надо воспользоваться Святополком-Мирским[133], пока он тут. Без тебя мне было очень трудно.

Заплатил за электричество с 25.IV–27.VI — 26,95 frs.

25 июля
½ 9-го у<тра>
пятница

IV-ое твое письмо от 24.VII.

Боюсь, что поздно писать Шрейберам, попробую. Приду на вокзал в воскресенье к 11-и вечера. В воскресенье же с Ширяевым проеду к Porte Clichy — это очень далеко: «Меридиональ».

Руке легче. Открытка от Hope Mirrlees.

***

Сон. Всё обыскали, и в столе и на столе, и ничего не нашли — ни одной рукопи<си>. А высокий прилавок и на нем томов 20-ь — книги в белых обложках, французские.

Это я выставил получить первую премию за свои сочинения. И не знаю, что делать. Хорошо, что по-французски не понимают, ведь это ж всё не мое. А если, думаю, обнаружится? А уж поздно, книги упаковывают.

Paris 1924
25 июля
пятница
№ 54

Это письмо пошлю, а завтрашнее сберегу: как приедешь, так и подам.

Всё прибрал. Я думаю, не стоит всего выставлять, а что понадобится, то я и выну. Шкапы заперты, и твоя щетка, и коврик.

Мышка перекочевала ко мне: бегает, как тень. И нечего ей есть, так коврик, что под дверью, теребит. [«По карнизам»].

Вечером Шклявер с Диксоном. В воскресенье уезжают: Шклявер в Савойю, Диксон — в Бордо. Шклявер принес гонорар из “La vie des peuples” — 180 frs[134].

Ходил с Ширяевым в Префектуру.

Надоел он мне хуже горькой редьки — Господи, языка-то не знать, сколько тут примешь и терпения и смиренным станешь!

И всё начинай сначала. И анкету снова. Только твоей подписи не надо. В понедельник получить. И тогда в Чешское консульство.

Понимаешь, надо точно сказать день отъезда.

На St. Michel'e ели бифштекс. И после много чаю пил. Масло, должно быть, какое-нибудь «деревянное», такая жажда.

В воскресенье поеду на Trésel[135], куда Шрейбера хотят, в «Меридиональ» — даль ужасная. Спрошу. Если там никакой «кухоньки» нет, которая так прельстила Шрейберов, то лучше всего взять для них комнату, где мы по приезде одну ночь провели. Вообще и в наших краях (XVI) есть комнаты, только полное незнание Парижа может загнать человека <в> такую даль — XVII ar<rondissement>.

Переписываю. Помешали. И долго сидели. Уж 1 ч<ас> н<очи>.

Во сне звери, змеи, головастики. Не знаю, к чему.

Холодно очень. Неужто фуфайку надевать?

Шклявер показывал телеграмму Рериха: переводит 1000 frs. для «невесты Шклявера»[136]. Вот, наверно, довольна будет.

До свидания.

Рука наладилась. И йода больше не надо. Отдохнула.

О Ширяеве пишу так: «надоел». Всё мне вопросы задает и самые «умные» и ничего не «вопрошающие». Я ему сказал, «не спрашивайте меня». Пускай сам болтает.

***

Сон. Старообрядческая церковь. Вхожу в трапезную. Оттуда слышно пение. И вижу Муратов[137] и Гершензон[138]!

«Вот, — думаю, — Гершензон тоже в церковь ходит! Впрочем, для старообрядцев никакой разницы: я ли, Гершензон ли, всё поганое!»

И выхожу в притвор. А там площадка, и на площадке ко́злы, и через козлы все перепрыгивают. А перепрыгивают звери — змеи, но на лапах и очень понятливые рожицы. Все небольшие, с собаку, а есть и головастики. А кто перепрыгнет, бежит к «пещере» — «убегают в пещеру», на которой свечи горят.

На мне арабский платок (Залкинда подарок). Я разбежался за зверями и на козле застрял.

Paris 1924
26 июля
№ 55

Диксон получил по английскому чеку £ 2 — 16 — 250,50 frs.

Приходил Fontenoy: я ему растолковывал слова.

Всё время пишу.

А представь себе: мышка-то какая умница: это она без тебя меня сторожила. И я ее никому не выдал.

Наташа [Резникова] спрашивает:

«Что это, как будто мышь или это в глазах?»

«Да, говорю, это у вас в глазах».

А вчера Шклявер со страхом:

«Мышь!»

«Ну откуда тут мышам быть, это от лампы!»

А сегодня мышка ушла — не показывается: знает, ты завтра приедешь. И ушла в норку — отслужила.

Ну, подумай, как я ее прогоню, если явится вдруг?

Рука больше не болит. А дождик-дождик — и холодно. А утром такая влажная теплынь была.

***

Сон. Стеклянная комната. За столом Над<ежда> Павлович[139]. А за стеклом ты. Аука[140] вынула из несгораемого шкапа тетрадь: это она написала. Я раскрыл тетрадь, и мы поехали.

Сижу очень низко, почти на земле. На мне всё серое. И замечаю, что это бревно на одном колесе.

«Как же мы движемся?» — спрашиваю.

«Да очень просто, — смеются, — это железнодорожное!»

И тут какая-то с колеса:

«Вот если бы Сергей Яковлевич (Осипов), не так бы еще прокатились!»

И я проснулся.

Такое чудесное утро, такой полный влажный ветер и тепло.

Paris 1924
27 июля
№ 56

Письмо от Аркиной из Норвегии[141] по рекомендации М.А. Алданова[142]. Пошлю «Крестовые сестры» и немецкий перевод. [Ни ответа, ни привета, и никогда по-норвежски никто меня не переводил].

Какое горе: стал сухарики делать — и опять рука заболела.

Купил “une bonne livre”[143]. Я думаю, кило. Мясник смеялся. Это я всё по разным мясным хожу, хочу испытать, где лучше. А будет ли прок, не уверен: мясо не просто дается, а — — с костями!

Всё спрятанное выставил, восстановил, как было: посмотришь, и как будто ничего не было, всё, как в день твоего отъезда.

Всё утро писал. Сейчас бы и «Демонстрацию» [«Оля», II ч<асть>][144], да вот-вот явится Ширяев ехать, Бог знает, куда о Шрейберовской комнате справляться. Так вот и всё — беспокойно.

***

Сон. Собрание в подвальном зале — напоминает столовую в Петербурге (1919–1920 г<оды>) на Миллионной во дворце Владимира Александровича[145]. Народу не протолкнуться. Говорит молодой архиерей в белом, вишневый саккос. А в заключение подымает ноги и показывает ступни — вишневые, как саккос[146]:

«Это всё большевики сделали!»

А я подумал: «врет, ведь, пожалуй».

А Александр Иванов[147] — «присмиренный»:

«Вы о большевиках скóса?»

Но Карташов <sic!>[148] с женой[149] навалились на Иванова, и он, не пикнув, присел. Я протиснулся к выходу и попал в другое собрание.

На эстраде Милюков, окруженный «оппонентами» [150], так почему-то говорится «оппонентами». Доклад кончился, принялись за еду. Едят руками. Мне предлагают ветчины, но я отказался.

«Ветчину не ем, — говорю, — а гарнир с листиками».

И прохожу по коридору. По стене прилавки. Меня догоняет С. Поляков-Литовцев[151], я его заметил среди «оппонентов», в руках у него ветчина.

И я взял ломтик и подумал: «там отказался, а тут без возражения взял».

И вижу Алек<сандра> Мих<айловна> Полякова[152] и их племянник. Этот племянник — большой квадратный, а внутри электрическое пианино, и как заговорит, слушать невозможно, все-таки различаю:

«Мы в вашей новой квартире».

Я его стал выпихивать за дверь, а он, как пружинный со своим механизмом, не выталкивается. И вижу, обиделся. И я его оставил.

А наша новая квартира оказывается тут же в подвальном помещении, где архиерей вишневые ноги показывал.

Опять набирается народ. Начинаются танцы. Все должны танцевать. Я стал понемногу раздеваться. И тут С.В. Познер, снимая с себя сапоги:

«Я, — говорит, — вас понимаю, я тоже не желаю принимать участие!»

<*Вклеена фотография:* — Ремизовы в Карлсбаде (1924)>

Ремизовы в Карлсбаде. 1924. ГЛМ

Прага — Карлсбад
«Englischer Hof», Parkstrasse, Karlovy Vary

Eger 1924
11 сентября
№ 57

Стою у кассы. Сейчас 11-ь. Через ½ поезд. Выпил кофе — холодный. Раз двадцать вспомнил Я.С. Шрейбера. [Почему не могу вспомнить: или по холодному кофию, или потому что Шрейбер

учился в Берлине и хорошо говорит по-немецки?]. Если бы не Prager Presse, и тебе бы пришлось тащиться сюда [С<ерафима> П<авловна> оставалась в Карлсбаде, а я — за какой-то германской визой ездил в Eger]. Всем без анкеты, только для русских с “certificat”. Когда же, наконец, мы будем ездить по-человечески? Как вот эти, которые были соседями в вагоне, — в длиннейшем пути Personenzug’a[153].

Хотел писать, но все мысли вышибло. Нет, тут винить их [немцев] напрасно. Только досадно. Но как это всё не нужно.

Eger. Unterer Markplatz

Eger 1924
12 сентября
№ 58

Только сейчас отпустили. Осталось ½ ч<аса>. Едва вышло. Опять “Fehler” (ошибка): ты должна 2 раза подписать. Но это не моя вина. Встретил русских. У них тоже “Fehler”. Только для русских анкета и «подожди».

Дорогой пробовал писать о «Пруде»[154]. Так мало видел. И жаль, что не был в церкви — беззвучно выйдет.

Пойду кофе пить. Хорошо, что так кончилось.

[В немецких городах, а и тут, надо непременно заглянуть в церковь: орган, он озвучит зрение].

Unterer Martkplatz m. Stöckel

Paris 1924
6 октября
№ 59

Кланяюсь тебе! Не сердись Бога ради: я поставил коврик сушить, он наклонился к камину и целый кусок обуглился. Я паленый кусок отрезал, не сердись! Я знаю, и так всё, а тут и это — но кусок небольшой.

Paris 1924
25 декабря
№ 60

Это Père de Nöel[155] посылает тебе поздравление. А я только пишу за него: почерк его морозные цвет<ы> — белые папоротники и елочки. А на бумаге он не знает: в России пишет на зимних окнах, а тут на облаках, на волнах и на песке может. Joyeux Nöel[156].

[1] 3 этаж направо во дворе (*фр*.).

[2] Перечисление пансионов и съемных квартир со времени приезда в Париж (6 ноября 1923 г. по февраль 1924 г.).

[3] Адрес съемного жилья в доме m-me Fleury (Флёри), у которой Ремизовы останавливались во время летних поездок в Бретань с 1926 по 1939 гг.

[4] В обозначенный временной промежуток С.П. Ремизова-Довгелло находилась на санаторном лечении в Карлсбаде.

[5] Eger (Эгер) — немецкое название чешского города Cheb (Хеб), расположенного на западной границе Чехии с Германией.

[6] Сокращенный вариант русского перевода древнерусской писцовой виньетки (колофона). В архиве Ремизовых сохранились конспекты С.П. Ремизовой-Довгелло учебника Е.Ф. Карского «Очерк славянской кирилловской палеографии» (Варшава, 1901) с выписками этого и других колофонов. Ср. из Пролога XVI в.: «Рад быст заец изринувшийся от тенета, а рыба из сети, а птица из клепца, а должник и от резоимца, а холоп от государя, так рад бысть писец достигши в книзе остаточного слова пролога сего и последнии строки видючи яко святого воскресения» (цит. по: *Карский Е.Ф*. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 280).

[7] Очевидно, что запись Ремизова соотносится с письмом *Михаила Андреевича Осоргина* (наст. фам. Ильин; 1878–1942) от 4 марта 1924 г., в котором предложен план будущей встречи: «Насчет блинов — сомнительное дело, масленица-то, словно бы, прошла. <…> а то может быть макарон поедим дома? Мне всё одинаково лень, и на всё согласен. Надо чтобы барыни наши решили <…>» (Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 3. F. 7. P. 18).

[8] Речь идет о лекции *Константина Дмитриевича Бальмонта* (1867–1942) под названием «Русский язык (Воля как основа творчества)», прочитанной в Сорбонне 5 марта 1924 г. Опубл.: Современные записки. 1924. № 19. С. 206–224.

[9] Обезьянья великая и вольная палата — мифическое общество, образованное Ремизовым. Об истории этой неотъемлемой части литературного быта писателя см.: *Обатнина Е*. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

[10] Подразумевается кофейник, привезенный из Карлсбада. Ср.: «Сварил я ему <С.Л. Полякову-Литовцеву. — *Е.О*.> кофе <…> в карлсбадском кофейнике: носик с пробкой, чтобы кофейный дух беречь» (цит. по: *Ремизов А.М*. Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. СПб., 2017. С. 578).

[11] По-видимому, *Владимир Давидович Аитов* (1879–1963) — доктор медицины, видный деятель русского масонства в эмиграции.

[12] См. примеч. 3.

[13] *Джейн Эллен Харрисон* (Jane Ellen Harrison; 1850–1928) — британский филолог-классик, антрополог, лингвист; профессор Кембриджского университета; феминистка. В 1922 г. обосновалась в Париже, где занялась изучением древнерусского языка и историей русской литературы. См. о ней: *Robinson A*. The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford, 2002; *Smith A*. Jane Harrison as an Interpreter of Russian

Culture in the 1910s–1920s // A people passing rude: British responses to Russian culture / Ed. by A. Cross. Cambridge, 2012. P. 175–188. В 1924 г. в тесном сотрудничестве с Ремизовыми Харрисон вместе со своей ученицей и близкой подругой — писательницей *Хелен Хоуп Мирлиз* (Helen Hope Mirrlees; 1887–1978) подготовила к изданию английский перевод «Жития протопопа Аввакума»: The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky. Publ. by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavistock Square, London W.C. 1924. Книга предварялась посвящением писателю и его супруге. См. также о подготовке этого издания: *Smith G.S.* Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky. 1924–1926 // Oxford Slavonic Papers. 1995. No. 28. P. 62–97; Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 354–355. Подробнее о Харрисон см. в коммент. Р. Хьюза к публикации: «…С Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к Ремизову 1922–1929 гг. // Диаспора. V. Париж; СПб., 2003. С. 356; *Smith M.S.* Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // A people passing rude: British responses to Russian culture. P. 194–195. В 1924–1926 гг. Харрисон и Мирлиз поддерживали тесное общение с Ремизовыми. Их дружеское участие выражалось и в финансовой поддержке журнала «Версты» (1926), и в популяризации произведений Ремизова на английском книжном рынке. Так, в частности, они подготовили перевод четырех ремизовских сказок для рождественского английского издания "The Book of the Bear" (London: The Nonesuch Press, 1926).

[14] См. о ней: «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Коммент. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 31; далее: Литературный факт, с указанием номера и страниц.

[15] *Виктор Александрович Залкинд*. См. о нем: Там же. С. 27.

[16] *Любовь Яковлевна Яппу* (1900–1971), жена В. А. Залкинда

[17] Очертания упомянутых обстоятельств раскрывает письмо неизвестного корреспондента, подписавшего письмо Ремизову от 16 июля 1924 г. *Д. Белорицки* (D. Beloricky), в котором отправитель сообщил о посылке: «M-lle Япу <sic!> передала мне для Вас <из> Палестины несколько ориентальных вещиц. Я послал в редакцию Посл<едних> Нов<остей> на В<аше> имя с просьбой указать мне Ваш адрес, но к сожалению не получил ответа. Затем, будучи в редакции, узнал, что Вы уехали в Америку…» (Amherst. B. 3. F. 11. P. 2). 18 ноября 1923 г. В.А. Залкинд вслед за женой переехал в Палестину. Об этом Ремизову сообщил его берлинский корреспондент М. Копелянский (Amherst. B. 3. F. 2. P. 23).

[18] Речь идет об открытой в 1795 г. Школе восточных языков (École des langues orientales. 2 rue de Lille, Paris), в 1914 г. получившей название «Национальная школа восточных языков»; в настоящее время Национальный институт восточных языков и культур (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO) входит в Сообщество университетов и учреждений Сорбонна–Париж–Сите. В 1924 г. С.П. Ремизова-Довгелло как дипломированный палеограф впервые в истории Школы восточных языков открыла факультативный курс (cours libre) по славяно-русской палеографии и читала лекции до 1939 г.

[19] *Лоллий Иванович Львов* (Lolly Lvov; 1888–1967) — поэт, прозаик, литературный критик, публицист, переводчик; автор ряда рецензий на книги Ремизова. Их знакомство состоялось в 1921 г. в Ревеле, где грамотой от 17 сентября 1921 г. Львов был возведен в кавалеры обезьяньего знака I степени с утиными

перепонками. В Париже Львов принимал деятельное участие в культурной жизни эмиграции и вместе с женой принадлежал к кругу близких друзей Ремизовых.

[20] *Сергей Яковлевич Осипов* (1888–1948) — бухгалтер; заведующий конторой издательства «Сирин» (1912–1915); торговый представитель советской России в Ревеле и Берлине. Историк Обезвелволпала и первый биограф Ремизова. Подробнее о нем см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 233–238.

[21] *Андре Пьерр* (André V. Pierre, 1887–1966) — переводчик произведений русской классической и советской литературы; журналист, советолог. Каталог национальной библиотеки Франции в справке о нем упоминает о преподавании французского языка в санкт-петербургской гимназии и Смольном институте благородных девиц, вероятно, в 1910-х гг. В 1924 г. перевел две народные сказки в переложении Ремизова («Чаемый гость» и «Чужая вина») для парижских периодических изданий "Le Figaro: Supplément littéraire" и "Le Crapouillot". Автор статей о творчестве писателя, первая из которых появилась в печати весной 1924 г.: Alexis Remizov, romancier russe // Le Crapouillot. 1924. 16 mars. P. 6. Общение с ним продолжалось до смерти писателя. Пьерру принадлежит один из первых некрологов, появившийся в печати 29 ноября1957 г. в газете "Le Monde": *Pierre A*. L'ecrivain russe Alexis Remizov est mort à Paris (URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1957/11/29/l-ecrivain-russe-alexis-remizov-est-mort-a-paris_2321172_1819218.html; дата обращения: 29.10.2019).

[22] Подразумевается запланированная поездка в Чехословакию, где писатель с женой пробыл с 11 августа по 23 сентября 1924 г.

[23] Речь идет о родителях Виктора Александровича Залкинда (см. о нем: Литературный факт. 2018. № 9. С. 27).

[24] Подразумевается путешествие в Бретань.

[25] Хелен Хоуп Мирлиз — выпускница Школы восточных языков 1919 г., специализировалась по курсу русского языка. См. также примеч. 13. Ремизовское английское написание фамилии в рукописи и письмах варьируется нередко даже в пределах одного предложения: Mirreless, Mirrelis, Mirriless.

[26] Речь идет о новелле «Письмо Достоевскому» (впервые: Последние новости. 1933. № 4407, 16 апр. С. 2), включенной в состав автобиографической книги «Учитель музыки. Каторжная идиллия» (См.: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 2002. С. 259–265). Герой-рассказчик, наделенный комплексом авторских рефлексий, в исповедальном письме Достоевскому повествует о созревшем бунте униженного человека против общества самодовольных людей. Ср.: «А знаете, на чем бы я душу отвел — знаю, желание мое невозможное и никак не исполнимое. Но это мое чувство, как тогда, как я задумал сжечь всё... Больше всего не выношу я "легкости", той самодовольной легкости, которую я всю жизнь домогался усвоить себе... а ведь без этой легкости, куда ни пойдешь, не обойдешься. Так вот бы я и прошелся по мюзик-холлам, дансингам, ночным кабакам, — по всем этим танцулькам, где так легко веселиться, и в руках у меня — не хлеб, там не нуждаются, а только бомбы! Что ж, если никакие революции ничего не изменили и нет никакой надежды изменить человека, вы правы, для его же пользы — вернуть его в лоно и очистить воздух: ведь не только от гнусности и подлости человеческой и всякой путаницы, добавлю и за себя, но и от пустой самодовольной легкости "дышать нечем"» (С. 265). Конкорд — площадь Согласия в Париже (Place de la Concorde).

[27] От диалектного слова «плямкать» — чмокать губами или жевать.

[28] Академический паек — ежемесячное натуральное пособие ученым от советского правительства, которое выдавалось представителям литературы и искусства в 1919–1923 гг.

[29] *Евгения Федоровна Книпович* (1898–1988) — литературный критик, исследователь творческого наследия А.А. Блока; постоянный корреспондент Ремизовых в 1921–1928 гг. Ср. дневниковую запись о писателе, с которым Книпович познакомил Блок в 1919 г.: «...С Ремизовым у меня образовался род дружбы, хотя мы и разные по возрасту и по складу. Я, очевидно, ему чем-то нужна, и он мне также. Так и сидим вдвоем у печки. Может быть, отношение к боли человеческой нас сближает?» (*Книпович Е.Ф.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26).

[30] По-видимому, речь идет о пьесе Ст. Пшибышевского «Снег», переведенной супругами Ремизовыми для постановки «Товариществом Новой Драмы». Весной 1903 г. перевод вышел в московском издательстве «Театральная библиотека М.А. Соколовой». Пьеса была включена в репертуар антрепризы в сезоне 1904/1905 гг. (премьера состоялась в Херсоне 19 декабря 1903 г.). О печатной и театральной судьбе перевода см.: Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена, П.У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

[31] См. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 26. Очевидно, С.П. Ремизова-Довгелло пыталась найти источники финансовой поддержки в эмигрантских комитетах Лондона, где жила Тыркова-Вильямс.

[32] См. о нем: «На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 / Коммент. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1. С. 72; далее: Литературный факт, с указанием номера и страниц.

[33] Речь идет о младшем сыне Познеров — Георгии (Georges Posener; 1906–1988), который впоследствии стал ученым-египтологом; с 1969 г. академик Института Франции (Малая Академия Франции — L'Académie des inscriptions et belles-lettres).

[34] См. примеч. 17.

[35] Рентная марка (*нем.* Rentenmark) — одна из двух денежных единиц Германии, находившаяся в обращении с 1923 по 1948 г., стоимостью 100 рентных пфеннигов. Ее введение позволило прекратить гиперинфляцию 1921–1923 гг.

[36] Рассказ «Изошел» впервые опубл. на русском языке в составе сборника Ремизова «Шумы города» (Ревель, 1921). Речь идет о переводе на немецкий язык: Von hinnen gegangen / Ubers. K. Rosenberg // Die Deutsche Rundschau. 1924. № 7.

[37] Отсылка к сюжету народной сказки. Впервые: *Ремизов А.* Горе злосчастное: Сказка // Русская молва. 1912. № 17, 25 дек. С. 2. Впоследствии включена в сборник «Докука и балагурье: Русские сказки» (СПб.: Сирин, 1914). Отдельное издание в виде свитка (печать на ткани) — Берлин: Книжный кустарь, 1922.

[38] *Николай Константинович Рерих* (1974–1947). В 1924 г. художник находился в Нью-Йорке. В настоящем письме приводится измененная цитата: не «книга и плач», как запомнилось Ремизову, а «Книга и Плат» из письма Рериха Ремизову от 20 июня 1924 г. в связи с предстоящим выходом книги «Звенигород Окликанный: Николины Притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин, 1924). «Плат» (в значении покров из ткани) в эзотерической системе Рериха ассоциировался с ритуальным символом, называющимся в буддизме хадак, или хатык, который вручают как знак доброжелательства и гостеприимства в самых разных случаях. Ср. письмо, написанное по дореволюционной орфографии, приведенное в нашей статье «Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: "La vie", или жизнь "чудесным образом". Париж, 1924–1925» (наст. изд., с. 18).

[39] Написание фамилии художника через *ё* соответствует двум вариантам немецкой транслитерации (Rörich, Roerich). Именно последним вариантом художник пользовался в своей иностранной корреспонденции. Вариантом «Рёрих» подписана публикация эскизов к ремизовской «Трагедии о Иуде, принце Искариотском» в журнале «Золотое руно» (1909. № 11–12). См. также издание, включавшее цикл Ремизова «Жерлица дружинная», написанный к картинам художника: РŒРИХ / Текст Ю.К. Балтрушайтиса, А.Н. Бенуа, А.И. Гидони, А.М. Ремизова и С.П. Яремича; худож. ред. В.Н. Левитский; Десять сказок и притч Н.К. Рериха: [Сб.]. Пг.: Свободное искусство, 1916.

[40] Район Парижа на правом берегу Сены.

[41] До свидания, господа и дамы (*фр.*).

[42] Подразумевается Анна Ивановна Синицына, героиня рассказа «Не из говорящих», который вошел во вторую часть повести «Оля» (1927) — «С огненной пастью». Рассказ написан по воспоминаниям С.П. Ремизовой-Довгелло. Впервые: Воля России. 1924. № 14/15.

[43] *Пьер Мак-Орлан* (Pierre Mac Orland; наст. фам. Dumarchey; 1882–1970) — французский писатель.

[44] “Plon” — французская книжная издательская компания, основанная в 1852 г. Анри Плоном и его двумя братьями. Речь идет о переводе на французский язык повести «В поле блакитном». Книга вышла три года спустя: *Remizov A.* Sur champ d’azur / Trad. J. Fontenoy. Paris: Librairie Plon-Nourit, [1927]. 248 p. (Collection “Feux croisés: Ames et terres étrangères”).

[45] *Далмат Александрович Лутохин*. См. о нем: Литературный факт. 2019. № 1. С. 65. Поздравление Лутохина — реакция на сообщение Ремизова в письме от 12 июля 1924 г.: «Серафима Павловна с осени начинает читать курс по славяно-русской палеографии в здешнем Институт<е> восточн<ых> язы<ков> (*Ecole nationale des langues orientales vivantes*), а книг нету. Надо добывать» (Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 965).

[46] Речь идет о написанных сразу после смерти С.П. Ремизовой-Довгелло воспоминаниях о ней под названием «Сквозь огонь скорбей» (июнь–декабрь 1943 г.). В последней редакции текст составил заключительную часть романа «В розовом блеске» (1952).

[47] *Владимир Николаевич Тукалевский* (1881–1936) — историк литературы и библиограф, до революции член Совета Общества толстовского музея, редактор журнала «Толстовский ежегодник»; познакомился с Ремизовым в Петербурге не позднее 1912 г. В то время часто снабжал писателя книгами по древнерусской истории и палеографии. В 1924 г. стал директором Славянской Библиотеки в Праге.

[48] *Григорьев Борис Дмитриевич* (1886–1939) — график, живописец, прозаик, в эмиграции с 1919 г. Автор портрета А. Ремизова (1924), который экспонировался на персональных выставках художника в 1924 г. (Париж) и в 1926 г. (Прага). См.: *Никашин П.* Осенний Салон // Вечернее время (Рига). 1924. № 168, 9 нояб. С. 3; *Дризен Н.В., барон*. В Осеннем Салоне // Вечернее время. 1924. № 184, 29 нояб. С. 4; *Любимова М.Ю.* Пражские контакты Бориса Григорьева и Евгения Замятина // Борис Григорьев и художественная культура XX века. Материалы III Григорьевских чтений. Псков, 2004. С. 101–102. Портрет также опубликован на обложке берлинского журнала «Русское Эхо» (1924. № 29) и в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» (1924. № 1 (1), сент. С. 5). Процесс создания этого полотна конкретизируется

по письму Григорьева Ремизову от 16 апреля 1924 г.: «Мне бы хотелось закончить Ваш портрет, и я мог бы быть у Вас в пятницу в 11½ часов как обычно» (Amherst. B. 2. F. 7. P. 75).

[49] Родители В.А. Залкинда.

[50] Речь идет о сувенирах из Палестины (см. примеч. 17).

[51] *Рахиль Григорьевна (Гиршевна) Гинцберг-Осоргина* (урожд. Гинцберг; 1885–1957) — вторая жена М.А. Осоргина.

[52] Парижское издательство “La Renaissance du livre”. Проект не реализовался.

[53] *Пелагея Ивановна Дембно-Чайковская* (урожд. Терещенко; 1884–1971) — сестра промышленника и мецената *Михаила Ивановича Терещенко* (1986–1956), министра финансов при Временном правительстве (1917). Знакомство с нею началось в 1912 г., когда она вместе с сестрой Елизаветой Ивановной учредила и финансировала издательство «Сирин», выпустившее собрание сочинений Ремизова в 8 томах.

[54] Ср. письмо *Владислава Фелициановича Ходасевича* (1886–1939) Горькому от 13 мая 1924 г.: «В Париже (французском) жить хорошо. В русском — недурно. Впрочем, *мой* русский Париж невелик: “Современные Записки”, Осоргин, Зайцев, Познер, Гржебин, Ремизов, еще 2–3 человека — и всё. Мережковские, Бунин, Куприн — вне меня — и вне себя от меня» (*Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 472). Поэт удостоился звания «кавалера обезьяньего знака I степени» и жалованной обезьяньей грамоты, датированной 27 января 1921 г. (см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные… С. 363, 381).

[55] *Илья Григорьевич Эренбург* (1891–1967) приезжал в Париж из Италии на пять дней в конце июня — начале июля 1924 г. Далее следует краткий пересказ его впечатлений от встреч с писателями во время поездки в Россию, продлившейся с января по двадцатые числа марта того же года.

[56] *Мария Михайловна Шкапская* (урожд. Андреевская; 1891–1952) — поэтесса, журналистка; познакомилась с Ремизовым не ранее 1920 г.; кавалер обезьяньего знака «с лисичкиным хвостиком» (*Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные… С. 366); постоянный корреспондент писателя и его супруги в 1921–1926 гг. Подробнее о ней см.: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (Статья первая): Судьба ремизовского «Музея игрушек» // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215. Тема нерожденных детей проходит лейтмотивом через поэтическое творчество Шкапской 1921–1925 гг. По-видимому, обсуждалось стихотворение, не включенное в опубликованные сборники поэтессы.

[57] *Алексей Николаевич Толстой* (1883–1945) вернулся в Россию в августе 1923 г. Ср. характер партийных заданий, адресованных Толстому в письме Председателя Редколлегии Госиздата Н.Л. Мещерякова от 8 июля 1924 г.: «Уважаемый Алексей Николаевич! Вы знаете, конечно, о существовании “Доброхима”. Задачи этой организации громадны. Для того, чтобы иметь возможность газового нападения и газовой защиты, мы должны иметь сильно развитую химическую промышленность. Которая в мирное время работает на мирный рынок. А во время войны переходит целиком или отчасти на военные нужды. <…>. Нужно привлечь внимание широких слоев населения к “Доброхиму” <…>, Литература может сыграть здесь большую роль. Хорошо было бы иметь для этого несколько “газовых” или “химических” романов. Не согласитесь ли Вы, Алексей Николаевич, написать такой газовый роман рокомболевского характера (вроде “Месс-Менд”)…» (Издание художественной

литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата / [Сост. Л.М. Кресина, Е.А. Динерштейн; науч. ред. Е.А. Динерштейн]. М., 2009. (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы). С. 425–426).

[58] Речь идет об известиях, касающихся жизни в Москве Андрея Белого, вернувшегося в Россию в 26 октября 1923 г. Упоминания об антропософских занятиях в 1924 г. поверхностно были связаны с гражданским браком Белого и активистки русского Антропософского общества К.Н. Васильевой. Подробнее о деятельности писателя в 1924 г. см.: *Белый А.* Ракурс к дневнику // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: автобиографические своды / Сост. А.В. Лавров и Дж. Мальмстад. М., 2016. С. 481–485.

[59] Подразумевается только что вышедший из печати сборник Ремизова «Звенигород Окликанный: Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924).

[60] Килограмм битого сахара (*фр. букв.*). Речь идет о кусковом сахаре.

[61] Сахарная пудра.

[62] Кусками (*фр.*).

[63] *Лидия Павловна Довкгело* (1876–1944) — сестра С.П. Ремизовой-Довгелло.

[64] *Александр Иванович Тиняков* (1886–1934) — поэт, публицист, создававший вокруг своей литературной деятельности скандальную шумиху; корреспондент Ремизова 1910-х гг., в Обезвелволпале получил ироническое прозвище «гнид обезьяний»; в советское время оказался в бедственном положении. Подробнее о нем см.: *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 12–37, а также во вступ. статье Н.А. Богомолова к публикации: Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 41–82.

[65] *Николай Михайлович Ремизов* (1872–1936) — брат А.М. Ремизова; присяжный поверенный Московской судебной палаты, присяжный стряпчий Московского коммерческого суда, староста Успенского собора в Кремле.

[66] *Наталья Васильевна Григорьева* входила в дружеский круг Ремизовых в 1918–1921 гг.; по комментарию Ремизова, «член “Петросовета” от пищевиков (1918–1921) / беспартийная» (Угол обезьяньих вельмож // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 14); «великий конденсор обезвелволпала и кавалер кавалер» (*Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные… С. 342; в тексте указано неверное отчество).

[67] Вандея — один из департаментов региона Пеи-де-ла-Луар на западе Франции, образованный во время Великой французской революции в 1790 г.

[68] *Борис Федорович (Фердинандович) Шлёцер* (Boris de Schloezer; 1883–1969) — музыкальный и литературный критик, философ, переводчик; сотрудник журналов «Аполлон» и «Золотое Руно»; с 1920 г. жил в Париже; сотрудник газеты «Последние новости», журналов «Современные записки» и «Числа», автор статей о Ремизове и рецензент его произведений в эмигрантской печати.

[69] Подразумевается двухколесная повозка.

[70] Квадратные скобки, предназначенные для авторского комментария, остались незаполненными.

[71] Речь шла о вступительной статье Шлёцера к публикации его перевода сказки Ремизова «Николин дар». Текст появился в печати в сопровождении фотопортрета Ремизова: Le Don de Nicola / Trad. B. Shletser // Les Nouvelles littéraires. 1924. № 100, 13 sept. P. 2.

[72] Возможно, муж Е.В. Селевиной.

[73] *Евгений Николаевич Ширяев* (Chiriaeff E.; 1887–1945) — художник. С 1913 г. жил во Франции; в 1924 г. сотрудничал в издательстве Рериха и Гребенщикова «Алатас», где по эскизу Ремизова оформил обложку для книги «Звенигород Окликанный: Николины притчи» (1924). Портрет Ремизова работы Ширяева неизвестен.

[74] Подразумевается предстоящая поездка в Чехословакию, где писатель с женой находились с 11 августа по 18 сентября 1824 г.

[75] *Полина Аркадьевна Хентова* (Поля Абрамовна; 1896–1933) — живописец, график; уроженка Витебска; в 1910-е гг. окончила Брюссельскую королевскую академию, работала в Мюнхене и Париже; с 1920 г. жила в Берлине. Очевидно, внимание Ремизова привлекли ее иллюстрации к книге «Русских детских сказок» А.Н. Афанасьева, выпущенной издательством «Слово» в 1921 г. В 1923 г. Хентова переехала в Париж.

[76] Г*ригорий Леонидович Лозинский*. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 31.

[77] *Jean Fontenoy* (Жан Фонтенуа; 1899–1945) — французский журналист, переводчик произведений Ремизова; во время Второй мировой — коллаборационист; в апреле 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

[78] Публикация не состоялась.

[79] *Шарль Дюбос* (Charles Du Bos; 1882–1939) — французский критик, историк французской и английской литературы, в первой половине 1920-х гг. друг Андре Жида, один из авторов журнала “Nouvelle Revue Française”; в 1923–1924 гг. заведовал серией, посвященной произведениям иностранных авторов (“Feux croisés: Ames et terres étrangères”) в издательстве «Плон» (см. примеч. 44). Очевидно, что адресация Ремизова к Дюбосу, в сфере интересов которого была русская литература XIX в., была подготовлена Л. Шестовым, который познакомился с критиком с 1922 г. Через несколько лет Дюбос принял к печати в своей серии перевод ремизовской повести «В поле блакитном» (Sur champ d’azur / Trad. J. Fontenoy. Paris: Librairie Plon-Nourit, 1927). Ср. фрагмент черновых материалов к роману «В розовом блеске»: «Фонтенуа перевел “В поле блакитном” (I и II ч<асть> “Оли”), вышла в Plon с одобрения Дюбоса (Charles Dubos)» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 49–50).

[80] *Käthe Rosenberg* (1883–1960) — переводчица ремизовских произведений, состоявшая в родстве с женой Томаса Манна; в 1924 г., помимо рассказов для немецкой повременной печати, подготовила к изданию повести «В поле блакитном» (Berlin: S. Fischer Verlag, 1924) и «Пятая язва» (München: Propylaen Verlag, 1925).

[81] Подразумеваются гонорары за издание книг на иностранных языках.

[82] *Владимир Васильевич Диксон* (V. Dixon; 1900–1929) — поэт, прозаик; американец по отцу, в 1917 г. уехал с родителями из России в США (Кембридж), с 1923 г. жил в Париже; подружился с Ремизовыми в 1924 г. через Г.Г. Шклявера, с которым молодой поэт был дружен со времен обучения в Кембридже; в 1927 г. открыл в Париже собственное издательство «Вол», в котором выпустил книгу Ремизова

«Оля» (1927). В 1929 г. скончался от эмболии. Его посмертная книга «Стихи и проза» (Париж, 1930) вышла с предисловием Ремизова. См. о нем: *Резникова Н.В*. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Подгот. текста, сопроводительная статья А.М. Грачевой. СПб., 2013. С. 73–74, а также посвященный материалам из архива Диксона выпуск журнала “James Joyce Quarterly” (1992. Vol. 29. No. 3) и, в частности, статью: *Manouelian E*. Aleksei Remizov and Vladimir Dixon. P. 557–563.

[83] *Евгений Александрович Ляцкий* (1868–1942) — критик, историк литературы, этнограф, фольклорист, прозаик; уехал за границу в 1917 г., жил в Финляндии, Швеции, Чехии; в 1923–1926 гг. руководил в Праге издательством «Пламя», редактор газеты «Огни» (1923–1924), с 1925 г. профессор Русского народного (свободного) университета; сотрудник журнала «Воля России».

[84] Историю несостоявшегося издания четвертой редакции романа «Пруд» в издательстве Е.А. Ляцкого «Пламя» см.: *Грачева А.М*. Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период. С. 332–334; *Keys R*. New light on Remizov’s first novel *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The “Plamia” Publishing House // Slavonica. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 61–88.

[85] *Виктор Михайлович Ремизов* (1876–1919) — брат А.М. Ремизова, банковский служащий; с 1914 г. в армии; после Октября 1917 г. инспектор Красной армии; попал в белогвардейский плен; расстрелян.

[86] Речь идет о домработнице.

[87] Нянька Анисья — собирательный образ пожилой прислуги, восходящий к няньке, ходившей за С.П, Ремизовой-Довгелло в детстве, и проецированный Ремизовым на самого себя. Ср.: «А я вам скажу, кто я. Я — нянька Анисья (Анисья Алексеевна) и я — горничная Аннушка (Анна Борисовна) и я же, — повар Дементий Петрович. Загляните на кухню, <…> когда я за своей работой и без всякого тормошения и никто меня не дергает и в тишине: с двенадцати ночи и до трех или немного позже. Отрываясь от беспокойных сливающихся строчек, в раздумье, я вдруг замечаю (я как очнулся во сне, продолжая сновидение), что я не один: под кастрюлями горничная Аннушка с поджатыми губами, — я не решаюсь спросить, что ее сегодня так расстроило, какая забота? <…> …а вот и нянька Анисья, знаю, как ей трудно, а поднялась к плите, спасибо, это она осторожно ставит на стол к рукописи мой волшебный “фильтр”, — кофе, и отошла в угол…» (*Ремизов А.М*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 2002, С. 195).

[88] Неустановленное лицо.

[89] *Петр Петрович Сувчинский*, граф (наст. фам. Шелига-Сувчинский; 1892–1985) — публицист, музыковед, музыкальный и литературный критик. О его взаимоотношениях с Ремизовым см. также: *Хьюз Р*. Из писем П.П. Сувчинского к А.М. Ремизову 1920-х годов // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост.: Вс. Багно [и др.]. М., 2009. С. 759–770.

[90] *Герман Леопольдович (Герш Липович) Ловцкий* (нем. Hermann Lowtzky; 1871–1957) — композитор, музыковед, литературный и художественный критик; автор музыки для балета на тему новеллы «Красочки» — «Красочки. Симфоническая пантомима для оркестра. Текст Алексея Ремизова» (1912; РГАЛИ. Ф. 2730. Оп. 1. Ед. хр. 4). Подробнее об истории несостоявшейся постановки см. наш комментарий: *Ремизов А.М*. Собр. соч. Т. 12. СПб., 2016. С. 919–921.

[91] Речь идет о журнале «Евразийская хроника» / (Прага, 1924–1926; Париж, 1926–1928; Берлин, 1935–1937).

[92] Д. Белорицки. См. примеч. 17.

[93] *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович*, князь (*D.S. Mirsky*, Д. Мирский; 1890–1939, в лагере) — литературный критик, литературовед, публицист; в 1921–1932 гг. жил в Лондоне; активист евразийского движения; в 1931 г. вступил в коммунистическую партию Великобритании; в 1932 г. вернулся в СССР.

[94] См. примеч. 13.

[95] Речь идет о публикации: Gone Out / Transl. by J. Cooper // The Slavonic Review. 1924. Vol. 3. № 7. P. 31–37.

[96] См. примеч. 42.

[97] От cocotte (*фр*.) — специальная посуда (кокотница) для запекания в соусе.

[98] *Александр Яковлевич Аросев* (1890–1938, в заключении) — издательский работник, литератор, сотрудник журнала «Красная новь»; один из руководителей артели писателей «Круг», дипломат; корреспондент Ремизова в 1922 г. См. о его эпистолярном общении с Ремизовым: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. / [Отв. ред.сост. Н.А. Прозорова]. СПб., 2018. С. 36–45.

[99] См. примеч. 53.

[100] *Борис Андреевич Пильняк* (1894–1938) вошел в близкий дружеский круг общения Ремизова в 1921 г., когда вокруг писателя образовалось, по его выражению, «гнездо» начинающих писателей. Тема литературной преемственности раскрыта Ремизовым в его первой берлинской книге «Ахру: Повесть петербургская» (Изд-во З.И. Гржебина, 1922), где, перечисляя имена пишущей молодежи, он особо отметил московского товарища «Серапионовых братьев»: «…Дом Искусств и Дом Литераторов огласился новыми молодыми птичьими голосами, — и эту весну не забыть. Самый изобразительный и охватистый — большак — Б.А. Пильняк (Wogau), он и старше всех, уж книгу издал, сидит в Коломне под Москвой у Николы-на-Посадьях, корову купил. На Пасху снялся в Петербург — А.М. Горький вывез! — привез роман “Голый год” и повесть “Ивана-да-Марью”» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 2002. С. 19). В феврале-марте 1922 г. Пильняк был командирован в Берлин, где провел два месяца в тесном общении с Ремизовым. О большом впечатлении от личности писателя, которое он вынес из поездки, свидетельствует признание в очерке «Заграница» (1922, начало апреля): «Ремизов — не пишет, а *делает* слова (вы помните его руки, всегда красные, в карандашной пыли. — Когда смотришь на них, видишь, в них зажаты с л о в а, и эти слова имеют в с ё: Ремизов не пишет, а делает, не пером, *а руками*)» (цит. по: Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 192). Собственно, тема «прикладного» художественного мастерства, которому можно научиться, как ремесленник учится у мастера, задала личную тему отношения Пильняка к Ремизову, о котором в другом месте очерка «Заграница» писатель сказал с нескрываемым восхищением: «Алексей Михайлович Ремизов. Надо знать, надо видеть его — и тогда нельзя его не любить, никому» (Там же. С. 193).

[101] См. о ней: Литературный факт. 2018. № 7. С. 70.

[102] *Фрида Лазаревна* и ее муж, инженер Яков Самойлович Шрейбер, были знакомы с Ремизовыми с 1914 г. через Л.И. Шестова; семья жила в Берлине.

[103] *Виктор Григорьевич Вальтер* (1865–1935) — скрипач, в 1890–1915 гг. концертмейстер Мариинского императорского театра; автор первого биографического

очерка о А.К. Лядове (1915). В архиве Ремизова сохранилась записка Вальтера от 11 июля 1924 г., из которой очевидно близкое отношение корреспондента к труппе С.П. Дягилева и его дружескому кругу, в частности к В. Нувелю (Amherst. Series 1. B. 1. F. 11. P. 1).

[104] Речь идет о личных вещах, оставшихся в Берлине после отъезда Ремизовых в Париж.

[105] *Надежда Васильевна Балаховская* (урожд. Черноярова) — жена Георгия Даниловича Балаховского; родственники сестры Л.И. Шестова.

[106] Подразумевается Paul Boyer (в русифицированном варианте: Павел Юльевич Буайе; 1864–1949) — французский ученый-славист, открывший первую кафедру русского языка в Школе восточных языков в Париже в 1891 г.; с 1908 по 1936 гг. директор этого института; вместе с Андре Мазоном (Andre Mazon) был одним из основателей журнала “Revue des études slaves” в 1921 г.

[107] Вероятнее всего, не старшая, а младшая дочь биохимика, советского академика Алексея Николаевича Баха — *Ирина Алексеевна Бах-Балаховская*, которая была замужем за внучатым племянником Шестова Сергеем Даниловичем Балаховским. В 1925 г. они уехали в СССР. Старшая дочь А.Н. Баха — ученый-химик Наталия Алексеевна Бах (1885–1979) вернулась в Москву в 1920 г.

[108] *Георгий Гаврилович Шклявер* (1897–1970) — переводчик, литератор; сотрудник парижского журнала “La Vie des Peuples: Revue synthétique de la pensée et de l'activité françaises et étrangères”, в котором, в частности, весной 1924 г. опубликовал статью о Ремизове: *Shkliaver G*. Alexei Remizov // La Vie des peuples. 1924. № 49/50. Mai–Juin. P. 151–157; во второй половине 1930-х гг. — юрист, профессор Сорбонны, специалист по международному праву, составивший так называемый «Пакт Рериха» (международного соглашения для охраны памятников искусства) в Европе; со времени основания (1929) генеральный секретарь Общества друзей музея имени Н.К. Рериха. В письме от 20 июля 1924 г. Шклявер рекомендовал Ремизову «отличную переводчицу — Ольгу Петровну Витали», обещал принести номер журнала “La Vie des Peuples: Revue synthétique de la pensée et de l'activité françaises et étrangères” (1924. Mai-Juin. № 49/50), в котором была опубликована ремизовская сказка «Суд Божий» в его переводе на французский, а также благодарил за дарованную ему обезьянью грамоту (Amherst. B. 3. F. 11. P. 6а).

[109] См. примеч. 108. В своем письме (Amherst. B. 3. F. 11. P. 8–8а) О.П. Витали, предлагая услуги переводчика на французский язык, упоминала о брате — министре иностранных дел (1906–1910), русском после в Париже до 1917 г. *Александре Петровиче Извольском*. Переводы Витали в библиографии Ремизова отсутствуют, хотя, судя по ее письму, адресованному писателю осенью 1924 г. (Amherst. B. 3. F. 13. P. 6), она занималась рассказами «Жертва» (1909) и легендами из сборника «Трава-мурава» (1922).

[110] Лимон — в значении «миллион». Жаргонное выражение появилось в России в период послереволюционной инфляции 1920–1923 гг. Ср. из печатного выступления Ремизова 1921 г.: «Я помню, получив авансом лимон (1 миллион руб.) — вот этакую кипу — полный портфель! — купили мы сахару…» (цит. по: Литературный факт. 2018. № 7. С. 20). Письмо Витали напечатано на пишущей машинке и подписано от руки отчетливым почерком. «Подкладка» позднейшего иронического замечания (ср. текст оригинала письма), связана с фамилией новой корреспондентки Ремизова, переводчицы сочинений В.В. Розанова — Натальи Владимировны Лимонт-Ивановой (Limont-Ivanova, Limont-Saint-Jean), встреча с которой, судя по ее письмам, состоялась в 10-х числах мая 1924 г. (Amherst. B. 3. F. 9. P. 31–31а). О ее вкладе во французскую библиотеку сочинений Розанова Ремизов упомянул в воспоминаниях «“Воистину”.

Памяти В.В. Розанова: К 70-й годовщыине со дня рожд. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) — 1926» (Версты. 1926. № 1. С. 81–86). Ср.: «А мне попалось тут единственное, что по-французски переведено: Vassili Rozanov. “L'Eglise russe”. Traduit avec l'autorisation de l'auteur par N. Limont-Saint-Jean et Denis Roche. Paris, Jouve et Gie. Editeur, 1912» (цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 2003. С. 314). Для этой же книги Лимонт в соавторстве Роше написала предисловие: *Limont-Saint-Jean N., Roche D.* Avant-propos des traducteurs // Rozanov V. L'église russe. Paris: Jouve & Cie Éditeurs, 1912. P. 5–6. Письма Лимонт за 1917 г. сохранились в архиве Розанова (РГАЛИ).

[111] См. примеч. 44. St. Sulpice — одна из самых крупных приходских церквей Парижа — Церковь Святого Сульпиция (L'église Saint-Sulpice) в районе Сен-Жермен.

[112] Семья *Якова (Жака) Савельевича Шифрина* (J. Schiffrine; 1882–1950) — владельца парижского издательства «Плеяда» (“Éditions de la Pléiade”, впоследствии «Плеяда — Галлимар»), переводчика.

[113] *Ремизов Сергей Михайлович* (1875–1921) — брат писателя. *Ида Федоровна Ремизова* (урожд. Рюккерт) — жена Виктора Михайловича Ремизова (см. примеч. 85).

[114] Путешествие в страну четвертого измерения (*фр. букв.*). Так называется сатирический роман (1912) фантаста Гастона Павловски (G. de Pawlowski), переизданный в 1923 г. парижским издательством E. Fasquelle с иллюстрациями Леонарда Сарлуи (Lèonard Sarluis). Интерес писателя к этому изданию возник в связи с работой над повестью «По карнизам» (1929). Подробнее см.: *Обатнина Е.Р.* «Я душа человечья» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // *Ремизов А.М.* Собр. соч. [Т. 11]: Зга. СПб., 2014. С. 605–603.

[115] Подразумеваются супружеская пара *Вольфсон — Марк Карлович* (1883–1942) и *Эрна Сигизмундовна*.

[116] Речь идет о проекте двух книг в издательстве «Плеяда»: издании коллекции ремизовских снов и рассказа «Петушок» (“Pierrot”) в переводе Ж. Фонтенуа (Jean Fontenoy) и Бриса Парэна (Bris Parain) и оформлении Бориса Григорьева. Оба проекта не состоялись. О переговорах с Б. Григорьевым Шифрин сообщал Ремизову в письме от 4 июля 1924 г. (Amherst. B. 3 F. 10. P. 51). В письме от 24 октября Григорьев сообщал Ремизову о подготовке иллюстраций к «Петушку»: «У меня всё готово. 14 рисунков, постарался для Вас. Мне очень нравятся они, увлекся очень — очень мое, очень — Ваше тоже, полагаю, что мы сольемся в единое и дадим вдвоем Россию. Больших вышло 6, а не четыре, это надо было для полноты, маленьких 8, как было условлено, но и эти можно печатать не уменьшая, тогда книга будет богатая. Издательство прекрасное, чего же еще?» (Amherst. B. 2. F. 7. P. 76). Как вспоминал Ремизов в черновой редакции романа «В розовом блеске», «на издание с иллюстрациями Б. Григорьева была объявлена подписка Éd<itions> de la Pleiade, 1925, но ничего не вышло, подписчиков не оказалось, всего только один С.Я. Осипов (Берлин)» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 49).

[117] букв.: добрый фунт телятины (*фр.*).

[118] букв.: хорошее время (*фр.*).

[119] Подразумевается почерк дочери Ремизовых — *Натальи Алексеевны* (1904–1943), которой 18 апреля 1924 г. исполнилось 20 лет; жила в Киеве.

[120] Речь идет о бронировании гостиницы для семьи Шреберов.

[121] В работе над повестью «Оля» Ремизов использовал записи и воспоминания С.П. Ремизовой-Довгелло о детстве и юности. В данном случае речь шла об ее

подруге *Катерине (Катрусе) Константинович*, выведенной в повести под именем *Нина Мавлютина*. См. комментарий В.Н. Быстрова к повести: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 15: В розовом блеске. СПб., 2019. С. 696.

[122] Ближайший круг друзей Ремизовых, сестры *Черновы — Ольга Викторовна (Митрофановна)* (урожд. Федорова, в замуж. Андреева; 1903–1979), *Наталья Викторовна (Митрофановна)* (урожд. Федорова, в замуж. Резникова; 1903–1992) и *Ариадна Викторовна*, прозванная Ремизовыми «Аукой» (в замуж. Сосинская; 1908–1974).

[123] Лисевна — прозвище О.Е. Колбасиной-Черновой.

[124] *Илья Николаевич Коварский* (1880–1962) — доктор медицины, эсер, основатель издательства «Родник» и владелец одноименного книжного магазина в Париже. Его жена *Лидия Антоновна Коварская* (урожд. Налон-Домбровская, 1874–1965) по своему жизненному пути наиболее соответствовала опыту и идеалам С.П. Ремизовой, поскольку обе они были выпускницами Бестужевских курсов, обе состояли в партии эсеров. Коварская революционную деятельность начала в Киеве, куда переехала в 1899 г. и где вступила в партию; была арестована и содержалась в Лукьяновской тюрьме; в Харькове встречалась с Азефом. После Февральской революции, как и ее муж, была избрана в члены Московской городской думы; в Париже занималась изданием книг для детей.

[125] Ср. описание реальных событий лета 1924 г.: «И вот получилось письмо с Моря-Океана: завтра С.П. будет дома. Письмо я получил днем, а вечером мышка пропала — мышка ушла и не показывается: поняла! — ушла в свою норку: отслужила! А какая умница эта мышка! Она и стерегла меня, пока я был один, она выкраивала в пространстве узоры, как я мои буквы на бумаге. Она была моим стражем и живою тенью моих мыслей» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. [Т. 11]: Зга. С. 479). Подробнее о мотиве «святой» мыши см.: *Обатнина Е.Р.* «Я душа человечья» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929). С. 500–600.

[126] Монашонок — прозвище Эрны Сигизмудовны Вольфсон. См. примеч. 113.

[127] Воспоминания о поездке на озеро Ammersee (Верхняя Бавария). См. подробнее: Литературный факт. 2018. № 7. С. 36.

[128] букв.: хороший кусок (*фр.*).

[129] Речь идет о работе над повестью «Оля» (1927). Зинаида Павловна Максимова — сокурсница С.П. Довгелло, прототип Зины Орловой.

[130] См. примеч. 122.

[131] Возможно, *Николай Александрович Антипов* (1889 — после 1940), литератор; эмигрировал в 1920 г.; в 1921–1922 гг. проживал в Тунисе, затем в Чехословакии; окончил русский юридический факультет в Праге, был секретарем и товарищем председателя Объединения русских эмигрантских студенческих организаций в 1924–1930 гг.; один из редакторов журнала «Своими путями» (Прага, 1924–1926).

[132] Речь идет о подготовке к печати списка «Жития протопопа Аввакума». См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Версты. 1926. № 1. С. 1–73.

[133] См. примеч. 91. В письме Ремизову от 20 августа 1924 г. Мирский отчитывался: «Аввакум английский поехал печататься» (Amherst. B. 3 F. 11. P. 30). О переговорах Мирского с английскими издателями см.: Неизвестные письма Д.П. Святополка-

Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 349–367.

[134] См. примеч. 108.

[135] Rue Trézel в 17-м округе Парижа.

[136] В оригинале упоминается невеста В.В. Диксона. См. с. 99 наст. публ.

[137] *Павел Павлович Муратов* (1881–1950) — искусствовед, писатель, с 1923 по 1927 г. жил в Риме, затем переехал в Париж.

[138] *Михаил Осипович Гершензон*. См. о последней встрече Ремизова с историком литературы: Литературный факт. 2019. № 11. С. 29.

[139] *Надежда Александровна Павлович* (1895–1980) — поэтесса, переводчица, детская писательница, мемуаристка, критик; в 1919–1920 гг. работала в президиуме Всероссийского союза поэтов; в 1920 г. приехала из Москвы в Петроград для организации петроградского отделения Союза, тогда же познакомилась с Ремизовыми; в 1922–1923 гг. жила в монастыре Оптина пустынь, выполняя послушание старца Нектария в качестве исполняющей обязанности заведующей Оптинского музея.

[140] А.В. Чернова.

[141] Переводчица Н.Л. Аркина обратилась к Ремизову письмом от 22 июля 1924 г. с предложением подготовить норвежское издание его произведений (Amherst. B. 3. F. 11. P. 1–13a). Упоминание о ней, как и о рекомендации Алданова, является позднейшей вставкой в текст оригинального письма. Очевидно, Ремизов, работая над рукописью в 1945–1948 гг., полагался на обнаруженное им в архиве письмо переводчицы, перепутав, что рекомендовал ее не Алданов, а живший после революции в Норвегии М.А. Дьяконов, который переменил о ней мнение уже осенью и в письме Ремизову от 31 октября 1924 г. выражал сомнения по поводу ее русского языка и вообще способностей к переводу (Amherst. B. 3. F. 11. P. 13–13c).

[142] *Марк Александрович Алданов* (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — прозаик, публицист, общественный деятель; в эмиграции с 1919 г.

[143] См. примеч. 117.

[144] Речь идет о новелле «Демонстрация» из второй части повести «Оля» — «С огненной пастью».

[145] Речь идет об особняке кн. Владимира Александровича на Миллионной, 27, где с 1920 г. располагался Дом Ученых и столовая для ученых и писателей, получавших карточки по Академическому пайку. См. также примеч. 28.

[146] Верхнее архиерейское богослужебное облачение.

[147] По-видимому, искусствовед и литератор *Александр Павлович Иванов* (1876–1933) — брат Евгения Павловича Иванова, друга А.А. Блока.

[148] *Антон Владимирович Карташев* (1875–1960) — историк церкви, профессор Духовной академии (1900–1905); один из основных участников христианской коммуны, образованной вокруг церкви Третьего Завета Мережковских (1906–1908); после Февральской революции 1917 г. вступил в партию кадетов и стал одним

из лидеров ее правого крыла; состоял на должности товарища обер-прокурора Синода, во Временном правительстве был министром по делам религии. Поддержал корниловский мятеж; был арестован в ночь на 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце и освобожден в конце января 1918 г. С этого времени жил на нелегальном положении. В январе 1919 г. перешел границу с Финляндией и стал руководителем антибольшевистского «Русского национального комитета»; оказывал поддержку Н.Н. Юденичу, А.В. Колчаку, А.И. Деникину; с мая 1920 г. жил в Париже.

[149] Женитьба Карташева состоялась в 1922 г. в Париже. В 1923 г. Зинаида Гиппиус передавала С.П. Ремизовой-Довгелло свои впечатления о супружеской паре: «Карташева я давно не видала, с мая, кажется. Жена его неопрятная, дебелая, пишет ему на машинке, готовит, во всё вмешивается. Из духовного звания, но вдова офицера. У нее сын лет 12-ти. Строгая клерикалка, блюдет малейшие посты. Кажется, держит его в руках. Сам Карташев сделался плотный, кряжистый, шея как у быка, совсем, как мы назвали “барин, брюки и брелоки”. <…> выезжают они всегда семейно, жена в декольте» (Письма З.Н. Гиппиус — С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной; в печати). О причинах, по которым один из ближайших участников образованной Мережковскими коммуны «новых христиан» удостоился таких уничижительных оценок, см.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сборник статей и материалов / Сост. М.М. Павлова. М., 2004. С. 391–455.

[150] *Павел Николаевич Милюков* (1859–1943) — историк, публицист, лидер Конституционно-демократической партии (партии Народной Свободы), в марте–мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции, в конце 1920 г., занял позицию объединения с социалистами на основе признания принципов республиканского и федеративного порядка в России, уничтожения помещичьего землевладения, развития местного самоуправления. С 1 марта 1921 г. возглавил редакцию газеты «Последние новости»; в июне вышел из кадетской партии и стал одним из организаторов Парижской демократической группы Партии народной свободы. Политическая стратегия и тактика Милюкова враждебно воспринималась радикально настроенными эмигрантскими кругами.

[151] *Соломон Львович Поляков* (псевд. *Литовцев*; 1875–1945) — журналист, прозаик, драматург, общественный деятель; с 1915 г. жил в Англии; в 1921 г. поселился в Париже; соредактор Минского в берлинской газете «Голос России» (1921–1922); в 1924–1925 гг. генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов.

[152] Жена Полякова-Литовцева.

[153] Пассажирский поезд (*нем.*).

[154] Очевидно, речь идет о предисловии к четвертой редакции романа, предполагавшейся к печати в пражском издательстве «Пламя» (см. примеч. 82). Отчасти этот текст опубликован в качестве заметки «О разных книгах» (Воля России. 1926. № 8/9. С. 230–234), написанной по поводу выхода чешского перевода (Rybnik: Roman / Překl. L. Ryšavy. Praha: Družstvo Přatel studia, 1923).

[155] Дед Мороз (*фр.*).

[156] Счастливого Рождества (*фр.*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Paris
1924

Paris
№ 44

«Радуется заяц, избегши из тенета,
радуется писец, дописав конца».
На макаронах у Осоргиных,
наевшись —
на Бальмонта так и не попали.
Это то, о чем мне снится часто
я куда-то должен идти
а сижу — время идет. А.Р.

<надпись на глаголице: Обезвелволпал>

Paris 1924
№ 45

1) Поставь воду (чтобы закипело);
2) <поставь> кофейник (чтобы булькнуло неск<олько> раз);
3) из кофейника перелей в Карлсбадский (кофе я положил);
4) а из чайника кругом налей.
Вот и готово.
5) Молоко скипятил <sic!>, только подогреть.
У доктора от 1½–2 ч<аса>.

<Запись на отдельном листе:>

17 Juillet — 27 Juillet
M-me Jeanne Hugenuet-Fleury
Le Clion
Villa Kerbellec
La Loire-Interiéure

***

Paris 1924
17 июля
№ 46
№ 1

Деточка, вот и письмо начинаю. Дождик-дождик. Десяти нет, а едва сижу, спать хочется. Не удалось днем. Была Miss Harrison. Замучил ее чтением, да и сам надсаживался: вот задремлю.

Поздно вечером заходила Екат<ерина> Вл<адимировна> <Селевина> за маслом: я ей отдал и в придачу сыр тот, уверив, что ты его только что купила, а есть нельзя: остро.

Получено два письма на одну тему: тебе и мне от родителей Залкинда (попрошу их в субботу в 5–5¼). 22-го они уезжают. И еще письмо — мне от какого-то, привет от Яппу тебе, да ему сказали, что я уехал в Америку.

Насочиняют!

Его попрошу в 6-ть в<ечера> в понедельник после Harrison (21-го).

Книги занес в Ecole. Выпил кофею с круассанами. Отдал дураку твои туфли. Окончательно прибрался. Ничего лишнего не висит и не лежит.

Написал Лоллию <Львову> и Сергею Яковл<евичу> <Осипову> и Pierre'у.

Посылаю вырезку о Карлсбаде. Нет, раньше ехать нам страшно. А ну-как комнаты бесплатной не дадут. Куда. И д<олжно> б<ыть> большие цены. В крайнем случае, конечно, можно и на 4 недели.

Залкиндам скажу, что ты поехала на разведки: чтобы меня везти.

Harrison мало чего поняла, только не удивилась. Она в 12-ь проводила Mirrlees; и вышла неприятность: билет та дома забыла, едва поспела.

Письмо мое пустое. Мысли мои сонные: всё спать-спать. И на душе тревога.

Ей Богу же, не от еды я устаю так, а от бурлящих, разбирающих дум моих.

Только подумай: 1) весной скучал о Германии;

2) как от молитвы бес, оттолкновение от здешних;

3) и возмущение марксистско-материалистскими указками;

4) вся душа за расплату;

5) тупые машинные плямки!

<Надпись сбоку листа:> Газеты принесли, книг нет.

Ах, деточка, у меня — горящий клубок мыслей, молчаливых.

И мне хочется всё высказать.

Ну для примера:

1) один «покорный» — всё принять, всё вынести, как судьбою положенное;

2) ничего не приму, п<отому> ч<то> не могу ничему подчиняться

на зло буду наоборот.

пальцем не пошевельну

3) отказался от академ<ического> пайка — —

потому что жена хороший получает.

Честь-то какая!

«Могу гордо и с правом обо всем говорить!» — это потом.

Понимаешь ты, понимаешь ты, как всё крутится. Вот еще богатых не люблю. А будут всегда.

Духом-то, кто живет и можно ли жить на земле, нельзя д<олжно> б<ыть>.

А кто хочет (я хочу) — только чудом поддержит «как-нибудь прожить».

Да стоит ли как-нибудь.

Ну, нам туда-сюда, ну и другим.

Разве пожелаешь такой жизни.

Ну, до свидания, лапусичек. Смотри, как там. Океан! Купайся, не беспокойся. Мне только бы сделать сделать <sic!> всё успеть. Тогда я поправлюсь. Обид много — несправедливости и жалости — сердца не хватает.

А.Р.

Paris 1924
18 июля
№ 47
№ 2

Деточка, тебе два письма: 1) Евг<ении> Ф<едоровны> Книпович — не получала она «Снега»,

2) Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой — нет, пишет, никаких «комитетов», а попробует написать кому-то, ссылаясь на твое письмо (выписки сделает).

3) От Познера — приглашает на сегодня (Жорж <Георгий Познер> кончил гимназию). Я ответил (простым), что ждем гостей из Палестины и никак не можем.

4) От Розенберг — 35 Renten'mark — это за «Изошел» (в каком-то журнале напечатано).

Вот если бы мне зарабатывать!

У Ар<иадны> Вл<адимировны> в письме есть фраза: «иностранцы считают, что пора нам не ходить с ручкой».

Очень жестоко. Ведь, это ж неволя заставляет.

Я подумал: если уж приходится «с ручкой» — ведь мы тоже! (это ужасно).

Не надо заставлять и в яви руку держать (это Шестову).

Ведь, я же мог бы и без ручки при каких-то других условиях — отношениях.

А Рёрих (это на дураков) — «книга и плач!».

Да, когда думать не надо по мелочам, тогда хорошо и «книга и плач».

Это я всё жалуюсь.

Второй день, как очнусь, и жалуюсь.

И очень обрадовался, когда получил эти деньги, какие-то свои «без «ручки»».

Никто не был. Я выходил — за кофеем и чаем в Passy.

Почему-то (я заметил) со мной в магазинах всегда много разговаривают. Ясно и понятно сказал, как ты учила. И все-таки долгую канитель затеяла продавщица о каком-то турецком кофе.

А вчера (забыл написать) вспомнил, что Harrison надо молока к чаю, пустился молочную искать. Слава Богу, сразу нашел, но от смущения (неуверенность, есть ли молоко — сыр вижу, а молока не вижу — бутылок) — назвал продавщицу Monsieur, а платя, уронил 5 ecu.

К автоматичности нашей Madame: прощаясь, она сказала, как всегда “au revoir, monsieur-dame!”, хотя знает, что, кроме меня, никого.

Начал «Анну Ивановну».

Хотел бы продолжать, да не могу долго сидеть — еще не «отоспался». А думаю об Ан<не> Иван<овне>, какая она кроткая, и самое главное, должно быть, место:

1) когда чайник под подушку, почитать готовилась и спать.

2) а потом, когда Оля ей не поклонилась.

Тут есть: в первом тихость одинокого и незаметного, а во втором чувство боли (несправедливости), и понимание, и опять боли (одинокого), и прощения, по «кротости».

Сна не помню.

Надо будет замечать.

Очень холодно сделалось — всего 10°R. Окна закрыты. А спал с открытым и просыпался, что холодно.

Завтра пойду к Маку Орлеану (Mac-Orlen), вернусь и приготовлю чай — печенье есть, хватит.

Я, деточка, письмо вслух пишу и «Анну Ивановну» вслух.

Ты не беспокойся.

Узнавай, гляди — какой Океан, и разговаривай побольше («для практики»).

Без языка-то неловко. Ну, до свидания, деточка, купайся. А.Р.

В газетах ничего нет интересного.

Вот холод-то, хоть фуфайку надевай.

Paris 1924
19 июля
№ 48
№ 3

— Слава тебе, Господи, что нас не оставляешь —
странные души наши, странствовать в этой жизни —
еще на один месяц даешь нам жить!

Деточка, получил чек от “Plon” на 1000 frs. за “Sur champ d’azur”.

Но только во вторник могу получить: в понедельник Miss Harrison, а потом из Палестины.

Писем тебе нет.

Мне — от Долмата <Лутохина> открытка: адрес Тукалевского, который тебе обещает материалы археологические. Долмат тебя поздравляет «с кафедрой».

Из “Russische Echo” просто «Русское эхо», где мой портрет Бор<иса> Григор<ьева> и воспроизвед<ение> моего рукописания (это Сергей Яковлевич <Осипов>, помнишь, писал). 2 экз<емпляра>.

Были Залкинды: тебе от Л<юбови> Я<ковлевны Яппу> — вышитый квадрат серебром, и медная чашечка с крышкой, а мне кальян. <Рис. с подписью: (немножко курнул — и голова заболела)>. Поил их чаем с печеньями. Мать очень кроткая, как В<иктор> А<лександрович Залкинд>, а отец похож на брата Рахиль Григорьевны. <Рис.: автопортрет с кальяном>

<наклеена открытка с городским пейзажем>

Это тебе, деточка, в твое рожденье — в четверг было 17-го — 4-ое по с/г. как раз.

Что-то в понедельник передаст неизвестный?

Был ненадолго у Mac Orlan’a. Он уезжает в понедельник и до 6-го августа не будет в Париже. Денег (аванс) сейчас всё равно не получить: уехал издатель. Но всё равно, — гов<орит> Mac Orlan, — надо, чтобы Pierre пришел в Renaissance du Livre, а он не идет. Я сказал, что Pierre уезжает.

Мне так кажется, что деньги получить можно или в сент<ябре> или даже в октябре. Я еще напишу Pierre’у. Условия будут такие же, как у “Plon”. Я показывал ему контракт.

Когда сидели Залкинды, чай пили, приходила Палагея <Пелагея Ивановна Чайковская-Терещенко>. Я ей сказал, что это — гости из Палестины. Она сейчас же ушла. Придет завтра. Говорит, что всю неделю «продавала».

Хорошо, если есть, что продавать.

А есть, конечно. А может, всё это неправда.

Как только ушли Залкинды, пришел Ходасевич. Один. Вчера было рожденье самого Познера. Нас ждали. Рассказывал о Эренбурге: что он рассказывал.

О Шкапской, м<ежду> пр<очим>, вроде помешательства: пишет стихи о выкидышах всего мира.

А<лексей> Толстой в загоне не от писателей, которые в конце концов простили, а от партийных: называют «Лакей».

Может, потому и простили, что очень уж травят.

В загоне и А<ндрей> Белый. Но он — в антропософии. Про Книпович он ничего не знает. Все в унынии. Грубость повсюду. И доносы.

Я дал ему «Никол<ины> притчи» и для передачи Познеру.

Да, пошел сегодня к Mac Orlean'у, зашел купить сахару: ведь чего проще Kilo de sucre cassé.

Но чего-то так долго опять со мной разговаривали, пока я не ткнул пальцем.

Утром, как встал, в молчании записал сон. Я не посылаю тебе, лучше всё покажу, когда будешь дома.

М<ежду> проч<им>, видел чек.

Писал «Анну Ивановну». Осталась последняя часть.

Ну, до свидания, лапусичек.

Окна закрыты. Сижу в платке. 12°R, а днем было только 15°R. Холодно. В Карлсбад надо будет взять фуфайку.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 18 на 19-ое VII

№ 3

Я сразу почувствовал, что что-то нарушил — какие-то наши явные пространства — я приоткрыл дверь и очутился в комнате: к окну спиной сидит Л<ида Довкгело> и чистит на себе ботинки (с одной пуговицей).

Я сказал:

— Я *тоже* не получил этот № “Prager Presse”.

Она продолжала чистить с остервенением — ботинки черные. Я понял, это чистит, чтобы восстановить содержание неполученной газеты. И мне ее стало очень жалко. Я подошел и погладил ее по голове: голова шершавая, совсем не человеческая.

И проснулся от страха.

И опять, но это уж не так глубоко, а ведь только глубокое, разрушающее нашу явную меру, страшно:

На лестнице в какое-то Учреждение, в черном сюртуке похож на Тинякова, весь просвечивающийся.

Он мне говорит, что религиозно-обрядовых организаций в России больше нет: он подразумевает хоругвеносцев.

«Да, конечно, нет и не может быть, раз Кремль закрыт», думаю и утешаю его, что это всё пройдет «само-собой».

Он торопится:

— «Мне надо к Н.М. Ремизову: *чек* получить».

Я не стал его задерживать, вспомнил, что Николай обещал мне *чек* и этот *чек* он для меня и должен получить.

— Очень вас прошу, получить, пожалуйста!

Тут какой-то как перелет через пространства, но поверхностно.

Темно. Очень тихо. Комната дачная с балконом. Всё очень легкое, мебель, пианино. Там сад. Много цветов. Входит Наталья Васильевна. Обрадовалась. Поздоровалась со мной. Сидим к окну. Я покосился: вижу спит. Плечом к моему плечу. Попробовала отстраниться. Невозможно.

— Приросла!

Хоть бы ты пришла, что-нибудь сделала бы! Да и уйти мне невозможно. Попробовал отстранить: нет, приросли.

Входит небольшая с очень живыми черными огоньками в глазах — только глаза, как угольки. Взяла с дивана сорочку, как белок белую, слюдяную, растопырила —

И я понял, что это она там была на лестнице в этой волшебной рубашке.

«Да, *чек* получить!» — подумал.

И всё скрылось.

Paris 1924
20 июля
№ 49
№ 4

Деточка, от тебя первое письмо, а чернила-то такие жидковатые, видно мало в доме пишется.

Ты живешь в Бретани, на границе с Вандеей, а море, берег в Америке.

Тебе писем не было, мне — от Schloezer'a. И опять странно: видел его во сне, а утром — письмо.

Я представляю себе, как это ты ехала на двухколеске!

Schloezer пишет о своей статье в "L<es> nouvelles littéraires". 1 авг<уста> появится и несколько переводов из «Никол<иных> притч». И надо портрет.

Заходил Вл<адимир> Мих<айлович> <Селевин>, ходили вместе к Ширяеву, он кончил — ничего, для газеты годится. А от Ширяева пешком (сегодня, слава Богу, тепло опять!) на 68 Rue de la Chaussée d'Antin в "maison de café".

Это итальянский бар, самое лучшее кофе. Действительно хорошее 60 ecu. чашка и кофе продают. 8.50 стоит 1 livre.

Надо там попробовать купить.

Сговорился с Ширяевым, вместе пойдем в Чешск<ое> консульство в среду и там выясним, как быть с продолжением визы и письмо надо в Германское консул<ьство>.

Я думаю, лучше бы выехать 3 августа. Спокойно всё бы сделали, и билеты ведь надо заранее. А ты, деточка, купайся и молоко пей. Не беспокойся. Завтра я сам пойду на базар говядину покупать. Вот когда стал ходить за покупками, стал встречать: вчера на Mozart — Хентову, потом Лозинского. И вижу ни тот, ни другой сразу меня не узнали.

Заходила Палагея <sic! П.И. Чайковская-Терещенко> на минутку. «Ты ушла, ждали ее — и ушла». Потом много было звонков. Сейчас только я посмотрел за дверь: карточка Dixon'a. Но я решил не отворять.

Мне надо было во что бы то ни стало написать <J.> Fontenoy о себе библиографию. Это ему для помещения в "La Revue Hebdomadaire".

Написал. Потом письма: <Ch.> Du-Bos'у по-французски, Шлейцеру ответ, Rozenberg — о получении.

Утром. «Анну Ивановну» писал.

Придется, д<олжно> б<ыть>, перед заключением сказать о «Оле» — дать ей характеристику: что она тогда думала, а то, пожалуй, непонятно. Попробую. А ты скажешь.

На шее, как камень, дальше «Пруд» редактировать.

Но пока я не делаю.

В газетах сегодня одно интересно: из России.

Телеграмма какого-то треста другому, который потребовал уплаты в срок денег:

«Не шуми. Делов много. Заплатим завтра».

Хорошо?

Я всё думаю: в России сейчас Виктору <Ремизову> было бы вольготно. Не Сергею, не Николаю, а именно Виктору.

Потом о балтморах было интересно: с коммунист<ическими> значками венчались в церкви, поп наложил на них короны (это всё из «Правды»).

А из другого места сообщают:

В селе попа выгнали из дому, а церковь битком набита народу.

Эренбург рассказывал, что ему кричали на лекции: говори внятно, что у тебя вместо рта ж…а? И это не потому, чтобы *хотели* грубо, а просто: что ж тут особенного «ж…а»?

Деточка, ты чувствуешь, что происходит.

Я тебе еще много расскажу чудно́го и чу́дного.

Жадность к ученью необыкновенная, а одолеть сразу не могут: много в сумасш<едшем> доме и много самоубийств на этой почве.

Деточка, всё думаю, как бы нам заплатить бы и за ав<густ> и сент<ябрь> или не хватит —

Завтра уж напишу Тукалевскому.

Встаю я, деточка, рано — в 8-ь, а долго сидеть не могу. Около часу спать.

Сны тебе на бумажке записываю.

Буду беречь.

А.Р.

Нашей дуре делать нечего, так она всё полы натирает.

Пришью пуговицу и спать. Устал — много прошел.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 19 на 20 VII
№ 4

На фоне няньки (слились все няньки — старуха) проф<ессор> Келлер, перед Келлером — Сувчинский, а перед Сувчинским большая миска (кисель): большие куски киселя с молоком. Я ложкой мешаю. А сбоку Ловский <sic! Г.Л. Ловцкий> и Шлецер.

<Рис. с надписями:> нянька, Келлер, Сувчинский, Ловский, кисель.

Paris 1924
21 июля
№ 50
№ 5

Деточка, ни одного — ни тебе, ни мне,

Бандероль книга евразийская № 3 (она у нас есть).

Приходил палестинский: шелковый платок любопытный (муж<чины> арабы на голове носят) и сумочка, как кисет. (Научил, как надевать платок, но ты можешь и на плечи).

Заходила Ек<атерина> Вл<адимировна Селевина>, принесла твои туфли —каблуки короткие, по-моему, хорошо.

Заходил Диксон. На днях едет в Бордо.

Была Harrison, кончили Аввакума. Просила конверт, написать твой адрес. Потом зашел Святополк-Мирский. Он *не знает*, что ты уехала, а Harrison ведь не говорит.

Больше Аввакума читать не буду. Перевод сделан. Другие редакции — не стоит. А надо сказать, одному очень было трудно. Сегодня так изморился, просто уж с палестинским (это студент) едва разговаривал.

Святополк хлопочет, чтобы за английский перевод. «Изошел» мне прислали гонорар.

Всё остальное время писал «Анну Ивановну» — Я называю рассказ «Не из говорящих». А всю часть эту что если назвать бы: «С огненной пастью»?

На рынке у меня ничего не вышло.

1) очень много народу — не подступиться;

2) когда подступался, очень радостно и весело кричали: “Cher boucher!” Мне стало даже горько: в кои-то веки раз и только один смех.

Пошел, тут же на углу в мясную: за 9.55 frs. — 1 livre. Дороговато!

Сделал, как ты, с луком и картофелем: держал 2 часа. И на завтра хватит. Доел груши. Остались сливы и дыня.

Горе мое в том, что не могу долго сидеть. А чтобы что-нибудь делать, надо непременно посидеть. Потому так медленно. Ну, много сил взяло сегодняшнее объяснение Аввакума.

Во сне видел Бирюльку <Э.М. Каплун-Walden>.

Не понравилось мне, как вчера П<елагея> И<вановна Чайковская-Терещенко> о Ширяеве говорила: не хочет встречаться, п<отому> ч<то> знает, что он очень нуждается, а помочь ей (деньгами) нечем.

Так и про нас с тобой говорят. Чувствую всей душой.

Ну, до свидания, лапусичек мой.

12-ть часов.

А прежде — до 4-х сидел.

Или уж это возраст?

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 20 на 21 VII
№ 5

Дом вроде театрального зала. Идет постройка.

Делают в полу окнища матовые. Аросев. Ты показываешь, как плетенку из шелка волосатую, небольшой кусок — «это хорошо, как грелка!» Тут и Терещенко М.И. и Пильняк.

Какой-то разговор, но слова погасли.

Мы в узкой комнате. Это наша комната. Одно окно. В соседнюю комнату дверь, за дверью живут. Очень тесно, темно, хотя окно большое и пусто. Вползает Бирюлька и прямо к той двери, приотворяет, просовывает пакет и что-то пищит.

Я очень рассердился:

Можно — говорю — и с того хода, зачем же отсюда!

И я как стукну по столу, и пропала.

Paris 1924
22 июля
Mardi

23 среда
24 пятн<ица>
25 суб<бота>
26 воск<ресенье>
27 понед<ельник>
28 вторн<ик>
№ 51
№ 6

Деточка, тебе от Фриды Лазаревны <Шрейбер>.

Они выезжают в воскрес<енье> — 26-го. Приедут — 28-го (вторн<ик>). Просят задержать комнату в Hôtel Méridional, 14 Rue Trézel, XVIIe. Я посмотрел где: это, как ехать к Вальтеру остан<овка>: Clichy и оттуда еще надо вверх по № 5. 2-ая остановка Brochant (к Porte Clichy). Я бы мог в воскресенье вместе с Ширяевым проехать туда. Пишут: точно о дне приезда сообщат. Я не знаю, это нужно накануне, верно. Надо просить бы привести чего-нибудь нашего из Берлина. К сожалению, К. Розенберг нет сейчас в Берлине. Я всё о весах думаю. Сообрази, и напиши мне, как поступить.

Как поступить, сообрази: (письмо от 20 получ<ено> 22-го).

И еще тебе от Над<ежды> В<асильевны> Балаховской: стариков-то нет, просит тебя и меня в субботу 25-го. М<ожет> б<ыть> *не надо обижать*, пройти мне (а ты — к Буайе поехала экстренно).

(у меня еще соображение:

наверно, будет старшая Бах, которая пока обещает только с помещ<ения> в газетах перевода — м<ожет> б<ыть>, следует и еще и еще испытать) как ты думаешь?

А мне: Шклявер, который уезжает 27-го.

Зайдет к нам, принесет гонорар. Я ему написал, чтобы с Диксоном.

Да, видел во сне, м<ежду> прочим, под самый под конец, будто мне рекомендуют какую-то даму с приставными ногами и руками — и получаю письмо от сестры Извольского Витали — возраст ее, наверно, как Лимона <Н.В. Лимонт-Иванова> — переводчица — ее рекомендует Шклявер. Вот и обо всем надо поговорить со Шклявером. Ездил в 2 час<а> к St. Sulpiec'у. Получил от "Plon" 1000 frs.: 900 — это на квартиру, а 100 взял. Завтра иду в Чешское посольство к Шифриным (я не скажу, что ты уехала). В консульстве всё узнаем.

(М<ежду> пр<очим>, всякие наши движения известны в Праге в Комитете тамошнем вспомоществования).

Это я сужу по письму Долмата <Лутохина>.

Меня очень смущает насчет комнаты: куда обратиться? От Лятского <sic! Е.А. Ляцкий> нет ответа. Попробую завтра спросить. «Анну Ивановну» кончил. Завтра еще раз буду переписывать. И начну другое.

Стало теплее: спал со ставнями. А пишу с открытым окном.

Наша всё полы натирает. И моет.

Днем очень морило. А сейчас ничего. Ты, деточка, будь осторожна: до волдыря загорать не полагается.

Сегодня получил твое второе письмо от 20.VII.

Нет, деточка, я боюсь один ехать, да и растрясусь, ведь еще Карлсбад предстоит. Когда-нибудь вместе поедем.

Да, насчет холода, надо подумать — ведь и в Карлсбаде та же будет история.

Осторожнее купайся.

Адрес не забудь наш написать на чемодане.

Ну вот, лапулек, мой дорогой, до свидания.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 21 на 22 VII

№ 6

Для «регистрации» надо пройти через доктора — получить свидетельство. Этого все добиваются. Иду и я, а впереди Сергей Р<емизов> и Ида <Рюккерт-Ремизова>. Они очень быстро пробрались в приемную, и я шел медленно: это очень высоко: лестница винтовая, но широкая. А когда я поднялся: С<ергей> мне сделал знак: я понял, что мне не нужно ждать, и я могу идти. И пошел и попал не на ту лестницу. Только, когда я спустился, я ясно понял, на какой высоте я находился и по какой лестнице спускался: я посмотрел вверх и увидел — лестница без перил совершенно вертикально без всякого наклона, а высота — 7-ой или 8-й этаж. А тут говорят про меня, что я спускался, вытянувшись и глядя прямо перед собой и с быстротой необыкновенной. Вроде вокзала — Gare d'Orsay. Тесно без людей. Кто-то подводит какую-то даму и представляет мне. Похожа на бабищу, но вся составная: я замечаю, что ноги приставные и руки приставные.

И пальцы ее составные, как отдельные.

"La voyage au pays de la quatrième dimension". Согласны?

G. de Pavlovski.

<наклеена открытка с городским пейзажем>
Paris 1924
23 июля
Среда
№ 52
№ 7

Деточка, тебе — от Миррлис <Helen Hope Mirrlees> открытка: «скучаю за вами». Больше ничего. Видел во сне Марков Карловичей <супруги М.К. и Э.С. Вольфсон>. Реку, церковь, Пасху, зелень.

Пасмурно сегодня и ветер хороший. Говорят, что это с Океана.

Был в Чешск<ом> консульстве. Надо им точно сказать, когда едем. Только зная точно число, они напишут в Германское консульство.

В пятницу или в субботу пойду в полицию, чтобы отсрочили: 25.VII + 15 = 9 августа. И тогда уж нужно решить и, реша <sic!>, идти в Консульство.

Можно было бы решить на 5-ое вторник (St. Abel).

Надо заранее билеты взять, чтобы получить с плацкартой.

Буду ждать от тебя решения, и тогда бы в понедельник 27-го с утра (с 10-и ч<асов>) всё бы сделал: 1) чешское посольство 2) консульство 3) германское пос<ольство>.

Если бы не успел, то 28-го во вторник с визами кончил бы, а билеты можно в среду-четверг. Надо узнать, с какого вокзала.

Отнес Шифрину книгу «Сны» и «Петушка». Поили меня чаем. Я думал получить денег. Нет — ничего.

А в 12-ь с Ширяевым ели.

Ну, что ж не телятины съел с картофелем и это стоило 8 frs. и кофе.

Гораздо выгоднее дома. Куплю теперь *veau*, une *bonne* livre de veau.

Это, значит, кусок.

Когда говорят “une bonne heure”, — 4 часа или 5, как хочешь.

Начал начерно другой рассказ.

Думаю, лучше переписывать при тебе.

Почерк у меня сегодня Наташин: что-то опять с рукою, но выше — это плечевой нерв. Йодом на ночь помажу. Но ты не беспокойся, это так же, как не так давно было: ломит. Или это непогода. Или натрудил.

Чтобы не утомить руки, буду писать начерно.

Относительно Шрайберов <sic!> (задержать №), сделает Ширяев.

Деточка, а что Катруся (Нина Мавлютина) крикнула, когда у нее сделался припадок?

Приходили Оля-Наташа <О.В. и Н.В. Черновы> с Аукой <А.В. Чернова>. Лисевна <О.Е. Чернова> еще в Чехии. Хотели тебя дождаться: я сказал, что ты у Каварских и, может, ночевать будешь. Добивались адрес Бретани, «куда хотела ехать С<ерафима> П<авловна>». Я сказал, что не знаю.

Напоил их чаем.

Рассказывала Аука о Праге.

Лисевна хочет ехать с нами из Чехии.

А мышка наша пропала, больше не показывается.

Ну, до свидания, деточка.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

22 по 23
№ 7

Католическая церковь круглая. Пасха. Против алтаря хоры очень высокие. Каким-то особым составом вымазаны шесты: если притронуться к живописи — расцветут цветы.

Нас много, а среди знакомых Марк Карл<ович Вольфсон> и «Монашонок» <Э.С. Вольфсон>. И вот тронули шестами стены, и как повалит дым с огнем. Страшно перепугались и вон из церкви.

А на воле — зелень. И река. Сделаю плотик на реке, а к нему ведет дорога вся в зелени. Напоминает Ammersee. И опять монашонок и М<арк> Карл<ович> путаются среди толпы.

Paris 1924
24 июля
№ 53
№ 8

Деточка, Бог нас не оставляет: приходил Schloezer, принес 100 frs. — это аванс от Шифрина за «Сны», 2 часть которых будет напечатана в альманахе. Потом из Лондона из журнала “The Slavonic Review” за “Gone out” («Изошел») £ 2,16 (2 фунта 16 шиллингов). Фунт сегодня — 85,25. Это чек. Не знаю, завтра справлюсь, где получить.

Тебе писем не было, а мне — от тебя № 3 от 23.VII. и от Фонтенуи <J. Fontenoy>: зайдет в субботу.

Так вот так сделаем: завтра я пойду в Префектуру. И уговорюсь с Ширяевым. На вторник (29) в Консульство: вместе решим точно, когда ехать. В воскресенье я проеду на вокзал к 4-м ч<асам> дня, и вечером могу — или лучше мне выйти постоять на улице вечером после 11-и. Это, чтобы тебе помочь чемодан.

Руке сегодня легче. Опять смажу йодом и приму аспирин, это помогает. Вечера стоят очень холодные: может, я простудился. Ведь вот наказание какое! Весь день писал, наверно: отчетливо. Ровно трудно.

А блохи, д<олжно> б<ыть>, это сейчас их пора: они женятся.

А мне по солнцу даже хорошо днем приехать на вокзал. Конечно, я к Балаховским не пойду. Потом что-нибудь выдумаем написать им.

Сейчас купил телятины, только мне почему-то и костей дали — 2 косточки ни к чему. В воскресенье я, пожалуй, тоже телятины сделаю и хлеба куплю: если вернешься днем, проголодаешься в дороге, тут тебе и будет, чего поесть.

Я не поджариваю, а иногда отворяю и соком поливаю: это очень хорошо.

Шлецер заходил на ½ ч<аса>. Больше никого не было. Никто меня не прерывал. И я сегодня много сделал. Главное: непрерывность — чтобы развивать мысль. А когда прерывают, всё начинай сызнова — самый ход, строй.

Твоим (слова Зин<аиды> Павлов<ны Максимовой>) очень воспользовался.

Слова в «» очень драгоценны.

Во сне видел книги.

Ну вот, лапусичек дорогой, до свидания.

А.Р.

А вчера Адя <А.В. Чернова> рассказывала, что, действительно, прекращают стипендии в Праге, и потому разъезжаются. И Антонов приехал, помнишь, дурак такой.

Деточка, нет ничего, что Аввакума кончит. Ведь там было мало, как изгонял бесов. Очень Harrison просила: ей надо кончить перевод до 1-го августа. И надо воспользоваться присутствием Святополка-Мирского. Мне было это трудно без тебя. Очень напрягался.

Заплатил за электричество с 26 апреля — 27 juin — 26 frs. 95 ecu.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 23 на 24
№ 8

Умер Сергей <С.М. Ремизов>.

Николай <Н.М. Ремизов> говорит:

Всё обыскали, есть стол, ну хоть чтобы, ничего не нашли — ни одной рукописи.

А такой большой прилавок и на нем томов с 20-ь книг в белых обложках — французские.

Это я выставил — получил I-ую премию.

И не знаю, что делать, хорошо, что не понимают по-французски. Ведь это же всё не мое. А если обнаружится?

25 июля
½ 9-го у<тра>
пятница

Сейчас получилось твое письмо от 24.V. (четверг)

Боюсь, Шрейберам писать уж поздно, попробую. Я приду на вокзал в воскресенье к 11-и вечера. В воскресенье с Ширяевым проеду, куда пишет Шрейбер — это очень далеко.

Руке гораздо лучше. Одна открытка — от Миррлис.

Paris 1924
25 июля
пятница
№ 54
№ 9

Деточка, это письмо пошлю, а завтрашнее сберегу: как приедешь, так и подам.

Я ведь всё прибрал, и думаю, не стоит всего выставлять, а что понадобится, то и выну. И все шкапы заперты, и твоя щетка, и коврик.

Мышка перекочевала ко мне: бегает, как тень. И нечего есть, так войлок, что под дверью, теребит.

Приходил вечером Chklaver <Г.Г. Шклявер> с Dixon'ом <В.В. Диксон>: в воскресенье уезжают, один в Савойю, другой в Бордо. Принес гонорар — 180 frs.

10 frs. отдавал за автомобиль, неловко было брать.

Ходил сегодня в префектуру с помощью Ширяева.

(Надоел он мне хуже горькой редьки — Господи, языка-то не иметь, сколько тут всякого примешь терпения и смирения!)

Всё опять снова. И анкету писал. Только твоей подписи не надо. В понедельник надо идти получать. И тогда уж в Чешское консульство.

Понимаешь, надо *точно* сказать день отъезда.

Ели на St. Michel'e. Бифштекс. И после я много чай пил. Д<олжно> б<ыть>, масло какое-нибудь. Вообще неприятно.

В воскресенье сговорился: поеду на Trésel, куда Шрейбер хочет — даль ужасная. Спрошу (с помощью Ширяева). Если там никакой «кухоньки» нет, о которой говорили Шрейберу, то лучше всего взять, где мы одну ночь провели. Вообще и в этих краях есть комнаты теперь, только полное незнание Парижа может загнать человека <в> такую даль (XVIIe ar<rondissement>).

Переписываю. Помешали. Сейчас уж 1 ч<ас> ночи. Долго сидели.

Вот видел зверей во сне — змеи и головастики. Вот это к чему.

Холодно, деточка, очень: неужто фуфайку надевать?

Шклявер показывал телеграмму от Рёриха: переводит 1000 frs. для этой девчонки, Вас. Вас. Вот, наверно, довольна будет.

Ну, до свидания, деточка.

Рука совсем хорошо — отдохнула. Сегодня за день, йодом мазать не буду.

О Ширяеве так пишу за то, что вопросы задает. Я ему сказал, чтобы меня не спрашивал. Вопросы пустяковые все, конечно. Сам пускай болтает.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

24 на 25

№ 9

Вхожу в старообрядческую церковь в трапезную, там слышно пение. Кто-то, похожий на Муратова и с ним Гершензон.

— Вот, я подумал, Гершензон тоже в церковь ходит!

В притворе сделана площадка и вроде козел: перепрыгивают. Перепрыгивают страшные звери: змеи, но на лапах и очень понятливые рожицы. Все небольшие головастики, а есть и совсем маленькие. И все потом убегают в «пещеру», на которой свечи горят.

На шее у меня <1 сл. нрзб.> платок арабский, который Залкинд из Палестины прислал.

Paris 1924
26 июля
№ 55
№ 10

Деточка, ничего: ни тебе, ни мне.

Диксон получил по чеку — 250 frs. 50 ecu за £2 — 16 —

Приходил Fontenoy. Я ему растолковал слова.

Всё время пишу — переписываю.

А представь себе, деточка, мышка-то какая умница: это она без тебя меня сторожила. Я ее никому не выдал:

Наташа спрашивает: что это, как будто мышь или это в глазах.

Нет, я говорю, это в глазах.

А вчера Шклявер: мышь.

— Ну, вот, говорю, откуда тут мышам быть.

А сегодня мышка ушла — не показывается: знает, что ты завтра приедешь, и ушла в норку — отслужила.

Ну, подумай, как я ее прогоню, если явится вдруг?

Ну, вот, деточка,

Хочу раньше лечь, а то после в 1, а в 2-а. А.Р.

Рука больше не болит.

Дождик-дождик — и холодно стало опять, а утром — такая влажная теплынь была.

***

<запись сна на отдельном листе:>

25–26. VII
№ 10

Стеклянная комната. Над<ежда> Павлович. А за стеклом ты спишь. <1 сл. нрзб.> Ремизова, очень похожая на Ауку <А.В. Чернова>, вынула из несгораемого шкапа тетрадь — это она написала.

Еду куда-то, сижу очень низко, почти на земле, на мне всё серое.

И вижу, что это бревно на одном колесе.

И еще со мной какие-то едут.

Смеются: это железнодорожное.

И я увидал канаты.

Вот, если бы Сергей Яковлевич <Осипов>, не так бы еще прокатили!

Сегодня такое чудесное утр<о>, такой полный влажный ветер и тепло.

Paris 1924
27 июля
№ 56
№ 11

Деточка, только одно письмо: от Аркиной из Норвегии — которую рекомендовал Алданов. Пошлю завтра «Крестовые сестры» и немецкий пер<евод>.

Какое горе: стал сухарики делать и опять рука заболела.

Купил сегодня “une bonne livre”.

Я думаю, фунта два. Смеялись.

Это я всё в разные мясные хожу, чтобы со всеми познакомиться и испытать, где лучше.

Всё сейчас спрятанное выставил, восстановил, как было. Утро всё переписывал.

И сейчас бы сел, и «Демонстрацию» писать стал бы, да придет Ширяев, ехать, Бог знает куда, о комнате справляться.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

26–27. VII
№ 11

Собрание в подвальном зале вроде столовой на Миллионной во дворце В<еликого> к<нязя> Владимира Александровича.

Очень много народу. Протискиваться приходится. Говорит архиерей молодой в красном (вишневом) облачении. Потом показывает ноги-ступни:

Это всё большевики сделали!

Обнажение очень неприятно.

Я подумал: «врет, ведь, пожалуй!».

А Александр Иванов, «присмиренный»: Вы о большевиках ско́са!

Тут вышел и Карташов <sic!> с женой.

Я протиснулся к выходу и попал в другое собрание: там Милюков. Сидят вокруг стола тесно. Доклад кончился.

И поели. Мне предлагают — ветчины. Я отказываюсь, но беру. Ветчины я не ем, а гарнир с листиками. И ухожу. Прохожу по коридору мимо прилавков. И вижу Поляков-Литовцев догоняет с ветчиной же: я взял и подумал: «там отказался, а тут взял».

И Алек<сандра> Мих<айловна Полякова>. И их племянник: большой квадратный, а говорит, как машина внутри, «электрическое пианино».

Мы в вашей новой квартире. С<ерафима> П<авловна> занимается. А я с этим.

Он меня страшно раздражает своим механическим голосом. Я его стал выпихивать за дверь, а он, как пружинный. И вижу, обиделся. Я его оставил.

Всё это в том огромном подвальном помещении: и собрания и наша новая квартира.

И опять народ идет, как в архиерею.

Но это вроде бала.

Танцуют. Много пар — и все должны танцевать. Я стал раздеваться. И полураздетый пошел. Тут Познер сочувственно ко мне.

Я, — говорю, — понимает, — не желаю принимать участие!

Eger. 11 и 12 September 1924

<надпись на отдельном листе>

Eger 1924
11 сентября
№ 57

<На открытке с видом Староместской площади в Праге>

Стою у кассы. Сейчас 11. Через ½ ч<аса> поезд. Выпил кофе, холодный. Раз 20 вспомнил Я.С. Шрейбера. Если бы не Prager Presse, и тебе пришлось бы тащиться. Всем без анкеты. Только для русских с “certificat”. Когда же, наконец, мы будем ездить по-человечески? Как вот эти, которые были соседями в вагоне — в длиннейшем пути Personenzug’а.

Хотел писать, но всё вышибало. Нет, тут винить их напрасно.

Только досадно.

Ну расскажу подробно.

Но, деточка, как это всё не нужно. А.Р.

Eger 1924
12 сентября
№ 58

<На открытке с видом Eger. Unterer Markplatz m. Stöckel>

Только сейчас отпустили. Осталось ½ ч<аса>. Едва вышло. Опять “Fehler”. Ты должна 2 анкеты подписать. Но это не моя вина. Встретил русских. У них тоже “Fehler”. Только для русских анкета и подожди.

Дорогой пробовал писать о «Пруде». Так мало видел.

И жаль, что не был в церкви — беззвучно выйдет.

Ну, пойду кофе пить.

Хорошо, что так кончилось.

А.Р.

Paris 1924
6 октября
№ 59

Деточка, кланяюсь тебе! Не сердись, Бога ради:

я поставил коврик сушить, он наклонился к камину и целый кусок обуглился.

Я этот кусок отрезал, деточка, не сердись!

Я знаю, и так всё, а тут и это —

но кусок небольшой.

А.Р.

Литература

Белый А. Ракурс к дневнику // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды / Сост. А.В. Лавров и Дж. Мальмстад. М.: Наука, 2016. С. 329–654.

Богомолов Н.А. Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 41–82.

Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 12–37.

Грачева А.М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (Статья первая): Судьба ремизовского «Музея игрушек» // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215.

Грачева А.М. Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведения исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. Прага: Narodni knihovna CR, 1995. С. 330–337.

Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М.: НЛО, 2004. С. 391–455.

Любимова М.Ю. Пражские контакты Бориса Григорьева и Евгения Замятина // Борис Григорьев и художественная культура XX века. Материалы III Григорьевских чтений. Псков, 2004. С. 101–114.

Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб.: Феникс, 2001. С. 349–367.

Обатнина Е.Р. «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. СПб.: Росток, 2018. С. 36–45.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Обатнина Е.Р. «Я душа человечья…» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб.: Росток, 2015. С. 574–611.

Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена, П.У. Мёллера. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. 81 с.

Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 944–974.

Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Подгот. текста, сопроводительная статья А.М. Грачевой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 272 с.

Ремизов А.М. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.

Ремизов А.М. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.

Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 36–91.

«…с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

Хьюз Р. Из писем П.П. Сувчинского к А.М. Ремизову 1920-х годов // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 759–770.

Keys R. New light on Remizov's ferst novel, *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House // Slavonica. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 62–65.

Manouelian E. Aleksei Remizov and Vladimir Dixon // James Joyce Quarterly. 1992. Vol. 29. № 3. P. 557–563.

Robinson A. The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford: Oxford University Press, 2002. 332 p.

Smith A. Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s // A people passing rude: British responses to Russian culture / Ed. A. Cross. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 175–188.

Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky. 1924–1926 // Oxford Slavonic Papers. 1995. № 28. P. 62–97.

References

Belyi A. Rakurs k dnevniku [An aspect for the diary]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi: Avtobiograficheskie svody* [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely: Autobiographical codes], comp. A.V. Lavrov and J. Malmstad. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 329–654. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Pis'ma Z.N. Gippius k A.I. Tiniakovu [Z.N. Gippius' letters to A.I. Tinyakov]. *Literaturnyi fakt*, 2016, no. 1–2, pp. 41–82. (In Russ.)

Gracheva A.M. Aleksei Remizov i Pushkinskii Dom: (Stat'ia pervaia): Sud'ba remizovskogo "Muzeia igrushek" [Alexey Remizov and the Pushkin House. Part 1: The fate of Remizov's "Toy Museum"]. *Russkaia literatura*, 1997, no. 1, pp. 185–215. (In Russ.)

Gracheva A.M. Literaturnye kontakty A. Remizova i E. Liatskogo. Prazhskii period [Literary contacts of A. Remizov and E. Lyatsky. Prague period]. *Russkaia, ukrainskaia i belorusskaia emigratsiia v Chekhoslovakii mezhdu dvumia mirovymi voinami. Rezul'taty i perspektivy provedeniia issledovanii. Fondy Slavianskoi biblioteki i prazhskikh arkhivov: Mezhdunarodnaia konferentsiia. Praga, 14–15 avgusta 1995 g. Sbornik dokladov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration in Czechoslovakia between the two world wars. Results and prospects of research. Collections of the Slavic Library and Prague Archives: Int. Conf. Prague, August 14–15, 1995. Proc.]. Prague, Narodni knihovna CR, 1995, pp. 330–337. (In Russ.)

Hughes R. Iz pisem P.P. Suvchinskogo k A.M. Remizovu 1920-kh godov [From P.P. Suvchinsky's letters to A.M. Remizov of the 1920s]. *Na rubezhe dvukh stoletii: Sb. v chest' 60-letiia Aleksandra Vasil'evicha Lavrova* [At the turn of two centuries: A collection to the 60th anniversary of Alexander Vasilievich Lavrov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 759–770. (In Russ.)

Istorii "novoi" khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete "Glavnogo": Iz "dnevnikov" T.N. Gippius 1906–1908 godov [Stories of "new" Christian love. The Merezhkovskys' erotic experiment in light of the "Main Thing": From T.N. Gippius' "diaries" for 1906–1908], intro., ed. and notes M. Pavlova. *Erotizm bez beregov.*

Sb. statei i materialov [Eroticism without shores. A collection of essays and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 391–455. (In Russ.)

Keys R. New light on Remizov's first novel, Prud (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House. *Slavonica*, 2004, April, vol. 10, no. 1, pp. 62–65. (In English)

Liubimova M.Iu. Prazhskie kontakty Borisa Grigor'eva i Evgeniia Zamiatina [Prague contacts of Boris Grigoriev and Evgeny Zamyatin]. *Boris Grigor'ev i khudozhestvennaia kul'tura XX veka. Materialy III Grigor'evskikh chtenii* [Boris Grigoriev and artistic culture of the 20th century. III Grigoriev proceedings]. Pskov, 2004, pp. 101–114. (In Russ.)

Manouelian E. Aleksei Remizov and Vladimir Dixon. *James Joyce Quarterly*, 1992, vol. 29, no. 3, pp. 557–563. (In English)

Neizvestnye pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo serediny 1920-kh godov [D.P. Svyatopolk-Mirsky's unknown letters of the mid-1920s], intro., ed. and notes A.B. Rogachevsky. *Diaspora: Novye materialy. II* [Diaspora: New materials. II]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 349–367. (In Russ.)

Obatnina E.R. "Ia dusha chelovech'ia…" (Novaia proza Alekseia Remizova: 1918–1929) ["I am the soul of man ..." (Alexei Remizov's new prose: 1918–1929)]. Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 11: Zga* [Collected works. Vol. 11: Zga]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2015, pp. 574–611. (In Russ.)

Obatnina E.R. "Rossiia v pis'menakh": sovetskaia korrespondentsiia v emigrantskom arkhive A.M. Remizova ["Russia in Letters": Soviet correspondence in A.M. Remizov's émigré archive]. *Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi: sb. st. i publ.* [Literary archive of the Soviet era: A collection of essays and publications], ed. N.A. Prozorova. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, pp. 36–45. (In Russ.)

Obatnina E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Pis'ma A.M. Remizova i V.Ia. Briusova k O. Madelungu [A.M. Remizov's and V.Ya. Bryusov's letters to O. Madelung], comp., ed., intro. and notes P. Alberg Jensen and P.U. Möller. Copenhagen, Rosenkilde and Bagger, 1976. 81 p. (In Russ.)

Pis'ma A.M. Remizova k D.A. Lutokhinu (1923–1925) [A.M. Remizov's letters to D.A. Lutokhin (1923–1925)], publ. E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009, pp. 944–974. (In Russ.)

Remizov A.M. "Na vecherne izare". Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg. ["At the Evening Dawn". Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922], intro. and comment. E.R. Obatnina, ed. E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 7, pp. 46–81. (In Russ.)

Remizov A.M. "Na vecherne izare". Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg. (okonchanie) ["At the Evening Dawn". Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922 (conclusion)], comment. E.R. Obatnina, ed. E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 8, pp. 8–67. (In Russ.)

Remizov A.M. "Na vechernei zare". Glava iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1923 ["At the Evening Dawn". A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923], comment. E.R. Obatnina, ed. E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 36–91. (In Russ.)

Reznikova N.V. *Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove* [Fiery memory: Memories of Alexei Remizov], ed., intro. A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013. 272 p. (In Russ.)

Robinson A. *The Life and Work of Jane Ellen Harrison*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 332 p. (In English)

Smith A. Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s. *A people passing rude: British responses to Russian culture*, ed. A. Cross. Cambridge, Open Book Publishers, 2012, pp. 175–188. (In English)

Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky. 1924–1926. *Oxford Slavonic Papers*, 1995, no. 28, pp. 62–97. (In English)

"…s Vami beda — ne perevesti": Pis'ma D. P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) ["…you are the awkward one — untranslatable": D.P. Sviatopolk-Mirski's letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

Varzhapetian V. "Ispoved' antisemita", ili K istorii odnoi stat'i: Povest' v dokumentakh ["Confession of an anti-Semite", or On the history of one article: A tale in documents]. *Literaturnoe obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 12–37. (In Russ.)

Alexey Remizov

"At the Evening Dawn". A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924

Commentaries by Elena Obatnina
Editing by Elena Obatnina and Anna Uryupina

Abstract: The article presents the continued publication of the chapters from A.M. Remizov's manuscript "At the Evening Dawn" (1943–1948), based on his letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello. The chapter devoted to 1924 contains the plots of the writer's life which are related to the problems of his assimilation into Russian diaspora in Paris. The daily correspondence between the marrieds consists the names of Remizov's closest friendly circle, a chronicle of his works, the nature of relationships with publishing houses in emigration, translators, representatives of French literature and Slavistics. The recent chapter is accompanied by the historical and literary commentary to the manuscript with out-of-print archival materials that are introduced into scientific use for the first time. The article also contains a comprehensive scientific bibliography which is at the up to date level of study of the realities of author's private life, his work and also of the historical process features, which are mentioned in Remizov's texts. The Appendix contains the original letters of Remizov that makes possible to evaluate his methods of transforming the

epistolary documents into a fiction and to analyze the author's strategy in his work on autobiographical texts. The publication is illustrated with rare archival materials.

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary heritage, archival materials, history of emigration

Information about the authors: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna Uryupina, PhD, curator of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (State Literary Museum), Moscow, Russia. E-mail: urana1409@gmail.com

Citation: Remizov Alexey. “At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924, comment. E. Obatnina, ed. E. Obatnina and A. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 45–108. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-45-108

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-109-144
УДК 821.161.1

Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.)*

Статья I

© 2019, М.М. Павлова

Аннотация: Статья посвящена творческой биографии русской художницы Татьяны Николаевны Гиппиус (1877–1957). Автор основывается на ранее неизвестных материалах из архива Амхерста (Массачусетс, США) — письмах-«дневниках» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 гг., адресованных сестре — З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову. Актуальность исследования определяется возросшим интересом к работам художницы; в последние годы специалисты обратились к изучению различных аспектов ее творческого наследия, по большей части утраченного: живописным и графическим портретам современников, книжной иллюстрации, иконописному портрету, художественным альбомам. «Дневники», основной контент которых подчинен хронике внутренней жизни неохристианской коммуны Мережковских (ее младшего «гнезда», руководимого Т.Н. Гиппиус), в то же время содержат немало дополнительных сведений о раннем, наиболее плодотворном периоде творчества художницы: годах учебы в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств, отношениях с руководителем мастерской — И.Е. Репиным, отчетных выставках, круге интересов автора, занятиях книжной графикой и иллюстрацией детской книги. Особое место в статье уделено сотрудничеству Т.Н. Гиппиус в журнале для детей Н.И. Манасеиной и П.С. Соловьевой «Тропинка» (1906–1912). В Приложении представлена библиография книжной иллюстрации Т.Н. Гиппиус.

Ключевые слова: Т.Н. Гиппиус, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И.Е. Репин, письма-«дневники», Императорская Академия художеств, неохристианская коммуна.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Павлова, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mmpavlova@gmail.com

Цитирование: *Павлова М.М.* Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья I // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 109–144. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-109-144

* Работа выполнена за счет гранта РФФИ, проект № 19-012-00188

Художественные работы Татьяны Николаевны Гиппиус (1877–1957), до настоящего времени в полном объеме не выявленные и не сведенные в каталоге, вызывают всё больший интерес исследователей литературы и искусства русского модернизма. С момента появления первой статьи о Т. Гиппиус в библиографическом словаре «Художники народов СССР» (1970)[1] и публикации ее писем к А.А. Блоку (1980)[2] список литературы изрядно пополнился.[3] В последние годы специалисты обратились к изучению различных аспектов творческого наследия художницы, по большей части, к сожалению, утраченного или пока не найденного: живописным и графическим портретам современников[4], книжной иллюстрации[5], иконописному портрету[6], художественным альбомам[7].

---

[1] Художники народов СССР: Библиографический словарь: В 6 т. Т. 1 / Гл. сост. и библиограф О.Э. Вольценбург. М., 1970. С. 45.

[2] А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус / Публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–217; то же: *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 260–271.

[3] Наиболее полные сведения о Т.Н. Гиппиус содержатся в указ. публикации С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова, а также в наших публикациях: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 391–455; *Павлова М.М.* «Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается...». Из писем Т.Н. Гиппиус к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову. Апрель — август 1917 г. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 296–392; в мемуарах: *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти: Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990. С. 253–259 (впервые: Новый журнал. 1988. № 171. С. 246–255); *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 379–380; *Мантейфель С.* Воспоминания о Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус // Мантейфель С. Бегство из погибели: Воспоминания, стихи. Великий Новгород, 2010. С. 108–147 (о послевоенном новгородском периоде; впервые: Чело (Великий Новгород). 2000. № 1. С. 38–47); *Белавская А.П.* Воспоминания о Т.Н. и Н.Н. Гиппиус / Публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–721.

[4] *Наседкина Е.В.* «Главная тема его неисчислимых мелодий» // Наше наследие. 2005. № 74. С. 113–114; *Наседкина Е.В.* Андрей Белый: трансформация образа в восприятии современников (портреты, шаржи, пародии) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Т. I (Культурология). С. 173.

[5] *Корвацкая Е.С.* Детские книги, иллюстрированные Т.Н. Гиппиус // Печать и Слово. 2014. Ч. 1. С. 169–174. В статье рассматривается творческая эволюция Гиппиус в области книжной графики, приведен неполный перечень оформленных ею детских книг 1900–1920-х гг.; проанализированы самые яркие, по мнению автора, издания.

[6] *Павленко А.А.* Копия портрета патриарха Никона и художник Татьяна Николаевна Гиппиус // Кадашевские чтения: Сб. докладов конференции. Вып. XVIII / [Изд. Московской патриархии под ред. протоиерея Александра Салтыкова]. М., 2016. С. 276–278.

[7] *Барыкова М.Н.* Мы забытые следы чьей-то глубины // История Петербурга. 2011. № 4 (62). С. 26–29.

Дополнить и скорректировать имеющиеся сведения о раннем, наиболее плодотворном периоде Т. Гиппиус позволяют ее «дневники» за 1906–1908, 1910–1911 гг., хранящиеся в Русском центре Амхерста (готовятся нами к печати). «Дневниками» Татьяны/Таты Мережковские называли письма-отчеты, которые она почти ежедневно писала им в Париж во время их первой эмиграции (1906–1908), а также позднее, в периоды продолжительных отъездов из Петербурга. Основное назначение отчетов сводилось к хронике внутренней жизни младшего «гнезда» неохристианской коммуны Мережковских (его ядро составили Татьяна и Наталья Гиппиус, А.В. Карташев и В.В. Кузнецов)[8].

Академическая жизнь Т. Гиппиус, в ту пору студентки Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств[9], отражена в «дневниках» фрагментарно. Тем не менее в письмах-отчетах в Париж запечатлелись и ученические будни (Татьяна занималась в мастерской И.Е. Репина, позднее — у Ф.А. Рубо[10]; там же на скульптурном отделении обучалась младшая Гиппиус — Наталья[11] и Василий Кузнецов[12]) — отчетные выставки, профессорские обходы, студенческие забастовки, жизнь мастерских; круг художественных интересов автора — посещение вернисажей и театров, занятия иллюстрацией детской книги, сотрудничество в качестве книжного графика в издательстве М.В. Пирожкова и в журнале для детей Н.И. Манасеиной и П.С. Соловьевой «Тропинка» (1906–1912), работа над портретами современников, а также сведения о ее художе-

[8] См.: *Павлова М.М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; Статья 2 // Русская литература. 2017. № 4. С. 166–194.

[9] Т.Н. Гиппиус поступила в Высшее художественное училище при Императорской Академии Художеств в 1901 г., закончила со званием «свободного художника» в 1910-м; см. ее личное дело: РГИА СПБ. Ф. 789 (Императорской Академии художеств). Оп. 12. 1901. И–110.

[10] Франц Алексеевич Рубо (1856–1928) — художник-баталист, панорамист, академик, с 1903 г. руководил батальной мастерской Академии художеств, с 1912 г. жил в Мюнхене.

[11] Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963) поступила в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в 1903 г., закончила со званием художника по скульпторе в 1912 г. (личное дело: РГИА СПб. Ф. 789. Оп. 12. 1903. И–35). См. о ней: *Логдачева Н.В*. Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXVII. СПб., 2016. С. 172–178.

[12] Василий Васильевич Кузнецов (1881–1923) — скульптор, в 1901–1905 гг. обучался в Высшей художественной школе при Императорской Академии художеств, курс не закончил, так как постоянно был занят выполнением скульптурных заказов (личное дело: Ф. 789. Оп. 3. № 107. «И». 1901 г.); см. о нем: *Карпова Е.В.* Петербургский скульптор В.В. Кузнецов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. VII. СПб., 2006. С. 547–567.

ственных альбомах (один из которых получил широкую известность благодаря стихам А. Блока «Твари весенние. Из альбома “Kindisch” Т.Н. Гиппиус» и др.).

В нашей первой статье речь пойдет о рецепции академической жизни в «дневниках» Т. Гиппиус, ее творческих приоритетах, занятиях книжной иллюстрацией; в приложении публикуется перечень оформленных ею произведений и книг. Вторая статья будет посвящена портретам современников, созданным Т. Гиппиус, известным и невыявленным, сведения о которых можно найти в «дневниках», а также художественным альбомам (ее «Атлантиде»). В заключение планируется опубликовать предварительный каталог работ художницы.

Сестра известной писательницы, член семьи Мережковских, Татьяна Гиппиус принадлежала к кругу петербургской элиты, в значительной степени определившему ее художественные устремления.

Сложившиеся между Мережковскими и Репиным во второй половине 1890-х гг. дружески-деловые контакты[13], которые супруги стремились активизировать в период издания журнала «Новый Путь» (1903–1904), способствовали тому, что Татьяна по окончании второго курса училища в 1903 г. была зачислена в мастерскую Репина[14], т.е. сразу же оказалась под опекой общепризнанного мастера живописи и одного из ведущих профессоров Академии, в чью мастерскую в те годы попасть было чрезвычайно сложно.

30 декабря 1903 г. З. Гиппиус писала Репину: «Дорогой и милый Илья Ефимович. Поздравляем вас оба с грядущим годом, посылаем вам наши новые книжки, — чем богаты, тем и рады! Получили ли вы первый № “Нового Пути”? О многом, там помещенном, мы хотели бы знать именно ваше мнение. Так грустно, что мы давно не видались! Я слышала, что вы живете загородом и только приезжаете в СПб.? — Сердечное вам, глубокое спасибо за сестру мою Тату. Всегда ваша душой З. Гиппиус-Мережковская»[15].

[13] Знакомство Мережковских с Репиным состоялось около 1894 г. в салоне баронессы В.И. Икскуль фон Гильденбанд; к этому времени относятся графические портреты Мережковского и Гиппиус работы Репина (бумага, графитный карандаш), хранятся в Музее Российской академии художеств (Инв. МБР Г-241; МБР Г-242), см.: Илья Репин: 1844–1930 / Государственная Третьяковская галерея. М., 2019. С. 476, 477.

[14] В зачетной книжке Т.Н. Гиппиус 31 марта 1903 г. сделана запись: «Переведена в мастерскую профессора руководителя» (РГИА СПб. Ф. 789. Оп. 12. 1901. И–110. Л. 10 об.).

[15] Научный архив Академии Художеств. Ф. 25. Оп. 1. № 638. Л. 2.

Наклонности младших Гиппиус к пластическим искусствам, по-видимому, имели некоторые корни. В архиве Императорской Академии художеств хранятся личные дела еще трех академистов с такой же фамилией со званием художника или архитектора[16] (все Гиппиусы, обрусевшие немцы, состояли в близком или удаленном родстве). Один из них — сын художника, литографа и педагога Густава Адольфа Гиппиуса (1792–1856), германо-балтийского происхождения — Отто Густавович (Евстафьевич) Гиппиус (1826–1883), академик архитектуры, профессор, практик церковного зодчества; успешно строил в Ревеле (Таллине), Берлине и Петербурге[17].

В Музее Академии художеств хранятся студенческие работы Татьяны Гиппиус — рисунок с натуры и четыре офорта[18]. Особое внимание в этом ряду привлекает офорт с картины Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых» (1568), предположительно картина иллюстрирует евангельскую притчу о фарисеях: «Оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14).

В контексте духовных исканий Т. Гиппиус, разделявшей неохристианские взгляды Мережковских — их чаяние Третьего Завета, а также принимавшей деятельное участие в их религиозной жизни, выбор сюжета видится не случайным. Опираясь на «дневники», можно с уверенностью сказать, что всё ее творчество 1900-х гг. развивалось под влиянием идей Мережковских. Татьяна стремилась соединить свою повседневную и профессиональную жизнь с «Главным» (так Мережковские называли церковь их толка — Иоаннову, посвященную Третьему завету, Завету Святого Духа), однако многие страницы «дневников» свидетельствуют о несоединимости двух полюсов: «несоединено» (sic!) — самое частое слово в письмах-отчетах.

Академические будни, в которых ей доводилось бывать свидетельницей разгульных студенческих попоек, профессорских обходов, шумных скандалов и забастовок, резко контрастировали с ее потаенной жизнью, протекавшей вне стен Академии — на Литейном 24, в доме Мурузи: подготовка литургий, редактирование переведенных

[16] См. личные дела: Гиппиус Карл (РГИА СПб. Ф. 789. Оп. 2. № 31); Гиппиус Пиус — архитектор, окончил курс политехнического института в Карлсруэ; в 1851 г. получил звание художника архитектуры (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 109); Гиппиус Отто (РГИА. Ф. 789. Оп. 5. № 77; Оп. 6. № 82, № 212; Оп. 14. № 75).

[17] Личное дело: РГИА СПб. Ф. 789. Оп. 14. № 75. См. о нем: *Ботова В.А.* О создании каталога портретов работы Г. Гиппиуса из книжного собрания графов Строгановых // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 2 (6). С. 84–86.

[18] Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств. Р-1192, Г-320, Г-321, Г-322, Г-323.

Карташевым служебных текстов, вечерние моления, исповедальные собеседования по ночам, споры о «Главном», письма-отчеты в Париж, иные по 60–80 страниц. В своих отчетах Мережковским она постоянно сокрушается, что ей приходится «раздираться» между личным и общественным. С одной стороны, она — глава неохристианской коммуны, «пасущая» со-молитвенников (в их числе и С.П. Ремизова, и Андрей Белый), а также сочувствующих и «наблюдателей» (Е.П. Иванов, Л.Д. Блок, А.М. Ремизов, Н.А. Бердяев, В.В. Успенский); с другой стороны, она — член студенческого коллектива, староста мастерской, отвечающая перед профессором-руководителем за класс.

Несмотря на отмеченную особенность «дневники» живо передают академическую атмосферу тех лет и дух мастерских. В качестве примера приведем две записи.

Пишу 24го окт<ября>
вторник. 11 ч. веч.

Сегодня день был ужасный. Тьма настала в 10 ч. утра такая, что нельзя было рисовать совершенно, не говоря уже о чтении. Прекратились в академии все занятия. Зажглось электричество в домах и на улицах, а на небе вместо туч полз желтый густой туман. По случаю тьмы мастерская устроила попойку с гармонией и пляской. Дули пиво, водку, нахлестались. Огромные лысые мужики из другой мастерской пригласили холуев — самого мужичьего вида, даже не мужичьего — это бы лучше, а то прямо фабричные, пьяные рабочие как<ие?>-то. Я знаю одного: прямо хулиган. Я при устройстве не присутствовала: ходила за натурщиками, узнавать, отчего их не пропустили — прихожу за вещами *опять* в мастерскую (первый-то час кое-как прорисовали) и вижу картину: среди мастерской подставка, на ней несчетное количество бутылок, всё разлито, мольберты составлены — гармония зудит, и пляшут посередине трепака.

Сначала я с интересом смотрела — думала, они так увеселяются — я ведь люблю, когда пляшут.

Потом вижу бутылки, приходят, пьют, один сидит уж без сюртука, — значит, будет попойка. Раз так-то мой холст прорвали. Это, думаю, не порядок, перепьются — а я отвечай — драться будут — все метки сотрут, холсты прорвут, еще натурщиц позовут. Спрашиваю сторожа — кто им разрешил. Говорит, сами, и, видимо, сам недоволен. Я прихожу и говорю им, что, дескать, прошу вас, господа, уйти из мастерской в чайную, — но гвалт, не слышно, да и, видно, злобно им на меня, — пожалуй, уж пьяные. Тогда я к помощнику своему — на гармонии играет. Он ничего еще, симпатичный доволь-

но, молоденький еще, и не такой хулиган. (И кажется, еще ко мне неравнодушен). Говорю: *это вы им разрешили*? (Громко). «Это, говорит, все сами, единогласно». А, все вместе! — говорю, — и больше не стала ничего говорить, ушла и дверью хлопнула. Кажется, стали аплодировать даже, хулиганы. Злилась ужасно, хотела вечером на рисовании объявить, что я больше старостой быть не желаю, но Савинова[19] отговорила. Да еще одни, да и с пьяными не очень-то поговоришь. Ученик в столовой, Дмитриев[20], говорит, чтобы я не ходила туда, п<отому> ч<то> там, Бог знает что, хотя из мастерской ушли пониже, в чайную, но там, очевидно, меня ругали, напились до неприличия, переколотили стаканы, разлили пиво везде. Художнички хорошенькие!

Я ушла домой и рисовать не осталась — завтра поговорю со своими помощниками, скажу им, раз они вопросы, касающ<иеся> мастерской, решают сами единогласно, без старосты, то ответственность с меня по мастерской снимается, пусть отвечают те, из помощников старосты, которые здесь были, берут староство на себя, а я не обязана. Помогать им буду, но ответств<енность> не беру на себя[21].

В декабре 1906 г. в Академии художеств началась забастовка; внешним поводом к возмущению послужила неудачная постановка натурщика одним из профессоров[22]. Студенты требовали создания специальной комиссии, состоящей из членов Совета Академии художеств, для ознакомления с их нуждами. Однако Совет профессоров заявил, что не имеет на то полномочий, по его решению Академия была на время закрыта. В разгар событий 11 декабря Татьяна писала сестре:

---

[19] Мария Манциловна Савинова (1876–?) обучалась в Академии художеств в 1899–1908 гг., закончила обучение со званием художника в 1908 г. (выпускная картина: «Иов»), см.: Отчет о деятельности Императорской Академии художеств в 1908 г. СПб., 1910. С. 22.

[20] Иван Дмитриевич Дмитриев (1875–1943) — художник, в 1901–1907 гг. студент Высшего художественного училища Академии художеств, был старостой мастерской Репина в 1906/1907 г.; см. письмо к нему Репина «Распределение эскизов по родам живописи»: *Репин И.* Избранные письма. В 2 т. / Сост. и автор вступ. статьи И.А. Бродский. М., 1969. Т. 2: Письма 1893–1930. С. 231–232.

[21] Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 27. Далее сокращенно: *Amherst*.

[22] Сведения о забастовке, вероятно, со слов Т. Гиппиус, в продолжение декабря печатались в газете «Страна» М.М. Ковалевского, в которой А.В. Карташев вел церковный отдел, см.: Учебные дела // № 242, 19 дек. (1 янв.). С. 4; В Академии художеств // Там же. № 246, 23 дек. (5 янв. 1907). С. 4; № 247, 24 дек. (6 янв.). С. 3; Учебные дела // Там же. № 251, 30 дек. 1906 (12 янв. 1907). С. 3; № 252, 31 дек. (13 янв.). С. 4.

В академии у нас кавардак ужасный. Забастовка; против забастовки, часть работает, несмотря на постановление сходки. Мое мнение таково: считая себя членом академической корпорации, — я подчиняюсь большинству, которое утвердило забастовку; хотя лично отрицаю ее начисто, нахожу ее несвоевременной, мальчишеской выходкой. <…> Вот когда чувствуешь, что в безликости тонешь. “Большинство”. Всё равно кто они такие, составляющие большинство: Иван, Семен, Петр. Оно всё равно меня съест. А не подчиниться, не имею права. Это большинство *везде,* не только в одной академии. Уж до дна. На сходках-то я всегда голос подаю против. Вот говорить еще не осмеливаюсь. “Товарищи очень неладные”.

Савинова идет против всех и работает, ни с кем не считаясь. Еще издевается: “в стаде ходишь?” Есть чем хвастаться: сама всё время в стаде ходила: в столовой ела, в лавочке академической краски покупала, заказы получала из академической кассы. Притворялась, что свободна, или узко смотрела. Я ушла от нее после разговора, думает, я меньше ее что ли работать хочу?! Вся слякоть академическая, которая теперь там идет — разве не самое горшее теперь для меня несчастье? Ни то ни сё.

Так и слоняешься: день в академии промотаешься. Сегодня 5 часов подряд сходка шла[23].

Отзывы о лекционных курсах и преподавателях в «дневниках» практически отсутствуют, за исключением, пожалуй, Репина, о котором Т. Гиппиус пишет пристрастно и чаще всего критически («Видела Репина. Разглагольствовал с учениками — довольно противно», 15 сентября 1906; «Репин выдумал по вторникам собираться с ним — дела решать о заработках и — с улыбочкой — ученикам, чтоб упражняться в ораторском искусстве… Мало ли что предстоит: ко всему надо быть готовым при новых порядках», 17 сентября 1906, и т. п.)[24].

Отношения с профессором-руководителем у нее складывались не лучшим образом, занятия в мастерской тяготили, педагогические приемы казались грубыми.

Немногочисленные записи Т. Гиппиус о «собеседованиях» с Репиным перекликаются с воспоминаниями Ивана Дроздова, ее младшего соученика по мастерской: «Илья Ефимович был очень своеобразный профессор; многих учеников своей мастерской он не знал по фамилии, и часто при разговоре уверял, что такого-то “не помнит”, но сразу же задавал вопрос: “а какой это этюд?” Зато все

[23] *Amherst.* Box 2. Folder 27.
[24] *Amherst.* Box 2. Folder 26.

работы учеников он помнил отлично. Репин как педагог не был методистом, в его советах отсутствовала школьная система. Он часто ошибался в оценках, и его замечания были противоречивы; понравившуюся ему ученическую работу он сравнивал с шедеврами великих мастеров, говоря, что это "прямо как Мурильо", но в следующий свой приход в мастерскую он уже мог возмущаться тем же самым (но уже испорченным) этюдом и советовать его автору "открыть табачную лавку, а не заниматься живописью". Иногда замечания Ильи Ефимовича были слишком резкими; я помню, как его слова сильно подействовали на одного молодого товарища, которому Репин посоветовал "бросить живопись и начать писать вывески". Но такие факты были единичными. Чаще Репин делал короткие замечания по технике живописи, которые являлись для учеников настоящими откровениями»[25].

31 октября 1906 г. Татьяна писала Мережковским: «Матэ[26] показала несколько рисунков для офорта — чтоб тоже у него выставить (стипендия). До удивления я как-то изменилась. Право приобрела. Нестыдно самой выставлять. <…> С Репиным опять скандальная и глупая "беседа". Стыдно за него даже. Врубеля между прочим жалел»[27]; 3 декабря: «Матэ мне передавал, что на обходе Репин возмущался моими произведениями. Говорил, что я стала слабее рисовать, бледнее. Что мой темперамент требует "Микель Анджеловского рисунка" (и замыслы), а я ослабела и стала "подражать Сомову или Бенуа". Я сказала ему, что это время почти не работала и немудрено, что отстала и опустилась. Говорит — "надо себя в руки взять"»[28], и т. п.

Главная причина отчуждения ученицы от учителя, по-видимому, заключалась в том, что он прививал своим подопечным основы реалистического искусства, в то время как она была увлечена новейшими направлениями в живописи, эстетикой модернизма. Впрочем, ценила и мастеров старшего поколения, в чьих работах, помимо мастерства, ей открывалась мистическая глубина, например, Н.А. Кошелева[29]: «Пришел Кошелев — краски надо было ему купить. Так пришел за

[25] *Дроздов И.Е.* Репин в Академии художеств // Репин / Ред. И.Э. Грабарь, И.С. Зильберштейн. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 237. Иван Георгиевич Дроздов (1880–1939) — художник.

[26] Василий Васильевич Матэ (1856–1917) — художник, рисовальщик, гравер, академик.

[27] *Amherst.* Box 2. Folder 26.

[28] *Amherst.* Box 2. Folder 27.

[29] Николай Андреевич Кошелев (1840–1918) — исторический, портретный и жанровый живописец, график, иконописец; монументалист; академик (1873), профессор Императорской Академии художеств (1878); автор эскизов и росписей Храма Христа Спасителя, Храма Спаса на Крови и ряда других.

ними. Хоть он историк-художник и уж “исписался”, но дух у него молодой. Значительно-благоговейно-серьезно-художественный. С Тайной. Моложе всех этих академистов, плоскодонных. С радостью с ним провели время» (22 февраля 1907)[30]; «Из академии прошли с Натой к Кошелеву, не застали дома. Вот я бы его вместо Репина себе хотела*[31]. Он поразительный старик: за ним чувствуется тайна в рисовании. Тайна хорошего рисунка, которую он не открывает. Дает тебе *свободу*, которая трудно выносится учащимися. Им бы указку. (Им бы Великого Инквизитора, чтоб позаботился, хоть бы в рабов обратили). Он даже не учит, а только чуть дает подышать Тайной и оставляет тебя одного с воспоминанием этого запаха захватывающего. Такие горизонты, такой захват, такое приобщение к неслыханным гениям, что и сказать трудно. Это не передать. Тихий, тихий старец, а вместе с тем беспощадный. И благостный. Никому он не дорог, кроме нас с Натой. Теперь, когда я рисую с захватом, — всегда он со мной как будто. Будто я с ним считаюсь, даже не вспоминаю слов, потому что он почти не говорил. Только что худо, что хорошо говорил. И в чем дело, отчего — не говорил. Иногда преподавал как бы ересь: когда все педагоги требовали точной передачи натуры: “точь-в-точь!” (Савинский)[32]. Он говорил тихо: “пусть будет даже не так, как там...” — а как надо? — Молчал. Хочется его написать. Лицо хорошее. Ну вот, опять пишу о Кошелеве всё? Точно себе, а не вам. Вы ведь его не знаете» (17 сентября 1907)[33].

Отзывы о картинах или мастерстве Репина в «дневниках» Т. Гиппиус, на удивление, отсутствуют, как будто бы его полотна для нее не существовали. Между тем в своих отчетах Мережковским она постоянно сообщает о посещении выставок, делится разными впечатлениями — о работах Малявина (например, его «Вихрь» в лексиконе сестер Гиппиус становится своего рода презрительным клеймом: «оргиазм малявинских баб» и т.п.), Бакста, Сомова, Врубеля («Только и захватывает Врубель древний...»), Серова, Феофилактова, Нестерова и т.д.

13 января 1907 г. она рассказывала сестре:

---

[30] *Amherst.* Box 2. Folder 30.

[31] Прежде. Теперь уж мне никого не нужно: я сама ползу куда влечет. — *Примеч. автора.*

[32] Василий Евмениевич Савинский (1859–1937) — портретист, исторический живописец, график, действительный член Императорской Академии художеств, профессор.

[33] *Amherst.* Box 2. Folder 34.

…пошли на выставку Нестерова[34]. Там было несколько академистов. Картина его, давняя, поразила — Царевич Дмитрий, убитый у монастыря[35] (где его мать), — душа его ходит. Эту картину я видела еще, кажется, только что гимназию кончивши, и вовсе ей не придала значение, — слишком проста во всей сложности техника, а мне тогда шлепков подавай, это что. Пейзаж майский (он в мае убит), нежный и тонкий, до удивительности, Царевича личико поразительное, голова перерезана и набок. Мертвенький. Вдали монастырь. А с небеси барин в виде Христа благословляет младенчика; «небось избавить не мог, чтоб весне радовался, а шейку перерезанную благословляет».

А другая — ужасная: «Придите ко мне все»[36] и т.д. Стоит барин, Джимарджидзе, в чистой рубахе розовой, руки опущены, злобное лицо; сзади идут ряженые подскимники (лица выразительные). А к ним все люди идут и все не радуются, а им пугаются, или догадываются, одну кликушу черная злыдня, тая свое лицо от нее, волочет. Один отшельник шел-шел, как увидел «барина» с брюшком в розовой рубахе, так и рот раскрыл. Написана нехорошо, грубо (кроме пейзажа на ней), не то что та, давняя, удивительная. Вот мне и пришло в голову, что вдруг Нестеров взял, да и провел всех: нарочно такого Христа сделал: ждали утешений в жизни, а Христос стоит себе, руки опустил, на них не смотрит, и, глядь, — мужичком переряженным оказался, и все его спутники тоже ряженые.

И стали мы с Кузнечиком[37] вихрем виться вокруг — думали, тогда картина недурная выходит. Стоим кучей, смотрим. На выставку Нестеров пришел. Ната дала мысль его пригласить для выяснения нам его мысли, Кузнечик пошел, привел: “В чем дело, господа?” — Я в общем ему сказала; конечно, не так, как поняла, потому что перебивали ученики со своими вопросами, а он нас всех в одну кучу. Но все-таки он, почуя, высказался несколько. Поняли, что Христа взял условно (!!). — «Чудо — есть внутреннее перерождение человека»,

[34] Персональная выставка М.В. Нестерова открылась 5 января 1907 г. в Екатерининском концертном зале на Малой Конюшенной (д. 3); на ней было представлено около восьмидесяти работ художника (преимущественно 1900–1906) и новая картина «Святая Русь». Отзывы о выставке и новой картине в модернистских кругах имели сдержанный или критический характер, см.: *Сюннерберг Конст.* Художественная жизнь Петербурга // Золотое руно. 1907. № 2, февр.; *Грабарь И.* Две выставки // Весы. 1907. № 3. С. 103–104; *Волошин М.* Выставка М. Нестерова // Там же. С. 105–108.

[35] Имеется в виду картина М.В. Нестерова «Дмитрий-царевич убиенный», 1899 (Государственный Русский музей).

[36] Картина М.В. Нестерова «Святая Русь», 1905; вторым названием картины были строки из Нагорной проповеди Христа («Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою Вас»). Картина была приобретена у Нестерова для Музея Императорской Академии художеств.

[37] Домашнее имя В.В. Кузнецова.

что «кто с чем приходит, то и получает». Говорю: «А кто с ожиданием приходит и не получает?»[38]

Несмотря на сумбурное изложение, впечатления Т. Гиппиус о «Святой Руси» по сути совпадают с мнением ведущих художественных критиков символистских журналов: «Робкое религиозное настроение, тихий молитвенный экстаз — вот сюжет Нестерова. Ему гораздо чаще удаются изображения тех, к т о молится, чем лики тех, к о м у молятся. Потому, быть может, главная картина выставки — громадная “Святая Русь” — и не удалась художнику. Изображенный им Христос — не для “труждающейся и обремененной” Руси» (Конс. Эрберг)[39]; «Нельзя найти достаточно плоских и напыщенных слов, чтобы передать всю театральность этого Христа» (М. Волошин)[40].

Татьяна зачастую резко, с нескрываемым раздражением отзывается о Репине: «Репин собеседовал, хочет устроить выставку будущий год из своих учеников с собой во главе. Одна такая же провалилась, такой гадости нанесли. (Поедем к нему 25 мастерской в Куоккалу). “Мы, господа, только уберем, декорируем нашу выставку по-новому, посовременнее (!!!!), так, знаете, уголки!” Тьфу, противный старикашка! Подлиза какой-то. А ученики толпятся — беспросветная прощалыжность. Ну, можно быть гадким, чем угодно, но это такое прикащичьё какое-то, терпкое, беспросветное, самодовольное, что непереносимо» (февраль 1907)[41].

Однако уже в следующем письме она смягчает интонации, хотя и дает понять, что поехала в Куоккалу по обязанности (поездка состоялась 1 марта), рассказывает и о встрече с жандармами на обратном пути: «Я должна ехать к Репину. Поехала в куче, со всей мастерской. Там его жена встретила[42], дебелая дама, круглая, большая, с носом шишаком. Очень твои стихи обожает. Репин вам кланяется. Она тебя видела. Снимались несколько раз, ели телятину, пили чай, смотрели картину: запорожцы на море[43]. Знакомы все лица. С тем же успехом назад, до станции пешком. Репин с женой провожали, причем Репин пел даже соло и с хором песни. Снег, сосны, тишина. В вагоне всё время пели песни разные ученики, появились сыщики и стали предлагать петь Марсельезу. Но напали на ловкого еврея. Он сказал:

[38] *Amherst.* Box 2. Folder 27.
[39] Золотое руно. 1907. № 2, февр. С. 77.
[40] Весы. 1907. № 3, март. С. 105.
[41] *Amherst.* Box 2. Folder 30.
[42] Наталья Борисовна Нордман-Северова (1863–1914) — вторая жена И.Е. Репина, писательница.
[43] Вероятно, имеется в виду картина И.Е. Репина «Черноморская вольница» (1906–1908).

это провокация, товарищи и слышать не хотят. Тогда те стушевались. Явные сыщики. (Это при мне было всё, я слышала). Жандарм просил во время остановки не петь песен)»[44].

Скупые, сумбурные и не слишком информативные заметки о Репине в «дневниках» Т. Гиппиус не позволяют более или менее внятно описать историю ее взаимоотношений с педагогом. Определенно она сознавала, что занятия в его мастерской не способствовали ее творческому росту. В 1907 г. Репин оставил преподавание в Академии художеств, Татьяна по окончании научных курсов (1908) подала прошение о переводе в мастерскую Ф.А. Рубо[45]. В 1910 г. она получила звание «свободного художника», ее выпускная работа — картина «Садко-гусляр» была опубликована в «Ниве» (1911. № 22, 28 мая. С. 401) вместе с конкурсными работами выпускников 1910 г.

С самого начала обучения Т. Гиппиус проявила наклонность к графике, рисунку и технике офорта. В «дневниках» нередки записи такого рода: «Я в оргиазме рисовальном. Хожу, вынюхиваю, высматриваю, запоминаю и рисую» (30 августа 1906)[46]; чаще: «офортила весь день». 17 августа 1906 г. она писала Мережковским: «Если бы иметь заказы на офорты — вот *мой* заработок, это я чувствую, что это было бы и дело, и польза»[47].

Мережковские всячески содействовали ей в получении заказов (предполагалась работа в качестве книжного графика), поскольку стипендия назначалась и выплачивалась нерегулярно. 23 февраля 1906 г. Дмитрий Сергеевич писал Брюсову: «Не найдете ли возможным дать работу в “Весах” и содействовать нахождению работы в “Золотом руне” — талантливой художнице *Татьяне Гиппиус*?»[48]

Татьяна следила за символистскими журналами, в которых сотрудничали Мережковские, а также близкие ей в ту пору Блок, Андрей Белый, Ремизов, Бердяев (персонажи «дневников» 1906–1908 гг.). С особым вниманием изучала в «Весах» и в особенности в «Золотом руне» художественный отдел, где наряду со статьями о современном искусстве систематически печатали материалы из истории отечественной и западной живописи, скульптуры, архитектуры, обзоры выставок, хронику художественной жизни.

---

[44] *Amherst.* Box 2. Folder 30.

[45] РГИА СПб. Ф. 789. Оп. 12. 1901. И–110. Л. 10 об. (прошение о переводе от 19 ноября 1908 г.).

[46] *Amherst.* Box 2. Folder 26.

[47] *Amherst.* Box 2. Folder 25.

[48] Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 220–221.

«Дневники» насыщены разного рода репликами по поводу журнальных публикаций, к примеру (запись 19 октября 1906): «Я должна была идти к Блокам, но 9½ только могла бы выйти из дому, поздно. К<арташ>ов от Бердяева (за книгами своими заходил) принес “Весы”. Во-первых, рисунки Феоф<илактова> привели меня в бешенство от своей ничтожной претенциозности и пошлости. Успела Нате только прочесть твою статью[49], да Сологуба[50]. “Руна” теперь тоже не получаем. Видела мельком, когда у Венгеровой[51] была: Бэла[52] завлекала какого-то господина, показывала “Руно”, я только Врубеля посмотрела Брюсова портрет[53]. С захватом на него смотрела. Удивительно хорошо. Редко прямо»[54] и т.п.

Большой интерес у Т. Гиппиус вызвал конкурс «Золотого руна» на тему «Дьявол», объявленный в 1906 г. Она просила сестру о протекции для участия в конкурсе, а 9 сентября сообщала ей: «Я выбрала чертей Рябушинскому[55]. Не знаю, в каком роде. Масса всевозможных сортов, перерисовать только получше (потому что это было давно, тогда хуже рисовала). Непременно ли “чертей”, чтоб они были “идейными”, чтоб были сцены, или портреты чертей. Всё это вопросы сложные. А мне бы *очень* хотелось сделать что-нибудь достойное и подходящее. Выудила альбомы с 1899 г. Каждый год были другие, сложные»[56]; 10 сентября ей же: «Рисую чертей с восторгом, но еще было бы лучше, если бы знать *точно*, в каком роде выйдет номер. Портреты, сцены, в красках, трагические, комические, набросочные, законченные, сократиться ли мне в индивидуализме, интимности — или же нет. Всё это важно: только ли одни черти, или вообще *нечисть*. Большая разница. Но это мне ужасно нравится, я перерисовываю с наслаждением и на всё готова, вывороти ться наизнанку. Подобрать стараюсь так: из альбома 1899 г. *Неизбежное* — нарисовано карандашом, подкрашено — всё это нарисовала, массу всякого рода могла

[49] В августовском номере «Весов» за 1906 г. была напечатана резкая критическая статья Антона Крайнего «Иван Александрович — неудачник» (№ 8. С. 48–51) — рецензия на книгу Г. Чулкова «Мистический анархизм».

[50] Имеется в виду эротическая новелла Ф. Сологуба «Милый Паж» (Там же. С. 17–29).

[51] Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) — переводчица, литературный критик.

[52] Людмила (Изабелла) Николаевна Вилькина (в замуж. Виленкина; 1873–1920) — поэтесса, переводчица, жена Н.М. Минского.

[53] Портрет В.Я. Брюсова работы М. Врубеля (1906) был напечатан в июльском номере (№ 7) журнала «Золотое руно» за 1906 г.

[54] *Amherst.* Box 2. Folder 27.

[55] Николай Павлович Рябушинский (1876–1951) — меценат, издатель журнала «Золотое руно» (1906–1909).

[56] *Amherst.* Box 2. Folder 26.

бы набрать, и получше нарисовать <здесь четыре рисунка пером, на которых изображены черти. — *М.П.*>. Например, “Собирайтесь, беси; сатана издеся” — можно? вереница идет, а Сатана стоит. Посылаю тебе рисунок: из старого альбома — чума. Теперь это, по-моему, — чума ужаса в России. Вышел полу-Победоносцев, нечаянно, как его рисуют всегда»[57]; 12 декабря: «Чертей послала, но бесплодно. Написала Наташе Доброхотовой[58], чтоб взяла оттуда и прислала мне. Послужат мне для эскизов эти рисунки. Принятья и не ждала»[59].

Дьявол (1906).
Рисунок к конкурсу «Золотого руна»

После неудачи с конкурсом Т. Гиппиус ничуть не охладела к избранному изобразительному материалу — ее чрезвычайно привлекал мир низшей славянской мифологии, которую она изучала, пользуясь программой университетского курса по фольклору, присланной по ее просьбе А. Блоком[60]. Образы различного вида чертей, ведьм, леших, кикимор и т. п. персонажей фольклорной демонологии всегда оставались художественной доминантой в ее творческой палитре и получили завершенную и наиболее выразительную форму в художественных альбомах.

Начиная с 1903 г. Т. Гиппиус брала заказы на графические работы в издательстве М.В. Пирожкова, выпускавшем сочинения Мережковских; ею были оформлены надписи на обложках книг З. Гиппиус «Алый меч» (1906), «Черное по белому» (1908); «Дафнис и Хлоя» Лонга в переводе Мережковского (1904) и др., и, судя по всему, обложка журнала «Вопросы жизни» (1905). В своих отчетах в Париж она часто сообщает сестре о походах в издательство, разго-

[57] Там же.

[58] Наталья Михайловна Доброхотова — кузина и подруга сестер Гиппиус (москвичка), объект влюбленности З. Гиппиус в отроческие годы; подробнее о ней см.: Переписка с Д.В. Философовым / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018. С. 648 (примеч. 1 к п. 6). Сохранились письма Н. Доброхотовой к З. Гиппиус: *Amherst.* Box 3. Folder 20.

[59] *Amherst.* Box 2. Folder 26.

[60] См.: *Махлин В.С.* Неопубликованное письмо А. Блока к Т.Н. Гиппиус // Филологический сборник. Вып. V. Алма-Ата, 1966. С. 47–53.

ворах с Пирожковым об оформлении книг; 10 мая 1906 г., например, она писала: «Была у Пирожкова. Показывал “Алый меч”, корректуру. Уродливо. Просила проще[61]. Видела Лансере обложку[62]. По-моему, буквы больше, а медальон меньше, но Пирожков говорит, что нельзя. Мне бы хотелось полную простоту, не употреблять рисунков на обложках. Искусство такое — там, где *мы*, не должно быть»[63] (*мы* — вероятно, творцы и носители нового религиозного сознания); 7 декабря: «Вчера была у Пирожкова. Дал мне твою книжку, чтоб буквы <так!>. Выбрать обложку дал бумагу. Мне понравилась бумага фисташковая, зеленая, мутная, и синяя, не темная, густо-голубая. С черным красиво. Не знаю, которая из них есть. А то всё: то “Вопросы жизни”, то “Дафниса и Хлою”, нужно ведь ярко, чтоб заметно?»[64]

Одновременно Т. Гиппиус пробовала силы в книжной иллюстрации. Ее первые самостоятельные работы в этом направлении, где уже чувствуется попытка найти оригинальные выразительные средства, собственный графический язык, — постраничные рисунки к сказке «Сахарный принц и пряничная принцесса» (СПб., 1903) детской писательницы, поэтессы и переводчицы Г. Галиной (Глафиры Адольфовны Эйнерлинг), а также иллюстрации в сборнике «Сказки Г. Галиной» (СПб., 1904). Обе книги вышли в издательстве М.В. Пирожкова.

В статье, посвященной эволюции книжной графики Т. Гиппиус, Е.С. Корвацкая характеризует первые опыты художницы следующим образом: «С помощью свободной жестикуляции, точных ракурсов, мягкой пластики фигур, дополняемой открытостью мимики лица, художница создает интересные образы для героев произведений Г. Галиной. Их явная эмоциональность смягчает поверхностное раскрытие сюжета произведения, несовершенство графического исполнения и недостатки в рисованном шрифте заставок»[65].

Т. Гиппиус оформляла не только детские издания, однако именно книга для детей стала наиболее плодотворной областью ее творчества. За двадцать лет она проиллюстрировала около двух десятков изданий (см. *Приложение*).

Многие рассказы и сказки с рисунками Т. Гиппиус, опубликованные в книгах, впервые появились на страницах «Тропинки». Она

---

[61] Здесь рисунок Т. Гиппиус: два проекта обложки книги «Алый меч».

[62] Вероятно, имеется в виду обложка Е.Е. Лансере к книгам трилогии «Христос и Антихрист» Мережковского в издании М.В. Пирожкова (СПб., 1906).

[63] *Amherst.* Box 2. Folder 22.

[64] *Amherst.* Box 2. Folder 35.

[65] *Корвацкая Е.С.* Детские книги, иллюстрированные Т.Н. Гиппиус // Печать и слово. 2014. Ч. 1. С. 170.

сотрудничала в журнале со дня его основания, являясь одним из ведущих художников издания наряду с П. Соловьевой (Allegro), взявшей на себя основную работу по оформлению и иллюстрированию выпусков. В журнале сотрудничали также С. Городецкий, Е. Гуро, В. Замирайло, Е. Кавос-Зарудная, В. Каррик, Е. Кругликова, А. Линдеман, К. Мурашко, О. Розанова, М. Сабашникова и др., но именно Т. Гиппиус в первые два года была наиболее деятельным рабочим иллюстратором журнала — правой рукой П. Соловьевой.

Обложка журнала «Тропинка»

Совместно ими был создан художественный облик издания: заставки и концовки с растительным орнаментом или с изображением фигурок зверюшек, птиц, насекомых, буквицы в заставках, украшавшие выпуски журнала в продолжение семи лет. Как правило, эти рисунки печатались без подписи, однако руку художницы можно узнать почти безошибочно. С большой долей уверенности можно сказать, что Т. Гиппиус принадлежат рисунки, на которых изображены, к примеру, мышки, рвущие на части червяка; три весело танцующие крысы; малютка-мышь с бантиком в косичке за пианино; выглядывающий из-под слова «Конец» таракан; шесть зайчишек, точнее заячьих спинок с поднятыми ушками (к сказке З. Гиппиус «И звери», напечатанной в пасхальном номере журнала за 1909 г. — № 7, 1 апреля. С. 281), маленькая такса — вероятно, изображение Краба, любимой таксы Мережковских (1906. № 10, 15 мая. <С. 458>), и т.п.

Трудно сказать, кто из них рисовал тематические заставки в летних номерах «Тропинки» за 1909 г. — миниатюрные рисунки насекомых, помещенные на странице с Содержанием номера, скорее всего (по «почерку») Т. Гиппиус, но вполне возможно, что обе художницы: жук с длинными усами в галантной позе, в шляпе и с тросточкой, как будто бы собрался на свидание (1909. № 10, 15 мая. <С. 378>); майский жук, рассматривающий что-то сквозь очки, опершись на

трость (1909. № 9, 1 апр. <С. 342>); жук, сложивший лапки за спиной, в которых держит шляпу — в позе солидного чиновника или банкира (1909. № 11, 1 июня. <С. 414>); бабочка в капоре и с зонтиком (1909. № 14, 1 июля. <С. 510>) и т.д.

Символом творческого и дружеского тандема Т. Гиппиус и издательниц стали книжки «Тропинки» за 1910 г.: привычная с 1906 г. обложка работы Allegro (на ней изображена тропинка, идущая через лес) в течение всего подписного года чередовалась с обложкой работы Т. Гиппиус (дети на опушке леса).

Задумав издавать «Тропинку», Н.И. Манасеина понимала, что успех детского журнала во многом зависит от его художественного оформления, от зрительного ряда, который непосредственно и в первую очередь воспринимается ребенком, в особенности еще не умеющим читать. Рассказывая в автобиографии о «Тропинке», Манасеина вспоминала эпизод, который послужил ей и П. Соловьевой своего рода толчком к замыслу издавать журнал для детей (дело происходило на квартире Александры Аркадьевны Давыдовой[66]):

> Помню, мы как-то застали ее <А.А. Давыдову. — *М.П.*> над кипами старых иллюстрированных журналов. Огромными ножницами она вырезала из них картинки. При нашем появлении она быстро сдвинула на лоб очки и так рассказала нам о том, что могут дать эти картинки бедной деревенской школе, что мы не только сейчас же принялись стричь вместе с нею, но и еще долго потом не могли видеть ни одного иллюстрированного журнала, чтобы глазами не поискать ножниц[67]. Школы и детские журналы были близки сердцу Александры Аркадьевны. Она много способствовала появлению «Всходов»[68] и «Юного читателя»[69], к которому чувствовала такую нежность, что даже называла его не иначе, как уменьшительным именем.
>
> И во «Всходах», и в «Юном читателе» время от времени я печатала свои рассказы, но правильно и постоянно для детской литерату-

[66] Александра Аркадьевна Давыдова (1848–1902) — основательница и издательница журнала «Мир Божий».

[67] В архиве П.С. Соловьевой в составе редакционных материалов «Тропинки» сохранились объемные папки с рисунками, вырезанными из журнала, которые, по-видимому, предназначались для макетирования выпусков (ОР РНБ. Ф. 723 (П.С. Соловьева). № 51, 52).

[68] «Всходы» — журнал для детей школьного возраста (1896–1917), издавался в Петербурге А.А. Давыдовой и Э.С. Монвиж-Монтвидом; с 1908 по 1916 гг. выходила «Библиотека “Всходов”».

[69] «Юный читатель» — иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал для детей старшего возраста; выходил в 1899–1907 гг., редактор — А.Я. Острогорская-Малкина, редактор-издатель Е.П. Казакевич-Стефановская.

ры стала работать с той поры, как мы, вдвоем с Соловьевой, начали издавать детский журнал «Тропинка». <…>

О том, что мы сделали, как осуществили поставленную цель, судить не нам, но мне хочется сказать только одно: «Тропинка» первая подошла к детской литературе с теми требованиями, которые предъявляются к литературе вообще.

Детская литература долго стояла особняком от настоящей, большой литературы. И к ней, и к детским писателям подходили с пониженными требованиями. Детского писателя почти никто и не считал за настоящего писателя. Литературная критика детских книг не касалась, оценка им делалась исключительно педагогическая. Сознавая, что в этой области необходима большая и радикальная перемена, мы пригласили к участию в журнале не специально детских писателей, а писателей вообще[70].

Журнал имел широкую платформу, на которой соединились разные литературные силы, однако постоянный контингент авторов «Тропинки» составляли писатели символистского направления и близкого им круга (преимущественно петербуржцы).

В «Тропинке» печатались: К. Бальмонт, М. Безобразова, А. Белый, О. Беляевская, А. Блок, З. Венгерова, З. Гиппиус, С. Городецкий, Л. Зиновьева-Аннибал, Вяч. Иванов, Евг. Иванов, А. Кондратьев, И. Кондурушкин, Н.А. Котляревский, А. Куприн, В. Малахиева-Мирович, Н. Манасеина, Д. Мережковский, М. Пожарова, А. Ремизов, П. Соловьева, Ф. Сологуб, А. Толстой, В. Успенский, О. Чюмина, М. Шагинян, Н. Шапир и др. В целом же при выборе авторов обе издательницы полагались на близких им по духу Мережковских[71].

Впервые на страницах «Тропинки» имя Т. Гиппиус появилось во втором январском номере за 1906 г., где были напечатаны ее иллюстрации к рассказу А. Франса «Как Таиса сделалась христианкой» в переводе П. Соловьевой (опубликован под псевдонимом А. Меньшов)[72]. Она сопроводила рассказ тремя рисунками: 1) раб нубиец Аме (в крещении Федор) и девочка Таиса из семьи язычников, Аме рассказывает ей о христианской вере; 2) Аме несет Таису на руках, укрывая плащом, мимо поля, уставленного крестами казненных христиан; 3) в пещере совершается обряд крещения Таисы.

[70] ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 2315. Л. 13–15.

[71] См.: Письма З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьевой (1901–1914) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.А. Блиновой // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 858–888.

[72] Вероятно, адаптированный фрагмент из романа А. Франса «Таис» (1872).

(Тема первохристианства была чрезвычайно близка Т. Гиппиус в эти годы.)[73]

В следующем номере (февр., № 3) был напечатан рисунок к рассказу Мережковского «Утро Петра Великого».

При выборе литературного материала Т. Гиппиус руководствовалась, как правило, не только содержанием текста, но и личным отношением к автору; старалась по возможности не брать в работу совершенно чуждые или не понравившиеся ей произведения. Случалось, отказывала даже Манасеиной.

19 августа 1906 г. она писала сестре: «Получила письмо от Натальи Ивановны Манасеиной из Феодосии. <…> Я должна была к ее детскому рассказу нарисовать картинки. Она меня очень просила весной проникнуться, полюбить рассказ и нарисовать, да и это время сплошь *не рисовала ничего*. Я говорила, что она думает, что именно я могу нарисовать, по-своему. Я не могла проникнуться и написала, что думаю, — ничего не выйдет. А это всё время начинала было, но совершенно и думать не могла хорошенько, чтоб проникнуться. Пустяки, а, не любя, ничего не сделаешь. Н<аталья> Ив<ановна> огорчается, кого-то нашла: взялся попробовать. Не по-своему я ей нарисовала давно (“с точки зрения”), ей не нравится, “не то” говорит, а чтоб по-своему. А по-своему — мне ее рассказ не нравится, не входит. <…> Что-нибудь механическое — etc.» В результате «Мегрифа» появилась в журнале с рисунками М. Сабашниковой[74].

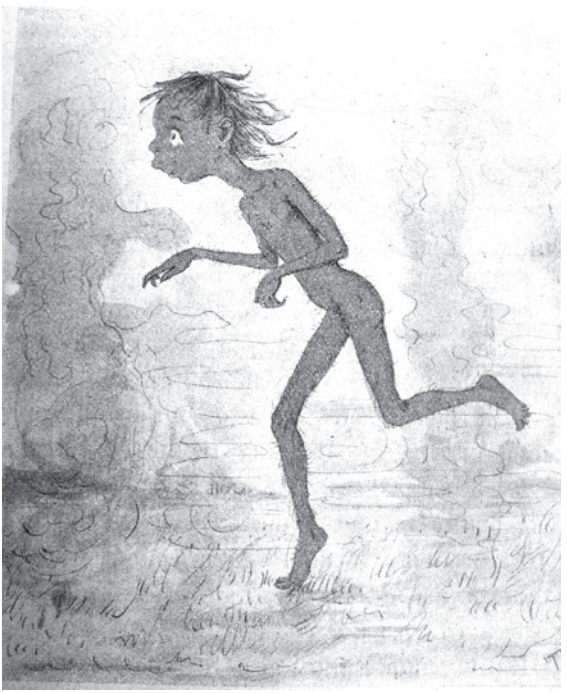
Если произведение представлялось интересным, Татьяна работала с увлечением, например, иллюстрируя сказку Манасеиной «Кикимора» (1909. № 29, 15 окт.) или ее же рассказ «Волшебница» (1908. № 24, 15 дек.), рисунки к последнему выполнены в свободной штриховой манере, которой она владела виртуозно.

В обширном корпусе иллюстраций художницы, напечатанных в «Тропинке», выделяются два стиля: один — более или менее традиционный, в таких случаях при отсутствии авторизации установить имя исполнителя сложно, а то и невозможно. Другой — оригинальный, распознаваемый, даже когда рисунки печатались без подписи, а в содержании номера имя автора отражено не было (случай отнюдь не редкий), например, рисунки к народной сказке «Братья и сестра» в изложении И. Кондурушкина (1908. № 12, 15 июня) и др. Обычно Татьяна подписывала свои иллюстрации: *Т. Гиппиус*, или инициала-

[73] См. *Павлова М.М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 1, 2.

[74] «Мегрифа» — рассказ Н. Манасеиной; впервые: Тропинка. 1906. № 21, 1 нояб. С. 860–872; № 22. С. 895–908.

Рисунки к сказке Н.И. Манасеиной «Кикимора» (1906)

Рисунки к рассказу Н.И. Манасеиной «Волшебница» (1908)

ми: *ТГ., Т.Г.*, что позволяет установить авторство даже в тех случаях, когда имя художницы в содержании журнала не указано, как, например, в публикации рисунков к сказке А.Н. Толстого «Грибы» (1909. № 18, 15 сент.) и др.

К наиболее выразительным работам и в то же время характерным для авторской манеры Т. Гиппиус можно отнести иллюстрации к произведениям, содержащим демонологические и сказочные мотивы, разного рода «чертовщинку». Прежде всего это рисунки к сказкам А.М. Ремизова и П.С. Соловьевой, рассказам Е.П. Иванова и немногих других авторов.

Особого внимания с этой точки зрения, на наш взгляд, заслуживают иллюстрации к «Сказке о Медведе, трех сестрах и Зайчике Иваныче» А.М. Ремизова (1906. № 8, апр.). В оформлении Т. Гиппиус сказка не переиздавалась.

Художница сопроводила текст девятью рисунками. Четыре (каждый на всю полосу) иллюстрируют узловые моменты развитие сюжета: «Медведь и Дарья», «Медведь и Марья», «Медведь и Агафья», «Медведь» (несет в мешке сестер); остальные, пущенные по тексту (Зайчик Иваныч надевает штанишки, отложив на стол очки; Зайчик Иваныч у самовара; Зайчик Иваныч рыдает, положив голову на стол, и др.), являются своего рода эмоциональным «прожектором» сказочного сюжета.

Образ Зайчика Иваныча, созданный художницей, полюбился «Тропинке», впоследствии его не раз воспроизводили на страницах журнала в публикациях произведений других авторов, а также в книгах, выпущенных издательством «Тропинка». Рисунки Т. Гиппиус, по-видимому, оказали влияние на Веру Павлову — замечательного иллюстратора ремизовской «Посолони» (1996), в ее манере просматривается преемственность к образам предшественницы.

Творчество Ремизова Т. Гиппиус воспринимала как родственное, в «дневниках» она нередко пишет, что чувствует себя по духу ему со-природной: «Он мне родной своею подземностью. Сверху заваленный всяким добром, — бриллиант есть» (11 мая 1906);[75] «Забыла ли <к З. Гиппиус. — *М.П.*>, как я говорила, что Серафима Павловна для меня как бы мертвая, не понимает радости чувственной? И что Алексей Михайлович мне ближе?» (24 ноября 1906)[76]. Сближала их любовь к изображению существ низшей мифологии, не случайно на «дьявольском» конкурсе «Золотого руна», куда не приняли рисунки Татьяны, Ремизов получил первую премию за рассказ «Чертик»

[75] *Amherst.* Box 2. Folder 22.
[76] *Amherst.* Box 2. Folder 27.

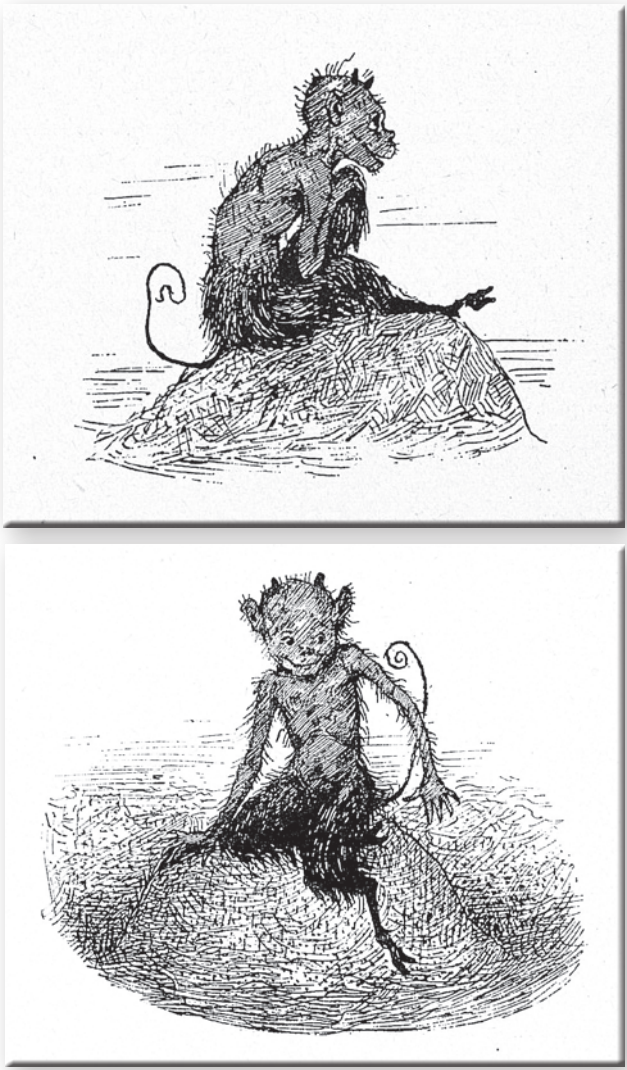

Рисунки к «Сказке о Медведе, трех сестрах и Зайчике Иваныче» А.М. Ремизова (1906)

(такой же награды был удостоен и М. Кузмин за повесть «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер»).

Ярким примером графического стиля Т. Гиппиус являются рисунки к сказке в стихах Allegro (П. Соловьевой) «Как бесенок попал на елку», опубликованной в рождественском номере «Тропинки» за 1906 г. (№ 24), в том же году сказка была напечатана в авторском

Рисунки к сказке в стихах Allegro (П.С. Соловьевой) «Как бесенок попал на елку» (1906)

сборнике «Ёлка. Сборник стихотворений для детей. Иллюстрации автора, Т. Гиппиус и др.» (издание журнала «Тропинка»). В 1912 г. книга была выпущена четвертым изданием, в рецензии говорилось: «…сказка, написанная на тему о конечной гибели зла и торжестве добра в мире, тему, во всем объеме совсем недоступную детям; но смысл ее обличен в такую прекрасную и доступную форму, содержит столько милых сценок и картин, что дети читают ее с удовольствием. Содержание сказки следующее: старый лесник, горячо любящий

всякую божью тварь, устраивает в лесу живую елку для лесной детворы: зайчат, лисят, медвежат и волчат, и маленький зайчонок приводит на елку своего приятеля бесенка Ни. <…> начинает было ворчать какой-то зверь, но другие останавливают ворчуна; бесенка оставляют в покое, и он веселится весь вечер с другими детьми. А когда засыпает, держа в черненькой ручке золоченый орех, сердце его горит радостью, и “над ним из тьмы сияет Вифлеемская звезда”. Издана книга прекрасно»[77].

Т. Гиппиус изобразила бесенка не в свете церковно-христианской традиции («нечистая сила», источник зол, исчадие ада), а в духе народных представлений. Звери, отбросив страхи и суеверие, пропускают его на рождественский праздник, потому что он — всего лишь ребенок и как всякий ребенок безгрешен и заслуживает любви и сочувствия (рисунки: бесенок в фас — в профиль — на одной ноге — бесенок с зайцем — с орехом — счастливый бесенок спит, свернувшись калачиком). Идея «оправдания зла», характерная для эстетики символизма (**«**Мир должен быть оправдан весь, / Чтоб можно было жить…», К. Бальмонт (1899); «Божья Тварь» («За Дьявола Тебя молю…»), З. Гиппиус (1902) и т.п.**)**, в иллюстрациях Т. Гиппиус к сказке П. Соловьевой облекается в шутливую форму, в тона теплого юмора. К образу счастливого бесенка, изображенного художницей, отсылают и последние строки стихотворения А. Блока «Твари весенние. Из альбома Т. Гиппиус “Kindisch”»: «Скоро каждый чертик запросится / Ко Святым Местам».

Чаще всего Т. Гиппиус удавались рисунки к произведениям авторов, с которыми ее связывали доверительные отношения и духовная близость, в их числе наряду с Ремизовым и Соловьевой — Е.П. Иванов[78] («Я люблю Иванова. Он очень хороший и близкий», 21 апреля 1907;[79] «Иванов да Серафима Павловна <Ремизова. — *М.П.*> остались у нас подлинные близкие», 17 февраля 1908)[80].

Рисунки к рассказу «Лес», опубликованные в июльском выпуске «Тропинки» за 1906 г. (№ 13, 1 июля), выдержаны в оригинальной авторской манере, вполне сформировавшейся к 1906 г.

---

[77] Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. I: Сказки. Пг., 1915. С. 181.

[78] История отношений Е.П. Иванова с Т.Н. Гиппиус запечатлена в записях и воспоминаниях Иванова о Блоке, см.: Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2: Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко.

[79] *Amherst.* Box 2. Folder 31.

[80] *Amherst.* Box 2. Folder 36.

Рисунки к рассказу Е.П. Иванова «Лес» (1906)

(см., например, рисунок «И собираются к озеру на благовест ночной русалки». С. 625).

В рассказе Евг. Иванова Т. Гиппиус привлекали мистические интерпретации зримых образов, созвучные ее собственному восприятию природы: «С наступлением вечерних сумерек лес становился иным, чем днем: другая душа просыпалась в нем к ночи. Он уже не шумел, не двигался, а только пристально смотрел на нас из-под

опущенных своих ветвей, как из-под опущенных век. Мы стояли у сараев около дачи, где лето проводили. <…> Лес почудился Вием» (С. 616).

В «дневниках» можно найти немало похожих по тональности описаний природы, леса, болота, поля: «После чая 21-го в пятницу мы все пошли в лес, на зеленую голову (дорога, зеленая река). Луна была полная, тепло, роса, небо чистое. Луна низко идет, как всегда летом на севере. Отправились. Страшновато. К моим старухам (болотные кочки — на зеленом болоте белые моховые кочки, как согнутые фигуры сидят). И дальше. Тишина была, луна из-за деревьев светила. Не темно, силуэты видны» и т.п. (запись 24 июля 1906)[81].

Художница любила рисовать на пленэре, и у нее всегда был запас рисунков. 21 апреля 1906 г. она записала в «дневнике»: «…ходила к Иванову просить прийти к Allegro, рисунки выбрать. (Ничего не выбрали)»[82]; через месяц после встречи в редакции она записала реплику Иванова, видимо, значимую для нее в перспективе работы над «Лесом»: «Кикимора, Нат<алья> Ивановна говорит, голая, — нельзя в “Тропинку”. Неприлично. А Иванов говорит — чертовская...» (17 мая)[83].

Над рисунками к рассказу Т. Гиппиус работала в июне 1906 г. на даче — на Карташевской[84]. Время от времени Иванов навещал друзей (летом на Карташевской жили коммуной Тата, Ната, Карташев, Кузнецов).

В ночь с 15 на 16 июня Татьяна писала сестре:

> *15–16 июня 1906*. Иванов у нас. Я думаю, день сегодня ему важен. Он тебе пишет. Я хочу с ним солнце встретить. Он сегодня хороший. Сегодня с Натой думали о тебе, когда гуляли. Ходили по полям, лугам и зеленым перелескам. Хочется, чтобы ты была тут. Тишина. Небо розовеет. Рассвет еще далеко. Ночь белая. Иванов лег отдохнуть перед восходом. Хочет солнце встретить. Птица какая-то одиноко пищит. На лугу туман легкий, роса будет. Да, две птицы перекликаются. Одна вдали. Собака вдали залаяла. Березки тоненькие качаются. Ромашки в садике точно звезды белые. Все спят. *Первый раз я ночью наверху одна*. Вот, кукушка закуковала… Ната в садик

[81] *Amherst.* Box 2. Folder 24.
[82] *Amherst.* Box 2. Folder 22.
[83] Там же.
[84] Карташевская (в просторечии Карташевка) — дачная местность рядом с Сиверской, по Варшавской железной дороге (ныне — в Гатчинском районе Ленинградской области); дачи, которые Мережковские арендовали в 1900-е гг., как правило, располагались в окрестностях Карташевской.

пришла. Сверху с ней говорит… Я сошла вниз. Нарвала длинных крупных ромашек. Поставили с Натой в угол наш. Помолились на небо, розовеющее — окно открыто, тепло. Все прислушивались — не идет ли Иванов. Он хочет в этой комнате встретить. Кукушка всё кукует.

<Далее запись продолжена рукой Евг. Иванова. — *М.П.*>[85]

<…> Не знаю, что он тебе приписал после восхода. Удивилась наверно ты письму тому. Вкратце напишу, что было: когда кончила тебе письмо, пришел. Говорили шепотом, слушали, как всё к встрече солнца готовится. Точно ждало все, когда «Христос Воскресе» запоют (с крестным ходом вернутся люди в опустошенную Церковь). За деревьями свет запрыгал и заплескал — идет. Еще ждали долго. Тучка лиловая нашла. Шепотом с ним говорили о Воскресном утре, женах мироносицах. Потом вышло, между лесом и облаком лучи кверху пошли треугольником: вершина вниз — солнце, а основание вверх, бесконечно расходящиеся стороны. А туча над солнцем лиловая, просвечивающая, сверху чисто-острый край, как молния. Явление единственное. Я с ним похристосовалась. Потом еще о Воскресении поговорили — кратко. Потом я его поцеловала и пошла спать. А он стал тебе писать еще, с 1½ часа прописал. Утром был радостный. Говорил мне, что на Песчанке есть камень, на котором он ночью молился. Гуляли с ним с Натой. Потом он днем уехал до Сиверской на поезде на прежнюю дачу, на Песчанку[86].

Как видно из этой записи, мистические и религиозные переживания Евг. Иванова находили у Т. Гиппиус отклик.

В 1906–1910 гг. Евг. Иванов напечатал в «Тропинке» еще четыре рассказа: «Черный таракан», «Пруд», «Косатка» <sic!>, «Волхвы с Востока», первые из них также появились в сопровождении рисунков Т. Гиппиус. Впоследствии эти пять рассказов составили авторский сборник Иванова «В лесу и дома» (М.: Б-ка «Тропинки», 1915), который был издан в оформлении Т. Гиппиус. Она дополнила издание рисунками к рассказам «Пруд», «Косатка» и «Черный мель-

[85] Текст письма Евг. Иванова к З. Гиппиус: «А мы втроем встретили заход солнца, луны и дома вашего; где вы в прошлое лето жили на Карташевке и где я у вас так памятно, дорого для меня время провел. Потому *заход* дома, что видели втроем его ночное лицо, мрачное лицо. Еще не приехал туда никто, он пуст и это точно для того, чтобы мы в эту ночь видели его таким, каким он есть. Ибо на нем проклятие лежит, он страшный, страшный. И не случайно вы там жили, и не случайно мы пришли к нему, ибо путь-то наш через такой дом. Дом ожесточенный в забытости своей, в своей оставленности. Пишу в даче у Таты и Наты, пришли сейчас. Хотел идти к себе в Песчанку на старое пепелище да не пойду. Не так, не то, здесь хорошо, здесь солнце хочется встретить, а не на “песчанке”» (*Amherst.* Box 2. Folder 23).

[86] Там же.

ник». Художественное оформление книги «В лесу и дома» признано самым зрелым и выразительным опытом художницы в области книжной графики[87].

Работа над иллюстрациями рассказов Евг. Иванова органично встраивалась в духовный опыт Т. Гиппиус, не диссонировала с «Главным», что было для нее, о чем она не раз писала в «дневниках», насущной потребностью, непременным условием творчества. К подобному религиозно-художественному синтезу она стремилась, не только иллюстрируя книги для детей, но и в работе над портретами близких и дальних.

В Приложении публикуется список произведений, иллюстрированных или оформленных Т.Н. Гиппиус.

В первом разделе в хронологической последовательности перечислены произведения, которые были напечатаны в «Тропинке» с рисунками художницы. В тех случаях, когда рисунки Т.Н. Гиппиус помещены в журнале без указания ее имени, но авторство не вызывает сомнений, произведение помечено значком астериска.

Второй раздел содержит перечень иллюстрированных художницей книг, в том числе в соавторстве с другими художниками. Книги расположены в алфавите авторов. Некоторые издания, как, например, сказки Г. Галиной, содержат несколько десятков рисунков (постраничная иллюстрация), иные — по одному, как в книге Н. Манасеиной «Рассказы для детей», оформленной группой художников (М. Сабашниковой, П. Соловьевой, А. Линдеман, Е. Чичаговой); имя Т. Гиппиус, значащееся среди авторов, встречается только под одной иллюстрацией.

Список не претендует на полноту, тем не менее мы сочли целесообразным предпослать его каталогу сохранившихся работ Т.Н. Гиппиус, чтобы наиболее полно представить объем ее художественного наследия.

[87] Подробный анализ книжного ансамбля «В лесу и дома» и стилистических приемов Т. Гиппиус представлен в статье Е.С. Корвацкой, там же приведен отзыв о рисунках из прижизненной критики: «Издана книга опрятно, как и все издания “Тропинки”. Иллюстрирована рисунками Т. Гиппиус, к сожалению, не всегда удачными, напр. стр. 11 — царевны лебеди (см. зайца на руках у царевны), стр. 21 — декадентские дети, стр. 27 — трое мальчиков (особенно безобразно нарисован старший). В общем книга свежая и живая. Хотелось бы видеть ее несколько более проработанною автором в отношении слога и иллюстрированную лучшими рисунками» (Что и как читать детям. 1915. № 5–6. С. 186. — Рец., подпись: *В. Рихтер*).

Приложение

Библиография Т.Н. Гиппиус: Книжная иллюстрация

I. Произведения, напечатанные в журнале «Тропинка» с рисунками Т.Н. Гиппиус (1906–1911)

Франс А. Таиса: Как Таиса сделалась христианкой. С французского перевел А. Меньшов. С 3 рисунками Т. Гиппиус. — 1906. № 2, 15 янв. С. 70–83. [С 4 рисунками Т. Гиппиус.]

Мережковский Д. Утро Петра Великого. С 1 рисунком Т. Гиппиус. — 1906. № 3, 1 февр. С. 117–135.

Ремизов А. Сказка о Медведе, трех сестрах и Зайчике Иваныче. С 9 рисунками Т. Гиппиус. — 1906. № 8, 15 апр. С. 393–408.

Иванов Евг. Лес. Рассказ. С 4-мя рисунками Т. Гиппиус. — 1906. № 13, 1 июля. С. 616–626.

Allegro. Как бесенок попал на елку. Сказка в стихах. — 1906. № 24, 15 дек. С. 1061–1083.

Мирович В. Бунт в зверинце. Рассказ. — 1907. № 22, 15 нояб. С. 868–875.

Иванов Евг. Черный таракан. Рассказ. — 1908. № 4, 15 февр. С. 155–163.

Нодье Ш. Принц Бобик и принцесса Горошина. Сказка. Перевод Н. Манасеиной. — 1908. № 8, 15 апр. С. 336–350; № 9, 1 мая. С. 378–390.

*Братья и сестра (Народная сказка). Сообщил Ив. Кондурушкин. — 1908. № 12, 15 июня. С. 498–502.

Манасеина Н. Волшебница. Рассказ. — 1908. № 24, 15 дек. С. 966–995.

**Сверчкова А.* Прямой дорогой. Рассказ. — 1909. № 3, 1 февр. С. 109–120. [6 рисунков Т. Гиппиус <?>.]

**Ремизов А.* Мужик-медведь. Сказка. — 1909. № 7, 1 апр. С. 282–283.

Толстой А.Н. Грибы. Сказка. <С 4 рисунками Т. Гиппиус. — *М.П.*> — 1909. № 18, 15 сент. С. 660–663.

Манасеина Н. Кикимора. Сказка. С рисунками Т. Гиппиус. — 1909. № 20, 15 окт. С. 704–712. [С 4 рисунками.]

Манасеина Н. Куриная слепота. Рассказ. — 1910. № 1, 1 янв. С. 4–24. [С 3 рисунками Т. Гиппиус.]

Манасеина Н. Цербстская принцесса (повесть из юности Екатерины II). С рисунком Т. Гиппиус. — 1911. № 8, 15 апр. С. 362–368 (рис. 367); № 10, 15 мая. С. 408–415 (рис. 415); № 13, 1 июля. С. 509–516 (рис. 515); № 14, 15 апр. С. 545–551 (рис. 549).

II. Книги

Безобразова М. Горе и Радость: Рассказы. Рисунки и обложка Т. Гиппиус. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1916 (Б-ка «Тропинки» под ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной).

Галина Г. [Эйнерлинг Г.А.] Сахарный принц и сахарная принцесса. Сказка для маленьких детей. Рисунки Т. Гиппиус. СПб., 1903.

Галина Г. Сказки. Рисунки Т. Гиппиус. СПб.: М.В. Пирожков, 1904. [61 рисунок.]

Галина Г. Сказки. Рисунки Т. Гиппиус. М.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1909. [75 рисунков.]

Золотые ключики. Азбука. Метод целых слов и слогов (связный текст и лото). Составлено кружком учащих <так!> под редакцией В. Воробьевой и Е. Соловьевой. Иллюстрировано оригинальными рисунками худ. А. Петровой, Т. Гиппиус, снимками с натуры и другими рисунками. Пг.: Тип. Кюгельген, Глич и Ко, 1915.

Золотые ключики: Чтение после азбуки: Илл. ориг. рисунками А. Петровой и Т. Гиппиус. Пг.: Тип. Кюгельген, 1915.

Иванов Евг. В лесу и дома: Рассказы. Рисунки Т. Гиппиус. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. (Б-ка «Тропинки» под ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной).

Колокольчики. Л.: Начатки знаний, 1924.

Малахиева-Мирович В. Золотой Дом: Рассказы для детей с иллюстрациями. Книгоизд-во «Тропинка», 1913. [Иллюстрации: Т. Гиппиус, А. Мурашко, П. Соловьевой, Е. Ващенко, Е. Рудановской.]

Манасеина Н. На Рождестве: Три рассказа для детей. С рисунками Т. Гиппиус, Г. Нарбута и П. Соловьевой. [СПб.]: журн. «Тропинка», 1913.

Манасеина Н.И. Овсянки: Пять рассказов для детей / С рис. Т. Гиппиус и П. Соловьевой. СПб.: журнал «Тропинка», [1910].

Мансеина Н.И. Рассказы для детей. [С рисунками Т. Гиппиус, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, А. Линдеман, Е. Чичаговой]. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1911 (Изд. журнала «Тропинка»).

Манасеина Н. Цербстская принцесса. Повесть из детства и юности Екатерины II. мн. рис. СПб.: Изд. «Тропинка», 1912. [С 4 рисунками Т. Гиппиус]

Мережковский Д.С. Будет радость: [Пьеса]. [Портрет работы Т.Н. Гиппиус]. Пг.: Огни, 1916.

Покровская В., Соловьева Е. Детский сад: Пособие для воспитателей. Ориг. рис. и обл. Т. Гиппиус. Вып. 1. СПб.: Просвещение, [1912].

Сигов И.А., Сидоров И.И. Труд вокруг нас. В 2 частях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.

Соловьева П. (Allegro). Елка: Стихи для детей. С рисунками автора, Т. Гиппиус и др. СПб.: Тропинка, [1907]; 4-е изд.: СПб., 1912.

Тверетинов А. Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и многом другом. Воспоминания Алексея Тверетинова. С рисунками художницы Т. Гиппиус. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. [3 л. илл.]

Толмачева М.Л. Васин денек. Рисунки Т. Гиппиус. М.: Посредник, 1928.

Фаусек Ю.И. Как жили Наташа и Коля. Рисунки Т. Гиппиус. М.: Посредник, 1928.

Шапир Н.Л. Люди и Звери: Рассказы. С рисунками Т. Гиппиус и Е. Гуро. Изд. «Тропинки», <1913>.

Литература

А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус / Публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л.: Наука, 1980. С. 209–217.

Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. Кн. 2: Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 558 с.

Барыкова М.Н. Мы забытые следы чьей-то глубины // История Петербурга. 2011. № 4 (62). С. 26–29.

Ботова В.А. О создании каталога портретов работы Г. Гиппиуса из книжного собрания графов Строгановых // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 2 (6). С. 84–86.

Гречишкин С.С., *Лавров А.В.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб.: Скифия; Талас, 2004. 399 с.

Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М.: НЛО, 2004. С. 391–455.

Корвацкая Е.С. Детские книги, иллюстрированные Т.Н. Гиппиус // Печать и Слово. 2014. Ч. 1. С. 169–174.

Логдачева Н.В. Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXVII. СПб.: Государственный Русский музей, 2016. С. 172–178.

Махлин В.С. Неопубликованное письмо А. Блока к Т.Н. Гиппиус // Филологический сборник. Вып. V. Алма-Ата, 1966. С. 47–53.

Наседкина Е.В. Андрей Белый: трансформация образа в восприятии современников (портреты, шаржи, пародии) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Т. I (Культурология). С. 171–177.

Наседкина Е.В. «Главная тема его неисчислимых мелодий» // Наше наследие. 2005. № 74. С. 113–114.

Павленко А.А. Копия портрета патриарха Никона и художник Татьяна Николаевна Гиппиус // Кадашевские чтения: Сб. докладов конференции. Вып. XVIII. М.: Луг духовный, 2016. С. 276–278.

Павлова М.М. «Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается...». Из писем Т.Н. Гиппиус к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову. Апрель — август 1917 г. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 296–392.

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242.

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 2 // Русская литература. 2017. № 4. С. 166–194.

Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 200–226.

Переписка с Д.В. Философовым / Вступ. статья, подгот. текста и комментарии А.Л. Соболева // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 586–857.

Письма З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьевой (1901–1914) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.А. Блиновой // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018. С. 858–888.

References

A.A. Blok. Pis'ma k T.N. Gippius [A.A. Blok. Letters to T.N. Gippius], publ. S.S. Grechishkin, A.V. Lavrov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1978 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1978]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 209–217. (In Russ.)

Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov. V 2 kn. Kn. 2: Vospominaniia o Bloke. Stat'i [Alexander Blok and Evgeny Ivanov: In 2 vols. Vol. 2: Memories of Blok. Articles], comp., intro., ed. and notes O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 558 p. (In Russ.)

Barykova M.N. My zabytye sledy ch'ei-to glubiny [We are the forgotten traces of someone's depth]. *Istoriia Peterburga*, 2011, no. 4 (62), pp. 26–29. (In Russ.)

Botova V.A. O sozdanii kataloga portretov raboty G. Gippiusa iz knizhnogo sobraniia grafov Stroganovykh [On the compilation of a catalog of G. Gippius' portraits from the Counts Stroganovs book collection]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*, 2012, no. 2 (6), pp. 84–86. (In Russ.)

Grechishkin S.S., Lavrov A.V. *Simvolisty vblizi. Stat'i i publikatsii* [Symbolists close by. Articles and publications]. St. Petersburg, Skifiia Publ., TALAS Publ., 2004. 399 p. (In Russ.)

Istorii "novoi" khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete "Glavnogo": Iz "dnevnikov" T.N. Gippius 1906–1908 godov [Stories of "new" Christian love. The Merezhkovskys' erotic experiment in light of the "Main Thing": From T.N. Gippius' "diaries" for 1906–1908], intro., ed. and notes M. Pavlova. *Erotizm bez beregov. Sb. statei i materialov* [Eroticism without shores. A collection of essays and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 391–455. (In Russ.)

Korvatskaia E.S. Detskie knigi, illiustrirovannye T.N. Gippius [Children's books illustrated by T.N. Gippius]. *Pechat' i Slovo*, 2014, part 1, pp. 169–174. (In Russ.)

Logdacheva N.V. Skul'pturnye raboty Natal'i Gippius i Anny Kurdiukovoi (k izucheniiu tvorcheskikh biografii nachala XX veka) [Sculptural works by Natalia Gippius and Anna Kurdyukova (on the study of creative biographies of the early 20th century)]. *Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva* [Pages of the Russian art history], iss. XXVII. St. Petersburg, State Russian Museum Publ., 2016, pp. 172–178. (In Russ.)

Makhlin V.S. Neopublikovannoe pis'mo A. Bloka k T.N. Gippius [A. Blok's unpublished letter to T.N. Gippius]. *Filologicheskii sbornik* [Philological collection], iss. V. Alma-Ata, 1966, pp. 47–53. (In Russ.)

Nasedkina E.V. Andrei Belyi: transformatsiia obraza v vospriiatii sovremennikov (portrety, sharzhi, parodii) [Andrei Bely: image transformation in the perception of contemporaries (portraits, cartoons, parodies)]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2015, no. 2, vol. I (Kul'turologiia), pp. 171–177. (In Russ.)

Nasedkina E.V. "Glavnaia tema ego neischislimykh melodii" ["The main theme of his innumerable melodies"]. *Nashe nasledie*, 2005, no.74, pp. 113–114. (In Russ.)

Pavlenko A.A. Kopiia portreta patriarkha Nikona i khudozhnik Tat'iana Nikolaevna Gippius [A copy of the portrait of Patriarch Nikon and the artist Tatyana Nikolaevna Gippius]. *Kadashevskie chteniia. Sbornik dokladov konferentsii* [Kadashev proceedings], iss. XVIII. Moscow, Lug dukhovnyi Publ., 2016, pp. 276–278. (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale "dnevnikov" T.N. Gippius). Stat'ia 1 [On the history of the Merezhkovskys' neo-Christian commune (based on T.N. Gippius' "diaries"). Part 1]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 3, pp. 222–242. (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale "dnevnikov" T.N. Gippius). Stat'ia 2 [On the history of the Merezhkovskys' neo-Christian commune (based on T.N. Gippius' "diaries"). Part 2]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 4, pp. 166–194. (In Russ.)

Pavlova M.M. "Vizhu otsiuda: bucha iz-za voiny razgoraetsia...". Iz pisem T.N. Gippius k Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskomu i D.V. Filosofovu. Aprel' — avgust 1917 g. ["I see from here: a row flares up because of the war...". From T.N. Gippius' letters to Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky and D.V. Filosofov. April — August 1917]. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniia i materialy* [Russian journalism and periodicals of the First World War: politics and poetics. Studies and materials]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2013, pp. 296–392. (In Russ.)

Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym (1904–1906) [Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ya. Bryusov], ed. T.V. Vorontsova. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1996, no. 7, pp. 200–226. (In Russ.)

Perepiska s D.V. Filosofovym [Correspondence with D.V. Filosofov], intro., ed. and notes A.L. Sobolev. *Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistoliarnoe nasledie Z.N. Gippius. Kn. 1* [Literary heritage. T. 106: Epistolary heritage of Z.N. Gippius. Book 1]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2018, pp. 586–857. (In Russ.)

Pis'ma Z.N. Gippius k P.S. Solov'evoi (1901–1914) [Z.N. Gippius' letters to P.S. Solovyova (1901–1914)], intro., ed. and notes O.A. Blinova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistoliarnoe nasledie Z.N. Gippius. Kn. 1* [Literary heritage. T. 106: Epistolary heritage of Z.N. Gippius. Book 1]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2018, pp. 858–888. (In Russ.)

Materials for the creative biography of Tatyana Gippius (Based on the artist's "diaries" for 1906–1908)

Part I

© 2019, Margarita Pavlova

Abstract: The article is dedicated to the creative biography of the Russian artist Tatyana Nikolaevna Gippius (1877–1957). The author bases on previously unknown materials from the Amherst archive (Massachusetts, USA) — T.N. Gippius's letters-"diaries" of 1906–1908, addressed to her sister Zinaida Gippius, D.S. Merezhkovsky and D.V. Filosofov. The relevance of the study is determined by the increased interest to the artist's works; in recent years, experts have turned to the study of various aspects of her creative heritage, which is for the most part lost: painted and graphic portraits of her contemporaries, book illustrations, icon-portraiture, and art albums. The "diaries", the main content of which is dependant upon the chronicle of the Merezhkovskys' neo-Christian commune's inner life (its younger "nest", led by T.N. Gippius), at the same time contain a lot of additional information about the artist's earliest, most fruitful period: years of study at the Higher Art School of the Imperial Academy of Arts, relations with the head of the workshop I.E. Repin, reporting exhibitions, the circle of the author's interests, classes in book graphics and illustrations of children's books. A special place in the article is given to T.N. Gippius' collaboration with the children's magazine "Tropinka" ("Path", 1906–1912), led by N.I. Manaseina and P.S. Solovyova. The Appendix provides a bibliography of T.N. Gippius' book illustrations.

Keywords: Tatyana Gippius, Zinaida Gippius, Dmitry Merezkovsky, Ilya Repin, letters-"diaries", Imperial Academy of Arts, neo-Christian commune

Information about the author: Margarita Pavlova, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: mmpavlova@gmail.com

Citation: Pavlova Margarita. Materials for the creative biography of Tatyana Gippius (Based on the artist's "diaries" for 1906–1908). Part I. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 109–144. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-109-144

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-145-179
УДК 821.161.1

«Я оказался в этом сером и неинтересном городе…»: Из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946

© 2019, О.Ф. Кузнецова

Аннотация: В публикации представлены письма русского поэта-эмигранта Валерия Перелешина из Шанхая военных лет в Харбин к его матери. В Харбине их семья оказалась в 1920 г. вместе с волной беженцев из России. В Харбине Перелешин получил образование, выпустил свои первые книги стихов, принял монашеский постриг. После оккупации Харбина японской армией он уехал в Пекин, в Российскую духовную миссию. В Пекине Перелешин встретил свою любовь и написал много лирических стихов, где изображена природа Китая. В 1943 г. Перелешин был переведен в Шанхай. Там он вел церковные службы в соборе. Мать Перелешина оставалась все эти годы в Харбине. В письмах Перелешин рассказывает матери о непростой жизни русских эмигрантов в годы Японо-Китайской войны в оккупированном Шанхае, о своих сложных отношениях с харбинским монашеством, о своих друзьях. Главной темой, проходящей практически через все письма, оставалась тема его поэтического творчества. Он продолжал писать. В Шанхае вновь встретились друзья Перелешина — бывшие чураевцы, участники известного в Харбине литературного объединения «Чураевка», и создали поэтический кружок «Пятница», где по пятницам, в перестроенном гараже, читали и обсуждали свои новые стихи. Эти стихи вошли в сборник «Остров», изданный в Шанхае. Перелешин и его мать уехали из Китая в 1953 г. в Бразилию. Там Перелешин выпустил новые книги стихов, написал воспоминания о Харбине и Шанхае, занимался переводами, вел активную переписку.

Ключевые слова: письма, эмиграция, литература, харбинские поэты, литературное объединение «Чураевка», сборник стихов, поэт-монах, Российская духовная миссия в Пекине, «русский Шанхай 1940-х гг.», литературное объединение «Пятница».

Информация об авторе: Ольга Феликсовна Кузнецова, к.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: oliaol.555@gmail.com

Цитирование: *Кузнецова О.Ф.* «Я оказался в этом сером и неинтересном городе…»: Из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 145–179. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-145-179

Сразу по приезде в Шанхай в ноябре 1943 г. Валерий Перелешин (1913–1992) писал своей матери Евгении Александровне Сентяниной (1897–1980), оставшейся в Харбине: «Всё еще не знаю, для чего и почему нужно было, чтобы я оказался в этом сером и неинтересном городе…» Таким Шанхай показался поэту-монаху после полюбившегося ему древнего Пекина с великолепными старинными дворцами и «тишайшими» озерами. В Пекине Перелешин жил с конца 1939 по 1943 г. и нес службу иеромонаха в Российской духовной миссии (Бэй-гуане). Там его хорошо приняли, в отличие от харбинского монастыря, где он поселился, приняв в 1938 г. монашеский постриг, и где ему был оказан «нерадушный» прием. Стихи в харбинском монастыре не поощрялись, и поэт-монах раздражал монастырское начальство настолько, что когда он, окончив в Харбине Богословский институт, написал диссертацию, ему не выдали диплом кандидата богословия. О своей обиде на эту несправедливость Перелешин не раз пишет матери.

Об утешении, которое он, как «блудный сын изверившийся», нашел в Пекине, Перелешин говорит в стихотворении «Возвращение», получившем приз на Восточно-азиатском конкурсе российских поэтов и беллетристов в 1942 г. в Харбине:

Покинув нерадушные края,
К вам прихожу, тишайшие озера,
Как блудный сын изверившийся, я
Для утешенья, а не для укора…

«Возвращение» для Перелешина — это возвращение к творчеству, которому в пекинской миссии не препятствовали, и к жизни — чтобы «сердце не страшилось бурь суровых»:

…Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.

Ущедрите пустое сердце мне,
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар — как любящий и как любимый!

А груз, который так давно кляну —
Земную ношу боли и позора —

Во всепрощающую глубину
Повергну я, тишайшие озера!

В Пекине Перелешин был счастлив — «как любящий и как любимый». Он встретил любовь своей жизни — «Павлушу» (в письмах матери Перелешин обозначает его инициалом П.). Имеется в виду Павел Бай Цзи-чжан, певчий архиерейского хора. Нетрадиционная ориентация на долгие годы стала личной трагедией Перелешина: «У монаха этого не должно быть!» Отражалось это и в стихах тех лет. Перелешин боится людского «укора» и пишет о своей земной ноше «боли и позора».

Впервые Перелешин рассказал матери о «Павлуше» в письме из Пекина от 2 июня 1941 г.:

> В праздник Вознесения я пошел со своим учеником и другом Павлушей в Центральный парк, где раньше не бывал. Мой гид очень добросовестно показал мне все закоулки парка.
>
> После этого я зашел мимоходом к М.П., которая предложила мне рано утром на другой день поехать с ними <…> в Западные Горы, где мне не случалось бывать. Всю пятницу мы провели в Сянь-шане (или Охотничьем Парке), довольно далеко от Пекина, забирались на очень высокие горы, дышали самым чистым воздухом. Там повсюду удивительно красивые виды…

«М.П.» — поэтесса Мария Павловна Коростовец (1899–1975). Она жила в Пекине, где Перелешин с ней и познакомился. У них сложились дружеские отношения. Перелешин бывал в гостях у Марии Павловны и ее мужа, Ф.И. Коростовца (1887–?), сына бывшего русского посла в Китае. Она чисто по-женски трогательно заботилась о Перелешине, а он испытывал к ней чувство глубокой благодарности. Мария Коростовец старалась помогать и матери Перелешина, зарабатывавшей на жизнь журналистским и переводческим трудом, — отдавала ей свои гонорары за стихи и рассказы, опубликованные в Харбине за подписью «Мария К».

Позже, уже в Шанхае, Перелешин опять встретил Коростовец, и дружба возобновилась. Его мать очень радовалась, надеясь, что Валерий когда-нибудь сможет увлечься женщиной. Но Перелешин всегда относился к Марии Павловне только как к сестре.

Евгения Сентянина оказалась в Харбине в 1920 г. вместе с волной послереволюционных беженцев. Спасаясь от большевиков, она с двумя сыновьями «последним поездом» уехала из Читы в Хар-

бин — «русский город на китайской земле», возведенный русскими строителями Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Еще в конце XIX в. Россия и Китай заключили договор о строительстве дороги между Читой и Владивостоком через территорию Китая. Вдоль дороги была отведена территория отчуждения. В районе деревни Харбин Россией был куплен небольшой участок земли, где и начал строиться город. Там действовали российские законы. Город был населен советскими и российскими специалистами — они обеспечивали функционирование железной дороги и города.

В 1932 г. Харбин оккупировала Японская армия, а в 1935 г., после создания Японией в Маньчжурии нового государства Маньчжоу-го, СССР продал этому государству свою долю КВЖД. Тысячи граждан, имевших советское подданство, были вывезены в СССР. Жизнь в Харбине для русских стала совершенно бесперспективной и очень тяжелой. Они покидали Харбин.

Перелешину повезло — в 1939 г. ему наконец удалось уехать из Харбина в Пекин. Он надеялся вскоре забрать к себе мать. Но не удалось ни в тот раз, ни в 1943 г., когда он ехал в Шанхай. Сентянина оставалась в Харбине до 1950 г., и все эти годы они активно переписывались.

В Шанхай Перелешин ехал не по своей воле. Отчасти, видимо, и поэтому Шанхай ему не приглянулся. Перед отъездом, в последних пекинских письмах, Перелешин пытался объяснить матери, почему он должен уехать из Пекина, где так счастлив. По «официальной версии», глава миссии архиепископ Виктор (Л.В. Святин, 1893–1966) переводил его в Шанхай, так как там нужен был преподаватель Закона Божия в русской гимназии. Но главной причиной, по словам Перелешина, был донос, о котором он смог написать матери только из Шанхая 9 декабря 1943 г.:

> Почему, в конце концов, я здесь оказался? Я сообщал тебе уже, кажется, историю доноса на меня в Центральный антикоммунистический комитет в Тяньцзине. (Такое письмо не обнаружено. Возможно, информация передавалась с кем-то из знакомых. — *О.К.*) Кроме того, со смерти о. Нафанаила, главным объектом интриги, которую вела против него известная своей провокационной деятельностью самозванка, именующая себя княгиней Горчаковой, сделался я. И против меня был устроен настоящий поход со стороны всех темных сил, имеющихся в наличии в Миссии. И когда, наконец, пришла просьба о. Рогожина о присылке в Шанхай законоучителя, начальник Миссии ухватился за этот шанс разрядить напряжение.

О чем говорилось в доносе — неизвестно, но донос — это серьезно: шла Японо-Китайская война, Центральный антикоммунистический комитет, расположенный в Тяньцзине, неподалеку от Пекина, и плотно сотрудничавший с Японской военной разведкой, держал эмигрантов, в том числе и служителей миссии, под неусыпным идеологическим контролем. В конце 1942 г. вызванный из миссии в Тяньцзинь друг Перелешина архимандрит Нафанаил (Н. Поршнев, 1899–1942) вернулся очень расстроенным и неожиданно умер в своей комнате «от угарного газа». Эта смерть вызывала много вопросов. Так что у начальника миссии был основательный повод «разрядить напряжение» и услать Перелешина подальше от Центрального комитета. К теме доноса Перелешин возвращается, например, в публикуемом письме матери от 29 апреля 1945 г.

В Шанхае Перелешин оказался чуть ли не последним из его друзей-чураевцев — поэтов известного в Харбине литобъединения «Чураевка», закрытого еще в 1934 г. Несмотря на нелестное мнение о Шанхае среди харбинцев, эмигрантская молодежь, знавшая английский, ехала в основном туда. При этом о жизни русских эмигрантов в Шанхае в годы войны сохранилось не так много русскоязычных источников. Яркую картину этого города воссоздал в своих воспоминаниях харбинец В.П. Петров (1907–2000). В 1930-е гг. он уехал из Харбина, в Шанхае семь лет проработал журналистом. Позже, живя в США, он издал воспоминания «Шанхай на Вампу», где писал:

> Шанхай. Это была блестящая столица Дальнего Востока. Многие называли его «Второй Париж», но чаще — «Желтый Вавилон». Последнее определение, пожалуй, самое верное. Действительно Вавилон, вавилонское столпотворение всех рас и народов, но доминирующий его фон — желтолицый, китайский. <…>
>
> Желтое, грязное море у Шанхая; гигантская мутная, желтая река Янцзы (Янцзыцзян), в которую несет свои потоки — мутную, желтую грязь отбросов многомиллионного города река Хуанпу (Вампу). Грязные, желтые, глинобитные китайские домишки по правому берегу Хуанпу и, в виде контраста, массивные, многоэтажные здания — громады по левому берегу реки. Здесь — банковский, коммерческий и административный центр Международного сеттльмента Шанхая. Это блистательный Банд, с которого ведут внутрь города узкие провалы улиц. Эти улицы, с нависшими над ними кирпичными домами, и на улицах — толпы людей, — это настоящий, истинный Шанхай — «Желтый Вавилон». На улицах — «вавилонское столпотворение»[1].

[1] *Петров В.* Шанхай на Вампу. Вашингтон, 1985. С. 7.

Сохранилось и «живое впечатление» о 1930-х гг. харбинского приятеля Перелешина, Петра Лапикена (1907–1983). Он выпустил книгу очерков «Четыре города» (Харбин, 1935). Глава о Шанхае называется «Город нежных развлечений». Там, в очерке «Сердце планеты» Лапикен писал о Шанхае:

> Семь часов утра. Улицы почти пустынны, почти туманны и почти не жарко. Движутся трамваи (с пяти), несколько автомобилей, автобусов, пешеходы еще не толпа. Высокие дома скудно пропускают на улицу солнечные лучи. А вверху — голубое небо! На боковых улицах начинается жизнь: кричат, продают, покупают... Рикши, люди, торговцы.... Там грязно после ночи... Подворотни больших домов, переулки — в них можно заблудиться, если плохо слышишь, а так — бой часов Собора Святой Троицы укажет нужный путь.
>
> Остановитесь! Разве вы не слышите свистка, не видите красного света? Без пятнадцати девять. Уже десять минут вы стоите, не рискуя проскользнуть на другую сторону. Свисток. Торопитесь! Теперь вы опять терпеливо ждете перемены течения. Рикши, как лошади на скачках, торопятся вырвать начало и — ни одного вершка между лавиной ждущей и движущейся. Девять часов. Всё еще движение и движение, но оно уже схлынуло по конторам, а на Банде в черте стоят автомобили — более тысячи... <…>
>
> В 12 дня жарко, хочется пить. Попытайтесь спросить на каком-либо наречии Китая идущего вам навстречу. Он не только проводит вас, но заплатит за апельсинад, выпитый вами, и исчезнет. По сведениям шанхайских старожилов в Шанхае считается неприличным говорить не по-английски, поэтому попытки «неприличия» очень ценятся…
>
> Пять часов дня. Спокойствие сметается с улиц — домой торопятся лихорадочно: нетерпеливо дрожат моторы на вынужденных остановках, гудят, звонят, кричат... А на тротуарах толпа густоты народного моления. Меня уже несколько раз переворачивает эта движущая сила, приходится спрятаться за выступ какого-то магазина. Но тут случается чудо большее, нежели «чудо вторичного цветения сливы» или «небесный случай обращения неверующего к вере острым гвоздем» — чудеса классические. Меня схватывают за руку и тянут сквозь толпу. На Фу-цзян род, таинственно переиначенную в Фо-киен, я узнаю знакомого харбинца[2].

Петров вспоминал, что в Шанхай переселились пятьдесят тысяч русских, главным образом из Харбина. Селились они на Авеню Жоффр. Это был центр расселения русских в Шанхае. Одним из

[2] *Лапикен П.* Четыре города. Харбин, 1935. С. 41–43.

адресов Перелешина в Шанхае был как раз: 469, Avenue Joffre, ap. 77. Авеню Жоффр располагалась во Французской концессии, существовавшей с 1849 по 1946 г. А Международный сеттельмент, где тоже одно время селились русские, был под международным управлением и существовал с 1842 по 1943 г. Петров писал, что жизнь на Авеню Жоффр казалась каким-то «анахронизмом», как «осколок» «русской патриархальной жизни, чудом сохранившейся в Зарубежье еще на десятки лет, после того, как была уничтожена на родине»:

> Греховная жизнь города мало коснулась этого пережитка дореволюционной России. По-прежнему, как и в старой России, шумно праздновалась масленица с ее пышными блинами и соответствующими закусками; веселым колокольным звоном церквей встречали русские шанхайцы на заутрене светлый праздник Христова Воскресения[3].

А неподалеку, в пригороде Шанхая, Лапикен описывает совсем другую жизнь. Это китайский город Нантао:

> Нантао. Под этим именем объединяются китайский город, пригород около реки Хуан-пу и южная станция. Чтобы писать о жизни людей здесь, надо иметь неисчерпаемый запас бодрости и равнодушия.
>
> Город слагается из домов, грязи, улиц, грязи, толпы, грязи, пищи, грязи... На неровных каменных ступенях, обломках и плитах тротуара разложена подсушиваться пища: морские ежи, коньки, звезды... Невдалеке играют дети в жизнь со всеми ее проявлениями, подбираясь к пище. Нищий, почесывая клейкую язву, что-то вылавливает из своих одежд, щелкает зубами и бросает всё равно куда... Старик несет на спине старуху, стучит бараньими лопатками, поет, просит. Надзирающий кидает ему коробку спичек... Мне рассказывали:
>
> — Если милостыню не дадут, он оставит старуху заражать пищу. Она будет причитать, плакать, плевать... Бить слепых как-то неудобно, а товар испорчен. Если же скупость будет упряма, то каждый день будет приходить нищий и портить. Бить их можно — но их 15 тысяч. Тогда торговать больше уже не придется. Стать нищим довольно трудно; для этого в общину надо внести крупный членский взнос, за это вам будет обеспечено безбедное существование. Но малейшая провинность — непочтительность к старшему рангом — и дно Сучжоуского канала поглотит выброшенного из жизни. <…>

[3] *Петров В*. Шанхай на Вампу. С. 13.

> В китайский город не советуют ходить, но всё же там бывают... Останавливаются перед деревянным зубоврачебным лотком-кабинетом с грудой зубов — чем больше — тем лучше — на одну треть человечьих.
>
> Если соберется неприветливая толпа, так как шанхайские ругательства узнают скоро, то необходимо сказать: — Ала басянь басянь — я смотрю.
>
> Тогда из этого города вас кто-нибудь проводит до Северных ворот, и если вы говорите по-пекински, — вас поймут, но вы — нет. Вы только скажите: Рю де Консуля — отсюда легче всего попасть на французскую концессию: домой[4].

Перелешин оказался в Шанхае уже после его оккупации — японские войска вошли в город в декабре 1941 г.

В своих мемуарах «Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая», изданных несколько десятилетий спустя после отъезда из Шанхая, Перелешин вспоминал:

> Русские эмигрантские группировки и организации враждовали между собою и заваливали ящики письменных столов своих японских хозяев доносами друг на друга. А надо всем и всеми навис беспросветный японский террор с застенками Бридж-хауза и пытками.
>
> — Однажды на банкете моей соседкой оказалась изысканная китайская дама, похожая на орхидею, — рассказал мне несколько лет спустя М. Якшамин, «корреспондент» ТАСС. — Увидев меня, дама заулыбалась и сразу заговорила со мною, как со старым знакомым. А между тем я никак не мог вспомнить, кто она, и где я ее встречал. Заметив мое смущение, дама напомнила мне, что мы сидели в Бридж-хаузе в соседних клетках — из толстых железных полос — раздетыми догола.
>
> Дома в те годы не отапливались, но все мы сравнительно легко переносили холод. Только в феврале руки и ноги у многих покрывались язвами (“chill-blains”) от холода и сырости. Теплые пальто не помогали, так как сырость и холод меньше ощущались на воздухе, чем в закрытых помещениях[5].

---

[4] *Лапикен П.* Четыре города. С. 24–26.

[5] *Перелешин Валерий.* Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. C. 89.

Шанхайские училища и гимназия, где Перелешин читал Закон Божий, по его словам, порой вовсе не платили, другие будто бы платили:

> Получив жалованье в одной такой школе (четыре часа в неделю), я заходил в продуктовый магазин и покупал на всё жалованье ровно один фунт сахару. В доме при соборе я имел только комнату; на пропитание и одежду надо было заработать — частными уроками или любым другим способом, а времени не было, ибо надо было проводить свои «недели» в соборе и служить в эти недели и литургию, и всенощную, или вечерню с утреней. На архиерейские службы епископ Иоанн (Максимович) собирал всё духовенство города, — обязательным было участие всего духовенства в молебне святому Владимиру 28-го июля (которым епископ Иоанн выражал свои монархические симпатии князю Владимиру Кирилловичу), но и каждый четверг в соборном доме состоялось «пастырское собрание»[6].

Речь идет о Кафедральном соборе во имя иконы Божьей Матери «Споручница грешных», который был построен в 1937 г. на пожертвования эмигрантов из России. При нем существовал архиерейский соборный дом, куда поселили Перелешина. Дом сохранился до наших дней, как и сам собор, объявленный архитектурным памятником. Там была открыта биржа.

За годы в Шанхае Перелешин смог издать (в Харбине, с помощью матери) свою четвертую книгу стихов «Жертва» (Харбин, 1944), куда вошли еще пекинские стихи. Что-то написал из нового, хотя в письмах жаловался матери, что в Шанхае ему плохо пишется. Занимался переводами китайской классики, а также статей для ТАСС, где начал сотрудничать — в агентстве хорошо платили. Даже переводил книгу о Чан Кайши — судьба этого перевода неизвестна.

Но главным для него в эти годы стал, судя по всему, неожиданно возникший литературный кружок «Пятница». Это было дело «для души». Приехав в Шанхай, Перелешин встретил своих чураевских друзей, и они тут же решили поддержать традицию харбинской «Чураевки» и устраивать что-то типа литературных вечеров. Помещение нашлось в перестроенном гараже. Стали собираться по пятницам. На каждом собрании задавалась тема для очередного стихотворения, которое зачитывалось в следующую пятницу. Темы, написанные на бумажках, вытаскивались наугад. «Пятница»

[6] Там же. С. 93–94.

просуществовала с 1943 до 1945 г. Результатом двухлетнего труда стал сборник «Остров», вышедший, судя по письму Перелешина от 27 января 1946 г., не без поддержки советского консульства. Стихи участников так и располагались в нем по темам. Авторами сборника, кроме Перелешина, стали Ларисса Андерсен (1911–2012), Варвара Иевлева (1900–1960), Мария Коростовец (1899–1975), Юстина Крузенштерн-Петерец (1903–1983), Николай Петерец (1907–1944), Владимир Померанцев (1914–1985), Лидия Хаиндрова (1910–1986), Николай Щеголев (1910–1975). Все, кроме Иевлевой и Коростовец, были бывшими чураевцами.

В предисловии к сборнику Щеголев писал: «Два года, каждую пятницу сходились мы у этого овального стола, на своем искусственном острове, а вокруг бушевала война, свирепствовали японские оккупанты, царил жесточайший материальный и моральный гнет. Работать литературно, высказываться художественно было негде из-за цензуры…»[7]

Вот одно из вошедших в «Остров» стихотворений Перелешина на тему «Поэт»:

Нелюбимые дети
Спят, придавлены тьмой,
Лишь меня на рассвете
Ночь отпустит домой,
В час двоякий и странный,
В час усталый, когда
Тонкорунных туманов
Исчезают стада.
В час, когда слабосильных
Будят вас петухи, —
После горнов плавильных
Остывают стихи...

Но за то, что со светом
Мы встречаем рассвет,
Нет пощады поэтам:
— Как он смеет, поэт,
Раньше утренних звонниц
Петь осанну лучам?

[7] Остров: Сборник стихотворений. Шанхай, 1946. С. 9.

Не прощают бессонниц
Те, кто спят по ночам[8].

В последнем сохранившемся письме к матери из Шанхая от 19 октября 1946 г. Перелешин рассказывает: «Стихи пишу редко, но есть кое-что хорошее. Однако издать что-нибудь надежды мало. <…> Знай обо мне, что я почти счастлив, что работа хорошая, что мною дорожат <…> О! Я теперь снял рясу, побрился и стал совсем денди».

В 1950 г. Перелешин уехал из Шанхая в Тяньцзинь, куда из Харбина приехала и Сентянина. Как писал Перелешин в воспоминаниях, к этому времени они твердо решили уехать из «ставшего неузнаваемым» Китая. Что, в конце концов, они и осуществили.

В сентябре 1952 г. поэт Валерий Перелешин (Валерий Францевич Салатко-Петрище) и его мать Евгения Сентянина уехали в Бразилию. Перелешин уезжал автором четырех изданных в Харбине книг стихов и одной неизданной, но уже готовой. Вышел отдельным изданием и его перевод поэмы С.Т. Кольриджа. Составленная им и переведенная в Шанхае антология китайской классики увидит свет только в 1970 г. в Европе.

За годы «после Китая» Перелешин выпустил еще 9 сборников стихов, перевод на русский в стихах поэмы «Дао-дэ-цзин», воспоминания «Два полустанка», большую поэму и другие книги. Он много печатался в эмигрантской прессе, активно переписывался с эмигрантскими писателями. Но в его огромном эпистолярном наследии переписка с матерью занимает особое место.

Всего сохранилось 86 писем Валерия Перелешина к матери из Шанхая. В данную подборку включены те письма, которые проливают свет на деятельность существовавшего в годы войны в Шанхае литературного кружка «Пятница» и его участников и на творческую биографию Перелешина. Письма публикуются по машинописным копиям, которые были сделаны Перелешиным в 1980-е гг. Иногда, перепечатывая текст, он делал примечания — они воспроизводятся с пометой «*В.П.*» в скобках. Обозначения инициалами некоторых персонажей — после идентификации — сохраняются. В тех случаях, когда в текстах встречается легко расшифровываемое сокращение слов, слова воспроизводятся полностью.

Копия писем хранится в Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2.1. Ед. хр. 4. Л. 262–375).

[8] Там же. С. 275.

1

16 ноября 1943
55, Rte Paul Henry
Shanghay

Дорогая мама,
всё еще не знаю, для чего и почему нужно было, чтобы я оказался в этом сером и неинтересном городе под властью епископа и в очень неясном материальном положении. Ни одно из обещаний архиепископа не выполнено: вместо коммерческого училища я водворен в архиерейский дом, вместо независимого положения связан по рукам и по ногам правилами и просто причудами, вместо досуга для занятий — не успеваю дышать, и, наконец, вместо хорошего заработка не имею и половины того, что необходимо, чтобы прожить здесь. Если бы не М.П., которая уже собиралась ехать в Пекин, но ради меня осталась, я совсем упал бы духом. Ну а так еще чувствую себя бодрым и веселым, да и любопытно всё же первое время в новых местах. На каждом шагу встречаются знакомые. Я нарасхват, ежедневно бываю у кого-нибудь. Есть и новые друзья, много книг и хорошая музыка. Думаю, что постепенно всё утрясется и даже лучше еще будет, чем в Пекине было. Слишком много там было злобы, да и сам я много себе повредил. Очень уж горячий у меня характер и гордый, и странный.

Писем от тебя очень давно нет (вот уже две недели, что я в Шанхае, и писал тебе отсюда. Пиши пока на Route Paul Henry, как обозначено выше).

Со вчерашнего дня преподаю Закон Божий в реальном училище (страшно далеко), а с завтрашнего начну уроки еще и в коммерческом (ближе, рядом со Слободчиковыми[1]).

В «Рубеже» видел «Сердце» и «Ностальгию»[2]. Но что случилось с двумя рассказами М.П. — «Иродиадой» и «Больше жизни»[3]? Есть и у М.П., и у меня новые стихи, но пока их не посылаю — что-то много накопилось стихов у тебя, а проходят они туго. Как дела с книгой «Жертва»[4]? Нельзя ли это предприятие ускорить? Хорошо бы увидеть книгу к Рождеству, здесь многие ждут ее выхода. Будет ли напечатан мой отзыв на «Бренные песни»[5]?

Получила ли ты посылки, отправленные тебе из Пекина? Опять очень о них беспокоюсь — посланы тебе вещи нужные и дорогие. Отсюда некоторое время ничего посылать не смогу — жизнь предстоит очень нелегкая, да и путей в Харбин нет. Твой сын И.Г[6]

[1] О семье Слободчиковых см. п. 4.

[2] Эти стихи В. Перелешина вошли в книгу «Жертва» (Харбин, 1944).

[3] Опубликованы ли эти рассказы М.П. Коростовец, установить не удалось.

[4] Книга была напечатана только в мае 1944 г. в Харбине в издательстве «Заря».

[5] «Бренные песни» (Харбин, 1943) — книга стихов Ольги Ярославны Тельтофт (1915–1946?), участницы «Чураевки», жены В. Слободчикова до осени 1944 г.

[6] Иеромонах Герман. Здесь и далее В. Перелешин так подписывал свои письма.

2

24 января 1944
55, Paul Henry,
Shanghai

Дорогая мама,

что с тобой случилось, целый месяц уже не получаю от тебя ни строчки? Беспокоюсь так, что уже ни о чем думать не могу, и работать не хочется. В чем дело? Здорова ли ты? Здоров ли В.В.?[1] Завтра начинается лунный Новый год, который праздновать будут три дня. Так тяжело! И очень мне здесь одиноко.

С М.П. опять стал часто ссориться — она всё требует какой-то «большой любви» и «нежности», и, по-видимому, у меня этих вещей не найти — я сержусь, а она плачет. И жаль ее, одинокую, но помочь не умею, да и просто не знаю, чего ей от меня нужно. Очень всё это непросто и нудно. И все-таки жизнь без нее здесь была бы еще несноснее, хотя сейчас, в общем, мне жаловаться не на что — на Рождество и Крещенье я «выходил» некоторую сумму денег, так что в необходимом не стеснен; со столом наладилось, в соборном доме недорого и питательно; обувь вся починена для всякой погоды.

С сегодняшнего утра возобновились занятия в школах. В этом есть и хорошие стороны (меньше служб), но я совсем не люблю учительства, и оно меня тяготит, предпочитаю всему мирную кабинетную работу — век бы занимался китайским языком; хочется еще написать магистерскую работу. Тема, предложенная Костючиком[2] («Я»), очень интересна, и, пожалуй, остановлюсь на ней. Подумать тут есть о чем.

Вчера начал писать давно задуманную космогоническую поэму[3] о состязании семи архангелов, творящих миры. Получается очень красиво и стройно, но отдает Гумилевским «Драконом»[4]. М.П. советует каждую из семи частей написать иным размером — соответственно той или другой планете. В поэме будет около 7 строф, не меньше.

В каком положении «Жертва»?

Получаешь ли ты письма? Я поздравил тебя с днем ангела и праздниками, затем писал тебе вскоре после Рождества. Вот пишу письмо в неизвестность. Получила ли посылку через Александру Афанасьевну Подобедову (Скобелевская, 19)?

Захлебываюсь хорошими книгами. Читаю сейчас П.Д. Успенского (о четвертом измерении)[5] и сразу несколько книг стихов. Ужасно далеко разбросала нас всех судьба. М.П. тоже, кажется, уедет в Пекин: без комнаты ей очень и очень неудобно. Марк[6] вчера переехал к Слободчиковым: Оля в конце концов согласилась сдать комнату, получив хорошее отступное с ребят, но последние столько же получили со своей прежней квартирной хозяйки.

Епископ Иоанн[7] стал опять болеть; никто из духовенства его нисколько не жалеет, и все даже рады возможности сократить службу, когда его не бывает в церкви. Образ жизни этого пренесимпатичного человека все-таки весьма особенный, и в одном отказать ему нельзя — себя он не щадит. Он служит каждый день, не пропускает ни одной службы вечером, ест раз в сутки, ночами не спит, постоянно посещает больницы, приюты и тюрьмы, и частных больных. Но любви не имеет…

Всего доброго. Пиши мне, наконец. Твой сын И.Г.

---

[1] Перелешин писал в примечании к письму от 6 сентября 1943 г.: «Профессор Владимир Васильевич Колошин, инженер путей сообщения, один из первых поклонников моей матери еще до ее замужества. Она предпочла моего отца (человека с ужасным характером). Владимир Васильевич, сын священника, мягкий, преданный, был, таким образом, побежден потомственным дворянином. Позднее женился он не на девушке, за которой ухаживал, а на ее тетке Евгении Ивановне. Овдовел и в 1943 г. снова встретил свою “Женю”».

[2] Костючик И.И. — доцент Богословского факультета Института св. Владимира в Харбине. Им в 1943 г. был написан положительный отзыв на кандидатскую диссертацию студента Богословского факультета иеромонаха Германа (В. Перелешина) «Философия страдания». Упомянутая работа «Я» не была написана.

[3] «Космогоническая поэма» сначала называлась «Ангелы» и была напечатана в «Луче Азии» № 120 за сентябрь 1944 года, а затем я много над ней поработал и лет через двадцать включил ее в свой сборник «Качель» под заглавием «Поэма о мироздании». *(В.П.)*

[4] Видимо, имеется в виду книга первая «Дракон» в «Поэме начала» (1921) Николая Гумилева.

[5] Возможно, книга П.Д. Успенского «Четвертое измерение. Обзор главнейших теорий и попыток исследования области неизмеримого» (Прага, 1924–1926; Париж, 1926–1928; Берлин, 1935–1937).

[6] Марк — сын М.П. Коростовец. Снимал комнату в квартире О. Тельтофт и В. Слободчикова.

[7] Епископ Иоанн (в миру Максимóвич М.Б., 1896–1966) — с 1934 по 1946 г. епископ Шанхайский. В 1946 г. единственный из архиереев в Китае не признал церковную власть российского Патриарха Алексия I и остался в юрисдикции РПЦЗ. Стал архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским. В 1994 г. РПЦЗ причислила его к лику святых.

3

10 марта 1944

Дорогая мама,

опять целую вечность не получаю от тебя вестей и скучаю от этого еще больше, чем от серого шанхайского жития. Третьего дня был обрадован приходом «Луча»[1] и «Рубежа» и ждал письма после них, но пока еще его нет. Надеюсь, что всё у тебя благополучно, и это простая случайность, что письмо запоздало так.

Присутствие архиепископа[2] очень скрашивает существование мое: нет-нет, да и заглянет он ко мне перекинуться мирными и дружелюбными словами, а однажды просидел целый вечер. Вчера мы вместе были в гостях у его друзей и на днях вновь собираемся в свет. Говорит Владыка, что завтра будет дан указ о моем назначении в женскую гимназию вместо отъезжающего о. Гавриила[3], который едет в Пекин быть наместником.

Там более независимая домовая церковь, где епископ Иоанн бывает весьма редко. Будет небольшой доход, и это совсем близко. Но реальное училище тоже пока останется на мне, а оно-то больше всего меня тяготит: путешествие туда занимает теперь два часа, да обратно столько же, да еще там 4–5 часов работы! Очень устал от этого дела. Дотянуть учебный год до конца, однако, стоит, чтобы получить летнее жалованье; кажется, даже вперед дадут.

С понедельника, 13 марта, открываю при Русском общественном собрании цикл лекций по истории философии; за 4 лекции плата будет $250. Это уже кое-что. И дело хорошее. В общем, в Шанхае можно бы жить сносно, если бы работы было поменьше и если бы не епископ Иоанн, которого я искренне считаю маньяком.

Дошли ли до тебя наконец те 200 го-би[4], которые я пытаюсь перевести тебе? Это на расходы по «Жертве» и на доплату за диплом. И, если деньги дойдут без хлопот, я скоро переведу тебе еще столько же, чтобы облегчить тебя.

Сообщи, сколько обошлась «Жертва», чтобы я знал, как надо ее продавать, хотя и сейчас уже знаю, что продавать буду дорого. Первый экземпляр уже продан г-же Петерсон (Индра-Дэви)[5]. Кстати, издательские возможности, кажется, увеличиваются: г-жа Кольберг[6] <? нрзб> согласится дать мне необходимую сумму на издание моей

книги, если это понадобится. Использовать ли эту возможность, для того чтобы повторить книгу «В пути»? Получения «Жертвы» жду с великим нетерпением.

В неделю раз исправно встречаемся, все поэты (Лида, Лара, М.П., Ник. Ал., Ник. Влад., Иевлева и я), и читаем доклады. Прошлый раз я дал обзор дальневосточной поэзии, в следующий раз Ник. Ал. читает обо мне. Собрания проходят очень живо. Всегда жаль уходить с них в 9.50 (иначе епископ Иоанн устраивает мне скандал).

Сейчас сажусь готовиться к лекции по философии; надо еще приготовить свежую проповедь к воскресенью, так как буду служить в «своей» приютской церкви с архиепископом Виктором. Твой сын И.Г.

---

[1] Очевидно, речь идет о журнале «Луч Азии».

[2] Архиепископ Виктор приезжал на время из Пекина.

[3] Архимандрит Гавриил (в миру Огородников Д.И., 1890–1971) был священником кафедрального собора в Шанхае. С 1944 г. стал наместником Успенского монастыря при Российской духовной миссии в Китае. С 1948 г. жил в СССР.

[4] Денежная единица в государстве Маньчжоу-ди-го в 1932–1945 гг.

[5] Индра Деви (Е.В. Лубанская-Петерсон, 1899–2002) — единственная женщина, которой присвоен статус йога, жила какое-то время в Шанхае, затем переехала в США.

[6] Фамилия в тексте написана неразборчиво. Данных о госпоже Кольберг найти не удалось.

4

29 мая 1944

Дорогая мама,

всё это время писем от тебя не было; у нас была почтовая забастовка, и мой ответ на твое предыдущее письмо очень задержался. Боюсь теперь, что получится большой перерыв. Книга всё еще не пришла, даже в единственном экземпляре, хотя после 12 мая прошло уже 17 дней. Жду ее уже с почти безнадежным чувством — почти год издается мое несчастное дитя[1]. За это время поэма «Ангелы» сильно продвинулась вперед, пишу уже заключение. Мелких стихов давно нет, но у тебя есть большой запас их. М.П. часто и хорошо пишет, есть у нее новые вещи: «Пустыня» и «Феникс»[2].

Душевное состояние мое очень выправилось: я запасся неизлечимой грустью, с которой легко пишутся стихи. За то, чтобы довести свою поэму до конца, я согласился бы заплатить еще не таким страданием. Удивительно, насколько точен и незыблем этот закон компенсации. За счастье творчества надо отдать радость любви.

И тогда, как отдашь, прямо хляби какие-то из другого мира разверзаются, и писать можно, пока хватит времени. На этой последней «ампутации» я приобрел VI и VII части поэмы, да и заключение почти кончил. Задумалось еще посвящение, и тогда конец, всего будет около 140 строф. М.П. предчувствует уже твою радость — захлебнуться в этой вещи целиком. По правде, ничего столь возвышенного и звучного я еще не писал. И там нет ни малейшей эротики, ни даже образов эротики: всё чисто, ясно, свято. Могу сказать, что «Ангелы» будут достойны своего имени.

Недавно вернулся с очередной своей лекции (о софистах); прочел ее очень живо и увлекательно. Приходит много славной молодежи, больше «мальчиков»; часто бывают Слободчиковы — Воля, Шурик и Ольга Ярославна[3]; назад отводят меня целой толпой, и туда каждый раз сопровождают. Популярность бешеная. На лекции же получил подарок — книгу стихов М. Щербакова[4] «Отгул» (с надписью «Мастеру Валерию П–ну с трепетом — автор М.Щ.»).

Была сегодня Лида Хаиндрова, неизменно присутствует милая герцогиня[5], глава здешних розенкрейцеров Сальников[6], еще одна очень мистическая дама, всего человек 40–50. И оплачивается это недурно. Вообще денег зарабатываю больше, чем могу истратить, беда вся от неустроенности жизни, от того, что некогда есть и пить и заботиться обо всем остальном.

На днях было мне сделано предложение поехать в Гонконг. Увы, пришло оно слишком рано — оказаться там сейчас, пожалуй, было бы несвоевременно, а после войны я не пожелал бы тебе и себе ничего лучшего. Главное, что меня удержало от поездки, — то, что даже в Шанхай письма оттуда идут два месяца. Следовательно, в Харбине их и вовсе не дождешься. И я не хочу отягчать своего одиночества еще новым испытанием. А место это чудесное: М.П. и герцогиня бывали там, и остались в восторге. Будем надеяться, что шанс еще придет.

На книгу Щербакова напишу рецензию.

Сегодня прошел экзамен по Закону Божьему в VI классе женской гимназии, 1 июня — в V классе. Младшие классы — между 16 и 23 июля. В общем, и эта школа заканчивает учебный год, и можно расстаться с Шанхаем, хотя бы на время. Здесь хорошо зарабатывать деньги, но тратить их надо в другом месте: в Пекине или Циндао. Так хочется эмоций, природы, красоты моря и скал, синего неба, запахов цветущих деревьев… Всё это потом выходит стихами. И «Ангелы» — это пекинские краски, сосны и озера, только уже очищенные от налета чувственных влечений.

Пишет ли милая бабушка? Передай ей привет и всегдашние пожелания бодрости.

Всего, всего доброго. Да хранит тебя Господь!

Пиши почаще. И когда же наконец я увижу свою воплощенную «Жертву»? Твой сын И.Г.

---

[1] Речь идет о книге «Жертва», вскоре полученной Перелешиным.

[2] Эти стихи позже вошли в сборник «Остров».

[3] Бывший чураевец поэт Владимир Александрович Слободчиков (1913–2007), его жена — поэт Ольга Ярославна Тельтофт и, видимо, их сын. Позже, в письме от 6 октября 1944 г., Перелешин писал: «Третьего дня уехала в Дайрен и затем в Харбин О. Т<ельтофт>. Увезла ребенка, который теперь никому не нужен, — будет жить у Ярослава Мар. Ольга уехала с женихом, молодым Семеновым, сыном Атамана». Имеется в виду участник Гражданской войны казачий атаман Г.М. Семенов (1890–1946); в 1945 г. он был захвачен СМЕРШем и казнен. Его сыновья были репрессированы — сын Вячеслав получил 25 лет лагерей, сын Михаил был убит при этапировании. Тельтофт также была арестована и погибла в 1945 или 1946 г.

[4] Щербаков Михаил Васильевич (1890–1956) — поэт, писатель, журналист, переводчик с китайского, профессиональный фотограф. В конце 1922 г. с отступающими войсками уехал в Китай. Жил в Шанхае, где служил во французской полиции. Был председателем литературного объединения «Понедельник» (с 1930 г.) и редактором издававшегося объединением одноименного сборника. Автор двух книг стихов. На вторую книгу «Отгул» (Шанхай, 1944) Перелешин собирался написать рецензию, но не смог, т.к. стихи ему не понравились. После войны Щербаков уехал в коммунистический Вьетнам. Жил в Сайгоне. Держал собственную фотографию. Затем переехал во Францию для лечения в психиатрической клинике. Покончил с собой, выбросившись из окна.

[5] Надежда Николаевна Богарне, герцогиня Лейхтенбергская.

[6] Александр Никитич Сальников (?–1972) — известный в Шанхае танцовщик, возглавлял оккультную группу.

5

20 октября 1944

Дорогая мама,

только что вернулся с «Пятницы», которая, несмотря на отсутствие больного Н.В. <Петереца>, его жены и Иевлевой, прошла очень интересно. Ник. Ал. <Щеголев> читал доклад о раскрытии символа в поэзии, завязался оживленный разговор о поэзии и музыке и об их соотношении. Затем я прочел свой разбор стихотворения Ларисы «Камея» — одного из лучших, написанных здесь за всё время нашей работы. По поводу него также возникла живая беседа.

Сегодня у меня был исключительно денежный день: к тем деньгам, что получил от кофе, прибавились еще $240 за два экземпляра «Жертвы», проданные Ларисой, и $1600 за статью о Лермонтове. В данный момент у меня $9000 наличными плюс $2500, сегодня

отданные в дело мое с Марком[1], плюс пай в сухом молоке и шерсти. И ко всему этому я имею еще мед и иногда даже кофе и сухое молоко к нему. По нынешним временам почти чудесно. Вот только холодно будет зимой…

По сообщению Лиды, Маша Фомина продала вчера еще 2 книги. Итак, первая тысяча уже получилась. Считай, что посылаемые тебе деньги — книжные. Лариса продаст еще три, Маша — тоже. Постепенно еще разойдутся. Хочу послать подарки пекинским друзьям — К.М. Карпинской, Л.А. Фридлендер и Софье Михайловне[2]. Здесь получат Маша Фомина, Лара, Ник. Ал.

М.П. дописывает большой — на 2 номера — рассказ. Скоро получишь его. Очень интересный, как обещает.

С Божьей помощью проживем как-нибудь до конца войны. Жить — по временам — кажется даже интересно. Не знаю, не мешает ли тебе тоска о Вите[3] чувствовать это? Еще столько надежд у нас!

Жалею теперь, что ничего, кроме денег, не могу тебе переслать. Здесь есть такие чудесные вещи! Они доставили бы тебе много радости. Но плащ[4] куплю тебе завтра же. Пусть пока лежит — до случая. Со следующим письмом пошлю тебе свою статейку. Твой сын И.Г.

---

[1] Перелешин, Мария Коростовец и ее сын Марк перепродавали товары, присылаемые из Пекина ее сестрами.

[2] С Софьей Михайловной Вахромовой (урожд. Сыровой) Перелешин познакомился в Пекине. В 1947 г. она уехала в СССР.

[3] Брат Перелешина Виктор в это время служил в американской армии.

[4] Из письма В. Перелешина от 23 октября 1944 г.: «Уже два дня, как плащ тебе куплен (за $2250 GRB) — красный, очаровательный — и висит на плечиках в монашеской келье, восхищая дам и смущая прочих. Страшно хотелось бы переслать его тебе поскорее — не к тому, чтобы его носить (он предназначен для теплых июльских дождей, и ты будешь в нем похожа на конфетку, завернутую в прозрачный красный целлофан), но просто для того, чтобы он радовал тебе глаза, как сейчас мне радует. Правила употребления его таковы: держать в висячем положении, подальше от сырости, после дождя обязательно развешивать. Может быть, пошлю почтовой посылкой, но очень боюсь — вещь дорогая, на харбинские деньги почти $400».

6

12 декабря 1944

Дорогая мама,

из-за воскресенья и — вчера — подготовки к лекции опять задержал письмо. Вчера умер Николай Владимирович <Петерец>. Все были подготовлены к этому, и всё же известие это бесконечно огорчило нас. Бедная жена, бедная Лара, которая за короткое время потеряла еще одного человека, безумно любившего ее. Наша «Пятница» теперь

должна пережить опасный кризис: душой объединения был Н.В. Теперь Н.А. <Щеголев> и я возьмемся за дело спайки и сохранения нашей группы. Причина смерти — плеврит, запущенный, давний. Врачи лечили от тифа, а когда разглядели плеврит, было уже поздно.

Сегодня вторник, мой гимназический день, но я остался дома по болезни. По-видимому, у меня то, что здесь называется «спру» — нервная дизентерия. Два дня, пока я не видел М.П., мне было лучше, а вчера она опять меня взволновала (пришла, хотя я прямо сказал ей, что лекция не готова, в холоде[1] писать очень трудно, и чтобы она не вторгалась) — вот я и снова стал мучиться, и ночь прошла беспокойно. М.П. никогда ни с кем не считается — ей скучно, и все должны благоговеть.

Несмотря на болезнь, уроки идут как обычно. Только первая группа — хунаньцы — теперь стала трещать. Почему-то исчезла барышня Оу Ян, другой ученик сам болеет — нарывы на подошвах ног, по дождю ходит в ночных туфлях. Надеюсь, что 22.XII мне станет совсем хорошо (Марс отойдет немного), и тогда всё пойдет лучше.

Занятия китайским языком оборвались с первого холодного дня. Только читать еще удается, да и то мало: по вечерам у нас совсем не дают света. Кажется, завтра или послезавтра начнут давать с 6.30 до 10 часов. А дальше — опять огарки.

Единственное, что обстоит хорошо, — питание. Княгиня Ухтомская[2] дает мясной суп и мясное второе; хлеба достаточно отпускают по карточке. День жизни обходится теперь не меньше $200–250.

Хотел бы сегодня добраться до почты — ведь почти две недели туда не заглядывал. Не ответил на множество писем, даже книг не послал.

Всего, всего наилучшего. Тепло ли у тебя? Ничего нет ужаснее холода без надежды согреться. Вчера заходил к епископу — работает при масляной лампе, тоже мерзнет; у него самые холодные комнаты. Разрешил отслужить панихиды по Н.В. (хотя он, как помнишь, католик, но всегда любил православие). Твой сын И.Г.

---

[1] Из письма В. Перелешина от 9 декабря 1944 г.: «На письмо отвечаю не сразу из-за страшного холода. Совершенно неожиданно, 30.XI, наступила зима. В домах не топят (кроме состоятельных), и я считаю, что холодами просто установлен трехмесячный перерыв в жизни. Прости, если писать каждую неделю я не смогу, — пальцы коченеют и не слушаются».

[2] Примеч. к письму от 21 сентября 1944 г.: «Ухтомские — князь И. Валерианович и княгиня Александра Семеновна (ее фамилии по первому браку не помню) держали пансион. Впоследствии я там столовался».

7

12 января 1945

Дорогая мама,

Вчера Таис Жаспар[1] закончила мой портрет. Я им очень доволен. Очень хорошо схвачено выраженье глаз. И это именно портрет поэта, который, между прочим, и священник. Снимем фотографию и впоследствии сделаем клише. Теперь можно твердо быть уверенным, что «Южный дом» выйдет с портретом автора[2].

Письма опять приходят, но я ничего не получаю. Очень жду вестей от тебя — это моя самая большая радость — и еще от П.[3] из Пекина.

Да, еще не рассказал тебе, как провел сочельник. Собрались у меня бездомные: М.П., Лариса и Лида. Мы устроили кофе, купили закусок и сладкого. Сидели поздно. Даже елка была — миниатюрная, в твоей вазе. К ней прицепили две звезды из картона и несколько свечек. Одна свеча — всех самых любимых — была воздвигнута посредине торта. Настроение было уютное и слегка грустное. В такие дни всегда лезут в голову воспоминания. Но всегда больно вспоминать то, чего нельзя вернуть.

Вот уже почти половина зимы прошла. Последнее время опять холодно. Ждем приезда из Тяньцзина одного знакомого. Если он съездит благополучно, то и я с Марком двинусь. Такая тоска, что уже не могу сидеть на месте, хотя и знаю, что следовало бы тихо сидеть и ждать.

Праздники прошли, надо браться за работу. 15-го возобновляю философские лекции. 20-го вернется ученик еврейчик. Кажется, составляется русская группа изучающих русский язык; заниматься будем на дому у сына доктора Огильви[4]. Таис Жаспар говорила, что можно составить большую группу французских детей, которые должны теперь изучать русский язык, чтобы не отстать от своих сверстников на родине, где изучение русского языка обязательно. Но здесь мое положение может послужить препятствием: заниматься надо в католическом College St. Michel, против чего могут восстать и наш епископ, и сами патеры. Если бы я имел помещение, я мог бы использовать все возможности. И у меня уже была бы школа для китайцев. Но всё это не уйдет.

В прошлую пятницу Ник. Алекс. <Щеголев> сделал хороший разбор моей книги «Жертва». Кое-какие замечания его надо признать вполне дельными. Но вообще человеку, старающемуся втиснуть себя в рамки строгого материализма, бывает просто трудно заинтересо-

ваться идеалистической мыслью. Отсюда некоторая односторонность суждений.

Всего наилучшего в новом году! Привет дорогому Владимиру Васильевичу, всем родным и друзьям. Твой сын И.Г.

---

[1] Жаспар Таисия Павловна (урожд. Филиппович, 1912–1986) — художница. Художественное образование получила в Харбине. В 1930 г. переехала в Шанхай, принимала участие в художественных выставках. Популярностью пользовались ее портреты. В 1937 г. вышла замуж за французского консула, кузена Шарля де Голля, и уехала в Париж. В 1952 г. вернулась в СССР, продолжала работать как портретист. Жила в Киеве, где в 1993 г. прошла ее персональная выставка. Портрет Перелешина она увезла в Киев.

[2] Книга «Южный дом» вышла в 1968 г. в Германии без портрета автора.

[3] Имеется в виду Павел Бай Цзи-чжан (см. в предисл, с. 147), с которым Перелешин расстался, уехав из Пекина.

[4] Данных о докторе Огильви найти не удалось.

8

17 января 1945

Дорогая мама,

всё еще нет от тебя писем — уже целый месяц. Но я продолжаю писать тебе, как писал — может быть, мои-то письма ты получаешь. Совсем плохо, если тебе приходится тосковать и беспокоиться, как мне. Самое важное, чтобы ты была спокойна и знала, что у меня всё благополучно. Перевод тебе денег мне устроила наконец Муся Тельтофт; сегодня она взяла у меня 6000; за мои деньги ты получишь 1000 го-би. Рад, что хоть изредка могу сделать тебе подарок.

Сегодня же побывал у г-жи Цитович, которая оказалась очень симпатичной дамой и обещала сегодня же извлечь твои вещи из чемодана; надеюсь завтра получить их.

23 или 24 января думаю выехать с Марком в Пекин. Сразу же напишу тебе оттуда. Едем налегке, почти без вещей. Будет нас человек пять, двое очень бывалых. Разговаривал сегодня с епископом об отпуске на полтора месяца; он почти согласился (и вообще был очень мил — право, я давно люблю и уважаю и просто понимаю его больше, чем лживого и трусливого начальника нашего). Чтобы совсем убедить его, нужно еще свидетельство от врача. В получении такового не сомневаюсь: здоровье мое всегда было достаточно скверным. Хотя по совести должен сказать, что желудочное недомогание мое после несложного лечения совсем прошло; вот только сегодня у Бессоновой, которая в спешном порядке вставляет мне зуб,

со мной приключился сильный обморок, после которого весь день болит голова.

Истинная же причина путешествия — дикая тоска, которая совсем заполонила мое сердце. Четырнадцать месяцев, даже почти пятнадцать — это слишком для Шанхая. Хотя бы на месяц, на полтора необходимо вырваться. Здесь я уже кажусь себе самому призраком среди призраков и призрачных вещей. А по новым стихам[1] ты увидишь, что тема «Южного дома» изжита (кажется, за один вечер я написал четыре стихотворения)[2]. Дом там, где счастье, а Шанхай не дал мне настоящей радости. Вот теперь мне «Равно наскучили надежды и угасания надежд»[3]…

Очень сердечно простился сегодня со Сморчевскими[4]; все просили возвращаться поскорее, чтобы крестить имеющегося родиться младенца (страшно хотят мальчишку — все, и Л.П. тоже).

Пиши — то есть я знаю, что ты пишешь, но ведь уже столько времени нет вестей от тебя! Передай привет дорогому Владимиру Васильевичу и всем родным и друзьям. Твой сын И.Г.

---

[1] К следующему письму, от 18 января 1945 г., приложены четыре стихотворения, датированные 12 января 1945 г.: «Экспромт» и — на отдельном листе — «В разлуке», «Амфора», «Бессонница». В книгу «Южный дом» из них вошло только «В разлуке» в новой редакции.

[2] Если когда-либо историк русской литературы на Дальнем Востоке заинтересуется моей текстологией, то в этих письмах он найдет богатый материал: наброски стихов, постепенная их обработка. Это, в моем случае, изыскание будет плодотворное: я «дописываю» стихи иногда через год, через пять лет, даже через пятьдесят. (*ВП*)

[3] «Равно наскучили надежды и угасания надежд» — кажется, мое собственное двустишие, не созревшее в стихотворение. (*ВП*)

[4] Два брата Сморчевские работали в Шанхае на электростанции. В «Поэме без предмета» (Холиок, 1989. С. 306) Перелешин писал в примечании к «Песни шестой»: «Лидия Петровна Сморчевская в прошлом помещица. В семидесятых гг. скончалась в Сан-Франциско. Ваня (Иван Осипович) — ее младший сын, блестящий инженер».

9

18 января 1945

Дорогая мама,

сегодня, вернувшись с урока со своими двумя китайскими парнями, нашел у сторожа твое воздушно-пешеходное письмо, которому обрадовался несказанно, а потом с легким сердцем пошел служить всенощную под Крещенье. Да, я пламенно жду и хочу нового счастья для тебя, для Вити, для М.П., для себя. Сон, который ты видела обо мне, — длинные волосы — означает дорогу. Вероятно, мою. А меж-

ду тем, возникли большие препятствия к поездке; не знаю даже, не придется ли засесть здесь на неопределенно долгий срок. Вот, чего не хотелось бы: противный, холодный город Шанхай, злой.

Всё, что ты послала, я получил: и пасквиль, и ответ, и «Вампиров», и «Колокол», и посвященное Аните[1]. Вообще все письма доходят, кроме тех, которые не пишутся. Но не думай, что я тебя упрекаю — я просто прошу писать приблизительно раз в неделю, пока почта будет принимать письма. Пусть медленно, но вести всё же дойдут.

Мы прожили уже половину зимы — в начале марта будет тепло. Дорогая моя, береги себя и не падай духом. Ты мне совершенно необходима, ради кого я стал бы иначе держать себя в руках и не поддаваться страшному соблазну другого — уже совсем окончательного ухода? Хотя бы ради меня одного (хотя и Витя тебя также любит, я уверен) сиди терпеливо в Харбине и жди конца войны, который может наступить в любую минуту. Верь мне в одном — всё, что у меня когда-нибудь будет, будет только для тебя. Моя мечта — несмотря на мой довольно тяжелый характер — дать тебе настоящее тепло. Ну пусть перепадет немного и М.П., и П., которые были добры ко мне, когда у меня ничего не было, и поистине отдали мне всё, что сами имели (каждый в своем роде). Я часто мечтаю о тихой, спокойной досужей жизни где-нибудь в Циндао или в Маниле — непременно у моря. Чтоб работа была легкая и возвышенная, чтобы было много цветов в вазах, и стихов, и прогулок по морскому берегу по аллее акаций.

Собрать около себя всех не удастся (М.П. ненавидит П.), но хоть кто-то может быть близко. Так хорошо было бы, но для этого надо пока терпеть и холод, и грязь, и скуку беспросветную, и неуверенность в завтрашнем дне. В условиях инфляции и бесправия очень трудно создать что-либо. Но мы все здесь, и в Пекине, боремся за будущее, твердо зная, чего хотим. Кстати, есть надежда, что наш должник Ф., который должен нам что-то около 20 тысяч го-би, скоро вернет их тебе — дела его идут очень хорошо. Кажется, он расплатится с тобой в феврале. Пожалуйста, денег этих не расходуй, а купи себе дом поскорее. Обо всем сообщай, даже телеграфируй. Твой сын И.Г.

Экспромт

Все говорят о зле и крови,
Клянутся вдвое отомстить,

А я шепчу им о любови,
О лучшей радости — простить.

Они шумят о дальних грозах,
Им о пожарах снятся сны,
А я — о лотосах и грезах,
Об обаяньях тишины.

Ведь, может быть, поможет лира,
Приумножая благодать,
Заклятьем радости и мира
Разлад грядущий обуздать?

Шанхай, 12.1.45

[1] Ни один из названных текстов в архиве Перелешина не обнаружен.

10

21 февраля 1945

Дорогая мама,
опять очень давно не получал от тебя писем, но время тревожное, и это вполне естественно. Тебе я тоже не писал это время — т.е. написал письмо, но…

17 февраля получил я визу на поездку в Пекин, а 19-го пошел на почту отправлять тебе письмо, второе за февраль. Когда я покупал марки, некий вор вытащил у меня из кармана бумажник, где было около $1111 денег и драгоценная виза[1]. И хотя я почти почувствовал исчезновение бумажника и спохватился тотчас же, поднимать шум было бы совершено бесполезно: вору было бы оказано всяческое содействие, мне — никакого. Пришлось смириться. А письмо не ушло, так как из купленных марок я в волнении потерял одну, а больше денег у меня не было, да и всё письмо было полно радости и надежд на путешествие, почему я и уничтожил его и пишу снова. Хлопоты теперь тоже все снова. И расходов очень много. В мирное время вся эта история была бы образцом “bad luck”[2], но теперь — кто знает, не спас ли меня этой задержкой Господь от чего-либо похуже?

Вместе с бумажником погибли: твоя карточка (копия той, что у меня в рамке), полдюжины моих, несколько адресов и записей. Да еще «Брутовский»[3] рубль и найденные на улице $11 на счастье. Хорошо, что накануне я вынул из бумажника тысяч шесть денег. Иначе

потеря была бы больше. А так — $1100 — это цена трех обедов у княгини (без хлеба).

В тот же вечер, 19-го, написал стихотворение «Голиаф». Вчера прихворнул. Был сильный озноб и жар. Сегодня чувствовал слабость и даже есть ничего не мог до вечера. Однако уроки дал вчера и сегодня. Завтра прибавляются двое учеников — брат и сестра по фамилии Сян. Есть еще один желающий заниматься. Принимаю пока всех, если поеду, всегда смогу замениться. Лида Х<аиндрова> и М.П. сделают это отлично.

Прошел слух, что хлеб будет теперь стоить $600 в день. Сейчас он стоит $130. Не знаю, как доживем до конца этой страшной полосы. Но дожить надо. Хотя бы ради того, чтобы увидеться с тобой.

В стихотворении «Ангелы» сделал изменения второй строфы:

Но образ милый был осмеян,
Как отроческая любовь:
Мой демон превратился в змея
И ангелом не станет вновь.

17 февраля был здесь вечер стихов, устроенный Михаилом Волиным[4]. Я читал «Весну» («Оживает древнее…»), «Поэта» («Нелюбимые дети…»), «Музыку» и китайское «Размышление ночью». Публика приняла меня очень хорошо: как видишь по числу стихотворений, это был успех (все читали по два, я один — четыре).

Совсем весна наступает у нас. Бывают иногда изумительные дни. Китайцы снимают ватные халаты; столько стройных людей видно опять. Еще две недели — и зацветут деревья. Но в домах еще холодно, и так будет еще долго. Всей душой рвусь в Пекин к своей радости, которую надо проверить: ведь прошло так много времени, что от моей любви могло ничего не остаться… Вот и не знаю, что ждет меня: утешение после тяжелого года или новая боль (уже больше двух месяцев не получаю ответных писем…).

Последнее время очень мало успеваю читать. А стихи писать даже не хочется: книга «Южный дом» готова; в ней 48 страниц текста, не считая 6 страниц для книги “Rosa Mystica”[5]. Мечтаю о досуге и тишине, чтобы закончить книгу «Стихи на веере»[6]. Для этого хорошо бы опять иметь под рукой толкового учителя-пекинца, как мой Герман Михайлович Тан.

Да, еще на вечере читали стихи Лариса <Андерсен>, Лида Х<аиндрова>, Ольга Т<ельтофт>, Слободчиков, Щербаков и другие, тебе неизвестные. Убили вечер «юмористы», с какими-то куплетами вылезавшие и не хотевшие уходить.

Пятницы наши проходят более уныло, чем прежде — стали много ругаться (очень задириста вдова Ник. В. <Петереца>). Милый и тактичный Ник. Ал. <Щеголев> болен уже две недели. Два раза я уже бывал один среди дам (Лида, М.П., Иевлева, Лариса, вдова).

Привет всем нашим друзьям.

Получила ли наконец перевод на $1000. Ведь это с января тянется, и я всё не знаю. А здесь Муся изнывает и просит еще денег ей дать. Я дал бы, если бы не поездка, при которой каждая тысяча может пригодиться.

Выясняется, что с 1 марта выдача хлеба по карточкам вообще прекратится. В свободной продаже черный хлеб дошел до $400 за паунд. Если уходящий холод сменится голодом, то как жить?

Братья Сморчевские, кажется, лишатся службы. Работа электрической станции свелась к ничтожному масштабу — из-за отсутствия угля. Вся жизнь приходит к тупику: на каждом шагу разные «отсутствия». А причина всего — одна.

Всего, всего наилучшего. Да хранит тебя Господь! Твой сын И.Г.

---

[1] На следующий день, 22 февраля, Перелешин писал: «Всё еще задумываюсь о внутреннем смысле исчезновения визы. Может быть, надо было, чтобы я и П. отвыкли друг от друга больше? Но кому и зачем это надо? Если это было таким злом, то как с самого начала оно было допущено? Если поездка все-таки состоится, я сразу телеграфирую тебе из Пекина о прибытии. <…> Очень беспокоит меня и огорчает отсутствие писем от П. Это тоже очень больно. Мы прожили в самом тесном общении два с половиной года, которых не вычеркнуть. Чья вина, что я таков, что я полюбил не там, где дозволено? Ничья, если только не моя собственная — где-то в другой, прежней жизни. И ведь это почти закон природы, что всякой одаренности сопутствует что-нибудь в этом роде, что-нибудь странное, постоянный источник боли…» Поездка в Пекин не состоялась.

[2] Bad luck — невезение (*англ.).*

[3] «Брутовский» рубль считался талисманом игроков в карты. На рублевых банкнотах, выпущенных в России с 1898 по 1910 гг. стояла подпись кассира Брута. Проиграв крупную сумму в карты в 1914 г., он покончил с собой.

[4] Волин Михаил Николаевич (Володченко, 1914–1997) — поэт, прозаик. Участник «Чураевки». В Шанхае открыл школу йоги. В 1949 г. уехал в Австралию.

[5] О книге “Rosa Mystica” см. п. 13.

[6] Книга «Стихи на веере: Антология китайской классической поэзии» вышла в 1970 г. в Германии.

11

28 марта 1945

Дорогая мама,

вчера получил после очень долгого перерыва твое письмо от 25.2. Беспокоиться по поводу того, что почта так запаздывает, теперь не приходится: надо радоваться, что уцелело хоть такое, несовершенное, сообщение.

Бесконечно жаль, что деньги до тебя не дошли, т.е. что Т[1]. отказался платить за дочь. Вижу по твоему письму, что деньги были бы тебе очень кстати. Вообще я вижу, что здесь мы живем много лучше, чем тебе приходится жить. У нас тоже всё дорого, зато купить можно решительно всё. Правда, питаемся тоже средне, но к этому давно успели привыкнуть. Всё же не падай духом и жди с возможным спокойствием. Мы еще поживем хорошо и весело.

Затея с домом вполне разлетелась. М.П. умеет замечательно обрастать людьми — навьючила на свое иждивение невесту Марка и ее мать, и все наши деньги ушли на хлеб, тещины обеды и выкуп из ломбардов вещей этой старой бездельницы, которая не прочь еще поймать богатого иностранца или продать свою дочь подороже. Осталось у нас что-то около 30 тысяч, и никакого товара, кроме застрявшей в Пекине шерсти, которая в нормальное время не будет ничего стоить. Но и за то, что прожили на это столько времени, слава богу. Итак, извинись перед В.В. за новые беспокойства, которые опять я причинил ему. Будем ждать другого шанса.

Не стоит волноваться из-за книг — некоторое количество всегда пропадает. Зато я обеспечен книгами надолго. Сегодня послал в Пекин с одним уезжающим туда лицом 3 книги «Жертва» — для Софьи Михайловны, К.М. Карпинской и Фридлендеров. Кое-что послал и для П. «Жертвы» издано много. А все эти люди сделали мне много добра.

Меня слегка удивило твое замечание о «производстве в игумены». Разве ты не видишь еще, что всё это у меня вообще кончено[2], что нисколько не интересуют меня пустые звания, да и вся эта профессия в целом. Сейчас формальная принадлежность к этой касте лжецов и интриганов дает мне некоторые преимущества, вот и всё. А служение литургии доставляет мне чисто эстетическое удовольствие наряду с хорошими стихами, китайскими иероглифами и красивыми цветами, вещами и лицами. Как только одежда станет мне на дороге к радости, я освобожусь от нее. Часть не может быть больше целого. Красота литургии — не единственная красота. Я рад, что необеспеченность шанхайской жизни научила меня быть самостоятельным и верить только в свою энергию. От Иоаннов, Викторов и прочих я ничего не ищу.

Очень огорчило меня твое суждение о П. То, что было, забыто быть не может. Там я имел верность и радость. У тебя другой взгляд на вещи — тоже правильный, но не обязательный для всех. Женитьба и производство младенцев — это почему-то представляется всем женщинам идеалом жизни. Но ведь я давно сделал свой

выбор — предпочтя этому «курятнику» свободу, которая дала мне образование, развила мой скромный поэтический дар, позволила мне путешествовать (и еще позволит), обогатила меня многими эмоциями и наслаждениями. Это следует понять раз и навсегда. Я надеялся, что, когда странствовать будет легко и дешево, я сразу заеду в Пекин, а затем в Харбин вместе с П. Не знаю, насколько это осуществимо. Ведь не от меня одного зависит всё дело. И многое может измениться — не во мне. Теперь вижу, что надо еще принять во внимание твое несочувствие.

А в том, что жизнь дана для радости и даже для того, чтобы «куролесить», ты глубоко права. Но и радоваться и куролесить я хочу по-своему.

Стихов за это время не написал. Нет впечатлений, сердце обросло корой. Только читаю много и с увлечением. Нигде не бываю — это тоже бессмысленно. Как вспомню, что свет в 10 часов прекратится, тотчас бросаюсь работать. Занимаюсь китайским, преподаю. Всё это занимает ум, но сердце томится о радости, особенно весной, когда такое высокое и легкое небо, когда солнце сияет над чистеньким парком, который виден из моего окна, когда на каждом шагу встречаются сотни прекрасных лиц и тел. Хочется бродить над сонным озером, дышать запахом сосен, любоваться очертаниями смутно голубеющих Западных холмов, слушать спокойную, мелодичную речь, а издали — звуки хуцини… Но в Бэй-гуане произошло столько перемен, что сейчас, если бы и мог, туда не поехал ни за что. Надо ждать и надеяться на будущее, еще не очень близкое, но всё же реальное.

Да хранит тебя Господь. Привет Владимиру Васильевичу и всем родным и друзьям. Твой сын И.Г.[3]

<Приписка в конце:> Того же дня, вечером: …По-видимому, дело с дипломом не разрешится в благоприятном для меня смысле, и за это время Милетий[4] умрет. Что же, значит, это судьба. Начну строить свою жизнь заново еще раз. Кстати, наступит мирное время, откроются все дороги… Может быть, к Вите уедем оба. Здесь оставаться, конечно, будет слишком тяжело… Валерий[5].

---

[1] Имеется в виду, видимо, отец Ольги Тельтофт — Я. Тельтофт, который жил в Харбине. Перелешин, избегая переводов почтой, одолжил деньги его дочери, жившей тогда в Шанхае, с тем, чтобы Я. Тельтофт вернул долг в Харбине — матери Перелешина. См. об этом п. 8.

[2] Перелешину никак не хотели выслать из Харбина с Богословского факультета диплом кандидата богословия, хотя защита давно состоялась. Требовали бесконечных переделок. В письмах к матери он не раз возвращается к этой теме. Так, 16 июля 1945 г. он писал: «Факультетские новости не причиняют мне боли, но чувство отдаленности от этих людей и их организации всё растет. Если какой-

то рычаг вдруг не перевернет всего этого дела, то я уйду, непременно уйду. <…> Черновики сочинения остались в Пекине, но у меня здесь есть копия, переплетенная и присланная тобою. Однако ничего переделывать я не буду. И.И. <Костючик> имеет право выпустить те места, которые ему кажутся неуместными, но в общем и целом работа остается такой, как есть. Но только встречать сейчас всех этих негодяев и делать вид, что ничего не случилось, мне было бы трудно. <…> Никакой эвакуации не происходит. Выехать отсюда всё так же трудно и дорого. Уехали только русские охранники и их семьи, больше ни о ком не слышно. Вообще страшно много ходит всяких слухов, преимущественно вздорных. Всё не могу застать дома издателя, а уже и “Стихи на веере” готовы к печати. Как славно было бы, если бы книги вышли поскорее! Поэт даже может гордиться теми преследованиями врагов, которые выпадают на его долю из-за поэзии. А ведь стихи — главная причина злобы “архисволочи” Димитрия Вознесенского и его приспешников». В своих бедах Перелешин винил епископа Димитрия Хайларского (в миру Н.Ф. Вознесенский, 1871–1947), который был председателем правления Богословского факультета в Харбине. Убедившись, что диплом получить не удастся, Перелешин был готов снять монашеский сан.

[3] Дополнение, сделанное вечером, подписано уже «Валерий», как и все последующие письма.

[4] Милетий (в миру Михаил Васильевич Заборовский, 1868–1946) с 1931 г. был митрополитом Харбинским и Маньчжурским.

[5] Подпись «Валерий» вместо «Иеромонах Герман» характерна: это был мой «час великого презрения». (*В.П.*)

12

29 апреля 1945
Вербное воскресенье

Дорогая мама,

да, конечно, «отход» мой и сейчас еще находится в стадии внутренней. Но то, что внутри, осознается постепенно, и я всё больше и больше тоскую о свободе и любви. Правда, за время великопостное я опять стал тоньше и подумал не раз о том, что отказаться от всей этой красоты у меня едва ли станет сил. Большие соблазны вырастут на моем пути в ближайшие три года (это остаток веры в астрологию). Надо просто запомнить крепко, что, несмотря ни на какие соображения, от избранного пути нельзя отказываться совсем. Пока что придется совмещать небо с грязью и ждать того времени, когда «станет кровь холодноватой» и окончательный взлет станет возможным. И вот я возвращаюсь к мысли и благодарному воспоминанию о П. За это чувство, даже за тень его, я буду цепляться. Все мои расчеты на будущее строятся так, что П. непременно входит в них. Между П. и отъездом моим из Пекина нет никакой связи. Одной из причин была моя ненасытность. Другие люди, а не П., повредили мне. Но была и намеренная интрига; была целая партия, которой сначала о. Нафанаил, потом о. Авраамий (тоже уже покойный) и я сильно мешали. После нашего поочередного удаления архиепископ оказался пленником и пешкой в руках этой партии. Договорить я и сейчас не могу. Подожди еще.

Действовала судьба. В Пекине я свернул бы себе шею (и теперь снова рукой вора был я удержан, но воля проявилась тут иная — повыше). А здесь я в тени и проживу до конца тревожного периода. Многому я научился и в свои силы верить стал. И у тебя, и в монастыре, и даже в Бэй-гуане все-таки всё было готовое, хотя бы и не в достатке. А вот за истекший апрель мой доход составил $41 тысячу. Из них только в начале месяца 6000 взял я как дивиденд от шерсти. При изменившихся отношениях с М.П. не считаю возможным брать от нее что-либо. Совершенно неожиданно мне дали перевести с английского мистическую статью японского автора и заплатили за это $10 тысяч. В мае будут пасхальные доходы — проживу.

Словом, за меня не бойся: еще долго деньги будут мне идти, хотя и не шалые, а трудовые. Но ведь трудовые и вернее.

Вчера с М.П. был страшный скандал… Всё это характеризует тот тупик, в который зашла наша некогда уютная дружба. И сейчас, когда я оглядываюсь на прошедшие пять лет, мне кажется, что они были сплошь черные, хотя были и стихи, и хорошие книги, и астрология, и просто мирные вечера. Увы, умерло всё это. Свобода дороже всего. Ни за какие удобства и перспективы будущего обогащения, славы или чего угодно я не стану носить ярмо. А здесь от меня требовали беспрекословной покорности и слепого доверия к чьим-то прорицаниям, снам и выдумкам. Я согласен верить им вполовину, но никогда не хотел, чтобы доверие это меня к чему-либо обязывало.

Расхождение началось из-за П. еще перед вторым отъездом в Харбин (два дня спустя после начала русско-немецкой войны). Во все дни перед отъездом М.П. преследовала меня слезами и сценами. Довела до такого состояния, что две службы я проплакал насквозь. Проводить меня М.П. не пожелала прийти…

От имени Господа Бога мне было предречено, что диплом мой будет аннулирован, и значок с меня снимут. Всё это вздор полный. Вся теория построена на том, что я нечто, вроде «мистического» супруга М.П., что мы созданы друг для друга, что и в гороскопе у меня ясно обозначено, что иной жены, кроме М.П., у меня быть не может. Но можно ли с этим считаться серьезно? Есть простые и очевидные факты: М.П. страшно утомляет меня…

Завтра рано утром служу в своей церкви литургию преждеосвященных. Началась Страстная неделя. Дела будет много — службы, исповеди, приготовления к Пасхе. И уроки надо давать, и вообще, совмещать Бога и маммону. Всего доброго, дорогая моя. Не говори мне больше о «курятнике» — это бесполезно. Кроме П. я никого не хочу… Твой сын Валерий

13

22 августа 1945

Дорогая мама,

С удовольствием прочел вчера в газете, что харбинская шпанка (Власьевский, Родзаевский, Матковский[1] и другие прихвостни) бежала. Уверен, что далеко не убегут и там или здесь, чуть раньше или чуть позже, а получат справедливое наказание за то, что торговали русскими головами. Кое-кто из них уже попался в Хайларе. Думаю, что и тяньцзин-пекинская сволочь изловлена.

Сообщи, когда прояснится вопрос об изданиях.

24 августа

Видишь, как вяло пишется письмо — это оттого, что месяц уже, как нет от тебя писем, и оттого, что не знаю, когда это письмо до тебя доберется.

За это время перевел несколько китайских рассказиков — миниатюр писателя Ло Хуа-шэн[2]; они привели меня в восхищение. Заказ делало то издательство, где служит Ник. Ал. Щеголев; пока ничего не прошло, и не знаю, пройдет ли. Но одно издание почти подготовлено к выходу в свет, там пойдет моя статья и одна-две миниатюры.

Отца Ник. Ал. зовут Александр Владимирович. Но однофамильцев у них очень мало. Сейчас, ввиду изменившейся обстановки, Н.А. очень хочет возобновить переписку с родными[3].

Сегодня после длительного перерыва соберется наша «Пятница». Будем обсуждать перспективы изданий. Прочту своего «Пеликана». Кстати, мистические стихи изыму из книги «Южный дом»; они когда-нибудь составят книгу “Rosa Mystica”[4]. «Южный дом» отчетлив и без этих стихов. «Стихи на веере» тоже доведены до конца, больше ничего добавлять не нужно.

Письма, которые были тебе посланы и о которых не знаю, дошли ли они?..

Да хранит тебя Господь. Привет дорогому В.В. Твой сын Валерий.

---

[1] С 9 августа по 2 сентября 1945 г. в ходе Советско-японской войны советскими войсками и их союзниками проводилась Маньчжурская операция по освобождению Маньчжурии от японских войск. Советские войска, преодолев горы Большого Хингана, отрезали Квантунскую армию от японских войск в Северном Китае. 6 августа на Хиросиму, 9 августа на Нагасаки США сбросили атомные бомбы. 14 августа император Японии издал указ о капитуляции. 18–20 августа 1945 г. Красная Армия вошла в Харбин. В результате из Харбина бежали высшие чины прояпонских политических организаций: К.В. Родзаевский (1907–1949) — лидер Всероссийской фашистской партии (ВФП), генерал-майор Л.Ф. Власьевский (1884–1946) — председатель Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) с 1944 г. до августа 1945 г., М.А. Матковский (1903–1968) — один из

заместителей председателя. 2 сентября Япония подписала акт о капитуляции, что привело к окончанию Второй мировой войны.

[2] Ло Хуа-шэн (наст. имя Сюй Ди-шань, 1893–1941) — китайский писатель.

[3] Н.А. Щеголев долго не получал писем от родителей из Харбина и просил Е. Сентянину узнать их адрес.

[4] Книга под таким названием не вышла; возможно, намеченные для нее стихи частично вошли в книгу «Качель» (1971).

14

27 января 1946

Дорогая мама,

Последнее письмо мое отправлено тебе 27 октября. Так как за всё это время я не получил от тебя ни слова, то ты легко представишь себе, в каком грустном состоянии я нахожусь. Правда, я знаю, что с Севером нет никакого сообщения и писем не получает никто. Но тем не менее очень тяжело обходиться без твоих писем после того, как мы переписывались часто и обстоятельно.

Если письма мои ты получила, то новостей у меня, собственно говоря, немного. Но я боюсь, что и до тебя мои письма не доходят, хотя почта безотказно принимала их и выдавала квитанции. В таком случае ты еще, может быть, не знаешь, что я имел одно письмо от Юры и два от Вити, причем замечательным совпадением было то, что одно из них пришло в канун Нового года, а другое — в канун твоих именин. Обо всем этом я писал тебе, но пишу снова на тот случай, если письма пропали.

Витя вышел из армии сразу после победы над Японией. Кажется, на фронте он не был: после трех лет его перевели с Аляски во внутренние штаты. В момент выхода из армии он находился в Калифорнии, так что, естественно, остался в Сан-Франциско, где поселился у Олега Воробей. Но затем дядя Олега продал дом, и Витя с Олегом разъехались. Найти комнату было делом столь же трудным, как в Шанхае, но Витя пишет, что снимает полкомнаты за ширмой. Это печально, но зато службу он нашел очень легко, и в данное время служит чертежником в Пасифик Электрик энд Газ Компани. Юра пишет, что это колоссальное предприятие. Жалованье получает настолько хорошее, что, как сам Витя пишет, если бы ты и я приехали к нему и не могли ничего заработать, то он мог бы нас содержать. Твое присутствие было бы в особенности желательно, так как за время войны от одиночества и беспокойства нервная система Вити еще более расшаталась, и теперь он боится уличного движения, шума и многолюдного общества. На всякий случай я написал ему, чтобы он хлопотал для нас документы, а сам собираюсь навести нужные справки здесь. Без тебя не хотел бы так далеко забираться,

но, подождав несколько месяцев, пожалуй, поеду повидаться с Витей. Конечно, мое присутствие не заменит для него тебя, но все-таки я свой человек и, может быть, могу быть ему полезен.

Работаю я по-прежнему для Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) переводчиком с китайского. Перевел за это время дикое количество передовиц и статей по вопросам политики, права и экономики. Кроме того, перевожу помаленьку большую книгу — биографию Чжан Кай-ши[1]. Эта работа очень интересна, и от нее я всё больше становлюсь ученым специалистом синологом. Бесконечно радуюсь этому, тем более что на получаемое жалованье вполне могу жить. Нынче даже печкой обзавелся и топлю ее дровами, так что у меня тепло и не надо бегать с термосом за кипятком. В случае поездки к Вите место останется за мной, так как я далеко не решил еще вопроса о переселении и пока думаю о кратковременном визите в США. Всегда жалею, что в 1942 году, когда я звал тебя к себе в Пекин, ты побоялась ехать. Мы избежали бы теперешней разлуки, и ты была бы уже на пути к Вите.

Литературные занятия мои продолжаются, хотя за эти полгода написал я довольно мало. Тормозит то, что книга «Южный дом» уже совсем подобрана, и даже бумага есть, а печатать невозможно — страшно дорого. Всё же сборник нашего кружка «Пятницы» будет издан[1]. Недавно мы устраивали закрытый вечер в одном кафе; собралось человек 120, в том числе секретарь советского консульства Исаенко, чины посольства в Чунцине, представители советской и иностранной прессы. Это был большой успех с общественной точки зрения, да и чистый доход наш выразился в 150 тысяч фа-би. Теперь мы устроим еще предварительную подписку на книгу, и дело можно будет считать сделанным…

Когда только кончится весь этот ужас разлуки и тревоги, вся эта пытка одиночества и бессмысленности существования «ни для кого»! Твой сын Валерий.

---

[1] Видимо, перевод книги о Чан Кайши не был закончен.

[2] Сборник стихотворений «Остров» вышел в том же году.

Литература

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. — *Валерий Перелешин*. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. 275 с.

References

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. — Valerii Pereleshin. *Dva polustanka.* Vospominaniia svidetelia i uchastnika literaturnoi zhizni *Kharbina* и *Shankhaia* [Two railway stations. Memoirs of the witness and participant in the literary life of Harbin and Shanghai], ed. in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. 275 p. (In Russ.)

“I ended up in this gray and uninteresting city…”: From Valery Pereleshin’s Shanghai letters to his mother, 1943–1946

© 2019, Olga Kuznetsova

Abstract: This publication presents wartime letters written in Shanghai by Russian émigré poet Valery Pereleshin to his mother in Harbin. Their family arrived to Harbin in 1920 with the wave of refugees from Russia. There, Pereleshin graduated, published his first books of poetry, and took monastic vows. When Harbin was occupied by the Japanese Army, he left it for the Russian Orthodox Mission in Beijing. In Beijing Pereleshin met his love and wrote many lyrical poems about Chinese nature. In 1943, Pereleshin was transferred to Shanghai. There he conducted church services at the Cathedral. All these years, his mother remained in Harbin. In his letters, Pereleshin tells his mother about difficult life of Russian emigrants in occupied Shanghai during Sino-Japanese War, about his difficult relationship with the Harbin monastic community, and about his friends. The main theme, passing almost through all of his letters, remained the subject of his poems. He continued writing. In Shanghai Pereleshin's Harbin friends met again. Many of them were former participants of the poetic association “Churaevka” in Harbin. In Shanghai they created a new literary association and named it “Pyatnitsa” (“Friday”). On Fridays, the poets gathered in the rebuilt garage to read and discuss their new poems. These works were included in the collection “Ostrov” (“Island”) published in Shanghai. Pereleshin and his mother left China for Brazil in 1953. In Brazil, Pereleshin released new books of poetry, wrote memoirs about Harbin and Shanghai, made translation, and was engaged in active correspondence.

Keywords: letters, emigration, literature, Harbin poets, literary association “Churaevka”, a collection of poems, Russian Orthodox Mission in Beijing, a poet-monk, “Russian Shanghai” of the 1940s, literary association “Pyatnitsa”

Information about the author: Olga Kuznetsova**,** PhD, Leading Research Associate, Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: oliaol.555@gmail.com

Citation: Kuznetsova Olga. “I ended up in this gray and uninteresting city…”: From Valery Pereleshin’s Shanghai letters to his mother, 1943–1946. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 145–179. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-145-179

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-180-227
УДК 821.161.1

«В Москве не с кем говорить о Лермонтове»: Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума

© 2019, А.С. Крюков, Н.А. Тархова

Аннотация: Переписка Эммы Григорьевны Герштейн (1903–2002) и Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959) впервые вводится в научный оборот и важна как для характеристики личностей и научных методов этих ученых-филологов, так и для дополнения истории отечественного литературоведения советского периода. Переписка, продолжавшаяся больше двадцати лет, является собой интересный документ, в котором отразились многие стороны жизни его авторов, прежде всего их глубокий научный интерес к жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова. Переписка знакомит со многими обстоятельствами жизни ее участников, содержит сведения о событиях научной жизни Москвы и Ленинграда, о коллегах-филологах, о подготовке к изданию книг и статей, о работе над выставками и о знакомстве с архивами прошлых лет. Письма Э.Г. Герштейн обнаруживают, как постепенно происходило становление глубокого исследователя творчества Лермонтова, шедшего своим путем в филологии и имевшего собственный исследовательский голос. Совокупность фактов, событий, отдельных черт давала ей возможность реконструировать многие реалии творческой жизни Лермонтова, по-новому трактовать содержание произведений, уточнять даты, прояснять отношения с людьми. Как правило, Герштейн обращается к Эйхенбауму с вопросами и проблемами, касающимися ее работы над лермонтовской темой, письма Эйхенбаума носят, за немногими исключениями, ответный характер.

Ключевые слова: Э.Г. Герштейн, Б.М. Эйхенбаум, история литературоведения, М.Ю. Лермонтов, «кружок 16-ти».

Информация об авторах: Александр Самуилович Крюков, д.ф.н., профессор, ВГПУ, Воронеж, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Надежда Александровна Тархова, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: speranza09@yandex.ru

Цитирование: *Крюков А.С., Тархова Н.А.* «В Москве не с кем говорить о Лермонтове»: Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 180–227. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-180-227

Переписка Эммы Григорьевны Герштейн (1903–2002) и Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959), двух замечательных ученых, продолжалась больше двадцати лет, с 1936 по 1959 г. Это интереснейший документ, в котором отразились многие стороны жизни его авторов, прежде всего — их глубокий научный интерес к жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова.

Как всякая переписка, это документ времени, и внимательный взгляд сумеет различить в сдержанных и, казалось бы, сугубо информативных, не выходящих за пределы обсуждаемой темы посланиях многие черты российской жизни, достаточно сложной и драматичной.

Переписка дает представление о личностях ее участников, знакомит со многими обстоятельствами их жизни, почти всегда нелегкой, а временами очень жестокой, содержит сведения о событиях научной жизни Москвы и Ленинграда, о коллегах-филологах, о подготовке к изданию книг и статей, о работе над выставками и знакомстве с архивами прошлых лет. Но прежде всего переписка представляет авторов в научном общении, и этот ее центральный аспект особенно интересен.

«Ведет» в переписке Эмма Григорьевна: она ее начала, ей принадлежит вдвое больше писем, она в переписке поначалу «ученица». Как правило, Герштейн обращается к Борису Михайловичу с вопросами и проблемами, касающимися ее работы над лермонтовской темой; письма Эйхенбаума носят, за немногими исключениями, ответный характер.

Отношения ученых двух поколений, старшего и младшего, ученика и наставника, раскрываются в письмах очень содержательно и симпатично: помощь и заботы со стороны старшего, любовь, почтение и благодарность в ответ. Письма Герштейн обнаруживают, как постепенно, год за годом, от одной работы к другой происходит становление интересного исследователя творчества Лермонтова, идущего своим путем в филологии, обретающего собственный исследовательский голос.

С другой стороны, переписка освещает достаточно драматичную и грустную картину того, как трудно складывалась судьба Герштейн-ученого. Ее ощутимое одиночество среди московских филологов и в научном мире вообще, неудача с защитой диссертации, сложности при издании книг, неосуществившееся желание переехать в Ленинград и работать в Пушкинском Доме — всё это становится вполне внятным из ее писем. В ее судьбе письма Эйхенбаума значили очень много: они постепенно утрачивали свой наставнический,

хотя всегда дружеский, тон и становились письмами собеседника и заботливого друга, обсуждающего на равных интересующие обоих научные темы, приходящего на помощь в критических ситуациях.

Когда в декабре 1935 г. состоялась их встреча, Борис Михайлович уже давно был маститым и знаменитым ученым, одним из основателей русской формальной школы, автором более десяти книг, посвященных теории и истории литературы («Мелодика стиха», «Сквозь литературу», «Теория формального метода», «Литература. Теория, критика, полемика») и творчеству отдельных писателей — Л.Н. Толстого, А.А. Ахматовой, Н.С. Лескова, О. Генри, М.Ю. Лермонтова, причем интерес к Толстому и Лермонтову в его ученых занятиях преобладал. Он был тогда сотрудником Пушкинского Дома и профессором Ленинградского университета.

Эмма Григорьевна жила в Москве довольно трудной жизнью. «Не вписавшись в эпоху», она после окончания университета не имела постоянной и интересной для себя работы, служила в разных учреждениях, часто подвергалась сокращениям, временами бедствовала. С середины 1930-х гг., работая по договору, разбирала рукописные фонды Литературного и Исторического музеев, а позже и Рукописного отдела Библиотеки им. Ленина. Она начинала заниматься творчеством Н.С. Гумилева, своего любимого поэта, но скоро поняла, что исчерпала все доступные возможности: книги и статьи были прочитаны, а получить архивные материалы в силу известных причин было невозможно.

Знакомство со статьей Эйхенбаума «Основные проблемы изучения Лермонтова»[1], в которой автор обозначил все «белые пятна» биографии писателя и наметил совсем новые, нетрадиционные пути в изучении его творчества и жизни, подвигло Герштейн обратиться к ученому.

При встрече Борис Михайлович предложил Эмме Григорьевне заняться одной из совсем не исследованных тем биографии Лермонтова. Позднее в «Мемуарах» Э.Г. писала об этом событии, кардинально изменившем ее жизнь: «<Эйхенбаума> не смутила моя неискушенность в исследовательской работе, не отпугнуло отсутствие у меня навыков библиографической работы. Он сразу предложил мне заняться розысками материалов о “кружке шестнадцати”, участником которого был Лермонтов. Кроме самого этого факта, о “шестнадцати” ничего больше не было известно. “Как же к этому подступиться?” — сомневалась я. “Очень просто: вначале нужно по-

[1] Литературная учеба. 1935. № 6.

копаться в именных указателях ‘Русской старины’, ‘Русского Архива’, ‘Исторического вестника’ и т.п. изданиях, затем сделать выборки из ‘Библиографического словаря’, а там пойдет само”, — любезно объяснил Борис Михайлович»[2].

Начавши почти с нуля, Эмма Григорьевна собрала материал, который не только давал представление о «кружке шестнадцати» как реальном сообществе молодых петербуржцев конца 1830 — начала 1840-х гг., но и позволил считать участие в нем Лермонтова существенным фактом его биографии. Переписка открывается письмом, в котором Герштейн «отчиталась» за первый месяц работы над темой, и отчет впечатляет: это список прочитанных и просмотренных статей в периодических изданиях на 11 страницах.

А через два года собранные материалы давали достаточное представление о людях, составивших «кружок шестнадцати», и Эмма Григорьевна предложила сделать их достоянием лермонтоведов, т.е. выступить перед ними с сообщением о своей работе. Два ее доклада о «кружке шестнадцати» в Москве (ИМЛИ, май 1938 г.) и в Ленинграде (Пушкинский Дом, январь 1939 г.), состоявшиеся по рекомендации Эйхенбаума, положили начало ее пути в литературоведении.

И дальше, на протяжении многих лет, она подробно рассказывает в письмах Борису Михайловичу о своих работах и публикациях, поисках и находках архивных материалов, открытиях в биографии Лермонтова, замыслах статей и книг, работе над диссертацией, которую так и не удалось защитить, участии в подготовке лермонтовских томов «Литературного наследства» и юбилейной Лермонтовской выставки в 1941 г. Письма ее носят доверительный характер: очевидно, что участники переписки близки по научным воззрениям и по-человечески сочувствуют друг другу в понимании многих явлений современной им научной жизни. Особое место занимают в переписке отзвуки войны, ленинградской блокады, связанные с ними человеческие трагедии.

Весьма существенное значение переписки заключается в том, что она дает нечастую возможность следить за становлением ученого на протяжении нескольких лет. Письма Герштейн постепенно, шаг за шагом, письмо за письмом, раскрывают ее подход к анализируемому материалу, дают наглядное представление о методе ее работы. Она не одно десятилетие занималась биографией Лермонтова, и ее исследовательские навыки складывались именно в этой работе. Ей всегда было необходимо иметь правильное и, по возможности,

[2] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 226.

полное представление об эпохе и об окружении своего героя, знать в подробностях жизнь тех, о ком пишет, представлять их характеры, привычки и интересы. Совокупность фактов, событий, отдельных черт давала ей возможность реконструировать многие реалии творческой жизни Лермонтова, по-новому трактовать содержание произведений, уточнять даты, прояснять отношения с людьми.

Некоторое представление о ее подходе к материалам и документам прошлого дает, к примеру, письмо от 27 мая 1939 г., в котором содержится сообщение о найденных ею мемуарах кн. М.Б. Лобанова-Ростовского. Подвергая документ достаточно критической оценке, отдавая себе отчет в том, что существенного о Лермонтове и его круге этот мемуарист сумел рассказать мало, Эмма Григорьевна, тем не менее, и в этих воспоминаниях обозначает достаточно полезный для своей работы слой информации: «Если напечатать эти воспоминания в виде связного повествования, то получится документ эпохи, из которого мы извлечем много сведений об окружении Лермонтова, о Васильчикове, Монго, Кс<аверии> Браницк<ом> и почти всех уч<астниках> “кр<ужка> 16”, вплотную подойдем к нравам петербургской молодежи, что важно и для оценки поведения Лермонтова на обоих <sic!> дуэлях».

Почти каждая новая статья Герштейн поражала читателей глубоким проникновением в прошлую российскую жизнь, обилием привлеченного материала, оригинальностью его подачи и трактовки. Вот что писал К.И. Чуковский по прочтении статьи о неизвестной рукописи А.В. Дружинина[3]: «Я в восторге от Вашей статьи: умная, тонкая, свежая. Я уже не говорю о материале: материал первоклассный — но ведь другой Лермонтовед подал бы его топорно, уныло, бездарно. У Вас каждая строчка как в раме — изящная, прочная.

Весь Ваш комментарий — классический, и я готов сказать, что он даже интереснее и ценнее, чем самый материал. Какой Вы однако молодец! Прелестна характеристика Дорохова, хорошо об А.В. Дружинине, и я лучше других знаю, сколько скрыто за этой легкой (с таким свободным дыханием) статьей — каторжного труда и эрудиции»[4].

Этот подход к исследованию сохранялся у Э.Г. всю жизнь — в статьях об Ахматовой и Гумилеве, о Мандельштаме и Пастернаке, в многочисленных статьях и книгах о Лермонтове и о гибели Пуш-

[3] Новый источник для биографии Лермонтова. Неизвестная рукопись А.В. Дружинина / Статья и публ. Э.Г. Герштейн // ЛН. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. М., 1959. С. 615–644

[4] Письмо от марта 1958 г. // ОР РГБ. Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 36. Л. 6–6об.

кина… Хочется сослаться еще раз на Чуковского, так чутко воспринимавшего те новые приемы и качества, что привнесла Э.Г. в свою исследовательскую работу. После выхода из печати статьи «Вокруг гибели Пушкина»[5] Чуковский писал Э.Г.: «Статья Ваша — чудесный комментарий к лермонтовскому “На смерть поэта”. Вы первая указали точный адрес этого стихотворения. Вообще Ваш исследовательский дар (Ваше великолепное умение проникать в самые недра старинных событий) здесь развернуто с необычайной силою. Каждая страница нова и нельзя не восхищаться искусством, с которым Вы дознаетесь, кто такой “Бархат” или разрушаете легенду Строганова. Ваша сверка дневников Александры Федоровны с ее письмами к Бобринской — торжество Вашего научного метода.

Вообще статья Ваша — событие. Ни одна работа, посвященная Пушкину и Лермонтову, не может обойтись без нее. Весь колоссальный и кропотливый Ваш труд остался за кулисами, а на сцене — изящный и легкий очерк, стоющий многих томов»[6].

Цитаты из писем К.И. Чуковского, посвященные статьям Герштейн, как бы завершают «сюжетную линию» чрезвычайно содержательной и интересной переписки с Эйхенбаумом, в которой наряду со многими перечисленными выше качествами необычайно полно и подробно отражен процесс развития и становления одного из интереснейших и оригинальных филологов прошлого века.

22 письма Герштейн хранятся в РГАЛИ (Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 380; Оп. 2. Ед. хр. 127), 12 писем Эйхенбаума — в ОР РГБ (Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 37).

Переписка Э.Г. Герштейн и Б.М. Эйхенбаума (1936–1959)

1. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 11 января 1936 г.

Уважаемый Борис Михайлович!

Прошел месяц после разговора нашего с Вами о моей работе над Лермонтовым[1]. Я была трудолюбива, но толку как будто бы мало. Ничего нового я не обнаружила.

Мною обследовано большинство опубликованного материала, указанного в различных источниках на интересующих нас лиц, отдельно просмотрен «Русский Архив» и «Исторический Вест-

[5] Новый мир. 1962. № 2. С. 211–226.

[6] ОР РГБ. Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 36. Л. 8–8об.

ник», «Критическое обозрение» за несколько лет (смотрела статьи о Лермонтове, упоминания имен известных нам членов «кружка 16-ти»[2], воспоминания кавказцев). Я не трогала еще «Русский Вестник», «Голос» и др., к сожалению, они не имеют систематических указателей.

Я считаю, что такая обследовательская работа мною только начата, но параллельно мне хотелось бы уже пощупать и архивы. Ведь прежде чем я смогу с уверенностью сказать, что мною исчерпан весь печатный материал, пройдет очень много времени, а между тем архивы могли бы, вероятно, и до этого многое разъяснить и вскрыть. К тому же в процессе работы возникают разные догадки, хотелось бы их тут же проверять поглубже.

Прежде всего я хотела бы, конечно, найти основное — дневник Ю.Ф. Самарина[3], — он должен сохраниться в «Семейном Архиве Самариных». Несомненно, он сейчас находится в одном из московских архивов.

Хотелось бы мне разыскать ненапечатанный «Голосом» в 1866 г. ответ Гагарина Самарину на его полемические статьи в «Дне». Я почти уверена, что в этом ответе должны быть какие-нибудь намеки на личные взаимоотношения.

Обо всех интересующих нас лицах я за неимением другого находила сведения об их родовых имениях, семьях, местах погребения, по возможности, наследниках, чтобы по этим следам находить, где может находиться их переписка, если таковая имеется. Стараюсь находить фактические биографические сведения — где, кто, когда находился. Для нас неудобно только то, что некоторые из них жили долго, а с Лермонтовым сталкивались в ранней юности.

На всякий случай, посылаю Вам сводку сделанного мной[4], может быть, какие-нибудь детали окажутся для Вас интересными, но я думаю, что всё мною прочитанное Вам знакомо, а многого не хватает. В дальнейшем я пришлю Вам полную библиографию.

Не откажите в любезности сообщить мне Ваше мнение, то ли я делаю, что нужно, и посоветуйте мне, что делать дальше. Если Вы не раздумали, пришлите мне, пожалуйста, записки в архивы и в Литературный музей (переехавший в новое помещение), как Вы мне обещали при нашем свидании.

С приветом
Э Герштейн
11/1–1936 г.
Москва, 54, Щипок, д. 6/8, кв. 67
Эмма Григорьевна Герштейн.

P.S. Организуемый институт литературы им. Горького[5] тоже имеет уже архив, в частности, им на днях куплен большой иностранный архив, только не знаю какой.

---

[1] Встреча состоялась в декабре 1935 г. в Москве по просьбе Герштейн, в доме Мандельштамов (см.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 225–226). Своеобразный отчет Э.Г. о своей работе объясняется тем, что именно Б.М. при знакомстве предложил ей заняться разысканиями о «кружке шестнадцати», известном тогда в лермонтоведении только по названию.

[2] Содружество аристократической молодежи Петербурга, к которому в 1838–1840 гг. принадлежал Лермонтов; назван по числу входивших в него членов, однако не все их имена известны, достоверными считаются 11 имен: гр. К.В. Браницкий-Корчак (1814–1879), П.А. Валуев (1815–1890), кн. И.С. Гагарин (1814–1882), кн. Б.Д. Голицын (1819–78), кн. А.Н. Долгорукий (1819–1842), кн. С.В. Долгорукий (1820–1853), Н.А. Жерве (1808–1841), Ф.И. Паскевич (1823–1903), А.А. Столыпин (Монго) (1816–1858), бар. Д.П. Фредерикс (1818–1844), гр. А.П. Шувалов (1816–1876); возможно, членами кружка были кн. А.И. Васильчиков (1818–1881) и кн. Г.Г. Гагарин (1810–1893). Материалы о «кружке шестнадцати» опубликованы Э.Г. в статье: Лермонтов и «кружок шестнадцати» // Лит. критик. 1940. Кн. 9–10, сент.–окт. С. 222–249.

[3] Самарин Юрий Федорович (1810–1876) — философ, историк, публицист; встречался с Лермонтовым и оставил воспоминания о нем.

[4] К письму приложен «Список упоминаний о кружке шестнадцати в литературе» на 11 листах, сведения в нем приведены по персоналиям: Жерве, Фредерикс, А. Долгорукий, С. Долгорукий, Шувалов, Столыпин, Валуев, Гагарин, Самарин, Васильчиков (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 3–13).

[5] Современный Институт мировой литературы (ИМЛИ) РАН им. А.М. Горького в Москве.

2. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 1 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

До меня дошли сведения, что в Ленинграде под Вашим руководством при Институте литературы Акад<емии> наук[1] работают бригады по изучению Лермонтова. Меня кровно интересует — поставлена ли в план работ этих бригад проблема «кружка шестнадцати». Сделано ли что-либо новое по этому вопросу? Не найдете ли Вы уместным приведение в известность моих материалов? Мне кажется, что собранные мною фактические данные могут лечь в основу дальнейших исследований по этой теме. Я медлила с их публикацией, т.к. всё рассчитывала, что мне откроются другие архивы, благодаря которым я смогу сделать законченную, более насыщенную содержанием работу. Но мне — одиночке — почти невозможно заставить Центроархив[2] разобрать нужные фонды. Поэтому я отложила свою

работу до более благоприятного времени. Сейчас это время как будто наступает. В Литературном музее, например, готовят ряд выставок по Лермонтову и просят у меня сведений о «кружке 16-ти», чтобы использовать их на своих выставках. Это обстоятельство заставило меня подумать об опубликовании тех сведений, которые у меня имеются. К сожалению, мои материалы очень трудно оформить в цельную статью, поэтому мне пришло в голову: нельзя ли сделать мне сообщение у Вас в Ленинграде, озаглавив его «Некоторые новые данные о членах “кружка 16-ти”».

Когда я в прошлом году была в Ленинграде, Вы мне говорили, что А<кадемия> н<аук> (или соответствующая комиссия) могла бы меня вызвать для такого сообщения, если сочтет целесообразным выслушать мой доклад. Находите ли Вы это возможным сейчас?

Я позволяю себе беспокоить Вас, потому что мне кажется, что помещение моих материалов в каком-нибудь московском журнале гораздо менее целесообразно, чем деловое обсуждение их специалистами, непосредственно занимающимися Лермонтовым. Я очень надеюсь, что, несмотря на всю Вашу занятость, Вы сообщите мне Ваш ответ в ближайшем времени, а я пока займусь окончательным оформлением своих материалов.

Уважающая Вас

Э. Герштейн

Москва, 54. Щипок, д. 6/8, кв. 67.

P.S. Считаю уместным сообщить здесь некоторые сведения о себе. Я работаю в Отд<еле> рукоп<исей> Всес<оюзной> библ<иотеки> им. Ленина[3] по договору (разбираю и обрабатываю архивы С.М. Соловьева (историка)[4] и Елагиных[5]). Опубликовала в 1-м № «30 дней» 1938 г. письмо Некрасова к Соловьеву в статейке «Русская история в “Современнике” Некрасова». Включена в проект коллект<ивного> договора Лен<инской> библ<иотеки> (отд<ел> рукописей) с «Литерат<урным> наследством» на публикацию Герценовских материалов.

---

[1] Имеется в виду Пушкинский Дом, нынешний ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

[2] Центральное архивное управление СССР.

[3] Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ГБЛ), ныне Российская государственная библиотека (РГБ).

[4] Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) — историк, академик.

[5] Семья Авдотьи (Евдокии) Петровны (урожд. Юшковой, по первому мужу Киреевской, 1789–1877), и Алексея Андреевича (1790–1846) Елагиных.

3. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва. 1938, апрель?>.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

К сожалению, я несвоевременно узнала, что Вы были в Москве, и не успела Вас разыскать.

Я хотела Вас поблагодарить за оказанное мне внимание — указание на мою работу секции Лермонтова ин<ститу>та им. Горького.

Мое сообщение в Инст<итуте> им. Горького о результатах розысканий по «кружку 16» назначено на 9 мая[1]. Мне было бы очень важно и интересно, если бы Вы могли присутствовать на этом заседании, но не знаю, будете ли Вы опять в Москве.

Уважающая Вас

Э. Герштейн

Датируется на основании сообщения о дате доклада Э.Г. и ответного письма Б.М.

[1] В «Мемуарах» Э.Г. ошибочно называет датой своего выступления 9 апреля (*Герштейн Э.* Мемуары. С. 255).

4. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 4 мая 1938 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Простите, что так и не ответил на Ваше письмо по поводу Лермонтовской комиссии. Я колебался, п<отому> ч<то> у нас создалось какое-то критическое и настороженное отношение к вопросу о «кружке 16», а Ваш материал боковой. Очень рад, что Вы будете читать в Москве — это правильнее.

Очень жалею, что не смогу приехать: страшно занят. Я не пытался найти Вас, когда был в Москве, п<отому> ч<то> целые дни сидел на совещании и очень уставал.

Желаю Вам успеха!

Б. Эйхенбаум

5. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 27 декабря 1938 г.

Уважаемая Эмма Григорьевна!

Обращаюсь к Вам с деловым предложением. Не хотите ли Вы прочитать доклад в Лермонтовской комиссии Института Литературы о кружке 16? Я переговорил с администрацией Института: Вам будет оплачен проезд в оба конца. Если нужно, могут выслать Вам аванс.

Мы просили бы Вас приехать в январе, чтобы назначить собрание комиссии числа 20, 21 или 22-го. Какой день Вам удобнее? Можно немного позднее — 25 или 26[1].

Ответьте мне срочно (хорошо бы телеграммой или спешным письмом), согласны ли Вы, в какой день и нужно ли высылать аванс. Правильно ли будет озаглавить Ваш доклад «Друзья Лермонтова по кружку 16»?

Жду Вашего ответа.

Б. Эйхенбаум

Канал Грибоедова, № 9, кв. 48

---

[1] Доклад Герштейн «Лермонтов и кружок шестнадцати» состоялся в Пушкинском Доме 25 января 1939 г. См. приглашение на него, присланное Л.Б. Модзалевскому: «25-го января с.г. в Институте Литературы АН СССР (Тучкова наб., 2) состоится 12 заседание Лермонтовской комиссии ИЛИ. Порядок дня: Доклад Э.Г. Герштейн “Лермонтов и кружок шестнадцати”. Начало — ровно в 7 ч. 30 мин. веч.» (ОР РГБ. Ф. 641. Карт. 3. Ед. хр. 37. Л. 4).

6. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 27 мая 1939 г.

Уважаемый Борис Михайлович!

Мне удалось найти большую рукопись в 700 стр. — воспоминания одного из современников Лермонтова, приятеля гр. Гагарина, Браницкого, Сергея Долгорукова, Шуваловых и др.[1] Я предложила «Лит<ературному> наследству» опубликовать их в сокращенном виде в лермонтовском томе[2]. Ввиду того, что над этой рукописью требуется длительная работа (одна перепечатка ее займет месяц), я уже сейчас обращаюсь к Вам, как к редактору лермонтовского тома, чтобы получить Ваше принципиальное согласие на помещение такого рода материала в данном томе.

Недостаток этих воспоминаний в том, что они односторонни и поверхностны, написаны не для печати и изобилуют интимными подробностями. Достоинство то, что они безусловно достоверны.

Автор молодой человек княжеского рода, двоюродный брат Воронцовой-Дашковой[3], жил в Петербурге в 1830–40 гг. и на Кавказе с 1840 г. по 1846 г. Он пытается нарисовать портреты всех, с кем он

встречался. Ему удаются внешние портреты, но не удаются характеристики. Хотя он был приятелем Браницкого, Шувалова, Серг<ея> Долгорукова и др., он, по-видимому, плохо их понимал. Воспоминания написаны в такой манере, что выдержки из них теряют всякую ценность. Даже о Лермонтове, которому он посвящает 2 страницы, нельзя опубликовать отдельный отрывок. Если напечатать эти воспоминания в виде связного повествования, то получится документ эпохи, из которого мы извлечем много сведений об окружении Лермонтова, о Васильчикове, Монго, Кс<аверии> Браницк<ом> и почти всех уч<астниках> «кр<ужка> 16», вплотную подойдем к нравам петербургской молодежи, что важно и для оценки поведения Лермонтова на обоих <sic!> дуэлях. К сожалению, автор, хотя и бывал у Баранта[4], ничего не пишет о дуэли Лермонтова с Барантом. Но это объясняется, по-видимому, тем, что он был поглощен своей собственной глупейшей историей с неудавшейся дуэлью[5], в которой были его секундантами Ксаверий Браницкий и Петр Шувалов. Как видите, весь материал стоит рядом с Лермонтовым, и поэтому я думаю, что стоит его напечатать.

Сообщите, пожалуйста, Ваше мнение или мне или в редакцию «Лит<ературного> насл<едства>».

Уважающая Вас

Э. Герштейн

---

[1] Автор найденных Э.Г. воспоминаний (архивный адрес: ОПИ ГИМ. Ф. 174. Ед. хр. 5) — кн. Михаил Борисович Лобанов-Ростовский (1819–1858), который в 1838–1840 г. жил в Петербурге и был близок с членами «кружка 16-ти». Опубликовать мемуары полностью не удалось, Э. Герштейн использовала их в статье «Дуэль Лермонтова с Барантом» (ЛН. Т. 45/46: М.Ю. Лермонтов. II. М., 1948. С. 389–432) и более полно — в книге «Судьба Лермонтова» в главе «Лермонтов и кружок шестнадцати» (М.: Сов. писатель, 1964; изд. 2-е — 1986). Отрывок, напечатанный в сборнике «Лермонтов в воспоминаниях современников» (М., 1964. С. 252), подтверждает мнение Э.Г. о низких достоинствах этого сочинения.

[2] Речь о готовившемся к юбилею Лермонтова первом томе ЛН, ему посвященном (ЛН. Т. 43/44).

[3] По-видимому, гр. Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, урожд. Нарышкина (1817–1856).

[4] Эрнест Барант (Barante; 1818–1859) — атташе французского посольства в Петербурге, сын французского посланника барона А.Г.П. Баранта; дуэль его с Лермонтовым состоялась 19 февраля 1840 г.

[5] Речь о дуэли М.Б. Лобанова-Ростовского зимой 1839–1840 г. с кн. Львом Гагариным, которая не состоялась из-за доноса П.В. Долгорукого в III Отделение.

7. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 24 января 1940 г.

Уважаемый Борис Михайлович!

На днях поступит в продажу лермонтовский сборник Ленинск<ой> библ<иотеки> (Госуд<арственной> библ<иотеки> СССР им. Ленина): М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. (Соцэкгиз. 1939). Вероятно, Вы его получите. В нем помещена статья В.С. Нечаевой[1] «К истории текста стихотворения “Валерик”»[2].

В том случае, если Вы решите отвечать на эту статью, мне бы хотелось поделиться с Вами некоторыми своими наблюдениями и соображениями, возникшими у меня еще тогда, когда я собирала материал о Лермонтове и Самарине и обращалась к сочинениям и архиву Самарина. Может быть, эти материалы окажутся Вам полезными, если они не находятся у Вас под рукой.

В XII т. сочинений Самарина (М. 1911) на стр. 78 опубликовано письмо Самарина к Погодину[3], датированное редактором издания 1842 г<одом>: «…Князь Голицын привез с Кавказа стихотворение Лермонтова — описание дела с горцами под Валериком. Я выхлопотал его для “Москвитянина”».

Очевидно, до 1842 г. у Самарина не было этого стихотворения. Трудно предположить, чтобы Самарин не упомянул бы о нем в своем дневнике 1841 г. Как известно, здесь он подробно описал свои встречи с Лермонтовым: «Мы долго разговаривали, он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой[4]…», — после этого описание неожиданного прихода Лермонтова со «Спором». По-видимому, Самарин даже не знал, что дело, в к<оторо>м участвовали Лермонтов и Трубецкой, было при р<еке> Валерик. Рисунки были, поэтический рассказ был, стихотворение «Спор» было, а стихов «Я к вам пишу…», очевидно, еще не было. Не следует ли вообще его датировать 1841 годом?

Если бы Нечаева взяла XII том сочинений Самарина, то она бы прочла и то, что Лермонтов с Самариным «немало провел времени в Москве» (выражение Нечаевой) не «во время своего последнего путешествия с Кавказа на Север», а во время последнего проезда из Петербурга на Кавказ. В первый проезд через Москву в 1841 г. Самарин встретился с Лермонтовым у Россети[5] один раз. Незнание этой записи Нечаевой тем более удивительно, что в этом же сборнике в моей публикации неизданного отрывка из дневника Са-

марина (стр. 69) есть ссылка на напечатанную часть, а подлинник хранится в том же архиве Самариных в отд<еле> рукописей.

Очень жаль, что в «Сборнике» не помещены фотоснимки со списка «Валерик», с обложек списка и «Спора», с пометой «подарено автором», и с почерка Самарина. Тогда можно было бы проверить, действительно ли надписи сделаны рукой Ю.Ф. Самарина. Вернее предположить, что эти надписи, так же, как и обложки, сделаны кем-то из наследников Самарина. Очень важно также установить, чьей рукой сделан список, по утверждению Нечаевой, не писарской рукой. Не Голицыным ли? (Вероятно, кн. Валер<ьян> Мих<айлович> Голицын[6], декабрист, к<оторы>й, по свидетельству Лорера[7] в [1842 г.?], вернулся с Кавказа на родину и был в Пятигорске в июле 1841 г. («Из памятной книжки Е.И. Раевской». Рус<ский> Арх<ив> 1883. Т. 1. С. 211)[8]. А может быть, другой Голицын?

Может быть, черновой автограф подарен тоже Самарину? В таком случае подарил его Арнольди[9], вероятно в 1844 г.: в том же XII т. на стр. 145 помещено чрезвычайно любопытное письмо Самарина к К.С. Аксакову[10], написанное из Петербурга 2.X.<1>844 г.: «…Кстати о литературе: один мой знакомый доставил мне бумаги Лермонтова: я нашел в них три недоконченные повести и несколько неизвестных стихотворений. Я получил право отдать их в любой журнал: дай мне совет и, пока я не напишу тебе об этом вторично, не говори никому…».

Вторичного упоминания не последовало.

В 1910 г., когда Петр Дмитриевич Самарин[11] готовил к печати сочинения Ю.Ф., он в неизданном примечании к этому письму (арх. Самарина Отд<ел> рукоп<исей>) записал: «До сих пор мне не удалось доискаться, какие произведения Лермонтова имеет в виду Ю.Ф. и были ли они где-нибудь напечатаны».

Как это разъясняется, Борис Михайлович? — Мне неясно.

Кстати, поскольку речь идет о материалах отдела рукописей, не пригодится ли для комментария следующее письмо Н.А. Елагина[12] к отцу:

«Люблино и Москва 18 августа [1840]

Читали ли Вы в “Отечественных Записках” стихи Лермонтова перевод из Гете[13]. — Стихи эти очень понравились Москве, и кто оттуда к нам ни приедет знает их наизусть и хвалит. Я сочинил музыку на эти стихи и они поются у нас в Люблине с утра и до вечера» (Архив Елагиных).

В Люблино (дача под Москвой) приезжали из Москвы к студентам Елагиным Аксаков, Волуев, А.Н. Попов, бр. Бакунины, Дмитриев-Мамонов и, кажется, и Иван и Петр Киреевские.

Если Вы будете в Москве в отд<еле> Рукоп<исей> проверять список «Валерик», то не заинтересует ли Вас среди многих альбомных списков стихов в архиве М.Н. Каткова[14] еще один список «Я к вам пишу, случайно право…», очевидно из бумаг кн. Н.П. Шаликовой[15], а может быть и позднейший (кат 5428-11).

Я его не сверяла, и помнится мне, что он меня не заинтересовал. Но на всякий случай, я Вам сообщаю.

Простите меня за длинное письмо, может быть, Вам и не нужное. Оно продиктовано чувством благородного негодования к сборнику, в к<оторо>м судьба заставила и меня принять участие. К сожалению, моя публикация[16] на уровне всего сборника.

Уважающая Вас Э. Герштейн.

P.S. Пока я Вам писала это письмо, прибавилось второе дело, о котором хочу Вам рассказать.

Предложение Кирпотина[17] об издании сборника всех дуэльных материалов свелось к следующему:

Инс<титу>т Лит<ерату>ры им. Горького направил письмо к Чагину[18], в к<оторо>м предлагает издать такую книгу, рекомендует составителем и автором вступит<ельной> статьи меня (Ираклий[19] после нашего совместного с ним дружеского обсуждения отказался) и извещает издательство, что редакторами этой книги могут быть Кирпотин и Бродский[20], а Институт согласен поставить свою марку. Между тем, основной материал книги должен быть <в> делах ленинградского института. Я предупреждала Кирпотина и Венгрова[21] об этом и советовала им договориться с ИЛИ АН о совместной марке. Кирпотин меня успокаивает, что всё будет сделано через юбил<ейный> к<омите>т[22], но явно хочет уклониться от совместного участия с ленинградским институтом. Боюсь, что при подписании договора, это поставит меня в очень затруднительное положение, и получить для публикации копии материалов Вашего института будет трудно. С другой стороны, получив предложение от Института Горького, мне неудобно выступать слишком настойчиво в качестве защитника интересов Пушкинского Дома. В сущности меня всё это не должно касаться.

Обо всем этом мне хотелось Вас информировать.

Я была бы Вам очень признательна, если <бы> Вы выкроили время для краткого ответа мне.

---

[1] Вера Степановна Нечаева (1895–1979) — литературовед.

[2] «Валерик» («Я к вам пишу случайно; право…») — стихотворение Лермонтова, посвященное сражению с горцами на реке Валерик 11 июля 1840 г.; в журнале «Москвитянин» напечатано не было. Предположение о датировке «Валерика»

1841-м г., вопреки общепринятой дате 1840, впервые высказано Э.Г. в этом письме, а в книге «Судьба Лермонтова» (М., 1986. С. 191–193) она уверенно относит появление этого стихотворения к 1841 г.

[3] Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — историк, писатель, академик.

[4] Кн. Сергей Васильевич Трубецкой (1815–1859) — офицер л.-гв. Кавалергардского полка, служил на Кавказе, был ранен в сражении на реке Валерик.

[5] Александра Осиповна Смирнова, урожд. Россет (1809–1882) — жена А.М. Смирнова, близкая знакомая литераторов пушкинского круга и Лермонтова.

[6] Кн. Валерьян Михайлович Голицын (1802–1859) — декабрист, после суда и ссылки в Сибирь был переведен на Кавказ рядовым, с 1837 г. офицер; в том же году познакомился с Лермонтовым.

[7] Николай Иванович Лорер (1795–1873) — декабрист, после каторги служил на Кавказе.

[8] Ошибка; нужно: РА. 1883. Т. II. С. 295 (на этой стр. — о пребывании Голицына в Пятигорске в июле 1841 г.; весь рассказ о Голицыне на стр. 294–299).

[9] Александр Иванович Арнольди (1817–1898) — сослуживец Лермонтова по л.-гв. Гродненскому полку.

[10] Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) — один из идеологов славянофильства, публицист, историк, поэт.

[11] Петр Дмитриевич Самарин (1861–1916) — потомок и издатель сочинений Ю.Ф. Самарина, историк.

[12] Николай Алексеевич Елагин (1822–1876) — сын А.П. и А.А. Елагиных.

[13] Речь о стихотворении Лермонтова «Из Гёте» («Горные вершины…»).

[14] Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (1850–55, 1863–87).

[15] Кн. Наталья Петровна Шаликова (1815–1878) — дочь кн. П.И. Шаликова, литератора и издателя «Московских ведомостей».

[16] Имеется в виду статья: Отклики современников на смерть Лермонтова: (По неопубликованным материалам архивов Елагиных, Булгаковых, Каткова и Самариных) // М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы / Гос. б-ка им. В.И. Ленина. Отд. Рукописей. М., 1939. С. 64–69).

[17] Валерий Яковлевич Кирпотин (1898–1997) — литературовед, ведущий марксистский критик, руководитель юбилейного Лермонтовского комитета.

[18] Петр Иванович Чагин (Болдовкин, 1898–1967) — журналист, сотрудник издательств.

[19] Ираклий Луарсабович Андроников (Андроникашвили, 1908–1990) — писатель, литературовед, артист.

[20] Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951) — историк литературы.

[21] Натан Венгров (наст. имя и фам. Моисей Файвелевич Вейнгров, 1894–1962) — детский поэт, прозаик, литературный критик, педагог.

[22] Государственный комитет, занимавшийся подготовкой к 100-летию со дня смерти Лермонтова (15 июля 1941 г.).

8. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 4 ноября 1940 г.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

Уже довольно давно мне передал Иван Васильевич[1], что Вам нужна моя статья, напечатанная в «Альманахе»[2]. С тех пор я тщетно пытаюсь приобрести эту книгу и поэтому всё откладывала сообщать

Вам, что у меня нет ни одного экземпляра. В редакциях «толстых» журналов совершенно не понимают, что авторам печатающихся у них научных статей нужны оттиски. Они дают один авторский экземпляр, который и украшает мою книжную полку.

На днях в 9–10 № «Литературного критика» выйдет моя старая статья «Лермонтов и кружок 16». К счастью, я теперь стала богаче и сейчас же куплю несколько экземпляров журнала, и один пришлю Вам. Очень прошу Вас извинить меня и не рассматривать неприсылку Вам той статьи, как свидетельство моего невнимания к Вам. Вы знаете, как я Вас уважаю и как бы мне хотелось услышать Ваше мнение о моих работах, в частности о последних. Здесь Н.П. Пахомов[3] публично заявляет всюду, где можно, что у него имеются материалы («матерьяльчик»), разоблачающие некоторых «ретивых исследователей, придающих значение роли Терезы Бахерахт[4] в жизни Лермонтова».

Я не перестаю жалеть, что живу в Москве, а не в Ленинграде, где могла бы участвовать в работе вашей комиссии. Это было бы для меня гораздо полезнее, чем посещение заседаний лермонтовской группы Ин<ститут>а им. Горького. Эти заседания — тяжкое испытание для таких неврастеников, как я. Мне кажется, что если бы я постоянно жила в Ленинграде, у Вас все-таки иногда находилось бы время для бесед со мною, о чем теперь я могу только мечтать. А здесь очень скучно. Единственный оазис это «Лит<ературное> наследство» в лице Ив<ана> Вас<ильевича>. И мой дорогой Ираклий. Однако для настоящей творческой атмосферы этого недостаточно.

В Лермонтовском комитете бурлит грязная жизнь, я к ней не причастна, а Ираклий старается хоть немного усмирить разгул мелких страстей.

Извините меня, пожалуйста, за слишком длинное письмо и за тон, который может Вам показаться фамильярным. Я потому и не решаюсь Вам никогда писать, т.к. не получила академического воспитания, а от рождения страдаю отсутствием чувства субординации.

С приветом

Уважающая Вас

Э. Герштейн

---

[1] Иван Васильевич Сергиевский (1905–1954) — литературовед, сотрудник редакции ЛН, который курировал оба лермонтовских тома.

[2] Имеется в виду статья: К вопросу о дуэли Лермонтова // Годы: Альм. [Вып.] 16. Год двадцать второй. М., 1939 [вышел в 1940]. С. 493–508.

[3] Николай Павлович Пахомов (1890–1978) — литературовед и искусствовед; скептически относился к разысканиям Э.Г. о причинах дуэли Лермонтова и Баранта.

[4] Тереза Бахерахт (Bacheracht, урожд. фон Струве, 1804–1852) — жена секретаря русского консульства Р.И. фон Бахерахта; ее неосторожные разговоры о дуэли Лермонтова с Барантом многие считали причиной высылки поэта на Кавказ в 1840 г.

9. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 25 мая 1941 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Благодарю Вас за книгу[1], я очень тронута Вашим вниманием и рада иметь книгу.

Я теперь работаю на выставке[2] и по этому поводу обращаюсь к Вам с некоторыми вопросами. Я была бы Вам очень обязана, если бы Вы мне ответили. Несмотря на то, что сейчас находится в Ленинграде Н.П. Анциферов[3], мне бы очень хотелось получить от Вас лично ответ.

Мне очень важно знать, как Вы мыслите разработать отдел «творческая лаборатория Лермонтова». Дело в том, что показывая в моем разделе «Между двумя ссылками» основные произведения Лермонтова, я затрудняюсь тем, как мне показывать литературную борьбу и полемику, которую Лермонтов вел. Я имею в виду, главным образом, — посвящение и финал «Тамбовской казначейши», начало «Сашки» и «Сказки для детей» и другие принципиально-литературные заявления, которые проскальзывают в этих поэмах, скрытую полемику с Марлинским и разными кавказскими очерками в «Герое нашего времени» и т.п.

У художника, оформляющего наш зал — Бориса Владимировича Эндера, возникла мысль всю эту часть, совместив с Вашей «творческой лабораторией», пропустить одной выделенной полосой, проходящей по всем трем залам, и совпадающей в отдельных точках с темами отдельных стэндов (напр<имер,> под «Героем» соответственный материал). Но для меня неясно и никто не может мне разъяснить, что подразумеваете Вы под темой так называемой «творческой лаборатории», и поэтому не знаю, как можно отнестись к такому предложению.

Между тем, мне надо в ближайшие же дни сдать разработанный экспозиционный план. А вопрос о том, что давать в центр экспозиции, для меня не решен. Так, например, на одном из стэндов у меня даются «Поэт», «Не верь себе» и «Журналист, читатель и писатель». На стене мы помещаем и сами стихи, конечно, не целиком. Они сами по себе будут представлять собой экспонат. Я уже осведомлена так

же, как и большинство работников выставки, о Ваших новых, глубоко для меня интересных соображениях и догадках, относительно рисунка “Diplomatie civile et militaire”[4]. Его мы тоже даем на стенку, пока не задаваясь целью особенно раскрывать связь его с «Журналистом…». Но дать картину литературных отталкиваний и преемственности Лермонтова при создании таких стихотв<орений>, как «Поэт», я обязана. Если у меня не будет специального места для этого, я дам это чрезвычайно поверхностно и плоско. То есть, в каком-то уголку брошу книги, раскрытые на соответственных стихах Пушкина, Хомякова и т.д. Это будет названием темы, но не раскрытием ее. И вот для меня неясно, должна ли я заняться разработкой этой темы здесь на стэнде и в витринке, к нему прилегающей, или она могла бы войти частью в вашу разработку (это должна буду сделать я, если вы ограничиваете себя только несколькими произведениями). Конечно, информацию о том, что Вы делаете, я получу от Н.П. Анциферова, но мне хотелось бы и узнать Ваше мнение по этому поводу. У нас на выставке столько вкусов и принципиальных установок, сколько работников. Всё это кончится в решительный момент крупной борьбой, не лишенной, по-моему, смысла и интереса.

Хочется найти такие формы, при которых широкому посетителю стало бы интересно всё то, что интересно для исследователей. Т.е. показать, что исследования имеют непосредственное живое отношение к Лермонтову, к пониманию его основного творческого и жизненного пути. А если делать из этого только подсобный аппарат, запрятанный в уголке для любителей и знатоков, то лучше от него совсем отказаться, т.к. это не удовлетворит ни знатоков, ни «публику». Одним из главных моментов для решения этого вопроса сейчас является для меня вопрос о том, как будет показана «творческая лаборатория».

Если же мне придется все-таки давать эти темы, то я очень прошу Вас дать мне указания относительно «Казначейши», «Сашки» и «Сказки». Откровенно говоря, я недостаточно хорошо знаю литературу 1837–39 гг. для того, чтобы найти прямых адресатов — программных заявлений Лермонтова. Кроме Пушкина, конечно, но это не всё. А между тем это единственный способ показать эти поэмы Лермонтова интересно и доходчиво. Хотя большинство думает, что это излишнее углубление, но это неверно.

Посоветуйте, пожалуйста, Борис Михайлович, как это сделать.

С приветом

Уважающая Вас

Э. Герштейн

[1] Скорее всего, речь о сборнике: М.Ю. Лермонтов. Стихотворения. Т. 1. Л., 1940; в нем вступительная статья Б.Э. «Художественная проблематика Лермонтова» и его комментарии.

[2] Речь о подготовке Всесоюзной Лермонтовской выставки к 100-летию со дня гибели поэта (к 15 июля 1841 г.). Выставка подводила итоги столетнему изучению творчества Лермонтова и отличалась новациями в демонстрации материалов, собранных из многих музеев и хранилищ страны. Располагалась в трех больших залах Исторического музея, для ее оформления были приглашены художники Н.М. Суетин, К.И. Рождественский, ученики и последователи К.С. Малевича, и Б.В. Эндер. Выставка открылась к юбилею, но 23 июля 1941 г. начались бомбардировки Москвы, и экспозицию пришлось демонтировать. Не осталось ни фотографий, ни каталога, ни отзывов в печати (см.: *Герштейн Э.* Мемуары. С. 286, 288–294). Выставка была восстановлена в июле 1945 г. (см. письмо 15).

[3] Николай Павлович Анциферов (1889–1958) — писатель, культуролог.

[4] Рисунок Лермонтова “Diplomatie civile et militaire” (*лат*. Дипломатия гражданская и военная) 1840–1841 гг. представляет собой, по предположению Б.Э., иллюстрацию к стихотворению «Журналист, читатель и писатель», фигура писателя имеет портретное сходство с А.С. Хомяковым, читателя — с самим Лермонтовым. Рисунок дал исследователю основание предположить, что какие-то разговоры поэта с Хомяковым нашли отражение в стихотворении. Хранится в Российской национальной библиотекеке (РНБ, Санкт-Петербург), воспроизведен: ЛН. Т. 43–44: М.Ю. Лермонтов. I. М., 1941. С. 51.

10. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

Москва, 24 мая 1942 года

Дорогой Борис Михайлович!

От всего сердца радуюсь Вашему переезду в Саратов[1]. Я узнала о Вашем новом месте жительства от М.К. Азадовского[2], который был некоторое время в Москве, а теперь уехал в Иркутск. Я познакомилась с ним на моем докладе о дуэли Лермонтова с Барантом — я читала этот доклад в Госуд<арственном> Литературном Музее. Я была поражена видом и состоянием М.К.: как будто он и не переносил знаменитой тяжелой ленинградской зимы. Впрочем, я раньше его никогда не видала и потому не могу сравнивать его с его же прошлым обликом. Всё же его бодрый вид подает мне надежду, что и Вы вполне поправились после всех невзгод, а то я о Вас представляла уже себе всё самое худшее. Вы не поверите, как мне это было больно! Я как раз перечитывала Ваши книги о Толстом[3] и часто обращаюсь к Вашей большой итоговой и проблемной статье о Лермонтове в «Литературном наследстве» (у меня, к счастью, сохранилась верстка ее от Ивана Васильевича) и, читая Ваши труды, огорчалась, что Вы никогда не удостоивали меня настоящей беседой. Подсознательно я верила, что она еще когда-нибудь состоится, но факты суровой действительности, казалось бы, говорили другое. Поэтому, когда я узнала, что

Вы благополучно выехали из Ленинграда, я воспринимала это и как торжество своей интуиции. Простите за эгоцентризм, но личное отношение всегда присоединяется к общей оценке.

К сожалению, это мое личное и общее отношение к Вам, которое мне очень хотелось Вам высказать, портится сейчас необходимостью обратиться к Вам с конкретной просьбой. Надеюсь, что она не слишком Вас затруднит. Дело в том, что обстоятельства мои сейчас очень плохи. Как спасение, я задумала подать заявление о приеме меня в члены Союза писателей. Нужны рекомендации. А кто кроме Вас может дать развернутую и объективную характеристику моих работ и моего творческого лица, как говорится.

Здесь в Москве мне не к кому обратиться, а если бы и были знающие меня люди, всё равно мне было бы очень лестно получить рекомендацию именно от Вас. Сейчас же, положение мое таково, что Ваша рекомендация может меня спасти. Мне дал рекомендацию Ираклий, но, во-первых, одной мало, а во-вторых, его рекомендация написана в таком восторженном тоне и с такими преувеличенными похвалами, что может произвести даже неприятное впечатление. Ираклий находится на Калининском фронте, а сюда приезжал на несколько дней. Его семья (Вива, Элефтер, Манана)[4] в Тифлисе. Мать умерла, тетки и дядья тоже, а сестра находилась в Свердловске на излечении. Состояние ее было плохое. А как теперь, он не знает. Он выступал здесь по радио как автор очень хорошего очерка о партизане — «Батя».

Я боюсь, что даже в том случае, если у Вас нет никаких принципиальных возражений против того, чтобы рекомендовать меня в Союз, Вам будет трудно написать и послать мне просимое. Я знаю, что это требует внимания и времени, которое всегда у Вас так загружено. Но все-таки я позволяю себе просить Вас сделать это, так как я крайне в этом нуждаюсь.

Мой адрес: Москва 54, Щипок 6/8, кв. 67.

Искренне Вас уважающая и любящая

Э. Герштейн

---

[1] Б.Э. с семьей эвакуировался в Саратов вместе с университетом в марте 1942 г., пережив в Ленинграде первую блокадную зиму, о которой писала в «Воспоминаниях об отце» дочь ученого Ольга Борисовна (впервые: *Эйхенбаум Б.* Мой временник: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001).

[2] Марк Константинович Азадовский (1888–1954) — фольклорист, литературовед.

[3] Нельзя с уверенностью сказать, какие именно книги Б.Э. о Толстом читала Э.Г., к тому времени их было четыре: Молодой Толстой (1922), Лев Толстой. Пятидесятые

годы (1928), Лев Толстой. Шестидесятые годы (1931), Лев Толстой. Семидесятые годы (1940).

[4] Перечислены члены семьи Андроникова — жена Вивиана Абелевна Робинзон (1910–1995), актриса; брат Элевтер Луарсабович Андроникашвили (1910–1989), физик; дочь Манана Ираклиевна Андроникова (1936–1975), искусствовед.

11. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 29 мая 1942 г.

Дорогой Борис Михайлович

Только на-днях я послала Вам заказное письмо по неопределенному адресу в Саратов, а завтра едут туда знакомые, и я прошу их передать Вам это письмо.

Я не могу повторить то, что я писала в том письме, которое было продиктовано моей искренней радостью по поводу Вашего благополучного отъезда из Ленинграда. Но оно заключало также и просьбу. Я позволю себе ее повторить, чтобы ускорить процесс.

Не могли бы Вы написать мне рекомендацию в Союз Писателей? Никто лучше Вас не может охарактеризовать меня, как лермонтоведа и в такой форме, как это требуется для того, чтобы быть принятой в члены Союза писателей. У меня имеется рекомендация Ираклия, но одной мало и нужна еще более авторитетная, а в Москве никого из знающих меня членов Союза писателей нет. Мне бы никогда не пришло в голову беспокоить Вас, если бы не острота положения, вполне понятная, вероятно, Вам.

Я сознаю, что помимо Вашего принципиального согласия рекомендовать меня, требуется еще внимание и время, чтобы составить отзыв. Я буду Вам чрезвычайно признательна, если Вы всё же урвете некоторое время на это.

Очень много хочется сказать Вам серьезного и самого главного: в дни войны еще раз всё переоценилось и отчетливее обрисовалось значение и влияние таких деятелей литературы, как Вы (для меня, по крайней мере). Всю эту зиму я очень часто и с большим беспокойством думала о Вас.

Вы, вероятно, осведомлены, что сейчас предприняты шаги к тому, чтобы вышел в свет первый лермонтовский том «Литературного наследства» — он был уже почти готов, а второй, по-видимому, наладить не удастся. Дело это поручено теперь Н.П. Пахомову, он называет себя редактором лермонтовских томов «Литературного наследства». Редакции же в Москве не существует: Зильберштейн в Ташкенте, Иван Васильевич на фронте.

Ираклий на фронте и был несколько дней недавно в Москве. Он выступал по радио — читал свой очерк о партизане «Батя», которого видел собственными глазами в тылу у немцев. Семья Ираклия в Тифлисе, мать умерла, а сестра в феврале находилась в Свердловске в больнице в тяжелом состоянии. Впрочем, возможно, что Вы всё это знаете.

Жму Вашу руку

Искренне Вас уважающая Э. Герштейн

Напоминаю о моих основных работах и статьях о Лермонтове:

«Отклики современников на смерть Лермонтова». «Лермонтов. Сборник исследовательских статей и материалов Отдела Рукописей Гос. Публ. Библ. им. Ленина» М., 1939.

«К вопросу о дуэли Лермонтова». «Альманах Год XXII» № 16. М., 1940.

«Лермонтов и кружок шестнадцати» «Литературный критик» 1940. № 9–10, а также «Жизнь и творчество Лермонтова. Сборник исследований Института Мировой Литературы им. А.М. Горького АН» М., 1941.

«Лермонтов и семейство Мартыновых»

«Дуэль Лермонтова с Барантом»

«Петербургский великосветский круг 30-х гг. по воспоминаниям кн. М.Б. Лобанова-Ростовского» (совместно с А.М. Эфросом) — три последние в производстве «Литер<атурного> Насл<едства>»

Статьи в газетах:

«Кружок шестнадцати» // Литературная Газета. 1939. 15 октября

«Подлая расправа» // «Известия». 1939. 14 окт.

«Новое о дуэли Лермонтова с Барантом» (Тереза Бахерахт) // «Литературная Газета». 1940. 28 июля.

_____

Машинопись.

12. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

Саратов. 3/ VI. 1942

Дорогая Эмма Григорьевна!

Спасибо Вам за хорошее письмо. Очень рад, что Вы не только живы, но и здоровы. Мы привыкли получать из Ленинграда другого рода вести. Я здесь несколько оправился от дистрофии, но особенно похвастаться не могу — тем более, что сейчас и здесь стало значи-

тельно труднее, чем было в начале. Особенно плохо с иждивенцами, которых у меня четверо (кончая 5-летней внучкой). Боюсь, что дистрофия скоро опять усилится, а справиться с ней второй раз трудно. Сил очень мало, а между тем надвигается саратовская жара с пылью. Мы живем в самом центре: толпы народа, трамваи, машины — и пыль, пыль, пыль! К этому присоединяется тяжелое душевное состояние: «тоска изгнанья». Я стараюсь работать, но это плохо удается — тем более, что в дороге у меня украли портфель с большим материалом по Толстому (IV том), который я собрал за последние месяцы в Ленинграде. Там я работал просто экстатически — сделал за 3 месяца столько, сколько в обычное время сделал бы за целый год. Всё пропало — и восстановить это вряд ли возможно[1].

Радуюсь, что Вам, по-видимому, понравилась моя статья о Лермонтове (теперь я мог бы уже кое-что прибавить и изменить в ней), а упрека Вашего не принимаю: всегда рад был побеседовать с Вами, но встречи наши были короткие и деловые. Жизнь в разных городах в наше время сильно разобщает. Но мне почему-то казалось, что о Лермонтове мы беседовали во всю и что я делился с Вами всем, что думал. Неужели этого не было?

Как Вам нравится истолкование «Журналиста, читателя и писателя»? Теперь я еще больше убежден, что «Писатель» — не Лермонтов и что его монологи нельзя понимать как авторские признания. А как нравится Вам моя гипотеза относительно «Сашки»? Безусловно — это совершенно законченная поэма-фрагмент. Не правда ли?

Но всё это сейчас потускнело. И выйдет ли когда-нибудь это «Лит. наследство»? Не будет ли этот том сборником “oeuvres posthumas”[2]? Для некоторых это уже так и есть — Комаровичь[3], например.

Посылаю Вам нужную для Союза Писателей бумагу. Об Ираклии я на днях узнал то самое, о чем Вы пишите — получил из Тбилиси письмо от Элевтера.

Пишите мне, пожалуйста. Это сейчас очень важно. Мой адрес: г. Саратов, Проспект Кирова, д. № 18 (б. гостиница «Россия»), комната 205.

Всего Вам хорошего!

Б. Эйхенбаум

Я вот твержу Тютчева:

Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом.

---

[1] Эту работу Б.Э. пришлось делать заново на протяжении 1940-х гг.

[2] посмертных произведений (*фр.*)

[3] Василий Леонидович Комарович (1894–1942) — литературовед, фольклорист, историк древнерусской литературы, переводчик; его статья «Автобиографическая основа “Маскарада”» напечатана в первом Лермонтовском томе ЛН.

[4] Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как над горячею золой…».

13. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва. Ок. середины июля 1942 г.>

Дорогой Борис Михайлович!

Как-то Вы себя чувствуете? Не собираетесь ли уезжать? Я пишу Вам, нарочно не дожидаясь ответа, так как ни за что не хочу терять с Вами связь. Боюсь, что Вы не получили моего последнего письма, которое я послала не заказной, а простой почтой. В этом письме я благодарила Вас за рекомендацию. Я не только была Вам чрезвычайно признательна за то, что Вы сразу мне ее послали и за то, что так лестно для меня охарактеризовали мои работы, адресуя это в ССП[1], но мне лично, независимо, от пользы Вашего отзыва, было особенно важно иметь Вашу оценку. Сейчас это большая моральная поддержка. В ССП бумаги мои еще не рассматривали, но я сама в минуты уныния перечитываю Ваш отзыв и утешаюсь верой в себя, в свое и наше общее деятельное будущее.

В том же письме я подробно писала свое мнение о «Журналисте, чит<ателе> и пис<ателе>», но сейчас повторить его не могу, т.к. в мыслях застой из-за загрузки бытовыми делами и нервозности. А насчет «Сашки» и сейчас скажу, что это одна из тех безошибочных счастливых находок, которые кажутся такими простыми и бесспорными, что удивляешься, как это можно было не заметить. Не сомневаюсь, что это навсегда войдет в «лермонтовиану» (выражаясь по-Бродскому), если только не случится так, что из всех литературоведов останется жив один Дурылин[2].

Здесь в Москве литературоведов много, но никто меня не интересует, кроме Б.В. Томашевского[3], но я с ним незнакома. Говорят, что сегодня он будет читать в И<нституту>те Горького доклад «Проза Лермонтова». Повестки я не получила.

Вам передает привет Сергей Борисович Рудаков[4]. Он переведен сюда после ранения и контузии на Ленинградском фронте. Здесь он работает — как лейтенант, но полон также литературными интересами. Я с наслаждением беседую с ленинградцем.

От Ираклия кроме последней открытки от 18.V ничего не имею. Беспокоюсь о его семье.

Сообщите, ради бога, о себе
Всего Вам доброго Э. Герштейн

Датируется по штемпелю на конверте заказного письма: Москва 15.7.42 (Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 30).

[1] Союз советских писателей.

[2] Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) — педагог, литературовед, религиозный писатель.

[3] Борис Викторович Томашевский (1890–1957) — литературовед, пушкинист.

[4] Сергей Борисович Рудаков (1909–1944) — поэт, литературовед; Э.Г. познакомилась с ним в середине 1930-х гг. в Воронеже, где он был в ссылке одновременно с О.Э. Мандельштамом и тесно общался с поэтом, потом встречалась в Ленинграде, а во время войны — в Москве; в «Мемуарах» Э.Г. посвятила Рудакову немало страниц.

14. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 15. VI. 1943

Дорогой Борис Михайлович!

Сегодня в газете сообщено о налете проклятых немцев на Саратов. Я сейчас же вспомнила о Вас. Надеюсь, что не Вы и Ваши близкие в числе тех раненых, о которых сообщается.

С тех пор, как Вы прислали мне Ваше единственное письмо, прошел год. Но именно теперь я собралась Вам написать большое письмо (прошлым летом я Вам послала еще 2 или 3 письма, но теперь кажется, что Вы их не получили).

Повод и внутренняя необходимость такого задуманного мной послания к Вам — лермонтовский том «Литературного наследства»[1]. Выход этого тома — огромное научное событие, а для меня лично настоящий праздник. Я купаюсь в статьях этого великолепного издания, и почти всеми наслаждаюсь. Мне кажется, что ни один том «Лит. Наследства» не может похвастать такой стройностью, разносторонностью тем при внутреннем единстве основной темы, и таким почти одинаковым высоким уровнем представленных статей. Самыми высокими вершинами в этом ряду, по моему, оказываются три труда: Ваш, Штокмара и Виноградова (стиль прозы)[2].

Особый специфический оттенок тома должен улавливаться только теми, кто много лет занимался Лермонтовым.

Ведь здесь произошла встреча лермонтоведов с историками литературы вообще. И хотя в данном томе лермонтоведение представлено только Вашей статьей, но в ней суммировано и то, что делалось

в этой области за последние годы. Получается своеобразная, очень острая перекличка и взаимный контроль. Крайний полюс не лермонтоведения, конечно, Томашевский[3].

К сожалению, его статья одна из наименее удачных в томе, и мне кажется, что для него самого это неожиданное сниженье. Он хотел говорить о «Герое нашего времени», а трактует только «Княжну Мэри». И так как «Тамань» и «Фаталист» лишены черт «аналитического романа», то он их зачислил в число «неорганических новелл», только обрамляющих центральную — княжну Мэри. Значит, их могло и не быть. Какая плененная мысль, какое уродование живого организма во имя ложной идеи — обязательно вывести происхождение прозы Лермонтова от французской. Очень странно. Не понимаю, как это могло случиться с таким ученым, как Томашевский. Я привыкла его глубоко чтить.

Но я уже пустилась в оценку статей по существу, а хотела сделать это тогда, когда внимательно прочту всё. Сегодня же я имела намерение только поздравить Вас с выходом тома, организованного Вами и демонстрирующего блеск Пушкинского дома, т.е. Ленинграда.

Вы, вероятно, удивляетесь: почему такое запоздалое поздравление? Дело в том, что Зильберштейн[4] преподносит этот том всем, кого считает «нужными людьми», а мне ни за что не хотел дать. Жалел и находил, что мне он совершенно не нужен. Вместе с тем, он уверяет, что был бы рад, если бы в I томе была хоть одна такая хорошая статья, как моя о Баранте во II-м. Каков чудак! Не ведает, что творит. Совершил подвиг, выпустил I том, и воображает, что это — собрание никому не нужных статей, напечатанных только для того, чтобы импонировать солидностью издания.

Он искренне убежден, что вся ценность «Лит<ературного> наследства» в новых публикациях писем, мемуаров и документов. Не правда ли, очаровательная смесь невежества и энтузиазма. Энтузиаст культуры. Ужасно смешно.

Теперь И.В. Сергиевский отдал мне редакционный экземпляр, и я уже три дня его читаю. Я хочу написать обстоятельный и принципиальный разбор. Если мне не удастся его нигде напечатать, я пришлю его Вам. Впрочем, всё равно пришлю. Надо же высказаться, а то, того и гляди, помрешь с печатью на устах.

Желаю Вам здоровья, спокойствия и плодотворной работы.

Э. Герштейн

P.S. В Союз писателей меня не приняли. Это нехорошо и по отношению к Вам, рекомендовавшему меня. Я жаловалась Шкловскому[5] недавно. Он хотел поднять вопрос о пересмотре, но кажется трудно.

[1] 1-й Лермонтовский том ЛН (№ 43/44) был подготовлен еще до войны и тогда же подписан к печати (на тит. л.: 1941), но вышел только в 1943 г. 2-й Лермонтовский том (№ 45/46) вышел в 1948 г.

[2] *Эйхенбаум Б.* Литературная позиция Лермонтова // ЛН. Т. 43/44: М.Ю. Лермонтов. I. М., 1941. С. 3–82; *Штокмар М.* Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова // Там же. С. 263–352; *Виноградов В.* Стиль прозы Лермонтова // Там же. С. 517–628.

[3] Имеется в виду статья: *Томашевский Б.* Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // ЛН. Т. 43/44: М.Ю. Лермонтов. I. С. 469–516.

[4] Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) — литературовед, искусствовед, коллекционер; один из основателей и редакторов серии ЛН.

[5] Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) — писатель, литературовед, критик, киновед и киносценарист.

15. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 12. VII. 45

Дорогая Эмма Григорьевна!

На днях я видел Анну Андреевну[1] — и она сказала мне, что Вы запрашивали ее обо мне и о Лермонтове (простите за это случайно получившееся сочетание).

Я жив и много «действую», но работаю мало — очень трудна и суетлива жизнь. Бегаю по учреждениям, пишу мелкие статьи (по крайней мере по объему) и стараюсь справиться с тем разрушением, которое война произвела в семье и в психике. Физически здоров — железный.

С Лермонтовым работа пока стоит. Вы, вероятно, знаете, что II том «Лит. насл<едства>» ожил — готовится к набору. И.С. Зильберштейн писал мне в июне, что том выйдет, может быть, к осени. Что Вы думаете делать дальше? Я несколько растерялся — не знаю, как вернуться. В. Мануйлов[2] работает над биографией юного Лермонтова (московский период). Что делает Андроников, не знаю — он мне совсем не пишет. У меня в семинаре был интересный доклад одного студента (А.М. Гаркави, родственника Ю.Н. Тынянова[3]) — об аллегорических стихотворениях Лермонтова. Я, по-видимому, сильно возьмусь за Толстого. Напишите, как складывается у Вас жизнь и работа. Можно ли еще что-нибудь сделать с биографией Лермонтова последних лет?

Будьте здоровы

Б. Эйхенбаум

Ленинград. Канал Грибоедова № 9, кв. 48

[1] Анна Андреевна Ахматова (1889–1966) — поэт.

[2] Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987) — литературовед, мемуарист, сценарист.

[3] Александр Миронович Гаркави (1922–1980) — литературовед; двоюродный племянник писателя и литературоведа Юрия Николаевича Тынянова (1894–1943).

16. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 1 августа 1945

Дорогой Борис Михайлович!

Благодарю Вас за письмо, оно меня тронуло чрезвычайно. Мне очень жаль, что Вы себя чувствуете недостаточно хорошо, хотя это так естественно, потому что потеря Ваша невосполнима[1]. Мне очень жаль также, что Вы больше не будете заниматься Лермонтовым — без Вас скучно работать. Я всегда сожалела, что не живу в Ленинграде, среда московских лермонтоведов для меня убийственно удушливо скучна, и мысли мои о Лермонтове глохнут и не находят никакого выражения.

Когда я получила Ваше письмо, я была больна и ждала выздоровления, чтобы написать Вам, что мне хотелось бы у Вас в Ленинграде защищать мою кандидатскую диссертацию, и просить Вас быть моим оппонентом. Но пока я лежала, пришло извещение из ВАК, что мне отказано в освобождении сдачи экзаменов (канд<идатского> минимума). Таким образом, предоставив готовую перепечатанную диссертацию, я не имею права ее защищать. Этим завершилось дело, длившееся год. Диссертация моя называется «Из розысканий по биографии Лермонтова» и состоит из 3^{x} глав: 1) кружок 16, 2) Дуэль с Барантом и 3) Дуэль с Мартыновым. В этой последней главе собраны мои статьи о дуэли, но переработаны и значительно дополнены новыми соображениями и кое-какими материалами. В частности, я касаюсь здесь стихотворений «Дубовый листок» и, как и прежде, «Морской царевны». Поэтому меня очень интересует доклад Гаркави об аллегорических стихотворениях Лермонтова. Здесь же уточнен и развит взгляд на последний период пребывания Л<ермонтова> в Петербурге в биографическом плане.

За эти годы я мало сделала нового, но очень много читала, и мысли мои о Лермонтове обогатились и приняли другое направление. В частности, мне пришлось много заниматься журналами 30^{x} гг. и это дало мне возможность раскрыть ряд скрытых полемических адресаций Лермонтова в «Сашке», «Тамб<овской> казнач<ейше>»

и др. и установить такое количество реминисценций, что можно по ним установить закон лермонтовских реминисценций, как сознательный полемический прием, последовательно проводимый. В «Герое нашего времени» их множество.

Мои предыдущие работы по изучению среды и биографии Л<ермонтова> и то новое, что я Вам сейчас изложила, привели меня к необходимости написать работу о «Герое нашего времени». В голове моей она уже готова, нужно только засесть и сделать. Я убеждена, что Вашими трудами, и работами о прозе Лерм<онтова>, Л.Я. Гинзбург[2], В. Виноградова и Б.В. Томашевского уже проложен верный, даже не верный, а истинный путь к пониманию романа Лермонтова. Я почувствовала себя в силах объединить эти труды, на к<оторы>х я училась, некоторыми выводами, к<оторы>е еще не сделаны.

Из всего этого следует, что мне жизненно необходимо сделать книгу[3]. На этот предмет в Гослитиздате с декабря месяца лежит рукопись моей незащищенной диссертации, уже отрецензированная Томашевским, Бродским и Розановым[4]. Несмотря на положительные оценки, я рассчитываю на днях получить ее назад, ибо знаю, что новый редактор отдела относится ко мне отрицательно.

Я принимала самое активное участие в восстановлении лермонтовской выставки[5]. К величайшему удовольствию Н.П. Пахомова в этом варианте выставки Ираклий не принимал никакого участия. Ираклий здесь, ходит с палкой, лежал полгода в госпитале. Он пренебрегает слишком многими людьми, это превращается уже в линию поведения.

На днях меня взволновала Л.К. Чуковская[6] рассказом о сделанном ею сценарии «Княжна Мэри» Вообще я мало интересуюсь сценариями, но она строила его на подтекстах лермонтовского романа. Когда она даст мне прочесть сценарий, я узнаю, получилось ли у нее так хорошо, как она рассказывает.

В день открытия выставки выяснилось, что Вам не послан пригласительный билет. Это — шутки секретариата Литературного музея. Не представляется никакой возможности преодолеть снисходительность работников этого секретариата к самим себе.

В Москве было двое людей, особенно радовавшихся Вашему награждению орденом. Это Марья Абрамовна Белкина[7] и я. Трудно объяснить, почему наша искренняя радость не выразилась в поздравительной телеграмме.

Мне бы очень хотелось жить и работать в Ленинграде. Но, не имея степени, я теперь уже не решаюсь обращаться к Вам с этим громоздким вопросом.

Мое бытовое устройство из рук вон плохо.

Вот, Борис Михайлович, подробный отчет о моей жизни и делах. Ваше теплое милое письмо дает мне право на такой длинный ответ.

Желаю Вам всего наилучшего и главное плодотворной работы над Толстым.

Жму Вашу руку

Э. Герштейн

Москва 54 Щипок 6/8, кв. 17. тел. В1-43-39

---

[1] Речь о пропавшем без вести на фронте сыне Эйхенбаума — Дмитрии Борисовиче (1922–1943).

[2] Лидия Яковлевна Гинзбург (1902–1990) — литературовед, писательница.

[3] Эта книга вышла много лет спустя: *Герштейн Э.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Л.: Худ. лит., 1976. (Массовая ист.-лит. б-ка).

[4] Иван Никанорович Розанов (1874–1959) — историк русской поэзии, библиограф, книговед.

[5] См. примеч. к письму 8. Выставка была восстановлена в июле 1945 г.; к этому событию, видимо, были приурочены награды ученым-лермонтоведам, в том числе Б.М. Эйхенбауму, награжденному 10 июня 1945 г. орденом Трудового Красного Знамени.

[6] Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996) — поэт, прозаик, критик; написанный ею сценарий реализован не был, фильм «Княжна Мери» (1955) поставлен И. Анненским по собственному сценарию.

[7] Мария Абрамовна Белкина, литературовед, была аспиранткой в ИМЛИ им. Горького в конце 1930-х гг.

17. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 9 января 46 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Извините меня за то, что пишу на открытке, но мне хотелось бы осведомиться, получили ли Вы мое большое письмо, посланное в ответ на Ваше в конце лета.

Мне известен только Ваш отзыв И.В. Сергиевскому о моей работе о дуэли. Ваши замечания меня огорчили, потому что я знаю, что они справедливы.

Обо всем этом и многом другом мне хотелось бы Вам написать, но мешает неизвестность: то ли Вам нечего было мне отвечать, то ли Вы слишком заняты, то ли Вы не получили мое письмо. Простите за настойчивость.

Э. Герштейн

18. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 22 января 1946 г.

Дорогая Эмма Григорьевна! Если Вы спрашиваете меня о том письме, в котором Вы сообщали мне о своих неудачах по диссертационным делам, то я его получил. Неужели не ответил? Помню, что мысленно ответ был готов, но бывает, что не соберешься написать. Возможно, что так вышло — извините. Я тогда хворал и был вообще в несколько раздерганном состоянии, в котором пребываю сейчас довольно часто. Много суеты и волнений, а работать удается мало, и далеко не всегда веселит эта работа, п<отому> ч<то> нет настоящей среды, настоящих толчков. Напишите, как Ваши дела и как работа. Мне это очень интересно. Я сижу над Толстым. Заново передумываю многое из того, о чем думал раньше, а многое и совсем впервые. Не знаю, что выйдет из этого на бумаге и выйдет ли.

Жду письма. Будьте здоровы!

Б. Эйхенбаум

19. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 11 марта 1947 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Только на днях я узнала о понесенной Вами утрате[1]. Мне так больно стало за Вас.

Не слишком ли много ударов?

Как же Вы живете теперь? Я слишком мало знаю Вашу жизнь, чтобы иметь право об этом спрашивать, но невольно с грустью задумываешься о судьбе человека, с которым так глубоко связан один из самых интересных периодов моей жизни. Теперь это уже тоже далекое прошлое.

Хорошо жить со своим прошлым, как Лев Толстой. Помните, он удивлялся: «как всё прошедшее становится мною. Оно во мне, как какая-то сложенная спираль»[2]. Как бы я хотела, чтобы и Вы могли достичь такой крылатости!

Крепко жму Вашу руку

Э. Герштейн

---

[1] Смерть жены Б.Э. Раисы Борисовны Эйхенбаум, урожд. Брауде (1890–1946).

[2] Цитата из разговора Л.Н. Толстого в записи А. Гольденвейзера от 1 августа 1905 г.

20. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 16 марта 1947 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Спасибо Вам за Ваше хорошее письмо. Да, судьба потратила на меня много сил за последнее время, но у меня тоже еще есть силы. «Мы поспорим и помужествуем (именно так!) с ней»[1]. Настоящее горе или разбивает или делает крепче. Первый удар (исчезновение сына на фронте) сильно разбил меня; второй, кажется, заставил собрать заново все силы. Пришла старость, личные многие мечты и желания не осуществились — попробуем говорить с судьбой другим языком. Она отняла у меня почти всё дорогое — кроме мысли и работы.

Я пишу большую новую книгу о Толстом (обо всем Толстом)[2], которую надеюсь закончить в 1948 г. Живу с дочерью и с внучкой[3] — это меня спасает. Мы очень любим друг друга, дома хорошо. Я работаю целые дни с большим увлечением. Да, Толстой сказал хорошо: «сложенная спираль». Как хорошо, что Вы заметили это и написали мне. Это очень умно и верно. Мне кажется, что это чувство «спирали» (пружины) есть и у меня — прошлое было богато.

Хочу Вам кстати сказать, что скоро (в мае) будет защита одной диссертации по Лермонтову моего ученика, Э. Найдича[4] — о юношеской лирике. Он сделал кое-что интересное и важное для общего понимания, а кое-что и для отдельных стихотворений. Очень жду Вашей работы во II томе «Лит. наследства».

Будьте здоровы!

Б. Эйхенбаум

---

[1] Цитата из стихотворения Н.М. Языкова «Пловец».

[2] К началу 1940-х гг. Б.Э. написал четыре книги о Л.Н. Толстом, каждая из которых была посвящена творчеству писателя в определенный период времени (см. письмо 9).

[3] Дочь Ольга Борисовна, в замуж. Апраксина (1912–1999) и внучка Елизавета Алексеевна Апраксина, в замуж. Даль (1937–2003).

[4] Эрик Эзрович Найдич (1919–2014) — литературовед, библиограф.

21. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва. Июнь-сентябрь? 1947 г.>

Дорогой Борис Михайлович!

Поздравляю Вас с находкой Лермонтовской тетради[1]. Мне показывал ее Н.П. Пахомов, и я с нетерпением жду опубликования

вариантов. Думаю, что эта радостная эпопея помешала Вам выполнить обещанное мне — написать о моих диссертационных делах[2] и известить о времени Вашего проезда через Москву. Но тем не менее я очень огорчена, пребывая в неизвестности. О чем и имею смелость Вам доложить. Привет. Э. Герштейн

Письмо датируется исходя из времени приобретения рукописной тетради Лермонтова Пушкинским Домом.

[1] Речь идет о так называемой «Казанской тетради Лермонтова», представляющей собою часть рабочей тетради поэта 1832 г. и содержащей тексты стихотворной повести «Литвинка» и девяти петербургских стихотворений; куплена 25 июня 1947 г. Рукописным отделом Пушкинского Дома у казанского жителя Я.М. Лопаткина (см.: *Эйхенбаум Б.* Казанская тетрадь Лермонтова // ЛН. Т. 45–46: М.Ю. Лермонтов. II. М., 1948. С. 3–10).

[2] Э.Г. хлопотала о том, чтобы защитить диссертацию о Лермонтове в Ленинграде, и обращалась за содействием к Б.Э.; диссертацию не удалось защитить ни в Москве, ни в Ленинграде.

22. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 24 сентября 1947 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Я очень прошу Вас меня известить, какова судьба моей диссертации. Я буду в октябре в Ленинграде и, если есть какая-либо возможность провести всё это дело в Ленинграде, мне надо знать, какими запастись бумагами.

Простите меня за лаконизм и не примите его, пожалуйста, за резкость. Ваше молчание сбило меня с тона.

Уважающая Вас Э. Герштейн

23. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 30 сентября 1947 г.

Дорогая Эмма Григорьевна! Ваша записка повергла меня в изумление. Я помню, как писал Вам о своем разговоре с П.Н. Берковым[1] — т.е. о том, что для защиты диссертации у нас Вам надо подать в деканат факультета заявление, в котором мотивировать желание закончить кандидатский минимум и защитить у нас теми или другими причинами — обстоятельствами жизни или чем-либо другим. Я писал Вам, что, по словам П.Н. Беркова, это можно устроить. — Таким образом, я не молчал, а удивлялся, что от Вас ничего нет. Видимо, письмо мое пропало? Очень досадно. — Я думаю, что

«Бумаг» Вам надо привести как можно больше, но основное — документ о сдаче тех предметов, которые Вы сдали, и заявление. Может быть — еще бумагу о том, что то учреждение, в котором Вы начали держать, не возражает против того, что Вы хотите заканчивать в ЛГУ.

Будьте здоровы!

Б. Эйхенбаум

На почтовой открытке.

[1] Павел Наумович Берков (1896–1969) — литературовед, библиограф, книговед, историк литературы.

24. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 7 декабря 1947 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Зная мою жизнь, Вы не осудите меня за маленькую задержку; но хуже то, что третью главу (дуэль с Мартыновым) я успел только просмотреть. Первые две прочитал внимательно. Раньше-то я читал всё, но не с точки зрения «оппонента».

Вот мои соображения

О «Думе» (стр. 37–38) надо бы теперь сказать еще что-то или иначе.

С Браницким (как я говорил) надо что-то сделать, чтобы его биография не была такой одиозной — или уж, наоборот, третировать его как каналью.

Стр. 17. А.А. Столыпин вряд ли принял бы участие в суде — не такой был человек; Вы судите как современный человек.

Стр. 27. Думаю, что и Фредерикса не следует причислять к «тем немцам» и пр.

Стр. 71. «Кружок 16» и славянофилов нельзя называть «двумя течениями»: явления несравнимые по масштабу.

Стр. 80–81. Почему Вы не говорите здесь о Хомякове? (Рисунок в альбоме и пр.).

Стр. 84. Неясно, почему Печорин — «прямой наследник петровской реформы»? И верно ли это?

Стр. 88. Неясно, что значит «газета демократического направления»[1] — тем более, что эта газета была, и вопрос о появлении в ней перевода «Героя нашего времени» — интересная проблема. Тут же «любопытно» — не то слово.

Стр. 96. Почему Theodor Wehl — Федор Вейль?

О Бахерахт — слишком много, слишком «элегантно» (немножко вроде Л.П. Гроссмана[2]) и кое-где непонятно, поскольку в общем она производит впечатление взбалмошной авантюристки.

Стр. 118. О стих. «На светской цепи» — вдруг и, вообще, эти страницы написаны как-то беспорядочно.

Стр. 125. Почему ни слова о «Посл<еднем> новоселье»?

Стр. 127. «Незамеченному» — преувеличено.

Стр. 128. «Сказка для детей» должна датироваться 1840-м годом — у меня об этом в примечании в «Ученых записках ЛГУ», № 87 (Саратов, 1943).

Стр. 134. Барант мог обратиться с письмом к Тьеру только после 1 марта 1840 (Тьер стал министром иностранных дел), т.е. после дуэли. Это важно учесть. О Барантах как-то чересчур густо и скачками.

Стр. 166. Надо ли так пышно о «национальном сознании» и пр.?

Стр. 168. С Мартыновым — неточность.

Стр. 214. Всё о «Бесах» надо убрать в особое примечание или приложенье.

Так занят и так устал от всяческих дум и впечатлений, что на этом кончу. Жду Ваших сообщений о дальнейшем и желаю Вам всего, всего хорошего!

Ваш Б. Эйхенбаум

Письмо представляет собой отклик на диссертацию Э.Г. и список замечаний к ее тексту; по-видимому, на каком-то этапе определенно предполагалось, что Б.Э. будет оппонентом на ее защите.

[1] Из этого письма неясно, о каком издании идет речь; продолжение темы см. в письме 30 и в примеч. к нему.

[2] Леонид Петрович Гроссман (1888–1965) — писатель, пушкинист.

25. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 2 января 1948 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю ясного настроения в этом году. Благодарю Вас за Ваши важные для меня замечания. Но я получила их только на днях, т.к. мои друзья ждали оказии для пересылки рукописи. Поэтому я еще не успела ориентироваться, много ли мне нужно работать над ней. Я очень сейчас занята в связи с музеем Белинского[1], [нрзб] это все-таки не дает мне регулярного заработка,

не бросаю мысли о П<ушкинском> Д<оме>[2]. А как там, есть ли перспективы? Я очень интересуюсь этим. Простите за краткость, но мой почерк не приспособлен к открыткам. На днях я напишу Вам письмо. Э.Г.

На почтовой открытке.

[1] Возможно, речь идет об участии Э.Г. в создании экспозиции в здании Чембарского уездного училища в городе Чембаре, переименованном в юбилейный год (100-летие со дня смерти В.Г. Белинского) в город Белинский; экспозиция была открыта в 1948 г.

[2] Э.Г. думала о переезде в Ленинград и о работе в Пушкинском Доме, в 1948 г. она прилагала к этому определенные усилия.

26. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 24 марта 1948 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Я всё еще только собираюсь написать Вам письмо с отчетом о моих диссертационных делах и планах и с выражением моего благодарного и дружеского чувства к Вам.

Пока ограничусь сообщением голых фактов.

Диссертация еще не переделана.

Статья о дуэли с Барантом для «Лит. наследства»[1] переработана.

Дружу с Ираклием.

Жажду обо всем рассказать Вам лично и обменяться разными впечатлениями.

Я так этого хочу, что, кажется, приеду в Ленинград, не дожидаясь диссертации.

Желаю Вам всего хорошего, бодрости
и интереса к жизни. 2 последние пункта, кажется
Вами выполняются.

Э. Герштейн

---

[1] См. примеч. 1 к п. 6.

27. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 17 ноября 1948 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Извините меня, пожалуйста, что я не попрощалась с Вами. Я была занята добыванием билета, перед праздником это было

трудно, телефона под рукой не было, и я так и уехала 6.XI. Вопрос о моем переезде уперся в квартиру, и я теперь здесь занимаюсь вопросом о возможности обмена. С большим сожалением покидала я Ленинград. И среди ленинградских впечатлений беседы с Вами вспоминаются как что-то светлое, теплое и уютное. Очень мне было у Вас хорошо. Как Вы себя чувствуете? Наладились ли сон и труд? Как принимается лермонтовский том?

Привет Ольге Борисовне и Лизе.

Желаю Вам всего хорошего.

Э. Герштейн

28. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

<Москва> 23 октября 1951 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Извините, что я после такого большого перерыва в нашей переписке сразу обращаюсь к Вам с просьбой. Но я сейчас не могу написать Вам письмо, которое выражало бы мои истинные чувства к Вам — всегда неизменно дружественные, а дело у меня очень срочное.

Мне почему-то так не везет в библиотеках, что я никак не могу получить тот выпуск (саратовский) Ученых Записок ЛГУ, где напечатана Ваша статья о «Сказке для детей»[1]. Нет ли у Вас лишнего экземпляра? А если есть, не затруднило бы Вас мне его выслать? Сейчас пойдет в набор моя статья о «Тамбовской казначейше»[2], я ее оторвала от общей статьи о полемике с Булгариным[3]. В новой редакции я кое-что добавляю о «Сказке для детей» и мне бы очень не хотелось миновать последнее Ваше мнение об этой повести. А я так его и не узнала.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо. По крайней мере, мне всегда так о Вас рассказывают.

И. Андронников выпустил бесспорно плохую книгу[4].

Желаю Вам всего хорошего!

Буду бесконечно Вам благодарна, если Вы

пришлете мне эту книгу*.

Может быть с возвратом? Только чтобы прочесть.

С сердечным приветом

Э. Герштейн

* не книгу Андронникова, а Вашу статью.

[1] См. п. 28.

[2] *Герштейн Э.* «Тамбовская казначейша» // ЛН. Т. 58: Пушкин; Лермонтов; Гоголь. М., 1952. С. 401–405.

[3] Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) — писатель, журналист, издатель (совм. с Н.И. Гречем) газеты «Северная пчела» (1825–1859) и журнала «Сын Отечества» (1825–1840).

[4] Речь о книге: *Андроников И.* Лермонтов. Новые разыскания. [М.], 1948.

29. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 27 октября 1951 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Я всегда с радостью готов выполнить любую Вашу просьбу, но в данном случае я бессилен — просто потому, что никакой статьи о «Сказке для детей» у меня не было и нет. Это — какое-то библиографическое недоразумение. В саратовском выпуске «Ученых записок» напечатана моя статья — «Общественно-политические декларации Лермонтова»: это кусок из большой статьи, напечатанной в Лермонтовском томе «Лит. наследства», с очень немногими отличиями от нее. Здесь речь идет о стихотворениях: «Дума», «Поэт», «Не верь себе», «Журналист, читатель и писатель», «Родина», «Последнее новоселье». О «Сказке для детей» сказано только в примечании к цитате из ее чернового текста:

Меж тем о благе мира, чуждых стран

Заботимся, хлопочем мы не в меру и т.д.

Эти строки я цитирую в связи с вопросом о «Последнем новоселье», — и именно здесь есть то, чего нет в «Лит. наследстве». Я пишу: «Лермонтов понимал, что вопрос о перенесении праха Наполеона, поднятый Тьером в мае 1840 г., был подсказан не желанием восстановить и увековечить память о великом человеке, а совсем другими соображениями и мотивами. Франция переживала очень острый момент — как внутри, так и вовне, и 1840-й год был в этом отношении почти катастрофическим. Международная политика Тьера, возглавлявшего министерство с 1-го марта, привела к изоляции Франции в вопросе о турецко-египетском конфликте и к объединению Англии с Россией! Франция бряцала оружием, но объявить войну не решалась. В итоге вопрос был решен без ее участия — к великому удовольствию Англии и России, стремившихся именно к такому исходу. Для Франции этот исход был совершенным позором, небывалым в летописях ее истории. Надо

сказать, что Лермонтов был, очевидно, хорошо осведомлен обо всех этих международных делах и отношениях — гораздо лучше, чем Хомяков».

Тут следует цитата из «Сказки для детей» (где говорится о Тьере) — и затем я продолжаю: «Турецкий султан Махмуд, вступивший в борьбу с восставшим против него египетским пашой Мехмет-Али, умер 30 июня 1839 г.; новый султан, юный Абдул-Меджид, продолжал эту борьбу. Франция, в отличие от всех других европейских держав, поддерживала пашу. Это положение, приведшее к полному падению международного значения Франции, отразилось в цитированных строках Лермонтова». К этому месту — примечание: «На основании этих строк можно, между прочим, довольно точно датировать “Сказку для детей”. Старый султан умер в 1839 г., но Тьер вступил в министерство и возглавил его 1-го марта 1840 г., и вышел 29 октября того же года. “Сказка для детей” была, значит, написана в 1840 г., но не раньше марта, т.е. уже после дуэли с де Барантом» (Ученые записки ЛГУ, № 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943, стр. 170).

Вот всё, что Вам может пригодиться.

Физически я вполне здоров; душевно — не очень.

Очень тоскую и трудно работаю.

А книга Ираклия — не столько даже плохая, сколько противная. Я не могу ее читать.

Будьте здоровы! Очень радуюсь, что Вы работаете, и очень интересуюсь.

Ваш Б. Эйхенбаум

30. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

1 января 1957 г.

Дорогой Борис Михайлович!

Поздравляю Вас с Новым годом! Очень хочу, чтобы в этом году вышло из печати что-нибудь самое главное для Вас и для нас. Чтобы слышен был новый голос современного Эйхенбаума. А проще сказать, я очень интересуюсь, что Вы нам расскажете о Л. Толстом, и когда это выйдет.

Меня приняли в Литфонд. Уф! Это было трудно. Сообщаю Вам об этой некоторой перемене в моей судьбе, п<отому> ч<то> и Вы участник этого дела.

Борис Михайлович, а кто первый сказал, что в Долохове есть черты Р. Дорохова? Сам Л. Толстой, небось, нигде не упоминает это имя? Я тут нашла кое-какой материал про Дорохова, и нигде не могу найти первоисточник. Кроме как «говорят» ничего нет.

Жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего.

Э. Герштейн

31. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 23 апреля 1959 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Набралось сразу столько срочной работы, что я напишу Вам сейчас только об интересующем Вас финансовом вопросе. В Лениздате[1] работает одна моя бывшая ученица, очень милая женщина (она — редактор в литературном отделе). Я обратился к ее помощи; она переговорила с заведующей краеведческим отделом (по которому идет Ваша книга), без суждения которой директор не волен вынести решение, — и тут произошло нечто странное. Эта мадам заведующая заявила, что «Эйхенбаум уже опоздал», что были уже ходатайства об авансе со стороны Западова[2] и К.И. Чуковского («целое послание»). Казалось бы — ничего дурного или «подозрительного» в этом нет? Но у мадам — женская логика: «почему такой шум?» И вот — предложение: гарантийного письма от издательства не нужно, потому что, мол, договор представляет собою достаточную для Литфонда гарантию; а есть, мол, другой путь: Эмма Григорьевна говорила, что у нее весь материал собран и что книга почти готова. Пусть она представит, как образец, какую-нибудь часть — и Лениздат переключит безавансовый договор на авансовый. Мадам почему-то боится, что Вы напишите не популярную книгу для массового читателя, а академическую «диссертацию».

Они там, по-видимому, чем-то раздражены: насколько я понял — тем, что договор на «ленинградскую тему» заключен (под чьим-нибудь нажимом?) с москвичкой. Не знаю наверно, так ли это, но мне так показалось. Вот и весь результат моих дипломатических переговоров.

Ваша статья[3] очень интересна и убедительна, но остается неясным вопрос относительно стих<отворен>ия А.А. Углицкой[4]: почему в 1841 году явился опять этот «мятлевский» стих?

Очень интересно мне, что Вы скажете об этом наполовину загадочном (особенно при наличии картинки) «Жур<налисте>,

чит<ателе> и писателе». Тайна? Бывает, что приходится временно скрывать — особенно в наше время, когда рвут из рук и портят.

Всего хорошего!

Ваш Б. Эйхенбаум

---

[1] Э.Г. намеревалась выпустить в Лениздате книгу о Лермонтове по материалам своей диссертации, защита которой так и не состоялась; в этом ей помогали А.В. Западов, К.И. Чуковский и Б.М. Эйхенбаум.

[2] Александр Васильевич Западов (1907–1998) — литературовед, писатель.

[3] *Герштейн Э.* «Мятлевские» стихотворения Лермонтова // Вопросы литературы. 1959. № 7. С. 170–173.

[4] Речь о стихотворной шутке Лермонтова, посвященной его родственнице Александре Александровне Углицкой, в замуж. Альбрехт (1822–1862) и написанной по поводу ее предстоящего замужества в апреле 1841 г.; вопрос Б.Э. порожден стилистическим сходством шутки Лермонтова с «макаронической» поэзией И.П. Мятлева, из-за чего он сам в лермонтовском собрании датировал стихи «И.П. Мятлеву» и «Любил и я в былые годы…» 1841 г.; см. п. 32, из которого следует, что датировку Герштейн (1840) Эйхенбаум принял.

32. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Ленинград> 14 мая 1959 г.

Дорогая Эмма Григорьевна!

Ваши слова — «до письма все-таки остается расстояние, трудно преодолимое из-за общей усталости» — относятся и ко мне. Т<ак> ч<то> я Вас прекрасно понимаю. Я так и понял Ваше молчание, а между тем один любезный француз, приезжавший к нам в Пушк<инский> дом, прислал мне сделанный в Парижской национальной библиотеке микрофильм — полный текст перевода «Героя нашего времени» (из “Democratie pacifique”)[1].

Что касается стихотворений «И.П. Мятлеву» и «Любил и я в былые годы», то я передвинул их в 1841-й год не из-за «Радуги» (насколько помню), а из-за замужества А.А. Углицкой, которое совершилось в апреле 1841-го года. Стихотворение, к ней обращенное и написанное по-мятлевски[2], датируется 1841-м годом (“Quard vous serez Madam”), я решил, что и другие два, связанные с чтением «Курдюковой», относятся к этому времени.

Я думал, что моя заметка о тексте «Героя нашего времени» появится раньше[3]; седьмая книжка «Вопросов литературы» выйдет не раньше августа, а то и в сентябре — читатели забудут, о чем шла речь. Но и то хорошо!

Ваша передатировка меня радует: эти стихи больше подходят к 1840 году, чем к 1841-му; но, значит, они были написаны в самом начале 1840 года, до дуэли?

Пришлось мне, как я ни отбивался, написать вступительную (фактически — «заключительную») статью о Лермонтове для IV тома подписного издания Акад<емии> наук, поскольку я пообещал Б.В. Томашевскому редактировать этот том (прозу). Кстати: видели ли Вы недавно вышедшее новое издание книги Томашевского («Писатель и книга») с моей статьей-некрологом — «О текстологических работах Б.В. Томашевского»?[4]

Пришлось вспомнить старину!

У меня в планах книга — «Основы текстологии», но до того — представьте! — книга о Лермонтове[5]. В прошлом году я написал большую работу о «Герое нашего времени» (часть ее появится осенью в нашем пушкинодомском журнале «Русская литература»)[6], а до того — о драмах Лермонтова[7]. Хочу соединить это в дополненном виде в книгу — и, конечно, надо еще написать о лирике. Поэмы я, кажется, обойду — не очень их люблю*.

До 20-х чисел июня буду в городе, а потом уеду в Эстонию, в так называемую Усть-Нарву, к морю!

Как хорошо, что статья Дружинина напечатана![8] Это — большое дело. Конец моей вступительной статьи опирается на эту публикацию — и на то, что Вы сказали в статье (о Дорохове).

Будьте здоровы! Надеюсь, что увижу Вас?[9] Мне бы очень хотелось побеседовать с Вами о «Не верь себе» и «Журналист, читатель и писатель».

Всего Вам хорошего!

Б. Эйхенбаум

* В них есть какое-то напряжение усталых мышц, — что-то очень нерусское, какая-то борьба с западом.

---

[1] “Démocratie pacifique” — журнал, основанный в Париже писателем Альфонсом Туссенелем (Toussenel; 1803–1885); перевод «Героя нашего времени», выполненный А.А. Столыпиным (Монго), появился в нем в 1846 г. См. в п. 23 замечание об этом журнале-газете.

[2] В начале 1840 г. И.П. Мятлев приехал в Петербург и забавлял общество чтением своей макаронической поэмы «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л’этранже»; под влиянием этой поэмы Лермонтовым написаны три стихотворения. Герштейн в статье «“Мятлевские” стихотворения Лермонтова» уточнила даты написания двух из них — «И.П. Мятлеву» и «Любил и я в былые годы…»: 1840 год; см. примеч. к п 29.

[3] См.: *Эйхенбаум Б.* О тексте «Героя нашего времени» // Вопросы литературы. 1959. № 7, июль-авг. С. 168–170.

[4] См.: *Эйхенбаум Б.М.* О текстологических работах Б.В. Томашевского // Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. Б.В. Томашевский погиб летом 1957 г.

[5] Реализацией этих планов стала книга статей, изданная посмертно: *Эйхенбаум Б.М.* Статьи о Лермонтове. М.–Л., 1961.

[6] См.: *Эйхенбаум Б.* О смысловой основе «Героя нашего времени» // Русская литература. 1959. № 3. С. 8–27.

[7] Возможно, частью большой работы о драмах Лермонтова была статья: *Эйхенбаум Б.* «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия // М.Ю. Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 45–56.

[8] Речь о статье критика Александра Васильевича Дружинина (1824–1864) «Сочинения Лермонтова. Издание С.С. Дудышкина. СПб, 1860 года», см.: Новый источник для биографии Лермонтова: Неизвестная рукопись А.В. Дружинина / Статья и публ. Э. Герштейн // ЛН. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. М., 1959. С. 615–644. В статье Э.Г. обращает внимание на рассказы о Лермонтове Руфина Ивановича Дорохова (1801–1852), знаменитого бретёра, с которым Дружинин встречался на Кавказе и который поведал ему свою историю последней дуэли Лермонтова.

[9] Герштейн приезжала в Ленинград в июле 1959 г.

33. Б.М. Эйхенбаум — Э.Г. Герштейн.

<Усть-Нарва. 30 июня (?) 1959 г.>

Дорогая Эмма Григорьевна!

Я обещал теперь же написать Вам о новой Вашей работе — «Романтическая любовь Лермонтова»[1]; исполняю это обещание, хотя заранее скажу, что это исполнение оказалось нелегким. Ваша работа требует внимательного обдумывания и перечитывания, а Вы ведь скоро уедете[2]; притом я взялся за <u>свою</u> работу, а это мешает понимать чужую мысль.

Итак, простите за краткость и, может быть, неосновательность.

Я ценю исследования «прототипности», если они приводят к переосмыслению текста, к обнаружению «цикла» — к литературным или философским выводам, которых раньше не было сделано. В первом разделе Вашей работы это есть — и достаточно убедительно. Впрочем, отнесение стих<отворен>ия «Как небеса твой взор блистает» к С.М. Виельгорской вызывает некоторое сомнение, поскольку оно слишком окрашено «кавказским» колоритом. Странно было бы предложить Софье Михайловне «за звук один волшебной речи» — грузинский булат; и при чем здесь «бранная жизнь»? Это тем более странно, если сей «булат» — тот самый, который был поднесен Лермонтову «в минуту расстава-

ния», со слезами — «любви залог немой». Получается как-то неладно! Не очень убедительно и то, что цитата из «Большого света» — пародия на строфу из ст<ихотворен>ия «Есть речи»: слов «и пламень и свет» слишком мало для такого утверждения. А самое это стихотворение может быть обращено и к Щербатовой[3] — у нее слова «исполнены тайны» (кстати — глаза у нее «прозрачны и сини»).

Мне кажется, что С.М. Виельгорскую-Соллогуб хорошо ввести в комментарий к некоторым стихотворениям, но надо ли делать это с такими подробностями и даже (как мне кажется) натяжками? Дает ли это что-нибудь существенно новое для биографии? А для понимания стихотворения — очень мало, п<отому> ч<то> не только действительность определяет творчество, но и наоборот — стиль отношений и чувств определяется стилем эпохи.

Еще мне кажется, что никак нельзя в такой работе уступить место боя Ираклию и отделаться кокетливым «Может быть… не знаем…». Это одна из бессмыслиц, на которых он по-восточному любит стоять. Можно ли о живой Лопухиной[4] говорить, что сказано в стих<отворен>ии (лист 20) «Нет не тебя так пылко я люблю»?! «В устах живых — уста давно немые» — это же о мертвой! «Глаза, ныне закрытые навеки» — тоже! А пока не снято, что это стих<отворен>ие обращено к С.М., нельзя уверенно строить весь цикл.

Что касается «Штосса», то многое кажется мне запутанным, неубедительным, лишним. Я бы поступил иначе: написал бы отдельные этюды, посвященные 1) лирическому циклу, в котором можно видеть общее начало — личность С.М. Виельгорской (но с тем, чтобы так или иначе решить проблему «Нет, не тебя»); 2) анализ повести «Большой свет» в отношении конкретных намеков и 3) наблюдения над «Штоссом» (злободневность, намеки на известные факты и проч.). Ведь при анализе «Штосса» нельзя обойти и то, что рассказала Ростопчина[5] и в связи с чем возник естественный вопрос — «Уже не пародия ли он?» Это тем более естественно, что у Лермонтова очень часто скрыта пародия — и в самой серьезной оболочке. Я, например, пришел к выводу, что в «Тамани» есть глубочайшая и очень едкая пародия на Гете.

Ну, вот и всё. Учтите, что на сей раз Ваша работа, по своей направленности, очень «женская», а во мне говорит мужское недоверие к такого рода темам и проблемам — извините!

Как Ваши дела с Лениздатом?[6] Я здесь уже начал трудиться — тем более, что новый циклон кинул меня с пляжа прямо к письменному столу.

Будьте здоровы! Анне Андреевне — если увидите ее — глубокий привет.

Ваш Б. Эйхенбаум

Номер нашей дачи оказался не 16, а 18. Я буду здесь до 20-х чисел августа.

Ленинград. Ул. Красной конницы, д. 4, кв. 3.

Анне Андреевне Ахматовой для Эммы Григорьевны Герштейн

Усть-Нарва Эстонской ССР. Улица Вильде, д. 18.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте — 1.7.59.

[1] Эта статья о С.М. Виельгорской не была опубликована, но позднее использовалась Герштейн в работе над книгой «Судьба Лермонтова» (глава «За страницами Большого света»). С именем графини Софьи Михайловны Соллогуб, урожд. Виельгорской (1820–1878), связывают несколько лирических стихотворений Лермонтова.

[2] В июле 1959 г. Э.Г. гостила в Ленинграде.

[3] Марией Алексеевной Щербатовой, урожд. Штерич (ок. 1820–1879), Лермонтов был увлечен в 1830–1840 гг., ей посвящены стих. «Молитва» («В минуту жизни трудную…») и «М.А. Щербатовой».

[4] Варвара Александровна Лопухина, в замуж. Бахметева (1815–1851) — одна из самых глубоких сердечных привязанностей Лермонтова; ей посвящен большой цикл стихотворений.

[5] Евдокия Петровна Ростопчина, гр., урожд. Сушкова (1811/12–1858) — писательница; в юности Лермонтов увлекался ею; в последний свой приезд в Петербург зимой 1841 г. он много и дружески общался с нею; ей посвящено стихотворение «Графине Ростопчиной» («Я верю: под одной звездою…»).

[6] Книга Герштейн о Лермонтове (по материалам ее диссертации) в Ленинграде издана не была; в 1964 г. в Москве вышла ее книга «Судьба Лермонтова» (М.: Сов. писатель, 1964. 496 с.).

34. Э.Г. Герштейн — Б.М. Эйхенбауму.

5 октября 1959 г.

Дорогой Борис Михайлович!

С самого лета мне хотелось выразить Вам мои теплые чувства и благодарность за чтение моей рукописи. Но мне мешало то, что вы ее отвергли. Я постаралась начисто ее забыть, а вместе с ней искусственно отодвинуть всё, что с нею связано. Вот какая у меня тонкая душа!

Наконец сегодня только я поняла, что не так обязательно посылать Вам глубокомысленное письмо. Поэтому пишу бессодержательное, зато Вы вспомните, что я Вас глубоко уважаю и люблю.

Э. Герштейн.

P.S. Таня Литвинова мне говорила, что Вы сейчас работаете над Толстым. А что же Лермонтов?

P.P.S. Мою статью я сейчас начинаю переделывать, следуя Вашим советам.

P.P.P.S. В Москве появился молодой человек, который очень интересно говорил о вариантах «Анны Карениной». Его зовут Эдуард Григорьевич Бабаев[1]. Он ташкентский педагог и год будет готовить в Толстовском музее диссертацию. О Вас он говорит с благоговением и мечтает Вас посетить, когда будет в Ленинграде. Впрочем, он меня вовсе не просил об этом Вам сообщать, я просто разболталась.

[1] Эдуард Григорьевич Бабаев (1927–1995) — литературовед, текстолог, поэт и мемуарист; в отроческие годы был знаком с А.А. Ахматовой и оставил воспоминания о ее пребывании в Ташкенте в эвакуации.

Литература

Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом // Литературное наследство. Т. 45/46: М.Ю. Лермонтов. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 389–432.

Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 537 с.

Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М.: Худ. лит., 1986. 355 с.

Новый источник для биографии Лермонтова. Неизвестная рукопись А.В. Дружинина / Статья и публ. Э.Г. Герштейн // Литературное наследство. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 615–644.

Эйхенбаум Б. Мой временник: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. 652 с.

References

Eikhenbaum B. *Moi vremennik: Khudozhestvennaia proza i izbrannye stat'i 20–30-kh godov* [My chronicle: Prose and selected articles of the 1920–1930s]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 2001. 652 p. (In Russ.)

Gershtein E. Duel' Lermontova s Barantom [Lermontov's duel with Barant]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 45/46: M.Iu. Lermontov. II* [Literary heritage. Vol. 45/46: M.Yu. Lermontov. II]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 389–432. (In Russ.)

Gershtein E.G. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998. 537 p. (In Russ.)

Gershtein E.G. *Sud'ba Lermontova* [Lermontov's fate]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 355 p. (In Russ.)

Novyi istochnik dlia biografii Lermontova. Neizvestnaia rukopis' A.V. Druzhinina [A new source for Lermontov's biography. Unknown manuscript by A.V. Druzhinin], essay and publ. E.G. Gershtein. *Literaturnoe nasledstvo. T. 67: Revoliutsionnye demokraty:*

Novye materialy [Literary heritage. Vol. 67: Revolutionary democrats: New materials]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 615–644. (In Russ.)

"In Moscow there's nobody to talk about Lermontov with": Correspondence of Emma Gershtein and Boris Eikhenbaum

© 2019, Alexander Kryukov, Nadezhda Tarkhova

Abstract: The correspondence of Emma Grigoryevna Gershtein (1903–2002) and Boris Mikhailovich Eikhenbaum (1886–1959) is introduced into scientific circulation, being important both for characterizing personalities and scientific methods of two philologists and for supplementing the history of Russian literary criticism of the Soviet period. The correspondence, which lasted for more than twenty years, is an interesting document, which reflected many aspects of its authors' life, especially their deep scientific interest in Mikhail Lermontov's life and work. The correspondence gives an idea of many circumstances of its participants' life, contains information about the events of scientific life in Moscow and Leningrad, about fellow philologists, about preparation of books and articles for publishing, about working on exhibitions and archives of past years. Emma Gerstein's discover the gradual formation of a profound researcher of Lermontov's works, who went his own way in philology and had his own voice. The combination of facts, events, individual features gave her the opportunity to reconstruct many realities of Lermontov's creative life, to reinterpret the content of works, to clarify dates and relations with people. As a rule, Gerstein turns to Eichenbaum with questions and problems regarding her work on the Lermontov theme, where Eichenbaum's letters, with few exceptions, are just reciprocal.

Keywords: Emma Gershtein, Boris Eikhenbaum, history of literary criticism, Mikhail Lermontov, "Circle of 16"

Information about the authors: Alexander Kryukov, Dr Hab, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia. E-mail: cardinius@yandex.ru

Nadezhda Tarkhova, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: speranza09@yandex.ru

Citation: Kryukov Alexander, Tarkhova Nadezhda. "In Moscow there's nobody to talk about Lermontov with": Correspondence of Emma Gershtein and Boris Eikhenbaum. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 180–227. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-180-227

ИДЕОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-228-251
УДК 821.161.1

Н.А. Полевой и III отделение

© 2019, А.И. Рейтблат

Аннотация: Цель статьи — обобщить уже известные сведения о контактах Н.А. Полевого с III отделением, ввести в научный оборот ряд новых документов по данной теме, в том числе переписку Н.А. Полевого и начальника III отделения А.Х. Бенкендорфа, и на этой основе дать характеристику контактов литератора с политической полицией. III отделение занималось главным образом наблюдением за поведением и отношением к власти и ее политике различных слоев общества, а также формированием «общественного мнения». Для этой цели оно стремилось взять под свой контроль журналистов. В статье показан, что в случае с Н.А. Полевым III отделение успешно решило стоявшую перед ним задачу: руководители отделения лично устно и письменно указывали ему на отклонения от «верных» взглядов, а также поощряли морально и материально (с помощью регулярных денежных выплат). В результате, если в начале деятельности Полевого критика отдельных недостатков и призывы к реформам сочетались у него с восхвалением монарха и России (причем скорее не ее прошлого и настоящего, а будущего), то позднее он отказался от критики и писал в основном тексты, полезные режиму — панегирические монархические статьи и исторические монархическо-патриотические книги и пьесы. Более того, он был благодарен царю и III отделению за поддержку. Представленные в статье факты вносят важные уточнения в историю взаимоотношений журналистики и власти в первой половине XIX в.

Ключевые слова: III отделение, Н.А. Полевой, А.Х. Бенкендорф, Л.В. Дубельт, литература и власть.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Цитирование: *Рейтблат А.И.* Н.А. Полевой и III отделение // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 228–251. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-228-251

Основной задачей III отделения, вопреки широко распространенным представлениям, было не столько подавление протестов против существующего строя, сколько «профилактика»: сбор информации о происходящем в стране, главным образом о «направлении умов», а также влияние на общественное мнение с целью обеспечить порядок и спокойствие. Для этой цели III отделение стремилось взять под свой контроль журналистов, причем делало это достаточно гибко. Если Министерство народного просвещения, которое, казалось бы, должно способствовать развитию в стране журналистики и литературы, довольно жестко пресекало любые отклонения от официальной линии с помощью цензуры, а в период руководства С.С. Уварова инициировало закрытие ряда изданий («Московский телеграф», «Телескоп»), то руководители III отделения, с одной стороны, «журили» журналистов в случае «ошибок», а с другой — заказывали им нужные материалы. Весьма наглядно это демонстрируют связи III отделения с редакторами газеты «Северная пчела» Ф.В. Булгариным и Н.И. Гречем[1].

Хорошим примером подобной политики являются и отношения III отделения с Н.А. Полевым. В данной работе мы ставим целью обобщить уже известные сведения о контактах Полевого с III отделением, ввести в научный оборот ряд новых документов по данной теме и на этой основе дать характеристику этих контактов.

Полевой с 1825 г. издавал журнал «Московский телеграф», в котором увлеченно и талантливо отстаивал идеи романтической эстетики и романтической историографии, а также, в пределах допустимого, реформирования политического и экономического строя России. М.К. Азадовский отмечал, что «основными пунктами его программы были ликвидация крепостного права, раскрепощение промышленности и расширение правового положения “третьего сословия”»[2]. Полевой был сторонником всеобщего просвещения, развития промышленности и науки, приобщения к достижениям европейской цивилизации[3]. Журнал его имел большой успех у читателей и вызывал настороженное, а временами и враждебное отношение правительственных кругов.

---

[1] См.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М., 1998; *Рейтблат А.И.* Наблюдательный Наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164.

[2] *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: В 2 т. М., 2013. Т. 1. С. 235.

[3] См.: *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981. С. 27–35.

Возлагая надежды на реформы, Полевой не был не только революционером, но даже оппозиционером. Он являлся сторонником постепенного развития как экономики, так и самого русского общества; «идеал Полевого — просвещенная, заботящаяся о благе своего государства монархия, сила которой “в уважении, в привязанности народов”»[4].

Вот как он излагал свою программу в предисловии к роману «Клятва при гробе Господнем»:

> Судьба русской земли необыкновенна тем, что Русь поставлена между Югом и Севером, между Европою и Азиею, обширна, могущественна, но младшая сестра всем другим европейцам. До Петра Русь возрастала отдельно от Запада: была в Европе и вне Европы. Только Петр начал настоящее образование Руси. Форма сего образования долженствовала быть *европейская, а* не азиатская <…>. Прошло уже сто лет, как мы вдвинуты в Европу, но — только *вещественно.* <…> по *умственному* образованию — мы всех европейцев моложе, мы еще дети!
>
> <…> Мы производители, мы должны помогать правительству, создавая русскую промышленность, русское воспитание, русскую литературу, словом — *русское внутреннее образование, или проявление внутренних сил России.* Для этого необходимо: 1-е, *и начальное:* искреннее сознание у нас существующих недостатков; 2-е, справедливое сознание чужеземных преимуществ; 3-е, верное познание сущности самих себя; 4-е, умение пользоваться чужим хорошим, отвергая чужое дурное. <…> Мы победили Европу мечом, мы победим ее и умом: создадим свою философию, свою литературу, свою гражданственность, под сению славного престола великих монархов наших![5]

В своих публикациях на политические темы Полевой неизменно панегирически отзывался об императоре и проводимой им внешней и внутренней политике. Вот показательные высказывания 1828 г.: «Ни одно государство в мире не представляется нам ныне в виде столь славном и исполненном стольких надежд. Юный государь и новые поколения русских вступили на поприще истории, и вступление их ознаменовалось в сильных и решительных порывах». Перечислив как военные победы, так и действия по упрочению законности, развитию промышленности, торговли и сельского хозяйства, а также

[4] Там же. С. 45.

[5] *Полевой Н.А.* Клятва при гробе господнем: Русская быль XV века. М., 1832. Ч. 1. С. XII, XV–XVI, XXVI.

науки и просвещения, Полевой заключал: «…друг человечества с радостью замечает повсюду подвиги Монарха, деятельного и неусыпно думающего о благе подданных, столько же, сколько о государственной чести России и военной славе ее»[6].

Выступая, как и близкие ему по взглядам Булгарин и Греч, против дворянства, прежде всего аристократии, Полевой возлагал все надежды на царя, надеясь, что тот ограничит дворянские притязания и будет способствовать экономическому (т.е. буржуазному) развитию России. Названные журналисты, критикуя «либеральное» (оппозиционное, но на самом деле скорее консервативное) дворянство в лице пушкинского круга литераторов, поддерживали программу постепенных экономических и, частично, политических преобразований в России[7]. В этом глубинная причина доверия к ним со стороны руководителей III отделения, частично разделявших эту программу. Ведь Николай I проводил (особенно в начале царствования) реформы, направленные на кодификацию законодательства, развитие экономики и системы образования, поддержку купечества, облегчение положения крестьян. При этом он с некоторым недоверием относился к дворянству, из среды которого вышли декабристы, и больше доверял заинтересованному в нем купечеству и вообще «народу».

Разумеется, доверие III отделения к Полевому не было «полным»: в случае «промахов» и «ошибок» Полевого, как и издававших официозную «Северную пчелу» Греча и Булгарина, ждали замечания, выговоры, а иногда и более строгие наказания. Так, когда в 1829 г. Полевой поместил в № 14 «Московского телеграфа» сатирический очерк «Приказные анекдоты», в котором речь шла о том, как чиновники обманывают малокомпетентных губернаторов, Николай, ознакомившись с ним, дал Бенкендорфу указание, чтобы начальник Московского округа корпуса жандармов генерал А.А. Волков вызвал к себе Полевого и пропустившего статью цензора С.Н. Глинку

[6] [*Полевой Н.*] Историческое обозрение первой половины 1828 года // Московский телеграф. 1828. Ч. 22. № 13. С. 157, 164–165. Об авторстве Полевого см.: *Шикло А.Е.* Указ. соч. С. 50. Близкие по содержанию и по тону оценки деятельности Николая I см.: [*Полевой Н.*] Взгляд на 1829 год // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 1. С. 110–111, 119, 121; [*Полевой Н.*] Историческое обозрение 1830 года // Московский телеграф. 1831. Ч. 37. № 1. С. 114, 116.

[7] Подробнее о политических взглядах Полевого, Булгарина и Пушкина см.: *Орлов Вл.* Николай Полевой — литератор тридцатых годов // Николай Полевой: материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 20–37; *Рейтблат А.И.* Пушкин как Булгарин: к вопросу о политических взглядах и журналистской деятельности Ф.В. Булгарина и А.С. Пушкина // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 57–91.

и предупредил, что «при первом случае, когда появится вновь такого рода статья, то поступлено будет с ними по закону»[8], а Глинке сделал строгий выговор. Полевой в ответ написал А.А. Волкову объяснительную записку, где уверял, что имел в виду только «общественную пользу и славу монарха русского», извинялся за свой невольный проступок и просил:

> Чтобы извлечь надлежащую пользу для общества из критических статей о нравах, и с тем вместе действовать сообразно намерениям и воле правительства, да позволено мне будет отныне прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода <...> цензуре особенной, доставляя их для рассмотрения к вашему превосходительству. Я осмеливаюсь думать, что тогда ревность моя действовать сочинениями к исправлению нравов и тем споспешествовать благодетельным видам правительства не вовлечет меня в неумышленную ошибку <...>. Во всем этом, ваше превосходительство, изволите видеть искреннее желание: согласить пользу посильных трудов моих с сохранением порядка общественного. Как русский, пламенно любящий славу монарха, видящий в нем не только государя, но и великого, гениального человека нашего времени, я уверен, что его светлый ум знает и ценит все, даже и малейшие средства действовать на подвластный ему народ, сообразно мудрым его предначертаниям[9].

Письмо это Бенкендорф доложил царю, а тот на докладе наложил резолюцию: «Дозволить г. Волкову рассматривать критические статьи»[10]. Полевой получил возможность защититься от возможных строгостей цензуры и гарантию от преследований за подобные публикации в дальнейшем.

Другие публикации в «Московском телеграфе» также нередко вызывали недовольство властей. В том же 1829 г. министр народного просвещения К.А. Ливен поручил попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву «поставить на вид» Московскому цензурному комитету за пропуск напечатанной в № 10 «Московского телеграфа» лекции французского философа Кузена по философии, поскольку эта лекция «заключает в себе вредное учение о вере и философии»[11].

---

[8] Цит по: Николай Алексеевич Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» / Сообщил Н.Д. [Н.Ф. Дубровин] // Русская старина. 1903. № 2. С. 263.

[9] Там же. С. 264.

[10] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 15. Л. 47. После смерти А.А. Волкова в 1833 г. в «Московском телеграфе» (№ 12. С. 517–533) была помещена написанная А.Я. Булгаковым его панегирическая биография.

[11] Щукинский сборник. М., 1903. Т. 2. С. 302–303.

Тем не менее, когда в 1830 г. Николай неделю (7–12 марта) пробыл в Москве, подготовить подробное описание этого визита поручили Н. Полевому. Он сочинил очень «прочувствованный» верноподданнический текст, основным лейтмотивом которого были любовь народа к царю и любовь царя к народу:

> Наши русские сердца говорят нам, что нынешнее пребывание Государя Императора в Москве отрадно было Его великой душе: светлый сердечным удовольствием взор Его высказывал сию утешительную мысль, при каждом воззрении нашем на Надежду-Государя <…> Народ видел Царя своего, и — это великодушие, эта внушающая благоговение, неизъясняемая кротость и простота, с какою всюду являлся, всюду виден был Повелитель *шестой* части света — возвышали и умиляли душу[12].

Представляя рукопись статьи Бенкендорфу, Полевой писал ему 22 марта:

> Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь!
>
> Слабое изображение того, что мы видели, что мы думали в счастливое для нас время пребывания Государя Императора в Москве, честь имею представить при сем и почитаю себя счастливым, что мне суждено *сказать*, что *чувствуют* все обитатели Москвы.
>
> Вижу ясно весь недостаток моих дарований для исполнения подобного долга и осмеливаюсь надеяться только на благосклонное снисхождение Вашего Высокопревосходительства и моих соотечественников. Если, при пламенном желании, я успел передать слову, хотя несколько, голос души — я почту себя красноречивым, даже и при малых моих дарованиях.
>
> С истинным высокопочитанием и глубокою преданностию, честь имею быть Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга Николай Полевой[13].

Присланная статья, судя по всему, вполне удовлетворила заказчика. По крайней мере, она была передана в «Северную пчелу» и напечатана там без каких-либо изменений.

Отношение Бенкендорфа к Полевому хорошо характеризует частное письмо, с которым 8 февраля 1832 г. он обратился к Полевому по поводу публикации в «Московском телеграфе» (1831. № 16) рецензии

[12] Письмо из Москвы от 19 марта // Северная пчела. 1830. Прибавление к № 39. 1 апр. Опубл. без подписи.

[13] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 120. Л. 5.

на брошюру «Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух, философически-умозрительное рассуждение, сочинение S.». Бенкендорф утверждал, что данная рецензия — «это не литература, а совершенное суждение о высшей политике», что в ней Полевой утверждает, «что революции необходимы и <...> польза революций очевидна для потомства» и что «только непросвещенные мыслители могут жаловаться на бедствия, происходящие от оных!» Он писал:

> Я не могу не скорбеть душою, что во времена, в кои и без ваших вольнодумных рассуждений юные умы стремятся к общему беспорядку, вы еще более их воспламеняете и не хотите предвидеть, что сочинения ваши могут и должны быть одною из непосредственных причин разрушения общего спокойствия. Писатель с вашими дарованиями принесет много пользы государству, если он даст перу своему направление благомыслящее, успокаивающее страсти, а не возжигающее оные[14].

Одновременно Бенкендорф в официальном отношении министру народного просвещения К.А. Ливену указал, что Полевой и издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин распространяют «идеи самого вредного либерализма»[15].

В ответном письме от 21 февраля Полевой писал:

> Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь!
>
> Горестно было бы получить письмо, которым Ваше Высокопревосходительство удостоили сообщить мне замечания Ваши об одной статье «Телеграфа», если бы не видел я из того же письма, с каким снисходительным вниманием Вы изволите различать неумышленную ошибку, или недоразумение, от виновной злонамеренности, и как отечески храните не только честь, но даже спокойствие самого незначительного человека, хотя все дает повод обвинить его по наружности. — «Велик и благодетелен Монарх, достоин Монарха сановник Его!» — таковы были чувства мои по прочтении письма Вашего Высокопревосходительства.
>
> В грустном молчании долженствовал бы я внять Вашим замечаниям и составить из них правила для себя на предбудущее время; но слова Вашего Высокопревосходительства «желал бы я иметь ваше объяснение, с какою целью, с каким намерением вы позволяете себе печатать столь вредные мнения для общего блага» — заставляют меня отнестись к Вам с моею покорною просьбою.

[14] Русский архив. 1866. № 12. С. 1753–1756.
[15] Щукинский сборник. М., 1902. Т. 1. С. 297.

Подобного *объяснения* я имел счастие испрашивать в бытность Вашу в Москве и готов представить его Вам, не как обыкновенному блюстителю порядка, но как Сподвижнику Великого, обожаемого мною Государя, человеку души высокой и истинно-благородной, Мужу государственному, для которого не существует ничто мелкое и низкое. Все мысли мои так чисты, вся жизнь моя так оправдывает меня, что объяснения с Вашим Высокопревосходительством я не только не страшусь, но желаю, как ручательства за свое доброе имя и спокойствие, мое и многочисленного моего семейства.

По собственным делам моим на сих днях я отправляюсь в С. Петербург. Позвольте мне, Ваше Высокопревосходительство, лично предстать в С. Петербурге к Вам, позвольте говорить с Вами прямо и откровенно. Если после того Ваше Высокопревосходительство не продолжите Вашего ко мне уважения — я готов подвергнуться всякому наказанию.

С истинным, глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею пребыть Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга Николай Полевой[16].

Приведенное письмо проясняет, как представляется, истоки той приязни, которую в дальнейшем питал Бенкендорф к Полевому, тех неформальных отношений, которые возникли между ними. Полевой позиционировал себя в них в качестве представителя народа, пламенного патриота, обожающего царя и готового исполнять все повеления власти. Он даже архаизировал язык своих писем и прошений, чтобы усилить соответствующее впечатление. При этом он всячески (прибегая в том числе и к откровенной лести) подчеркивал свое подчиненное положение и стремление следовать «отеческим» указаниям Бенкендорфа.

Через три месяца, в апреле 1832 г., Полевой хотел поднести императору составленный им сборник «Новый живописец общества и литературы», составленный из сатирических очерков и пародий, печатавшихся в одноименном приложении к «Московскому телеграфу»[17]. Он обратился к Бенкендорфу, тот направил соответствующее отношение к Ливену, но Ливен отказал, мотивировав это тем, что данная книга «никакой пользы ни языку, ни словесности принести не может» и «является спекуляцией книгопродавца»[18].

[16] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 120. Л. 1–2. В.Н. Орлов полагал, что «ответного письма Полевого не сохранилось» (Николай Полевой... С. 475).

[17] Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым. Ч. 1–6. М., 1832.

[18] Цит. по: *Козмин Н.К.* Очерки из истории русского романтизма. СПб., 1903. С. 503.

В марте 1833 г. министром народного просвещения стал С.С. Уваров, принципиальный противник Полевого. Он говорил: «Я знаю, чего хотят наши либералы, наши журналисты и их клевреты: Греч, Полевой, Сенковский и проч. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем, — нет, не удастся. Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мое дело и умру спокойно»[19].

Уже в мае 1833 г. в рецензии Н. Полевого на книгу Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов» (Московский телеграф. 1833. № 9) Уваров нашел «самые неосновательные и для чести русских и нашего правительства оскорбительные толки и злонамеренные иронические намеки»[20]. За пропуск рецензии был уволен цензор И.А. Двигубский, цензурный контроль за «Московским телеграфом» усилился, а 24 сентября Уваров подал царю записку с предложением запретить журнал. Однако Николай не согласился, посчитав это чрезмерным. Тем не менее он распорядился «Полевому объявить, чтоб вздору не писал: иначе запретится журнал его»[21], что и было ему объявлено в Москве 29 октября 1833 г.

Однако после публикации в феврале 1834 г. отрицательной рецензии на чрезвычайно высоко оцененную царем «патриотическую» пьесу Н.В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (Московский телеграф. 1834. № 3) Полевого по приказу царя привезли в Петербург. Сразу же по прибытии он представил Бенкендорфу оправдательную записку, в которой утверждал, что критиковал пьесу только с литературной точки зрения, не выступая против «патриотической цели автора»[22]. В ходе расследования обстоятельств публикации рецензии Уваров всячески стремился дискредитировать Полевого, в то время как Бенкендорф прилагал усилия к тому, чтобы приуменьшить его «вину» и облегчить его участь[23]. Полевой писал И.М. Снегиреву в это время: «…после личного объяснения с графом Бенкендорфом выговор назван был недельным. Всё произошло от

[19] Цит. по: *Никитенко А.В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 174.

[20] Цит. по: *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 402.

[21] Там же. С. 403.

[22] Николай Алексеевич Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу». С. 268.

[23] См.: Николай Полевой... С. 316–330, 479–483.

перетолкований; но граф всегда был и будет лично благородным и добрым человеком»[24].

По мнению К.А. Полевого, брата Н.А. Полевого, Уваров «непременно хотел обвинить гонимого им журналиста и, вероятно, в таком смысле составил доклад о нем, то есть представил его человеком опасным по образу мыслей <...>. Не так думал о брате моем граф Бенкендорф, обращавшийся к нему не как Уваров и, наконец, давший ему возможность оправдать себя в мнении правительства единственно добрыми своими отзывами о нем»[25].

В результате журнал всё же был запрещен 3 апреля 1834 г., но лично против Полевого никаких репрессивных мер принято не было (в отличие от Н.И. Надеждина, которого после запрета его журнала «Телескоп» в 1836 г. сослали в Усть-Сысольск)[26].

Полевой стал редактировать выходивший отдельными выпусками иллюстрированный сборник «Живописное обозрение», причем Уваров не позволил ему стать официальным редактором, и даже подписывать статьи своим именем было ему в это время запрещено. В конце апреля 1835 г. Николай вновь приехал с Бенкендорфом в Москву. Бенкендорф спросил у сотрудника III отделения Н.А. Кашинцова, в обязанности которого входило наблюдение за выходящими в Москве периодическими изданиями, чем занимается Полевой. Тот ответил, что Полевой сотрудничает в «Живописном обозрении» и показал выпуск сборника со статьей «Памятник Петра Великого»[27]. Статья эта, которая, как справедливо отмечал Вл. Орлов[28], близка по духу к активно пропагандируемой в это время С.С. Уваровым теории официальной народности, понравилась Бенкендорфу, тот представил ее царю, который также одобрил ее и поручил изъявить Полевому свое благоволение[29]. Полевому было поручено подготовить описание посещения царем промышленной выставки в Москве[30]. Знакомым Полевой говорил, что поручение это исходило от императора[31]. Как

[24] Цит. по: *Козмин Н.К.* Указ. соч. С. 526.

[25] Николай Полевой... С. 330.

[26] Обзор цензурных репрессий по отношению к «Московскому телеграфу» см.: *Березина В.Г.* Журнал Н.А. Полевого «Московский телеграф» и цензура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1996. Вып. 3. С. 71–81.

[27] Живописное обозрение. М., 1835. Л. 14. С. 105—111.

[28] См.: Николай Полевой... С. 487.

[29] См.: Там же. С. 334–336.

[30] См.: *Полевой Н.* Посещение Московской выставки произведений отечественной промышленности Государем Императором // Северная пчела. 1835. № 131–134. 14, 15, 17, 18 июня. Об этой статье см.: *Осповат А.Л., Тименчик Р.Д.* «Печальну повесть сохранить...». М., 1985. С. 47–51.

[31] См.: *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. Т. 1. С. 199.

вспоминал К.А. Полевой, «во всех последующих сношениях своих с Николаем Алексеевичем граф Бенкендорф действовал с неизменным доброжелательством к нему, и даже, когда случалось ему (и не один раз после этого) делать выговоры неосторожному писателю, он старался щадить и ободрять в нем человека», «не один раз, во время приездов своих в Москву, призывал его к себе, рассуждал с ним очень любезно о разных предметах, поручал составлять статьи о пребывании государя императора в Москве, и вообще обходился с ним, как с человеком уважаемым и отнюдь не подозрительным для правительства»[32].

В январе 1836 г. Полевой представил Бенкендорфу записку о том, что собирается писать многотомную историю Петра I и просит разрешить посвятить ее Николаю I, а также предоставить ссуду для подготовки материалов и издания. Прославляя Петра, он изображал Николая его наследником, который начал новый период русской истории, и обещал, что в книге «образ современного будет отражаться на каждой странице бытописаний прошедшего, светом которого сияет настоящее»[33].

Бенкендорф доложил царю о записке Полевого и представил включенный в нее план будущей книги. Николай наложил резолюцию: «Историю Петра Великого пишет уже Пушкин, которому открыт архив Иностранной коллегии; двоим в одно время поручить подобное дело было бы неуместно...»[34] Отвечая Полевому 25 января, Бенкендорф писал, что «Его Величество с благоволением удостоил принять Ваше намерение; но не мог вполне изъявить Монаршего соизволения на все Ваши предположения по той причине, что начертание истории Петра поручено уже известному литератору нашему А.С. Пушкину, которому, вместе с тем, представлены и все необходимые средства к совершению сего многотрудного подвига». Бенкендорф прибавлял: «...по моему мнению, посещение архивов не может заключать в себе особенной для Вас важности, ибо ближайшее рассмотрение многих Ваших творений убеждает меня в том, что, обладая в такой степени умом просвещенным и познаниями глубокими, Вы не можете иметь необходимой надобности прибегать к подобным вспомогательным средствам»[35].

В ответ Полевой писал Бенкендорфу 27 января следующее:

---

[32] Николай Полевой... С. 336, 352.

[33] *Лемке Н.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 102.

[34] Там же. С. 102.

[35] Русский архив. 1874. № 4. Стб. 1050–1052. Хотя под письмом стоит подпись Бенкендорфа, но не исключено, что текст его был написан Дубельтом. По крайней

Сиятельный граф, Милостивый Государь!

Со слезами радости получил я ответ Вашего Сиятельства. Да благословит Бог православного Царя нашего! Да благословит Бог и Вас, достойный его болярин! Кладу руку на русское сердце, из него беру эти слова, внушаемые мне чувством благодарного умиления, и умоляю Вас, Сиятельный Граф, повергнуть их к стопам праправнука Петра Великого. Отныне часы уединения моего, жизнь моя будут посвящены тому, чтобы оправдать делом, чего не могу теперь выразить словами. Гений Петра вдохновит меня — Царь Русский увидит, что способен сделать последний из его подданных, одушевленный приветом Его. Это не гордость, Сиятельный Граф, — это сознание силы русской души, вспыхнувшей жарко и неугасимо.

С истинным, глубочайшим почтением и совершенною преданностию, имею счастие пребыть Вашего Сиятельства Милостивого Государя покорнейший слуга Николай Полевой[36].

В августе 1836 г. Николай вновь прибыл с Бенкендорфом в Москву, и Полевому вновь заказали подготовить описание пребывания Николая в Москве; оно было помещено без подписи в «Московских ведомостях» (1836. № 67)[37].

Тем не менее доверием Полевой не пользовался. В конце 1837 г. он переехал в Петербург, поскольку Смирдин взял в аренду у Греча и Булгарина «Северную пчелу», купил у них журнал «Сын отечества» и предложил Полевому с 1838 г. редактировать эти издания. Однако Уваров не дал согласия на то, чтобы Полевой был официальным их редактором. Он стал редактировать их неофициально, но через несколько месяцев Греч и Булгарин вынудили его отказаться от редакторства в «Северной пчеле», и у Полевого остался только «Сын отечества», где большую часть материалов он публиковал без подписи (в первой половине 1840 г. он покинул и «Сын Отечества»). При этом, по свидетельству сына, «все статьи Н[иколая] А[лексееви]ча, в корректуре, доставлялись из цензурного комитета в III отделение, где их просматривал Л.В. Дуббельт, всегда относившийся

мере позднее оно было повторно опубликовано как письмо Дубельта, см.: Русская старина. 1897. № 11. С. 385.

[36] ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1915.

[37] Об авторстве Полевого см. следующее свидетельство И.И. Дмитриева в письме П.П. Свиньину от 22 октября 1836 г.: «Знаю <...> по слухам, что журнал о пребывании здесь Императора и помещенный в “Московских ведомостях”, писан им, и будто по поручению графа Блудова» (*Дмитриев И.И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 327). О контактах Полевого с Бенкендорфом в период после запрета «Московского телеграфа» см.: *Лейбов Р.* Немецкий путешественник о Н.А. Полевом // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия). Тарту, 1994. С. 242–254.

к Н[иколаю] А[лексееви]чу чрезвычайно гуманно»[38]. Полевой ценил это и в письмах к брату называл управляющего III отделением (с 1839 г.) Дубельта «добрейшим», «человеком, каких немного»[39].

В 1841–1842 гг. Полевой негласно редактировал «Русский вестник» (в 1841 г. совместно с Н.В. Кукольником и Н.И. Гречем, который в эти годы был его издателем и официальным редактором), печатал он также в «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле» и других изданиях прозу и пьесы, исторические работы, литературно-критические статьи и бесчисленные рецензии, но все эти публикации уже не содержали критических высказываний и были выдержаны в духе пропаганды православия, самодержавия и народности (в 1840 г. он прямо писал, что «мудрое правительство указывает нам на три основы нашего народного быта, *православие, самодержавие и народность* <…>»)[40].

В Петербурге Полевой много писал для театра, главным образом историко-патриотические пьесы. В ноябре 1838 г. Николай посетил премьеру «Дедушки русского флота». Полевой писал брату, что Бенкендорф вызвал его к себе и передал следующее: «Государь благодарит вас, велел сказать вам, что он никогда не сомневался в необыкновенных дарованиях ваших, но не предполагал в вас такого сценического искусства. Он просит вас, приказывает вам писать для театра. Давайте мне все, что вы напишете, Государь сам будет всё читать». Кроме того, Бенкендорф от лица царя вручил Полевому бриллиантовый перстень стоимостью около 2,5 тыс. рублей ассигнациями[41] (один рубль серебром был равен 3,5 рубля ассигнациями). И в дальнейшем Николай поощрял драматургические опыты Полевого, в частности, в 1840 г. одобрил к представлению «Парашу Сибирячку», которую театральная цензура не хотела пропускать, поскольку в числе действующих лиц был Александр I.

12 сентября 1839 г. Полевой обратился к Бенкендорфу со следующей просьбой:

> Сиятельный Граф, Милостивый Государь!
>
> Желая принесть хоть малую лепту сердечного сочувствия великому празднеству бородинскому и с тем вместе участвовать, чем

[38] Дневник Н.А. Полевого // Исторический вестник. 1888. № 3. С. 667. (Примеч. П.Н. Полевого).

[39] Цит. по: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 389, 447.

[40] *Полевой Н.* Взгляд на русскую литературу 1838 и 1839 годов // Сын Отечества. 1840. Т. 1. Отд. 4. С. 444.

[41] Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. С. 445–446.

могу, в благотворительных подвигах Ваших, осмеливаюсь всепокорнейше Вас, Сиятельный Граф, просить:

Удостоить внимания Вашего прилагаемую при сем составленную мною «Повесть о великой битве Бородинской», и если она будет осчастливлена Вашим одобрением, удостоить ее испрошением Высочайшего соизволения:

1-е. Напечатать ее на казенный счет, в числе 2400 экземпляров.

2-е. Часть сих экземпляров (примерно 400) определить для раздачи в военно-учебных заведениях, ибо я осмеливаюсь думать, что упомянутая Повесть составит для них занимательное и назидательное чтение.

3-е. Остальные затем экземпляры пустить в продажу и вырученные, за расходами на печатание, деньги обратить в Детскую больницу[42], для употребления их по усмотрению Вашему. Драгоценный для каждого русского предмет моего сочинения дает надежду, что все число экземпляров легко будет распродано, а я счастливым себя почту, если тем хоть несколько успею доказать ревностное желание мое споспешествовать преуспеянию благодетельного заведения, Вашему начальству вверенного.

С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею пребыть, Сиятельный Граф, Вашего Сиятельства Милостивого Государя, покорнейший слуга[43].

Бенкендорф ходатайствовал перед императором и получил его согласие (л. 3)[44].

1 сентября следующего года Полевой обратился к Дубельту (Бенкендорф в это время сопровождал императора в путешествии по России) с новой просьбой:

Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

Многие из литераторов и почтенных любителей русской словесности изъявили мне желание: слышать теорию и практику словесности, изложенные мною в публичных чтениях, по примеру того, как читаемы были курсы разных наук и знаний г-ми Остроградским,

[42] Имеется в виду Императорская Николаевская детская больница, открытая в 1834 г. Одним из инициаторов ее создания был Бенкендорф; Николай I назначил его пожизненным попечителем больницы.

[43] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1839. Ед. хр. 269. Л. 1–1 об. (Далее ссылки на это дело даны в скобках в тексте статьи.) На письме рукой Дубельта написано: «Граф на всё согласен. Доклад Государю».

[44] О благодарности Полевого Дубельту, Бенкендорфу и царю см.: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. С. 510. Однако книга вышла только через несколько лет: *Полевой Н.А.* Повесть о великой битве Бородинской, бывшей 26 августа 1812 года. СПб., 1844.

Гессом, Соколовым, Бутырским, Усовым, Озанном, Гречем, Моннероном[45] и другими. Охотно соглашаясь на их желание и полагая, что могу довольно удовлетворительно исполнить его, после 20-летних занятий теориею и практикою словесности, я не смел однако ж ничего обещать, не испросивши предварительного разрешения Вашего Превосходительства.

Представляя при сем составленную мною общую Программу предполагаемого курса[46], покорнейше прошу Ваше Превосходительство удостоить меня Вашим разрешением о том: могу ли я приступить к публичному извещению о чтениях моих? — Касательно подробностей честь имею донести, что получив позволение Ваше, предполагаю я немедленно приготовить мои чтения и открыть их с октября месяца сего 1840 года, с определенною платою за билет для слушания их. Всех чтений предполагаю я до 18-ти, так, чтобы читаемые еженедельно, они могли кончиться к февралю будущего года. Предмет их, как Ваше Превосходительство изволите усмотреть из Программы, составят собственно теория и практика словесности, с удалением от всяких посторонних предметов. Кроме того, каждое чтение может быть предварительно быть представляемо мною для особенного рассмотрения по назначению Вашему.

Осмеливаюсь думать, что предприятие мое, соединяя в себе приятное общественное занятие с пользою, удостоится благосклонного внимания Вашего. Откровенно должен я притом признаться, что предполагаемые чтения будут служить для меня и семейства моего весьма важным пособием в настоящее время, весьма для меня стеснительное, ибо никакими другими литературными трудами не могу я ныне заняться и отказался даже от всякого участия в журналах, как по причине совершенно расстроенного моего здоровья, а тем более что остальные силы и исключительную работу посвящаю я одному огромному труду моему — Истории Петра Великого. Начавши ее, как известно Вашему Превосходительству, в 1835 году, продолжал я с тех пор, хотя и медленно, но постоянно и беспрерывно, и теперь

[45] Упомянуты математик и механик, академик Петербургской академии наук (1830) Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861); химик, академик (1834) Герман Иванович Гесс (1802–1850); геолог и минералог, профессор Петербургского университета (1822–1844) Дмитрий Иванович Соколов (1788–1852); литературовед и эстетик, поэт, ординарный профессор Петербургского университета (1826–1835) Никита Иванович Бутырский (1783–1848); экстраординарный профессор Петербургского университета, специалист по сельскому хозяйству Степан Михайлович Усов (1796–1859); немецкий химик и физик, профессор Дерптского университета (1823–1828) Готтфрид Вильгельм Озанн (1796–1866); журналист, писатель, филолог и педагог Николай Иванович Греч (1787–1867); преподаватель французского языка и декламации в Воспитательном доме и частных пансионах Карл Моннерон (1790-е — 1857), который в 1839 г. читал публичные лекции о приложении географии к истории.

[46] Программа сохранилась: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1839. Ед. хр. 269. Л. 9–10 об.

привожу уже к окончанию, так что к будущему году надеюсь вполне ее окончить. Начало ее было осчастливлено, при покровительстве Его Сиятельства Графа Александра Христофоровича, Высочайшим вниманием, и по благополучном ее окончании буду я иметь честь просить просвещенного и благодетельного предстательства Его Сиятельства в том, чтобы повергнуть уже оконченный труд мой к Священному Престолу Государя Императора — единственная награда, которой желаю, которой стремлюсь достигнуть.

С истинным, глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею пребыть, Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга Николай Полевой (Л. 7–8).

Бенкендорф не хотел давать разрешения, но в то же время не желал, чтобы Полевой обиделся на него. Поэтому 13 сентября Дубельт написал Полевому, что Бенкендорф счел, что по этому вопросу Полевому следует обратиться к Уварову (л. 11). Одновременно он направил письмо Уварову с просьбой до беседы с ним не давать ответ Полевому. 15 ноября Уваров написал Бенкендорфу, что, поскольку журнал Полевого «Московский телеграф» запрещен из-за «неблагонамеренного направления», «едва ли удобно дозволить ныне г. Полевому чтение публичных лекций, и в особенности лекций о русской словесности, долженствующих привлечь значительное число слушателей, без полного убеждения в совершенной благонадежности его образа мыслей». Далее он продолжал: «Впрочем, если Ваше Сиятельство имеете положительные сведения, что г. Полевой переменил прежнее свое направление и в хорошем образе мыслей его нельзя более теперь сомневаться, то на основании Вашего мнения можно бы было дозволить ему беспрепятственно просимое чтение лекций» (л. 13а). В результате 20 ноября Бенкендорф ответил, что согласен с мнением Уварова и считает, что «Полевому неудобно позволить читать публичные лекции о российской словесности» (л. 14).

В январе 1841 г. император, узнав о болезни и трудном материальном положении Полевого, повелел выдать ему 2 тыс. рублей ассигнациями в качестве единовременного вспомоществования[47].

Сделав вывод, что отношение императора к нему улучшилось, в марте того же года Полевой вновь через Бенкендорфа обратился с просьбой допустить его в архивы для завершения работы над историей Петра I. Бенкендорф, изложив в докладе императору 13 марта просьбу Полевого, добавил от себя: «Я читал доставленное мне Полевым начало его Истории Петра Великого; оно очень хорошо

[47] См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 131.

и написано в таком духе и таким слогом, что нельзя не желать, чтобы ему доставлена была возможность вполне развернуть талант свой. а потому я осмеливаюсь просьбу Полевого о дозволении осмотреть здешние и московские архивы повергнуть на Всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества»[48]. Однако Николай, несмотря на ходатайство Бенкендорфа, разрешения вновь не дал[49].

Хотя никаких агентурных услуг III отделению Полевой не оказывал, но литературный союз его с Гречем и Булгариным и направление его литературной деятельности рождали в публике подозрения. Кроме того, о контактах Полевого с Бенкендорфом стало известно в литературной среде, и там сделали свои выводы об их характере. По крайней мере, А.С. Пушкин в мае 1836 г. в письме жене называл его, как и Булгарина, «шпионом» III отделения[50]. А.А. Краевский в 1839 г. писал Белинскому о Полевом: «Каналья, который не перестает писать доносы на всех честных людей, обнимаясь с Булгариными и Кукольниками»[51]. М.А. Дмитриев посвятил Полевому стихотворный перепев баллады Жуковского под названием «Новая Светлана», написанный, по-видимому, в 1840 г., где есть такие строки:

Венедиктович Фадей (Булгарин. — *А.Р.*)
Пишет: «Вы, как друг людей,
С нами равной масти.
Я хочу вам предложить:
Не согласны ли служить
По секретной части»[52].

В бумагах умершего в 1844 г. влиятельного сановника, бывшего министра народного просвещения и духовных дел князя А.Н. Голицына нашлась записка, в которой говорилось, что он собирается ходатайствовать у императора о ежегодном денежном пособии Н. Полевому «во уважение трудов его на поприще русской литературы» и того, что Полевой «при многочисленном семействе не имеет никакого состояния». Записка эта через III отделение была представлена Николаю. По его поручению III отделение собрало различные сведения о Полевом и подготовило справку, где был упомянут один выговор Полевому по линии III отделения и вызов его в Петербург в 1834 г. перед запретом

[48] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Ед. хр. 84. Л. 41.
[49] См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 132. Книга вышла из печати в 1843 г.: *Полевой Н.А.* История Петра Великого. Ч. 1–4. СПб., 1843.
[50] *Пушкин А.С.* Письма последних лет. Л., 1969. С. 141.
[51] В.Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 97.
[52] Русский архив. 1885. № 4. С. 658.

журнала, но итоговый вывод гласил, что «кроме сего не было случаев, которые клонились бы не в пользу г. Полевого, напротив, он, как прежде, так и впоследствии, неоднократно обращал на себя монаршее внимание полезными его литературными сочинениями, коими он доказал верноподданническую преданность и любовь к Всеавгустейшему дому и Отечеству». Император, ознакомившись с докладом, 21 февраля 1845 г. распорядился выдать Полевому 1 тыс. рублей серебром «в виде негласного пособия и ежегодно возобновлять это пособие, ежели он того будет заслуживать»[53]. Выдача денег Полевому осуществлялась через III отделение. Подобные выплаты пособий писателям через это учреждение осуществлялись и ранее. Так, в 1832 г. по докладу А.Н. Голицына С.Н. Глинке было пожаловано ежегодное пособие в 3 тыс. рублей ассигнациями, с выдачей после его смерти денег жене и дочерям до смерти последней из них[54], а 1842 г. по представлению (через Бенкендорфа) попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова Николай распорядился выплатить Гоголю 500 руб. серебром[55].

Информируя Полевого о повелении царя, Дубельт писал 7 марта 1845 г.:

> Николай Алексеевич!
>
> В бумагах покойного действительного тайного советника 1-го класса князя Голицына найдена была подписанная им записка, из которой видно, что он предполагал ходатайствовать перед Государем Императором о доставлении вам пособия, в уважение трудов ваших на поприще русской литературы и крайне недостаточного вашего состояния, и Его Императорское Величество, по всеподданнейшему докладу генерал-адъютанта графа Орлова[56] всемилостивейше соизволил пожаловать вам в виде негласного пособия *тысячу рублей серебром*.
>
> По воле графа Алексея Федоровича Орлова с живейшим удовольствием уведомляя об этом вас, милостивый государь, и препровождая при сем означенные деньги, имею честь покорнейше просить вас о получении оных почтить меня уведомлением.
>
> Пользуюсь случаем уведомить вас в искреннем моем к вам уважении и совершенной преданности.
>
> Л. Дубельт[57].

---

[53] ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 7. Часть материалов дела опубликована: К биографии Н.А. Полевого // Русская старина. 1897. № 7. С. 103–107.

[54] ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 1.

[55] См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 135–136.

[56] А.Ф. Орлов возглавил III отделение после смерти Бенкендорфа в 1844 г.

[57] ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 11.

Полевой отвечал ему:

> Ваше Превосходительство Милостивый Государь!
>
> Имевши честь получить письмо Ваше и при нем всемилостивейше пожалованные мне Государем Императором тысячу рублей серебром, могу ли сказать что-либо иное, кроме того, что Высочайшее благодеяние, имя благодетельного старца, подавшего к тому повод, и участие, принятое в том Его Сиятельством, Графом Алексеем Федоровичем, и Вами, останутся навсегда запечатленными в сердце моем. Молю Бога, чтобы Он дал случай мне или детям моим доказать, что милость Монарха не упала на человека, недостойного ее.
>
> С глубоким почтением и совершенною преданностью честь имею пребыть, Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга Николай Полевой[58].

Конец жизни Полевого был омрачен происшествием с его двадцатилетним сыном Никтополеоном, который 22 июля 1845 г. бежал из дома, оставив отцу записку, что является членом тайного общества и по его делам вынужден уехать. Полевой сразу сообщил об этом в III отделение, в результате полиция и жандармы начали розыск. 13 августа Никтополеон был задержан становым приставом в Режицком уезде Витебской губернии за неимением вида (паспорта) и доставлен в Петербург. И хотя вскоре было установлено, что он всё выдумал, а бежал потому, что не поступил в университет, 22 августа по приказу царя он был заключен на 6 месяцев в Шлиссельбургскую крепость, а затем отправлен солдатом на Кавказ[59].

15 января следующего, 1846 г. Полевой был вынужден просить досрочно выдать ему деньги и отчитывался Дубельту о своих трудах в истекшем году:

> Ваше Превосходительство Милостивый Государь,
>
> Позвольте мне поздравить Ваше Превосходительство с новым годом и пожелать Вам всех благ и счастия, коего Вы достойны за всё доброе, чем [1 сл. нрзб] Ваша жизнь, которую да продолжит Бог еще многие годы!

[58] Там же. Л. 12.

[59] Через пять лет по случаю празднования 25-летия царствования Николая I Никтополеон Полевой был прощен, но оставлен на жительство на Кавказе. В 1850 г. ему разрешили вернуться в Петербург (см. дело III отделения о Никтополеоне Полевом: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1845. Ед. хр. 149; а также: *Полторацкий С.Д.* Русские достопамятные люди. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1892. № 5. С. 237; *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2. С. 402), он выдержал экзамен на учителя гимназии и поступил на службу (см.: *Куликов Н.И.* Дневник режиссера // Библиотека Театра и искусства. 1913. Кн. 4. С. 19).

Печально встретил я новый год, растерянный душевно, больной телесно. Прошедший год был мне страшно тяжелым годом. Кроме тяжелой скорби, нанесенной мне моим несчастным сыном, на меня, как град, сыпались горести и скорби. Расстройство дел моего брата[60], где и я сделался снова жертвою, и бесчестный обман человека, за которого я поручился и должен платить[61], окончательно усилили недостатки мои, и еще надобно прибавить к тому, что меня обокрали: едва только получил я в прошедшем году Высочайшее пособие и думал сберечь его, как из него похищено было у меня до тысячи рублей ассигнациями и никаких следов похищенного не отыскано. Я старался вознаградить все трудом. Мой обыкновенный урок работы был ежедневно с 4-х часов утра до 3-х пополудни, и опять вечером с 8-ми часов до 11-ти. И хотя, по стеснению моему, должен был я все отдавать за бесценок и все, что выручалось, поглощали мои неумолимые кредиторы, не однажды угрожавшие мне в прошедшем году тюрьмою, но все еще мог бы я биться, если бы наконец безмерный труд не подавил совершенно расстроенного моего здоровья. От утомления я почти лишился употребления правой руки. Врач мой помог мне; я усилил труд, и теперь припадок возобновился сильнее, так, что я едва с трудом двигаю рукою и едва могу, при беспрерывном отдыхе, написать сии строки. Все мои занятия тем разрушаются, хотя и мог бы я еще собрать силы души на труд честный и полезный. В прошедшем году кроме книги «Русские полководцы»[62], за которую *издатель* ее[63] удостоился щедрой награды Государя Императора, деятельно участвовал я в трудах Александра Ивановича Данилевского. Составленная мною, кроме многих других, биография незабвенного героя, генерала Дохтурова, имела счастие заслужить внимание Ваше[64]. Чувства души моей

[60] Имеется в виду Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801–1867).

[61] По-видимому, речь идет об А.Ф. Смирдине. В 1838 г. он не мог оплатить вексель на 3000 руб.; чтобы выручить его, Полевой выдал ему вексель на эту сумму и потом не раз оказывал ему подобные услуги. Впоследствии Полевому пришлось платить по этим векселям (см.: Дневник Н.А. Полевого. С. 670. Примеч. П.Н. Полевого).

[62] Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I: жизнеописания, составленные Николаем Полевым. СПб., 1845.

[63] Книгу издал купец первой гильдии, книготорговец и владелец типографии Константин Иванович Жернаков.

[64] А.И. Михайловский-Данилевский (1789–1848) — генерал-лейтенант, военный историк. Речь идет о следующем издании: Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца...: жизнеописания соч. ген.-лейт. А.И. Михайловского-Данилевского. СПб., 1845–1849. Т. 1–6. Биография Д.С. Дохтурова была помещена во 2-м томе (1845), но про участие Полевого в ее написании там ничего не сказано.

изложил я в трагедии «Ермак Тимофеевич»[65] и на днях буду иметь честь доставить Вам мое сочинение «Столетие России, с 1745-го до 1845 года»[66], которое, смею надеяться, заслужит одобрение Ваше. Но все [надежды?] начинают мои гибнуть теперь среди тяжкой болезни и угнетающей скорби...

Только чувство христианина может еще поддержать меня. «Молись и трудись!» — таков девиз, выбранный мною, но крайность, в коей нахожусь я, заставляет меня беспокоить Ваше Превосходительство. Вручая мне в прошедшем году, *марта 7-го*, Высочайше пожалованное денежное пособие, состоящее из *тысячи* рублей серебром, Вы позволили мне надеяться, что в уважение памяти благодетеля моего, князя Александра Николаевича (Голицына. — *А.Р.*), при безграничном великодушии Монаршем, я могу удостоиться его и в нынешнем году. И хоть до годового срока остается еще несколько недель, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство удостоить меня Вашим ходатайством у Его Сиятельства, Графа Алексея Федоровича, о возобновлении мне ныне Высочайшего пособия на сей год. Если есть на то воля милосердного Монарха, ему ли считать время срока милостям! Щедрости Царской нет пределов, а я лишен теперь всякой возможности работать, страдая жестокою болью правой руки моей, и тем более, что по словам почтенного врача моего, если я не дам ей некоторого отдыха, то могу вовсе лишиться употребления ее...

Да будет воля Божия! Может быть, и всего вероятнее, что мне осталось жить недолго. Остаток жизни моей посвящен Царю и Отечеству, пока дышу. Умирая, буду молиться за них!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью, честь имею пребыть Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга Николай Полевой[67].

---

[65] *Полевой Н.А.* Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь: драматическое представление в 5 д. [в стихах]. СПб., 1845.

[66] *Полевой Н.А.* Столетие России, с 1745 до 1845 года, или Историческая картина достопамятных событий в России за сто лет: Сентября 5-го 1845 г., в день столетнего юбилея, совершившегося со дня рождения кн. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. 1–2. СПб., 1845–1846. 2-я часть этого сочинения завершалась хроникой царствования Николая I, написанной в панегирическом ключе (с. 355–405). Полевой писал: «Дух Петра Великого почиет на главе его Потомка. <…> Одушевляемый мыслью единства в составе Своей великой империи, Император Николай хочет видеть *Русское* царство в России и указывает ему на ту великую цель, которую провидение столь явно предназначило России, поставя ее между Западом и Востоком, образуя из нее великого деятеля времен новых, отделив ее самобытным образованием, историею, верою, языком» (с. 402–403).

[67] ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. 1845. Ед. хр. 73. Л. 13–14.

Пока вопрос рассматривался, Полевой 22 февраля умер, но по приказу императора деньги (1 тыс. руб.) в дальнейшем ежегодно выплачивались его семье[68].

В 1847 г. в справке III отделения о Полевом говорилось: «Хотя вначале направление Полевого было несколько свободомыслящее, но после 1834 года, когда запрещен был журнал его за критическую статью об одной драме Кукольника и когда в III отделении сделано было ему внушение, он в полном смысле исправился и до конца жизни был ревностнейшим поборником всех благих целей правительства»[69]. В качестве награды за свою деятельность он в течение жизни получил орден Св. Анны III степени и три бриллиантовых перстня[70].

Подведем итог. В случае с Полевым III отделение успешно решило стоявшую перед ним задачу. Министерство народного просвещения с санкции императора лишило журналиста возможности последовательно пропагандировать свои реформаторские взгляды в собственном издании, при этом благодаря III отделению литератор лично не подвергся репрессиям и не снискал ореола мученика. Напротив, его время от времени поощряли и морально, и материально (с помощью даров и даже регулярных прямых денежных выплат). Кроме того, руководители III отделения лично устно и письменно указывали ему на отклонения от «верных» взглядов. В результате, если раньше в его деятельности было две стороны: с одной — критика отдельных недостатков и призывы к реформам, а с другой — восхваление монарха и России (причем скорее не ее прошлого и настоящего, а будущего), то впоследствии он отказался от критики и писал в основном тексты, полезные режиму (панегирические монархические статьи в газетах и исторические монархическо-патриотические книги и пьесы), был благодарен царю и III отделению за поддержку и, что любопытно, скомпрометировал себя в глазах оппозиционно настроенных читателей. В среде же лояльной публики правительственная поддержка литератора создавала власти репутацию просвещенной и поддерживающей литературу и искусство.

[68] См.: Там же. Л. 16.
[69] Там же. Л. 38 об.
[70] Там же. Л. 46.

Литература

Азадовский М.К. История русской фольклористики: В 2 т. М.: РГГУ, 2013. Т. 1. 556 с.

Березина В.Г. Журнал Н.А. Полевого «Московский телеграф» и цензура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 1996. Вып. 3. С. 71–81.

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: НЛО, 1998. 722 с.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. Т. 2. 582 с.

Лейбов Р. Немецкий путешественник о Н.А. Полевом // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия). Тарту: Tartu ülikooli kirjas., 1994. С. 242–254.

Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальну повесть сохранить...». М.: Книга, 1985. 307 с. (Судьбы книг).

Рейтблат А.И. Наблюдательный Наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164.

Рейтблат А.И. Пушкин как Булгарин: к вопросу о политических взглядах и журналистской деятельности Ф.В. Булгарина и А.С. Пушкина // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 57–91.

Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М.: МГУ, 1981. 223 с.

References

Azadovskii M.K. *Istoriia russkoi fol'kloristiki: V 2 t.* [The history of Russian folklore studies: In 2 vols]. Moscow, Russian State University for Humanitites Publ., 2013. Vol. 1. 556 p. (In Russ.)

Berezina V.G. Zhurnal N.A. Polevogo "Moskovskii telegraf" i tsenzura [N.A. Polevoy's journal "Moscow Telegraph" and censorship]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Seriia 2, Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie, 1996, iss. 3, pp. 71–81. (In Russ.)

Gernet M.N. *Istoriia tsarskoi tiur'my* [The history of the Tsar prison]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ., 1961. Vol. 2. 582 p. (In Russ.)

Leibov R. Nemetskii puteshestvennik o N.A. Polevom [A German traveler on N.A. Polevoy]. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. I. (Novaia seriia)* [Works on Russian and Slavic philology. Literary criticism. I. (New Series)]. Tartu, Tartu ülikooli kirjas., 1994, pp. 242–254. (In Russ.)

Ospovat A.L., Timenchik R.D. *"Pechal'nu povest' sokhranit'..."* ["To save a sad story…"]. Moscow, Kniga Publ., 1985. 307 p. (In Russ.)

Reitblat A.I. Nabliudatel'nyi Nabliudatel': N.I. Grech i III otdelenie [An observant Observer: Nikolay Grech and the Third Section]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 10, pp. 108–164. (In Russ.)

Reitblat A.I. Pushkin kak Bulgarin: k voprosu o politicheskikh vzgliadakh i zhurnalistskoi deiatel'nosti F.V. Bulgarina i A.S. Pushkina [Pushkin as Bulgarin: On political views and journalistic activities of F.V. Bulgarin and A.S. Pushkin]. Reitblat A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politsii: stat'i i materialy* [Faddey Venediktovich Bulgarin: ideologist, journalist, consultant of the secret police: essays and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 57–91. (In Russ.)

Shiklo A.E. *Istoricheskie vzgliady N.A. Polevogo* [N.A. Polevoy's historical views]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 223 p. (In Russ.)

Vidok Figliarin: pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie [Vidok Figlyarin: F.V. Bulgarin's letters and agent notes for the Third Section], publ., comp. intro. and comment. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

Nikolay Polevoy and the Third Section

© 2019, Abram Reitblat

Abstract: The purpose of the article is to summarize already known information about N.A. Polevoy's contacts with the Third Section, to introduce into scientific circulation a number of new documents on the subject, including the correspondence of Polevoy and the chief of the Third Section A.Kh. Benckendorff, and on this basis to characterize the writer's contacts with the political police. The Third Section was mainly concerned with monitoring the behavior and attitude of various society sectors to the authorities and its policies, as well as the formation of "public opinion". For this purpose, it sought to take control of journalists. As the author of the article shows, in N.A. Polevoy's case the Third Section successfully solved its task: the leaders of the Section personally (verbally and in writing) pointed out his deviations from the "true" views, and encouraged him morally and financially (through regular cash payments). As a result, while at the beginning of his activity as a critic Polevoy combined individual criticisms and calls for reform with praise of the monarch and Russia (more likely not of its past and present, but of the future), later he refused of criticism and wrote mainly texts useful to the regime — panegyric monarchical articles and historical monarchical-patriotic books and plays. Moreover, he was grateful to the Tsar and the Third Section for support. The facts presented in the article make important clarifications in the history of the relationship between journalism and government in the first half of the 19th century.

Keywords: Third Section, Nikolay Polevoy, Alexander Benckendorff, Leonty Dubelt, literature and authorities.

Information about the author: Abram Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Russian State Art Library, Moscow, Russia, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Citation: Reitblat Abram. Nikolay Polevoy and the Third Section. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 228–251. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-228-251

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-252-268
УДК 821.161.1

Власть и пресса: К вопросу об участии иностранных корреспондентов газеты «Голос» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

© 2019, С.М. Волошина

Аннотация: В статье рассматривается эпизод, характеризующий особенности взаимодействия власти и журналистики в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отправной точкой для предпринятого в статье анализа источников, в том числе неопубликованных, является формирование в период Русско-турецкой войны 1877–78 гг. новой «специализации» отечественных журналистов — военного корреспондента, находящегося в действующей армии и отправляющего репортажи в периодическое издание. Конфликт, вызванный неподписанной публикацией в газете «Голос» о событиях в действующей армии, нашел отражение в телеграммах главнокомандующего армией на Балканах великого князя Николая Николаевича Старшего, министра внутренних дел А.Е. Тимашева и в письмах редактора газеты А.А. Краевского. Среди результатов этого конфликта — высылка всех корреспондентов газеты «Голос» из армии на Дунае, требование обязательной подписи под корреспонденциями с войны и косвенно — признание властью ключевой роли прессы в формировании общественного мнения. Упомянутые телеграммы и письма впервые вводятся в научный оборот. Рассматриваемый в статье конфликт ярко демонстрирует парадоксальное взаимоотношение высших властных структур и журналистики в описываемое время. Особое внимание уделяется роли цензуры. Газета «Голос» лидировала по интенсивности преследования со стороны властей, однако, как показывается в статье на основе анализа неопубликованных эпистолярных источников, А.А. Краевскому в итоге удалось оправдаться перед властями и избежать приостановки издания.

Ключевые слова: XIX в., Русско-турецкая война 1877–1878 гг., А.А. Краевский, «Голос», военные корреспонденты, история России, история журналистики

Информация об авторе: Светлана Михайловна Волошина, к.ф.н., ШАГИ РАНХиГС, Москва. Россия. E-mail: s.m.voloshina@gmail.com

Цитирование: *Волошина С.М.* Власть и пресса: К вопросу об участии иностранных корреспондентов газеты «Голос» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 252–268. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-252-268

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала первым крупным международным конфликтом, получившим относительно широкое освещение в современных российских газетах.

«В Крымскую войну было очень уж темно и безгласно. Сам Государь Николай Павлович был плохо осведомлен о том, что делалось в Крыму. О высадке неприятеля, об альминском сражении, о понесенном нами поражении и причинах его Государь узнал из иностранных газет»[1], — авторитетно заявлял позже один из военных корреспондентов газеты «Голос» Г.К. Градовский.

Однако и через 15–20 лет отечественные издания обходились перепечаткой сухих официальных сообщений или пользовались услугами иностранных корреспондентов:

> Франко-прусская война, несмотря на весь интерес, возбуждавшийся в русском обществе, была известна ему с чужих слов, получала освещение с английской, французской и немецкой точек зрения… Русские газеты… перепечатывали сведения о ней (войне — *С.В.*) из иностранной печати… Но и при таком положении вещей они удвоили число подписчиков и вынуждены были выпускать вечерние прибавления[2].

«Хивинский поход (1873 г. — *С.В.*) с нашими войсками совершил известный американец Мак-Гахан… — вспоминал тот же Г.К. Градовский, — первым русским военным корреспондентом следует признать этого американца»[3].

Однако со временим не только для издателей газет, но и для администрации становилась очевидна необходимость создания штата отечественных корреспондентов, оперативно доставляющих сведения с «театра войны». Наиболее весомыми аргументами для властей стала, во-первых, невозможность сдерживать распространение информации с этого «театра», а во-вторых, потребность освещать военные события в определенной — прогосударственной — оптике, ограждая тем самым отечественного читателя от иностранной «пропаганды».

«…Вопрос о гласности на войне поставлен был ребром и притом со стороны наиболее щекотливой: иностранной печати, в которой было столько врагов России, которою пущено было уже о нас немало сплетен, басен, сказок, — печати, олицетворявшей обще-

[1] *Градовский Г.К.* Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 401.
[2] *Апушкин В.А.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7. С. 197–198.
[3] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 403.

ственное мнение Европы…» — описывал контекст В.А. Апушкин, автор исследования о рецепции русско-турецкой войны в периодике и «романах»:

> В штаб действующей армии еще до открытия военных действий поступили ходатайства о допущении в армию корреспондентов нескольких *иностранных* газет. <…> После удовлетворения ходатайств о корреспондентах-иностранцах правительство было вынужденно согласиться и на присутствие в армии журналистов-соотечественников, учитывая… *невозможность избежать гласности* (курсив мой — *С.В.*), так как корреспонденты, если и не будут допущены в армию, все же найдут возможность следить за нею издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений[4].

Таким образом, с началом русско-турецкой войны 1877–78 гг. появилась новая «специализация» отечественных журналистов — военный корреспондент, находящийся в действующей армии и отправляющий репортажи в периодическое издание. По словам Г.К. Градовского, «в первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это глаза и уши общества, а отчасти и всего государства»[5].

Вопрос о количестве военных корреспондентов в русской армии остается дискуссионным: Н.В. Максимов называл общее число аккредитованных коллег-корреспондентов (исключая временных) — 58 человек[6], а Г.К. Градовский говорит о «сотнях» корреспондентов в Болгарии, причем большей частью они были иностранцами[7].

Газета «Голос» (1863–1883) А.А. Краевского была одной из первых, обзаведшихся собственными военными корреспондентами. Возможность получать срочные сообщения с театра войны была одним из ключевых факторов успеха (т.е. увеличения тиража), и по этому показателю «Голос» лидировал (или был одним из лидеров): в 1876 г. его общий тираж составлял 19683 экз., в 1877 г. — 22632[8], в 1878 г. — 24 тыс. экз.[9]

---

[4] *Апушкин В.А.* Указ. соч. С. 199.
[5] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 400.
[6] *Максимов Н.В.* За Дунаем // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 177.
[7] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 403.
[8] *Михневич В.О.* Пятнадцатилетие газеты «Голос»: 1863–1877. СПб., 1878. С. L.
[9] *Луночкин А.В.* У истоков военной журналистики // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: В 2 ч. Ч. 2. Волгоград, 2015. С. 172.

Примечательно при этом, что «Голос», отражая позицию издателя А.А. Краевского, не разделял военно-патриотического ажиотажа, свойственного консервативной и националистической прессе. В.А. Апушкин упоминает о «Голосе» как о газете «в то время влиятельной, но войне не сочувствовавшей, в том смысле, что она не казалась ей легкой триумфальной прогулкой в Царьград, — и вообще не обуянной военным задором»[10]. О том же писал и В.О. Михневич, систематизировавший материалы «Голоса» и выделивший наиболее важные (с его точки зрения) публикации за первые 15 лет существования газеты:

> Голос особенно вооружался против того одуряющего quasi-патриотического тумана, который напускали в сферу общественного самосознания новейшие славянолюбцы и шовинисты, доходившие до «оплевывания» всей западноевропейской цивилизации во имя каких-то «чисто русских» идеалов времен Домостроя[11].

Среди русских корреспондентов «Голоса» были П.П. Сокальский (только в начале кампании), А.В. Щербак, уже упомянутый Г.К. Градовский, А.В. Каирова (кажется, единственная женщина-корреспондент в Русско-турецкой войне).

Среди иностранных корреспондентов газеты были американцы Дж. Мак-Гахан (McGahan) и Ф. Стенли (Stanley). Иностранцы обычно сотрудничали как с русскими, так и с заграничными изданиями: так, Стенли «в то же время корреспондировал» в английскую газету “Manchester Guardian” и ирландский журнал “Freemens”, а Мак-Гахан — в лондонскую “Daily News”[12].

Помимо официально аккредитованных журналистов, сведения из армии доставляли и военные, свои имена под публикациями не указывавшие, что немало тревожило как военное начальство, всюду подозревавшее шпионаж и утечку конфиденциальной информации, так и цензуру.

Первые допущенные в армию отечественные военные журналисты были так воодушевлены открывшейся гласностью, что верили: цензура будет благосклонна к их корреспонденциям, проникнутым истинным патриотическим чувством. Так, Н.В. Максимов позже вспоминал о причинах этой уверенности:

---

[10] *Апушкин В.А.* Указ. соч. С. 202.
[11] *Михневич В.О.* Указ. соч. С. XVII.
[12] *Максимов Н.В.* Указ. соч. С. 175–176.

> В самом деле, к чему цензура по отношению к нам, русским корреспондентам? За спиною стояли ликующие редакторы, вокруг нас была ликующая толпа читателей… Да если я не буду ликовать — меня никто и читать не станет. Прежде всего мы «патриоты своего отечества», и затем всякий из нас отлично знал, что нельзя обнаруживать военные тайны[13].

Однако же вышло ровно наоборот: цензурные (и шире — властные) структуры старались максимально внимательно следить за публикациями в газетах, что привело не только к ужесточению, но и к «приумножению» цензуры.

Помимо «обычной» цензуры, осуществляемой Главным управлением по делам печати, публикации о войне должны были проходить через военную или морскую цензуру. Кроме того, для любого упоминания лиц царской фамилии требовалось разрешение Министерства императорского двора, а учитывая, что эти «лица» занимали ключевые позиции в армии или участвовали в крупных военных событиях (главнокомандующим действующей армии на Балканах был великий князь Николай Николаевич Старший), упоминать их — а значит, и проходить дополнительную цензуру — газетам (изданиям ежедневным) приходилось часто.

Здесь же отмечу, что помимо объективных проблем в виде цензуры, редакторы газет сталкивались и с препятствиями субъективного характера, «человеческого фактора». Так, второй редактор газеты «Голос» (и, по совместительству, зять А.А. Краевского) В.А. Бильбасов в письме от 5/17 ноября 1877 г. просил о помощи товарища министра внутренних дел Л.С. Макова:

> Вчера, во 2-м часу ночи, получил уведомление военно-ученого комитета, что «гражданский цензор не пожелал прочесть просмотренного уже генералом-майором Баумгартеном “Военного обозрения” для “Голоса”, и ушол», заявив, что *прочтет его завтра*. Предоставляю Вам самим судить, как это удобно для газеты, помещающей военные обозрения *ежедневно*.
>
> Гг. военные цензоры объясняют подобные неудобства тем, что их гражданские товарищи *мало трудятся*, являясь только по вечерам. Решительно недоумеваю, как поправить дело, но, очевидно, так оно идти не может. Если каждый день обозрение будут оставлять *до завтра*, то это равносильно запрещению[14].

[13] *Максимов Н.В.* Указ. соч. С. 182.
[14] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 29.

К несчастью для редакции «Голоса», на бланке письма имеется приписка: «Г. Министр не изволил обратить внимания на это заявление».

Неизбежное нарушение газетами многочисленных цензурных правил и запретов обостряло и без того традиционно непростые отношения между прессой и властями. Это обострение не обошло и «Голос» — газету-лидер по интенсивности преследования со стороны властей.

К концу августа 1877 г. «Голосу» оставалось получить только одно предупреждение до приостановки. Как известно, закон 1865 г., «освободивший периодические издания от предварительной цензуры, ввел… кроме судебной ответственности, три рода административных кар — запрещение розничной продажи, предостережения и приостановку издания». Еще в первой половине 1877 г. «Голосу» дважды запрещали розничную продажу (в общей сложности на 40 дней) и приостанавливали его выход на 1 месяц 14 дней[15].

Первое из двух официальных предостережений было сделано 24 августа министром внутренних дел А.Е. Тимашевым за публикацию корреспонденции «Горний Студень» от 2 (14) августа в № 189 и за передовую статью в № 192. По мнению властей, в упомянутых статьях «осуждаются распоряжения и действия лиц начальствовавших нашими войсками», несмотря на то, что всем редакторам «повременных изданий, имеющих политич<еский> отдел» было «предварено», «чтоб они не дозволяли себе разных рассуждений, и тем более осуждений, относительно лиц и событий, о которых не имеют и не могут иметь достаточно верных сведений»[16].

Корреспонденцию от 14 августа — пропущенную военным цензором — общая цензура определила как «осуждающую в крайне резких выражениях распорядок войск при Плевненском деле и действия генерала Криденера»[17].

Кроме того, причиной первого предостережения газете и «возбуждения судебного преследования» стало упоминание лиц царской фамилии без согласования с нужным ведомством. Описывая «обыденную жизнь офицеров, состоящих при императорской квартире», автор касался и быта самого императора, в частности его приемов пищи в походной «столовой»:

---

[15] *Михневич В.О.* Указ. соч. С. LI–LII.
[16] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 100. Л. 360, 365.
[17] Цит. по: *Луночкин А.В.* Указ. соч. С. 170.

> Утром, между восемью и девятью часами, здесь подают чай и кофе, со сливками и сдобными булками и сухарями. К полудню, в палатку собирается вся свита Государя Императора, около 50-ти человек, а ровно в 12 часов входит Государь Император, приветливо, как всегда, раскланивается со всеми и садится за стол. За завтраком подают, в виде закуски, водку трех сортов, икру, швейцарский сыр, паштеты, сардинки, селедки и т.п. После закуски подают суп или бульон и жаркое. Завтрак оканчивается черным кофе или чаем. Из вина, за завтраком ставят на стол красное вино и мадеру. Обыкновенно завтрак продолжается около часу[18].

По этому поводу 4 сентября 1877 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет обращался в Главное управление по делам печати:

> С. Петербургский Цензурный Комитет честь имеет донести, что сего числа за № 956 сообщено Прокурору С. Петербургского Окружного Суда о возбуждении судебного преследования противу редактора-издателя газеты «Голос» Статского Советника Краевского, на основании 1024 ст. Улож<ения> о наказ<аниях>, по Прод<олжению> 1876 г., на напечатание в №№ 189 и 190 «Голоса» известий и суждений о личных действиях Его Императорского Величества Государя Императора и Их Императорских Высочеств Великих Князей, Николая Николаевича Старшего и Николая Николаевича Младшего без разрешения Господина Министра Императорского Двора[19].

Второе предостережение последовало 31 августа за публикацию в № 196 статьи «Лагерь при Биюкмастуфляр», в которой автор указывал на «незаслуженность дарованных за это сражение наград и неправильность в их распределении»[20]: «К сожалению, мы тут должны прибавить, — комментировал свой осторожный анализ сражения автор, — что лихо и прекрасно выполнявшие свое дело наводчики при орудиях остались без всякого поощрения…»[21]

Таково было положение газеты «Голос», когда произошел конфликт с участием главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича, министра внутренних дел А.Е. Тимашева, некоего иностранного корреспондента газеты и ее издателя Андрея Александровича Краевского. Этот конфликт, результатами которого стала высылка всех военных корреспондентов «Голоса» с Балкан, угроза

[18] Голос. 1877. № 189, 19 (31) авг. С. 1–2.
[19] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 100. Л. 374–374 об.
[20] Цит. по: *Луночкин А.В.* Указ. соч. С. 170.
[21] Голос. 1877. №196, 26 авг. (7 сент.). С. 2.

остановки газеты и приказ всем изданиям об обязательном указании авторов корреспонденций с войны, ярко демонстрирует парадоксальное взаимоотношение высших властных структур и журналистики в описываемое время. С одной стороны, положение ежедневной газеты и после отмены предварительной цензуры в 1865 г. оставалось шатким: угроза получения третьего предупреждения и последующего закрытия постоянно висела над издателями; с другой — пристальное внимание администрации к газете демонстрировало признание серьезной власти издателя, с которой приходилось считаться.

Упомянутый конфликт отразился в телеграммах, которыми обменивались главнокомандующий и министр внутренних дел, а также в объяснительных письмах Краевского. Первая телеграмма с подписью «Николай» была отправлена главнокомандующим «Министру Внутренних Дел Генерал-Адъютанту Тимашеву» 2 октября 1877 г. из Горнего Студеня в Петербург:

> Мне известно что корреспонденты Голоса мною допущенные более трех недель как уехали и новые не просились, между тем корреспонденции с театра войны продолжают появляться, и при этом с крайне недоброжелательным оттенком. На основании законов о печати прошу тебя потребовать и сообщить мне имя автора корреспонденции из Горного Студеня от 14 сентября помещенной в № 226 Голоса 25 сентября, стало быть иначе не могла быть получена как с курьером вещь более чем странная[22].

Не понравившаяся «Николаю» корреспонденция описывала состояние русского войска после третьего неудачного штурма Плевны в начале сентября и выражала осторожную критику слишком оптимистической оценки отечественных военных успехов: «…мы уже изверились в отзывы нашего штаба, суждения которого, всегда крайне ободряющие, так много раз не оправдывались… Зачем было объявлять, что Плевна обложена, если подвоз к ней провианта и боевых припасов возможен?»[23] Кроме того, в корреспонденции давался анализ положения войск на Шипкинском перевале и неблагоприятный прогноз возможной там зимовки.

Надо отметить, что недовольство главнокомандующего и его упорное желание (см. следующие телеграммы) узнать имя автора публикации «Голоса» могло иметь, помимо вспыльчивого характера великого князя, и вполне объективные причины. В августе

[22] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 22.
[23] Голос. 1877. № 226, 25 сент. (7 окт.). С. 1–2.

того же 1877 г. в дунайской армии разразился скандал, связанный с английским корреспондентом Бойлем (Boyle). В корреспонденции от 24 августа из Порадима тот «сообщил подробные сведения о расположении наших войск и укреплений под Плевною»[24]. 13 сентября 1877 г. Николай Николаевич распорядился «лишить Бойля всех преимуществ его звания и затем выслать из армии», что и было сделано.

Неизвестный автор корреспонденции в № 226 «Голоса» от 25 сентября ничего крамольного не сообщал, но память об инциденте была слишком свежа. Ответную телеграмму Тимашев отправил 3 октября «в 9 ч. 40 м. по полуд<ни>»:

> Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему
> Закон, возлагая ответственность на редакторов, не обязывает их выдавать имена сотрудников. Тем не менее могу сообщить, что автор указанной корреспонденции есть Американец Станлей. Статья получена почтою, которая приходит через десять дней[25].

Главнокомандующий ответом не только не удовлетворился, но и пришел в ярость, запретив «Голосу» иметь военных корреспондентов в армии на Дунае:

> Станлей уже более трех недель как уехал отсюда следовательно если он писал корреспонденцию от 13 сентября в Голос то послал ее не из Горного Студеня в 10 дней она могла дойти в Петербург почтой меня удивляет что она в день получения успела пройти и через военную цензуру и попасть в печать прошу объявить газете голос что я более не допускаю ни одного ее корреспондента в армию кто бы он не был Станлею пусть редакция сообщит что б он не смел больше показываться ни в армию в Румынию поэтому в Голосе не должно больше появляться специальные корреспонденции с театра войны[26].

На той же телеграмме было отмечено, что «по поручению Г. М<инист>ра» на 8 октября для разъяснений был вызван издатель Краевский.

В телеграмме от 7 октября А.Е. Тимашев отчитывался великому князю о выполнении приказа, а также предлагал ввести новые правила в отношении периодической печати:

---

[24] *Апушкин В.А.* Указ. соч. С. 208.
[25] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 23 (копия).
[26] Там же. Л. 24–25.

> Распоряжение Вашего Импер<аторского> Высоч<ества> об объявлении редакции Голоса о недопущении корреспондентов этой газеты в действующую армию исполняется. Считаю однако долгом доложить, что редакция Голоса имеет на театре военных действий еще корреспондентом Мак-Кагана (т.е. Мак-Гахана — *С.В.*) и что вообще совершенное прекращение печатания в Голосе специальных корреспонденций путем одного удаления корреспондентов едва ли может быть достаточно для прекращения неблагонадежных и бестактных сообщений, помещаемых в русских газетах. Представляются, по моему мнению, более действенные средства, а именно испрошение Вашим Высочеством особого Высочайшего повеления, в силу коего все редакции русских газет были бы обязаны, на время войны, печатать корреспонденции о военных действиях не иначе как за полною подписью фамилии корреспондента. Эта мера как кажется положит предел нынешнему направлению известий и заставит замолчать многих лиц не состоящих в числе официально признанных корреспондентов, но которые, находясь на театре войны, сообщают в газеты известия, печатаемые без подписей[27].

В следующем послании — от 21 октября — Тимашев сообщал, что новое правило было объявлено «сегодня в Правительственном Вестнике», но просил великого князя объявить Высочайшую волю «также и в действующих армиях».

Инцидент, однако, вовсе не был исчерпан. Главнокомандующий встретился с предполагаемым автором корреспонденции Стенли и пришел к выводу, что редакция «Голоса» ввела Тимашева в заблуждение:

> Американец Стэнли которого редакция «Голоса» выдала тебе за автора корреспонденции от 14 сентября из Горного Студеня был здесь, сам мне заявил что он никогда этой корреспонденции не писал; он едет в Петербург к тебе просить содействия к раскрытию истины дабы восстановить свою репутацию которую справедливо считает помраченной тою напраслиной которую на него взвела редакция «Голоса». Я уверен что ты не оставишь его своей поддержкой. Кстати уведомляю тебя что я признал возможным сделать исключение для Григория Градовского и допустил его в армию специальным корреспондентом Голоса[28].

[27] Там же. Л. 26–27.
[28] Там же. Л. 30 (копия телеграммы из Богота от 26 ноября).

Таким образом, высылка корреспондентов «Голоса» с войны на Балканах была связана с вопросом об авторстве одной из военных корреспонденций. Однако в результате Краевскому удалось добиться того, что Г.К. Градовскому, бывшему в это время специальным корреспондентом «Голоса» в армии в Малой Азии, было разрешено «переехать» на Балканы, тем самым дав возможность газете продолжить публикации о военных действиях. Появление Градовского в ключевой для отечественных войск локации было спасением для газеты Краевского: опытный журналист (писавший под псевдонимом «Гамма») до войны издавал собственную газету «Русское обозрение», а читателям «Голоса» был известен воскресными фельетонами.

Желание Николая Николаевича найти «истинного» автора публикации исполнено не было, о чем он весьма раздраженно и сообщил из Богота Тимашеву почти месяц спустя, 23 декабря:

> Телеграммою 26 ноября я просил вас помоч американцу Стенли открыт имя настоящего автора корреспонденции приписанной ему, сегодня узнав что ты его даже не принял очень сожалею что ты не исполнил моей просьбы потому что я напрасно никогда ни о чем не прошу. Прошу доложит государю императору как упомянутую корреспонденцию так и моем желании знат имя настоящего автора ей. Стенли не ест автор ее, в чем и получил письменное удостоверение редакции Голоса[29].

В телеграмме от 24 декабря Тимашев писал, что Стенли действительно заезжал к нему, но не застал дома, а вскоре уехал за границу. Детали дела (как выяснилось, довольно запутанного) министр объяснил в следующем за телеграммой письме. Оказалось, что Стенли

> по прибытии в Петербург, прежде всего явился в редакцию газеты «Голос», где не отрицая авторства корреспонденции от 14 сентября, стал предлагать помощнику редактора «Голоса», Г. Бильбасову, разные обманные способы, клонящиеся к тому, чтобы выяснить, что корреспонденция 14 Сентября была получена редакциею неизвестно от кого и принята ошибочно за корреспонденцию им написанною.

Дальнейшее объяснение министра начинало обретать жанровые черты детективного романа:

[29] Там же. Л. 33.

> У меня лично Стэнли был один только раз, 4 Декабря перед обедом, и не застав меня дома, оставил визитную карточку, обещая зайти на другой день; так как в течение следующего дня Стэнли не явился, я вечером послал к нему на квартиру просить его к себе на другое утро, но посланный воротился с ответом, что Стэнли выехал из Петербурга[30].

Понимая, что таковым объяснением главнокомандующий не удовлетворится, Тимашев прилагал письменное объяснение Краевского, в надежде направить гнев раздражительного начальства по нужному адресу:

> Из представляемого при сем в подлиннике письменного объяснения редактора газеты «Голос», в правдивости которого я не имею повода сомневаться, Ваше Имп<ераторское> Высочество изволит усмотреть всю недобросовестность г. Стэнли, с которою он старается отклонить от себя подозрение в написании корреспонденции от 14 Сентября, а равно и возмутительное его поведение, заключающееся в том, что он дозволил себе утаить и не передать по назначению письма ко мне Вашего Высочества. Недобросовестность Стэнли дошла до того, что он дозволил себе по-видимому и по отъезде из Петербурга беспокоить Ваше Императорское Высочество жалобою на меня в непринятии его и утверждать, что он имеет письменное удостоверение редакции «Голоса» в том, что корреспонденция от 14 Сентября не принадлежит ему. Опровержение этого последнего заявления заключается в прилагаемом при сем подлинном объяснении газеты «Голос».

Краевский в письме последовательно излагал аргументы, употребляя весь свой немалый дипломатический такт и дар убеждения:

> С самого начала войны и по сегодняшнее число редакция Голоса получает и продолжает получать корреспонденции с театра войны, кроме русского, на немецком и французском языке от нескольких лиц; но никогда и ни от кого не получала сообщений на английском языке, кроме как от г. Стэнли. Даже ни одна из корреспонденций г. Макгахана не была получена на английском языке, но все в русском переводе делаемом Г-жою Макгахан, русскою, проживающей в Букареште. С того дня, когда Ваше Высокопревосходительство, именем Августейшего Главнокомандующего, изволили потребовать у меня фамилию автора корреспонденции из Горнего Студеня,

[30] Там же. Л. 35.

> от 14го (26) Сентября, не было и не могло быть ни малейшего сомнения, что корреспонденция эта прислана г. Стэнли: сохраняемый в редакции оригинал, с которого сделан набор, писан рукою переводчика, занимающегося *исключительно* переводом с английского языка; в редакции, сверх того, находится сотрудник, получивший от г. Стэнли частные письма и удостоверивший, что им, как лицом, знавшим почерк г. Стэнли, были читаны некоторые неясно написанные места последней его корреспонденции.

Краевский раскрывал и планы лукавого корреспондента, не решившегося, однако, на просьбу о фальшивом удостоверении от редакции «Голоса»:

> В бытность свою в Петербурге, г. Стэнли долго и много упрашивал г. Бильбасова приписать эту корреспонденцию кому-либо из соотечественников г. Стэнли, проживающих в Букареште; но никогда, ни единым даже словом не дерзнул выразить желания иметь письменное удостоверение в том, что не он будто бы автор указанной корреспонденции.
>
> Считаю долгом самым положительным образом удостоверить перед Вашим Высокопревосходительством, что г. Стэнли никакого, ни письменного, ни словесного, удостоверения, упоминаемого в телеграмме Его Императорского Высочества, не получал и получить не мог ни от г. Бильбасова или меня, ни от кого-либо из членов редакции Голоса[31].

Безусловно, Краевский был заинтересован в том, чтобы сохранить иностранного корреспондента газеты: иностранцы были ценными сотрудниками. Уровень их профессионализма был зачастую выше, чем у отечественных военных журналистов, нередко фокусировавшихся лишь на «дагерротипической» зарисовке деталей. Кроме того, они «предпочтительно перед… русскими, имели довольно легкий доступ к высокостоящим лицам, и эти последние с очень любезной предупредительностью сообщали им нередко весьма важные сведения»[32], а также были лучше обеспечены материально — «богатые» редакции европейских газет снабжали их значительными суммами на «награды» информантам и отсылку телеграмм. Однако Стенли дискредитировал и себя, и репутацию «Голоса», поставив последний под угрозу закрытия.

---

[31] Там же. Л. 26–37об.

[32] *Апушкин В.А.* Указ. соч. С. 216.

Дело, однако, продолжало обрастать деталями. В следующем письме Тимашеву Краевский, суммировав все обстоятельства дела, утверждал, что со времени высылки «специального корреспондента моей газеты, г. Стэнли (Francis Stanley), из Болгарии и Румынии» и воспрещения «печатать в “Голосе” присылаемые им телеграммы и корреспонденции» ни одна из них не появилась в «Голосе», сам же корреспондент оказался авантюристом, пытавшимся ввести в заблуждение обе стороны:

> Корреспонденция из Горнего Студеня от 14 (26) Сентября была последним сообщением, полученным мною от г. Стэнли. Его молчание в течение второй половины Сентября и всего Октября я, естественно, объяснял себе высылкою его из района театра войны и только удивлялся, что г. Стэнли не счет нужным даже уведомить меня о постигшей его неприятности. В первых числах Ноября я был, однако, удивлен еще более, получив от г. Стэнли сперва телеграмму из Букарешта, затем несколько корреспонденций из-под Плевны (Before Plevna). Я немедленно уведомил г. Стэнли телеграммой о распоряжении Его Императорского Высочества и, получив от него ответную телеграмму, в которой он называл это распоряжение *недоразумением*, просил его съездить в главную квартиру и разъяснить это «недоразумение».
>
> Спустя несколько дней г. Стэнли телеграммой из Богота уведомил меня, что он принят весьма любезно Великим Князем и просит меня сообщить, кто именно автор корреспонденции, ему приписанной <…>

Авантюризму Стенли не было предела, более того, теперь он пытался вовлечь в свою авантюру и редакцию «Голоса», прибегнув к легкому шантажу:

> Продолжать дальше такую мистификацию я не считал даже приличным и письмом в Букарешт, на имя г. Стэнли, просил его приехать в Петербург для разъяснения дела, так как, писал я, в массе получаемых с театра войны писем на различных языках, я, быть может, ошибся и, в таком случае, здесь, в присутствии переводчиков, легче убедиться, кто из нас прав.
>
> По приезде в С. Петербург, г. Стэнли, узнав от моего помощника, г. Бильбасова, что английский оригинал рукописи уничтожен, а сохраняется только дословный ее перевод, исправленный рукою г. Бильбасова, пробовал было отрицать свое авторство, довольно смело заявляя, что в руках редакции нет обличающей его рукописи и что редакция несомненно будет обвинена.

Когда мне г. Бильбасов заметил, что при такой постановке вопроса, он не считает возможным продолжать разговор и предпочитает предоставить решение Вашему Высокопревосходительству, г. Стэнли предложил, «во избежание неприятностей, могущих быть г. Бильбасову за сделанные им исправления», представить в редакцию дословный перевод «на чистый английский язык» напечатанной корреспонденции, с тем, что, с одной стороны, редакция заявит, будто она только теперь, по сличении рук, увидела, что корреспонденция писана не г. Стэнли, но назвала его автором корреспонденции единственно потому, что письма на английском языке получались только от него, а, с другой стороны, г. Стэнли заявит, что в Букареште много англичан, которых он просил писать при случае в «Голос», и что, вероятно, кто-либо из них прислал корреспонденцию, написанную несомненно природным англичанином.

Такая комбинация была, по словам г. Стэнли, необходима ему, так как изгнание его с театра войны лишает его возможности быть корреспондентом газеты “Times”, в которую будто бы он приглашен. Заподозрив искренность объяснений г. Стэнли и опасаясь последствий от подобного обмана, г. Бильбасов, посоветовавшись со мною и Товарищем Вашего Высокопревосходительства Л.С. Маковым, просил г. Стэнли или письменно сознаться в том, что он именно автор корреспонденции, чего, впрочем, г. Стэнли, на словах, не отрицал, или оставить его в покое, предоставив разбирательство дела Вашему Высокопревосходительству.

Конечно же, редакции не было никакого смысла защищать гуттаперчевого корреспондента, и тот поспешно покинул Петербург, оставив письмо великого князя себе «на память»:

«В таком случае, — сказал г. Стэнли, — мне ничего более не остается, как уехать поскорее из Петербурга». На замечание г. Бильбасова, касавшееся поручения, данного г. Стэнли Великим Князем и письма его Императорского Высочества к Вашему Высокопревосходительству, г. Стэнли ответил: «что письмо Великого Князя он оставит у себя на память». Когда же г. Бильбасов заявил, что находит подобный поступок неуместным, то г. Стэнли сказал, что в данном случае он один является лицом заинтересованным и что с его отъездом дело само собою прекращается.

По наведенным справкам оказалось, что г. Стэнли, действительно, уехал из Петербурга 4 (16) Декабря в 11 часов утра, т.е. на другой же день после посещения им г. Бильбасова.

> Сообщив подробности дела, как они разъяснились при личном свидании с г. Стэнли, я покорнейше просил бы Ваше Высокопревосходительство оправдать меня перед Его Императорским Высочеством Великим Князем Николаем Николаевичем Старшим и возвратить мне то доверие, которое Главная Квартира действующей армии постоянно оказывала представителям «Голоса» на театре войны[33].

Таким образом, А.А. Краевскому удалось оправдаться перед властями. За неделю до этого письма наступила и общая «амнистия» журналистам: 17 декабря Александр II по случаю взятия Плевны распорядился снять с периодических изданий имеющиеся у них предупреждения. Новый военный год, 1878, «Голос» начал с «чистого листа», получив первый запрет на розничную продажу 9 марта, а очередное первое предостережение — 3 апреля.

Литература

Апушкин В.А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902 № 7. С. 194–219.

Луночкин А.В. У истоков военной журналистики // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Ч. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 167–172.

Михневич В.О. Пятнадцатилетие газеты «Голос»: 1863–1877. СПб.: Изд-во ред. газ. А.А. Краевского, 1878. 276 с.

References

Apushkin V.A. Voina 1877–1878 gg. v korrespondentsii i romane [War of 1877–1878 in correspondence and novel]. *Voennyi sbornik*, 1902, no. 7, pp. 194–219. (In Russ.)

Lunochkin A.V. U istokov voennoi zhurnalistiki [At the origins of military journalism]. *Voennaia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Military history of Russia: problems, search, solutions: Proc. Int. Sci. Conf., dedicated to the 70th anniversary of victory in the Great Patriotic War], in 2 parts. Part 2. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2015, pp. 167–172. (In Russ.)

Mikhnevich V.O. *Piatnadtsatiletie gazety "Golos": 1863–1877* [The 15th anniversary of the newspaper "Golos": 1863–1877]. St. Petersburg, A.A. Kraevsky's newspaper Publ., 1878. 276 p. (In Russ.)

[33] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 38–40 об., копия письма Краевского от 24 декабря 1877 г.

State power and the press: On the participation of foreign correspondents of the newspaper “Golos” in the Russo-Turkish War of 1877–1878

© 2019, Svetlana Voloshina

Abstract: The article covers an episode that reveals some specific features of the interaction of the state power and journalism during the Russo-Turkish War of 1877–1878. The starting point for the undertaken analysis of sources, including unpublished ones, is the formation of a new “specialization” of national journalists during the Russo-Turkish War of 1877–1878 — a war correspondent who stays with the combat arms and sends reports for a periodical. The conflict caused by an unsigned publication in the newspaper “Golos” (“The Voice”) on the state of affairs in the Russian army was reflected in telegrams of the commander-in-chief of the army in the Balkans, Grand Duke Nikolai Nikolaevich, Minister of Internal Affairs A.E. Timashev and in letters of the editor of “Golos” A.A. Kraevsky. Among the results of this conflict was the expulsion of all war correspondents of the newspaper from the army on the Danube, the requirement for all printed war correspondences to be signed, and indirectly — the recognition by the authorities of the key role of the press in forming the public opinion. The telegrams and letters in question are being published for the first time. The conflict considered in the article clearly demonstrates the paradoxical relationship between the highest power structures and journalism in the described time. Particular attention is paid to the role of censorship. The newspaper “Golos” was the leader in terms of the intensity of persecution by the authorities, however, as shown by the analysis of unpublished epistolary sources, A.A. Kraevsky eventually managed to justify himself before the authorities and avoid the suspension of the newspaper.

Keywords: 19th century, Russo-Turkish War of 1877–1878, A.A. Kraevsky, “Golos” (“The Voice”), war correspondents, Russian history, history of journalism

Information about the author: Svetlana Voloshina, PhD, School of Advanced Studies in the Humanities, RANEPA, Moscow, Russia. E-mail: s.m.voloshina@gmail.com

Citation: Voloshina Svetlana. State power and the press: On the participation of foreign correspondents of the newspaper “Golos” (“The Voice”) in the Russo-Turkish War of 1877–1878. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 252–268. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-252-268

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-269-281
УДК 821.161.1

«Стихов российских механизм» в контексте исторической поэтики

© 2019, С.И. Николаев

Аннотация: Статья представляет собой развернутый комментарий к выражению «стихов российских механизм», использованному А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине». С опорой на исследования предшественников (В.С. Баевского, С.И. Панова) автор статьи обозначает генезис и семантику этого выражения в контексте исторической поэтики. Выявляется область его применения в русской литературе начала XIX в. — к лирическому и драматическому произведению. В качестве одного из первых примеров, где появляется такое выражение, приводится стихотворение Евфимия Чудовского (XVII в.). Отмечается, что в западноевропейской традиции именно к этому времени относится формирование метафоры часов как модели устройства мира, а затем и Бога как великого часовщика. На основании рассмотренных текстов Евфимия Чудовского и Симеона Полоцкого делается вывод о том, что произведения московских книжников могут быть вписаны в контекст общеевропейских дискуссий данного периода. Античные источники рассматриваемой метафоры обозначаются на материале переводов-переложений, выполненных А. Кантемиром и В. Тредиаковским. В заключение автор статьи связывает формирование и развитие метафоры творчества как «механизма» со сложным процессом складывания нового типа авторского самосознания в русской литературе XVII–XVIII вв. В литературной культуре Нового времени писатель уже по собственному усмотрению располагает слова, создавая произведение как сложный словесный механизм, работа которого зависит только от изобретательности автора.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», метафора, авторское самосознание

Информация об авторе: Сергей Иванович Николаев, д.ф.н., академик РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Цитирование: *Николаев С.И.* «Стихов российских механизм» в контексте исторической поэтики // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 269–281. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-269-281

Словосочетание «стихов российских механизм» из «Евгения Онегина» (VIII, 38) только в конце XX в. привлекло внимание комментаторов. В 1987 г. В.С. Баевский указал, что Пушкин мог встретить сочетание «механизм стихов» в одном из примечаний А.Х. Востокова к переводам из Горация[1]. Некоторое время спустя С.И. Панов в специальной статье привел много примеров употребления словосочетания «механизм стихов/стихотворства» у русских авторов конца XVIII — начала XIX в., которые не оставляют сомнений в том, что это был распространенный стиховедческий термин. Особенно показательно и говорит само за себя приведенное Пановым название учебной книги Н.И. Язвицкого «Механизм, или Стопосложение российского стихотворства, изданный для воспитанников Санкт-Петербургской губернской гимназии» (1810)[2].

Стиховедческое значение словосочетания «механизм стихов» не вызывает сомнений. Но почему именно «механизм», в разных оттенках своего значения зафиксированный в словарях начала XIX в., спокойно и даже естественно сочетается с «поэзией» в эпоху предромантизма и романтизма? Недаром ведь В.С. Баевский назвал это словосочетание «новаторской» метафорой, «странной на первый взгляд». В известной и исключительно богатой наблюдениями работе «Пушкин и наука его времени» (1956, 1972) М.П. Алексеев на огромном материале продемонстрировал пытливое внимание русских писателей первой трети XIX в. к проблемам науки, в том числе и к механике[3]. Эти проблемы и сама «механическая» терминология проникали и в литературные произведения. М.П. Алексеев приводит фрагмент из «Театрального разъезда» Н.В. Гоголя, в котором один из «любителей искусств» уподобляет театральную пьесу сложному по своему устройству механизму и утверждает, что «течение и ход пиесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело… И в машине одни колеса заметней и сильней движутся; их можно только назвать главными; но правят пиесою идея, мысль»[4]. Таким образом, понятие «механизм/машина» может быть приложимо как к поэзии, так

[1] См.: *Баевский В.С., Листов В.С., Вишневский А.А.* Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 111–113. Ср.: *Баевский В.С.* Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М., 2011. С. 259–262.

[2] См.: *Панов С.И.* Из истории русской стиховедческой терминологии конца XVIII — первой трети XIX века («механизм стихов» и «изменения») // Quinquagenario Alexandri Il'ušini oblata. M., 1990. С. 13–16.

[3] См.: *Алексеев М.П.* Пушкин и наука его времени // Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 22–173.

[4] Там же. С. 109–110.

и к драматическому произведению. Но впервые такие сравнения и метафоры появились в русской литературе даже не в XVIII, а еще в XVII в.

У Евфимия Чудовского одно небольшое стихотворение, написанное, видимо, в 1680-е гг., начинается так:

Зри, человече, на сей орологий,
умудришися паче феологий.

Надо признать, что это довольно необычное заявление для монаха, который ставит часы (точнее, часовой механизм) выше теологии по воздействию на человеческий разум. Но это такое барочное admirare — желание удивить и поразить читателя. Далее в стихотворении речь идет о мирской суете и тщетности жизни человеческой:

Како часами жизнь определяет,
месяцы днями время скончевает.
Дние и лета скоро мимо текут,
юна отрока ко старости влекут.
В старости дряхлость и разслабление,
всея крепости и сил лишение.
По сем лютая зла смерть восхищает
и, яко траву, косою ссекает;
Богатство, славу прах быти вменяет,
злато и сребро калу предавает.
Аще хощеши муж быти блаженный,
помни всегда день и час совершенный,
Смерть, ад, геенну во уме содержи
и вся суеты от себе отвержи,
Горня Сиона буди подражатель,
и всех прелестей умный презиратель,
Да возможеши премирно пожити,
в горних жилищах на веки почити[5].

В «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого в цикл «Вера» входит небольшое стихотворение, в котором речь уже прямо идет о часовом механизме:

[5] Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18: XVII век. СПб., 2014. С. 296. Здесь и далее произведения XVII–XVIII вв. цитируются в модернизированной орфографии.

Во часех зубец един аще отломиши,
всех колес течение тако удержиши.
Подобне в вере аще един член растлится,
вся, яко часы, вера унепотребится.
Тем же собори ничто велят отъимати
от состав веры, точне ничто прилагати[6].

Первое, что приходит в голову при размышлении о часах в поэзии XVII в., — эта тема связана с бренностью и суетой жизни человеческой. И это предположение вполне справедливо — в XVIII в. будут появляться похожие стихотворения. Так, А.П. Сумароков в 1759 г. опубликовал в своем журнале «Трудолюбивая пчела» небольшое стихотворение «Часы»:

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»[7]

Затем он дал стихотворению другое название — «На суету человека». Корреляция «часы — суета человеческой жизни» вполне

[6] *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvětnyj. Vol. 1: “Aaron” — “Dětem blagoslovenie” / Ed. Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. With a Foreword by Dmitrij S. Lichačev. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 193.

[7] *Сумароков А.П*. Избранные произведения. Л., 1957. С. 83. Ср.: *Алексеева Н.Ю*. Стихотворение А.П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 78–89.

ожидаема. Эта тема будет постоянно присутствовать в тренической поэзии XVIII в., достаточно назвать «На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.

Но в XVII в. именно тема memento mori была скорее второстепенной в силлабической поэзии. У Евфимия орологий появляется при упоминании теологии, а у Симеона — при разговоре о вере. И для того есть свои резоны.

Часы издавна были известны на Руси, а в XVII в. их число значительно умножилось[8]. Однако до Евфимия и Симеона никаких текстов, связанных с часами и суетой человеческой жизни, не было. Напомню, что XVII век в Европе — это не только эпоха барокко, это век возникновения науки нового времени и технической революции[9]. Из многочисленных механизмов часовой занял важнейшее место и среди аргументов в философских рассуждениях. Как раз в XVII в. развивается и закрепляется метафора часов как модели устройства мира, а затем и Бога как великого часовщика; часы стали метафорой, одинаково важной и для богословия, и для становящейся науки. Астрономические часы в то время показывали не только время, они отражали движение солнца, луны, других небесных тел и указывали дни религиозных праздников. Распространяется представление о круговом движении планет, схожем с движением шестеренок в часах. Примеров тому много, так, Декарт писал, что понимание устройства вселенной сравнимо с пониманием устройства часов[10]. А Роберт Бойль, физик, химик и философ, выступая против схоластов, говорил: «Разница между их мнением о присутствии Бога в мире и тем, что предложу я, в общих чертах может быть такова: они представляют мир наподобие куклы, чье создание искусственно, и при этом почти каждое конкретное ее движение вызывается мастером, <…> тогда как, на наш взгляд, мир подобен редким часам, какие можно увидеть в Страсбурге и в которых все детали так искусно задуманы, что машина, будучи один раз приведена в движение, вы-

[8] См.: *Мельникова О.Н.* Из истории часов в России. XVII — начало XX века. М., 2016.
[9] См.: *Вуттон Д.* Изобретение науки: Новая история научной революции / Пер. с англ. М., 2018.
[10] См.: Там же. С. 390.

полняет все действия согласно первоначальному замыслу мастера»[11]. Все эти идеи отразились и в научно-популярной литературе XVII в. В «Рассуждении о множественности миров» (1686) Фонтенеля есть диалог, в котором автор объясняет маркизе устройство мироздания. Привожу его в переводе А. Кантемира 1730 г.: «Потому, — сказала маркиза, — философия уже механическа стала? — Так механическа, — ответствовал я, — что опасаюся, чтоб нам скоро от того стыда не было. Верят ныне, что весь мир таков есть в своем величестве, каковы часы в своей малости, и что всё в нем делается чрез движение некое уставленное, которое зависит от порядочного учреждения частей его. Скажи правду, не думала ли ты когда нечто превосходнейшее о мире сем и не воздавала ли ты ему почтения, какого он не достоин? А я видел таких, которые, как его узнали, не столько стали почитать его. — А я напротиву, — ответствовала она, — много больше его почитаю, как узнала, что он часам подобен; удивительно бо есть, что чин натуры, будучи столь дивен, а основан на так простых вещах!»[12] Автор хвалит ее и подчеркивает, что в мире нет ничего, что нельзя было бы объяснить механическими причинами.

Фонтенеля, скорее всего, в Москве тогда еще не читали, но отзвуки европейских философских и богословских споров эпохи механической философии доходили, очевидно, и до Москвы, хотя бы вместе с теми же самыми часами и мастерами часовых дел. Кстати, часы на Спасской башне выглядели совсем не так, как сегодня, что известно нам по рисунку барона Мейерберга 1661–1662 гг.[13]

Представляется, что стихотворения Симеона и Евфимия подтверждают предположение, что в кругах московских книжников какие-то отзвуки европейских дискуссий были на слуху. Справедливо считается, что оба монаха придерживались разных взглядов на развитие русской культуры, в том числе литературы, и были ярыми литературными противниками, а на выход «Обеда душевного» Симеона Полоцкого Евфимий откликнулся двумя злыми, но остроумными эпиграммами. Тем более примечательно их схожее отношение к часовому механизму и включение обоими орология в стихи.

Сравнения с часовым механизмом не ограничивались философией и богословием, они входят и в другие сферы как образец идеального устройства. Так, в 1698 г. генерал Адам Вейде поднес царю Петру составленный им воинский устав, в посвящении которому

[11] Там же. С. 395.

[12] *Кантемир А.Д.* Сочинения, письма и избр. переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 406.

[13] См.: *Симонов Р.А., Хромов О.Р.* «Часы на кругу» — наиболее раннее точно датируемое 1663 годом листовое издание Московского Печатного Двора // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 19–34.

писал: «Безскучные труды х каждому делу, еже намерен исполняти, потребны суть во всяких трудах, тако ж попечение и разумное надзирание перъвоначално к воинскому делу требуется, еже аки часы чрез удобное сложение и исправное движение колес и цепи, со всем принадлежащим к тому, при порядочном беге содерживается»[14]. В 1716 г. Лейбниц писал Петру об устройстве коллегий: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если всё устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы. Но как по различию часов, одни требуют большего, другие меньшего количества колес, так бывают различны и государства, а потому никак нельзя установить для всех определенного числа коллегий»[15].

Всё изложенное, пусть кратко и в самых общих чертах, дает, как кажется, контекст или фон для понимания еще одного употребления метафоры часового механизма (орология) у Симена Полоцкого, на этот раз чисто литературного. В 1681 г. был издан, уже посмертно, сборник его проповедей «Обед душевный», завершенный в 1675 г. В заключение обширного предисловия Симеон переходит к традиционной авторской топике (captatio benevolentiae): «Аще же что обрящется во книзе сей или за недоумение неисправно, или забвением оставлено, молю прилежно прощению тобою худости моей дароватися, яко несмь ангел, сия писавый, но человек плотию тлению, умом невежеству, памятию забвению подлежащь». Далее Симеон опять вполне традиционно просит читателя: «Ты, аще мудростию от Бога украшен еси, исправи любезно, нетщеславно, еже исправлению достойно». Далее идет оговорка: «Аще же не учился еси, не буди ти дерзати, иже ихже не веси, та хулити и исправляти, да не како благая растлиши во исправления место». А затем идет интересующее нас сравнение: «В писании словеса, яко во орологии колеса чинно составляются, има же обема невежда дерзновенно прикасайся, вред творит. Не дерзаеши орология исправляти веществennаго, много паче да не прикоснешися писанию духовному, внемже по числу словес (да не реку писмен) таинства многа суть, не комуждо известна»[16].

[14] Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде, в 1698 году. СПб., 1841. С. 7.

[15] *Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 197.

[16] *Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М., 1681. Л. 9 об.–10.

Замечательный по своей редкости пример авторского представления о текстопорождении: структура текста проповеди сравнивается с часовым механизмом. Сразу возникает вопрос, особенно важный для XVII в.: кто является часовым мастером? Ответ очевиден: сам Симеон Полоцкий и никто другой. И никто другой не может вторгаться в исключительно сложный механизм текста, прикасаться не только к словам, но даже к буквам — в этом случае механизм текста будет безнадежно испорчен («Во часех зубец един аще отломиши, / всех колес течение тако удержиши»). Не музы продиктовали (как будет у Ломоносова или Державина), не «Бог сподобил» (как у древнерусского книжника), а сам своим самосмышлением автор создает сложнейший механизм текста.

Можно полагать, что Симеон был очарован метафорой, связанной с часовым механизмом, для XVII в. действительно новаторской, причем очарован настолько, что невольно попал в логическую ловушку, которую сам же и выстроил. Итак, Симеон настаивает, что его текст должен быть статичен и неизменен, но часовой механизм является таковым только будучи приведен в движение, иначе он становится просто набором закрепленных между собой шестеренок, т.е. перестает быть собственно часами. Сравнение с часовым механизмом замечательно подходит для рассуждений о движении небесных тел, о взаимодействии армейских подразделений или государственных учреждений и проч. А вот сравнение с проповедью выглядит менее удачно.

В предисловии к «Обеду душевному» Симеон Полоцкий печатно зафиксировал еще один этап в формировании авторского самосознания в эпоху перехода от древнерусской книжности к литературе Нового времени. Итак, автор сам создает свое произведение. Создает из чего? Из слов и букв. Роль букв в истории мировой литературы всегда была велика, в том числе они имели и сакральное значение. Здесь обратимся к младшему современнику Симеона — французскому богослову и писателю Ф. Фенелону. В 1712 г. он издал богословско-философский «Трактат о Существовании Бога» (Traité de l'Existence de Dieu, 1712). Этот трактат стал источником большей части философского трактата А. Кантемира, получившего в науке название «Письма о природе и человеке» (1742–1743)[17]. Фенелон отрицает роль случая в создании гениального произведения. Вот как переводит это место Кантемир: «Напрасно, вымышляя, ищут представить искусство в том, что нечаянность должна была так сделать.

[17] См.: *Grasshoff H*. Kantemir und Fénelon // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd. 3, H. 2–4. S. 369–383.

Один приклад все сие изъяснить может. Положим в бесконечное число совокупных литеров, которые един по единому нечаянностью собрались и можно сказать, что Илиада творение нечаянности единой; всякий, кто в ней искусство находить будет и придавать Гомеру, ошибется. Сия совокупность литер рано или поздно должна была прийти в свой порядок и составить Илиаду, действительно пришла и составила так, что человек никакого не употреблял искусства; сие доказательство толь смешно и слабо, что всякий смеяться должен»[18].

Это же место перевел и В.К. Тредиаковский в своей поэме «Феоптия», которая является стихотворным переложением того же трактата Фенелона[19]. Тредиаковский также согласен с аргументами Фенелона и даже дополняет его[20]:

Всяк, едва на твари с примечанием воззрит,
То творцом премудрым разум свой и озарит.
Если ж кто б сказал ему: сделайте припадок,
Вдруг покажется такой сам и глуп, и гадок.
Кто когда поверит, что Гомеровы стихи,
Кои в «Илиаде», глупости где нет крохи,
Не великим счинены смыслом стихотворца,
Украшений и высот многих толь приборца?
Кто поверить может, что припадок всех букв смесь
В тот привел порядок и союз составил весь?
А прибрав слова к словам и сцепив стопами,
Громогласнейшими толь так воспел стихами?
Пусть в «Энеиде» счислил кто-нибудь все буквы сам,
Сколько ж *а*, *б*, прочих, будет всех и *z*-тов там;
Пусть наделает себе столько ж всех их точно
И в одну смешает их кучку все нарочно.
Пусть потом он кинет совокупно всех из рук,
Чтоб ему «Энейду» сочинить броском тем вдруг.
Верно, что не ляжет враз та «Энейда» прямо.
Пусть же мечет много крат, пусть всю жизнь упрямо:
Не укинет трудник и ни первых всех стишков,
Не укинет токмо и ли маленьких клочков.
А однак припадок тут есть совсем возможный:
Мы в Виргилии уж чтем тех букв ряд неложный.
Без ума быть должно, если так то утверждать

[18] *Кантемир А.Д.* Сочинения, письма и избр. переводы. Т. 2. С. 86.
[19] См.: *Лебедев Е.Н.* Философская поэзия В.К. Тредиаковского // Русская литература. 1976. № 2. С. 94–104.
[20] См.: *Серман И.З.* Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 93–94. Тут же приведен и французский оригинал этого фрагмента.

И состав стиховный случаю то отдавать.
Цицерон «Летописéй» Энниевых только
Об одном стишке сказал, не о всех в них столько,
Что не мог припадок сочинить там и того,
А не стихотворства совершенного всего[21].

У Кантемира и Тредиаковского, разумеется, нет никаких сомнений, что именно автор, и только он, распоряжается буквами и располагает их по своему замыслу. Случай («нечаянность» или «припадок») не играет никакой роли. Дополняя Фенелона, Тредиаковский упоминает Виргилия, Цицерона и Энния. Соседство двух последних позволяет предположить, что Тредиаковский переложил здесь следующий фрагмент из трактата Цицерона «О природе богов»: «Не понимаю, почему бы человеку <…> не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну буквы, а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся “Анналы” Энния, так что их можно будет тут же и прочитать. Вряд ли по случайности может таким образом получиться даже одна строка»[22]. Неожиданно скептицизм Фенелона обретает поддержку античного философа, у которого он, вероятно, этот аргумент и позаимствовал. Таким образом, «механическая философия», еще вполне актуальная в половине XVIII в., получает классическую подкладку[23].

Десакрализации писательского ремесла способствовало не только следование философским течениям XVII–XVIII вв.[24], но и обыкновенная ирония. Это продемонстрировал Н.П. Осипов в своем переводе «Приключений барона Мюнхгаузена» (1797), которому он предпослал «Посвящение тридцати двум азбучным Буквам»: «Вам, сильным, удивительным, отменным, преполезным и пагубным чадам человеческого остроумия, посвящается небольшое сие маранье, содержащее в себе совершеннейшую правду, совокупно с самою несбыточною ложью. Без вашей помощи, никакая истинна изобразиться не может. Равным образом и всякая ложь вам обязана своим, если не рождением, то по крайней мере существованием. Вы производите великие дела на земном нашем шаре; руководствуете разумом и рассудком; служите твердою подпорою и неразрушаемым хранилищем нашей памяти; показываете нам очевидно всё то, что

[21] *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 203.
[22] *Марк Туллий Цицерон*. Философские трактаты. М., 1985. С. 131.
[23] См.: *Вуттон Д.* Изобретение науки. С. 394–396.
[24] Ср.: *Abrams M.H.* The Mirror and the Lamp. New York, 1958. P. 159–167 (глава “The Mechanical Theory of Literary Invention”).

происходило за несколько дюжин веков до нашего рождения; утверждаете и укрепляете мир и тишину людскую; производите вражды, несогласия и ссоры; основываете, восстанавливаете, содержите, низвергаете и разрушаете многие владения и государства; вами предписываются положительные законы честности и добродетели; от вас также проистекают неисчетные источники пороков, развратов и злодеяний; вы исправляете и развращаете наши нравы; вами также составилась и сия книга, почему вам она и посвящается, яко первой и самонужнейшей причине своего существования»[25].

Теперь, в литературной культуре Нового времени, именно писатель придает значение буквам, по собственному разумению располагает слова, создавая свое произведение как сложный словесный механизм, работа которого зависит только от изобретательности автора. Изменение авторской топики и ее обновление — процесс непрерывный и благотворный. Несомненно, что самый сложный этап становления нового авторского самосознания в русской литературе пришелся на рубеж XVII–XVIII вв.[26], но он продолжался и весь XVIII в. Точно так же менялось и представление о природе и статусе авторского текста. Можно полагать, что определенную роль в этом процессе сыграла и невидимая на первый взгляд связь между «словесами, яко во орологии колеса» и «стихов российских механизмом», в которой отразились изменения философской картины мира XVII–XVIII вв.

Литература

Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984. 478 с.

Алексеева Н.Ю. Стихотворение А.П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 78–89.

Баевский В.С., Листов В.С., Вишневский А.А. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л.: Наука, 1987. С. 111–113.

Баевский В.С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М.: Языки славянской культуры, 2011. 737 с.

Веселова А.Ю. Концепция «истинной лжи» Н.П. Осипова // XVIII век. Сб. 23. СПб.: Наука, 2004. С. 183–193.

[25] [Осипов Н.П.]. Не любо, не слушай, а лгать не мешай. Напечатано съизнова, с прибавками и в лицах. Ч. 1. Изд. 4. СПб., 1811 [посвящение на ненум. страницах]. Ср.: *Веселова А.Ю.* Концепция «истинной лжи» Н.П. Осипова // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 183–193.

[26] См.: *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 162–182.

Лебедев Е.Н. Философская поэзия В.К. Тредиаковского // Русская литература. 1976. № 2. С. 94–104.

Мельникова О.Н. Из истории часов в России. XVII — начало XX века. М.: Государственный исторический музей, 2016. 272 с.

Панов С.И. Из истории русской стиховедческой терминологии конца XVIII — первой трети XIX века («механизм стихов» и «изменения») // Quinquagenario Alexandri Il'ušini oblata. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1990. С. 13–16.

Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 203 с.

Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 327 с.

Симонов Р.А., Хромов О.Р. «Часы на кругу» — наиболее раннее точно датируемое 1663 годом листовое издание Московского Печатного Двора // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 19–34.

Grasshoff H. Kantemir und Fénelon // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd. 3, H. 2–4. S. 369–383.

References

Alekseev M.P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia* [Pushkin. Comparative historical research]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 478 p. (In Russ.)

Alekseeva N.Iu. Stikhotvorenie A.P. Sumarokova "Na suetu cheloveka" [A.P. Sumarokov's poem "On man's vanity"]. *Dar druzhestva i muz: Sbornik statei v chest' N.D. Kochetkovoi* [A gift of friendship and muses: A collection of essays in honor of N.D. Kochetkova]. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2018, pp. 78–89. (In Russ.)

Baevskii V.S., Listov V.S., Vishnevskii A.A. Iz kommentariia k "Evgeniiu Oneginu" [From the commentary to "Eugene Onegin"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin Commission chronicle], iss. 21. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 111–113. (In Russ.)

Baevskii V.S. *Pushkinsko-pasternakovskaia kul'turnaia paradigma* [Pushkin-Pasternak cultural paradigm]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2011. 737 p. (In Russ.)

Lebedev E.N. Filosofskaia poeziia V.K. Trediakovskogo [Philosophical poetry of V.K. Trediakovsky]. *Russkaia literatura*, 1976, no. 2, pp. 94–104. (In Russ.)

Mel'nikova O.N. *Iz istorii chasov v Rossii. XVII — nachalo XX veka* [From the history of clock in Russia. 17th — the early 20th century]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2016. 272 p. (In Russ.)

Panchenko A.M. *Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter's reforms]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 203 p. (In Russ.)

Panov S.I. Iz istorii russkoi stikhovedcheskoi terminologii kontsa XVIII — pervoi treti XIX veka ("mekhanizm stikhov" i "izmeneniia") [From the history of Russian poetic terminology of the late 18th — first third of the 19th century ("The mechanism of poems" and "changes")]. *Quinquagenario Alexandri Il'ušini oblata*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1990, pp. 13–16. (In Russ.)

Serman I.Z. *Literaturnoe delo Karamzina* [Literary work of Karamzin]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2005. 327 p. (In Russ.)

Simonov R.A., Khromov O.R. "Chasy na krugu" — naibolee rannee tochno datiruemoe 1663 godom listovoe izdanie Moskovskogo Pechatnogo Dvora ["The Clock in a Circle" — the earliest sheet edition of the Moscow Printing House accurately dated 1663]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 2006, no. 3 (25), pp. 19–34. (In Russ.)

Veselova A.Iu. Kontseptsiia "istinnoi lzhi" N.P. Osipova [N.P. Osipov's concept of "true lies"]. *XVIII vek* [18th century], iss. 23. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 183–193. (In Russ.)

"Russian poetry mechanism" in the context of historical poetics

© 2019, Sergey Nikolaev

Abstract: The article is a detailed commentary on the expression "Russian poetry mechanism" used by A.S. Pushkin in "Eugene Onegin". Basing on works of predecessors (V.S. Baevsky, S.I. Panov), the author denotes the genesis and semantics of this expression in the context of historical poetics. The field of its application in Russian literature of the early 19th century — lyrical and dramatic work — is revealed. As one of the first examples where the expression appears, a poem by Euthymius Chudovsky (17th century) is given. The formation of the metaphor of a clock as a model of the world's structure, and then of God as a great watchmaker, in the Western European tradition is dated by this period. On the basis of texts by Euthymius Chudovsky and Simeon Polotsky, it is concluded that works of Moscow scribes can be included in the context of pan-European discussions of this period. Antique sources of the metaphor in question are indicated on the material of translations-transcriptions by A. Kantemir and V. Trediakovsky. In conclusion, the author connects the formation and development of the metaphor of creativity as a "mechanism" with a complex process of developing a new type of author's identity in Russian literature of the 17th–18th centuries. In the literary culture of the New Age, the writer arranges the words at his own discretion, creating the work as a complex verbal mechanism, the work of which depends only on the inventiveness of the author.

Keywords: Alexander Pushkin, "Eugene Onegin", metaphor, author's identity

Information about the author: Sergey Nikolaev, Dr Hab, Member of the RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Citation: Nikolaev Sergey. "Russian poetry mechanism" in the context of historical poetics. *Literaturnyi fakt*, 2019, no 4 (14), pp. 269–281. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-269-281

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-282-292
УДК 821.161.1

«Работы было немного…»: И.А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли*

© 2019, А.В. Романова

Аннотация: Как известно, с 1835 по 1856 г. И.А. Гончаров служил в департаменте внешней торговли министерства финансов Российской империи. С 1838 по 1851 г. работа Гончарова во 2-м отделении департамента заключалась в переводе иностранных документов на русский язык. В начале 1990-х гг. сотрудник Музея И.А. Гончарова (Ульяновск) А.В. Лобкарева обнаружила перевод Гончарова — ноту Прусского правительства (1845). До сих пор эта находка остается единственной. В статье обосновывается, почему исследователи не смогли найти другие переводы. Проанализированы книги и статьи, в которых говорится о характере службы Гончарова. Приведен перечень и биографические данные служивших одновременно с ним переводчиков. В ходе исследования в Российском государственном историческом архиве было обнаружено дело сослуживца Гончарова по отделению Г.Ф. Литвинова, который переводил зашифрованные письма контрабандистов с западных границ на «еврейском» языке (т.е. на идиш) и в обращении к начальству описал свою работу, дав косвенную информацию для оценки объема и сложности работы коллег. Дается обзор вновь просмотренных автором статьи дел, приведены данные о списании ставшей ненужной документации из архива департамента в 1830-х, 1840-х, 1860-х гг. Сформулирована гипотеза о том, что перевод иноязычных прошений, заявлений и т.д. осуществлялся при первом обращении, затем готовый перевод использовался и анонимно входил в состав прошений, «записок» и других документов. Высказано предположение, что сохранение оригинального текста и перевода не считалось необходимым, так как официальная документация велась только на государственном языке.

Ключевые слова: Иван Александрович Гончаров, Департамент внешней торговли министерства финансов Российской империи, перевод, Российский государственный исторический архив, архивные материалы

Информация об авторе: Александра Владимировна Романова, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: alice122@gmail.com

Цитирование: *Романова А.В.* «Работы было немного…»: И.А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 282–292. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-282-292

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00598 «Гончаров. Служебный круг».

Служебная деятельность Ивана Александровича Гончарова в Департаменте внешней торговли Министерства финансов (далее ДВТ), как известно, началась в 1835 г., была продолжена путешествием в качестве секретаря адмирала Е.В. Путятина на фрегате «Паллада» и завершилась в конце 1855 г. с переходом в начале 1856 г. в другое ведомство.

При этом в архиве ДВТ, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА), А.В. Лобкаревой, предпринявшей полистный просмотр основной части ф. 19, в начале 1990-х гг. удалось обнаружить всего один перевод, подписанный Гончаровым, и несколько подписей под документами — в качестве столоначальника — в разных делах. Лобкарева выразила надежду обнаружить в РГИА и другие материалы[1]. (Согласно законодательству 1811 г., переводчики были обязаны подписывать выполненные ими переводы[2].)

Существует несколько исследований, посвященных службе Гончарова в ДВТ. В статье В.С. Лялина, появившейся как поправка к воспоминаниям А.Ф. Кони о Гончарове, уточнялось, где именно и кем служил писатель. В статье есть неточности, о переводческой деятельности упомянуто лишь вскользь[3]. Первым документы о службе Гончарова опубликовал в начале XX в. А. Мазон[4]. М.Ф. Суперанский опубликовал формулярный список[5]. Н.К. Пиксанов охарактеризовал значение деятельности Гончарова в мире, где «вырабатывался особый тип бюрократа: бюрократа-финансиста, стоящего на уровне

[1] *Лобкарева А.В.* На службе в Департаменте: (Поиски и находки Музея И.А. Гончарова. К 180-летию со дня рождения писателя) // Ульяновская правда. 1992. № 117–118 (20.311–20.312), 20 июня. С. 8–9; *Лобкарева А.В.* Новые материалы о службе И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли // И.А. Гончаров: (Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова) / Отв. ред. И.А. Кутейников. Ульяновск, 1994. С. 291–296.

[2] Свод законов Российской империи: В 5 кн. Кн. 1. Т. 1. СПб., 1912. С. 165.

[3] *Лялин В.С.* Маленькая хроника / Петербуржец // Новое время. 1891. № 5596, 27 сент. (9 окт.). С. 3. Период службы столоначальником описан так: «Гончаров сделан был столоначальником наименее интересного стола во всем департаменте, — того, в котором велись все формулярные списки, происходили представления к чинам, наградам и орденам, выдавались отпуски, командировки, прогоны, квартирные, суточные, производилась выдача жалованья и определялись на места чиновники по всему таможенному ведомству. Можно себе представить, как всё это интересовало творца “Обломова” и “Обрыва”!»

[4] *Мазон А.* Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова. III. Поступление И.А. Гончарова в Департамент внешней торговли // Русская старина. 1911. № 10. С. 42–45; также в отд. изд.: Материалы для биографии и характеристики И.А. Гончарова, собранные А.А. Мазоном. СПб., 1912. С. 11–13.

[5] *Суперанский М.Ф.* Материалы для биографии И.А. Гончарова. III. Служебная карьера. Формулярный список о службе И. А. Гончарова // Огни. Кн. 1. Пг., 1916. С. 176–178.

международной финансовой политики»: «Через руки Гончарова, как переводчика иностранной переписки, проходили документы большого экономического значения»[6]. А.Г. Цейтлин отметил: «Служил он <Гончаров>… в качестве переводчика, что давало возможность постоянно упражняться в иностранных языках (по-видимому, к этому времени Гончаров овладел и английским языком)»[7]. А.П. Рыбасов указывал: «Свою службу Гончаров начал рядовым канцелярским чиновником — переводчиком иностранной переписки»[8]. Большая работа по упорядочению разрозненных сведений была проделана А.Д. Алексеевым для составления «Летописи жизни и творчества И.А. Гончарова» (Л., 1960).

Служба Гончарова в свете переписки его со старшим коллегой по ДВТ, на тот момент только что ушедшим в отставку, В.А. Солоницыным, была исследована в работе А.Б. Муратова[9]. Он, кроме того, предположил, что Гончаров исполнял обязанности переводчика еще до официального назначения на эту должность, за что 30 июля 1837 г. был пожалован следующим чином — коллежского секретаря — «за отличие» (с. 38). Также Муратов, подчеркнув необходимость полного просмотра сохранившихся дел ДВТ (с. 54), обнаружил несколько документов (не переводов), подписанных Гончаровым в 1847 г. (с. 56)[10].

Большая работа по выявлению служебных контактов Гончарова была проделана А.Г. Гродецкой при комментировании «Обыкновенной истории» в т. 1 и при подготовке писем для т. 15

---

[6] *Пиксанов Н.К.* Белинский в борьбе за Гончарова // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Вып. 11. Л., 1941. С. 58–59.

[7] *Цейтлин А.Г.* И.А. Гончаров. М., 1950. С. 27

[8] *Рыбасов А.П.* И.А. Гончаров. М., 1962. С. 29.

[9] *Муратов А.Б.* И.А. Гончаров в министерстве финансов // И.А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя) / Под ред. П.С. Бейсова. Ульяновск, 1976. С. 37–57.

[10] Появившаяся не так давно компилятивная статья на ту же тему единожды замеченного в гончарововедении А.А. Царева (Канцелярский чиновник Гончаров // Культура и время. М., 2013. № 2. С. 146–165), с не слишком корректными ссылками (например, отсутствуют ссылки на работы ульяновского краеведа Ж.А. Трофимова), содержит странные высказывания. О начале деятельности Гончарова в ДВТ говорится: «Вероятно, переписывать Гончарову приходилось бумаги на иностранных языках» (с. 154); об утверждении в должности переводчика: «Даже уже случившееся утверждение в должности переводчика странным образом как бы отменилось: год за годом “Месяцеслов и общий штат Российской империи”, уже и переименованный снова в “Адрес-календарь”, по-прежнему упоминает исправляющего должность переводчика 2-го отделения департамента внешней торговли титулярного советника Ивана Александровича Гончарова. Солоницын с удивлением спрашивал его в письме от 3 (15) сентября 1843 года, то есть по прошествии более чем трех лет после формального утверждения в новой должности: “Почему Вас не перевели?”» (с. 160–161).

ПССиП. Много лет занимался исследованием биографии писателя Ж.А. Трофимов, посвятивший его службе в ДВТ главу своей книги[11]. Можно также отметить недавнюю статью С.Н. Гуськова, который исследовал служебный контекст в творчестве писателя[12]. Упомянем также для полноты картины, что, вопреки архивным документам и всем предшествующим исследованиям, Ю.М. Лощиц, по-видимому, экстраполируя на ДВТ практику советских институтов, утверждал, что «в Министерство финансов молодой Гончаров поступает если и не по собственному сознательному выбору, то, по крайней мере, с пониманием необходимости такого шага. Его новая должность — переводчик, и она даст возможность применить к делу знание языков: *из-за рубежа поступает большое количество статей по экономическим вопросам, и министерство заинтересовано в том, чтобы вовремя знакомить своих сотрудников с содержанием наиболее значительных из них. <…> Переводить на русский язык прозу немцев или французов было ему куда приятней, чем статьи немецких, французских и английских экономистов, пусть даже и чрезвычайно умные статьи*»[13].

Перейдем теперь к некоторым характеристикам переводческой деятельности в ДВТ. В период службы Гончарова, с 1835 по 1851 г. включительно, ДВТ состоял из 1-го (внешних торговых сношений), 2-го (таможенного), 3-го (судного), 4-го (счетного) отделений и канцелярии[14]. По штатному расписанию количество переводчиков менялось: сначала числилось два переводчика — в 1-м и 2-м отделениях[15]. В 1841 г. по штату было три переводчика — два во 2-м отделении и один в 4-м[16].

---

[11] *Трофимов Ж.А.* 1) Чиновник министерства финансов // Мономах. 2010. № 3 (62). С. 62–64; 2) И.А. Гончаров. Биография. Т. 1. Гл. 6: Чиновник Министерства финансов. Ульяновск, 2012. С. 103–117. В тексте не уделено внимание переводам.

[12] *Гуськов С.Н.* О служебном и творческом у Гончарова // Чины и музы: Сб. ст. СПб.; Тверь, 2017. С. 305.

[13] *Лощиц Ю.М.* Гончаров. М., 1986. С. 40, 58. (ЖЗЛ). Курсив мой. — *А.Р.*

[14] О структуре ДВТ и о том, что находилось в его ведении, см.: Департамент таможенных сборов. 1811 — 25/X–1911: [Ист. очерк]. СПб., 1911. 43 с.; также в ст.: *Савосина Н.Г.* Формирование организационной структуры департамента внешней торговли в первой трети XIX в. // Вестник ЗабГУ. 2013. № 04 (107). С. 9–18. С 1852 г. под номером 3 стало конфискационное отделение, под номером 4 — судное, под номером 5 — счетное.

[15] РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 12.

[16] Общие штаты Департамента внешней торговли, всех таможен и застав и пограничной стражи: С перелож. на серебро. СПб., 1841. С. 7.

С мая 1835 г. Гончаров служил канцелярским чиновником по канцелярии[17], в октябре 1835 г. — по 4-му отделению[18]. Переводчиком во 2-м отделении он был назначен 18 ноября 1838 г. вместо умершего Бакунина[19], а вскоре, 26 ноября, приказом директора департамента Д.Г. Бибикова определялось: «…назначенного к исправлению должности Переводчика по Второму и Судному отделениям и по канцелярии Коллежского Секретаря Гончарова оставить в Канцелярии, с тем однакоже, чтобы переводы по Отделениям Второму и Судному были исполняемы без малейшего замедления»[20]. В рукописных «Списках чиновников» ДВТ он числился переводчиком 2-го отделения (с 18 ноября 1838 г.), затем младшим столоначальником (с 24 июля 1851 г.) и старшим столоначальником 2-го отделения (с 5 октября 1854 г.)[21]. Поскольку нас в данный момент интересуют только поиски переводов Гончарова, затрагивать службу после перехода его на должность младшего столоначальника мы не будем.

Далее обратимся к сведениям, которые до сих пор не затрагивались исследователями. Как выяснилось при просмотре «Адрес-календарей», печатных «Списков чиновников» ДВТ и архивных дел, в промежутке с 1835 по 1851 г. на должностях переводчиков в разных отделениях побывало шесть человек: Карл Карлович Гардер (в 1-м отделении)[22], Юлий Федорович (в других источниках Григорьевич) фон Бильдерлинг (то же)[23], Гавриил Федорович Литвинов (во 2-м

[17] В чине губернского секретаря, со старшинством, см.: РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1388. Л. 5, 10. Канцелярский чиновник в ДВТ в это время — нештатная должность, которую занимали лица и без чинов, и уже получившие чин. В 1840 г., например, в ДВТ было штатных чиновников 84, канцелярских чиновников — 104 (РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 860. Список чиновников… Запись архивиста карандашом на авантитуле).

[18] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1388. Л. 15.

[19] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1389. Л. 2.

[20] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1389. Л. 3.

[21] РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 859. Л. 6; Д. 860. Л. 13; Д. 861. Л. 5об.; Огни. Кн. 1. Пг., 1916. С. 176. В «Адрес-календарях» Гончаров числился: с 1840 г. по данным на 1 ноября 1839 г. и далее по 1845 г. включительно — переводчиком, в 1846–1851 гг. — не отражен, в 1852 г., очевидно, по данным 1851 г. — младшим столоначальником 2 отделения. Та же информация в печатных «Списках чиновников» ДВТ (СПб., 1846. С. 27; 1850. С. 22).

[22] В службе с 1816 г.; младший помощник столоначальника в 1-м отделении (в чине титулярного советника) с 23 сентября 1838 г., коллежский асессор с 15 сентября 1842 г., переводчик 1-го отделения с 26 марта 1843 г. (достоверно — по 1845 г.). См.: Адрес-календари 1840–1842, 1844, 1845; Список чиновников Департамента внешней торговли. СПб., 1846. С. 19; РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 859. Л. 4; Д. 860. Л. 5, 5об.

[23] В службе с 21 июля 1825 г.; переводчик (в чине коллежского секретаря) с 13 ноября 1836 г.; по данным 1840 г. — титулярный советник; старший помощник столоначальника 2 стола 1 отделения с 26 марта 1843 г.; в чине коллежского асессора с 16 сентября 1844 г.; в должности младшего столоначальника 1 стола 1 отделения с 24 мая 1849 г.; в чине надворного советника с 7 октября 1850 г.; в 1851–1852 гг. — младший столоначальник; чиновник особых поручений (с чином VII класса) при ДВТ с 25 мая 1854 г.; перемещен в 6 класс 30 августа 1855 г. См.: Адрес-календари

отделении)[24], барон Александр Федорович фон дер Остен-Сакен (в 4-м отделении)[25], Петр Данилович Месс (в 4-м отделении)[26], Карл Карлович Эбелинг (при канцелярии)[27]. Ни один из источников не представляет полной картины, и сожаления наших предшественников о том, что архив ДВТ сохранился не полностью, совершенно оправданы.

Сам Гончаров говорил: «Я был маленьким чиновником — “переводчиком” при министерстве внутренних дел. Работы было немного, и я для себя, без всяких целей, писал, сочинял, переводил, изучал поэтов и эстетиков»[28]. Трудно предположить, что все переводчики занимались тем же и в том же объеме.

Единственный обнаруженный нами документ, описывающий подробности работы переводчика во 2-м отделении, — прошение Г.Ф. Литвинова на имя директора ДВТ Д.С. Языкова от 15 декабря 1849 г. В этом тексте любопытна косвенная информация: «…все не только в Департамент, но и вообще в Министерство финансов поступившие бумаги на Еврейском языке, были переводимы мною, во всей точности их значений. По количеству этих бумаг — труда много, а по качеству — еще несравненно более, потому что все бумаги от контрабандиров отбираемые или пересылаемые в выражениях значе-

---

1840–1842, 1849–1852 гг.; Список чиновников Департамента внешней торговли. СПб., 1846. С. 16; 1850. С. 13; РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 859. Л. 3об., 4об., 5об.; Д. 860. Л. 4об., 5, 5об.; Д. 861. Л. 2, 4; Д. 862. Л. 2об.

[24] В службе с 27 ноября 1828 г., в должности переводчика 2 отделения («с еврейского языка») с 4 ноября 1832 г.; в чине губернского секретаря с 27 ноября 1844 г.; в чине титулярного советника с 27 ноября 1852 г. См.: Список чиновников Департамента внешней торговли. СПб., 1846. С. 27; Список чиновников Департамента внешней торговли. СПб., 1850. С. 22; РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 860. Л. 46; Д. 861. Л. 6об.; Д 862. Л. 7. В Адрес-календарях не отражен.

[25] В службе с 1 марта 1817 г.; в должности переводчика 4 отделения с 8 февраля 1826 г.; в чине коллежского советника с 5 марта 1832 г. (по другому источнику — с 7 мая 1833 г.); по данным на 12 декабря 1841 г. — переводчик 4 отделения; уволен от службы по болезни 31 января 1854 г. Орденов св. Анны 3-й степени и св. Станислава 3-й степени кавалер. Знаки отличия XV лет и XX лет беспорочной службы. См.: Адрес-календари 1840, 1842; Список чиновников Департамента внешней торговли. СПб., 1846. С. 44; 1850. С. 35; РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 859. Л. 12об.; Д. 860. Л. 30; Д. 861. Л. 14об.

[26] В службе с 14 августа 1836 г.; в чине титулярного советника с 22 ноября 1843 г.; в должности переводчика 1 отделения с 1848 г.; в должности контролера 4 отделения с 24 июля 1851 г.; в чине надворного советника с 24 июля 1854 г. См.: Список чиновников Департамента внешней торговли. СПб., 1850. С. 16; РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 861. Л. 12.

[27] В службе с 14 августа 1819 г.; в чине титулярного советника с 29 октября 1837 г.; в должности переводчика при канцелярии с 6 ноября 1836 г., уволен 24 января 1845 г. за просрочку отпуска; в должности переводчика 1 отделения с 1/13 июля 1852 г. См.: РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 860. Л. 46; Д. 861. Л. 5; Д. 862. Л. 5об.

[28] *Кони А.Ф.* Иван Александрович Гончаров // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 14.

ний <так!>, всегда затмеваются условными знаками — нелепостию или по малограмотству, бестолковщиною, что едва ли кто из других переводчиков Департамента встречает. Кроме этой трудной работы, по 2му Отделению от 2го Стола возлагается на меня вся переписка отпусков, так что со времени вступления Г. Коллеж<ского> Советника Армстронг <так!>, в должность Начальника Отделения, переписано мною более 300 бумаг, чего также не делает ни один переводчик»[29]. Действительно, Гончаров отпуска не переписывал, а относительно перевода каких-то тайных посланий возникает вопрос: неужели он оставил бы без внимания, не упомянул нигде ни разу в жизни, не вспомнил в дружеском разговоре, что имел дело с посланиями «контрабандиров» с какой-нибудь западной границы?

Задачей ДВТ было осуществлять «наблюдение и направление заграничной нашей торговли и таможенное управление»[30]. По всем изданиям, описывающим эту деятельность, проходит мысль о том, что наблюдение за успехами промышленности европейских государств, создание выгодных условий для российских купцов и промышленников, таможенная политика была важной частью внешней политики государства[31]. Очевидно, что на иностранных языках велась постоянная рабочая переписка и работы для переводчиков было столько, что в штат вводились новые единицы.

Между тем сохранившиеся дела этого не подтверждают. Нами были просмотрены порядка 450 единиц ф. 19 (ДВТ, описи 1–6) и связанных с ДВТ дел ф. 560 (Общая канцелярия Министерства финансов, описи 1–45) с упоминаниями в заголовках о лицах, родным языком которых не был русский (англичане, датчане, голландцы, евреи, немцы, поляки, французы, швейцарцы и др.)[32]. Такие дела

[29] РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 23 (По просьбе переводчика Департамента внешней торговли, с еврейского языка, коллежского секретаря Литвинова, о сравнении его в содержании с переводчиками европейских языков, тут же о назначении ему 150 руб. сер. в пособие и еще в Декабре 1850 г. 150 руб. сер.), 1849–1850 гг. Л. 1об.

[30] Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 40.

[31] Однако происходило это, действительно, не слишком быстро, так как (после принятия таможенного устава 1819 г.) «по условиям того времени, когда привоз товаров совершался, главным образом, на парусных судах, и обороты внешней торговли производились крайне медленно, а сумма таможенных доходов выражалась всего в размере около 13 милл<ионов> рублей ежегодно, медленность в таможенном производстве не имела особого значения» (Департамент таможенных сборов. 1811 — 25/X–1911: [Ист. очерк]. С. 25). Ситуация изменилась только к концу 1850-х гг. в связи с увеличением товарооборота и появлением пароходов.

[32] Например: «Об уменьшении пошлин с привозимых в Россию французских вин» (ф. 560, оп. 4, д. 921), «О введении в употребление прессов для укладки пеньки по проекту франукзского купца Ф. Лабома» (ф. 560, оп. 4, д. 994), «По просьбе купцов Шульце о распространении на Петербургскую таможню складочного права, предоставленного им по Московской таможне» (ф. 560, оп. 4, д. 1000), «Об отчетности по выписке из Англии рыбаков и по производству опытов рыболовства в Черном

касаются главным образом не приграничных конфликтов, как то, в котором был обнаружен перевод Гончарова, а торговых операций, впуска — выпуска лиц и товаров через границу, открытия предприятий и получения патентов (тогда они назывались «привилегиями») на изобретения. Такие дела, несомненно, начинались с письменных обращений иностранцев в ДВТ.

Однако первоначальных обращений на иностранных языках в делах нет, за несколькими исключениями. Перечислим замеченные. В деле ф. 560, оп. 7, № 1023 (1848 г., о выдаче заграничного паспорта) на л. 5–6об. есть прошение на немецком языке Johann David Hoerle, перевода нет. В деле ф. 560, оп. 7, № 1025, л. 2–2об. (1848 г., о выдаче заграничного паспорта голштинскому купцу с семейством) есть прошение купца Книпа на немецком языке, перевода нет, и еще одно на л. 3–3об.–4, также без перевода. Случай в деле ф. 560, оп. 4, № 1316 (1849–1850 гг., о разрешении привоза морем иностранного чугуна и железа) в рамках нашей статьи можно назвать курьезным, так как там на л. 77–78об. находится письмо агента министерства финансов, тайного советника Л.В. Тенгоборского (Tęgoborski; см. о нем в ст. А.В. Муратова, с. 55) министру Ф.П. Вронченко от 2 июня 1849 г., относительно силезских шахт и производства железа в Силезии, на польском языке с переводом *на французский*, но кем он был выполнен, трудно сказать (подпись очень неразборчива, но точно не Гончарова).

Агент министерства финансов во Франции барон А.К. Мейендорф переписывался с министром Е.Ф. Канкрином об индустриальном развитии Франции по-французски, разумеется, без перевода (например, ф. 560, оп. 12, № 53, 1837–1838 гг.). Однако именно его переписка показывает, как работали переводчики. Есть, например, д. 560, оп. 12, № 60, 1837–1838 гг., об устройстве гавани в Поти на Кавказе, чем собирался заняться французский «капиталист» Ван Акен (Van Aken) из Брюсселя. На л. 3–5об. находится письмо Ван Акена к Канкрину от 9 июня 1837 г. на французском языке. Перевода нет, но тут же, на л. 6–8об., сведения из этого письма использованы во всеподданнейшем докладе министра финансов от 21 июня. В деле ф. 560, оп. 12, № 71 (1838 г.) на л. 1–2об. находится письмо Мейендорфа Канкрину на французском языке относительно усовершенствования ирригационной системы во Франции — стро-

---

и Азовском морях» (ф. 560, оп. 4, д. 1186; о рыбаках из Корнуолла), «О включении в таможенный паспорт парохода „Нева“ великобританских подданных: Эдуарда Коншак, приказчика Дисона Голлидая<,> Виллиама Томсона и Иоганна Серлинга и буфетчика Ф. Зауста с женою Катериною» (ф. 560. Оп. 7. Д 1017) и т.д.

ительства Canal de Craponne (канал между реками Роной и Дюранс, в районе Арля), с картой, и далее — план провести подобный канал от Александровска на Днепре к Азовскому морю. Переводов в деле нет, только короткая записка с изложением по-русски (без подписи).

Исследование перечисленных документов подталкивает нас к следующей гипотезе: перевод иноязычных прошений, заявлений и т.д. осуществлялся при первом обращении; сделанный перевод затем использовался и анонимно входил в состав прошений, «записок» и других документов. Вероятно, что сохранение оригинального текста и перевода не считалось необходимым, так как официальная документация велась только на государственном языке. Старые же дела ДВТ периодически уничтожались[33].

Таким образом, нахождение новых переводов Гончарова в ДВТ представляется чрезвычайно проблематичным.

Литература

Гуськов С.Н. О служебном и творческом у Гончарова // Чины и музы: Сб. ст. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 295–309.

Лобкарева А.В. На службе в Департаменте: (Поиски и находки Музея И.А. Гончарова. К 180-летию со дня рождения писателя) // Ульяновская правда. 1992. № 117–118 (20.311–20.312), 20 июня. С. 8–9.

Лобкарева А.В. Новые материалы о службе И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли // И.А. Гончаров: (Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова) / Отв. ред. И.А. Кутейников. Ульяновск: Стержень, 1994. С. 291–296.

Лощиц Ю.М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1986. 365 с. (ЖЗЛ).

Муратов А.Б. И.А. Гончаров в министерстве финансов // И.А Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя) / Под ред. П.С. Бейсова. Ульяновск: Приволжское кн. изд-во, 1976. С. 37–57.

[33] См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 504 (Об уничтожении старых дел, хранящихся в архивах Департамента внешней торговли), 1830 г.; Д. 1302 (Об уничтожении некоторых дел, книг и ведомостей, хранящихся в архивах ДВТ и таможен), 1848 г.; Ф. 19. Оп. 3. Д. 258 (По отношению ст. сов. Юферова о доставлении заключения по вопросу уничтожения старых архивных дел), 1855–1856 гг.; Ф. 1152. Оп. 6. Д. 479 (Об уничтожении старых дел, хранящихся в Архивах таможенных и Департамента внешней торговли), 1864 г. Более поздних дел мы не обнаружили, но, несомненно, документы ДВТ уничтожались и позднее. Списывались «старые таможенные книги, документы, ведомости и прочие бумаги, которые ни к каким справкам и сведениям не были нужны», так как они, «занимая большую часть Архивов, стесняют размещение других необходимых дел для справок» (РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 504. Л. 2). О количестве документов начальник архива ДВТ А.Г. Синявский в 1848 г. сообщал: «В Архиве же Департамента хранится книг, дел, ведомостей и документов более 300/т. и занимают собою шесть амбаров Гостиного двора и четыре больших комнаты в Таможенном здании, так что вновь имеющих поступать из Отделений помещать негде» (РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1302. Л. 2об.).

Пиксанов Н.К. Белинский в борьбе за Гончарова // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. филологических наук. Вып. 11. Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. С. 57–87.

Рыбасов А.П. И.А. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1962. 243 с.

Савосина Н.Г. Формирование организационной структуры департамента внешней торговли в первой трети XIX в. // Вестник ЗабГУ. 2013. № 04 (107). С. 9–18.

Трофимов Ж.А. И.А. Гончаров. Биография. Т. 1. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2012. 432 с.

Трофимов Ж. А. Чиновник министерства финансов // Мономах. 2010. № 3 (62). С. 62–64.

Царев А.А. Канцелярский чиновник Гончаров // Культура и время. 2013. № 2. С. 146–165.

Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М: Изд-во АН СССР., 1950. 488 с.

References

Gus'kov S.N. O sluzhebnom i tvorcheskom u Goncharova [On official and creative in Goncharov's works]. *Chiny i muzy: Sb. st.* [Ranks and muses: A collection of essays]. St. Petersburg, Tver, Marina Batasova Publ., 2017, pp. 295–309. (In Russ.)

Lobkareva A.V. Na sluzhbe v Departamente: (Poiski i nakhodki Muzeia I.A. Goncharova. K 180-letiu so dnia rozhdeniia pisatelia) [In the Department service: (Searches and finds of the Goncharov Museum. On the 180th anniversary of the writer)]. *Ul'ianovskaua pravda*, 1992, no. 117–118 (20.311–20.312), 20.06, pp. 8–9. (In Russ.)

Lobkareva A. V. Novye materialy o sluzhbe I.A. Goncharova v Departamente vneshnei torgovli [New materials on I.A. Goncharov's service in the Foreign Trade Department]. *I.A. Goncharov: (Materialy mezhdunar. konf., posviashch. 180-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Goncharova)* [I.A. Goncharov: (Proc. Int. Conf. dedicated to the 180th anniversary of I.A. Goncharov], ed. I.A. Kuteinikov. Ulyanovsk, Sterzhen' Publ., 1994, pp. 291–296. (In Russ.)

Loshchits Iu.M. *Goncharov*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1986. 365 p. (In Russ.)

Muratov A.B. I.A. Goncharov v ministerstve finansov [I.A. Goncharov at the Ministry of Finance]. *I.A. Goncharov: (Nov. materialy o zhizni i tvorchestve pisatelia)* [I.A. Goncharov: (New materials about the writer's life and work)], ed. P.S. Beisov. Ulyanovsk, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, pp. 37–57. (In Russ.)

Piksanov N.K. Belinskii v bor'be za Goncharova [Belinsky struggling for Goncharov]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriia filologicheskikh nauk* [Proceedings of Leningrad University, Philology Series], vol. 11. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1941, pp. 57–87. (In Russ.)

Rybasov A.P. *I.A. Goncharov*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1962. 243 p. (In Russ.)

Savosina N.G. Formirovaniie organizatsionnoi struktury departamenta vneshnei torgovli v pervoi treti XIX v. [Formation of the organizational structure of the Foreign Trade Department in the first third of the 19th century]. *Vestnik ZabGU*, 2013, no. 04 (107), pp. 9–18. (In Russ.)

Trofimov Zh.A. *I.A. Goncharov. Biografiia. T. 1* [I.A. Goncharov. Biography. Vol. 1]. Ulyanovsk, Ulyanovsk Print House Publ., 2012, pp. 103–117. (In Russ.)

Trofimov Zh.A. Chinovnik ministerstva finansov [Official of the Ministry of Finance]. *Monomakh*, 2010, no. 3 (62), pp. 62–64. (In Russ.)

Tsarev A.A. Kantseliarskii chinovnik Goncharov [Office clerk Goncharov]. *Kul'tura i vremia*, 2013. no. 2, pp. 146–165. (In Russ.)

Tseitlin A.G. I.A. Goncharov. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, 488 p. (In Russ.)

“There was little work to do…”: (Ivan Goncharov as a translator at the Foreign Trade Department)

© 2019, Alexandra Romanova

Abstract: From 1835 to 1856, Ivan Goncharov served at the Foreign Trade Department of the Russian Empire Ministry of Finance. From 1838 to 1851, Goncharov’s work in the 2nd department of the Department consisted of translating foreign documents into Russian. In the early 1990s a staff member of the Goncharov Museum (Ulyanovsk) A.V. Lobkareva discovered Goncharov's translation — a note from the Prussian government (1845). Until now, this finding remains the only known Goncharov's translation. The article substantiates the reason why the researchers could not find other translations. Books and articles providing the information about the nature of Goncharov’s service are analyzed. The list and biographical data of the translators who served at the same time are given. In the course of research, the file of G.F. Litvinov, Goncharov’s colleague, was discovered in the Russian State Historical Archive. Litvinov translated the encrypted letters of smugglers from the western borders written in “Hebrew” language (that is, in Yiddish). In his appeal to the authorities Litvinov described his work, giving indirect information to assess the volume and complexity of his colleagues’ work. An overview of files reviewed by the author of the article is given. The data on the write-off of unnecessary documentation from the archives of the department in the 1830s, 1840s, 1860s is presented. The hypothesis is formulated that the translation of foreign-language petitions, applications, etc., was carried out at the first appeal; the finished translation was then used and anonymously included in petitions, “notes” and other documents. It has been suggested that the preservation of the original text and translation was not considered necessary, since official documentation was conducted only in the state language.

Keywords: Ivan Goncharov, Foreign Trade Department of the Russian Empire Ministry of Finance, translation, Russian State Historical Archive, archival materials.

Information about the author: Alexandra Romanova, Research Associate, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: alice122@gmail.com

Citation: Romanova Alexandra. “There was little work to do…”: Ivan Goncharov as a translator at the Foreign Trade Department. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 282–292. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-282-292

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-293-313
УДК 821.161.1

И.А. Гончаров — участник переговоров с японцами (по материалам РГА ВМФ)

© 2019, А.Ю. Балакин

Аннотация: Статья посвящена деятельности И.А. Гончарова в составе экспедиции под командованием генерал-адъютанта, вице-адмирала Е.В. Путятина, давшей материал для книги очерков «Фрегат “Паллада”». Делается акцент на участии писателя в переговорах 1853 г. с Японией в качестве секретаря и автора значительной части отправленных в Петербург официальных донесений, а также иных документов дипломатического характера. В научный оборот впервые вводятся материалы, в настоящее время хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Прежде всего речь идет о дипломатических документах экспедиции, которые находятся в деле «Об инструкциях, данных генерал-адъютанту Путятину при отправлении его в кругосветное плавание на фрегате “Паллада” по предмету установления политических и торговых связей России с Японией и проч.» и освещают детали переговоров с японскими властями. Дается подробное описание этих документов (писем, дипломатических депеш, отчетов и пр.), частично публикуемых в составе статьи, а также сопоставление их с другими источниками, в том числе с записками архимандрита Аввакума, который участвовал в экспедиции в качестве переводчика. Включенные в статью материалы позволяют существенно дополнить как документальную и творческую историю очерков Гончарова «Фрегат “Паллада”», так и Летопись жизни и творчества писателя в целом. Таким образом, впервые публикуемые автором статьи документы раскрывают важную сторону деятельности Гончарова в качестве не только литератора, но и участника дипломатической миссии.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, Е.В. Путятин, фрегат «Паллада», русско-японские отношения, переговоры.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин, к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: balakin@inbox.ru

Цитирование: *Балакин А.Ю.* И.А. Гончаров — участник переговоров с японцами (по материалам РГА ВМФ) // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 293–313. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-293-313

10 (22) августа 1853 г. отряд русских кораблей под командованием генерал-адъютанта, вице-адмирала Е.В. Путятина приблизился к берегам Японии и стал на рейде у города Нагасаки. Цель экспедиции — провести переговоры с японцами с целью заключения торгового договора — держалась в строгом секрете. Напомним, что к тому времени Япония была закрыта для остального мира, иностранцам запрещалось ступать на японский берег, а самим японцам — покидать страну. Торговлю позволялось осуществлять лишь голландским купцам, фактория которых находилась на искусственном острове Дедзима (Десима) в гавани Нагасаки. Впрочем, самим голландцам также не разрешалось покидать ее и съезжать на берег.

На флагманском корабле, фрегате «Паллада», находился писатель Иван Александрович Гончаров, секретарь Путятина, которому были поручены «письменные дела и производство отчетности»[1].

Первые рапорты в Петербург были написаны им во время стоянки фрегата в Портсмуте; впоследствии писатель так вспоминал об обстоятельствах их создания:

> Он <Путятин> сейчас же поручил мне написать несколько бумаг в Петербург, между прочим изложить кратко историю нашего плавания до Англии и вместе о том, как мы «приткнулись» к мели, и о необходимости ввести фрегат в Портсмутский док, отчасти для осмотра повреждения, а еще более для приспособления к фрегату тогда еще нового водоопреснительного парового аппарата.
>
> Он мне показал бумаги, какие сам писал до моего приезда в Лондон. Я прочитал и увидел, что... ни за что не напишу так, как они написаны, то есть таким строгим, точным и сжатым стилем: просто не умею!
>
> «Зачем ему секретарь? — в страхе думал я, — он пишет лучше всяких секретарей: зачем я здесь? Я — лишний!» Мне стало жутко. Но это было только начало страха. Это опасение я кое-как одолел мыслью, что если адмиралу не недостает уменья, то недостанет времени самому писать бумаги, вести всю корреспонденцию и излагать на бумагу переговоры с японцами. <…>
>
> «Боже мой, да я ничего не понимаю! — думал я в ужасе, царапая сухим пером по бумаге, — хоть убей, ничего! Зачем я поехал!»
>
> Мне припомнилась школьная скамья, где сидя, бывало, мучаешься до пота над «мудреным» переводом с латинского или немецкого

[1] Из ходатайства Путятина в Министерство финансов (где служил Гончаров) от 28 августа 1852 г.; цит. по: *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. СПб., 2000. С. 825 (далее ссылки на это издание даются в тексте; римские цифры указывают номера тома, арабские — страниц).

> языков, а учитель, как теперь адмирал, торопит, спрашивает: «Скоро ли? готово ли? Покажите, — говорит, — мне, прежде нежели дадите переписывать...» <…>
>
> Не помню, как я разделался с первым рапортом: вероятно, я написал его береговым, а адмирал украсил морским слогом — и бумага пошла (III, 36–38).

Впоследствии некоторые из этих рапортов были использованы для официального «Отчета Морскому министерству о плавании эскадры генерал-адъютанта графа Е.В. Путятина в Японию и Китай», который также был составлен Гончаровым[2].

Всего за время плавания с борта «Паллады» в Петербург за подписью Путятина отправилось не менее трехсот официальных писем и донесений[3]. Нет сомнения, что значительная часть их была написана Гончаровым, хотя, конечно, не все. В самом начале похода он сообщал Языковым в письме от 8 (20) декабря 1852 г.: «Адмирал изредка поручает мне писать кое-какие бумаги, но в должность свою я порядком еще не вступил. Большую часть бумаг, и именно по морской части, пишет он сам с капитаном Посьетом, который взят по особым поручениям» (XV, 122). Впрочем, упомянутые бумаги легко выделить из общей массы документов: это донесения о финансовых делах по ремонту и оснащению фрегата на английских верфях.

Развернутые же отчеты о плавании и переговорах написаны, несомненно, самим Гончаровым; фрагменты из них почти незаметно растворены в тексте его книги о путешествии. Из этих донесений полностью опубликовано семь писем к директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г. Сенявину и два рапорта великому князю Константину Николаевичу, исполнявшему обязанности морского министра[4]. Фрагменты одних донесений с борта фрегата «Паллада» обильно цитировались в названном выше отчете, другие использовались в работах позднейших исследователей: как историков русско-японских отношений[5], так и биографов

---

[2] Опубл.: Морской сборник. 1856. № 1. Янв. Ч. III. С. 132–162 (см. также: III, 138–161); атрибутировано Гончарову в статье: *Алексеев А.Д.* И.А. Гончаров — автор официального «Отчета о плавании фрегата “Паллада”» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969. С. 370–375.

[3] Каждому официальному документу, отправленному с борта «Паллады», присваивался делопроизводственный номер; последний рапорт перед тем, как Гончаров покинул борт фрегата, был составлен 2 августа 1854 г. и имел № 291 (РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 259–259об.).

[4] См.: III, 91–96, 104–115, 119–121, 125–138.

[5] См., например: *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988. С. 109–124; *Черевко К.Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М., 2010. С. 301–305.

Гончарова. Полностью же они не только не опубликованы, но даже не описаны, хотя нет сомнения, что их учет необходим хотя бы для будущей Летописи жизни и творчества автора «Обломова»[6].

Кроме донесений в Петербург о самом плавании Гончаров также был занят во время переговоров с японцами, ведя дипломатическую переписку и протоколы переговоров. В его письмах сохранилось немало свидетельств этому. В разгар переговоров, 10 (21) августа 1853 г. он пишет А.Н. и А.И. Майковым: «...в Японии — жарко и на департамент похоже, потому что много работы» (XV, 180). 20 сентября (2 октября) 1853 г. он сообщает уже одному Майкову: «...и депеши, и бумаги к японцам (по-русски) всё я пишу» (XV, 194). И уже покинув Нагасаки, вспоминает в письме к Е.А. и М.А. Языковым от 13 (25) марта 1854 г.: «...в Японии было много бумаг, много прямого дела...» (XV, 209).

О важной роли, которую Гончаров играл в дипломатической миссии Путятина, последний писал А.С. Норову 20 сентября (2 октября) 1853 г.: «...не могу умолчать, как много я обязан Вам за рекомендацию и содействие в назначении г. Гончарова в состав нашей экспедиции. Он чрезвычайно полезен мне <…> для теперешних наших сношений с японцами...»[7]

Материалы первого этапа переговоров опубликованы в приложении к третьему тому Полного собрания сочинений и писем Гончарова по копиям из фондов Архива внешней политики России (III, 87–119). Другие копии этих материалов хранятся в РГА ВМФ, и обращение к ним показывает, что упомянутая публикация была осуществлена не полностью и не вполне удовлетворительно.

Хранящиеся в РГА ВМФ копии дипломатических документов экспедиции находятся в секретном деле «Об инструкциях, данных генерал-адъютанту Путятину при отправлении его в кругосветное плавание на фрегате “Паллада” по предмету установления политических и торговых связей России с Японией и проч.». Они представлены двумя документами. Один называется «Переписка с Нагасакским Губернатором (состоящая из 16-ти нумеров)»[8], другой — письмо Путятина Л.Г. Сенявину о ходе переговоров от 4 (16) декабря 1853 г.

---

[6] Всего к настоящему времени в фондах РГА ВМФ выявлено свыше полусотни нумерованных «палладских» документов, к созданию которых, несомненно, был причастен Гончаров (большей частью подлинники за подписью Путятина, частью писарские копии); самые интересные из них готовятся нами к печати.

[7] Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 198.

[8] РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75а. Л. 211–232.

из Шанхая с тремя приложениями, содержащими документы с номерами 17–25 и три ненумерованных[9].

№1 — письмо Е.В. Путятина нагасакскому губернатору от 10 (22) августа 1853 г. (опубл.: III, 87–88; № 1). Затем следует запись: «№ 2 относится к письму г-на Государственного Канцлера к Нагасакскому Губернатору»; очевидно, здесь было приложено письмо К.В. Нессельроде к японским властям с просьбой «оказать содействие представителю России, доставить без промедления письмо верховному совету и испросить разрешение на поездку русского представителя в Эдо для переговоров...»[10].

№ 3 — «Содержание ответов, данных сего утра на отзыв благородного и высокопочтенного губернатора Нагасаки», датированные 13 (25) августа 1853 г. (опубл.: III, 88–89; № 2).

№ 4 — Письмо Путятина нагасакскому губернатору о том, почему фрегат не мог переменить место, от 15 (27) августа 1853 г. (опубл. без делопроизводственного номера: III, 89–90; № 3).

№ 5 — записка с перечислением провизии, которую просят прислать для русских судов (картофеля, луку, редьки и другой зелени и овощей, куриц, яиц, свиней и фруктов) от 15 (27) августа 1853 г.[11]

№ 6–8 — записки Путятина нагасакскому губернатору от 16 (28) августа 1853 г. (№ 6 и 7) и 17 (29) августа (№ 8) 1853 г. (опубл.: III, 90–91; № 3).

№ 9 — письмо Путятина директору голландской фактории Донкеру Курциусу от 22 августа (3 сентября) 1853 г., без указания адресата (опубл.: III, 96; № 5).

№ 10 — проект церемониала первой встречи Путятина с губернатором от 8 (20) сентября 1853 г. (опубл.: III, 96–98; № 6).

---

[9] Там же. Л. 233–248а.

[10] *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. С. 111.

[11] Ср. запись в дневнике корабельного священника на фрегате «Паллада» и заодно переводчика с китайского языка архимандрита Аввакума от 15 августа: «В 9 часов по сигналу приехали переводчики; им дана записка о провизии, какая требуется для 4-х судов. В 4 часа японцы привезли 3 свиньи, 100 кур, несколько уток, редьки, арбузов, груш. Говорили, что губернатор боится пострадать из-за нас» (*Аввакум (Честной), архимандрит*. Дневник кругосветного плавания на фрегате «Паллада» (1853 год). Письма из Китая (1857–1858 гг.) / Подгот. текста, предисл., примеч. С.А. Васильевой. Тверь, 1998. С. 39; далее: Аввакум, номер страницы; в случае совпадения даты документа и даты записи в дневнике последняя не оговаривается). Капитан шхуны «Восток» В.А. Римский-Корсаков записал в тот же день в дневнике: «Привезено для эскадры 50 кур, 50 уток, три свиньи и довольно много зелени и фруктов. Зелень состояла из моркови, редьки и тыквы, а фрукты — арбузы и груши. Арбузы почти что негодны, а груши совсем незрелы и употреблены только в компот» (Из дневника Воина Андреевича Римского-Корсакова // Морской сборник. 1895. № 10. Неоф. отд. С. 196).

№ 11 — протокол переговоров Путятина с губернатором от 9 (21) сентября 1853 г.; опубликован в ПСС в виде двух номеров: реплики Путятина — № 7 (III, 98–100), письменные ответы губернатора — № 8 (III, 100–101). Текст ответов в копии заканчивается на фразе: «Губернатор полагает, что ответ на переданное ему письмо государственного канцлера не получится ранее осени будущего года», в ПСС за этим следуют три абзаца, представляющие собой дополнение к ответам губернатора, составляющие в копии отдельный номер (№ 13) и датированные 11 (23) сентября 1853 г. В ПСС эта дата стоит под всеми ответами, что является ошибкой.

После цитированной фразы из № 8 в копии следуют еще два ответа, уже устных:

> Перевод первого словесного ответа, данного высоко-благородным и почтенным г-ном *Оосава Бунгоно Камисама*, губернатор<ом> нагасакским, его пр-ву вице-адм<иралу> Путятину, команд<ующему> эскадрою Его Императорского Российского Величества. В Правительственном здании города Нагасаки. 19-го Гатсигуатса (9/21 сентября 1853 г.) чрез устный перевод старшего переводчика для Десимы, H.S. Кичибе (Kitsibée);
>
> При этом случае вами доставлено в Нагасаки письмо от Российского Правительства. В прежние годы дано знать, что правительство Японии желает, чтобы русские суда не приходили более в Японию: и потому не следовало бы теперь принимать упомянутое письмо. Но в настоящее время имеется причина необходимости; почему я писал об этом в Иеддо, для получения приказаний. Полученный мною на это ответ заключает в себе, чтобы привезенное Вашим Пр-вом письмо я принял и отправил бы в Иеддо.
>
> Старшие переводчики для Десимы
> Н.С. Кичибе
> С.К. Льода

Перевод второго словесного ответа Нагасакского Губернатора Ген. Адъют. Путятину, и того же числа, как предыдущее.

> Ответ на принятое теперь письмо не может быть получен из Иеддо в скором времени. Ибо до прочтения его содержания ничего нельзя будет сказать о нем; это мне сообщено из Иеддо. Поэтому я полагаю, что весьма будет трудно получить ответ в скором времени.
>
> Старшие переводчики Десимы
> Н.С. Кичибе
> С.К. Льода

№ 12 — письмо Путятина Верховному совету Японии, сентябрь (без даты) 1853 г. (опубл.: III, 114–116; № 14).

№ 13 — см. выше.

№ 14 — записка Путятина губернатору Нагасаки от 12 (24) сентября 1853 г. (опубл.: III, 102; № 9).

№ 15 — письмо Путятина губернатору Нагасаки от 14 (26) сентября 1853 г. (опубл.: III, 102–103; № 10).

№ 16 — записка Путятина губернатору Нагасаки от 17 (29) сентября 1853 г. (опубл.: III, 103; № 10).

В конце этого документа стоит заверительная подпись чиновника, копировавшего бумаги: «Верно. Коллежский советник А. Крылов». В 1854 г. Александр Дмитриевич Крылов занимал должность старшего чиновника Военно-походной по флоту канцелярии[12], и то, что этот документ доверили копировать чиновнику столь высокого ранга (по военной номенклатуре — полковнику), говорит об их важности и высокой степени секретности.

Этот комплекс документов был отправлен Путятиным Л.Г. Сенявину вместе с письмом от 20 сентября (2 октября) 1853 г., где также подробно излагался ход переговоров: «Из прилагаемой переписки с губернатором нагасакским Вы изволите усмотреть, что я принял за правило, настаивая твердо на своих требованиях, наблюдать, однако же, умеренность в оных, дабы высокомерием не возбудить ненависти в народе, столь упорном и противуположном во всех своих понятиях с нами, и тем не затруднить будущие наши с ними сношения» (III, 105)[13].

Следующее письмо Сенявину было послано Путятиным 4 (16) декабря 1853 г. уже из Шанхая, куда русские корабли отправились в середине ноября. Этот визит был оправдан как необходимостью пополнения запасов продовольствия, так и слухами о близком дипломатическом разрыве России с Англией и Францией. К письму также был приложен ряд документов, как под обычными номерами, продолжающими предыдущие, так и под литерными, объединяющими несколько обычных номеров (литерный В — №№ 17, 18, 19; литерный С — №№ 20–25 и ответ на № 17). Ответные письма номеров не имеют. Вот они в хронологической последовательности.

№ 17 — письмо Путятина Донкеру Курциусу от 17 (29) сентября 1853 г.:

---

[12] См.: Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1854. [СПб., 1854]. Ч. 1. С. 141.

[13] Уточнено по копии; в этой публикации также неточно указан делопроизводственный номер письма: 114 вместо 117.

Адмирал, свидетельствуя свое почтение г-ну Начальнику фактории и зная, что в Нагасаки нельзя получить мяса, к которому мы, европейцы, так привыкли, берет смелость предложить г-ну начальнику фактории небольшое количество оного, состоящее в части быка, только что привезенного из Китая. Адмирал просит вместе с этим извиниться за предложение такой безделицы.

При этом случае Адмирал считает не излишним сообщить г-ну начальнику фактории, что он уведомил уже свое правительство о способе уплаты за доставляемую нам провизию, согласно с предложением г-на начальника фактории, и что на днях часть полученных нами счетов будет отправлена в Петербург.

Ниже следует ответ Донкера Курциуса Путятину, датированный 1 октября 1853 г.:

Адмирал!

Письмо Вашего превосходительства и посланная с ним половина быка мне вчера доставлены. Свежая говядина большая редкость в Десиме, и я приношу Вашему превосходительству мою искреннюю благодарность за такое внимание.

Этот подарок Вашего превосходительства тем для меня приятнее, что он в то же время убеждает меня, что причина, по которой я до сего времени не исполнил мое намерение лично свидетельствовать Вам свое почтение, Вам передана надлежащим образом, и что Вы не приписываете это упущению с моей стороны.

Примите, Адмирал, уверение в истинном уважении.

Вашего превосходительства

покорный слуга
И.Г. Донкер Корциус[14].

№ 18 — записка Путятина японцам от 2 (14) октября 1853 г.:

Вот третий день после того, как через переводчиков мы дали знать, что желаем видеть г. гокейнсов,[15] дабы переговорить о важном предмете, но никто из них на фрегат не показывается. Адмирал желает знать причину такого невнимания к его просьбе?[16]

[14] Ср. запись в дневнике Аввакума от 18 сентября: «Вечером опять приехали яп<онские> переводчики, чтобы взять часть убитого быка и отвезти в подарок обергофту голланд<ской> компании» (с. 50).

[15] По объяснению Гончарова во «Фрегате “Паллада”», гокейнсы (или оппербаниосы), «старшие в городе, после губернатора и секретарей его, лица» (II, 325).

[16] Ср. запись в дневнике Аввакума за тот же день: «В 9 часов потребованы переводчики; им передана записка с вопросом, почем на двукратный призыв

№ 19 — записка, датированная тем же днем, что и предыдущая:

> Адмирал будет ожидать г.г. гокейнсов до завтрашнего полдня. Если они до того времени на фрегат не прибудут, то, дабы переговоры не останавливались, адмирал пошлет в Нагасаки офицера, который объяснит дело Его Превосходительству Господину Губернатору[17].

№ 20 — письмо Путятина нагасакским губернаторам от 8 (20) октября 1853 г. с соболезнованиями о смерти сёгуна (опубл.: III, 116–117, № 15)[18].

№ 21 — послание Путятина Верховному совету Японии от 9 (21) октября 1853 г. (опубл.: III, 117–118; № 16).

№ 22 — записка Путятина японцам от 5 (17) ноября 1853 г.:

> Так как русская эскадра оставляет на днях Нагасаки, то адмирал желает видеть г.г. гокейнсов в 12 ч. утра, дабы передать им некоторые объяснительные бумаги для отсылки в Верховный Совет. Адмирал просит тоже г.г. губернаторов прислать завтра за подарками, которые он желает оставить им и некоторым из г.г. гокейнсов и переводчиков, нас посещавших. Адмирал надеется тоже, что г.г. губернаторы употребят зависящие от них средства для доставления к четвергу на суда означенной в заказе провизии, воды, дров и проч.[19]

№ 23 — записка от 6 (18) ноября 1853 г.:

> Оставляя здешний рейд, уполномоченный имеет честь препроводить их превосходительствам г.г. нагасакским губернаторам дополнительную бумагу к отправленным уже прежде в Верховный

баниосов они не являются на фрегат» (с. 55).

[17] Ср. во «Фрегате “Паллада”»: «Баниосы всё не едут: они боятся показаться, думая, как бы им не досталось за то, что не разгоняют лодок; а может быть, они, видя нашу кротость, небрежничают и не едут. Но стоит только сказать, что мы сейчас сами пойдем на шлюпках в Нагасаки, — тотчас явятся, нет сомнения. Если попугать их и потребовать губернатора — и тот приедет. Но тогда понадобилось бы изменить уже навсегда принятый адмиралом образ действия, то есть кротость и вежливость. <…> Так и есть: страх сильно может действовать. Вчера, второго октября, послали записку к японцам, с извещением, что если не явятся баниосы, то один из офицеров послан будет за ними в город. Поздно вечером приехал переводчик сказать, что баниосы завтра будут в 12 часов» (II, 373–374).

[18] Ср. запись Аввакума от 7 октября: «Адмирал приказал приготовить бумагу для японцев с изъявлением участия в постигшей их скорби и другую с объяснением, что так как государь умер до получения о нашем прибытии в Нагасаки, и однако ж бумагу нашего министра в верховный совет приняли, то значит, что и рассуждать о делах наших в совете могут беспрепятственно, а потому мы все-таки будем ожидать ответа и без того не поедем» (с. 56–57).

[19] Ср. у Аввакума: «Потребованы переводчики; объявлено намерение отправиться из Нагасаки, но куда, неизвестно» (с. 66).

Совет, которую просит отослать туда же, по возможности без потери времени.

Литерный А, без номера — письмо Путятина в Японский верховный совет от 6 (18) ноября 1853 г.:

Уполномоченный Его Высочества Императора Всероссийского, по получении известия о великом несчастии, постигшем японское государство, выждал требуемый приличием срок, не тревожа высшие японские власти просьбою об ответе на предложения российского правительства.

Полагая, однако же, что и такое важное событие, какое случилось ныне, не может остановить хода государственных дел в обширной Империи, он имеет честь повторить свою покорнейшую просьбу об открытии переговоров по предметам, изложенным в письме г. государственного канцлера гр. Нессельрода.

Верховному совету из означенного письма уже известно желание Его Величества Государя Императора обозначить однажды навсегда границы между обеими Империями, которые ныне нечувствительно между собою сблизились по причине постепенных заселений пустынных пространств, разделявших оба государства. Эта неопределенность границ подала повод к сомнению касательно острова Итурупа. Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее заведывании. К этой гряде принадлежит и остров Итуруп, населенный курильцами и отчасти японцами. Но и русские промышленники в давние времена имели поселения на сем острове: из этого возникает вопрос, кому владеть им, русским или японцам?

Решением этого вопроса при свидании уполномоченного с членами Верховного Совета определена будет и граница между обеими Империями.

Что касается до острова Крафто или Сахалина, о котором упомянуто в письме графа Нессельрода, то оный, как населенный одними дикими племенами, ищущими покровительство России и нуждающимися в просвещении и торговле, занят по повелению Его Величества Императора Всероссийского в течение последних трех месяцев русскими, и на нем назначены уже военные посты. Поэтому уполномоченному предстоит только объясниться с членами Совета относительно небольшого числа японцев, приезжающих на южную оконечность Крафто, и именно в залив Аниву, для рыбной ловли и других промыслов, и строющим там себе временные жилища.

Уполномоченный присовокупляет, что если японцы сии пожелают остаться в заливе Анива, то им оказываемо будет покровительство наравне со всеми, живущими под властию российских законов.

Во втором пункте письма графа Нессельрода изъявлено желание российского правительства завести с Японией торговые сношения.

Японское правительство, конечно, и само убедилось в том, что невозможно воспрещать приходить судам в его порты за разными надобностями, и между прочим за провизи<е>ю; невозможно, однако же, и снабжать суда, когда их будет приходить много, всем нужным безденежно, как это делала Япония. На это, несмотря на богатые ее средства, недостанет способов. Оно несправедливо, да и никакая нация не согласится принимать даром то, за что может платить. Если же Япония сочтет нужным допустить в своих портах продажу или мену съестных припасов и других необходимых предметов, что само по себе есть уже торговля, то ей после этого не будет предстоять затруднений или опасности тут же вместе допустить и мену товаров.

На подобные предложения японское правительство привыкло отказываться под тем предлогом, что меною товаров могут истощаться необходимые способы к продовольствию его народа: на это можно, во-первых, заметить, что ни в одной из коммерческих наций торговля не приводила к таким дурным последствиям: благоразумные распоряжения японского правительства всегда в состоянии будут направить торговлю так, чтобы народ пользовался только ее выгодами без всякого для себя отягощения. Во-вторых, японское правительство, согласясь на торговлю, встретит в оной гораздо меньшие хлопоты в сравнении с теми, какие будут навлекать ему постоянные отказы вступать в сношения с чужестранцами.

Для российских военных и купеческих судов настоит особенная необходимость посещать японские порта, ибо Япония находится в тесном соседстве с русскими, которым по этой причине чаще других приходится бывать у ее берегов, посещая Камчатку, русские владения в Америке, а теперь и Крафто.

На основании всех этих доводов оказывается нужным, чтобы японское правительство благоволило назначить по крайней мере два порта для прихода русских военных и купеческих судов и для мены товаров. Желательно бы было один порт назначить на юге, где-нибудь поблизости Иеддо, чтобы легче было в случае надобности сноситься с высшими японскими властями, ибо Нагасаки, по отдаленности своей от столицы, вовсе для того неудобен. Второй порт может быть отведен на о. Матсмае как ближайшем к русским владениям.

Вслед за назначением двух портов могут быть ясно определены и все подробности дела, как то условия торговых сношений, отмена разных неприятных для европейцев стеснений и ограничений и тому подобные обстоятельства, не требующие предварительного обсуждения.

> Уполномоченный надеется, что члены Верховного совета, убедившись в неизбежности сношений российских подданных с японцами, сами оценят умеренность предложений России. Он уверен также, что в ответах со стороны японского правительства и вообще при переговорах будет соблюдено приличие и уважение, подобающее достоинству звания уполномоченного такой великой Империи, какова Россия[20].

Без № — ответ японцев на письма Путятина от 7 (19) ноября 1853 г.:

> По предмету письма, недавно врученного, прибудут в Нагасаки: Его превосходительство Тутсуй Гизенно-Ками-Сама, Кавадзи Сайемоннодзио-Сама, Алао Тосано-Ками-Сама и Кога Кинитзиро-Сама[21] для свидания и переговоров с его превосходительством адмиралом, о чем извещает его светлость Абе-Изено Ками-Сама[22].
>
> Нагасаки 19-го Зиугуаста
> 19-го ноября 1853
>
> Н.С. Кичибе
> М.И. Еиноске[23]

№ 24 — письмо Путятина Донкеру Курциусу от 11 (25) ноября 1853 г. (опубл.: III, 118–119; № 17).

№25 — письмо Путятина японцам от 11 (25) ноября 1853 г. с объявлением намерения в этот же день уходить из Нагасаки (частично цитируется: III, 658–659).

Как было сказано выше, эти документы были приложены к письму Путятина к Л.Г. Сенявину с кратким отчетом об итогах первого этапа переговоров:

---

[20] Это письмо было приготовлено заранее; см. запись в дневнике Аввакума от 2 ноября: «Я переводил другую бумагу от имени адмирала в верховный японский совет, об островах Итурупе и Сахалине, также об открытии торговых портов — одного поблизости к столице Иедо, другого на острове Матсмае» (Аввакум. С. 65). В его же записи от 30 октября говорится: «Перед обедом Гончаров рассердил меня защищением своей бестолковой бумаги, которую я переводил» (Там же. С. 64); о какой бумаге идет речь, неясно.

[21] О них см.: III, 683–685.

[22] О нем см.: III, 658.

[23] Ср. запись Аввакума за тот же день: «Комедия сыграна была японцами, чтобы не заставить нас идти в Иедо. Принесли бумагу, в которой председатель совета извещал губернатора о назначении 4-х вельмож для переговоров с адмиралом» (Аввакум. С. 67). О «комедии» подробно см. также в дневнике и письмах В.А. Римского-Корсакова (процитированы: III, 656–657).

Милостивый государь,
Лев Григорьевич

Из препровождаемых при сем приложений под буквами А, В и С Ваше превосходительство усмотреть изволите, что в сношениях наших с японцами я вынужден был принять тон более твердый, нежели каким полагал руководствоваться в начале прибытия моего в Нагасаки. К этому побудили меня умышленные замедления со стороны японцев в ответах на наши предложения и употребление мелочных хитростей, чтобы отнять у нас надежду получить в скором времени решение Верховного совета. Заметив из всех их действий, что на них успешнее всего можно действовать страхом, употребляя умеренные угрозы, я объявил обоим нагасакским губернаторам (по случаю прибытия другого на смену первого), что если мы и не получим в первое наше посещение никакого ответа, то этим они никак не заставят нас прекратить начатое дело и покинуть японские берега. Одна из представленных ими причин промедлений заключается в кончине сжиогуна, последовавшей, по их объявлению, 14/26 августа, следовательно, прежде, нежели могло прийти в Иеддо известие о нашем прибытии в Японию.

Выразив перед нагасакскими губернаторами, в краткой прилагаемой при сем под лит. С официальной записке, участие в понесенной Японией потере, я на другой день после того счел однако же нужным напомнить им, что и такое важное событие не может остановить хода государственных дел, и просил о скорейшем сообщении ответа.

В определенный мною шестинедельный срок чиновники явились от губернаторов с известием, что Совет дал им знать только о получении письма г. государственного канцлера. Хотя я подозревал, и весьма основательно, как впоследствии оказалось, что они получили какой-нибудь другой ответ решительнее, но в то время ничего предпринять не мог для побуждения японцев к скорейшему вступлению в переговоры, т.е. пойти в Иеддо, ибо ожидал прибытия шкуны «Восток», которая, не зная, куда я направлюсь, могла бы разъединиться с отрядом.

Наконец, в первых числах ноября шкуна благополучно прибыла в Нагасаки. Я вслед за тем отправил к губернаторам прилагаемую при сем в копии под лит. <А> записку, для препровождения в Городжью, и объявил, что оставлю на время Нагасаки, не упомянув, куда намерен идти. Это до крайности встревожило губернаторов. Они при этом случае обнаружили всю свою тактику, всячески домогались узнать о направлении нашего плавания. Не успев в этом, они стали просить по крайней мере предупредить их о дне нашего отбытия. Я отвечал, что мы снимемся с якоря при первом попутном ветре.

Когда на судах подняли шлюбки и стали ставить паруса, приехали чиновники с просьбою от губернаторов подождать никак не более десяти, даже может быть семи дней. Я не успел дать на это ответа, как явились другие чиновники, с только что полученным будто бы ответом из Иеддо. Этим очевидно обнаружилось, что ответ прибыл из Иеддо в шестинедельный срок и что японцы не сообщали нам его, стараясь всячески задержать нас в Нагасаки. Опасение, что мы пойдем в Иеддо, заставило наконец их сообщить нам и настоящий ответ. В оном председатель Городжью Аве-Изе-но-ками Сама дает знать губернаторам, что для свидания и переговоров со мною назначены четыре высших лица, которые должны прибыть в Нагасаки. Но о том ничего не упомянуто, выехали ли они и скоро ли будут. Эта новая хитрость и новое промедление клонилось, по-видимому, к тому, чтобы выиграть время и начать переговоры с нами в Нагасаки не прежде, как по возвращении американской эскадры в Иеддо, и таким образом воспрепятствовать нам действовать совокупно. При этом, конечно, надо предполагать, что японское правительство имеет в виду или вовсе отказать в наших требованиях, или уступить как можно менее, иначе было <sic!> оно равнодушнее смотрело на встречу нашу с американцами.

Неопределительность срока прибытия уполномоченных и разные затруднения, представляемые губернаторами, чтоб отвести нам место на берегу для необходимых исправлений, вынудили меня оставить Японию, не дожидаясь уполномоченных; причем я объявил губернаторам, что в непродолжительном времени явлюсь сначала в Нагасаки, чтоб узнать, прибыли ли назначенные для переговоров лица и с каким ответом, и если сей последний будет неудовлетворителен, то отправлюсь в Иеддо.

Видя на опыте, как японцы ведут переговоры, я не могу не быть доволен, что они не удовлетворили первоначальному нашему требованию допустить нас ехать сухим путем в Иеддо, ибо когда они, имея перед глазами и вооруженные суда, позволяют себе употреблять хитрости и делать проволочки, то весьма естественно, что в Иеддо они не задумались бы усилить прижимки и промедления и повели бы дела на свой лад.

Американский командор Перри дал Верховному совету шесть месяцев на рассмотрение своих предложений и при известной осторожности и непривычке к письменным делам японцев, кажется, поступил благоразумно, отняв этим у них всякий повод к промедлению при вторичном своем приходе в Иеддо. Несмотря, однако же, на большой страх, произведенный появлением сильно вооруженных пароходов у самой столицы, я не полагаю, чтобы американцам удалось достигнуть главной цели их экспедиции без неприязненных

действий, которые только и могут убедить японцев в невозможности сопротивляться силам образованных морских наций. Из приобретенной мною трехмесячной опытности в Японии, я также убедился, что одними переговорами с японцами невозможно достигнуть никакого результата, ибо, несмотря на страх, у них все еще остается надежда ловкостью и помянутыми хитростями отделаться от домогательств иностранцев, и потому для успеха нашего дела нам до́лжно быть свидетелями действий американцев и своим присутствием подкреплять их требования и таким образом достигать нашей общей цели.

В настоящем положении дела нам неблаговидно будет оставить Японию, не завязав с ней никаких сношений. Это показало бы в глазах европейцев нашу слабость и неуменье достигать предположенных целей.

Французская и английская эскадры, сколько я мог узнать в здешних местах, уже готовы воспользоваться первым успехом американцев.

Из прилагаемой при сем под лит. А записки, которую я в избежание промедлений счел нужным заблаговременно препроводить в Городжью, Ваше превосходительство изволите усмотреть, что я, согласно данной мне инструкции, требую открытия двух японских портов для русских судов. Но при наступлении переговоров я полагал бы возможным в случае, если со стороны японцев последуют упорные возражения, довольствоваться на первый раз одним портом, избрав оный из находящихся поблизости Иеддо или на острове Матсмае, но не там, где указывает г. Зибольд[24]. Вообще должно заметить, что я не мог вполне руководствоваться указаниями г. Зибольда, как, впрочем, Ваше превосходительство сами изволили разрешить мне, предоставив право отступать от них там, где потребуют обстоятельства.

Так, например, избрание Нагасаки для нашей торговли я нахожу невыгодным, как по совместничеству голландцев, так и по чрезвычайным затруднениям отучить живущих там японцев от оскор-

[24] Немецкий путешественник и натуралист Филипп Франц Зибольд (1796–1866) несколько лет служил врачом голландской фактории в Нагасаки, автор многих научных трудов, в том числе книги “Voyage au Japon executé pendant les années 1823 à 1830” (Paris, 1838–1840. Vol. 1–5; рус. пер.: Путешествие по Японии, или Описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношении Ф. Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендорна, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др. СПб., 1854. Т. 1–3). Выступил в качестве консультанта русского правительства в отношениях с Японией и составил особую записку, изложение которой в виде дополнительной инструкции было послано Путятину уже после начала экспедиции (РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75а. Л. 138–158об.). См. о нем: *Семенова А.С.* Вклад европейских исследователей XVIII–XIX вв. в изучение Японии // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 89–93.

бительных притязаний и притеснений, которыми они привыкли сопровождать свои сношения с иностранцами. Пример таких стеснений мы ясно видим в Кантоне, где доселе англичане и американцы не могут заставить китайцев отбросить их старинные предубеждения против чужеземцев, тогда как во вновь открытых портах последние пользуются гораздо большими выгодами и свободою.

Относительно порта Аткис я также принимаю смелость заметить, что покойный адмирал Головнин, проходивший во время своего плена в Японии чрез этот порт, назначает его не в заливе Доброй Надежды, как говорит г. Зибольд, а гораздо севернее, и вообще он утверждает, что на всем этом берегу обитают одни айносы, а японские заселения начинаются не более как в 200 верстах от Хакодаде, лежащего в самой южной части Матсмая. Поэтому нет никакого расчета требовать у японцев для торговли порт, не имеющий совсем промышленности и слишком отдаленный от населенных частей Японии.

Назначая порт вблизи Иеддо, я имел в виду два обстоятельства: первое, что американцы, вероятно, будут настаивать открыть для своей торговли не Нагасаки, а один из ближайших к центру правительства портов, 2, все сношения с правительством производятся через Нагасаки весьма медленно, выбором же порта вблизи Иеддо устранится это затруднение, вместе с тем торговля возникнет в самой многолюдной и промышленной части Японской империи. Если японцы будут решительно отказывать в этом требовании, то всего предпочтительнее избрать порт Хакодаге <sic!>, на острове Матсмае.

Из описаний адмиралов Рикорда и Головнина видно, что порт этот представляет для судов закрытое и безопасное якорное место[25]. В секретном своем мнении о военных действиях против Японии, писанном в 1814 году, покойный адмирал Головнин назначает его японским губернатором <sic!> и советует немедленно занимать оный как весьма важный стратегический пункт. Находясь в самой узкой части Сангарского пролива, менее 15 миль от острова Нипона, Хакодаде,

[25] Капитан Василий Михайлович Головнин (1776–1831) в 1811 г., во время гидрографического описания курильского острова Кунашир, был с несколькими членами команды захвачен японцами в плен, перевезен на Хоккайдо, где два года содержался в тюрьме. Был освобожден благодаря действиям своего соратника капитана Петра Ивановича Рикорда (1776–1855). Оба оставили записки, где подробно рассказывалось об этом инциденте и давалось описание Японии (перепеч.: *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972). Ср. в записках Рикорда: «Город Хакодаде, второй по величине своей на сем острове, лежит в южной его части на покатости высокой круглой горы, возвышающейся на полуострове, омываемом с южной стороны Сангарским проливом, а с северной и западной пространным Хакодадейским заливом, весьма удобным для помещения большого флота» (цит. по: *Головнин В.М.* Записки... С. 424). О каком «секретном мнении» идет речь, неизвестно.

без сомнения, представит гораздо более выгод для торговли, нежели Аткис.

Объявляя в записке притязания на остров Итуруп, я не имею в виду удерживать его за Россиею, но упомянул об этом единственно для того, чтобы при переговорах не казаться вовсе непреклонным ни на какие уступки, как, впрочем, и указано мне поступать в данной от Министерства иностранных дел инструкции. Без подобных намеков все усилия будут тщетны склонить японцев на наши требования, как бы умеренны оные ни были.

Предположенный мною план действий на будущий год относительно переговоров с китайским правительством в Пекине, о чем представлено мною на благоусмотрение Вашего превосходительства в депеше за № 74[26], вследствие новейших событий в Китае, разрушается сам собою, и по предмету этих дел я приму в соображение мнение Министерства иностранных дел, изложенное в полученной мною ныне шифрованной депеше от 11-го августа за № <*пропущено*>.

Долгом считаю обратить внимание Вашего превосходительства еще на следующее обстоятельство: из всех действий японцев заметно, что, по случаю прихода наших и американских судов и объявленных оными требований, они находятся в нерешительном и небывалом положении. Поддаваясь чувству страха, они, однако же, в то же время приводят свои порты в военное положение, строят новые батареи, укрепляют старые, причем приглядываются к ученьям, вымеривают тайком орудия и т.п. Имеющиеся у них пушки, и между прочим недавно присланная мортира, доставлены им, по их словам, в разные времена голландцами: по всему этому почти достоверно можно заключить, что японцы не преминули сделать через находившееся нынешней осенью в Нагасаки голландское купеческое судно новый заказ орудий и, может быть, других военных снарядов в Голландии, чтобы быть в состоянии противиться вооруженным судам. Так как открытие портов Японии есть общеполезное для всех европейцев дело, то не сочтет ли Министерство иностранных дел полезным войти по этому предмету в сношения с нидерландским правительством, дабы оно с своей стороны приняло, буде возможно, меры отклонить при нынешних обстоятельствах удовлетворение требования японцев, если бы они действительно сделали такого рода заказ. Это бы было весьма кстати сделать при предстоящем Министерству иностранных дел сношении с нидерландским правительством по поводу уплаты денег по счетам за забранную нами здесь через голландцев провизию, за которую обер-гофт Донкер Курциус, директор голландской фактории, просил заплатить деньги не здесь, а в Голландии. Счеты

[26] Этот документ в фондах РГА ВМФ не обнаружен.

эти препровождены ныне мною в Морское министерство, которое, вероятно, не преминет отнестись по этому предмету в Министерство иностранных дел.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Евфим Путятин

№ 132
4/16 декабря 1853 г.
Шанхай

«Паллада» пробыла у Седельных островов, недалеко от Шанхая, немногим менее месяца и 22 декабря вторично пришла в Нагасаки, куда уже приехали японские представители и где состоялся решающий этап переговоров. Эти переговоры подробно описаны во «Фрегате “Паллада”» (II, 443–491), но никаких отражающих их бумаг в РГА ВМФ не обнаружено[27]. 21 января (2 февраля) 1854 г. Путятин отправил Сенявину письмо[28] о формальной стороне переговоров, в конце которого сообщил следующее: «О последовавших за тем свиданиях и о том, что в оных происходило, я имею честь представить вместе с сим особую, шифрованную депешу». Как видим, результаты этого этапа переговоров были столь важными и секретными, что адмирал не решился написать о них открыто, остерегаясь, что курьер может быть захвачен и письмо попадет в руки неприятеля. Копия этой депеши, посланной в тот же день, сохранилась в делах о плавании фрегата:

№ 175, Нангазаки, 21-го января / 2 февраля 1854 г.

Честь имею препроводить к Вашему превосходительству перевод с ответа японского Верховного совета государственному канцлеру графу Нессельроду и проект трактата, сообщенного мною японским полномочным, прибывшим из Иеддо. Кроме церемониальных посещений из 8-ми конференций, бывших между ими и мною (протоколы коих и прочие бумаги при удобном случае будут представлены в Министерство иностранных дел), можно заключить, что японское правительство признало неизбежность сношений и торговых связей с иностранцами, но оно старается всеми мерами отдалить наступление этой эпохи, приводящей его в трепет. Все усилия наши устремлены теперь на то, чтобы противудействовать

[27] Протоколы переговоров по документам АВПР частично опубликованы: III, 121–125.
[28] Опубл.: III, 125–130; делопроизводственный № 178.

ному, и мы стараемся не медля положить ныне же какое-либо основание начальным сношениям с Японией. Я решился для ускорения дела сперва требовать заключения трактата о дружеских отношениях между обоими государствами и о границах не настаивать, а на немедленном открытии торговли (которая, по мнению японцев, должна истощить все источники их народного богатства). Из трактата видно однако же, что в нем включены и некоторые условия, достаточно обеспечивающие на будущее время открытие торговли с Японией, и в особенности важна последняя статья, утверждающая за Россией всё то, что американцы или другие нации впоследствии для себя приобретут.

Не распространяясь более, я только повторю покорнейшую просьбу поспешить отправить куда следует предписание об очищении по указанию моему земель, принадлежавших Японии на южной оконечности острова Сахалина. Медленность в этом случае дает японскому правительству повод считать поступки наши не совсем согласными с удостоверениями, выраженными в письме государственного канцлера, и может породить в них сильную к нам недоверчивость, вредную для будущих сношений. Между тем оставление в японском селении Аниве русского поста и объявление о наших правах на остров Итуруп я буду удерживать до того времени, пока проект трактата по крайней мере в главных его чертах не будет утвержден.

По заключении сей депеши полномочные прислали мне бумагу, в которой, между прочими уверениями в дружбе и лестью нашему правительству и мне, высказано довольно важное обстоятельство: что в ожидании открытия торговли все японские порты, кроме Иеддо с окружностями, открыты для прихода русских судов, которые могут запасаться там провизиею, водою и дровами. Если такое же право предоставлено американцам, то нельзя сомневаться, что американские китоловы во множестве будут посещать японские порты, и это поведет скорее всяких других средств к открытию торговли с Японией. Я также намерен воспользоваться этим правом и буду, сколько время позволит, заходить сам и также посылать имеющиеся при мне суда то в тот, то в другой порт.

Хотя полномочные объявили, что они ничего не могут прибавить к письму Верховного совета, и даже не взяли посланного мною к ним трактата, прося отослать его прямо в Иеддо, что и сделано, я, однако же, буду настаивать, чтобы подтвердили по крайней мере хотя последнюю статью трактата.

Оправдываясь в невозможности решить вопрос о торговле ранее назначенного срока, они приводят между прочим замечательный довод, именно: что молодому сжьогуну при вступлении на престол

нельзя начать свое царствование с нарушения старинных законов своих предков; это могло бы иметь дурное действие на народ, и что он может сделать это только осторожно и постепенно[29].

На копии этой депеши есть помета: «На подлинной собственной Его Императорского Величества рукою написано: “хорошее начало”», — как видим, Николай I одобрил действия Путятина. Впрочем, подписан договор будет еще очень нескоро и уже без участия Гончарова, который в это время будет находиться на пути в Петербург.

Литература

Алексеев А.Д. И.А. Гончаров — автор официального «Отчета о плавании фрегата “Паллада”» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 370–375.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 384 с.

Семенова А.С. Вклад европейских исследователей XVIII–XIX вв. в изучение Японии // Известия Уральского федерального университетата. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 89–93.

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 312 с.

Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010. 688 с.

References

Alekseev A.D. I.A. Goncharov — avtor ofitsial’nogo «Otcheta o plavanii fregata “Pallada”» [I.A. Goncharov — author of the official “Report on the voyage of the frigate ‘Pallada’”]. *Ot “Slova o polku Igoreve” do “Tikhogo Dona”: Sb. statei k 90-letiiu N.K. Piksanova* [From “The Tale of Igor's Campaign” to “And Quiet Flows the Don”:A collection of essays to the 90th anniversary of N.K. Piksanov]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 370–375. (In Russ.)

Cherevko K.E. *Rossiia na rubezhakh Iaponii, Kitaia i SShA (2-ia polovina XVII — nachalo XXI veka)* [Russia on the borders of Japan, China and the USA (2nd half of the 17th — early 21st century)]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2010. 688 p. (In Russ.)

Fainberg E.Ia. *Russko-iaponskie otnosheniia v 1697–1875 gg.* [Russian-Japanese relations in 1697–1875]. Moscow, Izdatel’stvo vostochnoi literatury Publ., 1960. 312 p. (In Russ.)

Kutakov L.N. *Rossiia i Iaponiia* [Russia and Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 384 p. (In Russ.)

[29] РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75а. Л. 269–272; процитировано: *Черевко К.Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США. С. 304.

Semenova A.S. Vklad evropeiskikh issledovatelei XVIII–XIX vv. v izuchenie Iaponii [Contribution of European scholars of the 18th–19th centuries in the study of Japan]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta, Series 2: Gumanitarnye nauki*, 2017, vol. 19, no. 1 (160), pp. 89–93. (In Russ.)

Ivan Goncharov as a participant of negotiations with the Japanese (based on materials from the Russian State Archive of the Navy)

© 2019, Alexey Balakin

Abstract: The article is devoted to the activities of Ivan Goncharov as a participant of the expedition under command of Adjutant General, Vice Admiral E.V. Putyatin, who provided material for the book of essays "Frigate 'Pallada'". Emphasis is made on the writer's participation in the 1853 negotiations with Japan as a secretary and author of a significant part of official reports sent to St. Petersburg, as well as other documents of a diplomatic nature. For the first time, materials currently stored in the Russian State Archive of the Navy are being introduced into scientific circulation. First of all, these are the diplomatic documents of the expedition in the file "On the instructions given to Adjutant General Putyatin when sending him on a voyage around the world on the frigate "Pallada" concerning the establishing of political and commercial ties between Russia and Japan, etc.", which highlight the details of negotiations with the Japanese authorities. A detailed description of these documents (letters, diplomatic dispatches, reports, etc.), partially published as part of the article, is given as well as their comparison with other sources, including notes by Archimandrite Avvakum, who participated in the expedition as a translator. The materials included in the article can significantly complement both the documentary and creative history of Goncharov's essays "Frigate 'Pallada'", as well as the chronicle of the writer's life and work as a whole. Thus, documents first published by the author of the article reveal an important aspect of Goncharov's activity as not only a writer, but also a participant of a diplomatic mission.

Keywords: Ivan Goncharov, Evfim Putyatin, frigate "Pallada", Russian-Japanese relations, negotiations

Information about the author: Alexey Balakin, PhD, Senior Research Associate, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: balakin@inbox.ru

Citation: Balakin Alexey. Ivan Goncharov as a participant of negotiations with the Japanese (based on materials from the Russian State Archive of the Navy). *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 293–313. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-293-313

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-314-332
УДК 821.161.1

Новые материалы о жизни и творчестве С.Д. Дрожжина. Проблемы изучения народного поэта

© 2019, М.В. Строганов

Аннотация: В статье анализируется предпринятый в 1920 г. проект по изданию нового собрания стихотворений С.Д. Дрожжина — русского крестьянского поэта конца XIX — начала XX в., практически не привлекавшего внимание отечественных исследователей. Как устанавливается в ходе анализа, рукопись, хранящаяся в фондах мемориального дома-музея С.Д. Дрожжина в пос. Новозавидовский, содержит перечень стихотворений с комментариями бытового, текстологического и библиографического характера, которые позволяют дополнить известные сведения о жизни и творчестве Дрожжина, в том числе установить имена адресатов его любовной лирики. Данный источник впервые вводится в научный оборот, тем самым уточняются некоторые ключевые моменты, связанные с исследованием творчества «народных поэтов» в русской литературе. Подробная роспись включенных в рукопись текстов приводится в статье. Уточнение посвящений и датировок стихотворений восстанавливает важные моменты биографии поэта. Сравнение вариантов отдельных стихотворений Дрожжина, созданных в разные годы, ставит вопрос о квалификации их изменений. В отличие от конформизма, как мы обычно квалифицируем примиренческие позиции «интеллигентской» литературы, предлагается называть данное явление склонностью к компромиссам, в которой отразилось общественное поведение народной массы, обусловленное низким уровнем интеллектуального развития и неспособностью осмыслить истинные причины явлений.

Ключевые слова: С.Д. Дрожжин, народный поэт, текстология, комментарий, варианты

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Цитирование: *Строганов М.В.* Новые материалы о жизни и творчестве С.Д. Дрожжина. Проблема изучения народного поэта // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 314–332. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-314-332

Творчество Спиридона Дрожжина (как, впрочем, творчество всех русских крестьянских поэтов второй половины XIX — начала XX в.) лежит за пределами исследовательского внимания отечественного литературоведения. С тех пор как разговоры о пресловутой некрасовской школе в поэзии потеряли актуальность, а особенно с тех пор как на читателя и исследователя обрушилась литературная лавина новейшего времени, — ни Дрожжин, ни поэты его круга уже не привлекают к себе внимания. Интеллектуальный уровень этой литературы не выдерживает современной критики, которая снобистски жестко отворачивается от «исконно-посконной» поэзии Дрожжина, в самом деле не лишенной некоторой наивности. В свое время Р.М. Рильке вместе с Лу Андреас-Саломе посетил Дрожжина и пришел от него в восторг, но потом познакомился с интеллектуальным соседом Дрожжина — помещиком и литератором Н.А. Толстым, и наивный Дрожжин померк в его глазах[1]. Рильке искал «свою» Россию и нашел ее не в Дрожжине, а в Толстом, — разве это беда Дрожжина? — это ошибка Рильке. Так и в нашем случае: стоит только смело допустить, что не народные поэты не дотягивают до интеллектуального уровня современной критики, а, напротив, современная критика не владеет необходимым инструментарием для осмысления этого пласта культуры, — и всё встанет на свои места. Не надо только требовать от Дрожжина (и иже с ним) того же, что мы получаем от Мандельштама и Гиппиус. Надо принять его таким, каков он есть, и это даст нам понимание той большой низовой России, которая жила сама по себе, не слишком-то нуждаясь ни в Мандельштаме, ни в Гиппиус.

В настоящей публикации я пытаюсь вновь привлечь внимание научной общественности к этому весьма характерному явлению русской общественной жизни конца XIX — начала XX в., к творчеству народных поэтов, самой яркой фигурой среди которых был Дрожжин. В данном случае предметом анализа становится рукопись под названием «Варианты, заметки и примечания к Стихотворениям С. Дрожжина 1866—1904.—1907.—1920 гг. и последующих годов, сделанные автором вначале к приготовленному в 1920 году к печати 4<-му> издания <так!> полного собрания Стихотворений в 2-х томах, или 4-х». Эта рукопись хранится в фондах мемориального дома-музея С.Д. Дрожжина в пос. Новозавидовский. Она еще не привлекала к себе внимание, хотя содержит многие очень важные данные. Руко-

[1] *Строганов М.В.* Рафинированное и простонародное. Рильке и Андреас-Саломе в гостях у Дрожжина // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований [Электронный журнал]. 2016. № 3/4. С. 71–85. URL: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/09/Stroganov.pdf (дата обращения 21.11.2019).

пись представляет собой переплетенную тетрадь в твердой обложке, в которую Дрожжин записывал порядок стихотворений и делал к ним те или иные комментарии. Все записи сделаны чернилами, в двух случаях появляются карандашные пометки, которые, судя по почерку, принадлежат Л.А. Ильину, известному исследователю творчества поэта, долгое время бывшему директором музея Дрожжина (далее при ссылках на рукопись мы указываем только номера листов)[2].

Как известно, при жизни Дрожжина вышло три более или менее репрезентативных издания его стихотворений[3]. В 1920 г. (и позднее) он готовил и пытался издать четвертое издание собрания своих стихотворений, о чем неоднократно говорил в дневниках, но это предприятие не удалось, в первую очередь потому, что новая пролетарская власть видела в крестьянине мелкого частного собственника с чуждой ей идеологией. Она еще соглашалась праздновать прошлые заслуги старого поэта, но давать ход его новым начинаниям не собиралась.

Дрожжин же, продолжая надеяться на успех начинания, готовил издание. Сохранившая тетрадь содержит перечень стихотворений 1876–1882 гг., которые он собирался включить в четвертое издание. Этот перечень сопровождается дополнительной информацией: точная датировка стихотворения — либо по памяти, либо по датированным рукописям; указание на первые публикации и музыкальные переложения стихотворений (иногда ошибочные, но в любом случае полезные для комментариев); приведение вариантов текста, большей частью неопубликованных; сообщение отдельных биографических сведений, помогающих понять жизненный и творческий путь поэта в целом.

1

Во-первых, мы узнаем ряд фактов биографии Дрожжина, известной нам — за отсутствием биографических документов — преимущественно по его автобиографии, которую, как известно, он весьма существенно правил применительно к текущему времени и обстоятельствам. Мы выясняем настоящую фамилию девушки, которую

---

[2] Благодарю заведующую домом-музеем С.Д. Дрожжина Е.В. Павлову за помощь в работе с этим материалом.

[3] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888. С записками автора о своей жизни и поэзии. СПб.: Изд. М.О. Вольф, 1889; *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888. С записками автора о своей жизни и поэзии. 2-е изд. СПб.: Изд. М.В. Клюкина, 1894; *Дрожжин С.Д.* Стихотворения 1866–1888. Т. 1. 3-е изд. М.: Тов. И.Н. Кушнерёв и К°, 1907.

Дрожжин полюбил, когда в 1873 гг. служил лакеем у И.К. Владыкина, владельца усадьбы Алексейцево Романо-Борисоглебского уезда Ярославской губернии в 26 верстах от Ярославля. Дрожжин указывает в нашей рукописи, что этой девушке, Е.Н. Кулаковой, посвящены «Романс» (27 августа 1873; л. 16), «Воспоминание» (17 апреля 1874; л. 16об.) и «Едва вечерняя звезда» (май 1875; л. 21об.). Девушка была дочерью женщины, которая служила няней у того же помещика Ивана Константиновича Владыкина[4], и приезжала в летние месяцы к своей матери погостить. Любовная склонность молодых людей была взаимной, но мать девушки потребовала, чтобы Дрожжин нашел «себе приличную должность» (автобиография 1923 г.)[5]. Однако пока молодой человек занимался этими поисками, любовь прошла:

> Невеста моя тогда жила на квартире и шила на машинке (она была портниха). Я изредка ходил к ней и приносил книги, но между нами не было уже прежней теплоты и искренности; дело в том, что я, не видя никакой перемены и улучшения в моей труженической жизни, стал колебаться в возможности счастья в предполагаемом браке; поэтому, когда в последний раз совершенно случайно встретился с нею на улице, то она, взглянув на меня, горько улыбнулась и сказала:
>
> — Вас нынче просто нельзя узнать!
>
> — Да, — ответил я, — к несчастью, я уже стал не тот, каким вы меня знали прежде[6].

Дрожжин уехал в Петербург, а девушка вышла замуж за другого. В автобиографических записках Дрожжин писал: «Проездом через Москву зашел я к матери бывшей моей невесты и узнал, что девушка вышла уже замуж. Горько мне это было! С воспоминанием о потерянном счастье, после 28-дневного пути <…> приехал я в Ташкент»[7].

В сборнике «Гусляр» стихотворение «Едва вечерняя звезда» («Как полуночная звезда») имеет посвящение В.М. Кузнецовой[8], а в данной рукописи — Е.Н. Кулаковой. Поскольку и в издании Дрожжина 1907 г. стихотворение посвящено Е.А. К-вой[9], следует

---

[4] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг. // Русская старина. 1884. Т. XLIV. Октябрь. С. 112.

[5] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений: В 3 т. / Общ. ред. М.В. Строганова. Тверь, 2015. Т. 3: Воспоминания. Дневник. С. 139.

[6] Воспоминания 1905 г. // Там же. С. 101.

[7] Там же. С. 102.

[8] *Дрожжин С.Д.* Гусляр: Неопубликованные произведения / Предисл., подгот. текста и примеч. Е.В. Павловой, М.В. Строганова. М., 2018. С. 101.

[9] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения 1866–1888. Т. 1. 3-е изд. С. 201.

считать, что это одно и то же лицо, но одна из фамилий девичья, а другая мужняя. Фамилию, которую находим в «Гусляре», следует считать фамилией мужа, а более часто повторяющуюся — девичьей. В этом особенно убеждает тот факт, что среди стихотворений Дрожжина 1883 г. есть стихотворение «Листок. Памяти Лизы Кулаковой», и здесь уже сомнений быть не может: инициал Е. в нашей рукописи явно обозначает Елизавету, а интимность посвящения указывает, что Кулакова — это ее девичья фамилия.

Вторая героиня любовной жизни Дрожжина, имя которой мы можем теперь назвать, — это Мария Балкашина. В нашей рукописи находим такую запись: «Марии. I и II» (30 и 31 августа 1877); «Написаны после долгой разлуки с нею и встречи в табачном магазине на Невском пр., куда она зашла после гулянья по иллюминации по случаю именин Александра II» (л. 26). И хотя среди стихотворений Дрожжина 1877 г. нет цикла из двух стихотворений с таким названием, но два стихотворения, не составляющие цикла, вполне отвечают описанному настроению. Первое:

Опять давно погибшую
Тебя я узнаю,
Так искренне любившую
Красавицу мою;
Опять твой взор ласкающий
Мне сердце взволновал,
И пламень угасающий
Сильнее запылал[10].

И второе стихотворение:

На склоне дней
Опять любовь
В груди моей
Волнует кровь,
Опять, опять
Душой страдать
И тосковать
Хоть не тоской
Любви былой…
Уж жизни той

[10] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений: В 3 т. / Общ. ред. М.В. Строганова. Тверь, 2015. Т. 1: Стихотворения. 1867–1894. С. 112. Ср.: *Дрожжин С.Д.* Гусляр. С. 172.

Возврата нет,
Загублен мой
Душистый цвет,
Средь моря бед
Мои мечты
О днях былых
Пережиты;
Лишь горький стих
Звучит о них,
Звучит о той
Любви былой[11].

Ясно, что при жизни своей жены Дрожжин не хотел лишний раз напоминать о былых увлечениях, но после ее смерти открыто называет имена своих прежних возлюбленных. В результате у стихотворения «После разлуки» появляется открытое посвящение Марии Балкашиной (16 июня 1877; л. 28), которое ранее печаталось с посвящением «Марии Б-ой»:

Отчего так твои щечки
Побледнели, милый друг,
Отчего горячий пламень
На устах твоих потух?
Отчего краса поблекла,
Расскажи мне, отчего
Веет холодом осенним
Так от взора твоего?

Оттого, что я с тобою
Не видалась много лет,
Во слезах потухли очи
И пропал румянца след;
Оттого краса поблекла,
Что, тоскуя и любя,
За немилым старым мужем
Вспоминала я тебя[12].

Совершенно очевидно, что именно с этой женщиной связан и маленький цикл из двух стихотворений «К Марии» (1866–1868), который появился в печати в издании 1907 г.: первое «Когда ты детские

[11] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 113.
[12] Там же. С. 123.

свои» и второе «Маша, Маша, что скажу я»[13]. Для нового издания Дрожжин предполагал дополнить его еще девятью стихотворениями (л. 5об.), но текст их он не сообщил, а в рукописях он неизвестен. Именно эту женщину Дрожжин упоминает в воспоминаниях 1905 г. и в автобиографии 1923 г.:

> С этих пор я с жаром принялся за стихи. Боже мой, как сильно в то время верилось и любилось! И вот как-то раз зимою по окончанию торговли пришел я вечером в хозяйскую квартиру, где увидел прелестную черноглазую девочку лет тринадцати; она, как после оказалось, была племянницей нашей служанки и пришла к ней в гости. Звали ее Машей. Маша была глубоко несчастлива, жила с отцом и мачехой. Всей силой моей души привязался я к этой девушке, часто перечитывал с ней моих любимых авторов, а также написал и посвятил ей несколько стихотворений[14].
>
> Чтение и любовь 14-летней красавицы Марии, родной племянницы хозяйской служанки, снова пробудили во мне стремление к поэтическому творчеству, и я с жаром принялся за писание стихов[15].

Самый обстоятельный и конкретный рассказ об этой девочке мы находим в первой автобиографии Дрожжина, опубликованной в «Русской старине» за 1884 г.:

> Зимою 1865 года одним вечером, придя на квартиру хозяина на ночлег, я увидел прелестную темноглазую девочку лет тринадцати; она сразу приковала к себе мое внимание по-детски задумчивым, но необыкновенно умным и симпатичным личиком. Мы тут же скоро познакомились и сделались друзьями. Маша, как звали эту девочку, была племянница хозяйской служанки и дочерью от первой жены одного петербургского мещанина, артельщика Михаила Балкашина. Она была, как я узнал впоследствии, обучена грамоте и глубоко несчастлива. Мачеха ее била и ненавидела. Я привязался к этому ребенку всею силою души, какая может проявиться у семнадцатилетнего юноши-идеалиста, и с 1866 года написал и посвятил ей множество своих стихотворений[16].

Дрожжин не упоминает встречу с Марией Балкашиной в июле 1877 г.: это было его глубоко затаенное переживание, которое

---

[13] Там же. С. 35.
[14] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 29.
[15] Там же. С. 135.
[16] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг. Октябрь. С. 93.

отразилось только в стихах, без указания имен. Но для нас восстановление имен адресатов открывает внутренний мир человека.

И еще один адресат. Стихотворение «Пой мне, друг, пока поется» имеет посвящение М.В. Флериной. При этом указано: «Мария Васильевна Флерина. Дочь нашего священника Василия Ивановича» (л. 35об.). Этого священника Дрожжин (не называя его по имени) упоминает во всех автобиографических записках, приводя дневниковую запись от 31 мая 1884 г.:

> В моей деревенской библиотеке имеются почти все журналы, в которых я участвовал, и до 300 томов сочинений историко-литературных и собрания моих любимых авторов. Библиотека эта составлялась мною более 20 лет; ею у меня теперь пользуются все, начиная со священника, учителя и кончая молодым любознательным крестьянином, желающим «почитать книжечку». Потребность между грамотными крестьянами «почитать книжечку, в которой бывает больно хорошо написано», с каждым годом увеличивается — это радует и бодрит мою душу…[17]

По имени же он упоминает его только в самых ранних воспоминаниях (и не без иронии):

> В 12 часов пришел священник отец Василий <Флерин> и мой бывший учитель дьячок Василий Ефимович Воскресенский, отслужили в избе молебен Илье пророку. Просили водки, но ее у нас не оказалось, а купить было не на что, и духовные пастыри ушли недовольными[18].

В издании 1894 г. посвящение обозначено: М.В. Ф...ной[19]. Датировано стихотворение в нашей рукописи более точно, чем в печатных изданиях: 2 июля 1881 г. Во всех изданиях первая строка стихотворения читалась так: «Пой, дитя, пока поется». Но в 1920 г. поэт слегка изменяет первую строку:

Пой мне, друг, пока поется,
Без тоски тяжелой,
Быстро время пронесется
Юности веселой;

[17] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 115–116. Ср. также: Там же. С. 55–56, 152.

[18] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг. Ноябрь. С. 331.

[19] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888. 2-е изд. С. 215.

С ней минует радость-счастье,
Ты узнаешь слезы
И увянешь, как в ненастье
Цвет душистой розы[20].

Но с 1881 до 1920 г. прошло сорок лет, и за это время Мария Васильевна не только перестала быть дитятей, но наверняка «увяла, как в ненастье цвет душистой розы», так что упоминать об этом было нетактично.

Есть в рукописи и некоторые другие материалы, которые вносят уточнения в биографию поэта и конкретизируют наши знания о его окружении и связях. Мы не можем описать их в настоящем сообщении во всей полноте, для нас сейчас важнее отметить направление этой работы.

Все эти лица не были замечены в истории, от них не осталось каких-либо документальных свидетельств. И, казалось бы, можно было бы просто обойтись указанием: девушка, которую любил Дрожжин, девушка, с которой он был знаком в ранние годы жизни в Петербурге, а потом встретил по возвращении туда. Вроде бы и достаточно. Однако вполне естественно, что появление у этих «девушек» личных имен делает рассказ о жизни и творчестве Дрожжина более конкретным и понятным, вместо туманных *некто* появляются конкретные Лиза и Мария.

2

Всего в данной рукописи описано 223 стихотворения. Согласно этой тетради, из стихов, которые были написаны в 1866–1869 гг., когда молодой автор только начинал и работал еще не вполне профессионально, в новое собрание он собирался включить 18 стихотворений: «Мои песни (Нет, мне не весело ничуть)», «Годы мчатся за годами», «Песня (Рано солнышко)», «Забота матери», «Жизнь, улыбнися хотя на мгновенье», «Спит село, объятое (Звездочка)», «Измена», «Песня (Светит весело)», «Сократ Басков», «С травою вместе подкошенный», «Тоска неутолимая», «Ожидание», «Песня (Ах, зачем весной)», «К Марии» (1 и 2 песни цикла, в новое издание предполагалось включить 3–11 песни), «Из Т. Шевченко (И день пройдет, и ночь пройдет)», «Песня (Расплетися, коса русая моя)», «Завещание. Вольный перевод из Т.Г. Шевченко», «Песня (Много с детских лет)».

[20] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 174.

1869 г. — 8 стихотворений: «Песня работника (на мотив Томаса Гуда)», «Летняя ночь в деревне», «О, горюшко-горе», «Так грустно мне, как погляжу», «Песня (Как увижу тебя)», «Старому другу (В чужом далеком городе)», «У чужих людей не знаю», «Песня (По дороге вьюга снежная)».

1870 г. — 14 стихотворений: «Песня (Ты душа ль моя)», «Песня (Что на поле весной)», «Я вас люблю, младые девы», «Летом рано солнце красное», «Молитва (К тебе с горячею любовью)», «Песня (В поле непогода)», «Дума пахаря», «Как сижу с тобой», «Много мыслей благородных», «Песня (Сердцу больно)», «Утро в лесу», «Кузнец и его сын», «Дорога жизни (Пусть трудна моя дорога)», «Песня (Быстро прокатилося)».

1871 г. — 11 стихотворений: «На память прошлых грустных лет», «Жница», «Песня (Не сосенка во сыром бору)», «Родина», «Лето красное миловалося», «Песня про горе добра молодца», «Урожай», «В простой телеге деревенской», «Песня (Ах, ты жизнь моя)», «Недопетая песня», «Пропадай ты, жизнь бездольная».

1872 г. — 11 стихотворений: «Песня про солдата», «Меня гнетут и давят цепи», «Жалобы мастерового», «Песня (Со кручинушки добрый молодец зашатался)», «Песня (Что, девица, с тоской)», «Иду я полем, трава зеленеет», «Сон малютки», «Песня (Полюбил тебя)», «Серенада (посв. В.К. Владыкиной)», «Песня (Не с мороза травушка)», «К соловью».

1873 г. — 8 стихотворений: «Во сне ты мне, милая, снилась», «Прощание», «Дайте мне и меч, и лиру», «Песня (Как листок оторван)», «Рабочая песня», «Разбитые гусли», «Романс (Е.Н. Кулаковой)», «Песня (Пришло времечко)».

1874 г. — 7 стихотворений: «Вот песни-думы огневые», «Песня (Ах, прошла весна)», «Воспоминание (Е.Н. Кулаковой)», «Песня (Был я молод)», «Песня (Ах, что, травушка)», «Малороссийская мелодия», «Песня (Ночка темная, ночка звездная)».

1875 г. — 38 стихотворений: «Горе девушки», «Песня (Ах, уж я ль, млада-младенька)», «Песня (Скучно-грустно жить на свете молодцу)», «Песня (На дворе темно и вьюга)», «Песня (Как поток бежит)», «Прощайте, родные поля и леса», «Песня (Много звезд сияет в небе)», «Песни с чужой стороны. I, II и III», «Песня швей», «На всей на вольной волюшке», «Жизнь прожи́та», «Моя муза», «Из песен работников», «Песни из далекого края. I и II», «Сон труженика», «Нет больше песен у меня», «Из-за леса над селом», «Склонися, девица», «В страду», «Н.А. Некрасову», «Песни рабочих. I и II», «Песня (Хорошо весной)», «Как сошлися мы с тобою», «Голубка

и стрелок», «Песня (Ах ты, милый мой)», «Е.Н. Кулаковой. Едва вечерняя звезда», «Он был поэт, его значенья», «Песня (Полетать бы пташечке)», «В школе», «Песня (Что не ветер-ветерок)», «На тройке», «Татарская песня», «Как песню запою я», «Прости, когда моя кручина», «Сельская идиллия (подражание А.В. Кольцову)», «Песня» (Ах, о чем ты, ласточка), «Песня (За рекой село есть знакомое)», «Без довольства я доволен», «Вдова (Рассказ)».

1876 г. — 7 стихотворений: «Песня (Хороша ты, душа, красна-девица)», «Две поры (Н.В. Верещагину)», «Над цветами и травою», «Душа болит, душа тоскует», «Швея», «Сбросил бы с плеч я кручину», «Тоска по родине».

1877 г. — 20 стихотворений: «Как жалок цветок полевой», «Н.А. Некрасову (по прочтении его «Последних песен»)», «Песня (Что так жалобно ты, кукушечка)», «В крестьянской семье», «Песня (Много пташек залетных весною)», «Монолог», «Марии. I и II», «Песня (Ах, когда бы лето да не уходило)», «Птички поют голосисто (В деревне)», «И.З. Сурикову», «Песня (Ой, печаль-тоска)», «Смерть коня-пахаря», «Песня (Ах, пойду я)», «Вечная память», «Осенью», «Неудача», «На смерть Н.А. Некрасова. I. У гроба. II. Зачем эти клики военных побед. III. Одумал ты думу, одумал, родной. Причитание народа. IV. Нет, ты не умер, ты живешь. V. Похороны), «Песня (Если бы молодцу)», «Песня (Соберитеся вы, подруженьки)», «После разлуки (Марии Балкашиной)».

1878 г. — 20 стихотворений: «Ровнюшка», «Шумит ли лес, гремит ли гром», «Грусть молодой крестьянки», «Не сумею горя высказать словами», «Пряха», «Песня (Ты запой мне весной)», «Горе лютое», «На пути (А.Н. Пешковой)», «Детские годы», «Песня (Пролетело лето красное)», «Поэту», «Вот знакомый старый дом», «Звезда», «Весной», «Птицы», «Всё кругом покрыто мглою», «Домовой (С.А. Бердяеву)», «И.З. Сурикову», «Проходят лучшие годы», «На новый 1879 год».

1879 г. — 10 стихотворений: «Сын полка (Рассказ солдата)», «Мы весною друг друга узнали», «Честным порывам дай волю свободную», «Грозные тучи нависли», «Катится Волга, родная река», «Праздничной зимней порой», «Я пел всегда, когда поется», «Узник», «Весна-красна опять пришла», «Прошла пора любви и наслажденья».

1880 г. — 18 стихотворений: «Застольная песня (П.А. Соловьеву-Несмелову)», «Дуняша», «К песне», «Пчелы (Легенда)», «Привычно солнышко с небес», «Прозрачное облачко тает», «Памяти Н.А. Некрасова», «24 апреля 1880 года (Памяти И.З. Сурикова).

I—II», «Привал на Волге (И.Е. Репину)», «Песня», «Спит трава, росой покрытая», «По вершине лесной», «Отдых крестьянина (Памяти дедушки Степана Степановича)», «Песня (По каменьям течет реченька)», «В зимний день», «Утром», «Тяжелый крест мне дан судьбой (С.А. Барашкову)».

1881 г. — 18 стихотворений: «Когда в избушке при огне», «Молитва матери», «Отрывок. Вот и лето миновало», «Народному певцу», «Федя», «Памяти А.С. Пушкина», «Вечер», «Кругом прозрачной пеленою», «На пашне», «На Волге», «Песня (Не буди ты в груди)», «Деревенская идиллия (Памяти сына)», «Пой мне, друг, пока поется (М.В. Флериной)», «Летом», «Над колыбелью», «Песня (Что грозой)», «Когда красавица стояла», «Песня (Не шуми ты, злая буря, за окном)».

1882 г. — 14 стихотворений: «В воздухе птичка поет», «Ой, как тесен мир без песен», «Колыбельная песня (Моему сыну)», «Бурное море», «На работу», «Сказка-быль», «Птичка-синичка», «Другу», «В дороге», «В избе», «Петербургское утро», «Приход весны», «Куда идти, какой дорогой», «Сон».

Это, конечно, далеко не все стихотворения, которые были созданы Дрожжиным в данный период. Старый поэт хорошо чувствовал политическую конъюнктуру и не включил в новое собрание ни стихотворение «Скобелев (Едва ли выразит певец)» (1882), написанное на смерть М.Д. Скобелева, ни поэму «Отрок» (1882) — об основании Юрьева Отроча монастыря. В некоторых случаях Дрожжин руководствовался и собственно эстетическими (или даже вкусовыми) критериями, объяснить которые мы не имеем возможности. В следующей части нашей публикации мы обратимся только к новым текстологическим материалам, которые содержит описываемая рукопись, поскольку они указывают возможные пути дальнейшего изучения такого рода литературы. Вообще Дрожжин приводит варианты текста к целому ряду стихотворений: «Годы мчатся за годами», «Забота матери», «Летняя ночь в деревне» «Дума пахаря», «Как сижу с тобой», «Песня. Сердцу больно», «Дорога жизни (Пусть трудна моя дорога)», «Недопетая песня», «Пропадай ты, жизнь бездольная», «Во сне ты мне, милая, снилась», «Песня. Ночка темная, ночка звездная», «В школе», «Поэту», «Всё кругом покрыто мглою», «Честным порывам дай волю свободную». Однако мы опишем не все эти стихотворения, а только наиболее показательные из них, в которых Дрожжин пытался сформулировать свою общественно-политическую позицию и которые — вследствие этого — зафиксировали либо неумение определенно и точно выразить свою позицию (идеологиче-

скую и литературную слабость поэта), либо сознательное изменение ее под влиянием внешних обстоятельств (конъюнктуру).

3

Уже первое стихотворение в нашей рукописи «Мои песни» сопровождается характерным комментарием Дрожжина: «Написано в Петербурге между 1866–1869 гг. В первый раз напечатано: “Русская старина” 1884 в “Автобиографии”. Затем вошло во все последующие издания Стихотворений и ставилось мной всегда первым в начале их. В бумагах сохранилось несколько вариантов». Далее Дрожжин приводит вариант, опубликованный в «Русской старине»:

Нет, мне не весело ничуть,
Когда в измученную грудь
Нисходит на мгновенье
Святое вдохновенье,
Сжигает мой пытливый ум
Огнем заветных горьких дум
Иль песнею свободной
С молитвою народной.
Они звучат в устах моих,
И каждый звук, и каждый стих,
Души моей созданье,
Приносит мне страданье.
Таков удел поэту дан:
Бушует жизни океан,
А он, отваги полный,
В ее стремится волны[21].

Вслед за этим текстом Дрожжин приводит варианты стихов, которые сохранились в рукописи и отражают раннюю редакцию произведения (эти вариативные стихи мы для наглядности выделяем курсивом):

Как мне хотелось бы уснуть,
Когда в измученную грудь
В часы отдохновенья
Святое вдохновенье

[21] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг. Октябрь. С. 94–95.

Тревожит мой незрелый ум
Унылой музыкою дум
И песней невеселой
О долюшке тяжелой.
И я от них готов бежать
Куда-нибудь, чтоб не слыхать
Унылых песен звуки
И спрятаться от муки (л. 2).

Для понимания дальнейшего развития этого художественного замысла напомним окончательную редакцию стихотворения, опубликованную в 1894 г. и подтвержденную в 1907 г.:

Нет, мне не весело ничуть,
Когда в измученную грудь
На краткое мгновенье
Нисходит вдохновенье,
Тревожит мысль мою и ум
Огнем заветных, чистых дум
Иль песнею свободной
Как гул толпы народной.
И песнь звучит в устах моих;
В ней каждый звук и каждый стих —
Души моей созданье,
Приносит мне страданье.
Таков бестрепетный поэт:
Пред ним бушует море бед,
А он, отваги полный,
В его стремится волны[22].

Мы видим напряженные попытки Дрожжина овладеть художественной темой. На самом раннем этапе герой стихотворения мучается тяжелыми думами о «долюшке тяжелой» и хочет бежать от этих дум, чтобы «спрятаться от муки». Редакция «Русской старины» изображает другого поэта: хотя «святое вдохновенье» приносит ему страдание, но во имя правды поэт продолжает творить. И эта идея сохраняется в редакции 1894 г., разница в ином. В «Русской старине» душа поэта мучилась «песнею свободной / С молитвою народной». В редакции же 1894 г. вместо «молитвы народной» появляется более политизированный «гул толпы народной».

[22] Ср. варианты: Ст. 10: И каждый звук и каждый стих. Ст. 13: Таков всегда иной поэт (*Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888. 2-е изд. 1894. С. 85).

Стихотворение «Песня работника (на мотив Томаса Гуда)» в первых публикациях выглядело так:

К чему эти слезы с тоской безотрадной
И думы во мраке ночей,
Мне нужно работать весь день безустанно
Для родины милой моей.
Пока я способен на каждое дело
И честно могу потрудиться, —
Давайте работы! ведь грубое тело
Для жизни другой не годится.
Давайте работы! Здоров я и молод,
В борьбе, как булат, закален.
Давайте мне сóху, лопату иль молот,
Я с детства к труду приучен...[23]

Далее Дрожжин пишет: «В одной из рукописей этого стихотворения после первого куплета есть следующие», — имея в виду, что 5–12 стихи имели другой текст, и сообщает бытовые условия его создания: «Написано под впечатлением долгого скитальчества, голодания и безработицы». Вот эта ранняя редакция:

К чему эти слезы с тоской безотрадной
И думы во мраке ночей?
Мне нужно работать весь день безустанно
Для родины милой моей.
Давайте работать! Не мрачные лица
Пускай я увижу тогда,
А бодрых отцов и детей вереницы
Грядущих героев труда.
Когда же над Русью вражда разгорится,
Готов я за родину-мать
С врагами народа великого биться
И жизнь всю до капли отдать (л. 7).

Тут же Дрожжин добавляет, что стихотворение не вошло в издания Стихотворений 1866–1888 гг. 1889 и 1894 гг. и впервые появилось в другой редакции в ряде изданий. Вот этот окончательный текст:

[23] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг. Октябрь. С. 101.

Пускай я не знаю минуты отрадной,
Пусть тучи висят надо мной —
Я буду работать и жить постоянно
Для блага отчизны родной.
Давайте работы! Я молод душою,
И силы немало во мне,
Давайте хоть сóху, хоть грабли с косою,
Топор или цеп на гумне!
Давайте работы! Мне каждое дело
Легко и привычно, пока
Смотрю я на светлую будущность смело
Рабочей семьи бедняка[24].

Мы видим, как Дрожжин с большим трудом пытается решить сложнейшую для себя (и вообще для общественного сознания) тему — желание человека трудиться во имя родной страны, невзирая на свое униженное и угнетенное положение и в надежде на некую «светлую будущность». В ранней редакции эта тема осложняется готовностью воевать (в случае необходимости) за родину, основная тема сформулирована в призыве «Давайте работать!». Но потом это осложнение уходит, и остается только просьба «Давайте работы!». Если нам дадут работать — мы всё совершим, всё преодолеем, только дайте нам возможность работать. Эта просьба появляется «под впечатлением долгого скитальчества, голодания и безработицы». Рабочему человеку нет работы — вот главная проблема. Но в сознании Дрожжина она так и не выдвигается на первый план, и всё сводится к просьбе «Давайте работы!». Дрожжин, как, впрочем, и другие народные поэты, не поднимается до осмысления истинных причин своих истинных бед. «Светлой будущности <…> рабочей семьи бедняка» не видно, но поэт тешит себя этой несбыточной надеждой.

Весьма показательны и изменения, которым подверглось стихотворение «Застольная песня», посвященная П.А. Соловьеву-Несмелову. Первоначально текст выглядел следующим образом:

Наша жизнь коротка, —
Веселися, пока
Еще сердце горячее бьется,
Пока мозг не иссох

[24] Поэзия труда и горя: Новое собрание стихотворений С.Д. Дрожжина с портретом автора и указателем статей о его произведениях, составленных И. Горбуновым-Посадовым. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1901. С. 100.

И последний твой вздох
Вместе с жизнью твоей не порвется.
А для Руси святой
Ты за правду постой
И во имя ученья Христова
Силой братской любви
Для нее оживи
Как огонь вдохновенное слово[25].

Но к новому изданию, которое Дрожжин готовил в 1920 г., финал требовал изменения:

Наша жизнь коротка, —
Веселися, пока
Еще сердце горячее бьется,
Пока мозг не иссох
И последний твой вздох
Вместе с жизнью твоей не порвется.
За народ свой родной
И за правду постой,
Будь на всякие жертвы готовый.
В песне силой любви
Из души оживи
Как огонь вдохновенное слово (л. 32).

Разумеется, вся эта фразеология: «Русь святая», «ученье Христово», «братская любовь» — в эпоху антицаристских и антицерковных настроений, в эпоху классовой ненависти была более чем неуместна. В это время ценилась жертвенность во имя народа («Вы жертвою пали в борьбе роковой») — и Дрожжин переориентирует стихотворение на эти пролетарские ценности. Значит ли это, что нам придется говорить о конформизме Дрожжина?

Как можно заметить, для революционно настроенного сознания выражения «Русь святая», «ученье Христово», «братская любовь» антонимичны выражению «за народ свой родной / И за правду постой, / Будь на всякие жертвы готовый». Но вообще-то (и, как мы понимаем, Дрожжин руководствовался именно этой позицией) слова «за народ свой родной / И за правду постой, / Будь на всякие жертвы готовый» не противопоставлены словам «Русь святая», «ученье Христово», «братская любовь», не антонимичны им, а являются их

[25] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 155.

синонимами. Так что Дрожжин не лицемерил и не изменял своим взглядам, он просто смягчал некоторые выражения. Он, что называется, не дразнил быка и пытался найти с ним общий язык.

Дрожжин, конечно, на самом деле был склонен ко всяким компромиссам, но было бы большой ошибкой воспринимать это как особенность его личного сознания и общественного поведения. Склонность к компромиссам — это свойство личного сознания и общественного поведения народной массы вообще, и мы непременно должны учитывать это, чтобы адекватно осмыслить отличия «народной» литературы от «интеллигентской». Для «интеллигентских» авторов такую позицию мы назвали конформизмом, для народных авторов термин *конформизм* определенно не подходит. Здесь требуется более тонкий идеологический инструментарий, чем тот, который мы применяем к более привычной нам «интеллектуальной» поэзии.

Литература

Дрожжин С.Д. Гусляр: Неопубликованные произведения / Предисл., подгот. текста и примеч. Е.В. Павловой, М.В. Строганова. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2018. 412 с.

Дрожжин С.Д. Собрание сочинений: В 3 т. / Подгот. текстов Е.В. Павловой, Е.В. Петренко, М.В. Строганова; Примеч. Е.В. Петренко, М.В. Строганова; Предисл. Е.В. Павловой, М.В. Строганова. Тверь: СФК-офис, 2015. 360, 328, 432 с.

Строганов М.В. Рафинированное и простонародное. Рильке и Андреас-Саломе в гостях у Дрожжина // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 3/4. С. 71–85. URL: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/09/Stroganov.pdf (дата обращения: 21.11.2019).

References

Drozhzhin S.D. *Gusliar: Neopublikovannye proizvedeniia* [Gusli player: Unpublished works], intro., ed. and notes E.V. Pavlova, M.V. Stroganov. Moscow, Kosygin Russian State University Publ., 2018. 412 p. (In Russ.)

Drozhzhin S.D. *Sobranie sochinenii: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.], ed. E.V. Pavlova, E.V. Petrenko, M.V. Stroganov, notes E.V. Petrenko, M.V. Stroganov, intro. E.V. Pavlova, M.V. Stroganov. Tver, SFK-ofis Publ., 2015. 360, 328, 432 p. (In Russ.)

Stroganov M.V. Rafinirovannoe i prostonarodnoe. Ril'ke i Andreas-Salome v gostiakh u Drozhzhina [Refined and folksy: Rilke and Andreas-Salomé meeting Drozhzhin]. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Electronic resource], 2016, no. ¾, pp. 71–85. Available at: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/09/Stroganov.pdf (accessed: 21.11.2019). (In Russ.)

New materials on life and work of Spiridon Drozhzhin. Issues of studying a folk poet

© 2019, Mikhail Stroganov

Abstract: The article analyzes the 1920 project of publishing a new collection of poems by Spiridon Drozhzhin, Russian peasant poet of the late 19th — early 20th centuries, who still attracts little attention of researchers. As the analysis establishes, the manuscript from the Memorial Museum of Spiridon Drozhzhin in the urban-type settlement Novozavidovsky contains a list of poems with commentaries of a contextual, textual and bibliographic nature, which allow to supplement the existing information about Drozhzhin's life and work, including names of the recipients of his love lyrics. The source is introduced into scientific circulation for the first time, thereby clarifying some key points related to the studying of "folk poets" in Russian literature. A detailed list of texts included in the manuscript is given in the article. Clarification of dedications and datings restores important points in the poet's biography. Comparison of text variants for some of Drozhzhin's poems, created in different years, raises the issue of qualification of these changes. In contrast to conformism, as we usually qualify the reconciliatory positions of "intellectual" literature, it is proposed to call this phenomenon a tendency to compromise, which reflected the public behavior of the masses due to the low level of intellectual development and the inability to comprehend the true causes of the phenomena.

Keywords: Spiridon Drozhzhin, folk poet, textology, commentary, textual variants

Information about the author: Mikhail Stroganov, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Citation: Stroganov Mikhail. New materials on life and work of Spiridon Drozhzhin. Issues of studying a folk poet. *Literaturnyi fakt*, 2019, no 4 (14), pp. 314–332. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-314-332

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-333-346
УДК 821.161.1

Литературная саморефлексия С.Д. Дрожжина: По материалам коллекции Научной библиотеки Тверского государственного университета

© 2019, Е.Г. Милюгина

Аннотация: Аннотируемое исследование проведено в русле современной реконструкции творческой личности С.Д. Дрожжина, уже при жизни признанного народным поэтом. Проблема осмысления его личности как народного поэта требует систематизации всех имеющихся художественных и автобиографических материалов и формирования литературно-документальной базы, позволяющей выявить особенности его литературной и жизненной саморефлексии. Основу такой базы составило собрание сочинений поэта (2015), однако его необходимо пополнить автосвидетельствами маргинального характера. На сегодня такие автосвидетельства (авторские пометы, правки, комментарии) фактически не описаны. Материалом исследования являются авторские пометы, выявленные в прижизненных сборниках Дрожжина, хранящихся в Отделе редких книг Научной библиотеки Тверского государственного университета: «Стихотворения. 1866–1888» (1907), «Баян» (1909), «Песни крестьянина» (1929). Использованы биографический, историко-литературный, компаративный и кросскультурный подходы. Предмет исследования составили не только собственно пометы, но и выбор поэтом конкретных текстов для саморедактирования и формы его литературной саморефлексии. В результате исследования введены в научный оборот авторские пометы Дрожжина в указанных изданиях. Описано содержание этих помет: преодоление метафорической риторики, соотнесение художественной идеи стихов с социальной историей и народными воззрениями на жизнь. Выявлена эволюция форм литературной саморефлексии Дрожжина — движение от традиционного саморедактирования к созданию поэтического пространства автомифологизации, в котором реализовались его ипостаси летописца народной жизни, наблюдателя социальных перемен и проницательного провидца. Сделан вывод о том, что в литературной саморефлексии Дрожжина проявились существенные черты народных воззрений на жизнь: отвержение сценария самопожертвования и установка на пролонгированное духовно-нравственное служение обществу, неприятие насильственного преобразования действительности и защита эволюционных форм развития социальной жизни.

Ключевые слова: С.Д. Дрожжин, саморедактирование, литературная саморефлексия, автомифологизация, народный поэт, Отдел редких книг Научной библиотеки Тверского государственного университета, Л.А. Ильин.

Информация об авторе: Елена Георгиевна Милюгина, доктор филол. наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Россия. E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Цитирование: *Милюгина Е.Г.* Литературная саморефлексия С.Д. Дрожжина: По материалам коллекции Научной библиотеки Тверского государственного университета // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 333–346. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-333-346

Наше обращение к проблеме литературной саморефлексии С.Д. Дрожжина предпринято в русле исследования творческой личности поэта, начало современной реконструкции которой положено изданием собрания его сочинений[1]. При всех заслугах ученых, вписавших имя Дрожжина в широкий историко-литературный и социокультурный контекст[2], творческое наследие поэта до недавнего времени находилось на периферии исследовательского и читательского внимания. Причина тому — бытовавшая с советских времен трактовка личности Дрожжина в социально-генетическом («поэт, вышедший из среды трудовых слоев населения») и социально-перцептуальном («поэт, чье творчество было воспринято трудовыми слоями населения») ключе[3] — трактовка, на долгие годы определившая идеологизированный отбор публикуемых произведений и малоактуальный для современного читателя ракурс их рассмотрения. Принципиально иной подход к творческой личности Дрожжина инициирован составителями собрания сочинений. Он состоит в намерении системно и объективно представить читателю все имеющиеся художественные и автобиографические материалы и сформировать таким образом литературно-документальную базу для осмысления Дрожжина как народного поэта — «поэта-носителя народных воззрений на жизнь»[4].

На решение этой задачи сегодня ориентированы публикации выявленных архивных материалов и редких изданий Дрожжина, дополняющие его собрание[5]. Наряду с этим мейнстримным подходом мы считаем важным ввести в научный оборот неизвестные исследователям сведения маргинального характера, позволяющие уточнить представления о творческой личности автора и формах его литературной саморефлексии. Среди прочих документов к таким свидетельствам относятся личные экземпляры изданий поэта, сохранившие его собственноручные пометы.

---

[1] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений: в 3 т. / Подгот. текстов и примеч. Е.В. Павловой, Е.В. Петренко, М.В. Строганова. Тверь, 2015. 360, 328, 432 с.

[2] Памяти С.Д. Дрожжина*:* к двадцатилетию со дня смерти поэта: Статьи*,* воспоминания*,* публикации. Калинин*,* 1951. 95 с.; Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Ред.-сост. М.В. Строганов. Тверь, 2001. 239, [1] с. (Тверской литературный архив. Вып. 3); *Бойников А.М.* Поэзия Спиридона Дрожжина: Монография. Тверь, 2005. 228 с. и др.

[3] *Павлова Е.В., Строганов М.В*. Народный поэт // Дрожжин С.Д. Собрание сочинений. Т. 1. С. 8.

[4] Там же.

[5] *Дрожжин С.Д.* Гусляр: Неопубликованные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.В. Павловой, М.В. Строганова. М., 2018. 412 с. (Завидовские чтения. Вып. 3); *Ильин Л.А.* Историко-литературные ценности из крестьянской избы: Автографы на книгах, подаренных С.Д. Дрожжину. Тверь, 2008. 83, [2] с.: ил.

Материалом настоящего исследования являются прижизненные сборники Дрожжина, хранящиеся в Отделе редких книг (ОРК) Научной библиотеки Тверского государственного университета. Всего в коллекции ОРК их двенадцать. Пять из них: «Песни крестьянина: стихотворения» (1898), «Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина (1848–1905), описанная им самим, и избранные стихотворения» (1905), «Сказки, легенды и были» (1914), «Баян» (1920), «Песни труда и свободы» (1923) — в нашу рабочую выборку не входят как не имеющие владельческих и авторских помет, что не позволяет однозначно атрибутировать поэту обнаруженные в них подчеркивания и отчеркивания. В двух экземплярах «Юбилейного сборника» (1923) выявлены автографы Дрожжина: титульный лист № 325749 содержит дарственную надпись «Библиотеке Общества изучения Тверского края от С. Дрожжина. Тверь 19/XII. 1923 г.»; титульный лист № 325750 — запись «С. Дрожжин. 19 декабря 1923 г.» без указания адресата[6]; внутренних авторских помет в этих книгах нет. Четыре издания: «Год крестьянина: стихотворения С.Д. Дрожжина» (1899), то же (1906), «Баян» (1909), «Песни старого пахаря. 1906–1912» (1913) — имеют на титульном листе владельческую надпись «Из библиотеки С.Д. Дрожжина в д. Низовка. 17/XII.1923», свидетельствующую о былой принадлежности их поэту, однако в двух первых нет внутренних авторских помет[7]. Сборники «Стихотворения. 1866–1888: с записками автора о своей жизни и поэзии» (1907, № 623, 57942) и «Песни крестьянина» (1929), не имеющие владельческой надписи, включают авторскую правку и исследовательские заметки, сделанные рукой Л.А. Ильина — литературоведа, директора Дома-музея Дрожжина (1963–1973). Информативные комментарии сделаны Ильиным и на полях сборника «Песни крестьянина» (1929).

Таким образом, непосредственный интерес для нашей темы представляют три издания Дрожжина из коллекции ОРК, охватывающие более двадцати лет его творческой активности: «Стихотворения» (1907, № 57942), «Баян» (1909), «Песни крестьянина» (1929). Исследовательского внимания, как представляется, заслуживают не только

[6] *Дрожжин С.Д.* Юбилейный сборник: Избранные стихотворения. Тверь: Комитет по чествованию С.Д. Дрожжина, 1923. 108, [3] с. Экз. НБ ТвГУ № 325749, 325750.

[7] *Дрожжин С.Д.* 1) Год крестьянина: Стихотворения для детей и для юношества. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1899. 46, II с. Экз. НБ ТвГУ № 219924; 2) Год крестьянина: Стихотворения для детей и для юношества. М.: Посредник, 1906. 46, II с. Экз. НБ ТвГУ № 219925; 3) Баян: Стихотворения. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1909. 64 с. Экз. НБ ТвГУ № 631627; 4) Песни старого пахаря. 1906–1912 / С новыми портр. авт. и ст. о его соч. А.А. Коринфского. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1913. 148 с. Экз. НБ ТвГУ № 147502.

сделанные в них пометы, но и сам факт выбора поэтом конкретных текстов для саморедактирования и формы его литературной саморефлексии. Под фактом выбора мы в логике минус-приема имеем в виду и решение «невыбора», когда в ситуации саморедактирования поэт оставляет незыблемыми те или иные свои ранние идеи и образы или возвращается к ним после правки.

Проанализируем этот материал более подробно.

Хронологически первые авторские пометы в дрожжинской коллекции ОРК выявлены нами в сборнике «Стихотворения. 1866–1888» (1907). Считая биографический контекст значимым для сборника, Дрожжин уделяет особое внимание временно́му соответствию своего изображения публикуемым поэтическим произведениям, отмечая под портретом: «С фотографии снятой в Петрограде 1888 года»[8].

Во втором разделе сборника, содержащем стихотворения и поэмы, Дрожжин редактирует вручную поэму «Отрок». В главе XVIII стихи 39–42 исправлены так:

Здесь для отшельников младых
Я монастырь велю поставить,
Чтоб ты достойно мог им править
~~И в нем окончить свои дни~~
И проводить в молитвах дни.

В печатном тексте главы XIX стихи 11–14 звучали следующим образом:

И князь, исполнив обещанье,
На этом месте монастырь
Построил, Отроча названье
За ним осталось и теперь.

Новая редакция стихов такова:

И князь исполнил обещанье:
Построил монастырь тогда,
И *Отроч* с той поры названье
За ним осталось навсегда[9].

[8] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888: С записками автора о своей жизни и поэзии. 3-е, значит. испр. и доп. изд. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева, 1907. 533 с. Экз. НБ ТвГУ № 57942. Портрет.

[9] Там же. С. 384.

Если вторая правка «Отрока» касается собственно версификации и свидетельствует о творческом самоконтроле поэта, то первая имеет концептуальный смысл. Дар князя отроку в первой редакции напоминал хоть и достойную, но все-таки темницу, «пространство дожития» в ожидании смерти. Во второй редакции — это мир пролонгированного духовного служения, не имеющий временны́х границ и ассоциирующийся с детскими и отроческими переживаниями самого поэта, представленными в первом, автобиографическом разделе. Насколько данные правки были для поэта принципиальными, можно предположить по выбору им красных чернил (единственный случай из выявленных), однако в прижизненном переиздании поэмы они не учтены[10]. Обе правки опубликованы[11], но в собрании сочинений первая не учтена[12].

Еще одна правка (на сей раз черными чернилами) сделана поэтом в стихотворении «Песня»:

Не беда,
Что ~~беда~~ нужда
Век за мной ходила,
Что прошла,
Отцвела
Молодость и сила![13]

Возможно, поэт исправляет здесь ошибку наборщика. В собрании сочинений поэта эта правка не учтена[14].

Процесс саморедактирования Дрожжин продолжает в сборнике «Баян»[15]. Книга «Баян» сохранилась не полностью: 1-я тетрадь переплетена, 2-я и 3-я утрачены, 4-я вложена в книжный блок. Судя по состоянию книги, этот экземпляр либо не был сшит изначально, либо сразу же был разобран — в любом случае это рабочий экземпляр Дрожжина, предназначенный для перепроверки текстов. В 1-й тетради помет нет; 4-я тетрадь содержит две авторских правки, позволяющих воссоздать ситуацию творческой саморефлексии автора. Пометы сделаны черными и фиолетовыми чернилами.

[10] *Дрожжин С.Д.* Сказки, легенды и были / Рис. В. Комарова. М.: Типо-лит. И.Д. Сытина, 1914. С. 24–25.
[11] Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков. С. 25, примеч. ред.
[12] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 268–269, примеч. с. 283.
[13] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1907. № 57942. С. 449.
[14] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 243.
[15] *Дрожжин С.Д.* Баян: Стихотворения. Экз. ОРК НБ ТвГУ.

Первая правка относится к стихотворению «Честным порывам дай волю свободную…» (1879). В версии, напечатанной в альбоме М.И. Семевского «Знакомые», текст начинался стихом «Вольным порывам дай силу свободную…» (1884); в сборнике «Стихотворения» и его переиздании (1889; 2-е изд. 1894) — стихом «Честным порывам дай силу свободную…»[16]. В третьем издании «Стихотворений» поэт заменяет в первом стихе *силу* на *волю*[17], однако годом позже в антологии В. Бонч-Бруевича «Избранные произведения русской поэзии» возвращается к предыдущей версии[18]. Спустя еще год при подготовке «Баяна» он актуализирует вариант 1907 г., а по выходе книги редактирует и финал:

Теплой любви, векового призвания
В сердце своем не гаси,
Чудною силою, светочем знания
~~Русь воскреси!~~
Будь на Руси![19]

Поскольку обе правки — предпечатная и постпечатная — являются этапами единого процесса саморедактирования, анализировать их следует во взаимосвязи.

Начнем с первого стиха. Чем был вызван отказ Дрожжина от концепта *сила* в пользу концепта *воля* в редакции 1909 г.? Сам факт замены означает, что поэт ставит эти слова в отношения со- или противопоставления (контекстуальной антонимии) и по сути утверждает: «не сила, а воля». В поисках объяснения этой авторской интенции обратимся к языковым, литературным и историческим прецедентам.

Толкования, принятые носителями языка времени создания стихотворения, находим в Словаре В.И. Даля: *сила* — «источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья, стремленья, понужденья, всякой вещественной перемены в пространстве»; *воля* — «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения» и т.д.[20] Нетрудно заметить, что на уровне народного языкового

[16] Знакомые. Альбом М.И. Семевского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. С. 213; *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888: С записками автора о своей жизни и поэзии. 2-е изд. СПб.: Изд. М.В. Клюкина, 1894. С. 165.

[17] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1907. С. 271.

[18] Избранные произведения русской поэзии / Сост. В. Бонч-Бруевич. Изд. 3-е, вновь пересмотр. и значит. доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 113.

[19] *Дрожжин С.Д.* Баян: Стихотворения. С. 54.

[20] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980. Т. 1. С. 238; Т. 4. С. 184.

сознания лексемы *сила* и *воля* со(противо)поставлены по коннотации «наличие / отсутствие насилия, принуждения».

Литературными прецедентами для Дрожжина были строки любимых поэтов: Пушкина, Некрасова, Сурикова. Своей императивностью анализируемый текст явно восходит к пушкинскому «Пророку». Близкий Дрожжину и ранее, «Пророк» в издании Бонч-Бруевича стоял в сильной позиции — открывал антологию. Оказавшись под одной обложкой с Пушкиным, Дрожжин не мог не перечитать его поэтическую декларацию воли и стоицизма: «Восстань, поэт, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей…»[21]

Историческим контекстом анализируемой правки были недавние трагические события первой русской революции, потрясшие общество беспощадным насилием; этот опыт пережил и Дрожжин (ср.: «Я не вижу света белого…»[22]).

Какой фактор из перечисленных стал решающим, сказать трудно, но Дрожжин заменяет концепт *сила* концептом *воля,* снимая тем самым коннотацию насилия и усиливая мотив свободного выбора. Продолжая править печатный текст от руки, поэт вычеркивает в финальном стихе глагол *воскреси,* восходящий к мистико-поэтической метафоре чудесного воскрешения Руси усилием героя-одиночки, характерной для Некрасова и поэтов некрасовской школы, в мировоззренческий комплекс которых входили народно-религиозные представления о подвижничестве и самоотвержении[23]. Отказываясь от «религиозного народничества» Некрасова (термин Д.С. Мережковского[24]), Дрожжин в дальнейшем творчестве использует мотив воскресения / воскрешения только в стихах собственно религиозной тематики. Отвергнув сценарий самопожертвования ради спасения и обновления Родины (хотя его отголоски и звучат в четвертом стихе), поэт заменяет императив *воскреси* императивом *будь*. Первый (глагол совершенного вида) предполагал достаточность разовой искупительной жертвы героя-подвижника, тогда как второй — *будь на Руси* — требует от героя духовно-пролонгированного подвига просветительского служения народу. Литературная саморефлексия Дрожжина выразилась здесь в перепроверке образного строя стихотворения, освобождении от метафорической риторики «религиозного народничества» и существенном уточнении художественной идеи в духовно-нравственном контексте русской лирики.

---

[21] Избранные произведения русской поэзии. С. 1.
[22] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 33.
[23] *Скатов Н.Н.* Поэты некрасовской школы. Л., 1968. (Б-ка словесника). С. 74.
[24] *Мережковский Д.С.* В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 443.

Вторая рукописная помета в сборнике «Баян» касается стихотворения «На пути» (1878). В ранней версии, опубликованной в сборнике «Стихотворения» и сохраненной в двух его переизданиях (1889; 2-е изд. 1894; 3-е изд. 1907), предпоследний стих звучал так: «Пока отрадный луч нам счастья не блеснет»[25]. В печатном тексте «Баяна» концепт *луч счастья* сохранен, однако без эпитета *отрадный*: «Пока своим лучом нам счастье не блеснет»; в рукописной же правке он заменен концептом *свобода*:

Пусть тьма кругом, как ночь осенняя, висит
И терн колючий нас мучительно язвит, —
Пока своим лучом ~~нам счастье~~ свобода не блеснет,
Мы будем всё идти хоть ощупью вперед[26].

Примечательно, что в этом акте редактирования остаются нетронутыми образы *надежды сладкой* и *зари счастливых дней* — наивные и явно вторичные (ср., к примеру: «Заря моих счастливых дней» — К.Н. Батюшков. Мщение. Из Парни, 1814/1815; «На заре счастливых дней» — Вл. Раевский. Свидание, 1810-е; «Позволь надеждой сладкой льститься» — В.В. Капнист. Силуэт, 1806; «Счастлив уж я надеждой сладкой» — А.С. Пушкин. Руслан и Людмила, 1821 и т.п.). Очевидно полагая их общепринятыми поэтизмами, Дрожжин работает исключительно над финалом. Литературная саморефлексия поэта выразилась здесь в парадигме последовательных замен концептов *отрадность / счастье / свобода,* замен, демонстрирующих переход от защиты частных, интимных ценностей к утверждению ценностей общенародных, общечеловеческих. Описанная нами рукописная правка не учтена поэтом при перепечатке стихотворения в «Юбилейном сборнике»[27]; не учтена она и в собрании его сочинений[28], хотя ранее Ильин, работавший с коллекцией ОРК при подготовке избранных стихотворений поэта, принял ее во внимание[29].

Для понимания особенностей литературной саморефлексии Дрожжина исключительно важной представляется книга «Песни крестьянина» (1929). Рукописной авторской правки в ней нет, однако нами выявлены два исследовательских комментария Ильина к раз-

[25] *Дрожжин С.Д.* 1) Стихотворения. 1894. С. 153; 2) Стихотворения. 1907. С. 253.
[26] *Дрожжин С.Д.* Баян: Стихотворения. С. 55.
[27] *Дрожжин С.Д.* Юбилейный сборник. С. 86.
[28] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 130, примеч. с. 337.
[29] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения / Подгот. текста Л.А. Ильина // Трефолев Л.Н., Суриков И.З., Дрожжин С.Д. Стихотворения. М.–Л., 1963. (Б-ка поэта. Малая серия) С. 409.

делу «Новые песни», представленному стихотворением «Миновала жизнь бездольная»[30]. Один из комментариев итожит первую часть текста:

Миновала жизнь бездольная,
Замерла тоска в груди.
Ярко светит солнце знойное,
Путь широкий впереди.
***
Уж не прежняя, убитая,
Предо мной лежит тропа,
По которой шла несытая,
Горемычная толпа.
***
Не былая злая порушка
С бесталанной головой…
Здравствуй, радость, счастье-долюшка
Вольной жизни трудовой…

После третьей строфы Ильин отмечает на полях: «Первые 3 четверостишия (одно стихотворение) написаны в 1871 году (и выходит после Октября!)»[31]. Вторая ремарка исследователя помещена после двух следующих строф:

***
Никакие-то заботушки
Мне бывают нипочем, —
Грудь не ломит от работушки,
В сердце сила бьет ключом.
***
Жизнь, что речка, разливается,
Если мой рабочий брат
Ни пред кем не унижается,
Всем доволен и богат.

Она гласит: «А эти 2 четверостишия (одно стихотворение) написаны в 1905 году»[32].

[30] *Дрожжин С.Д.* Песни крестьянина / Обл. и ил. В. Баюскин. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 98–99. Экз. ОРК НБ ТвГУ.
[31] Там же. С. 99.
[32] Там же.

Благодаря уточненным Ильиным датировкам мы можем выявить совершенно оригинальную для Дрожжина поэтическую конструкцию — создание в 1929 г. нового произведения из двух опубликованных ранее. Попробуем реконструировать этот процесс.

Раздел «Новые песни», заключительный в «Песнях крестьянина», коррелирует со стоящим в начале книги разделом «Песни прошлого». Такую композицию сборника в контексте идей эпохи следует признать общим местом, ср. антитезу *старые песни / новые песни* в стихах С. Есенина («Я последний поэт деревни…», 1920), М. Светлова («Гренада», 1926), В. Маяковского (вступление в поэму «Во весь голос», 1930) и др. Очевидно, восьмидесятилетний Дрожжин (или его редактор?), желая идти в ногу с советской по духу поэзией, решил представить читателю новые образы и мотивы — песни «перекованного революцией» мира: именно эту идею иллюстрирует заставка В. Баюскина с изображением «новых крестьян» под советским флагом. Однако Ильин не точен: в качестве «новых песен» поэт не просто перепечатывает дореволюционные стихи, но публикует их в новой редакции. Сравним варианты первого текста: «Пропадай ты, жизнь бездольная, / Замирай в груди, тоска…» (1871) — «Миновала жизнь бездольная, / Замерла тоска в груди…» (1929), «В поле травушка душистая / Расстилается волной…» (1871) — «Уж не прежняя, убитая / Предо мной лежит тропа…» (1929) и т.д.; при этом финальные строки разных по времени текстов фактически совпадают, хотя и здесь былая мечта о жизни беззаботной уступает место гимну «жизни трудовой»: «Здравствуй, радость, счастье, волюшка, / Жизнь без горя и забот!» (1871) — «Здравствуй, радость, счастье-долюшка / Вольной жизни трудовой…» (1929)[33]. Второй текст перепечатан из «Заветных песен»[34].

На основе заметки Ильина стихотворения «Пропадай ты, жизнь бездольная…» и «Миновала жизнь бездольная…», представленные в собрании сочинений как разные тексты[35], следует считать вариантами одного произведения; однако итоговая редакция относится не к 1905[36], а к 1929 г.

Выстраивая из старых текстов новую поэтическую конструкцию, Дрожжин опирается на единство эмоционального строя описанных им ранее «картин-состояний», относящихся к разным вехам исто-

[33] *Дрожжин С.Д.* 1) Собрание сочинений. Т. 1. С. 46–47; 2) Песни крестьянина. С. 98–99.

[34] *Дрожжин С. Д.* Заветные песни. Стихотворения 1904–1906 гг. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерёв и К., 1907. 80 с.

[35] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 46–47; Т. 2. С. 29–30.

[36] Там же. Т. 2. С. 276.

рии России, и созвучности их «новым песням» советской страны. В тексте 1871 г. выражены чаяния крестьян о радости, счастье, свободе после отмены крепостного права; в тексте 1905 г. — мечты о богатстве и независимости «рабочего брата» в годы первой русской революции. Ключевые для народных масс, эти ценности актуализированы поэтом и иллюстратором в публикации 1929 г., и Дрожжин, чувствуя себя летописцем народной жизни на протяжении полувека, осмысляет их ретрансляцию в новом идеологическом контексте. В его новом стихотворении звучит гордость народного провидца, предсказания которого сбылись.

Однако о каких сбывшихся предсказаниях может идти речь, когда песни Дрожжина бессобытийны? Более полувека автор держит героя первой песни на пороге счастливого будущего: «Здравствуй, радость, счастье-долюшка / Вольной жизни трудовой…»[37], но и в 1929 г. оставляет его в состоянии ожидания, не дописывая к тексту какого-либо «финала свершения». Четверть века бездействует полный энергии («в сердце сила бьет ключом») герой второй песни. Наблюдая бурные социальные перемены: «Жизнь, что речка, разливается»[38], герои поэта занимают в этом ширящемся потоке выжидающую позицию, поступая по русской пословице: «Куда река пошла, туда и русло будет»[39]. Таким образом, Дрожжину и его героям близка позиция мудрого наблюдателя событий, но к деятельному участию в них они не спешат. Естественное («речное») течение жизни для них гарант стабильности, а значит и счастья. Шестью годами позже «речной» образ жизни повторится в «Песне о Родине» И.О. Дунаевского и В.И. Лебедева-Кумача: «Всюду жизнь и вольно и широко, / Точно Волга полная, течет»[40] — и песня на долгие годы станет поэтической декларацией устойчивого благоденствия страны и нации.

В целом литературная саморефлексия Дрожжина в «Песнях крестьянина» проявилась в попытке упорядочить поэтический материал с исторической точки зрения и переосмыслить его с позиций современности, причем в этом процессе он остался верен своим изначальным духовно-нравственным установкам и народным воззрениям на жизнь.

Подведем итоги нашего исследования. Как показывает проведенный анализ, содержанием авторских помет Дрожжина является преодоление метафорической риторики «религиозного народниче-

[37] *Дрожжин С.Д.* Песни крестьянина. С. 98.
[38] Там же. С. 99.
[39] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 2000. С. 528.
[40] *Лебедев-Кумач В.И.* Песня о Родине. 1935 // Русская поэзия. [Электронный ресурс]. URL: https://rupoem.ru/lebedevkumach (дата обращения 30.07.2019)

ства», уточнение идейного строя стихов, соотнесение их глубинного смысла с социальной историей, народными воззрениями на жизнь и собственным житейским опытом. Эволюцию форм литературной саморефлексии Дрожжина мы видим в том, что, начав работу с авторским печатным текстом с традиционного саморедактирования с оглядкой на признанные прецеденты, он к концу творческого пути создал поэтическое пространство автомифологизации, в котором органично реализовались его ипостаси поэта-летописца народной жизни, мудрого наблюдателя социальных перемен и проницательного провидца.

Как представляется, проведенное исследование приближает нас к осмыслению Дрожжина как народного поэта. В его литературной саморефлексии проявились существенные черты народных воззрений на жизнь: отвержение сценария самопожертвования и установка на пролонгированное духовно-нравственное служение родному по жизненной практике сообществу — общине, миру (правка в «Отроке» и «Баяне»), неприятие актов насильственного преобразования действительности и защита эволюционных, соприродных человеку форм развития социальной жизни (образ жизни-реки в «Новых песнях», устойчивость которого в сознании поэта не поколебали социальные катаклизмы трех русских революций и гражданской войны).

Литература

Бойников А.М. Поэзия Спиридона Дрожжина: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. 228 с.

Дрожжин С.Д. Гусляр: Неопубликованные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.В. Павловой, М.В. Строганова. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2018. 412 с.

Ильин Л.А. Историко-литературные ценности из крестьянской избы: Автографы на книгах, подаренных С.Д. Дрожжину. Тверь: ТОУНБ, 2008. 83, [2] с.

Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. 489, [2] с.

Павлова Е.В., Строганов М.В. Народный поэт // Дрожжин С.Д. Собрание сочинений: в 3 т. / Подгот. текстов и примеч. Е.В. Павловой, Е.В. Петренко, М.В. Строганова. Тверь: СФК-офис, 2015. Т. 1. С. 3–22.

Памяти С.Д. Дрожжина: к двадцатилетию со дня смерти поэта: Статьи, воспоминания, публикации. Калинин: Калининиздат, 1951. 95 с.

Скатов Н.Н. Поэты некрасовской школы. Л.: Просвещение, 1968. 224 с. (Б-ка словесника).

Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Ред.-сост. М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. 239, [1] с. (Тверской литературный архив. Вып. 3).

References

Boinikov A.M. *Poeziia Spiridona Drozhzhina: Monografiia* [Poetry of Spiridon Drozhzhin: Monograph]. Tver, Tver State University Publ., 2005. 228 p. (In Russ.)

Drozhzhin S.D. *Gusliar: Neopublikovannye proizvedeniia* [Gusli player: Unpublished works], intro., ed. and notes E.V. Pavlova, M.V. Stroganov. Moscow, Kosygin Russian State University Publ., 2018. 412 p. (In Russ.)

Il'in L.A. *Istoriko-literaturnye tsennosti iz krest'ianskoi izby: Avtografy na knigakh, podarennykh S.D. Drozhzhinu* [Historical and literary values from the peasant hut: Autographs on books donated to S.D. Drozhzhin]. Tver, Tver Regional Universal Scientific Library Publ., 2008. 83, [2] p. (In Russ.)

Merezhkovskii D.S. *V tikhom omute: Stat'i i issledovaniia raznykh let* [In the still waters: Articles and studies from different years]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 489, [2] p. (In Russ.)

Pavlova E.V., Stroganov M.V. Narodnyi poet [Folk poet]. Drozhzhin S.D. *Sobranie sochinenii: V 3 t.* [Collected works: in 3 vols.], ed. and notes E.V. Pavlova, E.V. Petrenko, M.V. Stroganov. Tver, SFK-ofis Publ., 2015. Vol. 1, pp. 3–22. (In Russ.)

Pamiati S.D. Drozhzhina: k dvadtsatiletiiu so dnia smerti poeta: Stat'i, vospominaniia, publikatsii [In memory of S.D. Drozhzhin: to the 20th anniversary of poet's death: Articles, memoirs, publications]. Kalinin, Kalininizdat Publ., 1951. 95 p. (In Russ.)

Skatov N.N. *Poety nekrasovskoi shkoly* [Poets of the Nekrasov school]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1968. 224 p. (In Russ.)

Spiridon Drozhzhin glazami sovremennikov i potomkov: Stat'i i vospominaniia [Spiridon Drozhzhin as seen by contemporaries and descendants: Articles and memoirs], ed., comp. M.V. Stroganov. Tver, Zolotaia bukva Publ., 2001. 239, [1] p. (In Russ.)

Spiridon Drozhzhin' literary self-reflection: Based on Tver State University Scientific Library collections

© 2019, Elena Milyugina

Abstract: Annotated research is focused on the modern reconstruction of Spiridon Drozhzhin's creative personality. Understanding his personality as a folk poet requires the systematization of all available creative and autobiographical materials and the formation of literary and documentary base to identify the features of his literary and vital self-reflection. The foundation of this base is the Drozhzhin's Collected Works (2015), but it needs to be replenished with marginal auto-testimonies. Today such auto-testimonies (author's notes, edits, comments) are not actually described. The material of the research is the author's notes, found in Drozhzhin's lifetime collections in the Rare Books Department of the Tver State University Scientific Library: "Poems. 1866–1888" (1907), "Bayan" (1909), "Peasant's Songs" (1929). Biographical, his-

torical-literary, comparative and cross-cultural approaches are used. The subject of the study is not only the actual notes, but also the poet's choice of specific texts for self-editing and the form of his literary self-reflection. As a result of the study, the author introduces Drozhzhin's notes in the indicated publications into a scientific circulation. The content of these notes is described: overcoming of metaphorical rhetoric, correlating artistic ideas of poetry with social history and folk views on life. The article demonstrates the evolution of Drozhzhin's forms of artistic self-reflection as a movement from traditional self-editing to the creation of an auto-myphological poetic space in which its manifestations were realized as a chronicler of folk life, an observer of social change and an insightful seer. Conclusions are drawn that Drozhzhin's literary self-reflection has essential features of folk views on life: rejection of self-sacrifice and approval of prolonged spiritual and moral service to society, rejection of the violent transformation of reality and protection of evolutionary forms of social life.

Keywords: Spiridon Drozhzhin, self-editing, literary self-reflection, auto-mythologization, folk poet, Rare Books Department of the Tver State University Scientific Library, L.A. Ilyin.

Information about the author: Elena Milyugina, Dr Hab, Associate Professor, Tver State University, Tver, Russia. E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Citation: Milyugina Elena. Spiridon Drozhzhin' literary self-reflection: Based on Tver State University Scientific Library collections. *Literaturnyi fakt*, 2019, no 4 (14), pp. 333–346. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-333-346

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-347-352
УДК 821.161.1

Братья Мандельштамы в Коктебеле (1916)

© 2019, А.Г. Мец

Аннотация: Рассматривается эпизод биографии О.Э. Мандельштама и его братьев Евгения и Александра на протяжении двух летних месяцев 1916 г., ранее имевший документальные противоречия в обстоятельствах и датах. Автор статьи обращает внимание на тот факт, что в своих «Воспоминаниях» брат поэта Евгений Мандельштам настаивает на том, что он посещал Коктебель только один раз — в 1915 г. Однако ряд приведенных в статье документальных свидетельств позволяют скорректировать эту информацию. К анализу привлекаются мемуарные и архивные источники, в частности домовая книга пансионата Волошиной, согласно которой прибытие Евгения Мандельштама зафиксировано 9 июня (Осипа Мандельштама — 7 июня), отъезд обоих — 25 июля 1916 г. Сопоставление этих сведений, в частности, с документально подтвержденным фактом знакомства Е. Мандельштама с О.А. Ваксель и Ю.Ф. Львовой, которые впервые приехали в Коктебель в 1916 г., дают возможность утверждать, что на самом деле речь идет о поездке в летний сезон 1916 г. В то же время при сравнении записей из домовой книги с другими источниками выясняется, что дата убытия Е. Мандельштама была указана, скорее всего, фиктивно и относится к другому брату поэта — Александру. Таким образом, предлагаемые заметки проясняют и уточняют факты из биографии О.Э. Мандельштама и его семьи на основе сопоставительного исследования мемуарных, эпистолярных и иных источников.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, Е.Э. Мандельштам, А.Э. Мандельштам, Е.О. Волошина, В.П. Купченко, Коктебель

Информация об авторе: Александр Григорьевич Мец, независимый исследователь, Гатчина, Россия. E-mail: agmets@mail.ru

Цитирование: *Мец А.Г.* Братья Мандельштамы к Коктебеле (1916) // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 347–352. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-347-352

В биографии Осипа Мандельштама есть одно непроясненное, хотя и не особенно значимое обстоятельство, относящееся к летнему отдыху поэта в Коктебеле в 1916 г., в частности к периоду пребывания там его брата Евгения[1].

В своих «Воспоминаниях» Евгений настаивает на единственном своем посещении Коктебеля — в 1915 г. Он отмечает, что поездка состоялась по инициативе Осипа, и приводит малозначительные детали об обстановке на «даче Волошина»[2]. Однако через несколько страниц идет рассказ о встречах в тот же сезон с Ольгой Александровной Ваксель (1903–1932) и ее матерью Юлией Федоровной Львовой (1873–1950)[3]. В архиве Евгения хранилась фотография обеих коктебельского периода, которую он датировал временем своего пребывания в Коктебеле, относя его к 1915 г. Эту фотографию он показал мне 1 марта 1976 г., когда я приходил осматривать его архив.

Далее Евгений переходит к повествованию о летнем периоде 1916 г. В мае, после выпускных экзаменов в Тенишевском училище, Евгений получил работу на плавучем госпитале для выздоравливающих раненых Петроградского комитета Союза городов, базировавшемся на пароходе «Великая княгиня Ксения», который курсировал по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани. Он детально описывает путь эшелона с ранеными и оборудованием от Петрограда до Москвы, где эшелон должен был быть переформирован, а затем — по Волге. Около 22 июля, получив телеграмму отца о плохом состоянии здоровья матери, выехал в Петербург. Несколько позже, вызванные телеграммой Евгения (согласно его устному сообщению в указанный выше день), приехали Осип и Александр из Коктебеля. Мемуарный рассказ Евгения, относящийся к этому последнему отрезку времени, вызывает полное доверие, ибо обстоятельства, сопутствовавшие смерти матери (26 июля), Евгений должен был помнить прочно. В удостоверение даты своей поездки Е.Э. Мандельштам во время встречи показал мне имевшийся у него металлический памятный знак с изображением красного креста, названием плавучего госпиталя и парохода и с годом «1916».

В то же время в исследовании крупного литературоведа, историка Коктебеля и биографа М.А. Волошина Владимира Петровича Купченко «Осип Мандельштам в Киммерии»[4] приведены записи из домовой книги дома Е.О. Волошиной за 1916 г. о регистрации

[1] Мандельштам Евгений Эмильевич (1898–1979).
[2] *Мандельштам Е.Э.* Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 139.
[3] Там же. С. 171–172. Ныне местонахождение этой фотографии мне неизвестно.
[4] *Купченко В.П.* Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 186–202. По сведениям комментатора «Воспоминаний» и жены автора,

прибытия Евгения 9 июня (Осипа — 7 июня)[5] и убытия обоих — 25 июля. Данных о пребывании Евгения в Коктебеле в 1915 г. (когда там жили на отдыхе Осип и Александр) В.П. Купченко не фиксирует.

Сопоставление двух описанных выше литературных источников приводило к следующим предварительным выводам: пребывание Евгения в Коктебеле в 1916 году нужно считать доказанным документированными фактами: записью в домовой книге о его прибытии (с указанием предъявленной им справки Тенишевского училища, удостоверяющей личность) и знакомством там с Ольгой Ваксель и Ю.Ф. Львовой (которые в 1916 году приехали в Коктебель впервые[6]), а также цитатой из письма Ю.Л. Оболенской от 2 авг. 1916 г., свидетельствующей о ее знакомстве в тот сезон со всеми тремя братьями (приведена в указанной работе Купченко). В то же время пребывание Евгения в Коктебеле в 1915 г. не подтверждается ни одним мемуарным или архивным источником. Понятно, почему Е.Э. Мандельштам упорно, не считаясь с фактами, датировал поездку в Коктебель 1915 годом — он не допускал иной мысли, кроме той, что та и другая (на Волгу) его летние поездки осуществлялись в разные годы.

Таким образом, из сопоставления данных следует: и в Коктебеле, и на Волге Евгений пребывал летом в одном и том же 1916 г. Только один факт не увязывается с этим предположением — указанная в домовой книге дата убытия Евгения 25 июля 1916 г., в один день с Осипом, хотя последний уехал в Петроград не с Евгением, который в тот момент находился уже у постели матери, а с Александром. Следовательно, обнаруживается, что дата убытия Евгения в домовой книге фиктивна. Обратимся еще к одному архивному источнику — письму Осипа к матери от 20 июля 1916 г. Он пишет: «У нас всё установилось благоприятно. Шура оправился и вошел в колею мирной жизни. Больше не скучает и смотрит совсем иначе. Третьего дня нас возили в Феодосию с большой помпой: автомобили, ужин с губернатором; я читал, сияя теннис-белизной, на сцене летнего театра, вернулись утром, отдохнули за вчерашний день. Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского. Получили вторую комнату. Милая мама, напиши мне, как ты смотришь на мое

Евгении Павловны Зенкевич, Евгений ко времени писания мемуаров эту работу знал в рукописи и оспорил ее данные (Там же. С. 177, примеч. 24, 26).

[5] Там же. С. 190, примеч. 7.

[6] См. коммент. Е.Б. Чуриловой: «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Воспоминания и стихи Ольги Ваксель / Сост. А. Ласкин; коммент Е.Б. Чуриловой. М., 2012. С. 241, примеч. 163.

возвращение — могу ли быть нужным в П<етрограде>. Поздравляю с Политехником! Молодец, Женя! Целую папочку!»[7]

Первые две фразы письма, где речь идет о брате, Александре Эмильевиче Мандельштаме (1892–1942), по-семейному звавшемуся «Шура», свидетельствуют о том, что в Коктебеле он появился незадолго, приблизительно за две-три недели, до даты письма. Упоминание о «колее мирной жизни» говорит о том, что до поездки в Коктебель занятия Александра были как-то связаны с ведущейся войной — возможно, он, будучи студентом Петроградского университета по юридическому факультету, одновременно (или только во время каникул) работал санитаром в одном из госпиталей. Заметим также, что в прошлом, 1915 г., Александр приехал в Коктебель также позднее Осипа — почти на два месяца[8]. Получение второй комнаты, о чем пишет Осип (как очевидно, в пансионате Е.О. Волошиной), также несомненно связано с приездом Александра.

В то же время пребывание Александра в Коктебеле никак не отражено в домовой книге Е.О. Волошиной, что являлось с ее стороны административным правонарушением[9]. Это могло произойти по одной из двух причин: или у Александра не оказалось с собой документа, удостоверяющего личность (что маловероятно), или же было связано с какими-то выгодами или удобствами для домовладельца, проистекавшими из отсутствия необходимости в таком случае регистрировать запись о прибытии у пристава (убытие срочной регистрации не подлежало). Данное нарушение покрывалось идентичностью фамилий и отчеств у Александра и Евгения и, следовательно, в случае проверки можно было выдать одного за другого.

В процитированном выше письме слова «Поздравляю с Политехником! Молодец, Женя!», по-видимому, свидетельствуют о том, что Евгения уже нет в Коктебеле рядом с автором письма (сам Евгений в «Воспоминаниях» пишет, что получил от матери поздравление с поступлением в институт телеграммой в то время, когда был на Волге). К тому же странно, что Осип ни слова не добавляет о Евге-

[7] *Мандельштам О.Э.* Полное собр. соч. и писем. Т. 3. СПб., 2020. С. 310–311. Впервые: *Мандельштам О.Э.* Собр. сочинений. Т. 3. Нью-Йорк, 1969. С. 196–197. Письмо сохранилось в архиве Е.Э. Мандельштама и позднее было присоединено к архиву поэта, хранившемуся у Н.Я. Мандельштам.

[8] См.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. СПб.: Интернет издание, 2019. С. 92 (Июня 30), 94 (Июля 20).

[9] Согласно действовавшему в то время законодательству, запись должна была быть внесена и зарегистрирована у частного пристава в течение трех суток (по другим данным — в течение суток). О регулирующем в то время ведение домовых книг законодательстве см., например: https://arc.familyspace.ru/article/Domovye_knigi_53.

нии, если тот находился рядом с ним. Должно быть, Евгений, пробыв в Коктебеле некоторое время, вернулся в Петроград для того, чтобы организовать, как он пишет, погрузку больных и имущества в эшелон и далее двигаться с ним до Нижнего Новгорода. Для того чтобы проверить это предположение, пришлось просмотреть газеты Нижнего Новгорода за летний период, и заметка об отплытии «плавучего госпиталя» нашлась под датой «8 июля». Приводим ее полностью.

> Экскурсии по Волге для больных и раненых воинов. По примеру прошлого года арендовали у общества «Кавказ и Меркурий» товаро-пассажирский пароход «[Великая княгиня] Ксения» для организации экскурсии для больных и раненых воинских чинов от Нижнего [Новгорода] в Астрахань, на два рейса. Отвал «Ксении» назначен на 8 июля. Намечено к посадке 150 нижних чинов. Главное управление плавучим госпиталем будет поручено врачу Тутолмину. По мере выздоровления в течение 2-х рейсов (1 месяц) пассажиры «Ксении» будут выписываться с тем, чтобы освобождающиеся вакансии замещать новыми нижними чинами, нуждающимися в поправке на свежем воздухе[10].

Таким образом, Евгений, чтобы успеть к отправке эшелона с ранеными из Петрограда, должен был выехать из Коктебеля не позднее последних чисел июня. А запись о его убытии не была внесена своевременно, как отмечено выше, в связи с состоявшимся или предполагавшимся приездом Александра. Эта запись фактически датирует отъезд не Евгения, но Александра.

Литература

«Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Воспоминания и стихи Ольги Васель / Сост. А. Ласкин; коммент Е.Б. Чурилова. М.: РГГУ, 2012. 434 с.

Купченко В.П. Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 186–202.

Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. СПб.: Интернет издание, 2019. 512 с.

[10] Нижегородский листок. 1916. № 184, 8 июля. С. 2. Приносим благодарность А.Ю. Дзевановской за помощь в обследовании нижегородской прессы. За помощь и консультации в обследовании домовой книги Е.О. Волошиной приносим сердечную благодарность Р.П. Хрулевой и директору Дома-музея М.А. Волошина Н.М. Мирошниченко.

References

Kupchenko V.P. Osip Mandel'shtam v Kimmerii [Osip Mandelstam in Cimmeria]. *Voprosy literatury*, 1987, no. 7, pp. 186–202. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama [Chronicle of O.E. Mandelstam's life and work]. St. Petersburg, Internet izdanie Publ., 2019. 512 p. (In Russ.)

"Vozmozhna li zhenshchine mertvoi khvala?..": Vospominaniia i stikhi Ol'gi Vaksel' ["Can a dead woman be praised?..": Memoirs of and poems by Olga Vaksel], comp. A. Laskin, notes E.B. Churilova. Moscow, Russian State University for Humanities Publ, 2012. 434 p. (In Russ.)

The Mandelstam brothers in Koktebel (1916)

© 2019, Alexander Mets

Abstract: The article considers an episode from the biography of Osip Mandelstam and his brothers Eugene and Alexander during the two summer months of 1916, which previously had documentary contradictions in circumstances and dates. The author of the article draws attention to the fact that the poet's brother Eugene insists in his memoirs that he visited Koktebel only once — in 1915. However, a number of documentary evidence cited in the article allow to correct this information. The analysis involves memoirs and archival sources, in particular the house book of the Elena Voloshina boarding house, according to which the arrival of Evgeny Mandelstam was recorded on June 9 (that of Osip Mandelstam — on June 7), the departure of both — on July 25, 1916. Comparison of this information, in particular with the documented fact of E. Mandelstam's acquaintance with Olga Vaksel and Yulia Lvova, whose first visited Koktebel in 1916, makes it possible to assert that in fact the memoirs describe the summer trip of 1916. At the same time, when comparing the records from the house book with other sources, it turns out that the date of E. Mandelstam's departure is, most likely, fictitious and refers to the poet's brother Alexander. Thus, the proposed notes clarify the facts of O.E. Mandelstam's and his family's biography on the basis of a comparative study of memoirs, epistolary and other sources.

Keywords: Osip Mandelstam, Evgeny Mandelstam, Alexander Mandelstam, Elena Voloshina, Vladimir Kupchenko, Koktebel

Information about the author: Alexander Mets, independent researcher, Gatchina, Russia. E-mail: agmets@mail.ru

Citation: Mets Alexander. The Mandelstam brothers in Koktebel (1916). *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 347–352. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-347-352

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-353-379
УДК 821.161.1

Зинаида Гиппиус за чтением книг из домашней парижской библиотеки

© 2019, О.А. Блинова

Аннотация: На основании описания печатных изданий на русском языке, входивших в состав домашней парижской библиотеки Мережковских, уточняются отдельные факты творческой биографии З.Н. Гиппиус, а также датировка момента основания самой библиотеки. Таким образом, статья вносит вклад в исследование русскоязычного корпуса парижской библиотеки Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Большую ценность для исследователей русского зарубежья как особого явления и творчества Гиппиус в период эмиграции представляют приведенные в статье пометы, сделанные рукой писательницы и позволяющие реконструировать ее рефлексию над теми или иными литературными фактами. В статье также восстанавливается история включения некоторых изданий в домашнюю библиотеку Мережковских. Исследование состава парижской библиотеки Мережковских позволяет уточнить и установить источники, использованные Гиппиус при написании рассказа о хлыстах «Сокатил» (1907), статей «Хлеб жизни» (1901) и «Влюбленность» (1904), а также стихотворений «О вере» и «Нагие мысли» (1902). На основании помет Д.С. Мережковского делаются важные дополнения к истории создания и интерпретации его романа «Петр и Алексей» из трилогии «Христос и Антихрист», а также работы «Л. Толстой и Достоевский». Итоговый вывод отражает особое значение парижской библиотеки Мережковских, ее состава и точного времени формирования для исследования творчества Гиппиус при немногочисленности ее свидетельств о собственном творческом процессе.

Ключевые слова: Зинаида Николаевна Гиппиус, домашняя парижская библиотека, парижская научная библиотека Д.С. Мережковского, Национальная библиотека Франции, А.А. Блок, А.О. Гавронский, Н.И. Барсов, русский простонародный мистицизм, масонство, А.А. Гассиев, И.Ф. Гербарт, русская литература конца XIX — первой трети XX в.

Информация об авторе: Ольга Александровна Блинова, к.ф.н., сотрудница научно-исследовательской группы GEO — восточных, славянских и неоэллинистических исследований — EA 1340 Страсбургского университета, Страсбург, Франция. E-mail: blinova.olga.aleksandrovna@gmail.com

Цитирование: *Блинова О.А.* Зинаида Гиппиус за чтением книг из домашней парижской библиотеки // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 353–379. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-353-379

В автобиографической заметке, написанной по заказу С.А. Венгерова, Зинаида Гиппиус не преминула поведать о своем страстном увлечении книгами, которое завладело ею с детства: «Еще при жизни отца я хорошо знала Гоголя и Тургенева. В Москве, особенно за последний год, перечитала всю русскую литературу и особенно пристрастилась к Достоевскому»[1]. Но, как ни странно может показаться для человека, «нежно и ревниво»[2] любившего литературу, когда на страницах своих произведений и эго-документов Гиппиус заводила речь о домашней библиотеке, то связывала ее скорее с именем мужа, Д.С. Мережковского[3]. Та же тенденция прослеживается у В.А. Злобина, секретаря супругов, который после их смерти продал парижскую «библиотеку Мережковского» — так он ее назвал в письме к С.К. Маковскому от 23 марта 1950 г.[4] — в Национальную библиотеку Франции (НБФ).

Автору этих строк посчастливилось найти инвентарную опись, фиксирующую акт купли-продажи, а также бо́льшую часть проданных Злобиным в НБФ печатных изданий[5]. Их анализ позволил, с одной стороны, заключить, что «библиотека Мережковского», действительно, «пополнялась в основном[6] в соответствии с творческими проектами ее владельца»[7], а с другой стороны, подчеркнуть долю условности наименования парижского корпуса «Научной библиотекой Д.С. Мережковского»[8]. Условность эта наиболее ощутима, когда речь идет о входящих в собрание немногочисленных книгах и журналах на русском языке (всего четырнадцать наименований),

[1] *Гиппиус З.Н.* Автобиографическая заметка // З.Н. Гиппиус: pro et contra: Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей: Антология / Сост. А.Н. Николюкин. СПб., 2008. С. 944.

[2] Там же. С. 946.

[3] Вот, например, как Гиппиус описывает переезд на новую квартиру в мае 1912 г.: «домохозяину понадобилась наша квартира, и мы покинули дом Мурузи <...> Переезд был нелегок: у Д.С-ча имелась громадная библиотека (она вся пропала)» (*Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 6: Живые лица. М., 2002. С. 350).

[4] Цит. по: *Павлова М.М.* К истории парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Русская литература. 2009. № 2. С. 208.

[5] См.: Registre d'acquisitions du département des imprimés, № 39–40 (Acquisitions 1949–1950), приобретения с 308730 по 308805. Сердечно благодарю ответственного за русскую и польскую коллекции гуманитарных наук НБФ Мариуша Ольчиковского за помощь, оказанную в поиске инвентарной описи.

[6] Здесь и далее разрядка наша. — *О.Б.*

[7] *Блинова О.А.* Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского. Список изданий, проданных В.А. Злобиным НБФ в 1950 г. (Приложение) // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сб. статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М., 2018. С. 441. О таком «книжном собирании источников» в соответствии с творческими проектами Мережковского упоминает и Гиппиус: *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. С. 239.

[8] *Блинова О.А.* Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского. С. 438.

т.к. именно они оказываются более всего связанными с именем Д.В. Философова и особенно с жизнью и творчеством З.Н. Гиппиус. Помимо дарственных надписей, адресованных ей лично или совместно с супругом, некоторые экземпляры библиотеки хранят пометы знаменитой «дамы с лорнетом»[9] или были задействованы ею в творческо-жизнетворческом процессе. Таким образом, ознакомление с практиками Гиппиус-читательницы позволяет заглянуть в святая святых, в литературную лабораторию Гиппиус — критика и писателя. Нижеследующая статья отражает ряд наблюдений и гипотез, относящихся к фактам творческой биографии Гиппиус, а также к датировке момента основания парижской библиотеки.

Книги, о которых пойдет речь, были изданы в разное время; в разные периоды жизни супругов и, очевидно, разными путями и при разных обстоятельствах попали они в парижское собрание. Самое позднее из таких изданий на русском языке — книга «Судьба Блока»[10], вышедшая в 1930 г. в «Издательстве писателей в Ленинграде». Книга составлена О. Немеровской и Ц. Вольпе по принципу монтажа, в нее включены выдержки из двух работ Гиппиус: очерка о Блоке «Мой лунный друг»[11] (1923) и опубликованной за подписью «Антон Крайний» статьи «Неприличия» (Современное Слово. 1918. № 3554, 3 (16) июня). Читая достаточно вольные цитаты из своих текстов, Гиппиус исправляла в них самые вопиющие неточности. Ценным для исследователя является то, что некоторые текстовые пометы Гиппиус сопроводила своими инициалами. Так, резонно вычеркнув во фрагменте из очерка, повествующего о днях февральской революции[12],

---

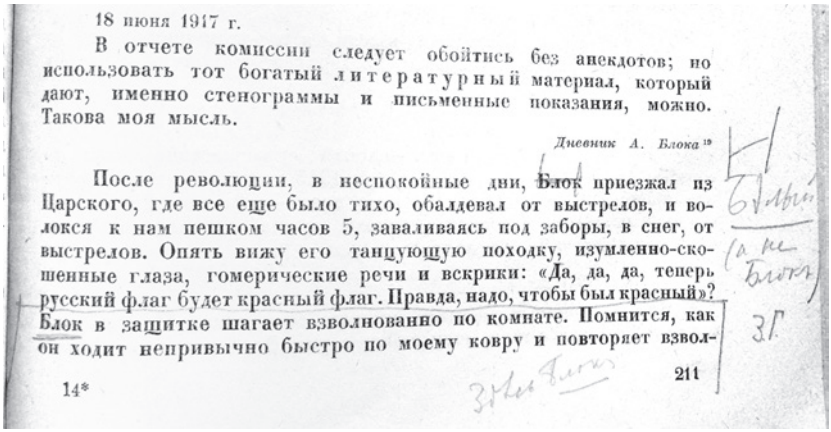
[9] *Есенин С.А.* Дама с лорнетом. Вроде письма (На общеизвестное) // З.Н. Гиппиус: pro et contra. С. 574.

[10] Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и др. материалам / Сост. О. Немеровская и Ц. Вольпе. Л., 1930.

[11] Датированный автором 1922 г. очерк «Мой лунный друг. О Блоке» впервые напечатан в Париже во французском переводе (Mon ami lunaire // Mercure de France. 15 janvier 1923. T. CLXI. № 590. P. 289–326), а затем на русском языке (Окно. 1923. № 1. С. 103–153). Отрывок под названием «Последние встречи с А. Блоком» опубликован в газете «За свободу!» (Варшава. 1923, 29 мая).

[12] Соответствующий отрывок в оригинальном тексте Гиппиус выглядит следующим образом: «Дни революции. В самый острый день, а для нас даже в самый острый момент <…> внезапное появление Б. Бугаева — А. Белого. <…> В этот день он мирно ехал из Царского, где было еще тихо, и обалдел, выйдя из вагона прямо на улицы революционного города. В шубе до пят — он три часа волокся к нам пешком, то и дело заваливаясь под заборы, в снег, от выстрелов. <…> Опять вижу в эти дни танцующую походку, изумленно-скошенные глаза, гомерические речи и вскрики: “да-да-да, теперь русский флаг — будет красный флаг? Правда? Правда, надо, чтоб был красный?” <…> Блок, в защитке, которая его очень изменяет, взволнованно шагающий по длинной моей комнате» (*Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. О Блоке // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 6: Живые лица. С. 32–33).

фамилию Блока[13], она оставила на полях надпись: «Белый (а не Блок) З.Г.», — добавив утвердительное «Здесь Блок» (см. илл. 1) ко второй

18 июня 1917 г.

В отчете комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый литературный материал, который дают, именно стенограммы и письменные показания, можно. Такова моя мысль.

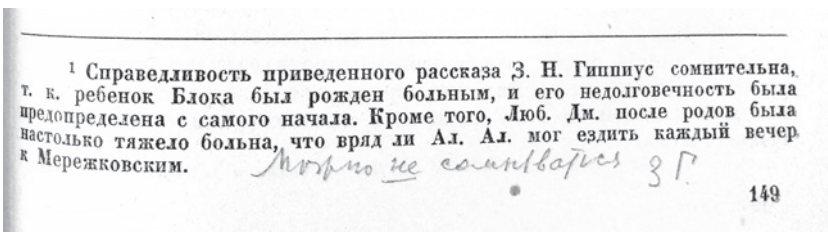
Дневник А. Блока[19]

После революции, в неспокойные дни, Блок приезжал из Царского, где все еще было тихо, обалдевал от выстрелов, и волокся к нам пешком часов 5, заваливаясь под заборы, в снег, от выстрелов. Опять вижу его танцующую походку, изумленно-скошенные глаза, гомерические речи и вскрики: «Да, да, да, теперь русский флаг будет красный флаг. Правда, надо, чтобы был красный»? Блок в защитке шагает взволнованно по комнате. Помнится, как он ходит непривычно быстро по моему ковру и повторяет взвол-

14* 211

Илл. 1. Национальная библиотека Франции (BnF)

части цитаты. Гиппиус также очень живо отреагировала на ремарку составителей, которая ставила под сомнение достоверность ее рассказа о вечерах, проведенных Блоком у Мережковских во время тяжелых родов Л.Д. Менделеевой[14], не забыв и тут снабдить лаконичный ответ своими инициалами: «Можно не сомневаться. З.Г.» (см. илл. 2). Не раз нелестных комментариев Гиппиус — свидетеля описываемых

[1] Справедливость приведенного рассказа З. Н. Гиппиус сомнительна, т. к. ребенок Блока был рожден больным, и его недолговечность была предопределена с самого начала. Кроме того, Люб. Дм. после родов была настолько тяжело больна, что вряд ли Ал. Ал. мог ездить каждый вечер к Мережковским.

149

Илл. 2. Национальная библиотека Франции (BnF)

событий — удостоились воспоминания Андрея Белого: «Вранье...»[15], «вранье»[16], «Белый — влюблен в жену Блока, в чем признавался сам, и клеветал на эту женщину»[17], «В каждом слове — вранье»[18]. Что

[13] Судьба Блока… С. 211.
[14] Судьба Блока… С. 149, примеч. 1. См. главу 17 очерка о Блоке: *Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. О Блоке. С. 22–23.
[15] Судьба Блока… С. 69.
[16] Там же. С. 74.
[17] Там же. С. 74.
[18] Там же. С. 79.

касается документов самого Блока, то Гиппиус, кажется, читала их с особым интересом, находя в них зачастую подтверждение своим наблюдениям и размышлениям о «лунном друге». Зоркий взгляд Гиппиус-мемуариста схватил одну из немаловажных черт Блока, его «ничегонепониманье»[19]. Просмотрев запись блоковского дневника от 13 июля 1917 г. — «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не понимаю»[20], — Гиппиус с предельной простотой, не лишенной, тем не менее, доли гордости (слова «я ничего не понимаю» она подчеркнула двойной чертой, а на полях против них поставила двойной отчерк), дала ссылку: «см<отри> мой очерк». Устойчивым словосочетанием «потерянное дитя», таким знакомым современному читателю по очерку о Блоке и страницам дневников «Синяя книга» (1914–1917) и «Черная тетрадь» (1917–1919), отметила Гиппиус отрывок из книги К.И. Чуковского «А. Блок как человек и поэт», представляющий Блока января 1918 г. защитником «революции октябрьских дней», жестикулирующим, кричащим и заявляющим в пылу спора: «А у каждого красноармейца вижу ангельские крылья за плечами»[21]. Центральным эпизодом в истории разрыва отношений между Гиппиус, не принявшей октябрьскую революцию, и Блоком является, как известно, обмен поэтическими сборниками со стихотворными посвящениями. 31 мая 1918 г. Гиппиус передала Блоку экземпляр «Последних стихов»: «на первой странице — стихотворение, ему посвященное: “всё это было, кажется, в последний — в последний вечер, в вешний час...” — “... Душа твоя невинна. — Я не прощу ей никогда”»[22]. Блок ответил, послав Гиппиус свою книгу «Двенадцать. Скифы». 1–6 июня 1918 г. он написал на обороте обложки сборника ответ «З. Гиппиус (При получении “Последних стихов”)»: «Женщина, безумная гордячка!..» Помимо этого 18 (31) мая 1918 г. Блок записал в дневнике черновик ответного (неотправленного) письма в прозе[23]. Оно вошло в книгу «Судьба Блока»[24] и нашло адресата как минимум двенадцать лет

[19] «Ведь Блока, я думаю, никогда не покидало сознание, или ощущение, — очень прозрачное для собеседника, — что он *ничего не понимает*. Смотрит, видит, — и во всем для него, и в нем для всего, недосказанность, неконченность, темность. Очень трудно передать это мучительное чувство» (*Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. О Блоке. С. 13. См. также с. 24, 26).

[20] Судьба Блока… С. 213.

[21] Там же. С. 220.

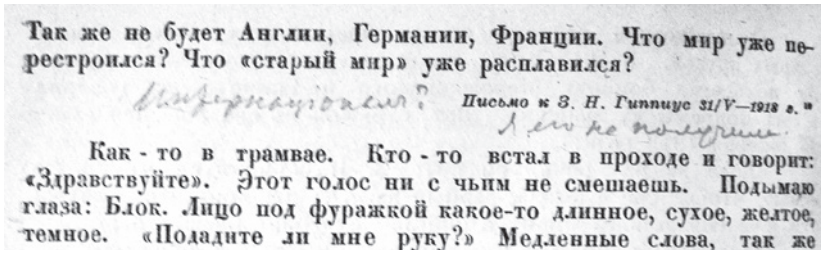
[22] *Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. О Блоке. С. 37.

[23] Об этом эпизоде см.: *Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. О Блоке. С. 617 (примеч. к с. 37, где дан текст неотправленного письма).

[24] Судьба Блока… С. 223–224.

спустя, когда автора уже не было в живых. На страницах с письмом остались пометы Гиппиус. Под последней строкой письма надпись: «Интернационал?» — звучащая эхом полученного ею некогда поэтического послания Блока: «Высоко — над нами — над волнами, — Как заря над черными скалами — Веет знамя — Интернационал!» А под строкой, в которой указан источник — «письмо к З.Н. Гиппиус 31/V — 1918 г.», помечено: «Я его не получила»[25] (см. илл. 3).

У каждой книги своя судьба, свои секреты. Есть в парижском

Так же не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что «старый мир» уже расплавился?

Интернационал? Письмо к З. Н. Гиппиус 31/V—1918 г. Я его не получила.

Как-то в трамвае. Кто-то встал в проходе и говорит: «Здравствуйте». Этот голос ни с чьим не смешаешь. Подымаю глаза: Блок. Лицо под фуражкой какое-то длинное, сухое, желтое, темное. «Подадите ли мне руку?» Медленные слова, так же

Илл. 3. Национальная библиотека Франции (BnF)

собрании книга из домашней библиотеки кинорежиссера Александра Осиповича Гавронского (1888–1958). Свидетельством тому — круглый владельческий штамп-экслибрис на экземпляре двенадцатого тома из полного собрания сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина[26]. Многих членов семьи Гавронских Мережковские встречали у своих друзей Фондаминских — Амалии Осиповны (урожд. Гавронской, 1882–1935) и Ильи Исидоровича (псевд. Бунаков, 1880–1942). Сближение с ними началось в Париже в 1906 г.[27] В мемуарах о Д.С. Мережковском Гиппиус, описывая очередную поездку во Францию зимой — весной 1913 г., отмечает: «В Ментоне тогда жил И. Бунаков с женой (и с кучей ее родственников)»[28]. А в некрологе «Негасимая свеча (Памяти Амалии Фондаминской)» она подытоживает: «Три последние десятилетия жизни Амалии передо мною, и насколько можно знать человека, любя его, — я ее знаю. В течение этих тридцати лет мы виделись постоянно, и за границей, и в России, а временами и жили вместе»[29]. У Ильи

[25] Там же. С. 224.

[26] *Салтыков М.Е. (Щедрин Н.).* Полное собрание сочинений. Т. 12: Пошехонская старина (1887–1889 гг.); Брусин. (1849 г.). СПб., б.г.

[27] *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. С. 317.

[28] Там же. С. 354.

[29] *Гиппиус З.Н.* Негасимая свеча (Памяти Амалии Фондаминской) // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 13: У нас в Париже. М., 2012. С. 561.

Осиповича Гавронского (?–1940[30]), врача-стоматолога и одного из братьев Амалии Осиповны, Мережковские лечили зубы. В декабре 1922 г. Гиппиус сокрушалась в письме к Злобину: «А тут еще: Д.С. простудился, и у него сделалась такая зубная боль, что он вторую ночь ни минуты не спит. И это в тот момент как раз, когда наш Гавронский уехал на праздники в Германию»[31]. В Германии тогда жил его брат Дмитрий Осипович (1883–1949), философ, публицист, член партии эсеров, депутат Всероссийского учредительного собрания. В 1920-е гг. он был приват-доцентом Берлинского университета по кафедре философии. Остается только предполагать, как и когда том Салтыкова-Щедрина из библиотеки А.О. Гавронского оказался у Мережковских (пометы в нем принадлежат неизвестному лицу). Творчество Салтыкова-Щедрина было хорошо знакомо Мережковским[32]: в своей публицистике они достаточно часто ссылались на его произведения. Непосредственно о «Пошехонской старине» упоминается в статье Антона Крайнего «Жизнь и литература» (впервые: Новая жизнь. 1912. № 11), где роман ставится в один ряд с «Детством и Отрочеством» Л. Толстого[33].

Первый том собрания стихов В.Я. Брюсова «Пути и перепутья»[34] с дарственной надписью — «Зинаиде Николаевне Гиппиус в знак любви[35] / 1907 / Валерий Брюсов»

[30] 23 апреля 1940 г. Гиппиус делает следующую запись: «Умер этот милый человек, последний брат Амалии — Илья» (*Гиппиус З.Н.* Серое с красным (Дневник. 1940–1941) // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники 1919–1941. М., 2005. С. 266).

[31] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 14: Я и услышу, и пойму: Избранная переписка 1891–1945 гг. Венок посвящений. М., 2013. С. 588.

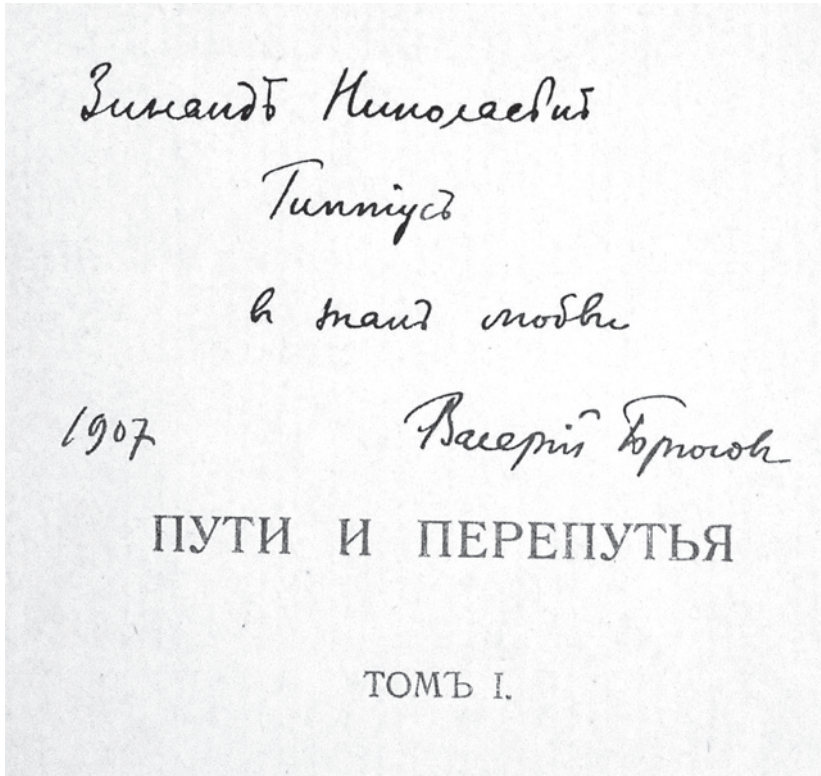
[32] Д.С. Мережковский в статье «Гончаров» упоминает «резкий, желчный хохот» М.Е. Салтыкова-Щедрина (Собрание сочинений: В 20 т. Т. 8: Вечные спутники / Сост., подгот. текста, примеч., послесл. Е.А. Андрущенко. М., 2017. С. 199). Статья впервые опубликована в «Труде» за 1890 г. (№ 24. С. 588–612) под заглавием «И.А. Гончаров». Часто имя писателя-сатирика встречается на страницах эссе-манифеста Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893. 192 с.), представленного изначально в виде лекции в конце октября 1892 г.

[33] *Гиппиус З.Н.* Жизнь и литература // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники 1919–1941. М., 2005. С. 293.

[34] *Брюсов В.* Пути и перепутья: Собрание стихов. Т. 1: Юношеские стихотворения. Это — я. Третья стража. (1892/1901 г.). М., 1907 (на тит. л. 1908 г.).

[35] Э.С. Даниелян в статье «В.Я. Брюсов и З.Н. Гиппиус (к вопросу о литературных взаимоотношениях)» (Брюсовские чтения 1996 года: Сб. статей / Ред.-сост. С.Т. Золян. Ереван, 2001. С. 192) и М.В. Орлова в недавней лекции «Зинаида Гиппиус и Валерий Брюсов: к истории взаимоотношений» (URL: muzeemania.ru/2019/05/17/в-музее-серебряного-века-состоялась-л/; дата обращения 3.08.2019) говорят о пиетете Брюсова к Гиппиус. Н.А. Богомолов в статье «Мифы о Гиппиус и мифы Гиппиус: гендерный аспект» (*Bogomolov N.* Mythes sur Guippius et mythes de Guippius: le point de vue du genre // Zinaïda Guippius: Poésie et philosophie du genre / Sous la direction

(см. илл. 4) — был, очевидно, отправлен автором в Париж, где в тот момент находились супруги и Д.В. Философов. Об

Илл. 4. Национальная библиотека Франции (BnF)

этом продолжительном пребывании во французской столице (1906–1908) и об отношениях с автором «Путей и перепутий» Гиппиус писала в очерке «Одержимый»: «Но в Париже именно с Брюсовым у меня была самая деятельная переписка; и вновь началось сотрудничество в “Весах”, из книжки в книжку <…> Остроумные, едкие письма Брюсова позволяли мне разбираться в общем положении дел»[36]. Не только письма посылал Брюсов

d’O. Blinova. Strasbourg, 2016. P. 158), упоминая об отношениях Гиппиус и Брюсова, отмечает, что «очевидно, что он <Брюсов — *О.Б.*> был использован <…> как исполнитель роли страстного поклонника» в сложной эротической игре Гиппиус. Думается, что дарственная надпись Брюсова из парижского собрания в определенной мере отражает обе указанные грани непростых взаимоотношений двух поэтов.

[36] *Гиппиус З.Н.* Одержимый. О Брюсове // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 6: Живые лица. М., 2002. С. 51.

Гиппиус (и Мережковскому), но и множество книг, журналов и газет для написания статей и рецензий, в частности для «Весов»[37]. К сожалению, помимо книги с дарственной надписью, ни одно из отправленных Брюсовым изданий не фигурирует в инвентарной описи парижского собрания.

Следующий факт из творческой биографии Гиппиус связан с ее рассказом «Сокатил», опубликованном сначала во французском переводе в журнале “Mercure de France” (Paris. 1er août 1907. T. LXVIII. № 243. P. 480–488), а затем на русском языке в «Весах» (1907. № 8. С. 17–24). Историю его издания в обоих журналах можно проследить по переписке с Брюсовым[38]. Судя по авторской дате и по письму к Брюсову от 15 (28) ноября 1906 г., рассказ написан в 1906 г. еще до отъезда из Санкт-Петербурга в Париж: «К какому № желателен вам рассказ? Я пришлю вам о хлыстах, “Сокотил” <так!>, еще петербургский»[39]. Источником для его написания послужило сообщение «Русский простонародный мистицизм», прочитанное духовным писателем Николаем Ивановичем Барсовым[40] 13 мая 1869 г. на собрании Этнографического отделения Императорского Русского географического общества. Текст сообщения включен в сборник статей Барсова «Исторические, критические и полемические опыты»[41]. Экземпляр сборника имеется в парижском собрании, но интересующая нас статья не содержит ни одной владельческой пометы. Перед нами серьезный научный труд, основанный на критическом изучении исследований непосредственных предшественников Барсова — И.М. Добротворского[42] и П.И. Мельникова[43], а также на анализе

[37] Просьбы о посылке печатных новинок встречаются в письмах супругов Брюсову. См., например, письма Гиппиус от 12 (25) августа 1906 г. и от 19 января (1 февраля) 1908 г.: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906–1909) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 142, 199, а также письма Мережковского от 6 (19) октября 1906 г. и от 13 (26) октября 1907 г.: Там же. С. 151, 193.

[38] Там же. С. 168, 172, 173, 179, 192.

[39] Там же. С. 154.

[40] В 1869–1889 гг. Н.И. Барсов (1839–1903) был профессором гомилетики Петербургской духовной академии.

[41] *Барсов Н.* Исторические, критические и полемические опыты. СПб., 1879. С. 71–113.

[42] *Добротворский И.М.* Люди Божии: Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869. Добротворский Иван Михайлович (1832–1883) — историк старообрядчества и русских сект, ординарный профессор Казанского университета по кафедре церковной истории.

[43] *Мельников-Печерский (Мельников) П.И.* Белые голуби. М., 2014. Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский, 1818–1883) — русский прозаик, этнограф, автор романов из жизни заволжского старообрядческого купечества «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881). В 1847–1866 гг. как чиновник по

145 песен секты Людей Божьих, собранных самим Барсовым «преимущественно в г. Липецке (летом 1868 г.)»[44]. Более того, во время своей работы Барсов имел доступ к редким материалам, в частности к «обширной записке калужского священника Сергеева[45] "О расколе, именуемом Христовщина", представленной в 1809 г. в Святейший Синод и обращающейся в рукописи между специалистами»[46]. Многие важные фрагменты рассказа Гиппиус перекликаются с материалами третьей части статьи Барсова, посвященной нравственному учению хлыстов, их обрядам и радениям[47]. Главная героиня «Сокатила» — простая деревенская женщина, двадцатисемилетняя Дарьюшка из села Ефремовка. Она входит в состав хлыстовского корабля вместе с мужем, пожилым Иваном Федотычем, который, женившись на ней, когда она была еще девчонкой, «разженился» по хлыстовскому обычаю, после того как познал истинную веру и приобщил к ней молодую жену. Значительная часть рассказа посвящена описанию радения, «праздничка» в Ефремовке в избе Василья Силантьевича, во время которого на Дарьюшку сокатил Дух Святой... Ход «праздничка» в рассказе Гиппиус соответствует в общих чертах этапам хлыстовских радений из записки священника Сергеева, цитируемой Барсовым[48]. Из нее же автор рассказа черпает описание убранства радельной и специфических белых обрядовых одежд с длинными рукавами. Имя хозяина радельной Василья Силантьевича напоминает имя домохозяина Федора Силантьевича из рассказа «одного обратившегося хлыста»[49] со страниц труда Барсова. Также из его третьей части писательницей заимствованы многие характерные детали обряда вплоть до «свального греха», а некоторые фрагменты используются ею дословно. В приводимой Барсовым записке Сергеева говорится о том, что, собравшись, радеющие «кланяются в ноги сначала главному учителю, потом всем братьям и сестрам, которые вошедшему отвечают тем же. Вставши, вошедший целует в руку и в уста наставника, потом целуется с прочией братиею <...> все садятся по лавкам

особым поручениям занимался исследованием и искоренением старообрядчества. В журнале «Русский Вестник» опубликованы его работы о русских скопцах и хлыстах: «Тайные секты» (1868) и «Белые голуби» (1869). Именно на эти работы ссылается Барсов.

[44] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 71.

[45] Иван Сергеев был священником села Забельни Калужской епархии. В течение шести лет по поручению Феофилакта Калужского (в миру Федор Гаврилович Русанов, 1765–1821) входил в состав секты, наблюдения над которой отражены в его записке «Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина».

[46] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 74.

[47] Там же. С. 91–102.

[48] Там же. С. 94–97.

[49] Там же. С. 97.

и расстилают на коленях платки и полотенца»[50]. У Гиппиус читаем: «Стали подходить, в ноги друг другу кланяться, целоваться. Сели все, с платом на коленях»[51]. Слова наставника из той же записки Сергеева, обращенные к хозяину дома: «ну-ко-сь, господин хозяин, благоволите-ка нам с Государем батюшкою повеселиться, небесною пищею Его насладиться, Богом-светом завладать и на святом кругу его покатать»[52], — включены в рассказ Гиппиус с незначительными изменениями[53]. Сведения о том, что хлысты против супружеского сожития, которое они почитают наравне с беззаконным прелюбодеянием, даются Барсовым во второй части, посвященной догматике хлыстов[54], где также идет речь об усердном посещении братией церкви с целью сокрытия от мира их действительной жизни[55]. Что же касается «распевцев»[56], которыми богат текст Гиппиус, то, помимо четверостишия о Марфе-плоти «Богу порадейте...»[57] из барсовского сообщения[58], тексты песен цитируются либо без изменений, либо с перестановкой стихов и/или купюрами по публикации «Духовные стихи (роспевцы[59]) секты людей Божьих, собр. действ. чл. Н.И. Барсовым»[60]. Часть поэтического фрагмента «Походи с нами, Христе, сокати с небесе...»[61], давшая название рассказу «Сокатил», заимствована, вероятно, из монографии Добротворского «Люди

---

[50] Там же. С. 94.

[51] *Гиппиус З.Н.* Сокатил // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 3: Алый меч. М., 2001. С. 483.

[52] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 95.

[53] «Ну-кось, благоволите-ка нам, господин хозяин, с государем-батюшкой повеселиться, питием небесным усладиться, Богом-светом завладать, на свят круге его покатать...» (*Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 493).

[54] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 90.

[55] Там же. С. 88.

[56] *Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 483.

[57] Там же. С. 484.

[58] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 93.

[59] Так в тексте.

[60] Духовные стихи (роспевцы) секты людей Божьих / собр. Барсовым Н.И. // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. 1871. Т. 4. С. 1–154. См. стихотворение 1 на с. 1 из собрания Барсова для отрывка «Дай нам, Господи...»: *Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 483. Об этом первом в серии цитируемых Гиппиус стихотворений Барсов пишет: «Это — один из бесчисленных вариантов общеизвестной хлыстовской песни, которою неизбежно начинается каждое раденье» (Духовные стихи… С. 1, примеч.). Следовательно, писательница постаралась учесть в своем рассказе не только содержание, но и порядок исполнения распевцев во время хлыстовских радений. Для «Вспомним апостольское время...» (*Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 485) см. стихотворение 2 на с. 2 у Барсова. См. стихотворение 19 на с. 29–31 у Барсова для поэтических фрагментов «О, любовь, любовь...», «Ты течешь, любовь...» и «Любовь, любовь...» (*Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 484, 485).

[61] *Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 484.

Божии: Русская секта так называемых духовных христиан»[62] или из публикации Мельникова «Белые голуби»[63]. О типах радений «в одиночку», «в схватку», «круговых» и «стеночных»[64] Гиппиус могла прочесть в брошюре известного русского миссионера и знатока сектантских течений Михаила Александровича Кальнева (1864–1920) «На радении у хлыстов»[65] и частично у Мельникова[66]. Произведения Добротворского, Мельникова и Кальнева не значатся в инвентарном списке печатных изданий, проданных Злобиным, как не значится в нем и четвертый том «Записок Императорского Русского географического общества по отделению этнографии» за 1871 г. с собранными Барсовым «роспевцами». Одним из возможных объяснений тому может послужить неполнота проданной библиотеки Мережковских, о чем уже шла речь[67], либо тот факт, что источники распределялись между парижской и петербургской домашними библиотеками супругов, а часть книг для работы поступала из публичных или частных библиотек. Как бы там ни было, принимая во внимание приведенные совпадения, статья Барсова «Русский простонародный мистицизм» бесспорно является основным источником рассказа: именно в ней Гиппиус нашла научную канву для своего рассказа, именно здесь могла почерпнуть сведения и о названных нами (помимо брошюры Кальнева) дополнительных источниках. Научная достоверность рассказа о хлыстах была важна для писательницы. В письме к В.Я. Брюсову от 1 (14) июня 1907 г. она ведет речь о готовящемся французском переводе текста и находит нужным упомянуть о научной компетентности переводчика: «Переводчика мы нашли прекрасного, старательного, преданного и понимающего, знающего недурно по-русски и даже написавшего книгу о “русских сектах”, Séverac»[68]. Действительно, переводчик Жан-Батист Севрак (1879–1951) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русская секта Божьих Лю-

[62] *Добротворский И.М.* Указ. соч. С. 61.

[63] *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 8: Вечные спутники / Сост., подгот. текста, примеч., послесл. Е.А. Андрущенко. М., 2017. С. 57.

[64] *Гиппиус З.Н.* Сокатил. С. 482.

[65] *Кальнев М.А.* На радении у хлыстов. Одесса, 1902. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Kalnev/na-radenii-u-hlystov/ (дата обращения 10.08.2019).

[66] *Мельников-Печерский (Мельников) П.И.* Указ. соч. С. 57–63.

[67] Начатый в нашей статье (*Блинова О.А.* Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского. С. 448) список не фигурирующих в инвентарной описи НБФ изданий, по идее входивших в парижское собрание супругов, может быть пополнен печатными изданиями, которые отправлял Мережковским в 1906–1908 гг. за границу Брюсов.

[68] Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906–1909). С. 168.

дей», которая вышла отдельной книгой[69]. Следует также отметить, что Гиппиус не использовала в рассказе наименование «хлысты»[70], что противоречило бы реальности. Она чутко уловила замечание Барсова о том, что наименование это было в ходу в народе, тогда как секта в своих песнях величала себя «Людьми Божьими»[71]. Итак, присутствие статьи Барсова в парижской библиотеке подрывает миф о Гиппиус-хлыстовке, созданном частично ею самой, частично ее секретарем Злобиным. Позволим себе процитировать широко известные строки: «В ее книге “Лунные муравьи”[72] есть рассказ, озаглавленный “Сокатил”, где с большим знанием дела описано хлыстовское радение»[73]. Из вышеизложенного следует, что «большое знание дела» основано скорее на серьезном, даже научном подходе к хлыстовству, нежели на реальной причастности Гиппиус к данной секте.

Но этим влияние исследования Барсова на творчество Гиппиус не исчерпывается, т.к. размышление над феноменом хлыстовства, его догматикой, обрядностью и связью с другими мистическими течениями питало многие проекты Гиппиус. И здесь придется еще раз не согласиться со Злобиным, утверждавшим, что «больше об этом <о хлыстовстве. — *О.Б.*> она никогда не сказала ни слова»[74]. Статья Гиппиус с евангельским названием «Хлеб жизни»[75], о которой пойдет речь, переносит нас в самое начало XX в. (и даже на его порог), эпоху, когда Мережковские вынашивали проект создания новой Церкви Христа, которая должна была стать «ликом религии евангельской, христианской, религии Плоти и Крови»[76]. Опубликованная в журнале «Мир искусства» (1901. № 11–12. С. 323–334), статья отразила мысли Гиппиус по этому вопросу. Однако не только

---

[69] *Séverac J.-B.* La Secte russe des Hommes-de-Dieu: thèse de doctorat, présentée à la Faculté des lettres de l’Université de Montpellier. Paris, 1906.

[70] Насколько нам известно, наименование «хлысты» (Khlystys) было использовано лишь в кратком предисловии переводчика Ж.-Б. Севрака (см.: *Hippius Z.* Il est descendu // Mercure de France. Paris. 1er août 1907. T. LXVIII. № 243. P. 480). Указание И.В. Янишевской на существование в рассказе «массы неточностей, характерных для “непосвященных”» (*Янишевская И.В.* Опыт жизнетворчества Зинаиды Гиппиус: к вопросу о мифологизации образа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 302), кажется необоснованным, тем более что из «массы неточностей» в ее статье упоминается только проблема «сектонима».

[71] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 71.

[72] Неточность: после журнальных публикаций рассказ «Сокатил» вошел в сборник «Черное по белому. Пятая книга рассказов» (СПб., 1908. С. 209–226).

[73] *Злобин В.А.* Тяжелая душа. М., 2004. С. 313.

[74] Там же. С. 313.

[75] «Я есмь хлеб жизни» (Иоан. 6:35).

[76] *Гиппиус З.Н.* О Бывшем (1899–1914) // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8: Дневники 1893–1919. М., 2003. С. 70.

евангельские тексты, в разговорах о которых, по словам Гиппиус, супруги проводили в ту пору много времени[77], послужили основой для ее написания. Центральная сквозная метафора этого текста — черствая корка[78] современного хлеба жизни, не утоляющего ни голод тела, ни голод духа, — напоминает «черствый хлеб» из цитируемой Барсовым записки священника Сергеева, в которой приводится диалог между наставником корабля и хозяином радельни о небесной пище, мягких пирогах слова Божьего из уст наставника[79]. Диалог снабжен следующим комментарием Сергеева: «У них св. Писание называется сухарями, черствым хлебом, давно уже испеченным, т.е. проповеданным, а их пророчество — мягкими и горячими пирогами, которые вынимаются прямо из печи, т.е. из уст пророка»[80]. А вот что пишет Гиппиус по поводу исторического христианства: «Интересно проследить <...> какую роль играет в нашей общей жизни историческое христианство и лик этой религии — церковь? Нас крестят, записывают в книгу; мы крещения не помним, как будто его никогда и не было. <...> Потом любовь — я венчаюсь; аскетическая религия идет тут на большой компромисс — но я его и не замечаю почти — некогда: дети мои будут законные <...> а вот в жизнь мою врываются новые заботы, мелкие, нудные, серые, бесконечные и ужасно бессмысленные, но несомненно нужные. Аскетическая религия не смогла — да и не могла — войти в мои нужные заботы, не оросила, не умягчила моей черствой корки, и потому сама осталась ненужной мне»[81]. В этом фрагменте Гиппиус называет два из семи церковных таинств, отмечая, что они мало или вовсе никак не изменяют жизнь современного человека, т.е. приводит ту же аргументацию, какой пользуются хлысты для того, чтобы объяснить причину их неприятия христианских обрядов, приобщающих верующих к божественной благодати: «“Церковь есть учреждение, ничем не отличающееся от ветхозаветной синагоги и других языческих собраний и только предзнаменующее их <хлыстов. — *О.Б.*> духовную церковь”. Таинств они не признают <...> на том основании, что по совершении их, с теми,

[77] *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. С. 250.

[78] Вариации этой метафоры в статье Гиппиус многочисленны. Вот несколько примеров: «каменная коврига», «железная просвира»; «окаменевшая корка современной культуры»; «черствый хлеб», «черная корка» (*Гиппиус З.Н.* Хлеб жизни // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 7: Мы и они. М., 2003. С. 11, 13, 23).

[79] На просьбу наставника позволить братии насладиться небесной пищей Бога-света хозяин отвечает: «родимый ты наш батюшка, вить знаешь: народ Божий собрался не стен моих смотреть, а мягких пирогов твоих покушать и слова Божьего, от тебя, Государь, послушать» (*Барсов Н.* Указ. соч. С. 95).

[80] Там же. С. 95.

[81] *Гиппиус З.Н.* Хлеб жизни. С. 14.

над кем они совершены, не происходит будто бы никакой видимой перемены»[82]. При всем согласии (хотя и негласном) с хлыстовством по поводу неподвижности официальной церкви, Гиппиус спешит отмежеваться от сектантства в целом, неспособного, по ее словам, создать новую церковь в силу того, что оно основано на отрицании несектантского, вместо необходимого для этого дела стремления к единству[83].

Интерес Гиппиус и Мережковского к хлыстовству и, шире, сектантству[84] как средоточию живой народной веры достигнет апогея летом 1902 г., когда супруги отправятся в путешествие на озеро Светлояр, к легендарному граду Китежу, где ежегодно в ночь на 21 июня собирались староверы-раскольники, представители самых разнообразных сект и местное духовенство. Упомянем также особое место, принадлежащее расколу в романе Мережковского «Петр и Алексей»[85], к которому нам предстоит вернуться. Еще одно немаловажное замечание Барсова не могло не привлечь внимания обоих супругов — заключение ученого об эволюции хлыстовства в начале XIX в., «в эпоху непомерного развития мистицизма в России», когда «в лице своих членов из высшего общества (хлысты михайловского замка) хлыстовщина приходит в соприкосновение и с квакерством и с масонством»[86], несомненно испытывая на себе их влияние. Разбирая работы предшественников, Барсов приводит имена Е.Ф. Татариновой (урожд. баронесса Буксгевден), князя А.Н. Голицына, тайного советника В.М. Попова, генерала Е.А. Головина, обер-гофмейстера Р.А. Кошелева и т.д., т.е. всех тех высокопоставленных лиц и высокообразованных особ из высшего светского общества, которые принимали участие в собраниях «духовного союза» Татариновой, проходивших в Михайловском (Инженерном) замке. Параллели в ду-

[82] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 90.

[83] *Гиппиус З.Н.* Хлеб жизни. С. 17.

[84] Сходство некоторых аспектов учения Мережковских, а также их религиозных практик с сектантством отмечалось как современниками супругов, так и исследователями. О Мережковском-прототипе столяра-сектанта Кудеярова в романе А. Белого «Серебряный голубь» см.: *Лавров А.В.* Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 106–107. См. также: *Кузнецова Е.* Отражение философско-религиозных идей Д. Мережковского в симфонии «Кубок метелей» и романе «Серебряный голубь» Андрея Белого // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. P. 175–194. Статья Е. Кузнецовой развивает наблюдения Лаврова с опорой на текст романа Белого и свидетельства современников.

[85] В.В. Розанов в 1903 г. пишет: «Год назад, собирая материалы для романа о царевиче Алексее, он <Мережковский> посетил знаменитые Керженские леса Семеновского уезда Нижегородской губернии, — родину русского раскола» (*Розанов В.В.* Среди иноязычных // Мир искусства. 1903. № 7–8. С. 70).

[86] *Барсов Н.* Указ. соч. С. 112.

ховных практиках «хлыстов михайловского замка» и Мережковских, религиозные устремления которых современники называли «интеллигентной хлыстовщиной»[87], подробно разобраны М.М. Павловой в статье «К истории неохристианской коммуны Мережковских»[88]. В этой же статье представлена по крупицам собранная информация об отношениях Мережковских со знаменитым масоном М.М. Ковалевским (1851–1916), проведшим восемнадцать лет в вынужденной эмиграции во Франции. Повествуя о моменте возвращения Ковалевского на родину, в частности для устроения в России масонских лож по французскому образцу, Павлова приходит к заключению: «Мережковские и Философов в это время (а возможно, еще и раньше) находились в поле зрения и деятельности Ковалевского, хотя прямых свидетельств о том мы не встречали»[89]. Добавим несколько штрихов к истории этих взаимоотношений. Ковалевский прибывает в Россию в августе 1905 г. По-видимому, очень скоро между ним и Мережковским налаживается непосредственный контакт. В «петроградской» библиотеке Ковалевского, переданной после его смерти в Московский университет, сохранилась книга Мережковского «Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского» (СПб.: Пирожков, 1903) с инскриптом: «Глубокоуважаемому Максиму Максимовичу Ковалевскому в дань уважения и преданности от Д.С. Мережковского. 30/IX <19>05 СПб.». Помимо книги с дарственной надписью в библиотеке масона сохранились и другие издания Мережковского, среди которых особо отметим две первые части трилогии «Царство зверя» — драму «Павел I» (СПб.: Пирожков, 1908) и роман «Александр I» (Т. 1–2. СПб., М.: Вольф и Сытин, 1913) с сильной масонской составляющей (заключительная часть трилогии «14 декабря» вышла в 1918 г., уже после смерти Ковалевского). О неустанном интересе Ковалевского к творчеству Мережковского говорят и вырезки из шведских газет, отложившиеся в архиве НБ МГУ (ф. 8, оп. I, ед. хр. 12)[90]: они по-

[87] *Бердяев Н.А.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Д. Мережковского в оценке современников: Антология / Сост. А.Н. Николюкин. СПб., 2001. С. 341.

[88] *Павлова М.М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 2 // Русская литература. 2017. № 4. С. 166–194.

[89] *Павлова М.М.* Указ. соч. С. 184.

[90] Выражаю сердечную благодарность сотрудникам ОРКиР НБ МГУ им. М.В. Ломоносова Петру Владимировичу Кузнецову и Софье Ефимовне Матлиной, а также заведующему отделом Александру Львовичу Лифшицу за помощь в поисках ценной информации. О судьбе библиотеки Ковалевского см.: *Матиева А.Х.* Библиотека М.М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. К 60-летию образования Отдела: Сб. статей НБ МГУ. [Вып. VIII]. М., 2008. С. 243–288.

крывают период с выхода в свет романа «Юлиан–отступник» (1895) до публикации исследования «Гоголь и черт» (1906). Относительно экземпляра книги Барсова «Исторические, критические и полемические опыты» из парижской библиотеки можно с большой долей уверенности предположить, что он был подарен Мережковским во Франции, т.к. его корешок снабжен золотым тиснением и надписью на французском языке: «N. Barsov. Essais historiques 1879»[91] (что, судя по другим изданиям библиотеки, не входило в привычки супругов). Интересно, что в «петроградской» библиотеке Ковалевского имеются похожие переплеты на книгах, которые он привез из своей обширной библиотеки, собранной в Болье. Возможно, что сборник Барсова попал в парижскую библиотеку Мережсковских из французского собрания Ковалевского в Болье, но эта гипотеза требует дополнительной тщательной проверки. Моменты написания и публикации двух текстов Гиппиус (1901, 1906, 1907), для которых труд Барсова послужил источником, возвращают нас к проблеме датировки основания парижской библиотеки.

Приняв во внимание текстовые пометы Мережковского в труде А.И. Незеленова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1763–1785 гг.» (СПб., 1875), сделанные писателем в процессе работы над масонским[92] пластом драмы «Павел I», завершенной в Париже осенью 1907 г.[93], нами ранее была выдвинула гипотеза о том, что «вероятнее всего, по-настоящему библиотека начала разрастаться в 1906–1908 гг., когда Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов провели более двух лет за границей[94], сняв в Париже квартиру в доме *15 bis* на улице *Théophile Gautier*». При этом не исключалась возможность того, что заложена библиотека была раньше: «Среди проданных Злобиным книг есть, например, сборник статей В.В. Розанова “Сумерки просвещения” с дарственной надписью “Уважае-

[91] «Н. Барсов / Исторические опыты / 1879».

[92] Еще один текст из парижской библиотеки посвящен масонству. Это исследование Н.И. Барсова «Из истории мистицизма в России» (1875), включенное в сборник статей «Исторические, критические и полемические опыты» за 1879 г.» (*Барсов Н.* Указ. соч. С. 245–260). В нем речь идет о преследованиях адмирала А.С. Шишкова (1754–1841), направленных с момента его вступления в должность министра народного просвещения в 1824 г. «против мистических и масонских книг, в большом количестве распространившихся в России в министерство Голицына» (Там же. С. 246).

[93] Об этом, а также о переговорах по поводу публикации драмы в «Весах» см.: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906–1909). С. 168, 178, 181–182, 184, 187, 189, 192, 193.

[94] Именно в этот период библиотека Мережковских пополняется такими изданиями, как «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) Н.А. Бердяева, «От Чехова до наших дней» (1908) К.И. Чуковского и «Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. 1» [на тит. л. 1908] В.Я. Брюсова.

мым Зинаиде Николаевне и Димитрию Сергеевичу Мережковским автор. СПб. <18>99 г. 27 фев<раля>". Возможно, что супруги захватили с собой подаренный сборник, уезжая в октябре 1899 г. за границу, где они провели почти год (октябрь 1899 г. — 14 сентября 1900 г.)»[95]. Помимо труда Барсова, использование Гиппиус текстов из монографии Незеленова для создания своей теории любви также говорит в пользу раздвижения временных рамок. Самым показательным примером может послужить выделенный в парижском экземпляре труда Незеленова отрывок из «Записной книжки» Виельгорского, посвященный масонскому верованию о назначении поцелуя: «"Адам сообщал магическую тинктуру (алхимический термин) для зачатия человека" посредством "целомудренного лобзания"»[96]. Отголоски этого верования ощутимы как в статье Гиппиус «Влюбленность» (Новый путь. 1904. № 3. С. 180–192), так и в ее дневнике "Contes d'amour" (1893–1904). Продолжая развивать идею душетелесности человека, рассмотренную в статье «Хлеб жизни» в ключе чаемого синтеза жизни и религии, Гиппиус в статье «Влюбленность» ведет речь о душетелесности любви и представляет поцелуй «первым звеном в цепи явлений телесной близости»[97] на бесконечном (в человеческих масштабах) пути «преображения пола в новую христианскую влюбленность»[98]. Принципиально отказываясь от полового акта и деторождения, она добавляет: «желание, страсть от жадности украли у нее <у влюбленности. — *О.Б.*> поцелуй, — давно, когда она еще спала, — и приспособили его для себя, изменив, окрасив в свой цвет. Он ведь им в сущности не нужен. У животных его и нет, они честно выполняют закон — творить»[99]. Много раньше, 19 декабря 1900 г., Гиппиус записывает в дневнике «любовных историй»: «Весь смысл моего поцелуя — то, что он не ступень к той форме любви <к половому акту. — *О.Б.*>… Намек на возможность. Это — мысль, или чувство, для которого еще нет слов. Не то! Не то! Но знаю: можно углубить пропасть. Я не могу — пусть! Но будет. Можно. До небес. До Бога. До Христа»[100].

Одна из центральных идей, изложенных Гиппиус в статье «Влюбленность», — о том, что тайна преображения пола «будет вечно

---

[95] *Блинова О.А.* Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского… С. 439.
[96] *Незеленов А.И.* Указ. соч. С. 84.
[97] *Гиппиус З.Н.* Влюбленность // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 7: Мы и они. М., 2003. С. 85.
[98] Там же. С. 82.
[99] Там же. С. 84–85.
[100] *Гиппиус З.Н.* Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904) // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8: Дневники 1893–1919. М., 2003. С. 53.

раскрываться, до конца оставаясь тайной»[101] и что «“Истина” не будет познана здесь ни отдельным человеком, ни человечеством»[102], но, расширяясь для каждого ищущего, будет соответственно расти и для человечества на пути познания, указанном Христом, — созвучна вводному тезису, использованному философом А.А. Гассиевым[103] в статье «Основы религии и нравственности по учению философа Гербарта[104] и его школы» для доказательства возможности примирения науки и религии: «В христианстве *объективно* дана вся полнота нравственно-религиозных истин. *Объем* их, а равно и *содержание* не могут быть расширены; но, раскрываясь и выясняясь под разнообразными условиями восприимчивости человеческого духа, для сознания людей эти истины не заключены в неизменных или постоянных формах, т.е. *субъективно* для человека они раскрываются; иначе сказать, по характеру эпохи, по состоянию культуры и нравов, человечество воспринимает преимущественно ту или другую сторону религиозно-моральной идеи, открытой в христианстве. Последняя в этом, а не другом смысле подлежит *историческому процессу развития*»[105]. Номер журнала со статьей Гассиева входит в состав парижской домашней библиотеки Мережковских, и процитированный отрывок выделен в нем голубым карандашом. Неожиданное поэтическое воплощение у Гиппиус получили размышления Гассиева о необходимости для современного богослова «*новой методы* в богословских науках»: «Из сказанного вытекает, что способ раскрытия и изъяснения истин христианства не может оставаться одним и тем же, т. е. постоянным для всякого времени <...> С развитием психологического знания, антропологии, этнологии и вообще наук естественных, богослов не может не изменить

[101] *Гиппиус З.Н.* Влюбленность. С. 88.

[102] Там же. С. 87–88.

[103] Гассиев Афанасий Абрамович (наст. имя Афако Абиевич, 1844–1915) — выходец из бедной осетинской семьи, до 14 лет не знавший грамоты. Учился во Владикавказском духовном училище, затем в Ставропольской гимназии. В 1870 г. закончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата по истории философии, психологии, педагогике и основному богословию. О нем подробнее см.: *Дзеранов Т.Е.* Творческое наследие А.А. Гассиева и проблемы нашего времени // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11851 (дата обращения 19.09.2019).

[104] Гербарт (Хербарт) Иоганн Фридрих (1776–1841) — немецкий философ, психолог, основатель немецкой школы педагогики. Основоположник так называемой формальной эстетики, по положениям которой источником прекрасного являются гармония, ритм, симметрия, пропорции. Его труд «Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике», изданный в 1824–1825 гг., положил начало научному подходу в области психологии.

[105] *Гассиев А.А.* Основы религии и нравственности по учению философа Гербарта и его школы // Христианское чтение. 1878. № 5–6. С. 617.

как вообще методы раскрытия и объяснения религиозных истин, так и способа обоснования и защищения их. Иначе было бы напрасно его стремление примирить знание религиозное и знание современно-научное»[106]. Разбирая философию Гербарта, Гассиев указывает на то, что многие ее пункты могут «содействовать сближению веры со знанием»[107]. Судя по авторской дате, в 1902 г. Гиппиус написала стихотворение «О вере», которое с посвящением «А.К.» вошло в ее первый сборник «Собрание стихов. 1889–1903» (М.: Скорпион, 1903; на титульном листе 1904). Процитируем его заключительную строфу: «Отдайся новым созерцаньям, / О том, что было, — не грусти, / И к вере истинной — со знаньем — / Ищи бесстрашного пути»[108]. В комментариях к стихотворению А.В. Лавров отмечает: «Адресат посвящения — по всей вероятности, А.В. Карташов»[109]. В момент знакомства с Мережковскими, которое состоялось в связи с устройством и проведением Религиозно-философских собраний (ноябрь 1901 — апрель 1903), Карташов был доцентом на кафедре истории русской церкви Петербургской Духовной Академии. «К нам в дом, — пишет Гиппиус в дневнике, — стали приходить священники, лавриты, профессора Духовной Академии <...> Из всех заметнее был Карташов, умный, странноватый, говорливый на Собраниях: сразу как будто из *того* лагеря перешедший в наш, в наши мысли»[110]. В созданном в том же 1902 г. стихотворении «Нагие мысли» Гиппиус еще раз использует отмеченную Гассиевым идею «сближения веры со знанием»[111], включая ее в важное для ее поэтики пространство универсального синтеза:

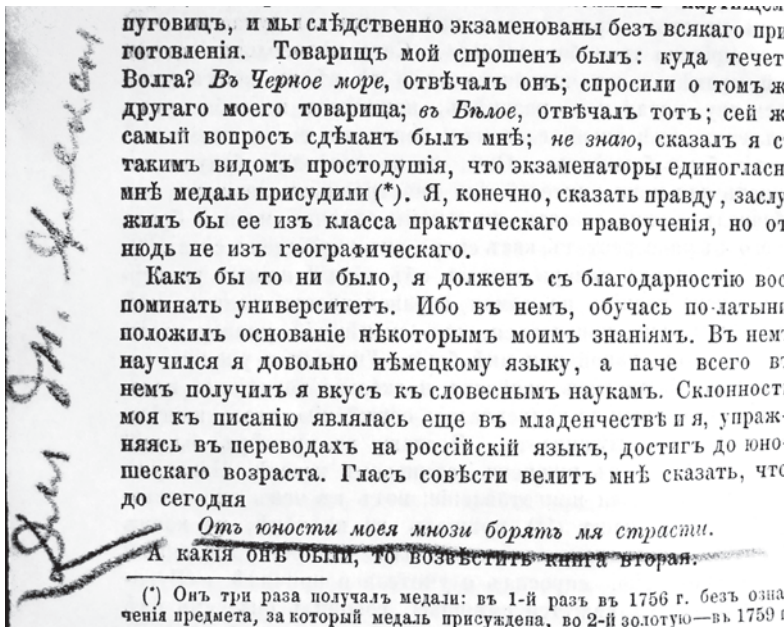
Мы соберемся в скорби священной,
В дыме курений, при пламени свеч,
Чтобы смиренно и дерзновенно
В новую плоть наши мысли облечь.

Мы соберемся, чтобы хотеньем
В силу бессилие преобразить,
Веру — со знанием, мысль — с откровеньем,
Разум — с любовию соединить[112].

---

[106] Там же. С. 618.
[107] Там же. С. 629.
[108] *Гиппиус З.Н.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подготовка текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб., 1999. С. 132.
[109] Там же. С. 470, примеч. 84.
[110] *Гиппиус З.Н.* Contes d'amour. С. 59–60.
[111] *Гассиев А.А.* Указ. соч. С. 629.
[112] *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 131.

Еще несколько фактов, на сей раз связанных с творчеством Мережковского, подкрепляют нашу гипотезу о дате основания парижской библиотеки. Начнем с текстовых помет Мережковского в сборнике Д.И. Фонвизина «Сочинения, письма и избранные переводы»[113], которые относятся ко времени создания романа «Антихрист (Петр и Алексей)»[114] (1904), заключительной части трилогии «Христос и Антихрист». В тексте «Чистосердечного признания» на с. 534 сборника Фонвизина против фразы «От юности моея мнози борят мя страсти» рукой Мережковского отмечено: «Для дн<евника>

пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? *Въ Черное море*, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища; *въ Бѣлое*, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; *не знаю*, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили (*). Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста. Гласъ совѣсти велитъ мнѣ сказать, что до сегодня

Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти.

А какія онѣ были, то возвѣститъ книга вторая.

(*) Онъ три раза получалъ медали: въ 1-й разъ въ 1756 г. безъ означенія предмета, за который медаль присуждена, во 2-й золотую—въ 1759 г.

Илл. 5. Национальная библиотека Франции (BnF)

Алексея» (см. илл. 5). И действительно, эта фраза практически без изменения вошла в «Дневник царевича Алексея», в его покаянную запись: «Сопряженная мне <...> имеет во чреве. Еремка, Еремка, поганый бог! От юности моея мнози борют мя страсти. В окаянстве других обличаю, а сам окаяннее всех»[115]. Судя по мемуарам Гиппиус, роман «Антихрист (Петр и Алексей)» был задуман Мережковским

[113] *Фон-Визин Д.И.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866.
[114] Впервые опубликован в журнале «Новый Путь» (1904. Кн. I–V, IX–XII).
[115] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Ред. Е.Н. Любимова. М., 1990. С. 448–449.

в момент завершения второй части трилогии «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»[116]: «Окончив “Леонардо”, Д.С. раньше третьего, который уже имел в виду (“Петр I”), занялся большим трудом своим “Л. Толстой и Достоевский”»[117]. Отметим, кстати, что в созданном в 1898–1902 гг.[118] исследовании «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский довольно часто ссылается на произведения Гомера (экземпляр «Илиады» в переводе Н.И. Гнедича входит в состав парижской библиотеки[119]). Во второй главе второй части «Творчества Л. Толстого и Достоевского» (т. 1), упоминая о пристрастии древнегреческого поэта к «бесконечным описаниям» «созданий рук человеческих»[120], Мережковский дает в качестве одного из примеров словесное воспроизведение богатейшего орнамента на щите Ахиллеса из «Илиады»[121]. В третьей главе второй части (т. 1), комментируя слова Толстого о Наташе Ростовой из «Войны и мира» — «Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась <...> чем-то другим — неопределенным, но твердым, как связь ее собственной *души с телом*», — Мережковский приводит в достаточно вольной трактовке эпизод «Илиады», связанный с «золотой цепью», которой Зевс грозится соединить высокое небо и землю, дабы показать олимпийским богам свое превосходство: «И здесь у Льва Толстого, как везде и всегда, всё сводится к этой *“связи души с телом”*, к этому стихийно-животному, связующему плоть и дух, “душевному человеку” — к этой “золотой цепи” Вожделения-Эроса, которую боги, по словам Гомера, свесили с неба на землю и которою соединили они землю с небом, один пол с другим, одну половину мира с другою в единое “круглое” целое[122], единое Всё живое, животное»[123]. В многослойных пометах Мережковского в парижском экземпляре «Илиады» первый пласт

---

[116] Первые главы романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» под заглавием «Возрождение» опубликованы в журнале «Начало» (1899. № 1–2, 4). Впервые целиком роман напечатан в журнале «Мир Божий» (1900. № 1–12).

[117] *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. С. 249.

[118] О времени создания произведения «Л. Толстой и Достоевский» см.: *Андрущенко Е.А.* Тайновидение Мережковского // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М., 2000. С. 481. В продолжение хлыстовской темы у Мережковского добавим, что это исследование содержит краткие сведения о хлыстовской секте «бывшего каторжника, живущего на Сахалине, крестьянина Тихона Белоножкина» (Там же. С. 88).

[119] Илиада Гомера / Пер. с греч. Н.И. Гнедича (редижированный С.И. Пономаревым). СПб., 1892.

[120] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. С. 106.

[121] Там же. С. 107.

[122] Интересно, что здесь Мережковский проецирует на текст Гомера представленный в «Пире» Платона миф об андрогинах, одной из трех рас людей, населявших когда-то землю.

[123] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. С. 118.

в характерном для его работы списке важных страниц, регулярно помещаемом вне текста, содержит указание на страницы с двумя упомянутыми эпизодами (на об. форзаца для «щита Ахиллеса» и на об. нахзаца для «золотой цепи»). Сами отмеченные страницы[124] также носят владельческие пометы Мережковского[125].

Из вышеизложенного можно сделать три вывода. Во-первых, можно с большой долей уверенности предположить, что состав парижской библиотеки уже на пороге XX в. был достаточно значительным. Во-вторых, не исключено, что вольная интерпретация гомеровского фрагмента с «золотой цепью» в исследовании Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», помимо его привычки цитирования по памяти[126], имеет в данном случае намеренный характер: вынесение на первый план идеи соединения земли и неба, мужского и женского, плоти и духа созвучно стремлению к синтезу, выраженному Гиппиус в «Хлебе жизни», «Влюбленности» и многих других текстах. В мемуарах о Мережковском она вспоминает ссоры с мужем из-за идеи «“двойственности”, которую он развивал в романе “Леонардо” (“небо внизу — небо вверху”)»[127] и в преодолении которой Гиппиус, на наш взгляд, сыграла не последнюю роль. В-третьих, научный подход к творческому процессу, отмеченный Гиппиус в работе супруга, оказывается не чуждым и ей самой[128].

В заключение приведем слова В.Ф. Ходасевича о значении и влиянии Гиппиус «в жизни минувшей литературы», которое «<в>о всем объеме еще только предстоит обнаружить будущему *историку*»[129]. Одним из ценнейших «инструментов» в предстоящем исследовании творчества эпатажной и парадоксально немногословной, когда речь заходит о ее собственном литературном процессе, писательницы послужат книги из домашней парижской библиотеки Мережковских.

---

[124] *Гомер*. Указ. соч. С. 336, 119.

[125] Текст «Илиады» будет также задействован Мережковским позже в произведениях «Тайна Трех: Египет и Вавилон» (Прага: Пламя, 1925) и «Тайна Запада: Атлантида–Европа» (Белград: Русская тип., 1930 [на обл. 1931]).

[126] Об этом см. примеч. Е.А. Андрущенко: *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. С. 530.

[127] *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. С. 224.

[128] См. также замечание Ходасевича об источниках, использованных Гиппиус для «Маленького Аниного домика»: *Ходасевич В.Ф.* З.Н. Гиппиус. «Живые лица». I и II тт. Изд. «Пламя». Прага. 1925 // З.Н. Гиппиус: pro et contra. С. 606.

[129] *Ходасевич В.Ф.* Указ. соч. С. 601–602.

Литература

Андрущенко Е.А. Тайновидение Мережковского // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. С. 481–528.

Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Д. Мережковского в оценке современников: Антология / Сост. А.Н. Николюкин. СПб.: РХГА, 2001. С. 331–353.

Блинова О.А. Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского. Список изданий, проданных В.А. Злобиным НБФ в 1950 г. (Приложение) // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 436–456.

Гиппиус З.Н. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подготовка текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с.

Даниелян Э.С. В.Я. Брюсов и З.Н. Гиппиус (к вопросу о литературных взаимоотношениях) // Брюсовские чтения 1996 года: Сб. статей / Ред.-сост. С.Т. Золян. Ереван: Лингва, 2001. С. 192–204.

Дзеранов Т.Е. Творческое наследие А.А. Гассиева и проблемы нашего времени // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11851 (дата обращения 19.09.2019).

Кузнецова Е. Отражение философско-религиозных идей Д. Мережковского в симфонии «Кубок метелей» и романе «Серебряный голубь» Андрея Белого // Toronto Slavic Quarterly. Toronto, 2016. № 57. P. 175–194.

Лавров А.В. Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: НЛО, 2007. С. 106–107.

Матиева А.Х. Библиотека М.М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. К 60-летию образования Отдела: Сб. статей НБ МГУ. [Вып. VIII]. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 243–288.

Орлова М.В. Зинаида Гиппиус и Валерий Брюсов: к истории взаимоотношений: Лекция. URL: muzeemania.ru/2019/05/17/в-музее-серебряного-века-состоялась-л/ (дата обращения: 03.08.2019)

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 2 // Русская литература. 2017. № 4. С. 166–194.

Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906–1909) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 124–260.

Ходасевич В.Ф. З.Н. Гиппиус. «Живые лица». I и II тт. Изд. «Пламя». Прага. 1925 // З.Н. Гиппиус: pro et contra: Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей: Антология / Сост. А.Н. Николюкин. СПб.: РХГА, 2008. С. 600–607.

Янишевская И.В. Опыт жизнетворчества Зинаиды Гиппиус: к вопросу о мифологизации образа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 300–303.

Bogomolov N. Mythes sur Guippius et mythes de Guippius: le point de vue du genre // Zinaïda Guippius: Poésie et philosophie du genre / sous la direction d'O. Blinova. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2016. P. 155–168.

References

Andrushchenko E.A. Tainovidenie Merezhkovskogo [The mysticism of Merezhkovsky]. Merezhkovskii D.S. *L. Tolstoi i Dostoevskii* [L. Tolstoy and Dostoevsky], ed. E.A. Andrushchenko. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 481–528. (In Russ.)

Berdiaev N.A. Novoe khristianstvo (D.S. Merezhkovskii) [New Christianity (D.S. Merezhkovsky)]. *D.S. Merezhkovskii: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo D. Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov: Antologiia* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra: D. Merezhkovsky's personality and work evaluated by contemporaries: Anthology], ed. A.N. Nikoliukin. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2001, pp. 331–353. (In Russ.)

Blinova O.A. Parizhskaia nauchnaia biblioteka D.S. Merezhkovskogo. Spisok izdanii, prodannykh V.A. Zlobinym NBF v 1950 g. (Prilozhenie) [D.S. Merezhkovsky's Paris collection of scientific works. List of publications sold by Vladimir Zlobine to the National French Library in 1950 (Appendix)]. *D.S. Merezhkovskii: pisatel' — kritik — myslitel': Sbornik statei* [Dmitry Merezhkovsky: writer — critic — thinker. Collection of essays], ed., comp. O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 436–456. (In Russ.)

Bogomolov N. Mythes sur Guippius et mythes de Guippius: le point de vue du genre. *Zinaïda Guippius: Poésie et philosophie du genre*, sous la direction d'O. Blinova. Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg, 2016, pp. 155–168. (In French)

Danielian E.S. V.Ia. Briusov i Z.N. Gippius (k voprosu o literaturnykh vzaimootnosheniiakh) [Valery Bryusov and Zinaida Gippius (on their literary relationships)]. *Briusovskie chteniia 1996 goda: Sbornik statei* [Bryusov proceedings for 1996: Collection of essays], ed., comp. S.T. Zolian. Yerevan, Lingva Publ., 2001, pp. 192–204. (In Russ.)

Dzeranov T.E. Tvorcheskoe nasledie A.A. Gassieva i problemy nashego vremeni [A.A. Gassiev's literary heritage and issues of our time]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2014, no. 1. Available at: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11851 (accessed: 19.09.2019). (In Russ.)

Gippius Z.N. *Stikhotvoreniia* [Poems], intro., comp., ed. and comment. A.V. Lavrov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 592 p. (In Russ.)

Ianishevskaia I.V. Opyt zhiznetvorchestva Zinaidy Gippius: k voprosu o mifologizatsii obraza [Essay on Zinaida Gippius' life-creating: on the issue of mythologizing the image]. *Vestnik Russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2014, vol. 15, iss. 4, pp. 300–303. (In Russ.)

Khodasevich V.F. Z.N. Gippius. "Zhivye Litsa". I i II tt. Izd. "Plamia". Praga. 1925 [Z.N. Gippius. "The Living Faces". Vol. I and II. "Plamia" Publ. Prague. 1925]. *Z.N. Gippius: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Zinaidy Gippius v ocenke sovremennikov i issledovatelei: Antologiia* [Z.N. Gippius: pro et contra: Zinaida Gippius' personality and work evaluated by contemporaries and researchers: Anthology], comp. A.N. Nikoliukin. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2008, pp. 600–607. (In Russ.)

Kuznetsova E. Otrazhenie filosofsko-religioznykh idei D. Merezhkovskogo v simfonii “Kubok metelei” i romane “Serebrianyi golub’” Andreia Belogo [Reflection of D. Merezhkovsky’s philosophical and religious ideas in Andrei Bely’s symphony “Cup of Snowstorms” and novel “Silver Dove”]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2016, no. 57, pp. 175–194. (In Russ.)

Lavrov A.V. Dar'ial'skii i Sergei Solov’ev. O biograficheskom podtekste v “Serebrianom golube” Andreia Belogo [Daryalsky and Sergey Soloviev. On the biographical subtext in Andrei Bely's “Silver Dove”]. Lavrov A.V. *Andrei Belyi: Razyskaniia i etiudy* [Andrei Bely: Discoveries and studies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 106–107. (In Russ.)

Matieva A.Kh. Biblioteka M.M. Kovalevskogo v fonde Otdela redkikh knig i rukopisei [M.M. Kovalevsky’s library in the Rare Books and Manuscripts Department]. *Rukopisi. Redkie izdaniia. Arkhivy. Iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisei. K 60-letiiu obrazovaniia Otdela: Sb. statei NB MGU. Vyp. VIII* [Manuscripts. Rare editions. Archives. From the Rare Books and Manuscripts Department collections. To the 60th anniversary of the Department: Collection of essays of the Moscow State University Scientific Library]. Moscow, Vodolei Publishers, 2008, pp. 243–288. (In Russ.)

Orlova M.V. *Zinaida Gippius i Valerii Briusov: k istorii vzaimootnoshenii. (Lekciia)* [Zinaida Gippius and Valery Bryusov: On the history of their relationship. (Lecture)]. Available at: muzeemania.ru/2019/05/17/в-музее-серебряного-века-состоялась-л/ (accessed: 03.08.2019). (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale “dnevnikov” T.N. Gippius). Stat'ia 2 [On the history of the Merezhkovskys’ Neo-Christian community (based on T.N. Gippius’ “diaries”). Part 2]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 4, pp. 166–194. (In Russ.)

Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym (1906–1909) [The correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, and D.V. Filosofov with V.Y. Bryusov (1906–1909)], publ. M.V. Tolmachev, comment. T.V. Vorontsova. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2001, no. 15, pp. 124–260. (In Russ.)

Zinaida Gippius reading works from her Paris library

© 2019, Olga Blinova

Abstract: On the basis of printed materials in Russian, part of the Merezhkovskys' private library in Paris, a few biographical facts about Zinaida Gippius are specified, alongside dating the foundation of the aforementioned library. Thus, the article contributes to the study of the Russian-language part of D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius' Paris library. Of particular value to researchers of Russia abroad as a special phenomenon and Gippius' works of the émigré period are her notes on the margins, allowing to reconstruct her reflection of certain literary facts. The article also restores the history of some entries in the Merezhkovskys' home library. The study of library entries allows to clarify and establish the sources Gippius used for a short story about the Men-of-God sect "He Has Descended" (1904), the articles "Bread of Life" (1901) and "Infatuation" (1904) as well as the poems "On Faith" and "Naked Thoughts" (1902). On the basis of D.S. Merezhkovsky's notes important additions to the creative history and interpretation of his novel "Peter and Alexei" from the trilogy "Christ and the Antichrist", as well as the study "L. Tolstoy and Dostoevsky", are made. The final conclusion reflects the particular importance of the Merezhkovskys' library in Paris, its composition and the exact time of its formation for the study of Gippius' works, considering a small number of her own testimonies about her creative process.

Keywords: Zinaida Gippius, (Zinaida and Dimitri) Merezhkovsky's private Parisian books collection, Dimitri Merezhkovsky's collection of scientific works in Paris, National Library of France, Alexander Blok, Alexander Gavronsky, Nikolai Barsov, Russian popular mysticism, Freemasonry, Afanasy Gassiev, Johann Friedrich Herbart, Russian literature in the late 19th — early 20th centuries.

Information about author: Olga Blinova, PhD, associate member of the Research Unit GEO — Mediterranean, Oriental and Slavic Studies — EA 1340 of the University of Strasbourg, Strasbourg, France. E-mail: blinova.olga.aleksandrovna@gmail.com

Citation: Blinova Olga. Zinaida Gippius reading works from her Paris library. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 353–379. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-353-379

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-380-411
УДК 821.161.1

«Чужие» и «враги» в творчестве Льва Самойлова эстонского периода (1945–1952)*

© 2019, А.А. Данилевский

Аннотация: Предлагаемая статья, написанная в рамках комплексного исследования по теме «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма “свой”, “другой”, “чужой”, “враг” в культурах Эстонии XIX–XXI вв.», представляет результаты изучения внешнеполитических карикатур, опубликованных в таллиннской «Советской Эстонии» в 1945–1952 гг. Анализ проводится на материале графических работ художника-сатирика Льва Самойлова (псевдоним Льва Самойловича Бабина, 1918–1988). Время деятельности Самойлова в «Советской Эстонии» практически целиком пришлось на начало «холодной войны» — период, когда государственно-санкционированный смех, разновидностью которого является в первую очередь внешнеполитическая карикатура, подвергался особенно жесткому контролю со стороны власти. Однако и в таких условиях Самойлову удалось реализовать как творческое дарование, так и эстетический потенциал, скрытый в жанре политической карикатуры. В статье выделяются следующие характерные черты поэтики этого жанра: обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня — эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры, ее названия, подписи под рисунком (чаще всего в виде прямой речи действующих лиц), пояснительные надписи на тех или иных элементах рисунка. Как показывает проведенный в статье анализ, Самойлов отрефлексировал и стал активно использовать потенциал словесной составляющей карикатуры в его взаимодействии с графическим планом, что обеспечило высокий уровень сатирической графики художника и стало ее отличительной чертой.

Ключевые слова: внешнеполитическая карикатура, «Советская Эстония», Лев Самойлов, графика, сатира

Информация об авторе: Александр Алексеевич Данилевский, доктор философии, старший научный сотрудник, Таллиннский университет, Таллинн, Эстония. E-mail: xandr.danilevskij@gmail.com

Цитирование: *Данилевский А.А.* «Чужие» и «враги» в творчестве Льва Самойлова эстонского периода (1945–1952) // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 380–411. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-380-411

* Статья подготовлена в рамках и при финансовой поддержке проекта «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма “свой”, “другой”, “чужой”, “враг” в культурах Эстонии XIX–XXI вв.» / “Eesti Ida ja Lääne vahel: „oma“, „teise“, „võõra“, „vaenlase“ kujundite paradigma XX sajandil Eesti kultuurides” (IUT18–4).

Лев Самойлов

В рамках комплексного исследования по теме «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма "свой", "другой", "чужой", "враг" в культурах Эстонии XIX–XXI вв.» мы сосредоточились на проблеме внешнеполитической карикатуры в эстонских газетах советского периода — эстоно- и русскоязычных. Предлагаемая статья — результат пристального изучения графических работ такого рода, опубликованных в таллинской «Советской Эстонии»[1] в 1945–52 гг., т.е. в пору, когда их созданием в газете занимался практически лишь один человек — художник-сатирик Лев Самойлов (псевдоним Льва Самойловича Бабина, 1918–1988)[2]. За указанный период, завершившийся переездом нашего автора в Москву[3], им было опубликовано в «Советской Эстонии» (далее — СЭ) 224 рисунка, или 17,06% от общего числа (1313) внешнеполитических карикатур, напечатанных в этой газете в 1945–91 гг.[4] С учетом более позднего

[1] «Советская Эстония» — ежедневная общественно-политическая газета на русском языке, орган ЦК Компартии Эстонии, выходившая в Таллине с 1 ноября 1940 г. до лета 1996 г. (с 21 августа 1991 г. — «Эстония»).

[2] См. о нем, напр., на сайте «Трамвай искусств» (в разделе «Графика»): http://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/221-samojlov-babin-lev-samojlovich-1918.html (дата обращения: 30.09.2019).

[3] Как указано в том же «Трамвае искусств», после переезда «художник тридцать лет работал в "Крокодиле" и являлся одним из ведущих его художников. Активно сотрудничал с журналами: "Огонек", "Смена", "Неделя"; с газетами: "Правда", "Известия" и другими изданиями» (Там же).

[4] Распределение их по годам: 35 в 1945-м (наряду с ними в СЭ были напечатаны 6 карикатур Кукрыниксов), 10 в 1946-м (рисунков, принадлежащих иным художникам, в этом году не было напечатано вовсе), 14 в 1947-м (из 15-ти; 1 — без подписи), 83 в 1948-м (из 87-ми; 4 — без подписи; сопроводительный текст для 2-х самойловских рисунков написал москвич и дважды лауреат Сталинской премии С.В. Михалков — см.: **«Король»... экрана** <Здесь и далее жирный шрифт в названиях карикатур наш: для наглядности. — *А.Д.*>: Михай приехал в Голливуд. / Ему в картине роль дают — / Уолл-стрит велел, чтоб эту роль / Сыграл румынский экс-король. / Король сниматься счел за честь — / Всё ж, как-никак работа есть / Текст С. Михалкова; Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 148 (1465), 24 июня. С. 4; **Семейный портрет**: Довольна мама, папа рад — / Похож малютка на снаряд. / Текст С. Михалкова; Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 151 (1468), 27 июня. С. 4), 42 в 1949-м (из 48-ти; 6 — без подписи), 23 в 1950-м (из 25-ти; при одной карикатуре напечатавшего затем еще 5 А. Бровцына и одной же — «работника Таллинского паровозо-ремонтного завода им. М.И. Калинина» Э. Мыттуса), 11 в 1951-м (из 20-ти; рядом: А. Бровцын — 2, таллинцы же С. Болотин и В. Орлов — по 1-й, москвич И. Ганф — 1, румыны Дамадиан, И. Дору и Рик — по 1-й, 2 — без подписи), наконец, 6 в 1952-м (из 28-ми, при этом с 16-ю, подписанными В. Орловым, 3-мя — всё тем же А. Бровцыным,

появления в СЭ еще 2-х самойловских работ этого же рода[5] его вклад возрос до 17,21%; в данном отношении продуктивнее оказался лишь Станислав Малахов[6], за 30 лет (с 1958 по 1988 гг.[7]) опубликовавший в газете 595 рисунков на внешнеполитическую тему (45.316 % от общего количества), тогда как третьего в этом ряду художника — Оливера Калласа — отделяет от «результата» Самойлова более полутора сотен работ (его вклад: 65 — 7,61%)[8].

Как видим, время деятельности Самойлова в СЭ практически целиком пришлось на начало «холодной войны» — период, когда государственно-санкционированный смех (а разновидностью его и является в первую очередь внешнеполитическая карикатура[9]) подвергался в сталинском тоталитарном государстве особенно жесткому контролю: генерировался властью и ею же регулировался. Однако и в таких условиях Самойлову удалось с лихвой реализовать как свое незаурядное и *разностороннее* творческое дарование, так и эстетический потенциал, скрытый в жанре политической карикатуры, тем самым возвысив его в СЭ до уровня, которого редко достигали сменившие его позднее в газете художники[10], а ведь им, как известно,

---

1-й — А. Крустюком, 1-й — Н. Афанасьевым, 1-й — В.В. Маяковским и 1-й неподписанной).

[5] См.: **Сумчатое ненасытное** <капиталист>**; Горилла (Хунта — узурпаторис)** <А. Пиночет> / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1978. № 226 (10624), 28 сент. С. 3. См. также в публикациях этого же периода: *Самойлов Л.* Взорванный август / Рис. старш. краснофлотца Л. Самойлова <Воспроизведение страницы «Полундра» — сатирич. прилож. времени II-й мировой войны к газ. «Красный Балтийский флот», № 1 (103)> // СЭ. 1972. № 49 (8618), 27 февр. С. 4; *Его же.* Взорванный август. 2 / Рис. из газ. «Бьем!» № 1 // СЭ. 1972. № 50 (8619), 29 февр. С. 4; *Его же.* Взорванный август. 8 / Рис. из газ. «Бьем!» № 5 // СЭ. 1972. № 57 (8626), 8 марта. С. 4.

[6] «Продуктивнее» в данном случае отнюдь не означает «талантливее» — скорее наоборот.

[7] В этой связи см. его первую и последнюю карикатуры в СЭ: **Новый способ ловли рыбы в исландских водах** / Рис. С. Малахова // СЭ. 1958. № 214 (4609), 11 сент. С. 4 (к ст.: <*Б.п.*> Заявление премьер-министра Исландии <по поводу незаконного лова британцами — при участии их военных моряков>); **«Нет» Пиночету** / Рис. С. Малахова // СЭ. 1988. № 236 (13634), 14 окт. С. 3.

[8] Ср. с остальными в десятке «лидеров» СЭ: у Х. Хийбуса — 47 внешнеполитических карикатур (3,579%), у Э. Пихо — 31 (2,361%), у Н. Игнатьева — 25 (1,9%), у Г. Громова («конструктора Таллинского экскаваторного завода») — 18 (1,37%), у В. Орлова — 17 (1,29%), у Я. Ензена — 11 (0,837%) и, наконец, у Ю. Черепанова — 9 (0,685%).

[9] См. об этом, напр.: *Skorodol N.* Laughing with Comrade Stalin: An Analysis of Laughter in a Soviet Newspaper Report // Russian Review. 2009. Nr 68. 1 January. P. 27, а также: *Белобровцева И., Всевиов Д., Данилевский А.* Образ «малого врага»: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940). М., 2013. С. 5 и след.

[10] Подразумеваем прежде всего уже упомянутых О. Калласа, Х. Хийбуса и Э. Пихо, которые, однако, лишь время от времени «гастролировали» в СЭ, тогда как С. Малахов, присяжный карикатурист газеты, неплохо стартовав, затем не выдержал

довелось работать в гораздо более благоприятной для творчества обстановке.

Как и почему это удалось Самойлову? Ответить на эти вопросы и призвана предлагаемая статья, однако вначале — о методологических принципах, на которых она базируется.

Вслед за новейшими исследователями мы понимаем политическую (и внешнеполитическую) карикатуру как «средство передачи специфической информации в политической коммуникации», она выступает как «смеховой жанр, основная интенция которого — критика актуальных политических событий и политических деятелей»[11]. Вслед за современными же исследователями рассматривая внешнеполитическую карикатуру как семиотически осложненный — «визуально-вербальный» текст[12], мы выделяем характерные черты его поэтики: обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня — эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры (=информационный повод), ее названия, подписи под рисунком (чаще всего в виде прямой речи действующих лиц), пояснительные надписи на тех или иных элементах рисунка. Графика во внешнеполитической карикатуре (впрочем, как и в карикатуре вообще) играет, несомненно, ведущую роль, соответственно, и воздействие на сознание воспринимающего (зрителя) в основном проходит по визуальному каналу[13], тем не менее взаимодействие визуальной и вербальной составляющих не только имеет место, но является определяющим, конструктивным.

А теперь вернемся к нашему автору. Сила и значение Самойлова-карикатуриста в том, что он — и, видимо, интуитивно, и с опорой

испытания соблазнами эпохи брежневского «застоя» и с годами в эстетическом и идеологическом планах лишь деградировал.

[11] *Артемова Е.А.* Карикатура как жанр политического дискурса: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2002. URL: http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-19273 (дата обращения: 9.11.2019). Политическая карикатура, напомним, обладает набором средств визуального и вербального отчуждения и как простое и эмоциональное средство воздействия на массовое сознание издавна использовалась для формирования внешнеполитических стереотипов — номинирования и визуализации образа «внешнего врага».

[12] Или, иначе, «креолизованный», т.е. состоящий «из двух негомогенных частей<:> вербальной <...> (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам <...>», — языковой и графической (*Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181).

[13] См. об этом, напр.: *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3 (23). Екатеринбург, 2007. С. 73–76. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/voroshilova-07b.htm (дата обращения: 9.11.2019).

на свой предшествующий творческий опыт[14] — осознал специфику карикатуры именно как текста креолизованного, визуальный (графический) и вербальный (словесный) компоненты которого, коррелируя, взаимодополняют и взаимообогащают друг друга. Мало того, что Самойлов был замечательным рисовальщиком, умело и остро высмеивающим в своей сатирической графике внешние черты врагов «всего советского народа», — он осмыслил и стал активно использовать потенциал словесной составляющей карикатуры, и именно в его взаимодействии с составляющей графической. В плане прагматики это приводило к углублению смысловой емкости самойловских карикатур и приращению их комизма.

В этой связи прежде всего отметим: Самойлов, который, как мы знаем, обычно сам моделировал вербальную составляющую своих карикатур[15], демонстрировал особое эстетическое чутье к слову, имел ярко выраженную склонность к словесной игре, построенной прежде всего на созвучии. Это с очевидностью демонстрируют, например, такие придуманные им для своих сатирических рисунков заглавия, как **«Американская “бомбородица”»**[16] (основано на созвучии, «подсказанном» представленным здесь же инфоповодом), **«КоСШАчий концерт»**[17] (добавлена лишь одна, заглавная, буква — и обычный для весны ночной «кошачий вой» переосмысляется в коллективное попрошайничество у США соблазненных «Планом Маршалла»

[14] Напомним: выученик Харьковской театральной школы («учился в Театральном институте у знаменитого тогда режиссера <Ник. Ник.> Синельникова»), выпускник Ленинградской Академии художеств, «<о>собенно ярко Самойлов проявил свой талант в годы Великой Отечественной войны. Его карикатуры печатались буквально в каждой газете. Не прекращая работать над “Полундрой”, он в самый трудный период обороны Таллина начинает выпускать многокрасочные плакаты “Бьем!”, стихи к ним пишут флотские поэты <...>, одновременно художник рисует для эстонских республиканских газет. Налаживает на кораблях наглядную агитацию, выпускает в частях флота сатирические обозрения, боевые листки, оперативно отражая местные события и темы» («Трамвай искусств», в разд. «Графика». URL: http://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/221-samojlov-babin-lev-samojlovich-1918.html; дата обращения: 09.11.2019).

[15] Вновь отсылаем к биографической справке о нашем герое в «Трамвае искусств»: «*Следует особо отметить, что Л. Самойлов, как правило, сам пишет подписи к своим рисункам* <Выделено нами. — *А.Д.*>. Художник по праву может быть отнесен к числу лучших советских карикатуристов, его острые по теме и яркие по решению карикатуры — одни из лучших в этом жанре. <...> графические работы Л.С. Самойлова хранятся в различных художественных музеях бывшего СССР, частных коллекциях России, Великобритании, Испании, Португалии».

[16] См.: Американская «бомбородица» / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 139 (1456), 13 июня. С. 4.

[17] См.: Весна в Западной Европе (Из весеннего альбома): коСШАчий концерт / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 87 (1404), 13 апр. С. 4.

европейских капиталистических государств[18]), **«Рок изобилия»**[19] (усмешка в адрес всё той же американской программы помощи Европе после II-й мировой войны, только на этот раз — применительно к Великобритании), **«МУНДТштук дядюшки Сама»**[20] (в основе — созвучие фамилии одного из наиболее активных «рыцарей холодной войны», конгрессмена-республиканца К. Мундта, и составной части курительной трубки; весьма примечательно, однако, что лицо Дяди Сэма здесь разительно схоже — особенно если игнорировать характерный цилиндр — с лицом Ивана Грозного в исполнении артиста Н. Черкасова из 2-й (1945–46 гг.) серии одноименного фильма С.М. Эйзенштейна, раскритикованной и запрещенной, как известно, в сентябре 1946 г. сначала Центральным Комитетом ВКП(б), а затем, в феврале 1947-го, и самим инициатором запрета Сталиным, который, напомним, несколькими годами ранее инспирировал создание фильма о первом в истории России царе и затем лично утвердил его сценарий, — эта аллюзия на опальный фильм, вдобавок помещенная в столь примечательный — «вражеский» — контекст, свидетельствует, как минимум, о неоднозначном отношении присяжного карикату-

[18] В данной связи см. самойловский «самоповтор»: **СШАвки** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 55 (1682), 8 марта. С. 4; инфоповод: мол, дабы оправдать Североатлантический (НАТО) и Средиземноморский пакты, «реакция» усилила нападки на СССР в печати. См. построенные на созвучии же заглавия еще 3-х карикатур: **Не выкРЮТИтся!** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1946. № 30 (735), 5 февр. С. 4 — «Из газет»: на процессе в Хельсинки подсудимый Рюти пытался снять с себя все обвинения; подразумевается Ристо Хейки Рюти (1889–1956), премьер-министр (1939–40) и президент (1940–44) Финляндии, в 1945 г. под давлением СССР и финских коммунистов осужденный за военные преступления и приговоренный к 10-летнему заключению (помилован в 1949-м); **Одним «миром» мазаны:** «Ангелы мира» Макнейл, Эватт, Ромуло и так... Даллес / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 271 (1588), 15 нояб. С. 4 — инфоповод: мол, американская пресса преподносит большинство представителей на Генеральной Ассамблее ООН как истинных — в противовес советским — борцов за мир; Эватт Герберт Вир (1894–1965) — австралийский государственный деятель (лейборист), в 1945 г. — делегат от Австралии на учредительной конференции ООН, активно выступал за расширение прав «малых стран» и за установление международного контроля за атомной энергией, в 1948–49 гг. президент ГА ООН; Пенья Ромуло Карлос (1899–1985) — филиппинский политик и дипломат, глава делегации Филиппин на I-й сессии ГА ООН и на всех последующих сессиях; в ходе III-й сессии (в Париже в сент.-дек. 1948 г.) был избран председателем специальных комитетов по политическим вопросам и вопросам безопасности; Даллес Аллан Уэлш (1893–1969) — американский дипломат и разведчик (директор ЦРУ в 1953–61 гг.); **БИ-БИ-СИамские «близнецы» или...: ...англо-американский узел связи** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 187 (1814), 10 авг. С. 4 — двое мужчин сцепились руками и языками: лысый в очках, на руке его надпись — «ГОЛОС СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ», и волосатый, на его руке: «БИ-БИ-СИ».

[19] См.: Рок изобилия / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 269 (1896), 16 нояб. С. 4.

[20] См.: МУНДТштук дядюшки Сама / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 202 (1519), 26 авг. С. 4.

риста Самойлова к сталинской культурной политике[21]).

Более того, в СЭ Самойлов зачастую выступал как незаурядный версификатор, снабжавший свои приметные карикатуры не менее приметными стихотворными строчками собственной же выделки: в общей сложности нами выявлено 19 таких текстов, сопровождающих визуальный ряд и коррелирующих с ним. Сюда вошли как стихи, составившие лишь заглавие самойловской карикатуры или даже часть его, так и «полновесные» поэтические тексты. Первых — «заглавных» — всего 2: **«Скорее в Корею»**[22] и **«Знаменосец дядюшки Сама: Как ЧИЛИ приручили»**[23]. Карикатура «Скорее в Корею» посвящена военному вторжению США в Корею и началу кровопролитной Корейской войны (1950–53), «Как ЧИЛИ приручили» — отклик карикатуриста на заявленное этой латиноамериканской страной в ООН требование

[21] Вполне возможно, что сама идея придать Дяде Сэму сходство с публично превозносимым Сталиным Иваном IV-м была отчасти подсказана Самойлову следующей критической инвективой в тексте печально известного «Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б)»: «Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма “Иван Грозный” обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана <…> в виде шайки дегенератов, *наподобие американского Ку-Клукс-Клана* <курсив наш. — *А.Д.*>, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером — слабохарактерным и безвольным <…>» (О кинофильме «Большая жизнь»: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. // Литературная газета. 1946. № 38, 14 сент. С. 1).

[22] См.: Скорее в Корею / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1950. № 153 (2088), 29 июня. С. 4.

[23] См.: Знаменосец дядюшки Сама: Как ЧИЛИ приручили / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 71 (1388), 25 марта. С. 4.

Рок изобилия.
Рисунок Л. САМОЙЛОВА

МУНДТштук дядюшки Сама.
Рис. Л. САМОЙЛОВА

разбирательства в связи с событиями в Чехословакии (подразумевается ее авральная сталинизация).

Примером развернутого поэтического текста-комментария может служить карикатура (в 5-ти частях) **«Нелойяльный** <sic!> **ребенок»**[24], послужившая откликом Самойлова на сообщение в СМИ о том, что в США якобы предполагается ввести «проверку лойяльности детей»:

Он невзирая на запреты,
Хотя и был довольно мал,
Был агитатором отпетым
И каждый день **митинговал**.
И невзирая на цензуру,
Хотя о ней, бесспорно, знал,
Он **красную литературу**
Частенько с бабушкой читал.
Жандарм благословен властями.
(Его сенат благословил!)
А мальчуган — судите сами —
Властями недоволен был!
Всем злодеяньям в довершенье,
Свободе Штатов на беду,
Он проявил **неуваженье**
К американскому суду!
Отныне и надолго он
От вредных мыслей огражден

[24] См.: Нелойяльный ребенок / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 201 (1828), 26 авг. С. 4.

(под каждодневным «митингованием» ребенка — судя по изображениям, еще «грудничка» — подразумевается его «Агу! Агу!» в ответ на умиленное воркование над ним его деда; «красная литература» представлена развернутой книгой «Красная Шапочка», по которой ребенок самозабвенно елозит под присмотром явно обожающей его бабушки; «власти», вызвавшие слезы ребенка и очевидное возмущение его родителей, олицетворены взявшим мальчика на руки — видимо, без спроса — «чужим дядей»-полисменом, тогда как «неуважение к суду» выразилось во вполне естественном в столь невинном возрасте физиологическом отправлении, — совокупность всех этих *натуральных* «преступлений» и привела младенца за решетку).

Понятное дело, этот текст — не самых отменных поэтических достоинств, однако имеются у Самойлова стихи гораздо более удачные и интересные — именно с точки зрения версификации. Примером могут послужить 2 текста, связанные с темой повешения как воздаяния западноевропейским политикам, замаравшим себя сотрудничеством с гитлеровцами. Первый, не имеющий (как и карикатура в целом) названия, опубликован в июне 1945 г. и посвящен французскому политику-социалисту Пьеру Лавалю, активному деятелю коллаборационистского «правительства Виши» и его премьер-министру в 1942–44 гг. (катрен организован начальным нагнетанием «звучных» гласных в сочетании с «мелодичными» сонорными «л» и «в», затем срывающимся в повторы «дисгармоничных» глухих «п» и «т» в сочетании со щелевым «с» и завершающимся взрывным «р»):

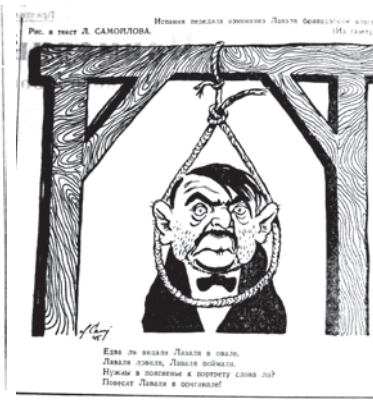
Едва ли видали Лаваля в овале.
Лаваля ловили, Лаваля поймали.
Нужны в поясненье к портрету слова ли?
Повесят Лаваля в оригинале![25]

«В поясненье к портрету», да еще мастерски выполненному, «слова» явно не нужны, тем не менее карикатурист счел *необходимым* сопроводить ими свой рисунок. Напомним, что ровно через 4 месяца после публикации самойловской карикатуры, 15 октября 1945 г., Лаваль будет *расстрелян* в Париже.

Второй из заявленных поэтических комментариев посвящен Видкуну Абрахаму Лёурицу Йонссёну Квислингу — коллаборационисту уже норвежскому, фюреру национал-социалистов Норвегии, сотруд-

[25] <Б.н.> Едва ли видали Лаваля в овале... / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 138 (537), 14 июня. С. 4.

нику гитлеровцев в период оккупации и главе норвежского правительства в начальный период после освобождения страны, — этот текст сопровождал карикатуру, опубликованную 6 сентября 1945 г.:

«Фон» Квислинг слаб здоровьем стал.
Он даже в весе потерял.
Но мы «несчастного» утешим:
Он вскоре точно будет взвешен[26].

В своих предположениях Самойлов ошибся ненамного: признанный виновным в хищениях, убийстве и государственной измене Квислинг 24 октября 1945 г. был *расстрелян* в Осло.

А вот текст Самойлова под его карикатурой на Джузеппе Сарагата (1898–1988), создателя и многолетнего лидера Итальянской демократической социалистической партии (президента Италии в 1964–71 гг.), в январском номере СЭ за 1948 г.[27] (комический эффект здесь достигается за счет игры на созвучии фамилии политического деятеля с эрзацем, *неполноценным* заменителем чего-либо):

[26] <Б.н.> «Фон» Квислинг слаб здоровьем стал... / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 210 (609), 6 сент. С. 4; инфоповодом к изображению *уже* повешенного Квислинга явилось почерпнутое «из газет» сообщение, будто тот в суде пожаловался на потерю веса в заключении. Ср. с посвященной (несколько ранее) ему же карикатурой, обыгрывающей известный фразеологизм: **Не место красит Квислинга, а Квислинг красит место** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 129 (528), 3 июня. С. 4 (инфоповод: начало суда над предателем; Квислинг, сидящий под охраной на «скамье подсудимых», замарал ее кровью своих жертв).

[27] См.: **Их «демократия»:** В «свободной» Франции; Шумовое оформление демократии по-американски; <Б.н.> Ренегату Сарагату... / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 15 (1332), 18 янв. С. 4.

Ренегату Сарагату
С Уолл-Стрита шлют зарплату,
Потому что Сарагат
Демократа сур<р>огат.

Еще один любопытный поэтический автокомментарий Самойлова к собственной карикатуре построен опять-таки на игровом созвучии и посвящен политической катастрофе Китайской Национальной народной партии (Гоминьдан) и ее лидера на территории континентального Китая[28] (Самойлов, понятное дело, не преминул уязвить при этом и поддерживавшие Чан Кайши США)[29]:

Дядя Сам воскликнул с жаром:
«Пропадают деньги даром!
То ли это гоминдан <sic!>,
То ль оптический обман?!»

Чан Кай-ши <sic!> молчит бесстыже,
Чан Кай-ши не до «престижа».
Потому, что Чан Кай-ши ж
Превратился в Чан Кай-ШИШ[30].

Ряд *личностных* самойловских карикатур, обрамленных его же стихотворными строчками, вдобавок пронизанными отсылками к «высокой» литературе, продолжает его композиция **«Фашистский “Фауст” и американский “Мефистофель”»**[31], опубликованная весной 1948 г. и посвященная немецкому промышленнику А. Круппу. Как известно, Альфрид Феликс Альвин Крупп фон Болен унд Гальбах (1907–1967) был старшим сыном Густава Круппа, с 1943 г. — владельцем концерна «Фридрих Крупп», ведущего производителя вооружений гитлеровской Германии, также он был (с 1937 г.) фюрером германской военной экономики и заодно

[28] Как известно, Чан Кайши (1887–1975), возглавивший Гоминьдан в 1925 г., с 1928 г. возглавлял (в том или ином статусе) и Китайскую Республику и оставался их лидером и после поражения Гоминьдана в 1949 г. в гражданской войне и эвакуации на о. Тайвань.

[29] См.: <Б.н.> Дядя Сам воскликнул с жаром... / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1950. № 6 (1941), 7 янв. С. 4.

[30] Ср. несколько ранее (вновь игра на созвучии): **Битые чаны** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 241 (1868), 12 окт. С. 4 (инфоповод: мол, Чан Кайши и его представитель в ООН Чан более там не легитимны; Джон Буль и Дядя Сэм, снявши цилиндры, горюют по расколотым узкоглазым головам Чан’а и Чан-Кайши).

[31] См.: Фашистский «Фауст» и американский «Мефистофель» / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 89 (1406), 15 апр. С. 4.

штандартенфюрером Национал-социалистического летного корпуса. Известно также, что 31 июля 1948 г. американским военным трибуналом в Нюрнберге («Дело Круппа», один из последующих Нюрнбергских процессов) он был признан виновным в разграблении промышленных предприятий других государств и использовании рабского труда и приговорен к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества, однако уже 4 февраля 1951 г. А. Крупп по приказу американского верховного комиссара в Германии был досрочно выпущен на свободу, а впоследствии была аннулирована часть приговора, касающаяся конфискации имущества концерна, и ему было возвращено личное состояние. Вступив в руководство концерном, Альфрид добился отмены постановления о разукрупнении концерна «Фридрих Крупп»: он затем возродил семейную корпорацию и возглавлял ее до 1967 г. В данном случае Самойлов «сработал на опережение», в очередной раз выступив в роли провидца, — повторим: 15 апреля 1948 г. в СЭ под его карикатурой были напечатаны такие стихотворные строки:

Ракетные снаряды «Фау»,
Патроны с этикеткой «Фауст»
Доходы Круппу приносили.
Но мы его «разуКРУППнили».

С лица земного Гитлер стерт.
А «Фауст»-Крупп не унывает.
Теперь американский черт
У Круппа душу покупает.

На очереди — самойловский поэзокомментарий **«Молчание — знак “согласия”!»**[32] к собственному графическому отклику на деятельность уже упомянутой выше американской «правительственной комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», выстроенный на игре с известной русской пословицей «Слово серебро, а молчание золото, если лоб медный» (где «медный лоб» — упрямый, тупой, невежественный человек), а также на полисемантизме лексемы «суровый, суровая»:

Молчание — золота чистого слитки!
И Сам принимает суровые меры:
Он в дело пускает суровые нитки,
Копируя точно гестапо манеры.

Приведем также стихотворную составляющую карикатуры без названия, опубликованной в самом начале 1948 г. и явившейся откликом на сообщения о некоем «сенаторе по делам денацификации в Бремене», якобы издавшем «приказ, согласно которому каждый нацист, считающий себя “менее виновным”<,> сам вправе установить для себя размер штрафа»[33]. В поэтическом сопровождении к этому рисунку Самойлов достигает поистине некрасовской выразительности за счет использования некрасовского же поэтического приема — усечения концевого стиха:

Под преступлений тяжким спудом
Фашист занялся «самосудом».
И присудил себя жестоко...
К упреку[34].

Нельзя не упомянуть также самойловские графические и поэтические отклики на развернутую по команде Сталина кампанию дискредитации югославского лидера Иосипа Броз Тито (1892–1980). Наиболее любопытный из них в *визуальном* отношении — карикатура под названием **«Эволюция Тито после измены социализму»**[35],

[32] См.: Молчание — знак «согласия»! / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1950. № 144 (2079), 18 июня. С. 4.

[33] См.: <Б.н.> Под преступлений тяжким спудом... / Рис. и текст Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 24 (1341), 30 янв. С. 4.

[34] Ср., напр., с концовкой некрасовского стихотворения «Памяти Добролюбова» (1864): «Такого сына не рождала ты / И в недра не брала свои обратно <...> Природа-мать! Когда б таких людей / Ты иногда не посылала миру, / Заглохла б нива жизни...»

[35] См.: Эволюция Тито после измены социализму / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 207 (1834), 2 сент. С. 4.

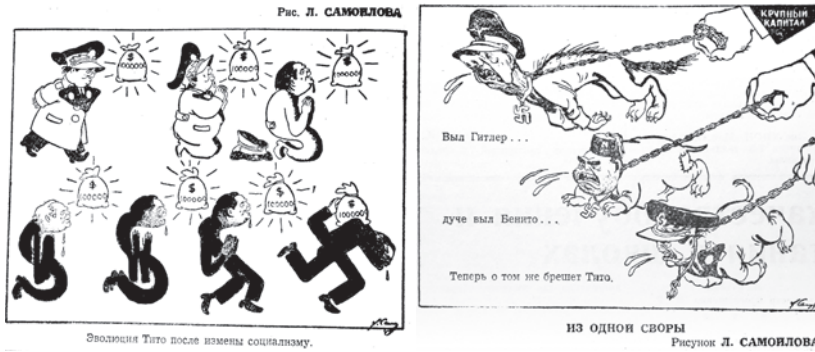

представляющая поэтапную трансфигурацию облика югославского маршала в свастику; постоянным фоном для нее (трансфигурации) служит мешок с долларами, символизирующий политико-экономическую переориентацию белградского режима, которая привела к разрыву с Москвой.

Днем ранее в СЭ была опубликована самойловская же карикатура, оригинально обыгрывающая предписанное Кремлем уподобление Тито собаке (или даже «кровавой собаке»), которая, как известно, лает, между тем как ветер этот лай уносит, — у Самойлова *изображенный* собакой Тито *брешет* в одной своре с уже уничтоженными внешнеполитическими оппонентами Сталина[36] (стихотворный текст — внутри самого рисунка): «Выл Гитлер... / дуче выл Бенито... / Теперь о том же брешет Тито»[37].

[36] См.: **Из одной своры** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1949. № 206 (1833), 1 сент. С. 4.

[37] Карикатура явилась развитием *графических* ходов, апробированных Самойловым в СЭ неделей ранее, см.: **Дубинка Уолл-стрита**: Одним канатом связаны / Франко — Цалдарис — Тито / И стали, как показано, / Дубинкой Уолл-стрита / Рис. Л. Самойлова; Текст В. Симберга // СЭ. 1949. № 199 (1826), 24 авг. С. 4; инфоповод тот же — «Из ответа Советского правительства на ноту Югославского правительства по поводу незаконных арестов советских граждан», плюс указание на то, что правительства Цалдариса, Франко и теперь еще Тито не признают-де резолюцию Коминформа; изображен звездно-полосатый пиджак, вытянутая из него рука по-хозяйски держит 3 скрепленные бечевой (в виде знака доллара) фигуры: человека в феске с выпученными глазами — Константиноса Цалдариса (1884–1970), греческого политика, в период 1946–47 гг. дважды побывавшего Премьер-министром Греции и связавшего свое имя с восстановлением в ней монархии (сентябрь 1946 г.) и началом Гражданской войны (1946–49), человека в пилотке с кисточкой (но без

Спустя 2,5 месяца упомянутый выше — и якобы столь желанный для Тито — мешок с долларами получил новое отображение в еще одной карикатуре, но уже в сопровождении двустишия, скрепленного неточной — авангардной по фактуре, — а посему эффектной и выразительной рифмой:

В складках вашингтонского мешка
Завелась еще одна блоха.

Перечислим также остальные 7 самойловских карикатур, которые автор снабдил собственными поэтическими комментариями:

* 2 текста посвящены болезненной для Кремля проблеме «Плана Маршалла», см.: <Б.н.> Заболел в зверинце бегемот: — / он поел американских «шпрот»[38] (инфоповод: якобы США шлют в Австрию в счет помощи рыбные консервы, невозможные к употреблению — мол, в венском зоопарке даже животные их есть не стали); **Рагу по-американски**: Нужен для рагу баран, / Барана нет, но есть Шуман. / И, на худой конец, рагу / Я сделать из него могу[39] («Из газет»: будто бы на совещании 4-х великих держав американский представитель уподобил Шумана баранине; изображенный в обличье повара Дядя Сэм держит насаженного на нож с надписью «ПЛАН МАРШАЛЛА» Робера Шумана с головой, стилизованной под баранью; Р. Шуман, 1886–1963 — французский и европейский политик, премьер-министр и министр иностранных дел Франции, один из основателей Европейского союза, Совета Европы и НАТО);

привычных усов!) — каудильо Испанского государства (1939–75) Франсиско Франко (1892–1975), и Тито — в военной форме и уже привычной нам огромной фуражке.

[38] СЭ. 1948. № 159 (1476), 7 июля. С. 4.

[39] СЭ. 1948. № 221 (1538), 17 сент. С. 4.

* 3 карикатуры — личностные, «бичующие смехом» конкретных западных политических деятелей, см.: **Безумство «храбрых»**: Лихой фашистский воевода / на нас готовится «походом». / К подобным прибегая трюкам, / пусть вспомнит случай он с Мальбруком[40] («Из газет»: «Польский фашистский генерал Андерс» в Италии проводит маневры и будто бы грозит походом на СССР; изображен некий вояка с усами, на ледащем коне, да и тот ненастоящий: ноги и лицо у него человечьи; Владислав Андерс, 1892–1970 — польский военный и политический деятель, дивизионный генерал, в 1939 г. раненным захвачен в плен советскими войсками, содержался во внутренней тюрьме на Лубянке, после установления союзнических отношений между Москвой и польским эмигрантским правительством был освобожден и возглавил формирование польской армии в СССР, отданную под его командование армию вывел из Советского Союза в Иран и присоединился к британским войскам: армия Андерса участвовала в боевых действиях в Италии; после войны пытался противодействовать установлению советского режима в Польше, за что был лишен польского гражданства — жил и умер в эмиграции); **Мусорщик**: Грязный мусорщик Черчилль, / Древний выкопал утиль. / Даже не утиль-сырье, / А вообще черчилль-старье[41] (У. Черчилль — с разного рода мусором и антисоветскими «страшилками», а рядом — мусорный бак с надписью: «ДЛЯ МУСОРА ИСТОРИИ»); **Улита едет...**: Идеи преют в бумажной груде, / Прокисли мысли в словесном блуде... / Ждут, не дождутся простые люди; / Улита едет, когда-то будет...[42] (инфоповод: на III-й сессии ГА ООН постоянный представитель СССР А.Я. Вышинский уподобил план Баруха улите; огромная улитка с надписью на ее «домике»: «ПЛАН БАРУХА», сверху восседает, отвернувшись, некий джентльмен в цилиндре с папкой «АТОМНАЯ КОМИССИЯ» под мышкой; Бернард Барух, 1870–1965, американский финансист, политический и государственный деятель, первым употребивший в официальной речи словосочетание «холодная война»; в 1946 г. представил на комиссию ООН план по международному развитию атомной энергетики, который по сути обеспечивал преимущества американской военно-ядерной монополии, что вызвало возражение со стороны СССР; со временем для реализации плана была учреждена комиссия ООН, в 1948 г. «план Баруха» был возвращен в комиссию на доработку, затем в ее статусе были произведены изменения: из независимой структуры она стала

[40] СЭ. 1946. № 29 (734), 3 февр. С. 4.
[41] СЭ. 1946. № 60 (765), 12 марта. С. 4.
[42] СЭ. 1948. № 251 (1568), 22 окт. С. 4.

органом, подчиненным Совету безопасности, СССР получил возможность применять право вето, что вызвало недовольство США — работа комиссии была парализована, и в 1949 г. она прекратила свою деятельность);

* 2 карикатуры — событийные: <Б.н.> Не заковать народа совесть, / Как солнца луч не заковать![43] («Из газет»: в США арестованы и преданы суду руководители компартии; представлена некая собирательная Америка, зловещий дылда с револьвером и кандалами в руках — ему противостоит громадный рабочий); **«Тайные выборы»**: Старательно необычайно / Сам «Босс» их выбирает тайно[44] («Из газет»: в Финляндии выборы президента якобы проходят с оглядкой на США; представлен Дядя Сэм — в характерном цилиндре, с сигарой и, самое главное, с мешком долларов).

В отмеченном нами плане (возвышение словесной составляющей карикатуры и расширение ее функций) весьма характерна и самойловская адаптация названий известных художественных текстов, прежде всего литературных, к современным политическим реалиям. Однако опубликованная в апреле 1948 г. 8-частная композиция **«Островский сегодня (политическое обозрение в карикатурах)»**[45] — пример не самый интересный, поскольку повторяет чужие находки. Самойлов самостоятелен и по-настоящему интересен в двух случаях, и в обоих приращение комизма и семантики достигается им за счет актуализации контекста не только литературного, но и кинематографического. Подразумеваем карикатуры **«Возмутитель спокойствия»**[46] и **«Белградский вор»**[47], появившиеся с разницей почти в 4,5 года.

---

[43] СЭ. 1948. № 175 (1492), 25 июля. С. 4.

[44] СЭ. 1950. № 24 (1959), 28 янв. С. 4.

[45] См.: Островский сегодня (политическое обозрение в карикатурах) / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 86 (1403), 11 апр. С. 4; <1> «Бешеные деньги»: военнослужащий, олицетворяющий военный бюджет США, развалился, задрав ноги, на небоскребах; <2> «Не было ни гроша, да вдруг — алтын!»: турецкий чистильщик чистит ботинок ноги в полосатой (американской) брючине; <3> «Бесприданница»: Дядя Сэм обхаживает полуголого и под женщину выряженного Джона Буля; <4> «Свои люди — сочтемся»: Дядя Сэм протягивает мешок денег каудильо Франко; <5> «Волки и овцы»: в качестве «волков» представлены США и Англия, малые страны — «овцы»; <6> «На бойком месте»: лавка с надписями «ТОРГОВЛЯ ГРЕЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ» и «АМЕРИКАНЦАМ СКИДКА»; <7> «Поздняя любовь»: старец Леон Блюм (1872–1950; первый социалист и еврей во главе французского правительства) с характерными усами под попа, убившего и похоронившего свою любимую собаку, возлагает венок на могилу «собаки-Лаваля»; <8> «Таланты и поклонники»: публика аплодирует фильму под названием «УБИЙЦА ДЕТОК».

[46] См.: Возмутитель спокойствия / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1947. № 142 (1154), 20 июня. С. 4.

[47] См.: Белградский вор / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1951. № 257 (2501), 31 окт. С. 4

«Возмутителю спокойствия» предпослано уведомление о том, что конгрессмен-демократ Дж. Ренкин потребовал высылки Ч. С. Чаплина за образ жизни, вредный для государственного строя США. Соответственно, на рисунке представлен кинематографический образ Чарли, с узелком на палке через плечо, из-за небоскребов скептически смотрящий сверху вниз на микроскопических полисменов в касках и с дубинками, предводительствуемых неким джентльменом во фраке и цилиндре. Перед нами то, что принято называть «позитивной карикатурой»[48]. Примечательно, однако, что для ее наименования Самойлов сознательно воспользовался названием 1-й части дилогии Л.В. Соловьева (1906–1962) «Повесть о Ходже Насреддине», написанной в 1940 г. и тогда же опубликованной «Худлитом»: она выдержала десятки переизданий, была переведена на многие языки и оказалась популярной настолько, что уже в 1943 г. была экранизирована на киностудии «Узбекфильм» известным комедийным режиссером Я.А. Протазановым под названием «Насреддин в Бухаре», в главной роли снялся Л. Свердлин — и фильм, и роль были необычайно популярны в СССР. Таким образом, порожденный кинематографической средой карикатурный инфоповод в эту же самую среду Самойловым и был обращен (закольцован), и в ней же реализован, но пройдя в промежутке через смысловое поле советского плутовского романа, да еще с восточной тематикой...

«Белградский вор» вновь посвящен «кровавой собаке Тито», которого, как мы уже знаем, чуждый вульгарности Самойлов *именовать* подобным образом избегал. Он и тут поступил умнее и лукавее: установив связь названия титовского официоза с “Mein Kampf” Гитлера, карикатурист СЭ тем самым a) уподобил Тито нацистскому лидеру, b) «снизил» реноме маршала, акцентировав криминальный момент (плагиат=воровство), а еще c) в названии

[48] См. о ней, напр.: *Белобровцева И., Всевиов Д., Данилевский А.* Образ «малого врага»: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940). М., 2013. С. 146–147 и др.

карикатуры подчеркнул локус, географическую привязку «вора», и тем самым установил в сознании своего зрителя связь карикатуры с чрезвычайно популярным в ту пору — в том числе и в СССР — цветным британским художественным фильмом «Багдадский вор» (снят в 1940 г. *по мотивам* сказок «1001 ночи», продюссер А. Корда, и отмечен премией «Оскар» в 3-х номинациях) — как и в арабской сказке, один из его главных героев, спутник заколдованного злым визирем принца, был багдадским вором, мешал козням визиря и по этой причине был обращен им в... собаку[49].

В свете всего вышесказанного надлежит упомянуть также цитаты и реминисценции в заглавиях самойловских карикатур, а равно и в подписях к ним — те и другие опять-таки призваны расширять смысловую перспективу рисунков и добавляют комизма в изображаемые в них ситуации. Нами выявлено 24 случая подобного рода использования чужих литературных текстов, среди которых цитаты:

* из «Посвящения» к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1818–20), см.: <Б.н.> Избушка там на «курьих ножках» / Стоит без окон, без дверей[50];

* из стихотворения В.А. Жуковского «Ночной смотр» (1836), см.: **Сеанс спиритизма**: «В двенадцать часов по ночам / из гроба встает барабанщик...»[51] («Из газет»: в Шанхае-де — сборище белоэмигрантов, присутствовали представители местных властей и военный атташе США; изображен воспрянувший из гроба скелет в папахе с царскою кокардой, на заднем плане — Дядя Сэм, некий военный с азиатской внешностью и казак с крестиком);

* из положенного на музыку стихотворения гр. В.А. Соллогуба «Серенада» (1830-е), см.: <Б.н.> «Накинув плащ, с гитарой под полою...»[52];

---

[49] Кстати, этот же багдадский вор станет одним из героев повести уже упомянутого Л.В. Соловьева «Очарованный принц» — 2-й части его дилогии о Ходже Насреддине, — и хотя опубликуют ее лишь в 1956 г. (по причине ареста автора), написана она была около 1950 г., о чем вполне мог узнать в Таллине и тесно связанный с московскими культурными кругами Самойлов.

[50] СЭ. 1950. № 36 (1971), 10 февр. С. 4.

[51] СЭ. 1947. № 133 (1145), 10 июня. С. 4.

[52] СЭ. 1945. № 125 (524), 30 мая. С. 4; ср.: «Серенада» (с посвящением Н.М. Языкову): «Закинув плащ, с гитарой под рукою, / К ее окну пойдем в тиши ночной, / И там прервем мы песнью молодою / Роскошный сон красавицы младой» (Москвитянин. 1841. Ч. 6. № 11. С. 5); в песенниках — с 1860-х гг. (см.: Новый полный песенник... М., 1869), музыка Э.Ф. Направника; приобрело известность среди студентов Дерптского (ныне Тартуского) университета в 1830-е гг., позже в переработанном виде стало популярным городским романсом (см.: Русские песни XIX века / Сост. И.Н. Розанов. М., 1944).

* из Н.В. Гоголя, более всего — из «Мертвых душ», см.: **Цитаты кстати <**из Гоголя**>**[53]: <1> К визиту Эйзенхауэра в Бонн: ...А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца... («Мертвые души») <Изображены возглавлявший с 1951 г. НАТО генерал Д. Эйзенхауэр и встречающий его канцлер ФРГ К. Аденауэр на фоне толпы с плакатами: «Янки, вон из Германии!», «Вон!», «Эйзенхауэр, вон!», «Нет — войне!»>; <2> Генерал Риджуэй в японском Кабинете министров: Вельможа входит... ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК! В лице, так сказать... ну, сообразно с званием, понимаете... с высоким чином... Всё, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решенья, в некотором роде, судьбы. («Мертвые души») <Американский генерал М.Б. Риджуэй, командующий войсками ООН во время Корейской войны, покуривая, проходит мимо угодливо выстроившихся в ряд японских сановников и даже не глядит в их сторону>; <3> К выступлению Ачесона в ООН: ...занялся украшением всеми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею приятное впечатление... («Портрет») <Д.Г. Ачесон, американский политик, госсекретарь (1949–52) в администрации президента Г. Трумэна — с ангельскими крылышками за спиной и с оливковой ветвью в руке, а из кармана торчит бомба с буквой А (атомная), на столе перед ним — початая коробка с надписью «Миролюбивый грим»>; <4> О положении «среднего американца»: Не успел совершенно выкарабкаться из объятий председателя, как очутился уже в объятиях полицмейстера... («Мертвые души») <на фоне двери с надписью «Председатель комиссии ФБР»

[53] СЭ. 1952. № 54 (2604), 4 марта. С. 4.

полицейский с дубинкой тянет за воротник перепуганного обывателя>; <5> Наполеон и его эпигон: ...Взглянув в зеркало, видит он: нос! («Нос») <длинноносый президент Франции Ш. де Голль со свастикой на рукаве (рука по-наполеоновски — за борт пиджака) и с подушкой на голове заглядывает в зеркало, откуда ему «кажет нос» Наполеон в треуголке>; <6> Фальшивый голос: ...Засунувши небритый подбородок в галстух, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту... («Мертвые души») <некто с лысиной и остатками волос под чертячьими рогами, сидя в собачьей позе на цепи из знаков доллара, изрыгает «Клевету на СССР» перед микрофоном, на котором сверху буквы: «Голос США»>;

* из «собрания мыслей и афоризмов» Козьмы Пруткова «Плоды раздумья» (1854), см.: <Б.н.> «Если на клетке слона прочтешь надпись: “буйвол”, не верь глазам своим» (Кузьма <так!> Прутков)[54] (инфоповод: попадая в плен, гитлеровские главари прикидываются «невинными овечками»; у решетки — звери с плакатами, на которых они просят считать себя не теми, кто они есть: у буйвола — «лицо» Г. Геринга, лев, в очках, смахивает на Г. Гиммлера);

* из стихотворения А.Н. Плещеева «Весна» (1872), см.: **Весна идет...**: Уж тает снег, / Бегут ручьи, / В окно повеяло весною. / Засвищут скоро «соловьи», / И лес оденется листвою[55] (5 рис.: 3-й и 4-й — Гитлер и Й. Геббельс, заливающийся соловьем на ветке перед микрофоном о спасительном «чудо-оружии», смысл остальных 3-х: «мы бьем гитлеровцев!»);

* из стихотворения А.А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад» (1877), см.: **Музыкальный момент**: Рояль рыдал и струны в нем дрожали...[56] (ср. у Фета: «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали / Лучи у наших ног в гостиной без огней. / Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали <...>»; инфоповод: «Служащие американской военной администрации наживают баснословные барыши, спекулируя пианино и роялями, которые они вывозят из Берлина»; 4 американских солдата под руководством военного в офицерской фуражке и с сигарой в зубах грузят-надрываются на военный самолет с аббревиатурой “US” рояль);

---

[54] СЭ. 1945. № 122 (521), 26 мая. С. 4.

[55] СЭ. 1945. № 84 (483), 11 апр. С. 4.

[56] СЭ. 1948. № 233 (1550), 1 окт. С. 4. Отмеченная карикатура — «музыкально-литературная» нюансировка темы, найденной художником полтора месяца назад: **Как СКЛАДЫВАЕТСЯ ОБСТАНОВКА в Берлине** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 190 (1507), 12 авг. С. 4 (инфоповод тот же: мол, эвакуируясь из Берлина, американские военнослужащие прихватывают с собой ценности; изображен американский генерал, сидящий в военном автомобиле, полном добра, а солдат еще подваливает).

* из стихотворения в прозе М. Горького «Песня о соколе» (1898), см. уже знакомое нам по поводу польского генерала В. Андерса: **Безумство «храбрых»**: Лихой фашистский воевода <...> пусть вспомнит случай он с Мальбруком[57] (ср. у М. Горького: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни! / Безумству храбрых поем мы славу»; «Мальбрук» — подразумевается «Мальбрук в поход собрался», одна из самых популярных французских народных песен, сочиненная в 1709 г. и посвященная английскому военачальнику герцогу Мальборо, кстати, предку неоднократно представленного в самойловских карикатурах У. Черчилля; некоторое время песня пользовалась популярностью и в России: во время Отечественной войны 1812 г. была переведена на русский язык, в солдатском обиходе слова были изменены, имя полководца при этом сохранилось, но под ним подразумевался Наполеон Бонапарт; пародию на песню о Мальбруке сочинял с приятелями А.С. Пушкин, она упоминается в «Мертвых душах» в эпизоде с развлекающим гостей шарманкой Ноздревым);

* из старинного романса И. Бобровникова «Серенада» (муз. М. Речкунова), см.: **Весенняя серенада (К переговорам США и Испании)**: «Выходи на серенаду — я не в силах больше ждать!»[58] (на балконе с надписью «ИСПАНИЯ» стоит лысоватый Франко в женском платье и с веером, а снизу перед ним с гитарой в виде знака доллара «страстный испанец» длиннобородый Дядя Сэм — в бандане на голове и в очках); ср.: «Вновь я здесь, перед балконом, / Лишь померкнул небосклон, / Чтоб гитары тихим звоном / Твой прервать спокойный сон / <...> // И готов я всю Гренаду / За любовь твою отдать, / Выходи ж на серенаду, / Я не в силах больше ждать, / Выходи ж на серенаду, / Я не в силах больше ждать!»[59];

* из чрезвычайно популярной у разных воюющих сторон на Восточном фронте песни 1920 (?) г. «Мундир английский…», см.: **Мундир английский, душок «арийский» или...: ...хамство под защитой полиции**[60] («Из газет»: мол, лига бывших военнослужащих провела в Лондоне под руководством Хамма фашистские митинги; весьма схожий с Гитлером (но без усов!) детина вопит с трибуны «Хайль Мосли!», за ним — такой же орясина с дубиной и свастикой, перед ними — заслон из полицейских; подразумевается

[57] СЭ. 1946. № 29 (734), 3 февр. С. 4.
[58] СЭ. 1948. № 85 (1402), 10 апр. С. 4.
[59] Старинные романсы: Для пения с фортепиано / Под ред. А. Иванова. Л., 1955; по др. источнику фамилия автора слов «И. Бобриков», см.: Старинный русский романс: 111 шедевров. Для голоса и фортепиано: В 4 вып. СПб., 2002. Вып. 2.
[60] СЭ. 1947. № 226 (1238), 26 сент. С. 4.

сэр Освальд Эрнальт Мосли (1896–1980), британский политик, баронет, основатель (в октябре 1932 г.) Британского союза фашистов; в мае-июне 1940 г. вместе с большинством руководителей БСФ был арестован, в июле того же года вся фашистская организация была объявлена вне закона; Мосли содержался в заключении до ноября 1943 г.; в феврале 1947 г. им было основано Юнионистское движение, объединившее крайне правые политические силы Британии — он выступал за наращивание военной мощи Великобритании и единой Европы: последняя в представлении Мосли должна была быть вооружена на уровне США и СССР); ср.: «Мундир английский, / Погон французский, / Табак японский, / Правитель омский. // *ПРИПЕВ:* Эх, шарабан мой, / Американка, / Не будет денег, / Возьму продам-ка! // Мундир сносился, / Погон свалился, / Табак скурился, / Правитель смылся. // Омск заняли, / Иркутск отняли / И с шарабаном / Колчака забрали»[61]; в обиходе песня называлась либо «Шарабан» — по названию песни исходной, либо по первым строчкам, которые могли варьироваться, она иронизирует над «Верховным правителем России» адмиралом А.В. Колчаком; с Восточного фронта затем попала и на другие — Н. Какурин, с середины 1920 г. возглавлявший штаб М.Н. Тухачевского, в своем труде о Гражданской войне «Как сражалась революция» (1925) свидетельствовал, что она распевалась в белых сибирских армиях («Погон российский, фасон английский...»), а генерал П.Н. Краснов в романе «От двуглавого орла к красному знамени» (1921) изобразил ее исполнение на вечеринке у красных командиров в Петрограде в июле 1920 г.; в дальнейшем появились «Семеновский шарабан», «Шляхетский шарабан», «Врангелевский шарабан», «Шарабан Дитерихса» и т.д.;

* из танго А.Н. Вертинского «Магнолия» (1931), см.: **В банново-лимонном Сингапуре**[62] («Из газет»: в связи с волнениями в Сингапуре-де ввели военное положение; на фоне мощного дредноута стоит на берегу британец с винтовкой и национальным флагом на ней).

На наиболее репрезентативных случаях остановимся подробнее. Самойлов *трижды* использует в своих карикатурах начало XXIII-й строфы ломоносовской «Оды на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» (1747): так, 20 сентября 1945 г.

[61] Цит. по: Русский советский фольклор: Антология / Сост. и прим. Л.В. Домановского, Н.В. Новикова, Г.Г. Шаповаловой; Под ред. Н.В. Новикова и Б.Н. Путилова. Л., 1967 (записана Вс. Вишневским в начале 1920-х гг. и процитирована в его «героической поэме-оратории» «Красный флот в песнях»).

[62] СЭ. 1948. № 162 (1479), 10 июля. С. 4.

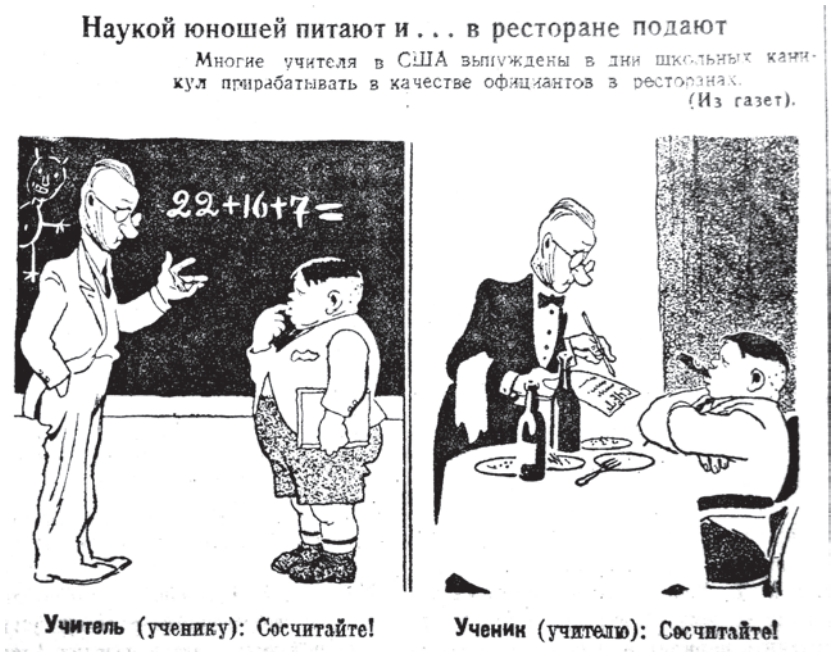

появляются его **«Уроки на дому»**[63] с сопроводительными строчками «Наука юношей питает, отраду старцам подает...» (ср. у Ломоносова: «Наук***и*** юношей пита***ю***т, / Отраду стар***ым*** пода***ю***т...») — отклик на газетное сообщение о том, что в салазаровской Португалии возобновили работу германские школы, получившие там распространение при Гитлере. Следующие 2 самойловских актуализации этих же ломоносовских строк вызваны газетными известиями 1948 г., но уже из США. Первое — *февральское*[64] — являет собой вынесенную в название карикатуры реминисценцию и служит откликом на сообщение о том, что-де в Штатах многие учителя вынуждены по выходным подрабатывать официантами: «Наукой юношей питают и... в ресторане подают». В 6-частной же *октябрьской* карикатуре[65] под сомнение поставлена уже вся образовательная система США:

[63] См.: Уроки на дому: Наука юношей питает, отраду старцам подает... / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 222 (621), 20 сент. С. 4; изображены дедушка и мальчик, у последнего за поясом «МАЙН КАМПФ» и он «зигует», на штык его винтовки насажена кошка.

[64] См.: **Наукой юношей питают и... в ресторане подают** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 32 (1349), 8 февр. С. 4.

[65] См.: **«Науки» юношей питают...** В США для молодежи свободен доступ к освоению любых «наук» на выбор: химии... литературы... механики... географии... астрономии... природоведения... / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 257 (1574), 29 окт. С. 4; на рисунке, трактующем о «науке» химии, девушка травится «ядом», оставив предсмертную записку: «Жить невозможно!!!»; на «литературном» рисунке представлен юноша, взмокший от прочтения книги «Убийство во мраке» — фоном служат книги, на которых значится: «Тайны гарема», «Дневник горничной», «Ночь убийств», «Самоубийца», «Отцеубийца» и т.п.; на рисунке, посвященном «механике», изображено вскрытие двумя подростками сейфа в «Кассе»; «географический» изображает солдат, садящихся на военное судно, отправляющееся в охваченную гражданской войной Грецию; под «астрономией» в США, по мысли Самойлова, выступала астрология, а «природоведение» стало уделом бездомных, ночующих на скамьях (фоном — множество небоскребов).

слово «науки» и в названии, и в сопроводительном тексте заключено в кавычки.

Весьма забавным и эффективным представляется привлечение Самойловым цитат из «Горя от ума» для характеристики того плачевного состояния, в котором оказалась к началу победного 1945 г. пошедшая за Гитлером страна поэтов и философов, — подразумеваем 4-частную карикатуру **«Немцы по Грибоедову»**, появившуюся в январе этого года[66]: «<1> При чтении <Гитлером> оперативной сводки. *“Что нового покажет мне Москва?”*; <2> Немецкий колонист из Остланда <перед своим сгоревшим домом>: *“Когда ж пространствуешь, воротишься домой / И дым Отечества нам сладок и приятен!”*; <3> Разговор <двух гитлеровцев> по душам. *“Где ж лучше? / Где нас нет”*; <4> Тотальный фольксштурмист <— старый дед в каске и с плакатом: «За меня думает фюрер!»>. *“В мои лета не должно сметь / Свое суждение иметь”*».

Следующей достойной особого упоминания карикатурой Самойлова представляется нам рисунок, озаглавленный **«Дамы**

[66] См.: Немцы по Грибоедову / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 11 (410), 14 янв. С. 4.

сдавали в “багаж”»[67] и очевидно отсылающий к *детскому* стихотворению С.Я. Маршака 1926 г. «Багаж», в каковом заглавии взято в кавычки последнее слово, тогда как следовало бы заключить в них первое. Карикатура явилась откликом на газетное извещение о совершенно наивном, *по-детски непосредственном* поступке атташе Посольства Аргентины в Москве Конде и его сотрудника Басана, попытавшихся — в обход «самых бдительных пограничников в мире» — вывезти из СССР под видом дипломатического багажа сразу 2-х человек.

Еще одна любопытная — в обоих интересующих нас планах — самойловская внешнеполитическая карикатура была опубликована под названием **«За монастырской стеной»** весной 1948 г.[68] и явилась откликом на газетные сообщения о том, что на парламентских выборах в Италии клирики этой страны приняли активное участие в фальсификации итогов вотума в пользу правящей Христианско-демократической партии. Комизм рисунка и его смысловое наполнение лавинообразно увеличиваются с помощью поэтического коммента-

[67] См.: Дамы сдавали «в багаж»... / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 20 (1337), 25 янв. С. 4.

[68] См.: За монастырской стеной: Вдали от суетного Света... / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 96 (1413), 23 апр. С. 4 — ср. у А.С. Пушкина в стихотворении «Сонет» (1830): «<...> вдали от суетного света <...>»; монахи изготавливают «антисоветские фальшивки» с оглядкой на продукцию «медиаимперии» Уильяма Рендольфа Херста (1863–1951) — американского медиамагната, ведущего газетного издателя США, с именем и деятельностью которого связано появление в обиходе таких понятий, как «желтая пресса», «связи с общественностью» — PR — и собственно «медиамагнат»; он — постоянный персонаж внешнеполитических карикатур Самойлова в СЭ.

рия: карикатурист востребовал для этого строчку из пушкинского «Сонета», который и своим заглавием, и своим зачином («Суровый Дант не презирал сонета...») актуализирует итальянскую тематику, однако в аспекте, весьма и весьма далеком от того, которому посвящена карикатура в целом.

В ноябре 1948 г. в СЭ появилась карикатура **«В “Аркадии счастливой”»** с подзаголовком «Греческая идиллия»[69]. Из предпосланной ей ссылки на «газеты» становится известно, что уже памятный нам представитель США на ГА ООН А.У. Даллес с ее трибуны-де утверждал, что жизнь в объятой с 1946 г. (и до октября 1949 г.) гражданской войной Греции приобрела «идиллический характер» — благодаря тому, что с 1947 г. Греция перешла в сферу влияния США. Даллес представлен Самойловым в виде играющего на свирели (?) под деревом пастушка, его посох уподоблен знаку доллара, а фоном служат бесчинства солдат правительственных войск, выученных американскими инструкторами (много трупов), а равно и цветочки в виде свастики.

На первый взгляд, заглавие карикатуры отсылает к крылатому латинскому выражению “Et ego in Arcadia fui” — «и я был в Аркадии», т.е. и я был (некогда) счастлив. Но такая отсылка предполагает лишь горькую иронию. Замысел Самойлова на деле затейливее и лукавее, поскольку подразумевает отсылку к *национальной* адаптации этого высказывания (некогда предложенного латинянами — предшественниками и вдохновителями травимых в это время Кремлем «безродных космополитов»), — имеем в виду следующие строки из хрестоматийной басни И.А. Крылова «Волк и Кукушка» (1813):

«А далеко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивой,
С которым думаешь ты жить в ладу?» —
«О, я прямехонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают,

[69] См.: В «Аркадии счастливой»: Греческая идиллия / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1948. № 261 (1578), 3 нояб. С. 4.

И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают. <...>»[70].

Вершиной явленного в СЭ мастерства Самойлова-карикатуриста — как в плане приращения комизма, так и в плане приращения смыслового — нам представляется рисунок, опубликованный летом 1945 г. под заглавием **«“ФиланТРОПИЧЕСКИЙ” климат»**[71] — подчеркнуто игровым, поскольку в нем имеют место кавычки, плюс набрано оно разными шрифтами, дабы тем самым выделить его «географическо-климатическую составляющую». Рисунку придан подзаголовок: «Под знойным небом Аргентины», и обозначена подоплека его возникновения — она ныне общеизвестна: после окончания 2-й мировой войны Правительство Аргентины предоставило на своей территории тайное убежище гитлеровским недобиткам. Без подзаголовка рисунок способен породить лишь горечь: выражаясь языком той поры, «фашистские выродки изловчились и избежали справедливого возмездия за свои злодеяния». С подзаголовком рисунок оборачивается карикатурой, разящей смехом «извергов рода человеческого» и внушающей оптимизм всем «людям доброй воли», поскольку наделяет этих последних стойкой верой в некую Высшую справедливость. Дело в том, что подзаголовок самойловской карикатуры — это «строка из популярного еще до революции “Последнего танго”, входившего в репертуар известной певицы Изы Кремер. В 1918 <г.> вышел фильм “Последнее танго” по мотивам этого романса <...>»[72]. Именно эту строку включил в 1920 г. в оставшуюся незаконченной поэму «Ублюдок» И.Л. Сельвинский, ее же упомянул в напечатанном в 1922 г.[73] рассказе «Чаша жизни» М.А. Булгаков, в романе Ильфа и Петрова под нее «Командор танцует танго»[74].

[70] А вслед за крыловскими в смысловом поле карикатуры актуализируются и строчки Д.Д. Минаева (1835–1889): «Доныне о любви и пишут, и кричат, / Но где же та счастливая Аркадия, / Где за любовью вслед не крадется разлад?»

[71] См.: «ФиланТРОПИЧЕСКИЙ» климат: Под знойным солнцем Аргентины... / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 137 (536), 13 июня. С. 4; эсэсовец нежится в гамаке меж пальм, подле — гора опустошенных и наполненных бутылок, в небе — солнце в виде вращающейся свастики, на нем надпись: «ПРАВИТЕЛЬСТВО АРГЕНТИНЫ».

[72] *Щеглов Ю.К.* Комментарии к роману «Золотой теленок» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок: Роман. М., 1995. С. 538.

[73] В Берлине, в литературном приложении к газ. «Накануне».

[74] См.: *Щеглов Ю.К.* Указ. соч. С. 195–196. В 1954 г. эту же строку привел в автобиографической повести «Беспокойная юность» К.Г. Паустовский, в 1963–1966 гг. В.П. Аксенов написал путевые заметки «Под небом знойной Аргентины», а в 1969 г. в США вышел роман В.В. Набокова «Ада», главный герой которого, артист варьете Ван Вин, танцует со своей партнершей Ритой, которая также поет эту песню и эту строку Изы Кремер — по-русски и по-английски (подробнее обо всем этом, а равно и сам текст песни см.: *Александров Р.* Под знойным небом

В сталинские годы эту строку и эту песню — но под названием «Аргентинское танго»[75] — пел вживую и на грампластинках Вадим Козин вплоть до ареста и «посадки» в мае 1944 г., так что Самойлов точно знал, к каким словам прибегнуть, чтобы внушить своей аудитории оптимизм, но оптимизм отнюдь не большевистский, а некоего надмирного, фатального свойства: ведь финал песни Изы Кремер гарантировал именно такое возмездие и именно в Аргентине:

И вот конец... Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал.

В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине,
Про Джо и Кло поют...
Там знают огненные страсти,
Там всё покорно этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут...

Аргентины: Из новой книги о Константине Паустовском // Всемирные Одесские новости. 2012. Нояб. № 3 (82). С. 5. URL: http://www.odessitclub.org/publications/won/won_82/82-5.PDF (дата обращения: 27.09.2019).

[75] В этой связи см. еще одну самойловскую карикатуру: **Аргентинское танго** / Рис. Л. Самойлова // СЭ. 1945. № 121 (520), 25 мая. С. 4; инфоповод: «Аргентина попрежнему <sic!> дает приют видным гитлеровцам. (Из газет)»; хитро осклабившийся эсэсовец в фуражке с высокой тульей ведет в танце полуобнаженную, корпулентную и очень яркую женщину — с усами, серьгами и кулоном в виде свастики и с надписью на веере: «ГЕРМАНИЯ НАШ ВРАГ!»

Итак, как мы не раз могли убедиться, графическая и словесно-*литературная* составляющие самойловских карикатур в СЭ постоянно чередовались в исполнении двух взаимосвязанных функций: если одна из них выполняла функцию сатирическую и критикующую, то другая — комико- и смыслорасширительную, и наоборот. Именно указанная «отлитературность» Самойлова обеспечила впечатляюще высокий уровень его сатирической графике, и она же принципиально отличала самойловские работы от карикатур заместивших его в газете коллег: также обрамляя рисунки словесно, те, как правило, использовали для этого наиболее распространенные пословицы, поговорки и фразеологизмы[76], тем самым апеллируя более к ментальности своих зрителей, тогда как Самойлов мобилизовывал их разум[77].

Литература

Артемова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2002. 19 с.

Белобровцева И., Всевиов Д., Данилевский А. Образ «малого врага»: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940). М.: Наука: Флинта, 2013. 158 с.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3 (23). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. С. 73–78.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.

Щеглов Ю.К. Комментарии к роману «Золотой теленок» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок: Роман. М.: Панорама, 1995. С. 329–605.

Skorodol N. Laughing with Comrade Stalin: An Analysis of Laughter in a Soviet Newspaper Report // Russian Review. 2009. 1 January. № 68.

[76] См., напр.: **Палач палача...** / Рис. С. Малахова // СЭ. 1974. № 159 (9340), 9 июля. С. 4 (Чили: чилийский генерал в фуражке с высочайшей тульей здоровается с Гитлером в столь же характерном головном уборе, их рукопожатие уподоблено свастике; при этом актуализирована *усеченная* часть распространенной поговорки, на деле имеющей забытое ныне большинством продолжение: «*Рыбак рыбака видит издалека*, потому стороной и обходит»).

[77] *Единственный* (!) «экскурс» того же С. Малахова в область литературы — карикатура, изображающая лидера фашиствующей Национал-демократической партии Западной Германии А. фон Таддена «под Гамлета»: <Б.н.> Адольф фон Тадден: — Быть или не быть... в бундестаге? / Рис. С. Малахова // СЭ. 1969. № 222 (7878), 24 сент. С. 3.

References

Artemova E.A. *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Caricature as a genre of political discourse: Cand. philol. sci. diss. abstract]. Volgograd, 2002. 19 p. (In Russ.)

Belobrovtseva I., Vseviov D., Danilevskii A. *Obraz "malogo vraga": Pribaltika i Pol'sha v zerkale sovetskoi karikatury (1918–1940)* [The image of "small enemy": the Baltic States and Poland in the mirror of the Soviet caricature (1918–1940)]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ., 2013. 158 p. (In Russ.)

Shcheglov Iu.K. Kommentarii k romanu "Zolotoi telenok" [Comments on the novel "Golden Calf"]. Il'f I., Petrov E. *Zolotoi telenok: Roman* [Golden Calf: Novel]. Moscow, Panorama Publ., 1995, pp. 329–605. (In Russ.)

Skorodol N. Laughing with Comrade Stalin: An Analysis of Laughter in a Soviet Newspaper Report. *Russian Review*, 2009, 1 January, no. 68. (In English).

Sorokin Iu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaia funktsiia [Creolised texts and their communicative function]. *Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia* [Optimization of speech exposure]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1990, pp. 180–186. (In Russ.)

Voroshilova M.B. Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse [Creolised text in political discourse]. *Politicheskaia lingvistika* [Political linguistics], iss. 3 (23). Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2007, pp. 73–78. (In Russ.)

"Aliens" and "enemies" in Lev Samoilov's works of the Estonian period (1945–1952)

© 2019, Alexander Danilevsky

Abstract: The article, written as a part of a comprehensive study on the topic "Estonia between the East and the West: The paradigm of 'friendly', 'different', 'alien', 'enemy' in Estonian cultures of the 19th–21st centuries", presents the results of studying foreign policy caricatures published in Tallinn "Soviet Estonia" in 1945–1952. The analysis is carried out on the basis of graphic works by the satirical artist Lev Samoilov (pseudonym of Lev Samoilovich Babin, 1918–1988). Samoilov's period of activity in "Soviet Estonia" coincides almost entirely with the beginning of the Cold War, when state-sanctioned laughter, the primary variation of which is a foreign policy caricature, was subjected to especially tight control by the authorities. However, even in such conditions Samoilov managed to realize both creative talent and aesthetic potential hidden in the genre of political caricature. The following characteristic features of the genre poetics are distinguished in the article: an abundance of details and numerous signatures of various levels — an epigraph (often in the form of a quote) that defines a specific reason for the appearance of the caricature, its name, signature under the picture (most often in the form of direct speech of characters), explanatory inscriptions on certain elements of the picture. As the analysis carried out

in the article shows, Samoilov reflected and began to use actively the potential of the caricature's verbal component in its interaction with the graphic plan, which ensured a high level of his satirical graphics and became its hallmark.

Keywords: foreign policy caricature, "Soviet Estonia", Lev Samoilov, graphic arts, satire

Information about the author: Alexander Danilevsky, PhD, Senior Research Associate, Tallinn University, Tallinn, Estonia. E-mail: xandr.danilevskij@gmail.com

Citation: Danilevsky Alexander. "Aliens" and "enemies" in Lev Samoilov's works of the Estonian period (1945–1952). *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 380–411. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-380-411

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-412-420
УДК 821.161.1

Константин Большаков на военной службе: Еще раз о проблеме

© 2019, Н.А. Богомолов

Аннотация: Сообщение представляет собой уточняющий комментарий к заключительной части воспоминаний В.И. Мозалевского «Тропинки, пути, встречи». Комментарий касается русского поэта и прозаика Константина Аристарховича Большакова (1895–1938) и подробностей, связанных с его поступлением на военную службу. С опорой на неопубликованные архивные материалы, в частности письма к С.П. Боброву и к Алексею Алексеевичу Боровому (1875–1935), уточняется ряд фактов из биографии Большакова, относящихся к периоду, когда, как традиционно утверждается в исследовательской литературе на основании известных автобиографий Большакова и его романа «Маршал сто пятого дня», он оставил Московский университет и поступил в Николаевское кавалерийское училище. Автор статьи устанавливает, что в действительности Большаков был направлен в Чугуевское военное училище (Харьковская губ.), которое вскоре покинул. Первое свидетельство о его пребывании на военной службе в действующей армии, согласно разысканиям, результаты которых представлены в статье, относятся не к 1915, а к декабрю 1916 г. Восстанавливая по переписке дальнейшую биографию Большакова, автор приходит к выводу, существенно корректирующему сложившуюся репутацию «храброго кавалериста», лишь в конце 1916 г. попавшего в армию, но продолжавшего вести преимущественно гражданский образ жизни вдали от фронтов.

Ключевые слова: комментарий, В.И. Мозалевский, воспоминания, К.А. Большаков, военная служба

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Цитирование: *Богомолов Н.А.* Константин Большаков на военной службе: Еще раз о проблеме // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 412–420. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-412-420

В № 3 (13) «Литературного факта» А.Л. Соболев опубликовал заключительную часть воспоминаний В.И. Мозалевского «Тропинки, пути, встречи». Воспоминания довольно беглые и далеко не всегда точные, поэтому комментарии тут необходимы. Однако комментатор всегда в значительной степени вынужденно опирается на разыскания других авторов, которые, в свою очередь, могут быть неточны. Одному из таких примечаний (а заодно и тексту, к которому оно сделано) мы и посвящаем данную заметку.

Вот что пишет Мозалевский о Константине Большакове: «Войной был призван в кавалерию. Кавалерия пришлась ему по сердцу, и, как то узнал я позднее, воюя, изучил он и историю кавалерийских полков, сражался по-настоящему, как сражались и художник Якулов Г.Б., поэт Гумилев, был награжден орденами. С 1918 года он был в Красной Армии, снова в родной ему кавалерии, занимал командные должности»[1]. К этому пассажу следует примечание: «Как следует из автобиографии 1928 г., Большаков добровольно оставил университет и поступил в Николаевское кавалерийское училище, после чего в 1915 г. оказался в действующей армии (см.: *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 309). См. также: *Богомолов Н.А.* Предисловие // Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М., 1991. С. 6–13». Поскольку нам на долю выпало окончательно запутать комментатора, нам этот далеко не простой узел и распутывать. Дойти до конца не удалось и на этот раз, однако на данный момент все разыскания зашли в тупик, потому попытаемся четко обозначить границы нашего знания и незнания.

В Рукописном отделе ГЛМ хранятся сразу три автобиографии Большакова, и во всех его поведение в годы войны описано практически одинаково. В первой: «В 1915 году бросил университет и поступил в военное училище. С этого приблизительно момента обрывается работа и “бытие” в литературе, сменяясь почти непрерывной семилетней военной службой. За царской армией непосредственно следовала Красная, демобилизация постигла меня, двадцатишестилетнего начальника штаба приморской крепости “Севастополь” только в 1922 году»[2]. Во второй кратко: «…Универ-

[1] *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 97–98.

[2] ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 1.

ситета <…> не кончил, война увела очень далеко…»[3] И, наконец, подробнее всего — в третьей: «Война не всколыхнула литературного болота, эстетический снобизм тогдашних литературных кружков опротивел до тошноты. <…> Бросил университет и поступил в военное училище. Работу и бытие в литературе сменила армия: сначала царская, потом Красная»[4]. Сперва Ю.М. Гельперин, а потом и мы опирались именно на эти сведения. Откуда взялось именно Николаевское кавалерийское училище, прославленное тем, что когда-то в нем, именовавшемся Школой гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, учился Лермонтов? Да из романа самого Большакова «Маршал сто пятого дня»: именно там проходит курс военных и околовоенных наук главный герой, несущий в себе много биографических черт автора.

У нас нет точных сведений о том, что делал Большаков в 1915 г., но можно вполне основательно утверждать, что в армии он в это время не служил. Об этом свидетельствуют все дальнейшие материалы. Более чем сомнительна и учеба в Петрограде, даже если предположить, что из училища его исключили, подобно его герою. Но 1916 г. мы знаем с достаточной степенью детализированности.

30 января этого года в Москве И.Н. Розанов заносит в дневник: «Конст. Большаков — ни одного слова его не слыхал. Он был всё с А.И. Ходас<евич>. Я его не узнал. Видел у Фрейберг несколько лет назад, он еще был гимназистом. Теперь он показался мне сильно вытянувшимся и грузнее»[5].

Тут, вероятно, нужно пояснение: как показывают недавно опубликованные нами письма Большакова к А.И. Ходасевич[6], между ними был серьезный роман, что, однако, не мешало Большакову поддразнивать ее, намекая на собственную бисексуальность и возможность романов иного рода. 8 марта 1916 г. он пишет ей из Петрограда, но уже 14 марта выступает на вечере молодых поэтов в Политехническом музее[7]. 18 апреля он пишет А.И. Ходасевич: «С воинской повинностью, к сожалению, всё выяснится на той неде-

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 4. Опубл.: Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. 2-е изд. М., 1928. С. 61.

[5] ОР РГБ. Ф. 653. Карт. 3. Ед. хр. 18. Л. 89об.–90. Опубл. в ст.: *Богомолов Н.А.* Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913–1923) // Russian Literature. 2016. № 83–84. С. 220.

[6] *Богомолов Н.* Константин Большаков и война. Приложение 1 // Русский авангард и война. Белград, 2014. С. 97–102.

[7] Дневник И.Н. Розанова // ОР РГБ. Ф. 653. Карт. 3. Ед. хр. 18. Л. 113. Опубл.: *Богомолов Н.А.* Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова…

ле окончательно». Дух этой фразы как-то не вяжется с воинственным настроем, который Большаков, по его словам, испытывал.

Казалось, что развязка наступила 8 мая, когда всё тот же Розанов записал в дневнике: «Поздно приехала Ан<на> Ив<ановна>, которая провожала сестру в СПб и “Костю Большакова” в Чугуев, поступает в Юнкер<ское> училище. Она была расстроена…»[8]

Накануне, 7 мая Большаков пишет С.П. Боброву: «Завтра меня отправляют в г. Чугуев Харьковской губ. (Чугуевское Воен<ное> Училище, юнкеру etc.)»[9]. Тут, конечно, есть дополнительная нота разочарования: вместо прославленного кавалерийского училища он должен оказаться в заурядном пехотном и, судя по всему, на ускоренных курсах. 10 мая он пишет Ходасевичам с дороги, из Харькова. Письмо грустное, но не идущее ни в какое сравнение с написанным уже одной Анне Ивановне 15 мая из Чугуева: «Милая, я говорю как раз не про то, чего здесь у меня совершенно <нет>, т.е. свободного времени, а про то, что отчаянье, безграничное, всепоглощающее отчаяние выветрило во мне, кажется, всё. Мне странно подумать, что на свете есть люди, которые могут писать стихи, читать их, одобрять или нет. Мне странно подумать, что можно еще на что-то надеяться, о чем-то мечтать. Впрочем, зачем я пишу тебе всё это. Ты в Москве, ты счастлива, увлекаешься кем-то, кто-то тобой, — какое тебе теперь дело до меня, уже вычеркнутого из списков жизни нарядной и настоящей». Как нетрудно понять, «нарядная и настоящая» жизнь — та самая, которую он потом, в советские времена, назовет литературным болотом и эстетическим снобизмом.

Однако выносить тяготы воинской службы пришлось недолго. 18 мая он извещал Боброва из Харькова: «Милый С.П., спешу известить Вас с дороги, что благополучно и навсегда покинул Чугуев»[10]. 9 и 12 июня он из Москвы пишет последние два из известных нам писем этого времени к Анне Ивановне, и дальнейшую информацию мы получаем из писем к А.А. Боровому.

Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — в прошлом приват-доцент Московского университета, видный анархист. В 1914 г. сотрудничал с газетой «Новь», где организовал страницу «Траурное ура» с участием Большакова[11]. С тех пор они, видимо, подружились, а в годы войны эта дружба имела для Большакова и практический смысл: Боровой служил в армии, но местом службы была Москва, где

[8] Там же. Л. 123об. Опубл. там же.
[9] РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.
[10] Там же. Л. 4.
[11] Фрагменты из воспоминаний, относящиеся к этому эпизоду, см.: *Боровой А.А.* Моя жизнь / Публ. С.В. Шумихина // Московский журнал. 2010. № 10. С. 36–37.

он занимался проблемами призыва, что для Большакова было актуально. Так, 11 августа он извещал своего корреспондента: «…после Генеральн<ого> госпиталя, как это ни странно, имею трехмесячный по болезни отпуск (до 13 окт<ября>)»[12]. Правда, 9 сентября он написал: «Скоро, очевидно, замаршируюю куда-то, куда — и сам не знаю. Возиться с какими-либо устройствами слишком скучно»[13]. Но тогда опасения оказались напрасны, он по-прежнему оставался в Москве. 11 октября его спрашивал Б.Л. Пастернак: «Говорят, Вы кончили военное училище и служите теперь»[14]. В примечаниях говорится о Тверском кавалерийском училище, но, как мы видим, Большаков и в эти дни находится в Москве.

Собственно говоря, первое свидетельство о том, что Большаков в армии, мы обнаруживаем в письме к Боровому от 31 декабря 1916 г., написанном на Курском вокзале по пути в Нижний Новгород. Для нас важен самый факт его написания и, стало быть, фиксации места, где находится Большаков. Пояснение отыскивается в следующем письме, от 6 января 1917 г. из Нижнего Новгорода: «Тогда на вокзале, торопясь и отрываясь почти каждую минуту вопросами новобранцев, которых мне препоручили у воинского, я пытался более или менее высказать Вам то, что хотелось. <…> На том основании, что я старый солдат, гоняют и требуют раз в десять больше, и изнервничался, и чувствую <себя> физически плохо предельно. <…> В среду мне будет комиссия, но в случае неблагоприятного для меня исхода мне уже обещаны 8 час<ов> винтовки. <…> Мой адрес: Н. Новгород. I подготов<ительный> учебн<ый> батальон».

19 января Большаков пишет Боровому еще из Нижнего Новгорода, жалуясь на условия жизни, но потом следует большой хронологический перенос, и 4 июня он шлет ему же письмо из Петергофа. Отсюда выясняется, что он проезжал через Москву, виделся с Боровым, получил от него какой-то литературный заказ, но никаких подробностей мы не знаем и отследить не можем.

Через три недели он снова в Москве, и снова мы не знаем, в каком качестве. 26 июня 1917 г. Большаков пишет Боровому: «Мой полк по приказу команд<ующего> войсками должен выступить только в августе, маршевых рот и отдельн<ых> отправок нет и не будет.

---

[12] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 266. Л. 2–3. Возможно, неким уточнением (которого мы пока не понимаем) являются слова из письма от 31 декабря 1916 г.: «Поверьте также, что Ваш визит ко мне в Уяздовский <?> госпиталь никогда, никогда не забудется мною, как <одно> из самых дорогих и радостных моему сердцу воспоминаний» (Там же. Л. 6–7).

[13] Там же. Л. 4.

[14] *Пастернак Б.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. VII. С. 265.

А записаться в ударн<ый> бат<альон> тысяча препятствий». Правда, буквально следом поясняется, что это за препятствия: «…во-первых, большая довольно работа, которую взвалил на меня Жорж Якулов, укативший на днях в Петроград и связавший еще более тем, что кроме поручений оставил некотор<ые> обществен<ные> суммы. А во-вторых — мои до сих пор еще не возвращались из Судака, и уезжать, не повидавшись с ними, было бы слишком тяжело».

Ни в какой ударный батальон Большаков не отправился, а стал секретарем (с № 4) журнала «Путь освобождения», органа совета солдатских депутатов. Об этом свидетельствуют не только сами номера, но и письма к М.А. Кузмину, которого он зовет принимать участие в журнале. Кузмин устранился[15].

Затем опять хронологический провал на месяцы и дни решающих событий 1917 г. Мы знаем лишь открытку к Боровому от 17 декабря этого года, но она весьма выразительна: «…получили ли Вы мое письмо отсюда? Думаю, что да, и потому знаете о моих злоключениях после октября. Житие в Пятигорске для меня нелепо с какой угодно стороны, и остается для самого непонятным даже по сю пору. Что в Москве, почему оттуда и как туда? — Не знаю и едва ли узнаю скоро, т.к. из писем, которые получаю, решительно не могу ничего понять». Попробуем представить декабрь 1917 г., московские события ноября месяца — и, пожалуй, должны будем сделать вывод о том, что Большаков активно противостоял большевистским попыткам захвата города и вынужден был бежать в Пятигорск, в санаторию д-ра Гуревича.

Наше голословное пока что утверждение поддерживается одной из публикаций Большакова весны 1918 г. Но сперва нужно сказать, что он появляется в Москве не в середине 1919 г., как это фиксирует хроника (и то с оговоркой, что он был объявлен среди выступавших, но действительно ли принимал участие в вечере, неизвестно), а значительно раньше: 8 (21) мая 1918 г. появляется его первая публикация в газете «Жизнь», главным редактором которой является всё тот же Боровой, — стихотворение «Любовь». С этого времени он становится постоянным автором газеты. Как сам он писал в автобиографии, «после 17 года поэтические грехи: в газете “Жизнь” М. 1918 года №№ 41, 22, 23». Однако там печатались не только стихи, но и проза. На этом фоне очерк «Ландскнехты»[16] вполне отчетливо

[15] См. письма Большакова к нему от 26 августа и 13 сентября 1917 г. из Москвы (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 123).

[16] Жизнь (Москва). 1918. № 35, 6 июня (24 мая). С. 3. Перепеч.: Константин Большаков и война. Приложение 2.

читается как признание в симпатиях к старой армии и к ее лучшим представителям.

Ушел ли Большаков на фронт в составе Красной армии? 12 декабря 1918 г. он пишет Боровому из Москвы, и из письма становится ясно, что он где-то служит, и это явно не армейская служба.

Осталось договорить совсем немного. Почти два года мы ничего не знаем о жизни Большакова. Ни в 1919, ни в первые 11 месяцев 1920 г. он не оставляет следов, или, по крайней мере, мы этих следов не отыскали. Только 11 декабря 1920 г. он пишет Боровому из Харькова: «В воскресенье я заходил к Вам, но Вы были нездоровы, а в дальнейшем я с такой стремительностью выбирался из Москвы, что даже с самыми дорогими друзьями приходится прощаться лишь посредством открыток». Что вынудило его стремительно выбираться из Москвы? К сожалению, мы не знаем. Знаем, что 22 декабря 1920 г. он пишет ему из Севастополя, оставляя на письме обратный адрес: «Севастополь. Штаб Морск<ой> Крепости. Ревизору-инструктору Штаба К.А.Б.». Это его постоянное назначение. Нам не удалось обнаружить в РГВА каких бы то ни было содержательных документов, относящихся к комендатуре крепости Севастополь, тем более сколько-нибудь подробных — по личному составу. Так что мы даже не можем определить, был ли он военным или вольнонаемным. Тут отметим, что и иными способами получить какую-либо информацию в плохо упорядоченных документах этого архива нам не удалось, а от попыток отыскать следы нижнего чина Большакова в других архивах мы отказались, не рассчитывая на фиксацию столь незначительных личностей в архивах 1916–1917 гг.

Последнее известное нам письмо этого времени (всё к тому же Боровому) датировано: «14/X-22. Севастополь», обратного адреса нет. Кем был тогда Большаков, нам неизвестно. Действительно ли начальником штаба? Кем-то еще? Увы.

Отдавая себе отчет, что поиски пока что нельзя считать законченными и следы Большакова вполне могут быть найдены в государственных архивах и частных собраниях, мы в то же время предлагаем исходить из совсем других положений, нежели мемуарист, с цитаты из которого мы начали заметку, и другие исследователи (в том числе дезавуируя собственные разыскания более раннего времени).

Вместо доблестного воина сначала Первой мировой войны, затем войны гражданской (на стороне красных), храброго кавалериста и в конце концов заметного командира мы видим деятельного уклониста, лишь в конце 1916 г. попавшего в армию, но осевшего вдали от фронтов и ведшего преимущественно гражданский образ жизни.

Во всяком случае, так было до конца 1918 г. Потом, возможно, он на самом деле оказался где-то в действующей армии, но ровно никакой информации об этом мы не имеем, почему склонны следовать максиме: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?»

Литература

Богомолов Н. Константин Большаков и война. Приложение 1 // Русский авангард и война. Белград: Издательство филологического факультета Белградского университета, 2014. С. 97–102.

Богомолов Н.А. Предисловие // Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М.: Художественная литература, 1991. С. 6–13.

Богомолов Н.А. Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913–1923) // Russian Literature. 2016. № 83–84. С. 201–247.

Боровой А.А. Моя жизнь / Публ. С.В. Шумихина // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20–40.

Гельперин Ю.М. Большаков Константин Аристархович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 308–309.

Мозалевский В.И. Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108.

References

Bogomolov N.A. Khodasevich v dnevnike I.N. Rozanova (1913–1923) [Khodasevich in Ivan Rozanov's diary (1913–1923)]. *Russian Literature*, 2016, no. 83–84, pp. 201–247. (In Russ.)

Bogomolov N. Konstantin Bol'shakov i voina. Prilozhenie 1 [Konstantin Bolshakov and the war. Appendix 1]. *Russkii avangard i voina* [Russian avant-garde and the war]. Belgrad, Belgrad Universitety Philological Faculty Publ., 2014, pp. 97–102. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Predislovie [Introduction]. Bol'shakov K. *Begstvo plennykh, ili Istoriia stradanii i gibeli poruchika Tenginskogo pekhotnogo polka Mikhaila Lermontova: Roman; Stikhotvoreniia* [Flight of prisoners, or the Story of suffering and death of the Tenginsky Infantry Regiment Lieutenant Mikhail Lermontov: Novel; Poems]. Moscow, Khudozhestvennaia literaturaPubl., 1991, pp. 6–13. (In Russ.)

Borovoi A.A. Moia zhizn' [My life], ed. S.V. Shumikhin. *Moskovskii zhurnal*, 2010, no. 10, pp. 20–40. (In Russ.)

Gel'perin Iu.M. Bol'shakov Konstantin Aristarkhovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1: A–G* [Russian authors: Biographical dictionary. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 308–309. (In Russ.)

Mozalevskii V.I. Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie) [Paths, ways, encounters (conclusion)], ed. and notes A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 3 (13), pp. 71–108. (In Russ.)

Konstantin Bolshakov in military service: Revisiting the issue

© 2019, Nikolay Bogomolov

Abstract: The note provides a clarifying commentary on the final part of V.I. Mozalevsky's memoirs "Paths, ways, encounters". The commentary concerns the Russian poet and prose writer Konstantin Aristarkhovich Bolshakov (1895–1938) and the details associated with his entry into military service. On the basis of unpublished archival materials, in particular on letters to Sergey Bobrov and to Alexei Alekseevich Borovoy (1875–1935), the author clarifies a number of facts from Bolshakov's biography related to the period when, as it is traditionally stated in the research literature on the basis of Bolshakov's well-known autobiographies and his novel "Marshal of the 105th day", he left Moscow University and entered Nikolaev Cavalry School. The author establishes that in reality Bolshakov was sent to the Chuguev Military School (Kharkov Province), which he soon left. The first evidence of his stay in military service in the army, according to the investigations, the results of which are presented in the article, refers not to 1915, but to December 1916. Restoring the further biography of Bolshakov by correspondence, the author comes to the conclusion that significantly corrects the established reputation of "brave cavalryman ", who entered the army only at the end of 1916, but continued to lead a predominantly civilian lifestyle away from the fronts.

Keywords: commentary, Viktor Mozalevsky, memoirs, Konstantin Bolshakov, military service

Information about the author: Nikolay Bogomolov, Dr Hab, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Citation: Bogomolov Nikolay. Konstantin Bolshakov in military service: Revisiting the issue. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 412–420. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-412-420

ФОРУМ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-421-429
УДК 291.1 (130.3/471)

Начало и конец русской религиозной философии*

© 2019, Н.В. Серебренников

Аннотация: В статье дано обоснование периодизации русской религиозной философии (1831–1951). Принципом деления стало религиозное мироощущение творческой интеллигенции, в те или иные эпохи меняющееся в своих тенденциях. Его утрата, как показывает автор, обусловила конец оригинальной русской философии. 1830–1850-е гг. характеризуются в статье как культурно-религиозный период, поскольку именно в это время русская религиозная философия решила отношение «религия — культура» в пользу первичности религии. Отсюда, по мнению автора статьи, идет взгляд на культуру как на проявление религиозного начала и вера в личность, восполняющую себя через определение в Боге и нации. С 1861 г. настала новая фаза общественного развития, возникло почвенничество как род универсализма, эклектично пытавшегося примирить в себе воззрения славянофильские и западнические, с явной ориентацией на проблемы социально-психологические, и потому гораздо более плодотворного для литературы, чем для философии. 1900–1910-е гг. — период идейного разброда, борьбы своеволий и жажды метафизических откровений. Он осмысляется как философско-эсхатологический, согласно обостренному революционной катастрофой мировосприятию. Новый период (с 1923 г.) стал итогово-аналитическим, когда обострилось внимание к урокам национального самоосмысления, особенностям русского миросозерцания. Дальнейшие успехи в этой сфере незначительны. Автор приходит к итоговому выводу о том, что русская религиозная философия завершает свое развитие в 1951 г.

Ключевые слова: русская религиозная философия, периодизация, богословие, самосознание, славянофильство, интеллигенция.

Информация об авторе: Николай Валентинович Серебренников, д.ф.н., доцент, Томск, Россия. E-mail: niva7@yandex.ru

Цитирование: *Серебренников Н.В.* Начало и конец русской религиозной философии // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 421–429. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-421-429

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Научный проект № 17604600170а («А.С. Хомяков и его наследие: подготовка комментированного издания сочинений»).

Отечественная мысль с ее насущной потребностью определиться во всемирной истории впервые остро осознала себя, пожалуй, только у П.Я. Чаадаева — во «враждебном слове отрицанья». Вразрез с почти всеобщей верой в великое процветание России, он не увидел «движение нравственное, движение мысли…»[1] ни в русской истории, ни в настоящем. Современникам это показалось ужасным: ведь и человек и культура являются на свет с тем, чтобы стать самими собой и достойно сохраниться, да и Россия не просто замешена на невесть какой азиатчине, слепо принятой византийщине и дурно понятой неметчине. Как реакция на «Философические письма» (1828–1831: «самиздат» 1831, публикация первого письма 1836), на русофильские веяния министерства народного просвещения и на польский мятеж 1830–1831 гг. возник ряд весьма прославянофильски сложившихся деятелей культуры — Ф.И. Тютчев, П.В. Киреевский, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и др. Русские любомудры, прошедшие школу Канта и Шеллинга, задумались и о собственной, личной и национальной, значимости. То, что вызревало подспудно и связывалось обычно с литературным обновлением, теперь всё чаще облекалось в форму публицистической статьи или требовало социально-философского обоснования. В 1830-е гг. зародилось культурфилософское движение, оставшееся в истории под шутливым прозвищем «славянофильство» — движение, давшее начало русской религиозной философии, т.е. тому направлению, которое связано с православной мыслью и, соответственно, с ее онтогносеологическим и культурологическим обоснованиями.

Не случайно в 1840-е гг., в пору полемики об истоках и путях развития славянской культуры, народилась и интеллигенция — гуманитарно себя заявившая часть общества, положившая судьбу на то, чтобы государственная политика держалась общенародной пользы, социальный слой, готовый ради этой цели поступиться своими сословными интересами и существующий только в странах Восточной Европы (в столь специфическом смысле термин intelligentia, «понимание», был применен в 1864 г., но не будет ошибкой распространить это понятие на уже сложившееся явление).

Взяв за принцип периодизации религиозное мироощущение творческой интеллигенции, в те или иные эпохи меняющееся в своих тенденциях, можно выделить 1830–1850-е гг. как период *культурно-религиозный*, поскольку именно тогда русская религиозная философия повернула соотношение «религия — культура» в пользу

[1] *Чаадаев П.Я.* Философические письма // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 402.

первичности религии: отсюда взгляд на культуру как на проявление религиозного начала и вера в личность, восполняющую себя через определение в Боге и нации.

Если народная культура — это вся совокупность жизнепроявлений, то по материалистической трактовке религия — лишь грань ее, некая культурная система[2]. Неосознание религии как присутствия Духа живого, творящего культуру, позволяет воспринимать религию как социальный институт. Русская мысль этому противоречит. Была бы история такой же, если б Толедский поместный собор не ввел поправку в Символ веры и не внес тем самым раскол в ортодоксально-кафолическую Церковь? если бы Русь приняла католичество, а Золотая орда — православие? Но пути истории всё же относительно случайны; обратимся к философии: мог ли аристотелизм или экзистенциализм возникнуть в Индии или Китае? или учение дао в Скандинавии в любое время ее истории? Ответы предполагаются очевидными и отрицательными; буддийские миссионеры в Европе в III в. до Р.Х. канули без следа, а христианство на Востоке овладело только Филиппинами…

Так, для русской литературы, в отличие от западной, характерно жгучее чувство вины перед своими ближними и своей совестью, перед Богом и долгом (любопытно, что в русском языке XVIII — начала XIX вв. вместо термина «причинность» употребляли «винословность»). Невнятная для западного буржуа вина за удел народа позволяла западнику Чаадаеву и славянофилу Хомякову говорить о необходимости культурного и нравственного воскресения. Обретя альфу и омегу в христианстве, русская философия отвергла и притязания на национальную исключительность, каковые могут иметь лишь политическую направленность. Из концепции смены культурных периодов, выстроенной славянофилами, заключаем, что основа и выражение русской идеи есть жертвенно-мессианская судьба славянства, — здесь содержится то, что позволило монархисту Хомякову сказать: «Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы…»[3] — а Ф.М. Достоевскому прийти к самой формуле «русская идея», о которой затем столько толковали К.Н. Леонтьев и Вл.С. Соловьев, Л.П. Карсавин и Н.А. Бердяев, да и другие. Положительное русское учение должно было, по надежде

[2] См.: Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 118; 1967. Т. 4. С. 489–491. Ср. схожие дефиниции в западном издании, где мировоззрение составителя выверено по экзистенциалистам М. Хайдеггеру и М. Шелеру: Philosophisches Wörterbuch. Stuttgart, 1957. Перевод: Философский словарь. М., 1961. С. 312.

[3] *Хомяков А.С.* «Семирамида». И<сследования> и<стины> и<сторических> и<дей> // Хомяков А.С. Соч. М., 1994. Т. 1. С. 99.

его представителей, указать человечеству стезю преобразований в духе единства и любви.

Уяснив свою причастность православным началам, отечественная мысль пришла и к откровениям, обусловившим ее уникальность. Когда И.В. Киреевский сказал, что «направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»[4], в этом утверждении не было ни парадокса, ни обскурантизма, но лишь точное понимание, что ипостасные отношения Св. Троицы с достаточной очевидностью могут указать на решения проблем нашего мира — бытийных, познавательных, моральных, поскольку корень всякого вопроса — в отношении человека к Богу, строим ли жизнь по Христу или, как показал Ф.М. Достоевский, приходим к принципу вседозволенности, что постоянно подтверждает и история.

Влияние материализма на становление оригинальной русской философии, вероятно, следует оговаривать в рамках допускаемой возможности для каждого конкретного случая, но слишком во внимание не принимать, поскольку его претензии на самодостаточное существование неправомерны: отрицание трансцендентной основы приводит само мышление к утрате последней инстанции, т.е. того, без чего философские вопросы как философские вовсе нерешаемы, к лишению адекватного метода познания и нравственного источника. Обеднение материализмом онтологических и гносеологических проблем и бытование за счет идеалистической контрабанды крайне умаляет его научное (но не прикладное) значение.

Инородные веяния и пересадки шеллингианства и гегельянства, дарвинизма или марксизма, при всем их воздействии на формирование «русских мальчиков», скорее представляют социальную динамику, смену общественных потребностей, чем процесс национального самопознания. Русская религиозная философия же по существу своему обреталась в стороне от революционизирующих сил эпохи и пока перешла от А.С. Хомякова к Н.Я. Данилевскому, А.И. Герцена как властителя дум молодежи сменил Н.Г. Чернышевский, и тургеневские нигилисты превратились в персонажей романа Н.С. Лескова «На ножах».

По смерти ведущих деятелей классического славянофильства (1860) и после манифеста 1861 г. об освобождении крестьян настала новая фаза общественного развития, возникло почвенничество, а потом прочие славянофильские толки. Почвенничество 1860-х

[4] <*Елагин Н.А.*> Материалы для биографии И.В. Киреевского // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1860. Т. 1. С. 100.

представляло собой род универсализма, эклектично пытавшегося примирить в себе воззрения славянофильские и западнические, с явной ориентацией на проблемы социально-психологические, и потому гораздо более плодотворного для литературы, чем для философии (Ф.М. Достоевский, Ап.А. Григорьев). Синтетичность, присущая русскому мышлению, более органично проявляла себя в той сфере, которая испокон веков называлась просто словесностью и воплощалась не столько в отвлеченных построениях, сколько в живознании — в той области, где логическая схема уступает место образно-ассоциативному ряду, где мысль не доказывается, но воспринимается как прикровенно проводимая доминанта.

Начало следующего периода можно было бы отметить 1870-ми гг., что и делают В.В. Зеньковский и С.С. Хоружий, поскольку конец XIX в. прочно связан с именем Вл.С. Соловьева, чье воздействие на современных ему и последующих философов ни с чьим иным несравнимо. Для Зеньковского «первый период — до возникновения систем (XIX-ый век — до 70-ых годов)»[5]. Хоружий выделяет «предфилософский этап», основу которого составило славянофильство (вероятно, сюда же надо отнести и почвенников с Н.Я. Данилевским), и «этап общерелигиозной философии», начавшийся с работ Вл.С. Соловьева[6]. С ним миросозерцание интеллигенции существенно преломилось из экзотерического — так сказать, дольнего — в эзотерическое, трансцендентное, эсхатологическое.

Действительно, можно поставить веху на кончине П.Д. Юркевича (1874) и кануне активной деятельности Вл.С. Соловьева, но при таком подходе остались бы неакцентированными предыдущие разработки А.М. Бухарева и Ф.М. Достоевского — христологические, очень близкие русской духовности. К сожалению, проблема теодицеи, решаемая ими на современном материале, и сотериология как оправдание человека оказались в дальнейшем почти не востребованными: Вл.С. Соловьев привил к древу русской православной философии мощную гностико-софиологическую ветвь, запросившую все соки, и собственным творчеством обозначил порог, за которым христологическое направление уже не получило должного приложения сил и сохранилось едва ли не единственно благодаря влиянию Ф.М. Достоевского, чей удельный вес остался чрезвычайно высоким. Но какими бы слабыми ни казались философские построения Л.Н. Толстого, Н.Ф. Федорова и др., нельзя сводить

[5] *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 23.

[6] *Хоружий С.* Философский процесс в России как встреча философии и православия // Хоружий С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 70–71.

к Вл.С. Соловьеву столь потенциально богатую эпоху, в которой во многом синтезированы теории предшествующей поры и эссенционно содержались зачатки концепций, принесших славу философам «серебряного века». Однако есть мнение, что со смертью Вл.С. Соловьева (1900) «соловьевский» период не кончается и длится еще лет двадцать или более того: «К соловьевскому этапу следует относить творчество С. и Е. Трубецких, раннего Флоренского, раннего Булгакова, Бердяева, Лосского, Эрна…»[7] — чему наше изложение проблемы противоречит. Придерживаясь характерологического принципа, отмечаем период 1860–1890-х гг. как *идейно-проективный*. Название вызвано фразой Н.Ф. Федорова: «Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна»[8].

1900–1910-е — «серебряные» годы не только поэзии, которая тоже не чуждалась философической рефлексии (Вяч.И. Иванов, Андрей Белый и др.). Говоря о проявлениях русской религиозной философии начала XX в., довольно вспомнить интуитивизм Н.О. Лосского, персонализм Н.А. Бердяева, софиологию С.Н. Булгакова или П.А. Флоренского. Любая из новейших систем, имеющих отношение к православному философствованью, при внешнем почтении к отеческой вере стала подразумевать критику и самостоятельную трактовку канонов. Это период идейного разброда, борьбы своеволий и жажды метафизических откровений. Он осмысляется как *философско-эсхатологический*, согласно обостренному революционной катастрофой мировосприятию, хоть религиозному, хоть коммунистическому. Лучшим примером нарастания трагической константы служат сборники «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918).

В.В. Зеньковский определяет: «Второй период — возникновение систем (конец XIX-го века — первые два десятилетия XX-го века)», — и тут же очень некорректно объявляет вторым периодом деятельность Вл.С. Соловьева, а третьим «XX-ый век (после 1917-го года»[9]. 1920-й унес многих мыслителей: Л.М. Лопатин, В.И. Несмелов, Е.Н. Трубецкой словно отказались перешагнуть в 1920-е гг., и интеллигенция восприняла бы это очень болезненно, не случись лихолетье гражданской бойни. Но рубежом стал 1922 г., когда из страны выслали около сотни известных умов: отныне духовные проблемы пришлось решать в чуждой атмосфере — в Союзе Советских

[7] Там же. С. 77.
[8] *Федоров Н.Ф.* Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С. 429.
[9] *Зеньковский В.В.* Указ. соч. С. 23.

Социалистических Республик и на католическо-протестантском Западе.

Линию А.С. Хомякова с принципом соборности — Вл.С. Соловьева с метафизикой всеединства активно продолжили эмигранты. На родине их собратья ушли в культурологические изыскания, привив себе марксизм, будто оспу. В плане практической полезности правительство сохранило таких как натурфилософ В.И. Вернадский, но расстреляны П.А. Флоренский и М.А. Новоселов, умер в лагере Л.П. Карсавин, послужившие русскому самосознанию выдающиеся деятели физически уничтожены или сведены на нет жизнью по неприемлемому моральному кодексу.

Благодаря царившему стремлению работать над ошибками новый период стал *итогово-аналитическим*. После Гражданской войны обострилось внимание к урокам национального самоосмысления и появились труды Г.В. Флоровского (1937), Н.А. Бердяева (1946), В.В. Зеньковского (1948), Н.О. Лосского (1951), где особенности русского миросозерцания, его история и современное положение анализировались на высоком уровне. Дальнейшие успехи в этой сфере незначительны.

«Подлинный исторический синтез,— по словам Г.В. Флоровского, — не столько в *истолковании прошлого*, сколько в творческом *исполнении будущего*…»[10] Но на Западе не состоялось ни одного крупного русского философа, да и трудно было бы ему появиться после стольких лет обыточенности, и тяжело — в России при ее обесточенности. При утере необходимых миропредставлений Россия как родина гениальных писателей иссякла.

Предполагается состоявшаяся основная линия А.С. Хомяков — Вл.С. Соловьев — Л.П. Карсавин (или Н.А. Бердяев, или Н.О. Лосский). Может быть и иной заметный вектор, линия А.С. Хомяков — Н.П. Гиляров-Платонов — М.А. Новоселов, но тогда пришлось бы говорить о *школе.*

Итак, периоды русской религиозной философии:

— 1831–1860 — культурно-религиозный;

— 1861–1900 — идейно-проективный;

— 1901–1922 — философско-эсхатологический;

— 1923–1951 — итогово-аналитический.

Дальше — тишина. Кроме нескольких любопытных сочинений, не появилось ничего относительно существенного, что могло бы удостоверить наступление качественно нового этапа. Православный

[10] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 520.

патронат, замкнувшийся в конфессиональных проблемах, редко отдавал что-либо миру, гораздо чаще поглощая ученых в своем лоне. Интенционно близкие русской идее культурологи (М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев и пр.) не переступили край очерченного себе круга. Это время по преимуществу *немотствующее*, и посвященная исихазму книга С.С. Хоружего «Диптих безмолвия» (1991) выглядела бы символической вехой, если бы 1990-е гг. стали началом эпохи состоятельного духовного обновления.

Цитатная пора рубежа XX–XXI вв. намекает, что русской православной философии, утерявшей прямую преемственность, был уготован и период *вторичного накопления* (совпадение формулировки со «вторичным смесительным упрощением», по К.Н. Леонтьеву[11], случайно, но примечательно).

Бывшее и несбывшееся свидетельствует, что финал русской религиозной философии, отмеченный изданием ее последней истории, указан верно. Русскую религиозную философию как явление можно считать завершившейся в 1951 г. Эпигоны и диадохи оказались не на высоте призвания, чтобы поддержать ее существование на должном уровне, в соответствии с установками отцов-основателей и умением отвечать на провокации современности.

1984, 2019

Литература

Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. С. 11–28. Т. 2, ч. 2. С. 231–235.

Хоружий С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Хоружий С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 62–116.

References

Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii* [The history of Russian philosophy]. Leningrad, Ego Publ., 1991. Vol. 1, part. 1, pp. 11–28. Vol. 2, part. 2, pp. 231–235. (In Russ.)

Khoruzhii S. Filosofskii protsess v Rossii kak vstrecha filosofii i pravoslaviia [The philosophical process in Russia as a meeting of philosophy and Orthodoxy]. Khoruzhii S. *O starom i novom* [About the old and the new]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000, pp. 62–116. (In Russ.)

[11] «Нынешний объективный, безличный всеобщий реализм есть вторичное *смесительное упрощение* <…> В истории философии то же…» — *Леонтьев К.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Избр. М., 1993. С. 74.

The beginning and the end of Russian religious philosophy

© 2019, Nikolay Serebrennikov

Abstract: The article substantiates the periodization of Russian religious philosophy (1831–1951). The principle of division is the religious outlook of creative intelligentsia, changing its tendencies in one era or another. Its loss, as the author shows, led to the end of the original Russian philosophy. 1830–1850s are characterized as a cultural and religious period, since it was at this time that Russian religious philosophy solved the religion-culture relation in favor of the religion. From here, according to the author, there is a view of culture as a manifestation of a religious principle and faith in a person who replenishes itself through determination in God and the nation. Since 1861, a new phase of social development has come, the "soil-bound" school has emerged as a kind of universalism, trying to eclectically reconcile the views of the Slavophils and Westernists, with a clear orientation to social and psychological problems, and therefore much more fruitful for literature than for philosophy. 1900–1910s is the period of ideological confusion, the struggle of self-will and thirst for metaphysical revelations. It is comprehended as philosophical and eschatological, according to the worldview sharpened by a revolutionary catastrophe. The new period (since 1923) became the final and analytical one, when attention was drawn to the lessons of national self-understanding and the peculiarities of the Russian world outlook. Further success in this area is negligible. The author comes to the final conclusion that Russian religious philosophy completes its development in 1951.

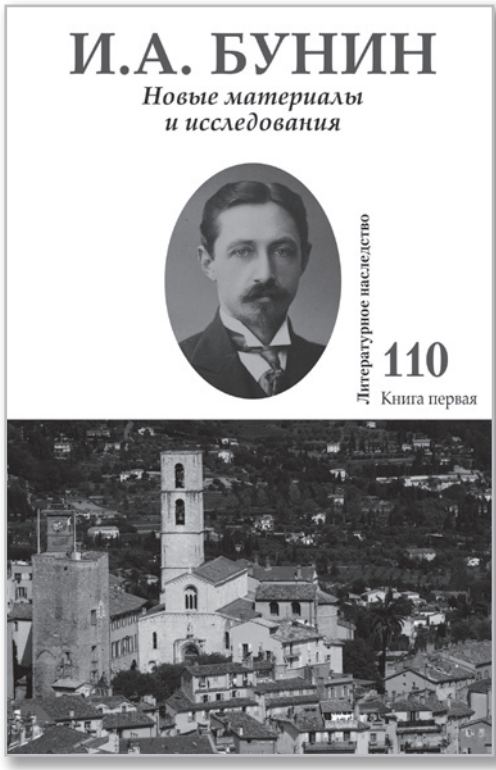
Keywords: Russian religious philosophy, periodization, theology, self-conscience, Slavophilism, intelligentsia

Information about the author: Nikolay Serebrennikov, Dr Hab, Associate Professor, Tomsk, Russia. E-mail: niva7@yandex.ru.

Citation: Serebrennikov Nikolay. The beginning and the end of Russian religious philosophy. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 421–429. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-421-429

Вышли в свет

Том 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн.
Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с., ил. — ISBN 978-5-9208-0565-2
Книга первая.

Том 110 «Литературного наследства» посвящен И.А. Бунину и начинает выходить в преддверии его 150-летнего юбилея.

В первой книге публикуются неизвестные ранние стихотворения и проза писателя, его неоконченные литературно-критические статьи и большой блок переписки. С выходом данной книги практически все неизвестные ранее художественные тексты И.А. Бунина вводятся в научный оборот: ранние стихотворения (в том числе неоконченные и наброски), впервые появляющаяся в печати повесть «Увлечение», рассказы круга «Темных аллей», наброски и неоконченные рассказы, наброски и планы второго тома романа «Жизнь Арсеньева». Больше половины книги занимает уникальная переписка И.А. и В.Н. Буниных, в которой зафиксирована почти вся их совместная жизнь. Книга снабжена научным аппаратом и содержит большое количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

Т. 111. *Андрей Белый*. Жезл Аарона.
Работы по теории слова 1916–1927 гг.
Сост., подгот., вступит. статья, текстологич. справки и коммент.
Е.В. Глуховой, Д.О. Торшилова. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 960 с.
+ цв. вклейка 32 п. — ISBN 978–5–9208–0580–5

В книге впервые собраны вместе и снабжены научным комментарием филологические труды Андрея Белого периода революции и гражданской войны — материалы статей и лекций, относящиеся к «теории слова». Несомненную ценность представляет реконструкция утраченной книги «О ритмическом жесте»; последовательно восстановлены этапы работы над книгой «Глоссолалия», которые показывают, что Белый опирался не только на антропософскую гносеологию, но и на достижения современной лингвистики. В книге воспроизведен уникальный визуальный материал — схемы и акварельные рисунки Белого, сопровождавшие черновики его статей и лекционных курсов. Материалы дают комплексное представление о состоянии «теории слова» Белого между «Символизмом», опубликованным в 1910 г., и книгами конца 1920-х — начала 1930-х гг. («Ритм как диалектика» и «Мастерство Гоголя»). Издание впервые представляет Андрея Белого как оригинального филолога-исследователя и, без сомнения, станет новым словом в литературоведении последних десятилетий.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2019 № 4 (14)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 27.12.2019

Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 27,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №